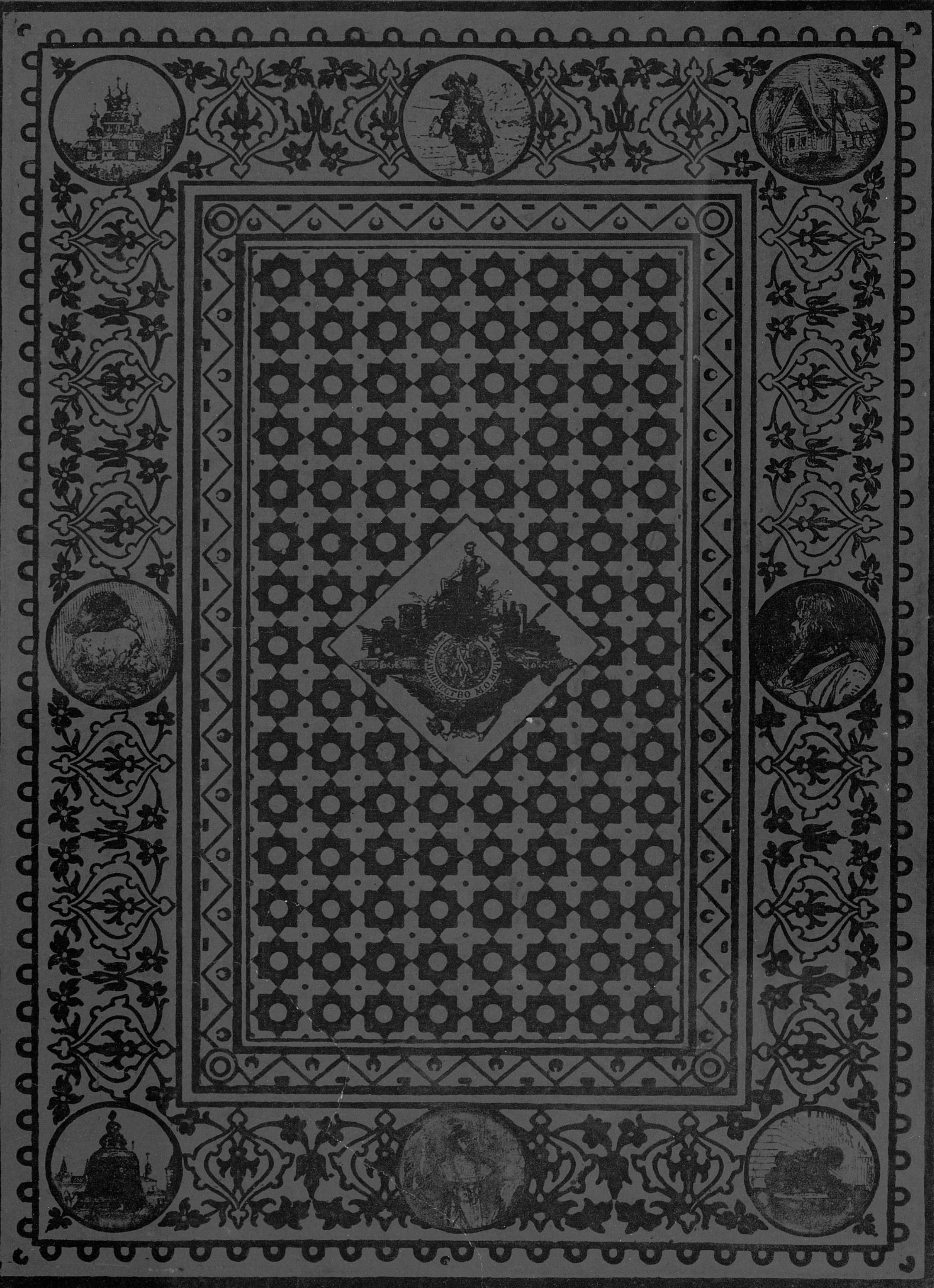
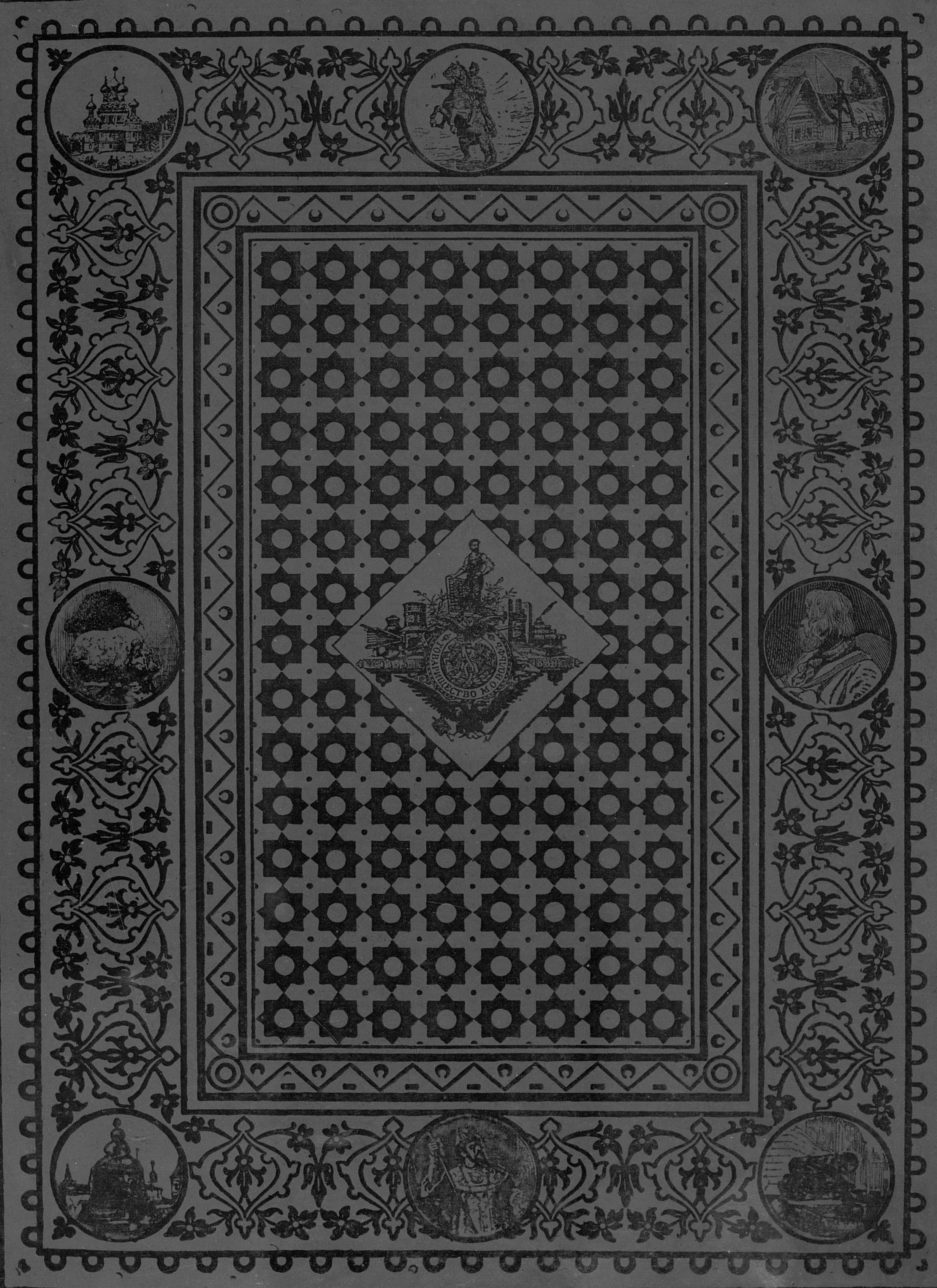
Живописная Россія

Изданіе тов. М. О. Вольфъ

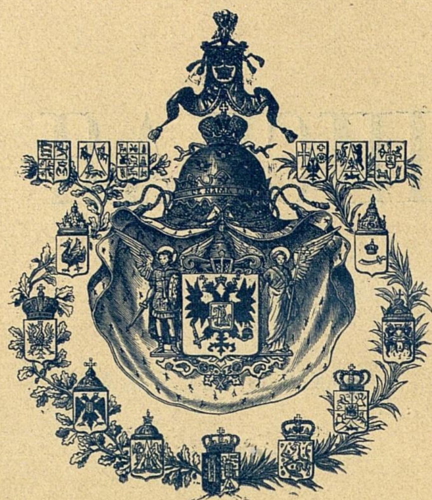


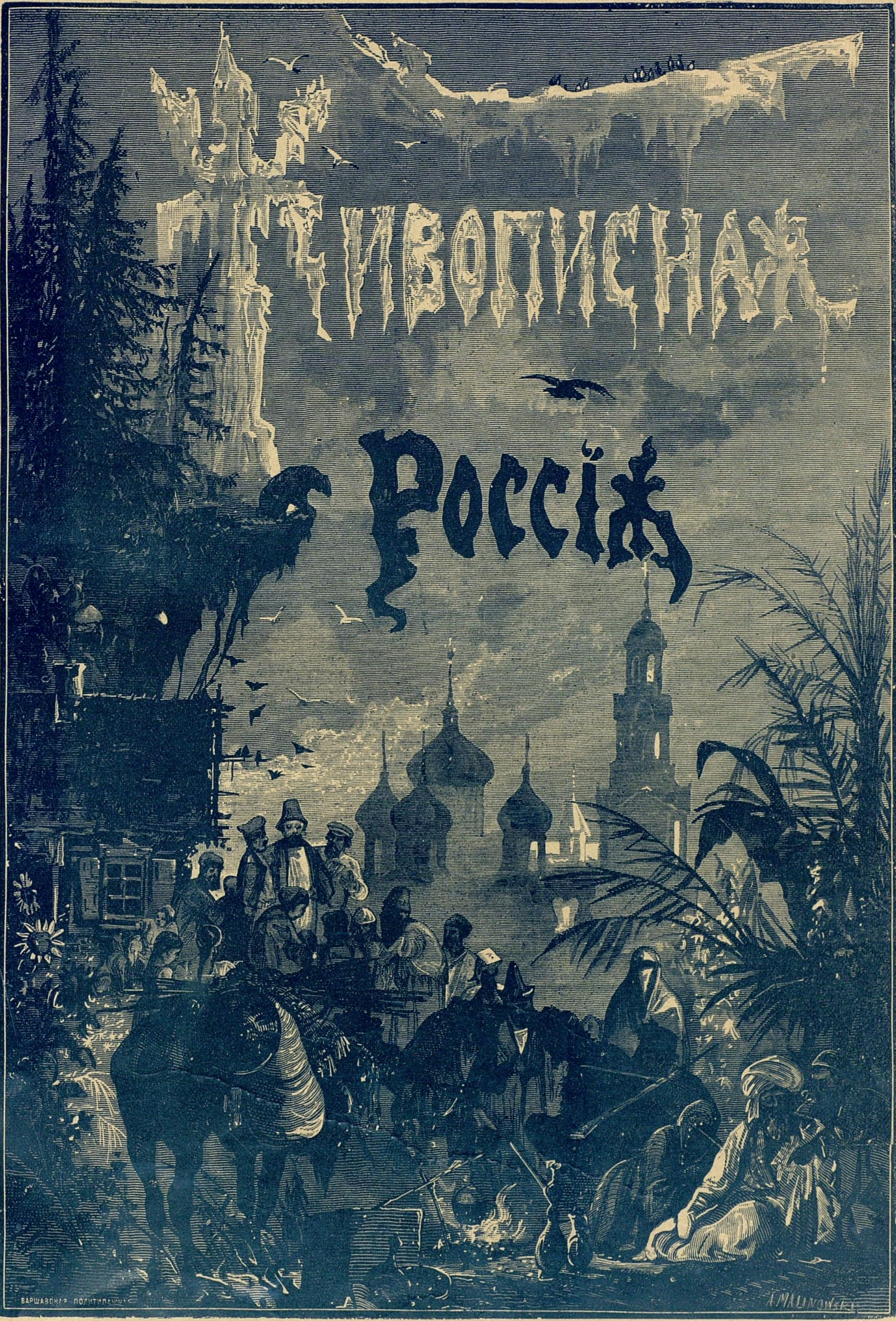

ТОВАРИЩЕСТВО М.О. ВОЛЬФЪ

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ

ТОМЪ V.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ




ЖИВОПИСНАЯ
Россія
A. MALINOWSKI

ЖИВОПИСНАЯ
РОССІЯ
ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ПЯТЫЙ

МАЛОРОССІЯ, ПОДОЛІЯ И ВОЛЫНЬ

Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Кіевская губерніи

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЪ 289 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, № 18.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, № 12.*

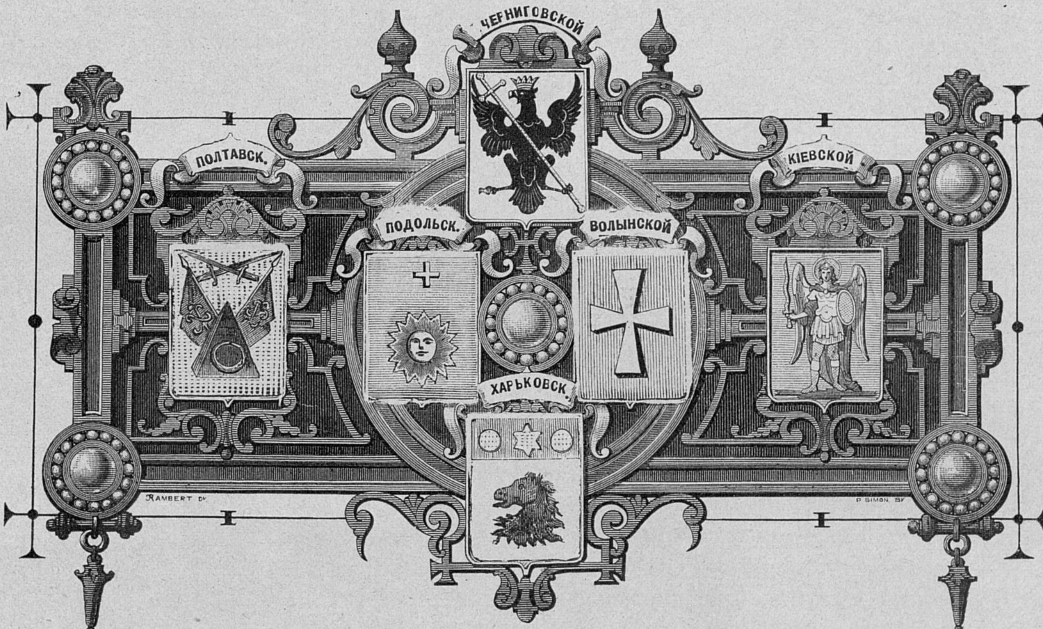
1897.

Дозволено цензурою. Спб., 1-го ноября 1897 года.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., В. О., 16 л., д. № 5—7.

МАЛОРОССІЯ, ПОДОЛІЯ И ВОЛЫНЬ.

Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Кіевская губерніи.



Гербы губерній.

ОЧЕРКЪ I.

МАЛОРОССІЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

Особенности малороссійскаго племени и его распространеніе.—Характеристика типа.—Міровоззрѣніе и повѣрья малороссовъ.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый.
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ.
Шумя тростникъ надъ озеромъ трепещетъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ.
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
А къ облакамъ, клубяся надъ водою,
Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
Туда, гдѣ сердцу было такъ легко,
Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететъ Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицкò!..

А. Толстой



Что представляетъ собою въ настоящее время Малороссія, которой прошлое отразилось на страницахъ исторіи столь яркими и подчасъ глубоко-симпатичными, эпизодически проходящими передъ нами, живыми группами историческихъ сценъ, типичными характерами личностей и такимъ драматизмомъ положеній, что невольно подкупаетъ въ свою пользу историческую память, а настоящее выступаетъ въ видѣ чего-то невыясненнаго, неизученнаго, недостаточно оцѣненнаго? Что такое теперь эта Малороссія? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ и составитъ предметъ этого очерка.

Говоря вообще, историческое прошлое Малороссіи представляетъ непрерывный рядъ поэтическихъ, исполненныхъ яркой цвѣтности и глубочайшаго драматизма трилогій, въ которыхъ главныя дѣйствующія лица входятъ на историческіе подмостки и сходятъ съ нихъ окутанныя тою же, подкупающею воображеніе, дымкою легендарности и гримированныя тою же героическою окраскою, какъ и избалованные, можно-сказать, міровою славою и міровою памятью, всѣмъ знакомые со школьной скамьи, всѣми цитируемые, постоянно вспоминаемые историческіе дѣятели классической Греціи и Рима: эти полумиѳическіе Пріамъ и Гекуба, Гекторъ и



Праздничный день.

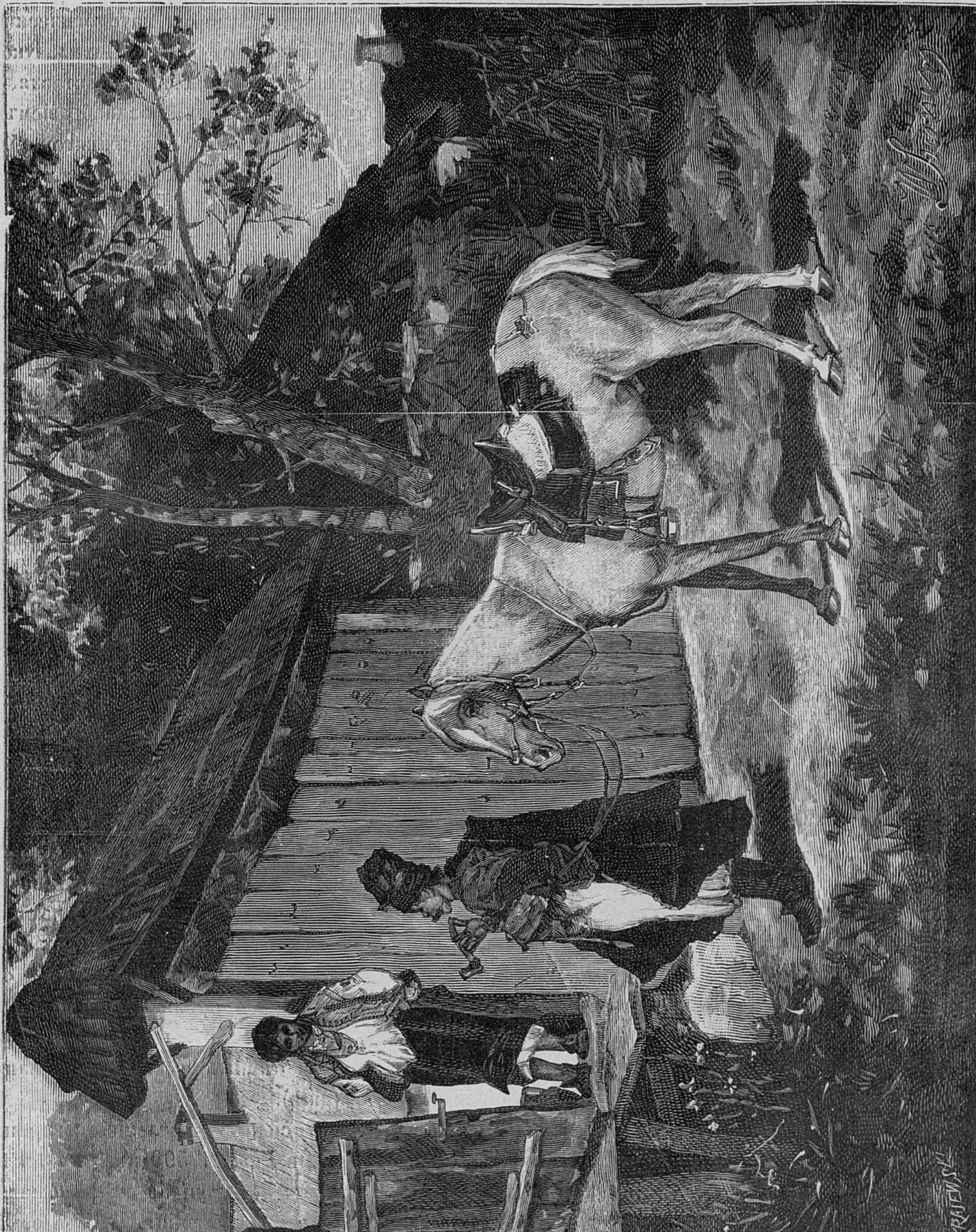
Андромаха, Патроклъ и Ахиллъ, хитрецъ Одиссей и пряха Пенелопа, Менторъ и Телемакъ, Периклъ и Аспазія, повѣса Алкивіадъ и даже его безхвостая собака, плѣшивый Сократъ и злая Ксантиппа; эти Ромулъ и Ремъ съ волчицею-кормилицею, Гораціи и Куріаціи, Нума и нимфа Эгерія, Бреннъ и его тяжелый мечъ, Манлій капитолійскій и даже гуси, простые, лапчатые гуси, и цѣлыя сотни именъ, извѣстныхъ всякому школьнику, не сходятъ до сихъ поръ съ языка всего человѣчества,—какъ, до извѣстной степени, и въ исторіи Малороссіи ярко выступаютъ изъ историческаго мрака своею картинностью историческія имена, начиная съ Вишневецкаго-Байды, «пьющаго горѣлочку» и «висящаго на крюку» въ Стамбулѣ, съ Сагайдачнаго, промѣнявшаго жену на «тютюнъ да трубку», съ Наливайка, Остраницы и кончая Богданомъ Хмѣльницкимъ съ его «чайкою-небогою», Дорошенко, что «ведетъ свое войско хорошѐнько», семидесятилѣтнимъ старцемъ Мазепою, безумно влюбленнымъ въ свою крестницу, молоденькую и хорошенькую Мотрю Кочубей,—всѣ эти имена, ихъ героическая картинность, исторически неувядаемая цвѣтность потому именно и являются такими неувядаемо-яркими, что къ созданію ихъ историческихъ обликовъ приложено *творчество народнаго духа*, что народная память прикрѣпила ихъ имена, какъ яркія пятна, къ безцвѣтнымъ страницамъ исторіи сѣрыхъ массъ народныхъ. Именно, большимъ, сравнительно, *участіемъ народнаго творчества* въ созданіи образовъ историческихъ дѣятелей мы и объясняемъ нестираемость исторической памяти съ безсмертныхъ именъ Греціи и Рима, а въ меньшемъ масштабѣ—и Малороссіи.



Гонецъ.

Свѣдѣнія о современной Малороссіи являлись въ русскомъ обществѣ какими-то несвязными обрывками, иногда ничего необъяснявшими, какими-то слухами, не всегда основательными, такъ что цѣльнаго представленія о современной Малороссіи, объ ея общественномъ, экономическомъ и культурномъ состояніи, нуждахъ, стремленіяхъ, объ ея, такъ сказать, жизненно-реальномъ и нравственномъ инвентарѣ составить было положительно невозможно, потому что все, интересовавшееся Малороссіею и изучавшее ее, попреимуществу, тяготѣло памятью, зна-

ніями и симпатіями къ грустному и поэтическому прошлому этой страны. Настоящее оставалось въ тѣни, игнорировалось, сиротствовало. Только въ послѣднее время Малороссія — не



Казакъ и дѣвушка.

архивная, не могильная, не сказочная и не пѣсенная, а живая, современная, работящая и лѣнивая, богатая и убогая—только теперь живая Малороссія стала предметомъ очень усерд-

наго изученія. И надо сказать правду—въ этомъ отношеніи такъ много сдѣлано въ послѣдніе годы, въ самый короткій періодъ времени добыто столько цѣнныхъ матеріаловъ, что, при изученіи ихъ, современный обликъ Малороссіи, обликъ полный, всесторонній, выступаетъ самъ собою, и общественный организмъ страны, съ его физіологическими и патологическими процессами, становится удобоизслѣдуемымъ. Труды П. П. Чубинскаго, К. П. Михальчука и др., изданные въ послѣднее время въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ, представляютъ такую массу драгоцѣнныхъ, буквально подавляющихъ своимъ богатствомъ, разнообразіемъ и полнотою свѣдѣній, что полное усвоеніе ихъ и воспроизведеніе живого современнаго облика Малороссіи возможны только при усидчивомъ изученіи этого богатаго наслѣдства, завѣщаннаго наукѣ на вѣчныя времена двумя помянутыми даровитыми тружениками.



Сборы на войну.

Постараемся воспроизвести этотъ обликъ хотя бы въ слабомъ очеркѣ, придать этой массѣ опубликованныхъ о ней свѣдѣній такую компактность, которая дала бы возможность читателю не растеряться въ ней, не разбросать вниманіе и не утомить его на частностяхъ, деталяхъ и неизбѣжныхъ отступленіяхъ, а обнять разомъ наиболѣе существенное, основное и, въ то же время, наиболѣе рельефное.

Подъ именемъ Малороссіи въ настоящее время понимается извѣстная группа южно-русскихъ губерній, хотя, въ сущности, самое понятіе «Малороссія» не вполнѣ уловимо, такъ какъ въ государственномъ смыслѣ оно выражаетъ собою нѣчто неполное, неопредѣленное, а въ смыслѣ этнографическомъ оно осложняется тѣмъ, что малоруссами признаютъ себя и тѣ этнографическія развѣтвленія малорусскаго племени, которыя территоріально почти не связаны съ Малороссіею, какъ напр., малоруссы черноморскіе, донскіе и даже—турецкіе (въ Добруджѣ).

Площадь, на которой въ разныя времена осѣло и понынѣ сидитъ населеніе, говорящее малорусскою или южнорусскою рѣчью, приблизительно захватываетъ 13.500 кв. миль. Рѣчь эта звучитъ въ устахъ почти 20.000,000 душъ обоего пола—очень крупная вѣтка славянскаго дерева. Одна малорусская вѣтка осѣняетъ собою въ Россіи — губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Черниговскую (за исключеніемъ уѣздовъ: Суражскаго, Могилевскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго), Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую—до Перекопскаго перешейка; уѣзды—Кобринскій, Брестскій, почти весь Пружанскій, южный уголъ Слонимскаго, часть Бѣльскаго и южную полосу Бѣлостокскаго—Гродненской губерніи; Пинскій и часть Мозырскаго—Минской губерніи; Суджанскій, Грайворонской, Бѣл-

городской, Старо-Оскольскій, Путивльскій, большую часть Ново-Оскольскаго и наполовину Рыльскій—Курской губерніи; Бирюченскій, Коротоякскій, Острогожскій, Павловскій, почти весь Валуйскій и треть Богучарскаго—Воронежской губерніи; Хотинскій—Бессарабской области; восточную половину Люблинской губерніи и юговосточную половину Сѣдлецкой, наконецъ, всю землю черноморскихъ казаковъ. Спорадически южноруское племя разбросано еще въ Россіи по землѣ войска донского, преимущественно въ округахъ Міусскомъ и Донецкомъ, въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской. Этотъ восточный клинъ, иногда разрываясь, тянется очень далеко до самаго Амура. За предѣлами же Россіи, малоруссы исторически и территоріально закрѣпили за собою, въ *Австро-Венгріи*, въ Галиціи собственно, округи: Чортковскій, Тарнопольскій, Золочевскій, Жолковскій, треть Буковины, Коломыйскій, Станиславскій, Бережанскій, Львовскій, Стрыйскій, Самборскій, Перемышльскій, Саноцкій и юговосточный уголъ Сандечскаго; въ *Венгріи* — комитаты: Мармарошскій, Беречскій, Угочскій, Унгварскій и большую часть Сукмарскаго, Саболчскаго и Земинскаго, а также часть Шаришскаго. Наконецъ, въ *Турціи*—въ области Добруджѣ, которая теперь занята русскими, въ томъ числѣ и южнорусскими солдатами.




Сцены разставанія.

Словесная культура этого 20-милліоннаго племени, отличающагося замѣчательнымъ творчествомъ, далеко еще не исчерпана собирателями этого творчества: Максимовичемъ, кн. Цертелевымъ, Лукашевичемъ, Меглинскимъ, Закревскимъ, Номисомъ, Лавренкомъ, Рудченкомъ, Кулишомъ, Шейковскимъ, Гатцукомъ, Ильницкимъ, Руссовымъ, Костомаровымъ, Срезневскимъ, Гильтебрандтомъ, Лозинскимъ, Жеготою, Головацкимъ, Паули, Вацлавомъ Залѣскимъ, Зенькевичемъ, Руликовскимъ, Стецкимъ, Новосельскимъ, и въ особенности Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ. Необходимо также упомянуть о почтенныхъ трудахъ Ефименки, Купчанки и Лоначевскаго. Это богатство словесной культуры представляетъ собою, не только въ отношеніи внутренняго содержанія, аналогичные мотивы, сводящіеся къ общимъ идеаламъ и типамъ, но и въ отношеніи матеріала, коимъ они выражаются—сходные элементы въ словахъ, оборотахъ, этимологическихъ формахъ и фонетическихъ особенностяхъ рѣчи, сводящіеся къ общимъ лингвистическимъ законамъ, составляющимъ во всей совокупности принадлежность *одного этого* населенія. Въ южнорусской великой семьѣ наблюдателя поражаетъ также всеобщность болѣе или менѣе однообразнаго міровоззрѣнія, одинаково выразившагося—на обширномъ пространствѣ всей южнорусской территоріи — въ обрядахъ, пѣсняхъ, легендахъ, сказкахъ, пословицахъ и даже думахъ—однихъ и тѣхъ же, какъ на Днѣпрѣ, такъ и въ Карпатахъ, въ Бѣловѣжской пущѣ и гдѣ-нибудь въ южныхъ степяхъ, на берегу моря и за Волгой—о бокъ съ киргизскими и калмыцкими улусами, что положительно подтвеждается громадною массою матеріала, собраннаго г. Чубинскимъ. Характеръ южноруcса обнаруживаетъ также типически-

однообразныя черты, какъ и его міровоззрѣніе, и черты эти поражаютъ наблюдателя и въ Буковинѣ, и въ Добруджѣ, и въ Кіевѣ, и въ какой-нибудь степной саратовской Баландѣ или Мачухѣ. Черты эти «болѣе всего выражаются—говорятъ наблюдатели—во всеобщей наклонности южноруса къ задумчивой созерцательности, къ задушевному лиризму», комическую сторону котораго г. Тургеневъ думалъ изобразить тѣмъ, будто бы «хохлу» достаточно взять въ руки бандуру да запѣть «краю-краю-воропаю», какъ онъ тотчасъ же и заплачетъ, а Гоголь удачно соединилъ малороссійскій юморъ съ драматизмомъ въ своемъ безсмертномъ изреченіи: «сквозь видимый міру смѣхъ зримъ невидимыя слезы».

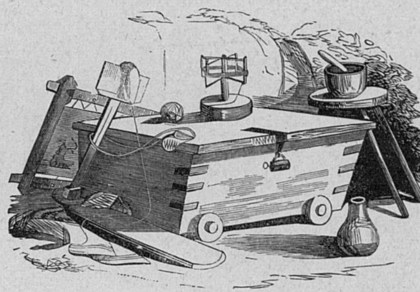
У г. Чубинскаго мы находимъ весьма обстоятельную этнографическую и антропологическую характеристику малорусскаго типа. Выводы свои онъ дѣлаетъ на основаніи 1.355 отмѣтокъ, которыя даютъ ему возможность подвести итоги и вывести среднія величины относительно типа малорусса по его «росту», по «цвѣту кожи», по «формѣ головы», по «цвѣту волосъ», по «формѣ бровей и сростанія ихъ», по «внѣшнему виду глазъ», по «цвѣту глазъ», по «величинѣ рта», по «формѣ челюстей», по «формѣ носа», по «ширинѣ носа», по «ширинѣ плечъ», по «высотѣ груди», по «ширинѣ груди», по «длинѣ рукъ», по «длинѣ ногъ», по «характеру», и по «быстротѣ походки». Среднія типичныя величины говорятъ, что между малоруссами преобладаютъ типы, которые могли создаться только подъ жаркимъ солнцемъ юга. Малоруссы въ большинствѣ случаевъ брюнеты. Свѣтловолосыхъ между ними—съ небольшимъ 28%; остальные—черные и темнорусые. Голубые глаза встрѣчаются довольно рѣдко—менѣе 18%; преобладаютъ темносѣрые; каріе и черные глаза—почти у трети населенія. По внѣшнему виду—малоруссы красивы. Лица мужчинъ мужественны, и малоруссы почти всегда кажутся старше своего возраста, если его поставить рядомъ съ сверстникомъ великоруссомъ. Въ понятіе красоты у малорусса входятъ непремѣнно «карія очи» (у красавицъ — «кари оченята») и «черныя брови» (даже «брови на шнурочку»). Тѣлосложеніе малорусса — большею частью умѣренное и даже скорѣе сухощавое, чѣмъ полное. Женщины значительно ниже ростомъ, чѣмъ мужчины, но зато довольно полны. Вообще о малорусскихъ женщинахъ наблюдатель замѣчаетъ, что онѣ — «статны и граціозны», на этотъ счетъ существуютъ даже поэтическія сравненія: «тонка́, гнучка́ та висока, якъ тополя»; по гибкости и живости—она «ясочка» и быстра «якъ рыбка». Зато и «парубокъ»—«якъ орелъ». Вообще украинка не совсѣмъ похожа на свою великорусскую сестру—«лебедушку бѣлую». И нога украинки, не знающая лаптей, такова, что любезный



Возвращеніе съ войны.

парубокъ, вызывая на ночное свиданіе свою «рыбоньку», успокоиваетъ ее тѣмъ, что если озябнутъ ея босыя «ноженьки», то онъ ихъ спрячетъ въ свою шапку.

Между малоруссами встрѣчаютъ совершенно татарскіе типы, и наоборотъ — между крымскими татарами весьма нерѣдки типичныя малорусскія лица. Есть между малоруссами и типы чистѣйшихъ «восточныхъ людей» — кавказскихъ горцевъ. Это — если можно такъ выразиться — слѣды историческихъ скрещиваній, во времена очень отдаленныя, южнорусскаго народа съ печенѣгами и козарами, съ торками, берендѣями и черными клобуками, съ горскими нагаями и татарами, которые то осаживались на южнорусской землѣ, то забирали въ плѣнъ ея женщинъ, «золотокосыхъ» и «чернобровыхъ», подоляночекъ и иныхъ полонянокъ, которыя рожали татарчатъ и сами бусурманились.



Домашняя утварь.

Дальнѣйшія характеристическія особенности малорусса заключаются въ слѣдующемъ.

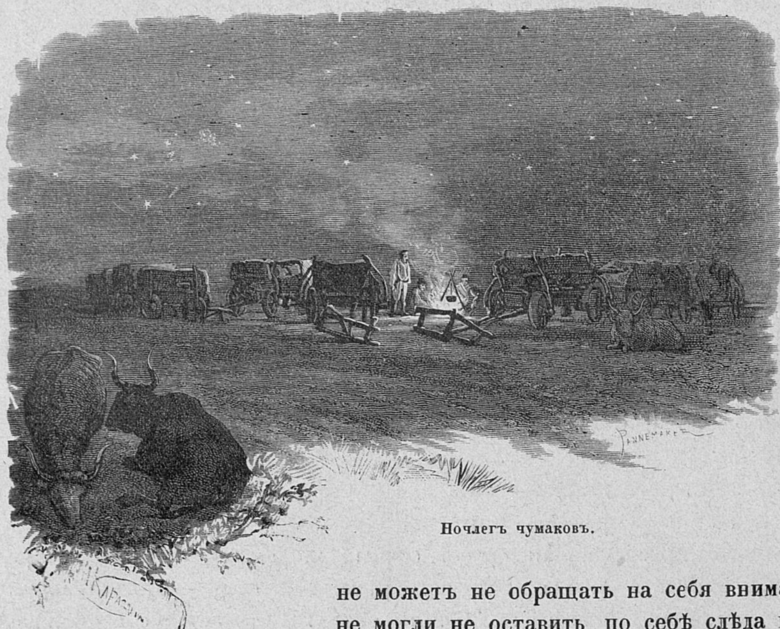
По отношенію къ уходу за своимъ тѣломъ — онъ неряшливъ. Дегтярная сорочка на «чумакѣ» — это даже нѣчто въ родѣ почетнаго признака. Малоруссъ совершенно не знаетъ бани, которая, по преданію, такъ поразила апостала Андрея. Гдѣ есть рѣка или озеро — тамъ малоруссъ купается лѣтомъ, но только когда онъ молодъ; за 30 лѣтъ онъ уже считаетъ себя старикомъ и стыдится купаться, предоставляя эту молодую забаву «парубкамъ» и «дивчатамъ». Женщины моютъ головы по субботамъ, чтобы въ «недилю» идти въ церковь; мужчины же не моютъ и по субботамъ, но зато въ церковь непремѣнно надѣваютъ «билу сорочку». Что касается до жилища, то въ этомъ отношеніи малоруссъ любитъ чистоту даже изящество: у него хатка выбѣлена, выкрашена цвѣтною глиною, «размалевана» и внутри утыкана цвѣтами и пахучими травами. «Хата» — его слабость, какъ у серба «куча». Хата должна быть «своя», а не чужая. «Дивчина» говоритъ «парубку», который хочетъ на ней жениться:

Зробы хату зъ лободы,
А въ чужую не веды.



Угощеніе странника.

Физіономія малорусса серьезна и, повидимому, даже сурова; но подъ этой суровостью кроется мягкое, глубоко-отзывчивое сердце. Выраженіе лица у женщинъ, напротивъ, большею частью мягкое, привѣтливое, съ нѣсколько грустнымъ оттѣнкомъ. Малоруссъ говоритъ, обыкновенно, медленно и лаконически. — «Бувъ на ярмарку?» — «Эге». — «Продавъ воли?» — (Кивокъ рукой). — «А де-жъ гроши?» — «Овва!» — «Пропивъ?» — (Нѣтъ отвѣта). Разговоръ конченъ. Зато женщины очень говорливы и, вообще, говорятъ бойко; между ними «цокотуха» и «сорока» — не рѣдкость. Мужчина говоритъ медленно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства,



Ночлегъ чумаковъ.

«роняетъ немного словъ, но съ вѣсомъ». Но если онъ и любитъ иногда фразу, то въ ней звучитъ серьезный юморъ. Острота его мѣтка и часто клеймитъ на всю жизнь. Напротивъ, тонъ женской рѣчи большею частью добродушно-наивный. Шутка женщины не рѣзка, и въ рѣчи ея, какъ и на лицѣ, всегда отыщется оттѣнокъ грусти. «Вообще, — замѣчаетъ наблюдатель,—нѣкоторая меланхоличность малоруссовъ не можетъ не обращать на себя вниманія. Прошедшія страданія не могли не оставить по себѣ слѣда въ этомъ племени».

Малоруссъ медлителенъ и солиденъ какъ въ походкѣ, такъ и во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Оттого онъ и прослылъ «лѣнивымъ». Люди компетентные, въ судѣ надъ малоруссомъ, говорятъ, что, дѣйствительно, нельзя не признать доли справедливости въ приданіи украинцу эпитета «лѣниваго»: онъ довольно апатиченъ и, потому, не предпріимчивъ. По сравненію съ великоруссомъ,—онъ, безспорно, лѣнивъ. Хотя онъ уважаетъ трудъ и презираетъ лѣность, но, тѣмъ не менѣе, любитъ отдыхъ, любитъ полежать при всякомъ удобномъ случаѣ. Для него отдыхъ не только потребность организма, но и большое удовольствіе. Особенно онъ любитъ полежать на зеленой травкѣ, на спинѣ, къ чему такъ располагаетъ прекрасная природа Малороссіи. Но еще пріятнѣе лежится у «садочку», подъ вишнею или подъ грушею, когда спѣлая груша сама норовитъ попасть въ ротъ. Словомъ, находятъ, что малоруссъ дѣятеленъ не потому, что у него есть потребность къ дѣятельности, а потому, что это необходимо. Женщины — совсѣмъ другое дѣло: у нихъ такъ много работы и такъ велика привычка къ труду, что онѣ не могли получить наклонности къ лѣни. Качества эти у малоруссовъ—историческое наслѣдство.



Въ вишневомъ садочкѣ.

Историческое колесо способствовало здѣсь и иному раздѣленію труда, чѣмъ въ Великой Россіи.

Умъ малорусса медленно воспринимаетъ, но зато прочно усваиваетъ воспринятое и развиваетъ его серьезно и даже глубоко. Оттого малорусса считаютъ положительно глубокомысленнымъ. Онъ очень способенъ къ умозрительной дѣятельности, а медлительность помогаетъ ему обстоятельно разобраться съ своимъ мыслительнымъ матеріаломъ. Эта-то склонность къ умозрѣнію, питающаяся, притомъ, богатою, поэтическою природою, среди которой выростаетъ малоруссъ, развила въ немъ воображеніе, способность творчества, чѣмъ и объясняется его склонность къ символикѣ, къ образамъ, къ чудесному—и съ этой стороны Гоголь глубоко заглянулъ въ душу украинца, а Шевченко перелилъ эту душу въ чудные звуки, въ чарующіе образы, въ глубоко-поэтическія думы, къ которымъ самъ обращаетъ такую безсмертную жалобу, какъ

Думы мои, думы мои,
Лихо мини зъ вами,
На що стали на папири
Сумными рядами?
Чомъ васъ витеръ не развіявъ
Въ степу, якъ пылину?
Чомъ васъ лихо не приспало,
Якъ свою дитину?—и т. д.



Въ рощѣ.

Чувствительность малоруссовъ, говоритъ г. Чубинскій, сдѣлалалась даже предметомъ насмѣшки. Малоруссовъ, и въ особенности женщинъ, легко довести до слезъ. Горестный разсказъ, грустная пѣсня вызовутъ всегда рядъ глубокихъ вздоховъ и не одну слезу горячаго сочувствія къ тому, что страдаетъ, что обижено, что само плачетъ. Эту чувствительность воспитали въ малоруссѣ климатъ и природа, съ помощью историческихъ воздѣйствій, и чувствительность эта отразилась на всѣхъ явленіяхъ жизни, на всѣхъ ея формахъ. «Любощи и кохання» между молодежью, семейная привязанность между супругами, вылившаяся даже въ такую комическую форму, какъ у «Афанасія Ивановича» съ «Пульхеріею Ивановною», и наконецъ любовь къ дѣтямъ — все это говоритъ въ пользу малорусской чувствительности, какъ чего-то національно-типическаго. «Пройдите,—замѣчаетъ наблюдатель,—лѣтомъ, въ праздники, по селу, и вы увидите не одного усатаго малорусса, суровое лицо котораго прояснилось: онъ держитъ на рукахъ ребенка и ласкаетъ его. Чувствительность, воспріимчивость и воображеніе создали ту богатую поэзію и музыку малоруссовъ, которыя получили громкую извѣстность. Дѣйствительно, малорусская народная пѣсня прекрасна, какъ по содержанію, такъ и по мелодіи, хотя, при ея монотонности, ей недостаетъ той поразительной силы, величавости, разудалости и, подчасъ, стонущей, задушающей тоски, которыя ставятъ великорусскую пѣсню во главѣ, намъ кажется, народной мелодіи всего міра. Какой-то неуловимый, если можно такъ выразиться, внутренній аристократизмъ природы и духа малорусса и изящество, такъ сказать, этого духа породили въ украинцѣ и любовь къ красотамъ внѣшней природы. Селенья ихъ покрыты зеленью и садами. Каждому хочется имѣть около своей хатки «вишневый садочокъ» или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько вишневыхъ деревьевъ, а то и «топо́лю». Ихъ «левады» обсажены вербами: верба — это что-то сросшееся съ жизнью малорусса и его жилье такъ же немыслимо безъ вербы, какъ нѣмецъ безъ колбасы. Въ каждомъ огородѣ непремѣнно найдутся цвѣты,

хоть иногда въ хозяйствѣ не хватаетъ чего-либо самаго насущнаго. Дѣвушки лѣтомъ постоянно украшаютъ головы цвѣтами: «заквичаться»—это также дѣлается само собой, какъ само собой въ жаркій день, въ полѣ, является желаніе напиться «водици изъ холодной криници». Въ хатахъ, за образами — всегда цвѣты, хотя-бы даже засохшіе, а за неимѣніемъ ихъ — искуственные, изъ цвѣтной бумаги.

Малоруссъ религіозенъ и набоженъ, съ примѣсью какого-то лиризма. Но замѣчаютъ, что эти же качества, какъ склонность къ умозрѣнію и чувствительность, развили въ малоруссѣ: первое—скептицизмъ, постоянную критику, что дѣлаетъ малорусса нерѣшительнымъ, недостаточно энергичнымъ и лишаетъ его производительнаго творчества, доводя его до старчества мысли и фантазіи; второе качество — чувствительность—порождаетъ плаксивость, грустное настроеніе, что приводитъ часто къ рюмкѣ, въ которой стараются утопить горе, иногда, можетъ быть, начесанное, фиктивное, какъ начесывается зудъ на здоровой части тѣла. Вмѣстѣ взятыя и развитыя до крайности, эти качества порождаютъ апатію къ явленіямъ



Малороссійскій хуторъ.

жизни, нравственную сонливость, равнодушіе къ общественной дѣятельности, въ чемъ упрекаютъ и образованныхъ малоруссовъ. «У ёго всяке дило въ рукахъ захолоне»—замѣчательная фраза, прямо противоположная великорусской: «у него дѣло горитъ въ рукахъ».

Но малоруссу нельзя отказать въ силѣ воли, которую создали въ немъ глубина чувства, серьезность ума и—въ значительной степени—историческая плетка. Малоруссъ, какъ скептикъ съ старчествомъ мозга и фантазіи, не легко рѣшается на что-либо; но, рѣшившись разъ, онъ также не легко отказывается отъ своего рѣшенія. Тогда онъ весь выражается въ своей пословицѣ: «говори, чорте, зъ попомъ». Отсюда и сложилось мнѣніе о «хохлѣ», какъ объ «упрямомъ», «упартомъ»: «упартый, якъ цапъ», «упрямъ, какъ хохолъ». Малоруссъ не легко соглашается съ чужимъ мнѣніемъ, какъ не терпитъ «чужой» хаты и ничего чужого. Онъ упорно держится своего: «лучче свое латане, нижъ чуже хапане». Это-то «хохлацкое упрямство» и помогло малоруссу въ его прошедшей, исполненной ужасовъ и страданій, жизни отстоять свою вѣру, свою народность, свою рѣчь; а не будь упрямства, онъ такъ же былъ бы поглощенъ сосѣдями, какъ поглощены мордва, черемисы и всякая бѣлоглазая чудь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаютъ, что эта склонность въ малоруссѣ—крѣпко стоять на своемъ, упорно преслѣ-

довать принятое рѣшеніе—въ общественной жизни часто ведетъ къ разладу, къ ссорамъ, къ отсутствію единства въ дѣйствіяхъ, къ тяжбамъ и сутяжничеству, которое у маллорусса поло-



Сосѣдки.

жительно обострилось и удачно воспроизведено Гоголемъ въ «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» изъ-за сказаннаго, просто сорвавшагося съ языка, «гусака».

Какъ на особенно замѣчательную черту въ характерѣ малорусса указываютъ на то, что онъ высоко цѣнитъ свою личность, идею которой онъ широко развилъ въ своемъ прошломъ и современномъ быту. Эта идея личности создала любовь къ свободѣ, что и выразилось въ казачествѣ, въ этомъ демократическомъ рыцарствѣ, которое тѣмъ и выше было западнаго рыцарства, что опиралось на принципѣ общинности. Но общинность эта не шла дальше сферы казачества: внѣ казачества господствовалъ полный сепаратизмъ, который и лишилъ малоруссовъ способности къ ассоціаціи.

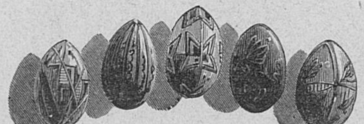
Вси покою щиро прагнуть;
Та не въ одинъ гужъ вси тягнуть:
Той направо, той наливо,
А вси брати—тото й диво!

Этотъ недостатокъ «одного гужа», которымъ, кажется, и хотѣлъ быть самъ Иванъ Степановичъ (Мазепа) проходитъ ослабляющимъ началомъ чрезъ всѣ явленія жизни и въ современной Малороссіи. Дробимость семей и стремленіе каждаго сына тотчасъ послѣ женитьбы отдѣлиться отъ отца, сепарироваться въ «свою» хату; нелюбовь къ экономическимъ и ко всякимъ ассоціаціямъ, словомъ — крайнее развитіе идеи личности перерѣзываетъ у малорусса и безъ



Въ свѣтлый праздникъ.

того слабенькую экономическую жилку, которая могла бы связать его въ общественную группу вмѣстѣ съ другими, втянуть въ дѣйствительную «громаду», существующую только на кончикѣ языка. Ловкій еврей-сосѣдъ видитъ это; видитъ, какъ раздроблены у сосѣда личныя и матеріальныя силы, какъ онъ не развитъ экономически—и доитъ его вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ онъ доилъ и продолжаетъ доить и стричь поляка. Даже въ хоровомъ пѣніи—и тамъ замѣчаютъ у малоруссовъ стремленіе пѣть изъ «своего» горла, не обращая вниманія на «громадское» хоровое горло: вездѣ личность, а не общество, не хоръ, гдѣ каждый знаетъ свое мѣсто и подчиняется логическимъ требованіямъ этого мѣста. Малоруссы, сколько-бы ихъ ни пѣло, поютъ унисономъ; организованнаго хорового пѣнія, какъ у великоруссовъ, у нихъ нѣтъ, не любятъ даже пѣнія съ запѣвомъ. У нихъ и «артель» называется «спилкою» (то-есть гдѣ люди спѣлись); но они понимаютъ одну только артель — мужа и жену: «спилка — чоловикъ та жинка».



«Крашенки» (пасхальныя яйца).

Зато идея личности, исторически воспитанная въ малоруссѣ, повела къ тому, что положеніе малорусской женщины лучше, чѣмъ великорусской. Тамъ, напримѣръ, исторія и повседневная практика выковали такіе афоризмы: «била жена мужа да еще и въ судъ повела»; а мужъ на судѣ говоритъ:

«Прости мене, моя мила,
Що ты мене била»

При характеристикѣ нравственныхъ качествъ малорусса должно быть отведено должное мѣсто тому исторически сложившемуся понятію объ украинцѣ, какъ о «скрытномъ» и «хитромъ», понятію, которое выросло на той же почвѣ, какъ и понятіе о «хохлацкомъ упрямствѣ». Понятіе это не совсѣмъ основательно. Склонность малорусса къ умозрѣнію привила къ нему нѣкоторую философскую сосредоточенность; медлительность и спартанская неразговорчивость привели къ заключенію о его скрытности и хитрости. Правда, въ каждомъ малоруссѣ, въ силу законовъ исторической наслѣдственности и въ силу нравственной преемственности, сидитъ частичка души и философа Григорія Сковороды, и философа Кифы Мокіевича, но въ немъ же сидятъ и другія души, которыя всосались его природою также исторически: въ немъ сидятъ частицы душъ Байды, Гонты и Желѣзняка; но въ то же время въ каждомъ сидитъ маленькій Гоголь и маленькій Шевченко. Правда — говоритъ компетентный наблюдатель — историческія обстоятельства, постоянныя гоненія и необходимость держать ухо востро должны были породить

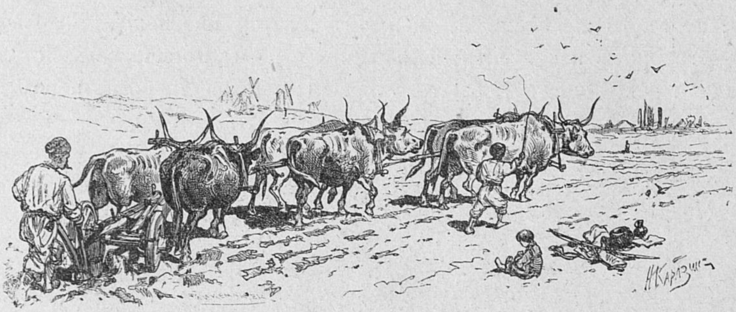


Ссора.

въ малоруссѣ недовѣрчивость и сдержанность, которыя, будучи привиты исторически, и не отстаютъ отъ натуры современнаго малорусса; но ужъ зато хитрости за нимъ наблюдатель положительно не признаетъ. Онъ скорѣе находитъ, что малорусса можно признать чистосердечнымъ. Если онъ съ недовѣріемъ относится къ пану, и вообще, какъ говорится, «держитъ камень за пазухой», то это бываетъ въ томъ случаѣ, когда онъ предполагаетъ хитрость противъ себя, во взаимныхъ же отношеніяхъ малоруссы простосердечны, искренны и добродушно-наивны.

Чувствительность и даже нѣкоторая плаксивость малорусса ведутъ за собой другія соотвѣтственныя качества въ его характерѣ — именно: лирическую привязанность къ родинѣ, къ мѣсту своего жительства, къ своей хатѣ. Великороссъ, отхожій рабочій, колеситъ тысячи верстъ вдали отъ своей избы, часто не видитъ семьи по годамъ, а иногда находитъ приращеніе своей семьи даже тогда, когда, по всѣмъ его расчетамъ, этого не должно бы быть. А мало-

руссъ, оторванный отъ родины, томится по ней, тоскуетъ, поетъ плачущія пѣсни. Для него чужая сторона—это не то что великорусская «чужадальняя сторонушка», горемъ горожена, слезами поливана, сторонушка дѣйствительно дальняя; для малорусса — свой уѣздный городъ представляется уже «чужбиною», чуть не «турецкою неволею». Пишущій это помнитъ съ дѣтства, какъ бывало чумаки изъ его родной слободы отправлялись въ городъ за солью и во всей чумацкой обстановкѣ, въ хмурости чумацкихъ лицъ, въ сосредоточенности женскихъ лицъ и во всей атмосферѣ вѣяло сознаніемъ, будто чумаки ѣдутъ въ Крымъ къ татарамъ, въ орду; а возвращаясь изъ города съ солью, они уже изображаютъ изъ себя пилигримовъ, возвращающихся отъ гроба Господня и, вмѣсто пальмовыхъ вѣтвей, вмѣсто «вѣтки Палестины», утыкивающихъ свои возы пучками бѣлаго ковыля и вѣтками можжевельника.



За плугомъ.

Изъ этого наблюдатель выводитъ, что отсутствіе знакомства съ другими мѣстностями, сидѣнье на своемъ собственномъ «грунтѣ» и исключительно земледѣльческія занятія повели къ несложности привычекъ, къ ограниченію потребностей, къ довольству малымъ, что, въ свою очередь, не могло не отразиться на нравственномъ и экономическомъ складѣ жизни. Отсюда вытекаютъ — отсутствіе всякой предпріимчивости и рутина въ хозяйствѣ. Мы даже знали одного хозяина, который, глядя на украинское хозяйство, постоянно напѣвалъ, на мотивъ — «лучина-лучинушка»: «рутина-рутинушка — украинская!...» Малоруссъ ведетъ свое хозяйство такъ, какъ велъ его Тарасъ Бульба, съ малыми развѣ новаціями. Къ ремесленной же и торговой дѣятельности онъ не имѣетъ ни малѣйшей склонности. Онъ занимается только самыми необходимыми въ крестьянскомъ быту ремеслами, и тутъ пріемы его весьма просты и грубы; издѣлія не отличаются качествомъ и вкусомъ. Великоруссъ въ этомъ отношеніи далеко опередилъ его и теперь буквально кормитъ его своей ложкой и подковываетъ сибирскимъ гвоздемъ. На хатѣ, на воротахъ, на крыльцѣ — у него нѣтъ этихъ завитушекъ, пѣтушковъ и всякаго вычурнаго орнамента. Хата—бѣла, чиста— и только. За то ярмо малорусса —это то-же, что ятаганъ у черногорца: ярмо свое чумакъ готовъ изукрасить, какъ свою любовницу. Въ одеждѣ малоруссъ тоже эстетиченъ: вышивка на рубахѣ, оторочка, вырѣзка — тутъ онъ много изящнѣе своего брата великорусса, который не идетъ дальше синей рубахи съ бѣлыми ластовицами или красной рубахи съ синими ластовицами.



Наѣздникъ.

Что особенно положительно можно утверждать о малоруссѣ, такъ это то, что онъ не не кулакъ, не барышникъ. Торговая предпріимчивость требуетъ бойкости, подвижности, быстрой сметки, умѣнья пользоваться обстоятельствами и — достаточной доли вороватости, цинически-панибратскаго отношенія къ своей совѣсти. Все это — качества, которыхъ ли-

пенъ малоруссъ. Онъ медленъ въ движеніяхъ, какъ римлянинъ въ своей тогѣ; мысль его вращается солидно, не быстро, не юрко, какъ мысль философа; затѣмъ у него много совѣстливости: онъ не можетъ допустить, чтобы объ немъ сказали, будто онъ «псови очи про-



Гаданье съ зеркаломъ.

давъ» — такъ или иначе обманулъ покупщика. Вообще торговля ему не симпатична. Да для него, какъ не любящаго разглагольствованій, она и не по силамъ, не къ рукамъ. Стоитъ посмотрѣть малорусса на ярмаркѣ: онъ не зазываетъ покупателя, и даже когда его спраши-

ваютъ: «что онъ продаетъ?»—онъ какъ-бы нехотя отвѣчаетъ. Ему чего-то стыдно. Объявивъ цѣну товара, онъ, когда ему даютъ меньше, отвѣчаетъ флегматически: «и то гроши».

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что и это качество малорусса — антипатія къ торгашеству — историческое наслѣдіе, обнаруживающее въ украинцѣ какую-то аристократическую брезгливость. Подъ старинными, кое-гдѣ сохранившимися еще, изображеніями запорожцевъ мы читаемъ характерную подпись церковно-славянскими буквами: «А чого ты на мене дивишься—хиба не угадаешъ, видкиль родомъ и якъ зовуть? Не-чичиркъ (ни капельки) не знаешъ. У мене имъя не одно, а есть ихъ до-ката, якъ улучишъ на якого свата. Якъ хочъ называй, на все позволяю, тилько крамаремъ (купцомъ) не называй — бо за те полаю. Я николи не миряю по аршину, — хиба кому изъ винтивки гостиньця подарую у спину...» и т. д. Эта гордость казацкая доселѣ сидитъ въ малоруссѣ, благо онъ мало знавалъ въ лицо родительницу торгашества — экономическую нужду. Зато малорусская женщина, часто вдовствовавшая при живомъ мужѣ-казакѣ, хорошо знала эту старушку-нужду, — и она-то научила ее быть торговкой, «перекупкой», «бублейницей», «шинкаркой» и т. д. Малорусская женщина, какъ торговка, бойка, сметлива и предпріимчива. Если мужчины выпустили изъ своихъ рукъ всякую торговлю, кромѣ продажи мѣщанами-ремесленниками своихъ издѣлій, то женскій голосъ еще имѣетъ нѣкоторую силу на рынкѣ. У торговцевъ-казаковъ черниговской и полтавской губерній въ лавкахъ сидятъ обыкновенно женщины. А когда-то все море «горилки», выпивавшееся южною Русью, переливалось въ глотки всего крещенаго міра ловкими руками «шинкарокъ». Эти гетеры кружили головы всему козацству. «Шинкарочка молодà» — это историческій типъ, который обезсмертила народная поэзія. Дѣвушку рѣдко принуждаютъ выйти замужъ за «нелюба».



Въ саду.

Объ украинскихъ дѣвушкахъ сложилось убѣжденіе, что онѣ, будто-бы, рано теряютъ цѣломудренность. Но это—ошибка. Причиной ложнаго мнѣнія о малорусской дѣвушкѣ является обычай, не существующій у великоруссовъ — это «досвитки» и «вечорници». Въ осенніе и зимніе вечера, какъ это бываетъ и въ Великой Россіи, дѣвушки собираются у какой-либо вдовы или солдатки. Тамъ онѣ прядутъ и поютъ пѣсни. Къ нимъ являются парубки — и начинается веселье, шутки, остроты, любовныя ласки. «Вечорници» — это народные клубы, народный театръ, народный балъ. Изба солдатки замѣняетъ залъ благороднаго собранія, художественный клубъ и оперу съ Патти и Нильсонъ. Вмѣсто объятій, которыя «благородная» дѣвушка допускаетъ въ мазуркѣ съ любимымъ кавалеромъ, вмѣсто этихъ замаскированныхъ

объятій неблагородная дѣвушка на вечерницахъ открыто обнимаетъ, ласкаетъ и цѣлуетъ любимаго мужчину. Мало того, по окончаніи вечера, дѣвушки ложатся спать вмѣстѣ съ своими



Досвитки или вечерницы.

возлюбленными — и, при всемъ томъ, любовь ихъ остается платоническою, хотя и бываютъ исключенія, какъ бываютъ они вездѣ и во всемъ. Вотъ этотъ-то обычай совмѣстнаго спанья

молодыхъ людей съ дѣвушками до брака и называютъ безнравственнымъ. Но чѣмъ же нравственнѣе обычай цивилизованныхъ дѣвушекъ танцовать на балу *непремѣнно* съ обнаженными плечами, руками и грудью или гдѣ-нибудь на морскихъ купаньяхъ купаться совмѣстно съ мужчинами подъ покровомъ клочка кисеи и прозрачной морской воды? И то и другое—вполнѣ нравственно, хотя иногда и не цѣломудренно. Какъ на главныя причины антицѣломудреннаго поведенія малорусской дѣвушки указываютъ на солдатскіе постои и на заводскія работы.



У плетня.

Малорусская дѣвушка, по выходѣ замужъ, становится полноправной хозяйкой. Еще до замужества она самоувѣренно говоритъ, что будетъ властвовать надъ мужемъ, а провинится мужъ — такъ и за чубъ драть. Оттого на женской половинѣ Малороссіи и сложилась пословица о мужѣ: «неси, Боже, патлатого, щобъ було за-вищо скубти». И хоть мужчины также выдумали пословицу о своемъ превосходствѣ: «соломъяный парубокъ визьме золоту дивку», однако, все-таки, соломенные мужья такъ и остаются при своихъ соломенныхъ роляхъ. Но главенство въ семьѣ не особенно услаждаетъ жизнь женщины: шапка мономаха всегда тяжела, въ какомъ бы видѣ она ни была. Тяжесть этой шапки всецѣло испытываетъ на себѣ малорусская женщина. На ней больше, чѣмъ на великорусской женщинѣ, лежатъ всѣ хлопоты по домашнему хозяйству. Она должна встать чуть-свѣтъ, истопить избу и сварить завтракъ для мужа, который въ это время можетъ еще валяться на печи, чѣмъ онъ, въ силу историческаго навыка, и пользуется весьма охотно. Пока топится печь, жена должна успѣть покормить корову и подоить ее, накормить мужа, заткнуть рты старшимъ дѣтямъ кусками хлѣба, перемыть дѣтей и посуду, наносить воды, нарубить и наносить дровъ, потому что мужъ за это дѣло не возьмется — это «жиноче дило», а его — «чоловиче дило» — благороднѣе: онъ ѣдетъ въ поле, на мельницу и т. д. А тутъ женѣ опять работа: готовить обѣдъ — «поратись». «Отпоралась» баба—тутъ опять дѣло: зашить, заштопать; тамъ подмазать, тамъ побѣлить въ избѣ и снаружи—нельзя, чистота требуется. А возня съ дѣтьми: того корми грудью и качай въ колыбели, того уйми, потому что оно оретъ, ушиблось, или просто блажитъ, ѣсть проситъ, бѣгать, ползать захотѣло. Вотъ и разрывайся на десять частей. А бѣдная женщина — одна; вслѣдствіе дробимости семействъ, она живетъ отдѣльнымъ домомъ, въ «своей» хатѣ, и въ этой хатѣ нѣтъ благодѣтельницы бабушки для дѣтей, за то нѣтъ и грозной, ворчливой свекрови, какъ у великорусской бабы. Вечеромъ — снова разрывайся: корова, коза, овцы, дѣти, печь; а тамъ за дверьми оретъ голодная свинья, куры собрались спать — и ихъ надо устроить, чтобы сова ночью не передушила. А тамъ приспичило родить... Да это просто адъ. Оттого такъ и дорога женщинѣ ея дѣвическая свобода, оттого и ловитъ она жадно «часы любви», чтобъ было чѣмъ помянуть молодость.



У колодца.

Положительно утверждаютъ, что малорусская женщина работаетъ вдвое больше мужчины. Зато она и стоитъ выше его во всѣхъ отношеніяхъ. Она, при трудныхъ обстоятельствахъ общественной жизни, при общей паникѣ, являлась не разъ активнымъ и спасительнымъ агентомъ общества. На волостной судъ и даже на мировой нерѣдко женщина являлась съ мужемъ, чтобъ защищать его или просить за него. Не даромъ «козырь-дивка» пользуется въ Малороссіи популярностью.

Говоря объ экономической неразвитости малорусса, приводятъ иногда очень вѣскія свидѣтельства въ пользу этого мнѣнія; но, по нашему мнѣнію, неразвитость эта есть—допускаемъ такое выраженіе—не что иное, какъ историческій загаръ, который скоро можетъ и сойти съ экономической физіономіи малорусса. Мужъ и жена везутъ на ярмарку продукты не очень цѣнные, часто очень скудные, и тратятъ на это цѣлый день съ парою воловъ или съ лошадью, чего великоруссъ не сдѣлаетъ (или сдѣлаетъ, да не такъ). Но тутъ-то и проявляется историческій загаръ: исторія воспитала въ малоруссѣ до нѣкоторой степени эстетическое чувство; его манитъ эстетическая сторона поѣздки въ городъ или мѣстечко; въ городъ его влечетъ и политическая любознательность — узнать, что «люди говорятъ», тамъ можно услышать и «лирника», который споетъ про старину, про «турецкую неволю», про казаковъ. А торговля — это дѣло второстепенное. Малоруссъ очень любознателенъ; любопытство развито въ немъ сильно; не даромъ говорятъ, что «хохолъ» въ Москвѣ всегда «галокъ считаетъ»: дѣйствительно, пораженный видомъ Москвы, онъ ѣдетъ по ней съ разинутымъ ртомъ, и потому попадаетъ иногда въ то комическое и даже трагическое положеніе, о которомъ разсказываютъ: проѣзжая Спасскими воротами и заглазѣвшись по сторонамъ, чумаки не сняли шапокъ при въѣздѣ въ ворота, и когда часовой сбилъ шапку съ одного чумака, тотъ съ испугу закричалъ: «заворачивай, братцы, заворачивай! мы, кажись, въ церковь заѣхали».



Бюстъ Н. В. Гоголя.

Полагаемъ, что для общей характеристики малорусса сказаннаго вполнѣ достаточно. Чтобы не утомить вниманія читателя, мы и не пойдемъ дальше въ этомъ направленіи, а приведемъ только заключительныя слова г. Чубинскаго, которыми онъ, такъ сказать, подчеркиваетъ физіономію малорусса: малоруссъ мало способенъ къ иниціативѣ. У него нѣтъ предпріимчивости, нѣтъ возбужденной энергіи, поэтому—отсутствіе практическаго творчества. Онъ стоитъ весьма низко въ дѣлѣ экономическаго развитія и зависимъ отъ другихъ. Въ области-же интеллектуальной, въ сферѣ умственной и эстетической дѣятельности онъ стоитъ высоко. Великоруссъ выше малорусса въ практическомъ творчествѣ. Въ силу этого у великоруссовъ сильно развито начало общественности, артельности; у малоруссовъ—начало индивидуальности. Поэтому-то эти двѣ русскія народности взаимно восполняютъ другъ друга. Связь между ними не формальная, а матеріальная; это—также крѣпкая связь, какою связываются противоположные полюсы магнита. Нѣкоторымъ нашимъ публицистамъ нежелательно видѣть различія культурныхъ типовъ—малорусскаго и великорусскаго; они враждебно относятся ко всякому указанію этого различія, полагая, что

различіе вредитъ единству. Но это ошибочно. У обѣихъ этихъ русскихъ народностей все-таки больше общности, чѣмъ различія. Онѣ обѣ русскія, обѣ православныя; у нихъ обѣихъ общіе враги; обѣ онѣ боролись за то величіе, какого достигла Россія; обѣ работали надъ русской наукой и литературой. Различія же ихъ, вышеуказанныя, не только не вредны, но положительно полезны. Они укрѣпляютъ связь; они дѣлаютъ малорусса и великорусса необходимыми другъ для друга. Изгладить эти различія, порожденныя условіями природы и всей прошлой исторіи, невозможно и ненужно. Малоруссъ былъ русскимъ и будетъ имъ. Если онъ такъ себя не называетъ тамъ, гдѣ онъ встрѣчается съ великоруссомъ, то тамъ, гдѣ онъ встрѣтится съ полякомъ, молдаваниномъ и венгромъ, твердо знаетъ, что онъ—русинъ».

Въ заключеніе общей характеристики малорусса, добавимъ, что природа и исторія выточили изъ него три этнографическихъ типа: «украинскій, полѣшскій» и «подольско-галицкій». Украинецъ—высокаго роста, подолянинъ—средняго, полѣшукъ—ниже всѣхъ. Первый—брюнетъ; послѣдній—больше блондинъ. У полѣшука—курная изба; у двухъ другихъ—бѣлыя. Украинецъ и подолянинъ пашутъ плугомъ; полѣшукъ — сохой. У украинца волъ въ хозяйствѣ; у полѣшука — лошадь.



Ярмарка.

Украинецъ ходитъ въ коричневой «свитѣ« (кафтанъ, чапанъ); подолянинъ—въ сѣрой; полѣшукъ — въ бѣлой. У украинца—рубаха вышита, а свита безъ вышивокъ; у подолянина — наоборотъ; полѣшукъ—совсѣмъ безъ вышивокъ. Полѣшукъ ходитъ въ лаптяхъ. Чѣмъ западнѣе малоруссъ — тѣмъ онъ неразвитѣе, приниженнѣе, суевѣрнѣе; у пана цѣлуетъ руку, полу. Украинецъ—выше всего этого, его поэзія, юморъ блещутъ умомъ, остротой. Украинецъ — это аѳинянинъ южнорусской земли, и умъ его — глубже, рѣчь его — не безъ аттической соли. И не удивительно: украинецъ — это главный кочегаръ, который заправлялъ всѣмъ процессомъ историческаго горѣнья южнорусской земли, усиливалъ огонь и уменьшалъ его, пока не перегорѣли всѣ горючіе матеріалы двадцатимилліоннаго племени, и историческая печь погасла.

Часто слышатся сѣтованія, что Европа мало знаетъ Россію. Сѣтованія эти совершенно справедливы. Но можемъ ли даже мы, русскіе, хотя съ нѣкоторою долею увѣренности сказать, что сами знаемъ эту доселѣ невѣдомую страну, въ которой живемъ вотъ уже вторую тысячу лѣтъ? Въ виду лежащей передъ нами груды книгъ съ изумительною массою новыхъ свѣдѣній, недавно собранныхъ Чубинскимъ, относительно одной только части южной половины Россіи, свѣдѣній, которыя, не задавшись упрямымъ желаніемъ изучить ихъ, положительно никто изъ образованныхъ читателей прочесть и усвоить не въ состояніи, и въ виду того, что текущая печать до сихъ поръ не успѣла даже познакомить общество съ содержаніемъ этой печатной, полной капитальнѣйшихъ данныхъ о русскомъ народѣ, груды, занимающей 3637 печатныхъ страницъ убористаго набора,—въ виду всего этого, на поставленный выше вопросъ мы отвѣтимъ отрицательно.

Мы далеки отъ увѣренности, что въ состояніи будемъ, въ настоящемъ очеркѣ, дать хотя

слабую картину того, что задумано нами и для изображенія чего мы, что-называется, можемъ пригоршнями брать факты, цифры, характеристики, не нуждаясь ни въ краскахъ, ни въ тѣняхъ, ни въ освѣщеніи ихъ, потому что всего этого слишкомъ много у насъ подъ руками; но, можетъ быть, потому-то и трудна наша задача, что она слишкомъ широка, и надо много умѣнья, чтобъ разобраться въ этихъ грудахъ фактовъ и подробностей. Однако лучше дать хоть что-нибудь цѣльное, сложить хотя модель зданія, которое должна же когда-нибудь возвести русская печать на этихъ массахъ фактовъ и показать—что такое Малороссія теперь и что выражаетъ она собой въ коллективной жизни русскаго народа.

Намъ придется имѣть дѣло не съ одними малоруссами, но и съ поляками, и съ евреями, которыхъ историческая нитка перепутала до неразрывности съ малоруссами и треніемъ своимъ даетъ чувствовать, что она законно въѣлась въ тѣло трехъ чрезполосно-живущихъ и дышащихъ народностей. Но, конечно, мы начнемъ прежде съ хозяина—съ малорусса. Прежде, чѣмъ мы покажемъ его хату, дворъ, хозяйство и образъ жизни, прежде, чѣмъ заглянемъ въ его абмары, въ поле, въ карманъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ его инвентарю, заработку, бюджету и экономическому status quo,—мы не ограничимся обрисовкой его этнографическаго типа, а познакомимся съ типомъ и образомъ его человѣчности.

Малоруссъ—это такой-же младенецъ-народъ, какъ и великоруссъ, но только еще съ болѣе дѣтскимъ отношеніемъ къ жизни и ея явленіямъ. Малоруссъ—болѣе дитя природы, чѣмъ великоруссъ. Посмотримъ на него съ этой стороны.

Весь образованный міръ воспитался на народной ѳеогоніи Греціи и Рима. Народное міровоззрѣніе русскаго человѣка русскому читателю менѣе извѣстно, чѣмъ классическое. Намъ могутъ сказать, что едва-ли образованный человѣкъ потеряетъ что-либо, если не будетъ знакомъ не только съ русскими народными бреднями, на которыя такіе мастера всѣ дикари, но и съ бреднями классическими. Но это несправедливо. На народныхъ обычаяхъ Спенсеръ строитъ свою геніальную теорію «обрядоваго правительства». Все нынѣ видимое нами, чѣмъ гордится и отъ чего краснѣетъ или долженъ краснѣть XIX вѣкъ,— все это такъ или иначе прикрѣплено своей пуповиной къ народу, какъ недоношенный ребенокъ къ матери,— и перерывать эту пуповину нельзя да и не благоразумно. Весь міровой общественный строй, въ которомъ подчасъ задыхается препрославленный XIX вѣкъ, таковъ потому именно, что таковымъ держитъ его невидимая, неуловимая для невооруженнаго глаза сила народнаго міровоззрѣнія, народнаго развитія. Не будемъ же съ забавною гордостью отворачиваться отъ народа и его бредней.



На ярмаркѣ.

Познакомимся лучше съ наиболѣе характерными сторонами малорусской ѳеогоніи.

Представленіе о *солнцѣ* у малорусса въ высшей степени оригинальное и наивно-поэтическое. Вотъ оно. Жилъ себѣ «чоловикъ и жинка», а у нихъ были сынъ и дочка. Дочка была такая красавица, что красивѣе ея не было на свѣтѣ. Увидѣло ее солнце, да и украло ночью, чтобъ взять себѣ за жену. Проснулся ея братъ, да какъ увидалъ, что нѣтъ сестры, тотчасъ взялъ котомку и пошелъ туда, гдѣ заходитъ солнце, отнимать у него сестру. Вотъ идетъ себѣ и идетъ. Наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, которыя мы опускаемъ, приходитъ туда, гдѣ садится солнце. Выходитъ къ нему сестра и говоритъ:—«Гдѣ-бы мнѣ тебя спрятать,—потому что какъ придетъ солнце, такъ оно спалитъ тебя»? Да и опустила его въ погребъ. Только-что вошла она въ хату, какъ приходитъ солнце, скинуло свои «ризы», повѣсило ихъ на погребицѣ и входитъ въ хату, а сестра и спрашиваетъ: «Гдѣ ты дѣлъ ризы?»—«Повѣсилъ на погребицѣ», говоритъ солнце.—«Тамъ въ погребѣ мой братъ—онъ навѣрное сжарился». Побѣжала туда, смотритъ... анъ братъ чуть-чуть ужъ дышетъ. Облила она его водой—онъ ожилъ и пошелъ

съ сестрою въ хату къ солнцу. Смотритъ—за столомъ сидитъ солнце, а на печи сидитъ солнцева мать, «така губата» (губастая)... Онъ тотчасъ поздоровался съ солнцемъ, пообѣдалъ или поужиналъ, а солнце и говоритъ: «Пора ужъ мнѣ всходить, да только я усталъ—не пойдешь ли ты за меня?» Надѣлъ братъ солнцевы ризы да и полѣзъ по лѣстницѣ на небо - да взялъ и поломалъ самую лѣстницу. Идетъ-идетъ онъ по небу, какъ вдругъ приходитъ на то мѣсто, гдѣ солнце завтракаетъ. Онъ сѣлъ, наѣлся, напился, да потомъ и побилъ всѣ миски и склянки, и пошелъ дальше. Идетъ и идетъ,—и вдругъ встрѣчаетъ «вѣтра»—какъ ухватитъ его за чубъ, да кругомъ себя, да какъ началъ бить «вѣтра», да все приговариваетъ: «вотъ тебѣ мука, вотъ тебѣ мука!» (Это онъ за то его билъ, что «вѣтеръ» сдулъ у брата всю муку, которую онъ несъ въ мискѣ, отыскивая сестру). А «вѣтеръ» кричитъ да дуетъ, да надулъ такую тучу, что страхъ! Поднялась буря и начала вертѣть. Онъ испугался и отпустилъ «вѣтра».



Сходка старшинъ передъ корчмою.

Буря утихла, и онъ пошелъ себѣ дальше. Идетъ и идетъ, какъ вдругъ встрѣчаетъ «мороза», да какъ ухватитъ его за чубъ, да какъ почалъ бить—«морозъ» просился, просился—на силу какъ-то вырвался и убѣжалъ. Онъ вылаялъ его и пошелъ дальше (Это онъ потому билъ «мороза», что тотъ отморозилъ ему палецъ, когда онъ отыскивалъ сестру). Приходитъ на закатъ солнца, а тамъ лѣстница, по которой солнце сходитъ на землю. Онъ слѣзъ да и ту лѣстницу поломалъ. Тогда приходитъ къ солнцевой хатѣ, снимаетъ ризы и спрашиваетъ сестру: »Гдѣ солнце?»—«Спитъ».—«Ну, такъ убѣжимъ». Солнце какъ проснулось да увидѣло, что ихъ нѣтъ, разсердилось, да разомъ на небо, чтобъ былъ день. Прибѣгаетъ къ лѣстницѣ—анъ поломана. Оно какъ начало ее ладить, такъ ужъ и обѣдать пора, а солнце все не всходитъ; люди такъ удивляются. Вотъ оно кое-какъ наладило лѣстницу да вылѣзло на небо, смотритъ—нечего ѣсть: все поразлито да побито. Оно пошло дальше. Приходитъ на полдень—и тамъ тоже. Оно пошло дальше—встрѣчаетъ «вѣтра»: «Кто это надѣлалъ?»—«Это тотъ, что шелъ

на вашемъ мѣстѣ да и меня билъ и «мороза» побилъ. Солнце такъ ругаетъ его, такъ ругаетъ, а какъ пришло на закатъ—и нельзя слѣзть. Оно какъ начало кричать, а мать услыхала—наладила кое-какъ лѣстницу, вотъ солнце и слѣзло.—«Ну, хитеръ чортовъ сынъ, говоритъ, надѣлалъ мнѣ—теперь не буду показываться людямъ цѣлую недѣлю.– Полѣзло на небо, да попросило вѣтра, а тотъ какъ нагналъ тучу, какъ началъ лупить дождь, а морозъ какъ прибавилъ—стало холодно, такъ что померзли ягнята. Да ужъ какая-то вѣдьма сдѣлала, чтобъ пересталъ дождь, потому что ея ягнята померзли.

По другому представленію солнце является въ видѣ огромнаго шара, который «выкатываютъ» изъ моря на небо тысячи чертей. При этомъ солнце своимъ жаромъ совершенно обжигаетъ ихъ, и бѣдные черти бросаются потомъ въ воду чуть-живы, и, махая руками, пропадаютъ. Изъ тѣхъ тысячъ капель, которыя отряхаютъ съ себя черти, опять рождаются тысячи чертей, которые въ свою очередь поднимаютъ солнце, опять обжигаются, купаются, пропадаютъ, рождаются и т. д. Поэтому неблагоразумно поступаютъ тѣ люди, которые умываясь встряхиваютъ руками, ибо сколько упадетъ капель, столько родится чертей.—А вотъ и свидѣтельство очевидца. Въ одномъ селѣ стоялъ домъ, въ которомъ никто не могъ жить оттого, что тамъ былъ чортъ. Въ томъ же самомъ селѣ жилъ бѣдный человѣкъ, такой бѣдный, что не имѣлъ и пристанища. Домъ тотъ принадлежалъ пану, и человѣкъ пошелъ къ пану, чтобъ позволилъ жить въ той хатѣ. Пану было все-равно, и онъ позволилъ. Бѣдный человѣкъ съ радостью пошолъ въ тотъ домъ и сказалъ: «День добрый, пане господарю!» — «Здравствуй», сказалъ чортъ, выйдя изъ угла.— «Примите меня въ пастояльцы». — «А что-жъ, можно, тебѣ хорошо будетъ жить». И правда—прожилъ онъ въ той хатѣ не мало времени и жилось ему недурно. Не разъ показывалъ ему чортъ свое добро — деньги, на которыхъ онъ сидѣлъ. Одинъ разъ какъ-то чортъ и говоритъ: «Пришла моя очередь идти выкачивать солнце, такъ я не знаю, вернусь-ли назадъ, потому насъ тамъ солнце палитъ,—такъ если меня не будетъ, то я пришлю товарища дать тебѣ знать, что меня ужъ нѣтъ». И пошелъ. Прошло не мало времени, а чорта нѣтъ. Вотъ тутъ приходитъ подъ окно другой и говоритъ: «День добрый!»—«Дай богъ здоровья, пане»,– говоритъ хозяинъ.—Тогда на это чортъ: «Когда онъ былъ твой панъ, такъ будь же здоровъ, а то ужъ все твое, что осталось въ твоей хатѣ, потому что твоего пана солнце спалило».



Съ ярмарки.

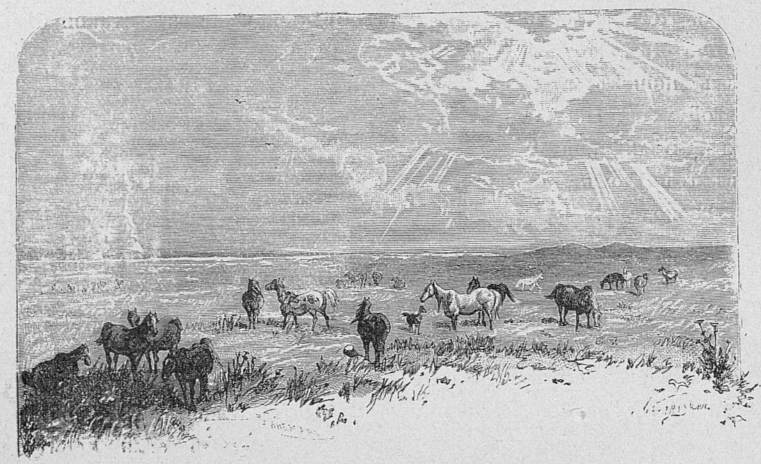
Фазы луны объясняются очень просто и наглядно. У мѣсяца есть «заслонка», которая находится въ вѣдѣніи св. Юрія. Этотъ «Юрко» постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ заслонку, отчего и происходятъ перемѣны на мѣсяцѣ.—Видимыя на лунѣ пятна, какъ извѣстно—Каинъ и Авель, которыхъ Богъ «намалевалъ» на мѣсяцѣ, чтобъ люди видѣли, какъ «братъ брата на вилахъ держитъ».

Зима и лѣто постоянно спорятъ между собою. Они сходятся обыкновенно около зачатія Анны. Зима одѣта хорошо—«въ семи тулупахъ», а лѣто—«въ одной рубашкѣ». Вотъ и начинаютъ спорить. Лѣто говоритъ: «я лучше тебя, потому что отъ меня все для жизни человѣка—хлѣбъ, овощи; у меня всѣ люди вольны, веселы, я все кормлю, а ты только сгоняешь людей въ кучу какъ свиней, и они тѣснятся, чтобъ только согрѣться». А зима говоритъ: «Если-бъ не я, то ты бы опаршивѣло». И такъ спорятъ до срѣтенья и потомъ опять расходятся.—Въ другомъ представленіи лѣто олицетворяется молодою, богатою и щедрою дѣвушкою, а зима—скупою, бѣдною старухою съ огромными зубами и костлявыми пальцами. Дѣвушка-лѣто спрашиваетъ старуху-зиму: «Зачѣмъ ты уходишь отсюда, и что ты добраго сдѣлала?»— Нечего

мнѣ ужъ быть тутъ (отвѣчаетъ зима): все что было—я съѣла, опорожнила всѣ амбары, клуни и склады, и теперь не скоро опять все это пополнится». А дѣвушка лѣто и говоритъ: «жаль мнѣ бѣдныхъ людей—пойду къ нимъ, дамъ имъ всего».

Громъ и молнія—это Богъ стрѣляетъ въ чорта. А иногда—это Илья, Юрко и Михаилъ горами ворочаютъ.

Такое явленіе, какъ *градъ*, считается наказаніемъ божіимъ. Градомъ завѣдуетъ какой-то «донской козакъ.» Онъ его «рубитъ» изъ небеснаго льда, и если полѣнится мелко изрубить, то выходитъ градъ крупный, а когда казакъ не лѣнится—то градъ мелкій. Одинъ человѣкъ самъ видѣлъ этого казака. Шелъ этотъ человѣкъ куда-то далеко, и захватила его ночь въ селѣ Каричинцахъ, около мѣстечка Деражна, Летичевскаго уѣзда. Человѣкъ, видя, что застигнутъ ночью, просится ночевать къ одному хозяну. Тотъ пускаетъ его, и прохожій ложится на завалинкѣ подъ окномъ хаты. Вдругъ, около 10-ти или 11-ти часовъ, слышитъ, пріѣзжаетъ кто-то, какъ будто бы донской казакъ, на доброй бѣлой лошади, верхомъ. Хозяинъ, услышавъ гостя, выскакиваетъ на дворъ.—«Пускай!» говоритъ пріѣзжій.—«Не пущу - отвѣчаетъ—хозяинъ — руби мельче.» Казакъ уѣхалъ, а черезъ два часа опять пріѣхалъ и говоритъ: «Пускай, а то лопну.» Хозяинъ опять велитъ рубить помельче. Казакъ опять уѣхалъ, и опять черезъ часъ пріѣхалъ — требуетъ, чтобъ впустилъ. Хозяинъ согласился, но только съ условіемъ, чтобъ хлѣбъ на поляхъ у поповъ не былъ побитъ. Прохожій не вытерпѣлъ и упросилъ не трогать и его хлѣбъ. И вотъ передъ свѣтомъ выпалъ сильнѣйшій градъ; весь хлѣбъ на поляхъ побило; осталось цѣлымъ только поле прохожаго да нетронуты были поповскіе хлѣба. Сосѣди его, видя, что его поле градъ не тронулъ, начали думать, что онъ колдунъ, и упрятали его въ острогъ. Тамъ онъ и умеръ.



Полдень въ степи.

«*Морозъ* - красный носъ» играетъ немаловажную роль въ Малороссіи, хотя тамъ часто осиливаютъ его противники—вѣтеръ, солнце и св. Онуфрій. Послѣдній даже на свои именины, поссорившись съ морозомъ, разрубилъ ему топоромъ голову и морозъ прохворалъ до 6 августа, все лѣто не показываясь людямъ. Не будь св. Онуфрія и его топора, морозъ гулялъ бы все лѣто. Малорусы разсказываютъ: шли однажды четыре человѣка—солнце, мѣсяцъ, вѣтеръ и морозъ. Повстрѣчался имъ мужикъ. «Добрый день», сказалъ онъ и пошелъ дальше. И вотъ четыре человѣка заспорили между собой: кому собственно сказалъ мужикъ «добрый день». Одинъ говоритъ—«мнѣ», другой—«нѣтъ, мнѣ» и т. д. Порѣшили догнать мужика и спросить его самого. Мужикъ посмотрѣлъ на нихъ, и видя одного потолще, страшнѣе другихъ, сказалъ, что вотъ ему-де поклонился. То былъ вѣтеръ. Всѣ позавидовали вѣтру, а солнце сказало мужику: «Погоди-жъ, я тебя испеку.» А вѣтеръ и говоритъ: «Пусть печетъ тебя солнце, сколько хочетъ, а какъ я повѣю на тебя холодкомъ, то солнце ничего тебѣ не подѣлаетъ.» Морозъ и говоритъ: «Погоди-жъ, я тебя заморожу.» А вѣтеръ опять: «Пущай морозъ какъ хочетъ морозитъ, а если я на одномъ мѣстѣ буду смирненько стоять, не буду дуть, такъ и

морозъ ничего не подѣлаетъ.» Говоритъ и мѣсяцъ: «Погоди-жъ, когда ты будешь ночью ѣхать, я такъ запрячусь, что ты низги не увидишь».—«Не бойся, говоритъ вѣтеръ, коли мѣсяцъ запрячется, такъ я такъ дуну, что сорву съ него тучи и тебѣ будетъ свѣтло.» И вотъ мужикъ, успокоенный вѣтромъ, пошелъ себѣ своей дорогой.

Самъ по себѣ *вѣтеръ*—это какой-то безпокойный усатый человѣкъ: бѣгаетъ-себѣ по бѣлу свѣту да моргаетъ однимъ усомъ. Отъ этого и вѣтеръ на землѣ. А если-бъ онъ моргнулъ обоими усами, то перевернулъ-бы всю землю. Одинъ дуракъ самъ его видѣлъ. Везъ онъ разъ солому, и вѣтеръ рветъ ее и мечетъ. Разсердился дуракъ и бросилъ въ него вилами. Вилы и пропали. Пошелъ дуракъ отыскивать свои вилы, шелъ-шелъ и набрелъ на хатку въ лѣсу. Вошелъ туда — тамъ одна старуха. Попросился ночевать — пустила. Дуракъ поужиналъ и легъ спать. Только-что началъ дремать, вбѣгаетъ въ хату человѣкъ—волосы растрепаны, лицо исцарапано, и говоритъ старухѣ: «Дай, мамо, поскорѣй ужинать, а то-мнѣ некогда: послалъ меня Богъ въ ту сторону дуть. Ужъ мнѣ и надоѣло это, да съ Богомъ ничего не подѣлаешь: старшій не будетъ меньшимъ.» — Это былъ вѣтеръ, а старуха—вѣтрова мать.

Вихрь — это большею частью чортова свадьба. Ѣхалъ чумакъ, да собравшись полдничать, держалъ въ рукѣ ножъ. Вдругъ передъ нимъ завертѣлся вихрь — вертитъ-вертитъ такъ, что дальше и ѣхать нельзя. Чумакъ терпѣлъ-терпѣлъ, да и не вытерпѣлъ — разсердился и кинулъ въ него ножемъ. Пыль тотчасъ-же осѣла. Смотритъ чумакъ — на дорогѣ, весь въ крови, лежитъ зарѣзаный чортъ. Этотъ чортъ не любитъ «сала»: когда набѣжитъ вихрь, надо сказать ему — «на сала». Онъ такъ и убѣжитъ со страху.



Вечеръ въ степи.

Какъ въ настоящее время капиталъ представляется могущественною, то творческою, то разрушительною силою, хотя не всегда умною, такъ въ понятіи народа представляется и чортъ. Подземные капиталы, клады находятся въ распоряженіи чорта; за эти капиталы люди продаютъ чорту душу—и это явленіе въ цивилизованномъ мірѣ повторяется еще чаще, чѣмъ въ темномъ народѣ, хотя образованные люди продаютъ вмѣсто души—совѣсть. Чортъ хитеръ, мужикъ очень ловко его обманываетъ. Чортъ большой изобрѣтатель: онъ выдумалъ водку, изобрѣлъ огонь, сдѣлалъ первую избу, телѣгу и т. д.

Во всемъ царствѣ животныхъ любимѣйшее для малорусса существо — *волъ*. Украинецъ надѣлилъ его всѣми совершенствами—умомъ, добротою, воздержаніемъ и проч. Оно и понятно: волъ для чумака—другъ и кормилецъ. А лошадь — существо обжорливое и проклятое богомъ. Когда родился Христосъ и былъ положенъ въ ясли, то лошадь постоянно разрывала сѣно и ѣла его, а волъ—наоборотъ: онъ прикрывалъ младенца сѣномъ, согрѣвалъ его своимъ дыханіемъ и укрылъ его отъ Ирода. Волы разговариваютъ между собою. Одинъ очень скупой человѣкъ, желая убѣдиться, что волы разговариваютъ, спрятался наканунѣ новаго года въ ясли (въ эту ночь волы всегда бесѣдуютъ). И онъ дѣйствительно услыхалъ, какъ волы гово-

рили между собою: «нечего намъ ѣсть (говорили они); нашъ хозяинъ все самъ поѣлъ; уснемъ же хоть, а то завтра намъ придется везти хозяина на кладбище». Такъ оно и случилось.

Свинья была когда-то жидовкой. Теперь свинью называютъ «жидовской теткой», и жиды не ѣдятъ свиного мяса, потому что это мясо жидовки.

О медвѣдѣ разсказываютъ, что онъ былъ когда-то человѣкомъ, именно мельникомъ. Когда Христосъ ходилъ еще по землѣ, то случилось ему однажды проходить мимо мельницы. Мельникъ хотѣлъ напугать его и надѣлъ на себя тулупъ вверхъ шерстью. Только Христосъ ступилъ на мостъ, мельникъ какъ выскочитъ оттуда, какъ зареветъ медвѣдемъ. Христосъ и сказалъ: «щобъ ты ревивъ такъ, поки свита й сонця».

Происхожденіе *волка* таково. Чортъ принялся стругать волка, и вотъ изъ стружекъ сдѣлались *шершни*, изъ меньшихъ стружекъ—*оводы*, еще изъ меньшихъ—*мухи*, а изъ самыхъ маленькихъ — *комары*. Какъ только чортъ выстругалъ волка до той величины, какимъ онъ теперь, взялъ и пустилъ его. Вотъ чортъ приводитъ волка къ людямъ и пускаетъ его на перваго человѣка. Человѣкъ взялъ добрую дубинку, спряталъ ее, а потомъ попросилъ волка позволить эму утереться его хвостомъ. Волкъ и это позволилъ, и отставилъ свой хвостъ. Тогда человѣкъ схватилъ его за хвостъ да и началъ бить. Волкъ вырвался, да на чорта. Чортъ испугался—да бѣжать. Волкъ за нимъ. Вотъ почему теперь, когда волкъ бѣжитъ, разинувши пасть, то люди его не трогаютъ, потому что волкъ бѣжитъ за чортомъ и всегда кинется на человѣка, который помѣшаетъ ему поймать своего исконнаго врага. Волками завѣдуетъ св. Юрка, у котораго въ распоряженіи находится и мѣсячная «заслонка». Одинъ человѣкъ самъ это видѣлъ. Разъ колдунъ превратилъ человѣка въ волка. Этотъ новичокъ—волкъ, бродя по лѣсу, проголодался. Въ это время по лѣсу проѣзжалъ св. Юрка на своемъ бѣломъ конѣ. Увидѣвъ голоднаго волка, онъ свиснулъ—и на этотъ свистъ прибѣжалъ другой волкъ, которому св. Юрка и сказалъ: «возьми этого товарища и научи его, что дѣлать:—онъ еще ничего не знаетъ». Св. Юрка потому распоряжается волками, что они помогаютъ ему истреблять чертей: онъ ихъ бьетъ громовыми стрѣлами, а волки—ѣдятъ чертей. «Якъ бы ихъ гримъ не бивъ та вовки не выидали, то ихъ бы такого расплодилося, що и свиту не було бъ видно».

Чрезвычайно оригинально малоруссъ объясняетъ происхожденіе вражды между *собаками* и *кошками* и почему послѣднія истребляютъ *мышей*. Однажды человѣкъ шелъ на охоту и, повстрѣчавъ двухъ какихъ-то звѣрковъ, началъ ихъ разспрашивать—кто они и откуда? Тѣ отвѣчали: «Мы прежде жили въ водѣ, а теперь будемъ жить на землѣ». — «Какъ же вы называетесь?»— «Собаки».—«А покажите паспорты» (охотникъ, вѣрно, служилъ по полиціи). Собаки вынули свои документы и показали ему. Дѣйствительно—собаки. Тогда онъ сказалъ имъ: «Смотрите, вамъ дозволено жить на землѣ только одинъ годъ и, по истеченіи срока паспортамъ, вамъ опять нужно возвращаться въ воду». Черезъ годъ онъ снова встрѣчаетъ ихъ и начинаетъ бранить, зачѣмъ они живутъ на землѣ, когда срокъ прошелъ?—«Безъ паспортовъ намъ нельзя идти въ воду»,—отвѣчали собаки.—«Гдѣ же ваши паспорты?»—«Мы отдали коту».—«Пойдите-жъ и возьмите ихъ у кота». Собаки пошли къ коту и потребовали у него свои паспорты; но паспортовъ у кота ужъ не было: они были украдены у кота мышами, которыя и съѣли собачьи документы. Съ тѣхъ поръ собаки и остались на землѣ. И оттого до сихъ поръ человѣкъ преслѣдуетъ собаку, собака кошку, а кошка мышей, и они всегда будутъ между собою непримиримыми врагами.— Объясненіе это — повторяемъ—очень оригинально и остроумно, но почему-то оно отдаетъ какою-то придуманностью, искуственностью, словно оно сочинено волостнымъ писаремъ. Не даромъ и рѣчь идетъ о документахъ, о паспортахъ. Зато другіе разсказы о кошкѣ—вполнѣ народнаго склада. Когда еще Адамъ жилъ въ раю, чортъ, обратившись въ мышь, плылъ черезъ море, чтобъ соблазнить Еву. Богородица, увидавъ мышь, бросила въ нее рукавицей. Изъ рукавицы сдѣлалась кошка и сожрала мышь-чорта. Поэтому, хотя кошка— и изъ рукавицы Богородицы, однако—считается нечистою, ибо съѣла чорта. Вообще кошка



Вѣдьма.

сдѣлала много добра людямъ. Когда Ной забралъ въ ковчегъ всѣхъ звѣрей, кромѣ мыши, то чортъ, желая сдѣлать людямъ зло, впустилъ въ ковчегъ секретно мышь, чтобъ она прогрызла въ ковчегѣ дыру и потопила его. Но кошка, увидѣвъ мышь, тотчасъ схватила ее и задушила, и чортъ остался съ носомъ.

Мы уже сказали о той громадной роли, какую играетъ чортъ. Это очень замѣчательное явленіе. Чорту приписываютъ даже, что онъ создалъ всѣхъ дикихъ звѣрей, въ томъ числѣ и собаку, и лошадь.

Заяцъ тоже созданъ чортомъ: онъ его—передовой. Оттого и встрѣча съ зайцемъ несчастлива. — *Сорока* также чортово творенье и служитъ ему вмѣсто лошади.

Зато къ *чайкѣ, дятлу* и *ласточкѣ* народъ малорусскій относится особенно съ поэтической теплотой. Чайка—женщина вдовица. Когда умеръ у нея мужъ, она превратилась въ чайку, «литала надъ его могилою и кигикала». Дятелъ—это вѣчный труженикъ: онъ весь день долбитъ, а ночью стонетъ. Надо подойти ночью къ гнѣзду дятла и послушать: онъ всю ночь стонетъ. «То въ его голова болитъ оттого, що винъ цѣлый день клювавъ». *Лелека*-аистъ—была когда-то служанкою у Богородицы. Другіе разсказываютъ, что Богъ, видя, какъ змѣи и всякіе гады вредятъ людямъ, собралъ ихъ всѣхъ въ мѣшокъ и велѣлъ какому-то человѣку бросить въ море, не развязывая мѣшка. Тотъ не послушался, развязалъ; гады разбѣжались по землѣ, и теперь тотъ человѣкъ, превращенный въ аиста, всю жизнь ловитъ ихъ и поѣдаетъ.

Представленіе малорусса о *соловьѣ* несовсѣмъ поэтическое. Малоруссъ увѣряетъ, что у этой птицы недостаетъ задней части. Ее оторвалъ «клещъ». Боясь, чтобы клещъ не утащилъ еще чего нибудь, соловей не спитъ по ночамъ и все поетъ: «кумъ-клещъ, кумъ-клещъ».



На степномъ озерѣ.

Но малорусская легенда о *жабахъ*, какъ и началѣ вражды собакъ, кошекъ и мышей, пахнетъ также чѣмъ-то сочиненнымъ, бурсацкимъ. «Якъ колись царь Давидъ кинчавъ псалтырь, та не знавъ, якъ закончити: и на уми вертиться, та не згадае, бо жабы клекотять и мишають. Давидъ думавъ, думавъ, а посли и налаявъ, — каже: «а, прокляти жабы! Мовчить, не мишайте». А жабы кажуть: «що ты намъ загадуешь мовчать?— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа». — «А справди, справди», каже тоди Давидъ, «да и закончивъ псалтырь сими словами, а жабъ поблагословивъ». Такъ и чувствуется, что это сочинилъ, во время экзаменовъ, «риторъ Тиберій Горобецъ», которому квакавшія въ пруду жабы мѣшали зубрить риторику.

Въ народной украинской жизни бурсацтво играло немаловажную роль. Всѣ мало-мальски образованные, «письменные» казаки были воспитанники бурсы. Между запорожцами былъ не малый процентъ бурсаковъ. Этимъ, намъ кажется, и объясняется то, что въ малорусскомъ народномъ міросозерцаніи «божественное» рядомъ съ чортомъ играетъ почти первичную роль.

Но помимо бурсацкихъ измышленій, которыя, однако, стали чисто-народными, большинство легендъ и представленій изобличаетъ самостоятельное творчество украинскаго народа. Фантазія его широка, хотя до крайности наивна. Онъ все истолковываетъ по своему и вездѣ находитъ причинность явленій. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо воспріимчивѣе къ силамъ и явленіямъ природы, чѣмъ его великорусскій братъ. Тамъ, гдѣ есть мѣсто для чудеснаго и сверхъестественнаго—воображеніе малорусса не знаетъ границъ, и все страшное, ужасное онъ изображаетъ самыми яркими, грубыми красками. Но зато, гдѣ есть мѣсто для юмора—юморъ этотъ также ярокъ и подчасъ грубоватъ.

Невозможно въ одномъ сжатомъ очеркѣ исчерпать все богатство, разнообразіе, оригинальность и часто глубокую поэтичность украинскаго народнаго міросозерцанія. Иныя изъ представленій связываются съ самою далекою древностью, съ тою древностью, когда совер-

шался процессъ разселенія по Европѣ славянскихъ и иныхъ народностей. Есть представленія, въ которыхъ нельзя не видѣть намековъ на что-то историческое, но такое отдаленное, которое не поддается никакимъ научнымъ догадкамъ. Вотъ хоть бы представленіе о какомъ-то невѣдомомъ народѣ — «рахманахъ». Этотъ народъ обитаетъ гдѣ-то очень далеко, на другомъ концѣ свѣта, куда текутъ всѣ рѣки, и малоруссъ почему-то питаетъ сочувствіе къ этому невѣдомому народу, точно къ брату-славянину. «Рахманы» не знаютъ времени, т.-е. не имѣютъ собственнаго счисленія дней года, и потому празднуютъ пасху тогда только, когда къ нимъ доплыветъ скорлупа крашенаго яйца, съѣденнаго на пасху въ Малороссіи. Вслѣдствіе этого, въ народѣ существуетъ обыкновеніе — выбрасывать «на великъ день» скорлупы «крашанокъ» въ рѣку, по которымъ бѣдные «рахманы» могли бы догадаться, что на Украинѣ настала пасха. Скорлупы эти доплываютъ къ «рахманамъ» въ три недѣли, именно къ празднику преполовенія, который поэтому у малоруссовъ и называется «рахманскимъ великоднемъ».

Въ воображеніи малорусса до сихъ поръ живетъ не мало миѳическихъ существъ. Есть необыкновенныя птицы, которыя, растопыривая огромныя крылья, заслоняютъ свѣтъ солнца: птицы эти могутъ летать безъ отдыха сорокъ сутокъ. Есть «морськи-люди» — на половину имѣютъ человѣческое туловище, а на половину—хвостъ рыбы. Это большею частью женщины, которымъ народъ приписываетъ произведеніе всѣхъ пѣсенъ, существующихъ на землѣ. Пѣніемъ своимъ онѣ завлекаютъ пловцовъ и губятъ ихъ. Удивительная живучесть народныхъ вѣрованій! Въ «морскихъ людяхъ» до сихъ поръ живутъ миѳическія сирены.

«Сыроиды» — люди съ одною рукой, съ одною ногой и съ однимъ глазомъ. Они сцѣпляются по-двое и бѣгаютъ необыкновенно быстро. Пойманныхъ людей они рѣжутъ и ѣдятъ. Живутъ въ «Туреччини за Дунаемъ»—это въ Болгаріи, значитъ. Въ селѣ Капустянахъ и теперь еще живетъ солдатъ, который былъ у нихъ въ плѣну, да товарищи выручили. Таковы-то географическія и этнографическія свѣдѣнія, вынесенныя нашимъ солдатикомъ, сподвижникомъ Дибича, изъ-за Дуная! Теперь, вѣроятно, эти свѣдѣнія пополнятся.

Понятія о первобытныхъ человѣческихъ изобрѣтеніяхъ, о первыхъ культурныхъ шагахъ человѣка поражаютъ иногда своей оригинальностью. Память народная, при помощи устныхъ преданій, доселѣ не разорвала еще связи съ допотопнымъ міромъ, съ каменнымъ періодомъ жизни человѣческихъ обществъ. Изобрѣтеніе серпа, косы, плуга объясняется очень просто. Напримѣръ, стояла на землѣ кузница; по обыкновенію, кузницы кроются не деревомъ, не соломой, а просто землей, изъ предосторожности отъ огня; на крышѣ кузницы выросла трава; люди, не имѣвшіе понятія о косьбѣ травы, встаскиваютъ на крышу кузницы вола, чтобы онъ съѣлъ выросшую тамъ траву; проходитъ мимо мудрецъ, видитъ вола на кузницѣ, входитъ въ кузницу, показываетъ кузнецу, какъ сдѣлать косу, даетъ эту косу людямъ, которые скашиваютъ выросшую на кузницѣ траву и отдаютъ волу. Отсюда и пошла коса по міру и люди не втаскиваютъ ужъ воловъ на крыши для пастьбы.

Мы взяли только нѣкоторыя черты изъ народнаго міровоззрѣнія, черты, характеризующія малорусса. Мы не касались ни его преданій, ни сказокъ, ни пѣсенъ—это слишкомъ обширный предметъ, чтобы его можно было уложить въ рамки журнальнаго очерка; притомъ же, предметъ этотъ не новъ въ русской печати; онъ имѣетъ уже свою богатую литературу. Малорусская поэзія—пѣсни историческія и бытовыя—вызывала спеціальные труды ученыхъ и не достаточно обработана. Достаточно указать на прекрасныя и обширныя изслѣдованія въ этой области Н. И. Костомарова, чтобы убѣдиться, что это непочатый уголъ Малороссіи. А мы въ данномъ разѣ касаемся именно непочатаго угла. Притомъ пѣсни и сказки принадлежатъ къ прошлому, къ тому прошлому, о которомъ авторъ безсмертныхъ «Пана та собаки» да «Солопія и Хиври», покойный Гулакъ-Артемовскій сказалъ:

Эге! було, та поплило —
Его не вертати!

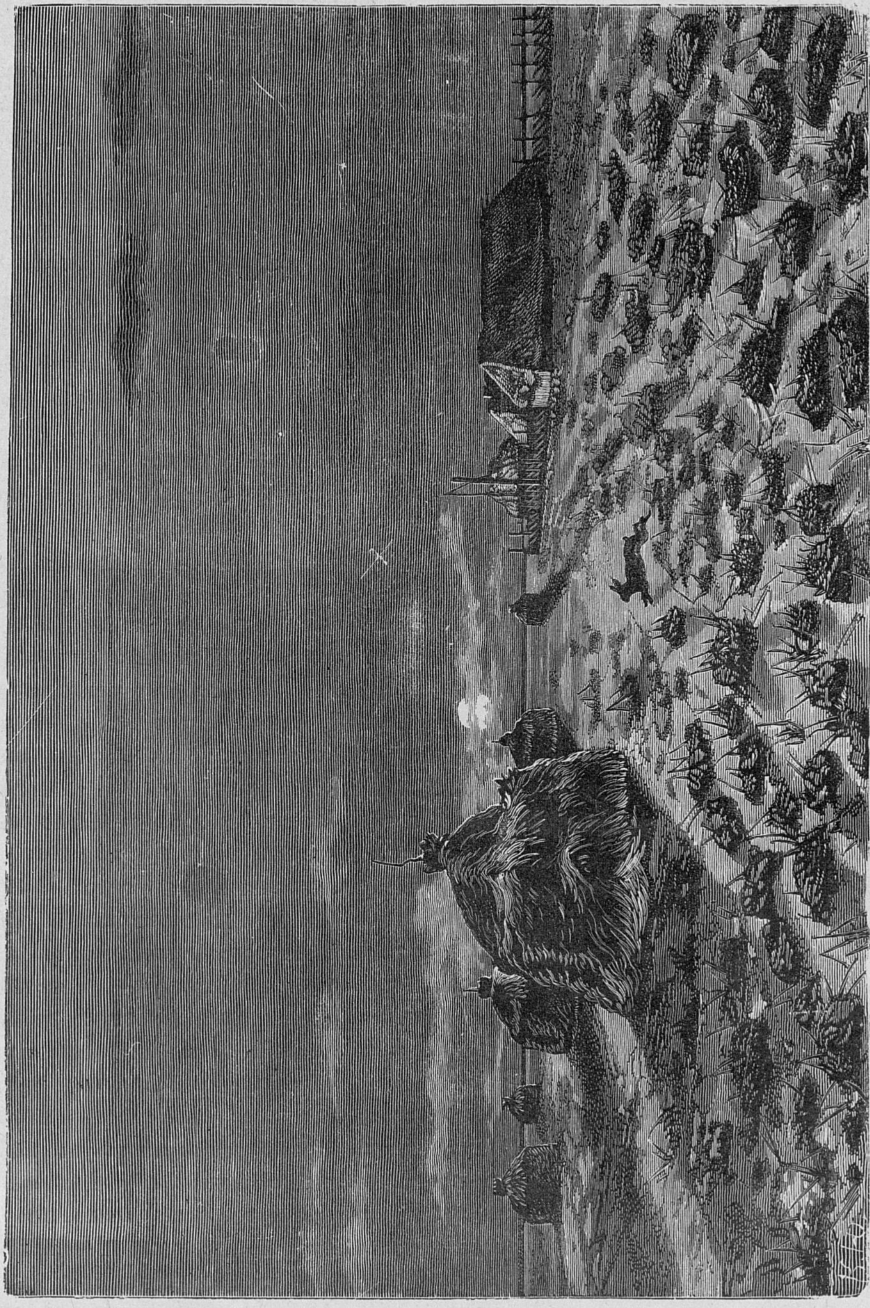
Этимъ црошлымъ Малороссіи уже достаточно занимались въ ущербъ настоящему; мы же обозрѣваемъ настоящее, которое для всѣхъ, интересующихся Малороссіею, едва-ли не менѣе извѣстно, чѣмъ прошлое. А это — нехорошій признакъ: равнодушіе къ настоящему и оглядываніе назадъ, въ прошедшее—признакъ старчества. Старость любитъ переноситься въ годы своей золотой молодости: тамъ и воспоминанія ея полнѣй, и интересы прошлаго для нея существеннѣе; событія мододости она помнитъ какъ-бы происшествія вчерашняго дня — имена, факты, ощущенія, картины—все это живо сидитъ въ старческой памяти, и старость любитъ повторять: «то-то было въ наше время». Зато событія вчерашняго дня, текущій день и его подробности старость не помнитъ, а иногда даже спрашиваетъ: «да обѣдали-ли мы сегодня? какой ныньче день?» Мы не хотимъ этимъ сказать, что Малороссія переживаетъ старческіе годы; нѣтъ, мы только хотимъ заявить, что современная Малороссія менѣе обращала на себя вниманіе изслѣдователей, вниманіе печати, чѣмъ Малороссія отжившая. Если Малороссія и появлялась въ современной литературѣ, то только такъ-сказать въ барской обстановкѣ и въ вопросѣ спеціально-литературномъ, то-есть въ вопросѣ, имѣется ли и возможна ли самостоятельная малорусская литература? Этого вопроса мы всего менѣе намѣрены касаться, такъ какъ хотя на рѣшеніе подобныхъ вопросовъ и претендуетъ всегда типографскій станокъ, однако, самымъ рѣшеніемъ ихъ заправляетъ жизнь, исторія, время, вся сумма жизненныхъ условій, какъ она направляетъ, напримѣръ, рѣшеніемъ вопроса: что ожидается въ будущемъ году — урожай или неурожай? Мы потому и устраняемся отъ этого вопроса, что онъ сталъ почему-то «проклятымъ».



Ночью въ степи.

Стремленіе къ изученію современной Малороссіи хотя проявилось и недавно, однако результаты этого стремленія уже и теперь представляются весьма солидными. Достаточно упомянуть имена лицъ, трудами которыхъ въ послѣдніе годы много подвинулось впередъ освѣщеніе настоящаго образа Малороссіи, и указать, на какія стороны изучаемаго предмета обращено вниманіе изслѣдователей и собирателей, чтобы видѣть, что въ настоящемъ и будущемъ можетъ быть наверстано то, что потеряно въ прошедшемъ: проф. Кистяковскій разработалъ массы собранныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ; проф. Антоновичъ представилъ до 100 извлеченій изъ процессовъ о колдовствѣ; г. Залюбовскій далъ богатый сборникъ игръ, сказокъ и другихъ этнографическихъ матеріаловъ; г. Дыминскій — сборникъ повѣрій, загадокъ; г. Струцинскій— сборникъ вѣрованій, суевѣрій и легендъ; г. Воронецкій — сборникъ обрядовъ, народныхъ вѣрованій; въ томъ же и другихъ направленіяхъ работали: гг. Чередниченко, Кравцовъ, Раевскій, Ильяшевичъ, Волкъ, Руссовъ, Лисенко, Кардашъ, Новицкій, Симиренко, Чернецкій, Андреевскій, Столбинъ, Ждановъ, Ѳедоренко, Ящинскій, Хойнацкій, Касьяненко, Ильницкій, Савченко, Поленковскій (обширное собраніе матеріаловъ, касающихся обрядовъ, повѣрій, праздниковъ, занятій и юридическаго быта *евреевъ*).

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ ознакомленію съ другими сторонами современной Малороссіи, добавимъ нѣсколько замѣчаній относительно тѣхъ практическихъ примѣненій народнаго



По первой порошѣ.

міровоззрѣнія, которымъ малоруссъ даетъ мѣсто въ самой жизни. Это—его отношенія къ окружающей природѣ.

Исходя изъ своего міровоззрѣнія, малоруссъ никогда не рѣшится ударить кого-либо осиновою палкою—не только человѣка, но и скотину, потому что на *осинѣ* Іуда повѣсился,

отчего ея листья постоянно трясутся. *Бузину* нельзя ни уничтожать, ни выкапывать, ибо у того, кто это сдѣлаетъ, сведетъ руки и ноги. Вслѣдствіе этого росту бузины предоставляется полная свобода. Когда у скотины заведутся черви, то надо утромъ, до солнечнаго восхода, пригнуть *коровякъ* къ землѣ и прикрыть камнемъ, употребляемымъ при варкѣ бѣлья: отъ этого черви выпадутъ сами собой. Въ *любисткѣ* купаютъ дѣвочекъ, чтобы ихъ любили мужчины. Кого всѣ любятъ о томъ говорятъ: «мабудь тебе мати у любцы купала». *Чернобыль* затыкаютъ подъ крышу, какъ талисманъ. *Доминисъ* употребляютъ для избѣжанія рекрутства: онъ будто бы дѣлаетъ нарывы на тѣлѣ. Пока *просо* не посѣяно, то на дворѣ нельзя ни обѣдать, ни ужинать, и т. д.

Какъ можно видѣть изъ всего сказаннаго выше (а это, можетъ быть, тысячная доля того, что есть на самомъ дѣлѣ), вся жизнь малорусса, его мысли, его поступки, каждый шагъ, всякое рѣшеніе—все это невольно подчиняется его міровоззрѣнію, которое создаетъ такую сѣть обрядности, заправляющей самою жизнью, что выходъ изъ нея почти невозможенъ. Это та первобытная обрядность, изъ которой создается такъ-называемое Спенсеромъ «обрядовое правительство». Это послѣднее держитъ еще малорусса въ полной, автократической зависимости и отражается, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, на всей его жизни—на медленности его культурнаго, экономическаго и соціальнаго роста.

Извѣстно, что всѣ западные цивилизованные народы, можно сказать, давно уже *отпѣли* свою народную пѣсню: тамъ она уцѣлѣла только кое-гдѣ въ глуши, и то въ обрывкахъ. Одинъ славянскій міръ продолжаетъ еще пѣть по-старому. Самыми пѣвучими изъ славянъ остаются сербы и русскіе съ украинцами. Нельзя не изумляться хотя бы при чтеніи доклада географическому обществу г. Чубинскаго о результатахъ его этнографической экспедиціи въ югозападный край, доклада, въ которомъ даровитый этнографъ говоритъ, что, собравъ въ теченіе одного съ небольшимъ года массу этнографическихъ матеріаловъ (относительно поражающаго объема ихъ мы уже упомянули выше), онъ, несмотря на имѣющіеся уже богатые сборники украинскихъ народныхъ пѣсенъ г.г. Цертелева, Максимовича, Метлинскаго, Костомарова и др., успѣлъ записать около *четырехъ тысячъ* новыхъ пѣсенъ и варіантовъ, да г. Новицкій тамъ же собралъ—*болѣе пяти тысячъ*! Такое богатство народнаго творчества—это что-то положительно изумляющее. Составить изъ всего этого неисчерпаемаго источника краткій очеркъ, выжимку, такъ-сказать, въ какой-нибудь печатный листъ для читателя, незнакомаго съ прежними прекрасными трудами о народной украинской поэзіи г.г. Костомарова, Рудченка, Кулиша, Руссова, ни съ самою этою поэзіею—дѣло почти невозможное. Приходится ограничиться нѣкоторыми наиболѣе яркими, выдающимися сторонами этой богатой поэзіи.

Украина любитъ пѣть болѣе, чѣмъ какая-либо другая страна въ мірѣ—это такой пѣвучій край, что въ хорошую весеннюю ночь любое украинское село, если оно только не поражено какимъ-либо бѣдствіемъ, поетъ отъ зари до зари, какъ соловей. Молодежь—«дивчата» и «парубки»—поютъ на улицѣ (то, что въ Россіи хороводъ) неумолкаемо. Пѣсня не умолкаетъ и и зимой—на «вечерницахъ». Весь лѣтній день—опять пѣсня: поетъ молодежь и за работой—на огородѣ, въ «вишневомъ садочку» и въ полѣ; поетъ и пожилая женщина что-либо подходящее къ ея возрасту: шьетъ мужу сорочку—поетъ; идетъ за водой до «криницы»—поетъ; оплакиваетъ покойника—опять пѣсня; поетъ и старость, безпомощность, нищенство: слѣпой «кобзарь» заработываетъ себѣ хлѣбъ пѣніемъ пѣсенъ, а подчасъ—и «думъ», все болѣе и болѣе вымирающихъ.

Украинская пѣсня распадается на два главныхъ отдѣла—на пѣсню историческую и на бытовую, въ широкомъ значеніи этого слова. Самымъ дорогимъ образцомъ исторической пѣсни является «дума»—это осколокъ временъ героическихъ, временъ «казачины»; а носителемъ этого дорогого и славнаго героическаго прошлаго является «кобзарь»—тоже своего рода драгоцѣнный историческій осколокъ, съ помощью котораго для насъ становится понят-

нымъ Гомеръ съ его народнымъ міровоззрѣніемъ. Украинскій «кобзарь» или «бандуристъ» представляетъ собою живое выраженіе тѣхъ явленій прошлой жизни, которыя извѣстны намъ только изъ исторіи: «кобзарь»—это «рапсодъ» классическаго міра, уцѣлѣвшій Гомеръ, бардъ западныхъ народовъ, давно уже умершій. Только въ славянствѣ живъ еще этотъ Гомеръ у сербовъ—«сліепачки ніебога», у украинцевъ—«кобзарь», у русскихъ—«сказатель». Но—повторяемъ—все это вымираетъ и въ славянствѣ, какъ вымерло на западѣ, и казацкія «думы» годъ отъ году вымираютъ. Это—неизбѣжный ходъ исторической жизни. «Думы малорусскія казацкаго періода забыты, почти окончили къ настоящей минутѣ свое существованіе (говоритъ г. Руссовъ въ своемъ прекрасномъ рефератѣ—«*Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ*»); народъ, переставъ творить новыя пѣсни, забылъ старыя, и еслибы изданія Цертелева, Максимовича, Мордовцева (прибавимъ—Метлинскаго и Чубинскаго), Костомарова, Лукашевича и Кулиша не успѣли захватить ихъ во время, теперь уже всѣ попытки отыскать ихъ были бы напрасны. Въ позапрошломъ и прошломъ уже десятилѣтіи П. А. Кулишъ, нарочно объѣзжая Малороссію и Украину съ цѣлью разыскать въ народѣ преданія о казацкой старинѣ, могъ найдти двухъ только истинныхъ бандуристовъ или, иначе, *кобзарей*, знавшихъ старыя думы: это были—Андрей Шутъ и Остапъ Вересай. Въ его уже время бандуриста можно было найти только на лѣвой сторонѣ Днѣпра, что объяснялъ онъ историческими условіями, обезлюдившими эту сторону Днѣпра въ періодъ руинъ и Коліивщины *)». Однимъ словомъ,—Остапъ Вересай считается, кажется, послѣднимъ представителемъ историческаго кобзаря, память о которомъ скоро исчезнетъ, какъ о явленіи давно отжившаго строя жизни.

Тѣмъ драгоцѣннѣе должны быть для насъ тѣ «думы», которыя пѣлъ этотъ послѣдній кобзарь. Онъ пѣлъ ихъ всего шесть думъ: 1) *Дума про бурю на Черномъ морѣ;* 2) *Какъ три брата изъ Азова убѣгали;* 3) *Про вдову и трехъ сыновъ;* 4) *Отчимъ;* 5) *Невольницкая* и 6) *Дума про Ѳедора Безроднаго.*

Какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1877 г.) Вересай, по распоряженію географическаго общества, былъ привозимъ въ Петербургъ и пѣлъ свои думы, какъ въ этомъ обществѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Впечатлѣніе, произведенное имъ на слушателей, было очень сильное. Вотъ какъ г. Руссовъ характеризуетъ этого послѣдняго кобзаря: «Какъ артистъ, Вересай принадлежитъ къ числу недюжинныхъ талантовъ. Самъ онъ поетъ съ глубоко-прочувствованною экспрессіею и при исполненіи нѣкоторыхъ мѣстъ своихъ пѣсенъ иногда заливается слезами. Съ такою же степенью напряженія относится онъ и къ чужому артистическому исполненію. Несмотря на свой старый возрастъ, при исполненіи малорусскаго казачка, онъ пустился однажды въ плясъ, причемъ вся фигура его дышала огнемъ неудержимой страсти. Попавъ въ общество, гдѣ пѣлись малорусскія пѣсни и думки и, прослушавъ нѣкоторыя съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ какъ-то судорожно заплакалъ: «свите мій, свите! хочъ и не бачишь тебе—якій же ты гарный!—а помирати жъ якъ не хочеться!»

Приведемъ здѣсь одну изъ «думъ», именно ту, которую пѣлъ Вересай въ географическомъ обществѣ. Для читателей, не понимающихъ по-малорусски, мы передадимъ ее по-русски, въ буквальномъ переводѣ, хотя не можемъ не признаться, что такія народныя созданія, какъ «думы», переводить нельзя и что во всякомъ случаѣ такой переводъ будетъ до нѣкоторой степени искаженіемъ оригинала.

Вотъ эта «дума». «Ой то не пыли пылили («пыль»—во множественномъ числѣ), не туманы вставали, какъ изъ земли турецкой—вѣры бусурманской, изъ города изъ Азова, изъ тяжкой неволи, три братенька убѣгали: два конныхъ, третій пѣшій-«пѣшаница», какъ бы тотъ чужой-«чуженица», за конными бѣжитъ-подбѣгаетъ, на сырое коренье, на бѣлое каменье

*) „Записки юго-западн. отдѣла Импер. Русс. геогр. общ." т. I. Кіевъ, 1874.

ножки свои казацкія посѣкаетъ, кровью слѣды заливаетъ, до конныхъ братьевъ добѣгаетъ, за стремена хватаетъ, словами промовляетъ: «Стойте вы, братцы! коней попасите, меня подождите, съ собою возьмите, до городовъ христіанскихъ хоть мало подвезите: пусть я буду знать, какъ мнѣ дорогу въ города христіанскіе, къ отцу - матери сыскать».

И то братья услыхали, такими словами отвѣчали: «Ой, братецъ ты нашъ меньшій, милый, голубочекъ ты сизый! Охъ мы сами отъ погони не уйдемъ и тебя не спасемъ: будетъ за нами изъ города Азова погоня бѣжать, тебя пѣшаго въ тернахъ да въ «байракахъ» минать, а насъ конныхъ будетъ догонять, стрѣлять - рубать, или живыхъ въ полонъ возвращать. А какъ живъ - здоровъ будешь, самъ въ землю христіанскую пройдешь».

«И то сказали, сами побѣжали. А меньшій братъ, пѣшій-пѣшаница, за конными братьями поспѣшаетъ, коней за стремена хватаетъ, словами промовляетъ, слезами стремена обливаетъ: «Братцы вы мои родненькіе, голубчики сизые! Коли ужъ вы меня, братцы, не хотите ждать, такъ хоть одно милосердіе покажите, изъ ножнъ сабли вынимайте, съ плечь мою голову сымайте, тѣло мое изрубите, въ чистомъ полѣ похороните — тѣмъ вы меня звѣрю - птицѣ на добычу не дадите».



Кобзарь.

«И братья то услыхали, такъ ему отвѣчали: «Братецъ нашъ милый, голубочекъ сизый! Что ты это говоришь! Словно наше сердце ножомъ пронизываешь! Наши мечи на тебя не поднимутся — на двѣнадцать частей разлетятся, и душа наша отъ грѣховъ до-вѣку не откупится. Этого, братъ, сроду нигдѣ не слыхали, чтобы родною кровью сабли обмывали, али-бы острымъ копьемъ опрощенье брали» (непереводимо).

— «Когда же вы, братцы, не хотите меня убивать, такъ прошу васъ, братцы, какъ будете лѣсомъ проѣзжать, терновыя вѣтви въ приполы рубайте, мнѣ примѣту покидайте».

«И вотъ когда братья стали къ лѣсу подъѣзжать, средній братъ милосердіе проявляетъ, верхушки у терновниковъ срываетъ, меньшему брату примѣты бросаетъ. А какъ оба до Савуръ-могилы добѣжали, на Савуръ-могилѣ три дня и три ночи отдыхали, своего меньшого брата, пѣшаго-«пѣшаницу» поджидали».

«А меньшій братъ, пѣшій-пѣшаница, до терновыхъ кустовъ добѣгаетъ, верхушки терновника беретъ-хватаетъ, къ сердцу казацкому прижимаетъ, слезами обливаетъ: «это мои конные братцы проѣзжали, у терновника верхушки срывали, и мнѣ, меньшему брату, пѣшему-«пѣшаницѣ», примѣту оставляли, чтобъ зналъ я, какъ изъ тяжкой неволи въ землю христіанскую, къ отцу-матери и къ роду дорогу найти».

«И такія рѣчи промолвивъ, оттуда бѣжитъ далѣе и выходитъ изъ лѣсу: нѣту впереди ни терновъ, ни кустовъ и никакихъ примѣтъ — только степь синѣетъ, да трава зеленѣетъ.

«И вотъ старшій и средній братъ на поле выбѣгаютъ, гдѣ ни терновъ, ни кустовъ не находятъ больше: неоткуда зеленыя верхушки срывать, нечѣмъ меньшему брату примѣты оставлять. И сталъ тогда средній братъ старшему говорить: «Давай, братъ, мы съ себя зеленые жупаны снимать, красную да жолтую китайку съ нихъ срывать, пѣшему брату примѣты оставлять: пусть онъ, бѣдный, знаетъ, куда ему за нами, конными, убѣгать».

«На это старшій братъ «сгорда» отвѣчалъ: «Да развѣ видано, братъ, чтобъ я свое турецкое добро на лоскутки рвалъ и меньшему брату примѣты оставлялъ! Коли самъ живъ да здоровъ будетъ, такъ и самъ въ землю христіанскую безъ всякихъ примѣтъ нашихъ прибудетъ».

«А середній братъ милосерднѣе старшаго: изъ своего жупана красную да жолтую китайку выдираетъ, по дорогѣ разстилаетъ-бросаетъ, меньшему брату примѣту оставляетъ, и къ старшему такими словами промовляетъ: «Братецъ мой старшій, рòдненькій! Прошу тебя: тутъ тра́вы зеленыя, вóды здоровыя, камыши удобные: остановимся тутъ — хоть немного коней



Кобзарь-лирникъ.

своихъ попасёмъ, меньшого брата хоть часочекъ подождемъ, на своихъ коней возьмемъ, до городовъ христіанскихъ хоть мало подвеземъ. Пускай нашъ меньшій братецъ будетъ знать, какъ города̀ христіанскіе, отца съ матерью сыскать».

«На это старшій братъ среднему отвѣчаетъ: «Или мало тебѣ въ турецкой неволѣ горя досталося, или кандалы мало тебѣ въ руки въѣдалися? Какъ станемъ мы пѣшаго брата поджидать, будетъ насъ изъ города Азова великая погоня догонять, станетъ насъ, конныхъ

братьевъ, настигать, станетъ насъ на три части разрубать, а то еще горше будетъ—станетъ насъ живьемъ опять у полонъ забирать, а меньшого брата будетъ въ тернахъ, либо въ оврагахъ, соннаго, минать:—такъ мы и брата пѣшаго не спасемъ и сами изъ азовской турецкой неволи не уйдемъ».

«А какъ сталъ пѣшеходецъ изъ терновъ выходить, сталъ онъ красную китайку находить, руками ее хватаетъ, горькими слезами обливаетъ: «Не даромъ, говоритъ, красная китайка на степи валяется—должно быть моихъ братьевъ на свѣтѣ не стало! Вѣрно, за ними изъ города Азова погоня бѣжала, меня въ тернахъ соннаго минала, а братьевъ моихъ догоняла—стрѣляла-рубала! Еслибъ я зналъ, что мои братья пострѣлены или порубаны, или живые въ полонъ взяты, то я пошелъ бы по тернамъ да оврагамъ блуждать, тѣло казацкое молодецкое искать, чтобъ тѣло казацкое молодецкое въ чистомъ полѣ закопать, звѣрю-птицѣ въ добычу не дать».

«И онъ на «муравскій шляхъ» (дорогу) выбѣгаетъ, и тамъ слѣды своихъ братьевъ замѣчаетъ. А самого его, меньшого, постигли въ полѣ три «недоли»: одно—безводье, другое—безхлѣбье, третье—буйный вѣтеръ въ полѣ завиваетъ, бѣднаго казака съ ногъ валяетъ...»

«Но вотъ онъ до Савуръ-могилы прибываетъ, на Савуръ-могилу вступаетъ, на могилѣ отдыхаетъ, долго съ неба дождя-погоды ожидаетъ.»

«Мало-немного отдыхалъ; какъ вотъ къ нему волки-«сѣроманцы» прибѣгали, орлы-чернокрыльцы налетали, въ головахъ садились—мрачныя похороны отправлять собирались. А казакъ ихъ увидалъ, словами такими къ нимъ промовлялъ: «Волки-сѣроманцы, орлы-чернокрыльцы, гости мои милые! Хоть мало-немного обождите, пока душа казацка съ тѣломъ разлучится: тогда вы будете у меня изо лба черныя очи выдирать, бѣлое тѣло около жолтой кости объѣдать, подъ зелеными яворами зарывать и камышами прикрывать».

«Мало-немного отдыхалъ... Ни руки не поднимаются, ни ноги не ходятъ, ясныя очи на небо не глянутъ... Бѣднякъ тяжко вздыхаетъ, такими словами промовляетъ: «Голова моя казацкая, голова моя молодецкая! Бывала ты въ земляхъ турецкихъ, у вѣры бусурманской, а теперь припало тебѣ на безводьѣ, на безхлѣбьѣ погибать: девятый день уста мои хлѣба не знаютъ, и вотъ я на безводьѣ, на безхлѣбьѣ погибаю».

«И какъ только онъ это промолвилъ—не черная туча налетала, не буйные вѣтры подували—то душа казацкая молодецкая съ тѣломъ разлучалась. Тогда волки-сѣроманцы набѣгали, бѣлое тѣло казацкое пожирали, орлы-чернокрыльцы налетали, въ головкахъ садились, на черныя кудри наступали, изъ-подо лба глаза выдирали, а тамъ и мелкая птица налетала, около жолтой кости тѣло обдирала, да еще и кукушки прилетали и, сидя въ головахъ, словно сестры родныя куковали, да и снова волки-сѣроманы прибѣгали, жолтую кость по оврагамъ, по тернамъ таскали, подъ зелеными яворами зарывали, камышами прикрывали, и жалобно вылизавывали—то они казацкія похороны справляли.»

«А какъ стали старшіе братья до рѣчки Самарки добѣгать, стала ихъ темная ноченька настигать, сталъ братъ старшій къ среднему словами промовлять: «Станемъ, братецъ, тутъ—коней попасемъ: тутъ курганы высокіе, трава шелковая и вода студеная; станемъ тутъ, подождемъ, пока солнышко подымется—то не прибудетъ ли нашъ пѣшій-пѣхотинецъ: тогда я покажу ему свое милосердіе—лишнюю ношу побросаю, а его, пѣшаго, на коня посажу».

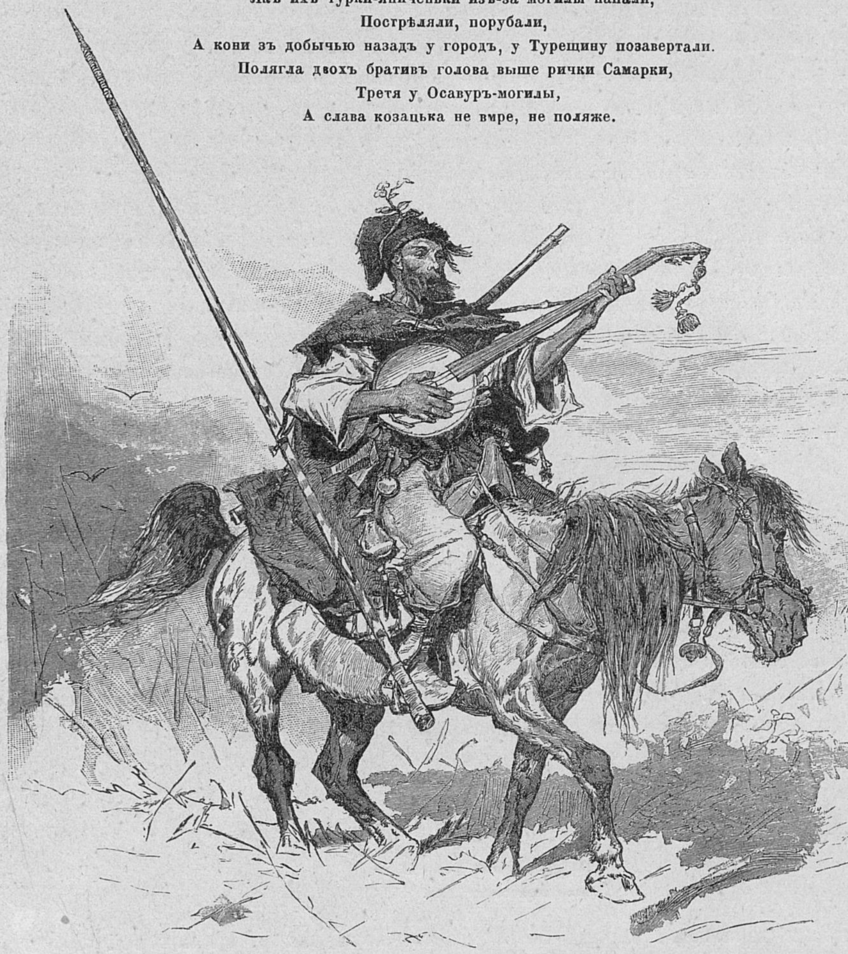
— «Тогда бы было, какъ я говорилъ, его на коня сажать; а теперь уже девятый день проходитъ, какъ онъ хлѣбъ-соль ѣлъ и воду пилъ: теперь его давно на свѣтѣ не стало».

«Тогда они коней пастись пускали, подъ головы себѣ мѣшки дорожные положили, ружья въ камышахъ попрятали и спокойно легли спать въ ожиданіи утра. Когда же утро настало, тогда они на коней садились и черезъ рѣчку Самарку въ города христіанскіе поѣхали. И сталъ старшій братъ говорить среднему: «когда прибудемъ мы къ отцу, къ матери,—что мы скажемъ имъ о младшемъ братѣ? Если намъ всю правду сказать, будутъ насъ отецъ съ матерью про-

клинать; а будемъ мы передъ отцемъ-матерью лгать, такъ будетъ насъ Господь милосердный и видимо и невидимо карать. А лучше, братъ, мы такъ скажемъ: что не у одного господина мы находились, не одна была у насъ неволя; а какъ ночною порою мы изъ тяжкой неволи уходили, то мы и къ меньшему брату заходили: «встань, говоримъ, братецъ, уходи изъ тяжкой неволи вмѣстѣ съ нами, казаками». Такъ онъ намъ сказалъ: «уходите вы одни, братцы, а я тутъ останусь, можетъ найду себѣ счастье-долю». А какъ будутъ отецъ и мать умирать, тогда мы станемъ ихъ добро себѣ забирать и третій братъ не будетъ намъ мѣшать».

Но и этихъ братьевъ постигла трагическая участь. Вотъ какъ заканчивается эта прекрасная дума:

Тутъ тее промовляли,
И не сизи орлы заклекотали,
Якъ ихъ турки-яниченьки изъ-за могилы напали,
Пострѣляли, порубали,
А кони зъ добычью назадъ у городъ, у Турещину позавертали.
Полягла двохъ бративъ голова выше рички Самарки,
Третя у Осавуръ-могилы,
А слава козацька не вмре, не поляже.



Кобзарь въ степи.

Вообще, можно сказать, что самыя лучшія глубоко прочувствованныя думы—это «невольницкія»; да оно и понятно. «Можно полагать,—говоритъ г. Кулишъ,—что невольницкія думы складывались и пѣлись тамъ же, на сценѣ невольничества, передъ отцами и братьями, отыскивавшими по невольницкимъ рынкамъ своихъ дорогихъ сердцу. Турещина была наполнена славянами и они-то слушали такихъ кобзарей «z wielkim upodobaniem», какъ говоритъ

Стрыйковскій. Публика однихъ невольниковъ, не говоря о торговомъ народѣ, въ томъ числѣ и потурнаковъ, была въ Турещинѣ весьма многочисленна, такъ что коренные турки относились къ нимъ, какъ пастухи къ стаду. А что мусульмане не мѣшали славянамъ жить по своему, въ этомъ можно убѣдиться, путешествуя въ наше время по турецкому берегу Дуная, населенному нашимъ украинскимъ народомъ, бѣжавшимъ туда отъ панщины и другихъ невзгодъ. Тамъ я мѣстами видѣлъ и слышалъ больше украинскаго, чѣмъ въ самой Украйнѣ. (Истор. возсоед. Руси, I, 333—334).

Глубокій знатокъ украинской народной поэзіи и даровитый композиторъ г. Лисенко вотъ что говоритъ объ этомъ исчезновеніи украинской «думы» и о вымираніи историческаго «кобзаря»: «Народъ нашъ, въ силу историческихъ обстоятельствъ, переставши быть дѣятелемъ и участникомъ въ судьбахъ своей родины, лишенъ черезъ то и самаго матеріала, изъ котораго онъ нѣкогда почерпалъ факты, вдохновлялся ими, воспѣвалъ ихъ. Тѣмъ не менѣе любовь къ своему минувшему онъ лелѣялъ; въ глубокой задумчивости, а подъ-часъ и до слезъ растроганный, выслушивалъ онъ эту, полную образовъ и красокъ, эпопею своего тяжкаго горя или своего законнаго и заслуженнаго торжества, подъ впечатленіемъ, вдобавокъ, такой чуткой и тонкой, художественно вѣрной декламаціи, съ какою обыкновенно исполняютъ бандуристы историческія думы. Но съ теченіемъ времени позднѣйшія поколѣнія, оторванныя и воспоминаніемъ даже отъ своей исторіи, въ силу полнаго отсутствія отчизновѣдѣнія, потеряли и самый вкусъ къ подобнаго рода удовольствію. Бандуристы, зарабатывавшіе прежде насущный хлѣбъ свой, главнымъ образомъ привлекая публику историческими повѣствованіями или нравственными разсказами, видя холодность къ такого рода исполненіямъ, стали естественно поддѣлываться подъ вкусъ и требованія слушателей, причемъ, разумѣется, историческая дума въ репертуарѣ ихъ оказалась лишнею. Мало у кого уцѣлѣли въ памяти въ теченіе многолѣтней тяжелой жизни *слипце-старце* эти думы, и это ничтожное число знающихъ старую музыку кобзарей уже не имѣетъ наслѣдниковъ, которымъ могло бы передать свой репертуаръ, такъ какъ по самому практическому неудобству, по трудности игры на бандурѣ, ученики, поступающіе къ *старцю* въ науку, предпочитаютъ учиться *на лирѣ* для скорѣйшаго зарабатыванія хлѣба»... И вотъ, типъ историческаго кобзаря-бандуриста перерождается въ «лирника» (*характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Вересаемъ, Н. В. Лисенко*. Зап. юго-запад. отд. Имп. рус. геогр. общ. I, 1874, стр. 342—343).

Бытовая пѣсня, во всѣхъ ея формахъ, представляетъ неисчерпаемый родникъ, хотя и ее начинаетъ вытѣснять пѣсня новѣйшаго, цивилизованнаго склада—пѣсня «московская». Но что это за ужасная пѣсня! Что это за цивилизація!—horribile dictu! Въ новой пѣснѣ фигурируетъ «гусарикъ молодой», или что еще цивилизованнѣе:

Жукъ у глини, Харько пьяный,
Выражаечко мое!

Это значитъ:

Звукъ унылый фортепьяно,
Выражай тоску мою.

«Новая» пѣсня поражаетъ своимъ безобразіемъ. Такъ пѣсня, въ которой рисуется «гусарикъ молодой», начинается слѣдующей убійственной строфой:

Хорошая та дэрэвня, въ которой я рождэна,
Прэкрасная та дэвчонка, которая любовь эна!

Въ «новой» пѣснѣ есть, пожалуй, и традиціонный историческій «вишневый садочокъ», но онъ уже играетъ иную роль: такъ «новая» пѣсня говоритъ, что «гусарикъ молодой»

Повелъ Катю у садочокъ,
Вдаривъ Катю у височокъ!

Но при всемъ томъ, чисто-народная, не тронутая солдатскою цивилизаціею, пѣсня продолжаетъ звучать во всей Украйнѣ. Передъ нею оказывается безсильною даже фабричная



Пѣвецъ «думы».

пѣсня, которая въ Великороссіи уже имѣетъ свой циклъ; въ Малороссіи же г. Чубинскій указываетъ всего на двѣ пѣсни «о сахарныхъ заводахъ», которые играли роль турецкой неволи

въ исторіи крѣпостной жизни Малороссіи. И это—очень характерное явленіе, которое не можетъ быть обойдено молчаніемъ. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ дѣвушка спрашиваетъ «соловейка»: гдѣ ея милый. «Соловейко» отвѣчаетъ, что ея милый «на работѣ, на сахарномъ заводѣ», что онъ работаетъ тамъ такую тяжкую работу, что «потъ ему очи заливаетъ». И вдругъ неожиданно пѣсня кончается словами:

Якъ поихавъ хозяинъ изъ дому,
Наробили хлопци лому,
Роспустили пару по заводу,
Пишла слава по народу,

А въ другой пѣснѣ рабочіе плачутся:

Мы зъ работушки идемо̂,
Сухарики гриземо̂,
На работушку идемо,
Дрибни слизоньки льемо.

На другой годъ не прійдемъ,
И собаки не пришлемъ,
И сусидамъ закажемъ,
И ворога потишимъ и т. д.

Составъ бытовыхъ пѣсенъ разнообразенъ до чрезвычайности. Собиратели и издатели народнаго творчества распредѣляютъ ихъ на слѣдующія группы: на пѣсни *любовныя, семейныя,* собственно *бытовыя* съ своими подгруппами, какъ-то: пѣсни *казацкія, гайдамацкія, рекрутскія, солдатскія, бурлацкія, чумацкія, панщинскія* или *крѣпостницкія, сословныя, пьяницкія* и *шуточныя.* Кромѣ того особый циклъ *обрядныхъ* пѣсенъ также представляетъ удивительное разнообразіе: тутъ есть пѣсни *рожаницкія, крестинскія, похрестинскія,* затѣмъ *колыбельныя* и множество *дѣтскихъ,* какъ-то: *ладки, ласочка, сорока* и т. д. Отдѣлъ *свадебныхъ* также необыкновенно богатъ и тоже развивается на подъотдѣлы: на пѣсни *сватанскія, заручинскія, розглядинскія, торочинскія,* пѣсни *вильця* и *дивичъ-вечера, вѣнчальныя, встрѣченскія, обѣденныя, выкупныя, оброчныя, дарочныя, покрываночныя, коровайныя, прощальныя, коморныя, посольныя, перезвенныя* и др. Затѣмъ богатый циклъ *колядокъ,* множество плясовыхъ, всякихъ «казачковъ» и т. д.

Само собою разумѣется, что необыкновенною полнотою отличаются пѣсни *любовныя,* особенно изъ нихъ *дивоцькіи,* которыя гораздо богаче *парубоцькихъ.* Было бы излишне распространяться объ ихъ содержаніи—выраженіе чувства у всѣхъ народовъ болѣе или менѣе одинаково; но нельзя не замѣтить, что и на любовныхъ пѣсняхъ остается какой-то, если можно такъ выразиться, историческій отвѣтъ: то и дѣло вы находите въ дѣвической пѣсни выраженіе печали о томъ, что милый куда-то поѣхалъ, что онъ въ чужой сторонѣ, и ужъ непремѣнно тутъ являются и «коникъ вороненькій» и «вороги лихіе». Это—отголосокъ старой «казачины», той исторической школы, черезъ которую прошла вся Малороссія и которая создала особый колоритъ любовной пѣсни. Но въ другихъ бытовыхъ пѣсняхъ уже безспорно лежитъ историческая основа, да и самая эпичность пріемовъ осязательно обличаетъ кровное родство этихъ пѣсенъ съ «думами». Тутъ и «сизые орлы клекочутъ», и «бѣдные невольники въ тяжкой неволѣ плачутъ» да гремятъ кандалами; тутъ и буря на Черномъ морѣ, и «турецкая галера—каторга», и паша турецкій, «недовѣрокъ христіанскій», который велитъ сѣчь невольниковъ «терновникомъ» да «червоною таволгою»; есть тутъ и старая мать-«ненька», сидящая у оконца и ожидающая своего сына изъ похода, и буйный вѣтеръ, который чешетъ кудри запорожца. Это та же «дума», но только отступившая отъ строго эпической формы; но въ то же время и сюда, въ эту пѣсню, которая своими эпическими пріемами напоминаетъ «невольницкую думу», врываются нестройные аккорды современной жизни. Является въ пѣснѣ

«казакъ», тотъ историческій «казакъ», который «мушкетнымъ дымомъ Царьградъ подкуривалъ»—и вдругъ неожиданно этотъ эпическій запорожецъ поетъ о себѣ:

Служивъ же я Богу и государю,
Та выслуживъ коника на славу...

«Казацкая» пѣсня, такимъ образомъ, обличаетъ смѣшеніе въ головѣ народа нѣсколькихъ столѣтій—смѣшеніе историческаго запорожца съ современнымъ конногвардейцемъ. Часто пѣвецъ самъ не понимаетъ, что онъ поетъ, и если спросить его о значеніи пѣсни, то онъ наивно отвѣтитъ: «а Богъ ёго знае, що воно такее—такъ, бачъ, спиваютъ—изъ писни слова не выкинешь». И на этомъ основаніи онъ безсознательно валитъ въ одну кучу цѣлыя столѣтія. Тутъ «казаки» бьются съ «ордою» «не три—не чотыри годины», а тутъ уже «гайдарики» какіе-то сѣдлаютъ коней вороныхъ и ѣдутъ—что всего удивительнѣе—въ Москву! Вмѣсто «отамана» является «хозяинъ», который пускаетъ своего вороного коня въ «шовковую траву» и «кидаетъ шапку объ сырую землю»:—все это—и «шелковая трава», и «шапка», и «сыра земля»—все это уже московское напластыванье, если можно такъ выразиться, на украинской исторической почвѣ. Мало того, бросивъ «шапку» объ «сыру землю», этотъ невѣдомый «хозяинъ» «гайдариковъ» восклицаетъ: «Земля мати, земля мати—запорожецькая! Ты приняла много війська запорожецькаго; прійми жъ и мене молодого!» И Москва, и Запорожье, и сыра земля—все это свалено въ кучу и перепутано. А далѣе пѣсня опять сворачиваетъ на эпическую тропу: «Щебетали ластивочки, та-й у гору летючи; заплакали гайдарики, хозяина несучи» и т. д. Во всемъ этомъ видно крайнее смѣшеніе разныхъ историческихъ пластовъ, разныхъ эпохъ, вліяній и эпическихъ формъ. Эти напластыванья въ народной поэзіи напоминаютъ такія же напластыванья на земной поверхности, когда антропологъ, разрывая какой-нибудь приднѣпровскій курганъ—«могилу» въ верхнихъ пластахъ находитъ остатки жизни XVI или XVII вѣка, а ниже—разныя принадлежности жизни людей каменнаго вѣка или черепа и орудія троглодитовъ.

Въ *гайдамацкихъ* пѣсняхъ можно видѣть и слѣды самостоятельнаго народнаго творчества, и слѣды образцовъ стараго, историческаго эпоса, и отзвуки современной жизни, такъ что странно даже видѣть, какъ пѣвецъ смѣшиваетъ и равняетъ въ одну линію и «гайдамаковъ», и Савуръ-могилу,—эту знаменитую, безсмертную Савуръ-могилу, безъ которой не обходится ни одна почти «невольницкая дума», могилу, на которой умиралъ бѣжавшій изъ Азова невольникъ, «пѣшій-пѣшаница»,—а рядомъ съ этимъ поется и о знаменитомъ Савѣ изъ Немирова, о томъ Савѣ, который измѣнилъ «гайдамакамъ» и потомъ отъ нихъ же и погибъ. Далѣе опять, рядомъ съ Савой выступаетъ въ гайдамацкой пѣснѣ и Романъ Жамбенко, котораго яко-бы поймали «превражи жидки» (ясно, что эти «жидки» поставлены тутъ тенденціозно, вмѣсто «гайдамаковъ», а потомъ «гайдамаки» смѣшаны съ «запорожцами») и который говоритъ:

Лети, лети, лебедонько сивый, высоко зъ орлами;
Не вганяйтесь, славны запорожци, въ Польщу за лехами.
Ой повели Романа Жамбенка на Савиръ-могилу:
— Тутъ я стану, подивлюся на славну Вкраину...

И «превражи жидки», и «славни запорожци», и «Польща», и «лехи», и Савуръ-могила, и гайдамаки—все столкло время въ одной ступѣ, все перепутало до потери историческаго смысла.

Такъ безжалостное время вытравляетъ изъ жизни народа и его поэзіи всѣ историческія воспоминанія, какъ оно вытравило ихъ раньше и у народовъ Западной Европы.

Въ *рекрутскихъ* пѣсняхъ замѣчается болѣе цѣльности и выдержки. Здѣсь нѣтъ смѣшенія разныхъ историческихъ эпохъ; а если и встрѣчается смѣшеніе эпическихъ формъ, нѣкоторыя

позаимствованія изъ стараго эпоса, то только во внѣшности, въ языкѣ. За то творческая наивность здѣсь подъ-часъ не знаетъ границъ. Пѣсня, напр., взываетъ къ «хлопцямъ-новобранцямъ», чтобъ они вернулись домой изъ похода, и «хлопци» отвѣчаютъ:

— «Ради-жъ мы ея въ гору знести—
Туманъ полягае,
Ради-жъ мы ея вернути—
Насъ царь не пускае.»
— Ой чому жъ винъ не пускае?
„Бо винъ роскишъ мае,
Сидить соби на пристоли,
На скрипочку грае;
А скрипочка орихова,
А смычокъ изъ руты,
Якъ заграе „московщины“—
На всю Польщу чути“ и т. д.

Нѣкоторыя рекрутскія пѣсни своимъ содержаніемъ изобличаютъ, что они созданы народомъ еще въ прошломъ вѣкѣ. Такъ, напр., въ одной пѣснѣ говорится, что «слава по всему свѣту встала—*государыня* новобранцевъ брала; а какъ позабирала, тотчасъ заковала» и т. д. Иныя пѣсни указываютъ, что за свое рекрутство народъ плачется на «поповъ» да на «бога-



Обыкновенный лирникъ.

тыхъ людей», которые велятъ забирать въ солдаты «бурлакъ-сиромахъ»; въ другихъ вмѣсто поповъ стоятъ «ляшки-панки», къ которымъ пѣсня обращается съ такими словами: «Чи мы ляшкáмъ, чи мы панкамъ не сіяли та й не орали? За що жъ ляшки, за що жъ панки насъ у салдаты поддавали?»

На многихъ рекрутскихъ пѣсняхъ лежитъ отпечатокъ московскаго вліянія, которое чуется и въ «бѣлой березѣ», совсѣмъ незнакомой чисто-украинскому историческому эпосу, и въ «бѣлой постели», которую «дивчина стлала—дружка дожидала.» Это—буквальный уже переводъ съ московскаго оригинала, тѣмъ болѣе, что дальше говорится, какъ «наихали москалики все новыми саньми: сидай, дивка, сидай, красна, поидемо зъ нами». «Новыя сани», «красная дѣвка»—это уже слишкомъ пахнетъ Москвою.

Затѣмъ *солдатская* пѣсня еще болѣе обнаруживаетъ, въ какой мѣрѣ невозвратно изсякаетъ народное творчество. Въ солдатской пѣснѣ уже нѣтъ почти ничего эпическаго, даже въ пріемахъ, въ формѣ: тутъ видно коренное обрусеніе края, обрусеніе въ самыхъ основахъ жизни. Вотъ, напр., одна пѣсня впала было въ эпическій тонъ —

Идуть ляхи на три шляхи,
А москали на чотыри,—

но тутъ же и свернула на чисто-русскую, на казарменную:

А уланы зъ гусарами все поле укрыли,
Въ славнимъ городи Варшави караулы зняли,
Саме військо французскее на штыки подняли.

Или, напр., эта пѣсня: «Годи, братця, намъ журитись — перестаньмо тоскувать — начнимъ писеньки спивать—заспиваемъ писни штацькои — по своимъ гори солдатськимъ. — За границею стояли — много горя принимали — у двинадцятимъ часочку — выходили на гópочку — становились въ шеренóчку. — Помижъ нами, молодцями — самъ царевичъ проізжавъ: — «бійте, братця, не робійте — и пороху не жалійте»...

Большею чистотою народнаго колорита отличаются пѣсни *бурлацкія*. Въ нихъ почти постоянно звучитъ одна грустная нота — жалоба на свое сиротство, на безпріютность, зависимость. «Бурлакъ» — это не тотъ великорусскій «бурлакъ», заслужившій себѣ историческое безсмертіе и своимъ великимъ трудомъ, и своею многострадальною жизнью, который цѣлыя тысячелѣтія тянулъ лямку на Волгѣ, на Днѣпрѣ, на Дону и на всѣхъ безчисленныхъ рѣкахъ Россіи и котораго прославили — съ одной стороны — Некрасовъ своими безсмертными стихами:

Волга, Волга, весной многоводною
Ты не такъ затопляешь поля,
Какъ великою скорбью народною
Переполнена наша земля, —

съ другой стороны, Рѣпинъ — своею превосходною картиною. Украинскій «бурлакъ» — это одинокое, безпомощное существо, общій «попихачъ», которымъ всякій помыкаетъ, конечно до поры, до времени, пока «бурлакъ» не почувствуетъ, что у него есть крылья. Такого «бурлака» геніально изобразилъ Шевченко въ своемъ Яремѣ, въ «Гайдамакахъ». Въ пѣснѣ «бурлакъ» является существомъ жалкимъ, загнаннымъ, босымъ и голоднымъ. Вотъ наиболѣе яркое изображеніе бурлака въ одной общеизвѣстной пѣснѣ:



Молодой чумакъ.

Нема въ свити гиршъ никому,
Якъ бурлаци молодому.

Бурлакъ трудится, работаетъ, а потъ очи заливаетъ; придетъ домой — его хозяйка лаетъ: «гдѣ ты дурень пропадалъ, что къ ужину опоздалъ?» Бурлакъ отвѣчаетъ, что былъ на работѣ, старался, чтобъ заслужить ужинъ. А хозяйка опять лается: «ложись, дурень, спать, головой къ порогу, а раньше вставай—иди за волами». Едва голодный бурлакъ задремалъ, какъ его уже будятъ: «вставай, бурлакъ,—будетъ спать—иди за волами.» Встаетъ бурлакъ— не умытый, не обутый, не одѣтый, бѣжитъ въ поле за волами; а тамъ—снѣгъ; босыя ноги его зябнутъ... Бурлакъ плачетъ, мать свою проклинаетъ, спрашиваетъ—зачѣмъ породила его. Мать отвѣчаетъ:

Ой, вродила-мъ тя на муку,
Господару на углугу.

Въ другой пѣснѣ украинскій «бурлакъ» уходитъ на Волгу, потому что на родинѣ ему «черная корова наступила на ногу.» На Волгѣ онъ заработалъ деньжонокъ, но соскучился по родинѣ, и возвращается къ своему пану. Панъ спрашиваетъ его—гдѣ онъ пропадалъ. Бурлакъ отвѣчаетъ, что ходилъ на Волгу, заработалъ «грошей», принесъ домой «три шали» и привелъ пару воловъ; а теперь, говоритъ, «буду хазяинувати—буду до кинця вика батька годувати.» Но панъ не беретъ этого «въ резонтъ», велитъ готовить прутьевъ пуки—«мене проучати, зъ мене шкуру зняти», чтобъ не смѣлъ своего отца «хлибомъ годувати.» Это—народное поминанье отжившему крѣпостному праву.

Одинъ изъ богатѣйшихъ цикловъ въ украинской народной поэзіи представляютъ пѣсни *чумацкія*. «Чумачество», можно сказать, лежало въ основѣ всей исторической жизни Малороссіи и прошло чрезъ всю ея исторію. И «козакъ», и «чумакъ», и «запорожецъ»—это были почти синонимы для украинца, и первый «запорожецъ» былъ «чумакъ», миссія котораго была ловить рыбу въ низовьяхъ Днѣпра и оберегать свою дорогую Украину отъ бусурманъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Вѣстникѣ Европы» была помѣщена талантливо и симпатично составленная г-мъ Рудченко особая монографія о чумакѣ и о чумацкой поэзіи. Жизнь чумака, его отношеніе къ исторіи своего края и къ его экономическому росту, полная картина чумацкаго обихода, чумацкое міросозерцаніе, наконецъ отношеніе чумака къ тому послѣднему явленію въ современной жизни Малороссіи, которое должно было убить чумачество —именно къ *желѣзной дорогѣ*,—все это прекрасно изложено талантливымъ авторомъ и возбуждаетъ въ читателѣ нѣчто въ родѣ чувства сожалѣнія о томъ, что все вымираетъ на свѣтѣ, даже чумачество, или видоизмѣняется сообразно новымъ условіямъ жизни; при этомъ невольно припоминается геніальный стихъ покойнаго Шевченка:

Все йде, все минае и краю не мае...
. . . .

Чумацкія пѣсни можно отнести къ старому циклу украинской поэзіи, когда въ нее еще не могла проникнуть «московская» нота. Эти пѣсни полны поэзіи и глубокаго чувства, потому что для малоросса «чумакованье»—это его родная стихія. Едва въ воздухѣ почуялась весна, какъ украинецъ уже мечтаетъ о «чумачествѣ» и заранѣе собирается въ дальнюю дорогу, какъ и говоритъ объ этомъ пѣсня:

Весна красна наступае,
Изъ стрихъ вода капле,
Уже нашимъ чумаченькамъ
Дороженька пахне.

Какъ ни любитъ украинецъ свое «чумакованье», однако въ большей части чумацкихъ пѣсенъ звучитъ тоскливая нота—то разлука съ родными и съ милой, то болѣзнь, а часто и смерть въ дорогѣ, въ глухой степи. Даже любимые волы украинца, его вѣрные товарищи въ чумакованьѣ—и тѣ гармонируютъ съ настроеніемъ его души. Въ пѣсняхъ часто говорится: «волы ревуть, воды не пьютъ—дороженьку чують». Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ чрезвычайно картинно рисуется самое движеніе чумацкаго обоза—какъ изъ-за горы скрипятъ чумацкіе возы, какъ впереди возовъ идутъ «чумаченьки», покуривая «люльки», гремятъ ярма, волы «ремигають» (пережовываютъ жвачку) и т. д. А смерть чумака на чужбинѣ изображается въ необыкновенно симпатичныхъ пріемахъ. Чумакъ «молоденькій» поѣхалъ въ Крымъ за солью. Сивые волы его какъ-бы предчувствуютъ несчастье—ревутъ и воды не пьютъ. Далека эта дорога до Крыма. Не выдержалъ долгаго пути чумакъ и захворалъ—тяжко «заслабъ», такъ что, пожалуй, умереть собрался. Но вотъ онъ и умеръ. Умеръ чумакъ «у Крыму на рынку», и вотъ «везутъ его, парня молодого, якъ вьялую рыбку». А мертвый и говоритъ къ чумацкому «отаману»: «Ой отамане, мой батьку родной! исполни ты мою волю — отвези ты меня своими волами до самого моего гроба. Пускай они заревутъ, пускай загудутъ около моего

гробовища—не услышитъ ли ихъ голосъ моя милая, какъ будетъ идти по̀-воду». Милая услыхала, тяжко вздохнула и горько заплакала: «Охъ—моего милаго, вѣрно, на свѣтѣ не стало. О, когда бъ я была сизая кукушка, когда бъ у меня крылья были—облетала бъ я кругомъ тую превражу Украину и по воламъ узнала бы своего миленькаго. Охъ, волы мои сивые, половые—у васъ карія очи: узнала бы я своего миленькаго хоть и середъ ночи.»

Со всѣмъ другое впечатлѣніе производятъ на васъ пѣсни *панщинскія*, т. е. пѣсни изъ временъ крѣпостной зависимости. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ звучитъ горькое воспоминаніе о золотомъ прошломъ, о тѣхъ временахъ казацкой воли, когда Украина не знала еще крѣпостнаго ярма. «Добре хорошо было—говоритъ пѣсня—нашимъ отцамъ на Украинѣ жить: они не знали, что такое барщина. А теперь настала барщина: ни сынъ за отца ее не отбудетъ, ни отецъ за сына», и т. д. Другая пѣсня такъ изображаетъ тяжесть барщины, когда на пана



Чумаки въ дорогѣ.

приходилось работать всѣ семь дней въ недѣлѣ: «Ходитъ попикъ по церковцѣ, святую книжечку читаетъ и спрашиваетъ людей божьихъ: отчего васъ никогда въ церкви не видать?—Да развѣ же есть у насъ, батюшка, время въ церковь ходить? отвѣчаютъ ему: какъ чорный волъ, мы и въ праздники, и въ воскресенье должны работать на барщинѣ».

Пѣсни эти, само собою разумѣется, вымираютъ и забываются, какъ забывается теперь и самое крѣпостное право.

Замѣчательно, что въ малорусской народной поэзіи весьма обширенъ циклъ *пьяницкихъ* пѣсенъ. Едва ли явленіе это слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что малорусскій народъ отличается невоздержностью. Нѣтъ, напротивъ,—это доказываетъ только, что у украинца художественная натура и онъ любитъ и понимаетъ шутку, «жарты», онъ умѣетъ хорошо и безобидно посмѣяться надъ человѣческими слабостями, и болѣе всего смѣется надъ собой. Вотъ гдѣ, намъ кажется, источникъ богатства какъ *пьяницкихъ*, такъ и *шуточныхъ*, «жартливыхъ», сатирическихъ пѣсенъ. Посмотрите, напр., какъ пѣсня удачно подсмѣивается надъ пьяницей,

да еще и «рудымъ», рыжимъ (рыжихъ почему-то особенно не любитъ украинецъ). Позволяемъ себѣ привести эту пѣсню цѣликомъ, а иначе она потеряетъ весь свой букетъ:

По-пидъ гору крутую
Веде рудый рудую:
—Охъ, и пьяна жъ я,
Чоловика лаяла:
Ой и стій-но-жъ ты,
Почекай-но-жъ ты,
Ой розважь-но-жъ ты:
Дидъ рудый, баба руда,
Тато рудый, мама руда,
И я рудый руду взявъ,
Бо-мъ си руду сподобавъ,
И пипъ рудый, що винчавъ,
И дякъ рудый, що спивавъ,
И музыки руди грали,
И вси руди танцювали;
Ще й дитинка маленька
Вродилася руденька.

Не останавливаясь долѣе на этихъ отдѣлахъ малорусской народной поэзіи, мы перейдемъ теперь къ очень важному и богатому циклу малорусскихъ пѣсенъ—къ пѣснямъ *обрядовымъ*.

Если что-либо наименѣе подвержено измѣненію въ жизненномъ обиходѣ народа, такъ это обрядовая сторона народной жизни. Въ этомъ отношеніи ни годы, ни цѣлые вѣка, ни коренныя измѣненія въ формахъ жизни, ни общественныя и экономическія видоизмѣненія — ничто не въ силахъ стереть обрядовую, такъ-сказать, мозаику народной жизни и изгнать изъ нея то, что получилъ народъ въ наслѣдство отъ древнѣйшихъ своихъ предковъ, отъ прародителей, можетъ быть, отъ троглодитовъ, отъ пищерныхъ жителей каменнаго вѣка. Въ обрядахъ народъ какъ-бы застылъ и представляетъ собою нѣчто въ родѣ допотопной окаменѣлости. Какія обрядовыя требы совершалъ онъ при Перунѣ, Дажбогѣ и Стрибоговыхъ внукахъ, какъ онъ прежде покланялся «роду и рожаницѣ», вѣровалъ въ «чохъ» и «птичій грай»,—такъ продолжаетъ онъ дѣлать это и теперь то тамъ, то здѣсь, не въ «колядкахъ», такъ въ «купальскихъ играхъ», не при родинахъ, такъ при похоронахъ и т. д.

Въ этомъ отношеніи вся жизнь народа, отъ пеленокъ до могилы—нескончаемая обрядность. Вступая въ эту область, вы чувствуете, что входите въ иной міръ—въ міръ древнихъ, допотопныхъ и дохристіанскихъ, въ міръ троглодитныхъ представленій, смѣшанныхъ съ христіанскими и чаще пантеистическими.

Начнемъ съ обрядности, которою въ Малороссіи обставляется *рожденіе* человѣка—*родины*.

Беременная женщина пользуется въ народѣ всеобщимъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ религіознымъ страхомъ. Всякое желаніе беременной должно быть исполнено, а иначе у того, кто ослущается роженицы, все платье съѣдятъ мыши.

Почувствовавъ приближеніе родовъ, роженица посылаетъ за *бабою* мужа или кто есть въ хатѣ, но непремѣнно съ хлѣбомъ; съ хлѣбомъ является къ роженицѣ и баба.

При входѣ баба бьетъ тридцать поклоновъ и говоритъ: «шелъ Христосъ на золотой мостъ, серебряною палочкою подпирается. Идетъ молодица *до роду*.—«Куда ты, молодице, идешь?»—Иду, Господи, до роду.—Крутыя горы разступитеся, отъ Господня голоса разойдитеся. Коли младенецъ—садись на коня, коли младеница (дѣвочка)—берись за гребень».

Когда роды трудны, то посреди хаты ставятъ столъ и обводятъ роженицу кругомъ него три раза. На каждомъ углу стола насыпаютъ по ложкѣ соли, и роженица, обходя вокругъ стола, должна ѣсть соль отъ каждой кучки, а баба приговаривать: «Отъ красной крови, отъ желтой кости, отъ тонкаго волоса, отъ хорошаго голоса пускай отходятъ всѣ злыя мысли и напасти, чтобъ не вредили ни головѣ, ни чреву, ни животу; чтобъ святой Петро съ Павломъ, какъ по свѣту ходили и все лихое видѣли — чтобъ они отвратили всѣ боли, всѣ колики, всѣ недуги на ту пору, какъ я пришла и хочу принести облегченіе на удивленіе всему міру и на утѣху родителемъ».

Кромѣ того роженица бьетъ три раза пятками о порогъ хаты, а мужъ, набравъ въ ротъ воды, поитъ жену изъ своего рта, а затѣмъ роженицу переводятъ три раза черезъ кочергу и лопату, и т. д.

Какъ только ребенокъ показался на свѣтъ, бабка бьетъ его рукой для того, чтобы онъ заплакалъ; а если онъ не плачетъ, то ему колютъ иголкой мизинецъ и мажутъ тѣло кровью. Потомъ бабка отрѣзываетъ у него три пучечка волосъ—чтобъ въ старости не былъ лысымъ. Родившійся «въ сорочкѣ» будетъ счастливъ; но если сорочка виситъ съ боку—то возьмутъ въ «москали» (въ солдаты).

Послѣ родовъ родильницу заслоняютъ, чтобъ ея никто не видѣлъ. Возлѣ нея кладутъ разное зелье, васильки, цибрики, а также «трійцю» (три свѣчи, слѣпленныя вмѣстѣ) и роговой ножъ. Почему роговой? Конечно потому, что обрядъ этотъ, по всей вѣроятности, сохранился отъ тѣхъ временъ, когда люди еще не знали употребленія желѣза, а довольствовались орудіями изъ камня, роговъ и костей животныхъ.



Крестины.

Отрѣзываніе пупа производится у мальчика на топорѣ, чтобъ былъ мастеромъ, а у дѣвочки—на гребнѣ, чтобы была пряхой. Потомъ ребенка завертываютъ въ «кожухъ» и кладутъ «на покути»—въ переднемъ углу—чтобъ былъ богатымъ. Затѣмъ баба беретъ «мисце» (мѣсто), закапываетъ въ хатѣ подъ «поломъ», подъ постелью, и посыпаетъ житомъ, а также кладетъ кусочекъ хлѣба или мелкую монетку. А иногда баба при этомъ беретъ родильницу за животъ и приговариваетъ: «Вразе, вразище! Панасе, панасище! я тебя поднимаю и на помощь призываю», и т. д. Все это, конечно, остатки пантеистической старины—заклинаніе какихъ-то силъ невѣдомыхъ.

Постель родильницы выбрасываютъ въ свинятникъ, а ребенка—если мальчикъ, то зарываютъ въ переднемъ углу, чтобъ былъ «хозяиномъ въ хатѣ», если дѣвочка—то около печи, чтобъ была «хозяйкою у очага». При купаньѣ ребенка обматываютъ коноплею съ сѣменемъ, «матками», чтобъ былъ плодовитъ, и воду выливаютъ въ свинятникъ, чтобъ свиньи плодились. Ребенка кладутъ въ черной «запаскѣ», чтобъ нечистый духъ не присталъ. Подъ голову ему кладутъ ножъ, чтобъ вѣдьма не испортила. Некрещенаго ребенка никогда не кладутъ за плечами матери, чтобъ дьяволъ не подмѣнилъ его своимъ, и для этого до крещенья у родильницы горитъ свѣчка, которой чортъ боится. Подмѣненнаго дьяволомъ ребенка легко узнать: онъ головастый, съ большими волосами, сутуловатый, долго не говоритъ, ходитъ только тогда, когда никого нѣтъ въ хатѣ, забирается въ печь, съѣдаетъ тамъ все—вареники, кашу—и перебиваетъ горшки.—Развѣ же все это не изъ языческаго міровоззрѣнія?

При *крестинахъ*—опять цѣлая вереница обрядности. Некрещенаго ребенка баба купаетъ въ водѣ, которой еще никто не пилъ. Затѣмъ мальчика пеленаютъ въ рубашку отца, дѣвочку—въ рубаху матери, и при этомъ рубашку разрѣзываютъ въ трехъ мѣстахъ. Въ рукавъ рубахи завязывается кусочекъ глины отъ печки, уголекъ и мелкая монета. Кумѣ мальчика передаютъ черезъ порогъ, дѣвочку—черезъ гребень. Куму же баба даетъ въ узелкѣ глину отъ печки («печину») и уголекъ, говоря: «какъ дойдешь до перекрестка, кинь черезъ плечо и скажи: на тебѣ, чорте, плату». Вотъ кому это приношеніе...

При входѣ въ церковь кумъ наступаетъ правой ногой или на топоръ или на гребень.

Если прежнія дѣти умирали, то окрещеннаго ребенка, принеся домой, передаютъ куму не черезъ дверь, а черезъ окно. Опять, конечно, все это дѣлается противъ какой-то невѣдомой силы...

Послѣ крестиннаго угощенія поютъ пѣсни, вродѣ, напр.:

Ой мы вчора на родинкахъ були,
А сёгодня на хрестины прійшли и т. д.

Затѣмъ бабка раздаетъ гостямъ «квитки»—букеты изъ колосьевъ ржи или пшеницы, если крестины происходятъ зимой, и изъ барвинка, васильковъ и калины, если лѣтомъ. «Квитки»—это талисманъ противъ чорта при возвращеніи съ крестинъ. А то разъ былъ такой случай. Идетъ человѣкъ съ крестинъ безъ «квитки». На дорогѣ встрѣчается ему бѣсъ и спрашиваетъ: «гдѣ твоя квитка?» — «Нема». — Чортъ и завелъ человѣка въ болото и продержалъ его всю ночь тамъ. А человѣкъ-то былъ пьяный—оно и понятно: чортъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

На другой день послѣ крестинъ совершаются *зливки*. Дѣло это происходитъ такъ: утромъ баба приноситъ къ роженицѣ «непочатой воды», кладетъ въ корыто калины, гвоздики, овса,





Уходъ за ребенкомъ.

руты, барвинку и всякаго «зилля»; ставитъ корыто посереди хаты, а родильница льетъ «непочатую воду» бабѣ на руки надъ корытомъ и приговариваетъ очистительныя рѣчи. Баба тоже ораторствуетъ.

Но *похрестины*—это болѣе веселый обрядъ. Къ родильницѣ сходятся ея родные, сажаютъ кумовей и бабку на борону и везутъ въ корчму. При этомъ выкрикиваются превеселыя, спеціально обрядовыя пѣсни:

Запрягайте, запрягайте
Да шестнадцать паръ воливъ,
Да повеземъ бабусеньку у пиво и т. д.

Пріѣхавъ «у пиво», начинаютъ пить и веселиться. И снова развеселая пѣсня служитъ приправою этому обрядовому торжеству. Кумъ поетъ, обращаясь къ кумѣ:

«Та внадився журавель
До бабиныхъ конопель», и пр.

Это «прочее» состоитъ въ томъ, что кумъ, угрожая перебить журавлю ноги, хвалитъ красоту своей кумы и кончаетъ тѣмъ, что онъ будто бы завелъ свою куму въ вишни—«отдохнуть трошеньки» (немного).

Вскорѣ послѣ крещенія новорожденнаго «загоняютъ въ рай». Для этого у образовъ зажигаютъ свѣчку, баба беретъ за руку родильницу, которая держитъ на рукахъ ребенка, и водитъ ее вокругъ стола. Присутствующіе стоятъ въ сторонѣ и спрашиваютъ: «Куды ты, бабусю, идешь?» — У рай. — «Возьми и насъ». — Идить.

Въ сороковой день на ребенка надѣваютъ поясъ съ перваго, кто войдетъ въ хату.

Съ первымъ ростомъ и кормленіемъ ребенка связанъ цѣлый отдѣлъ пѣсенъ *колыбельныхъ*. Содержаніе ихъ такъ же однообразно, какъ однообразна ихъ мелодія. Весь міръ ребенка въ первые годы жизни ограничивается ближайшими предметами: мать, кормящая и убаюкивающая

младенца, колыбелка или «колисочка», въ которой его укачиваютъ, и неразлучные съ этимъ— котикъ, мышка и «гуля» (голубокъ). Во многихъ колыбельныхъ пѣсняхъ олицетворяется самый «сонъ», какъ живое существо, ходящее по улицамъ въ бѣленькой, новенькой рубашечкѣ: «Ходить сонъ по улоньци, въ билесенькій кошулоньци, слоняеться, тыняеться, Господоньки пытаеться: а де хата теплесенька и дитина малесенька? туды пиду ночувати и дитину колихати» и т. д. Но чаще всего пѣсня обращается къ «котику»: котъ, «киця», «коточокъ» является во всѣхъ роляхъ: котъ и дитя качаетъ, и на рынокъ ходитъ, и мышей ловитъ—и все это въ угоду ребенку.

Подъ одни пѣсни качаютъ и усыпляютъ ребенка, подъ другія его «тютюшкаютъ». У послѣднихъ и размѣръ другой и мелодія иная.

Отдѣлъ *дѣтскихъ* пѣсенъ также богатъ. Всѣ игры ихъ сопровождаются пѣніемъ, и замѣчательно, что въ забавахъ дѣтей можно иногда подмѣтить слѣды далекихъ историческихъ воспоминаній. Такъ, забавляясь разрываньемъ муравьиныхъ гнѣздъ, дѣти поютъ надъ муравейникомъ: «Комашки, комашки, ховайте подушки, онъ татары йдутъ, подушки поберуть и васъ порижуть».—Не перечислемъ ни дѣтскихъ игръ, ни пѣсенъ — это завлекло бы насъ слишкомъ далеко.



Молодая мать.

Но вотъ въ жизни дѣтей отходятъ игры и скоро настаютъ годы, когда нужно думать — мальчику о женитьбѣ, дѣвочкѣ—о замужествѣ.

Вотъ какъ въ большинствѣ случаевъ ведутся свадебные переговоры и самое сватаніе. Предварительно родные жениха, положимъ — мать и сестра, взявъ съ собою хлѣбъ и соль, отправляются къ родителямъ невѣсты. Входятъ, молятся. Начинается свѣтскій — въ деревенскомъ смыслѣ — разговоръ. Мать жениха тотчасъ же и говоритъ:

— А что, люди добрые, спросите насъ — зачѣмъ мы пришли къ вамъ?

— Говорите — послушаемъ, — отвѣчаетъ мать невѣсты.

— Что еслибъ намъ Богъ помогъ то получить, чего мы пришли у васъ просить.

— Коли съ Богомъ пришли, то Богъ и поможетъ, — отвѣчаютъ родители невѣсты.

— Колибъ Богъ помогъ нашему Ивану да заручить вашу Татьяну.

— Дай Богъ. А поди, доню (это къ дочери)—позови отца.

Дѣвушка приводитъ отца, а сама становится у печки и стыдливо «колупаетъ печь» (ковырять пальцемъ глину у печки—это признакъ застѣнчивости и умѣнья держать себя передъ гостями). Здороваются.

— А что—говоритъ сваха отцу—мы ужъ сваху спрашивали, а теперь свата ждемъ.

— Ну, старый—говоритъ мать:—пришли наше дитя просить. Какъ думаешь—отдать имъ?

— А что-жъ — отдать или не отдать—я и самъ не знаю. Спросимъ у людей да и дѣвку тоже распытаемъ; а такъ, не спросивши добрыхъ людей... еще скажутъ: «на порогѣ-де платки подавали»; да еще и смѣяться будутъ люди... Развѣ она у насъ переспѣла?

— Да что тутъ толковать,—возражаетъ сваха:—они, молодежь-то, ужъ стакнулись. Вонъ Иванъ нашъ всю правду открылъ: «идите, говоритъ, мама; а я ужъ договорился—только вы идите скорехонько, чтобъ люди не помѣшали».

А дѣвушка ужъ шмыгнула въ сѣни: стыдно слушать — «стакнулись», говорятъ. — Мать зоветъ ее.

— Да гдѣ ты, Титянко! иди сюда! иди въ хату.—Дочь входитъ, конечно, вся пунцовая, и не поднимаетъ глазъ.—Такъ вотъ, доненько,—какъ твоя охота, а мы запрещать не будемъ— пусть Богъ помогаетъ.

— Спасибо, мамо, — говоритъ дѣвушка, кланяясь.

— Говори—любишь его и пойдешь за него?

Отвѣтъ на это не легко получается—стыдно сразу согласиться: еще люди скажутъ, что такъ сразу и обрадовалась.

— Любишь и пойдешь?—допытываются таки.

— Люблю,—(точно клещами вырываютъ у нея слово, которое ей смерть какъ хочется давно сказать).

— Эге, дочка! — одобряетъ и ободряетъ ее сваха: я, слава Богу, людина тихая да и недужная — тебя буду жалѣть.

— Добре,—говоритъ отецъ.—Выпьемъ-же, сваха, по чаркѣ—тогда и рѣчи найдутся. А ты, доню, поди и принеси горилки.

Дѣвушка идетъ и, возвращаясь съ водкой, кричитъ въ дверь.

— Мамо! возьмите горилку, а я не войду въ хату: а то будете пить да обо мнѣ говорить; а мнѣ стыдно слушать.

Начинается угощенье. Развязывается языкъ.

— А я вамъ, сванечко, разскажу свое горе,—начинаетъ мать невѣсты.—Дай Богъ этой дочечкѣ лучшей доли, а какъ я старшую отдавала, такъ, сдается, она еще молода была, не слѣдовало бы и отдавать такъ рано; я приневолила—подбили меня вражьи люди. «Отворяй— говорятъ — ворота, коли отворяются: такъ и дочку, говорятъ, какъ ягодочку, отдавай, коли поспѣваетъ... Ягодку рви, говорятъ, коли только начинаетъ поспѣвать, а какъ поспѣла, то и сама упадетъ». Я и отдала, и утопила ея головушку: что день—все плачется, какъ вонъ тамъ въ приказкѣ говорятъ:

Гиля, гиля, сири гуси, на писокъ!
Утопила головоньку—думала на часокъ.



Дѣдъ и внучата.

— Анъ не на часокъ, а на-вѣки. Вонъ теперь придетъ дочка и плачетъ — плачетъ и жалуется: «Вѣрно, говоритъ, матусю, я у васъ дѣла не дѣлала, что вы мою головушку навѣки утопили». Людей слушала, а своего разума не хватило, потому, сроду еще не отдавали, ну, и принасиловали бѣдную. А теперь вотъ дожила до послѣдней и говорю: «охота твоя, дитятко, иди, выбирай сама: не мнѣ съ нимъ жить».

— Нѣту, свашечко, не бойтесь, у насъ этого не будетъ. У меня семья небольшая: я да дочка, да сынокъ Ивась, а батька и совсѣмъ нѣтъ. А она какъ будетъ меня слушаться, такъ и вдесятеро буду больше любить.

— А уже, свашко, и не рано,—замѣчаетъ дочь свахи:—пора и домой. Да говорите— сегодня старостъ (сватовъ) присылать, или отложить на завтра?

— Да какъ знаете,—отвѣчаетъ мать невѣсты.

— Да ужъ что, свашко: люди будутъ слышать, что дочь ваша еще не просватана, такъ будутъ лѣзть къ вамъ, набивать голову. По моему, лучше сегодня и «хустки» давать.

— Ну, какъ знаете: коли ужъ начали, такъ и кончимъ—чтобы ужъ одно и вамъ и намъ думалось.

— Такъ давайте жъ по чаркѣ еще—«да й на кони».

Таковъ обрядъ—«на коней»—хоть и пѣшкомъ пришли.

Дома женихъ спрашиваетъ: «А что, мамо, какъ вамъ сказали?»

— Да какъ сказали?—Спасибо вамъ, дѣтки, что сами напередъ сговорились, а мы ужъ по готовому только горилки напились. Позвала сваха дочку и говоритъ: «какъ знаешь, донечко».—А она—спасибо ей—такая вышла смѣленькая да веселенькая, хоть и молоденька еще, да и говоритъ: «Я люблю его, мамо, и пойду за него».—Такъ теперь, сынку, иди старостъ зови.

На этомъ кончаются *розвидки* или *допыты*. Теперь начинается выборъ старостъ.

Женихъ является къ старостѣ. Въ хатѣ будущій староста—«дядько», его жена—«дядина» и «дядькова дочка».

— Добрый вечеръ вамъ, дядьку. Да, Боже, помоги вамъ.

— Спасибо! проходи да садись у насъ.

— Да сидня ничего не дастъ. А я пришелъ просить васъ.

— Ужъ не въ старосты-ли?—догадывается «дядина» (въ этомъ случаѣ женщины догадливѣе мужчинъ).

— Да такъ, дядино, что и угадали.

— Вотъ и намъ въ «свитилкахъ» быть («свитилка»—нѣчто въ родѣ почетной дѣвушки на свадьбѣ), радуется «дядькова дочка».

— А вы, дядечку,—говоритъ женихъ старостѣ—ужъ не оставьте меня—будьте и за батька: я сирота.

— Да ужъ быть такъ—не далъ Богъ твоему дождать. Одинъ ты былъ у него, да и того не дождался. И у насъ дѣти растутъ—Богъ знаетъ... надо помочь тебѣ. А еще-жъ кого будемъ просить?

— Омелька — я просилъ ужъ — такъ говоритъ: «пойду». Такъ пожалуйста, дядечку, теперь бы и ѣхать, пораньше, чтобъ не ждали.

Съ старостами женихъ является къ себѣ домой. Мать встрѣчаетъ. Староста говоритъ:

— Ну, благословимъ теперь. Пускай не бурлакуетъ, да хозяиномъ будетъ, а то тамъ, на нашей улицѣ говорили, что ужъ и колья всѣ на нихъ поломали, бьючись съ ними.

— Да ну ужъ, дядьку, не вспоминайте этого — упрашиваетъ женихъ, — а то матушка еще разсердится — скажетъ, что работать не въ силахъ будешь къ старости.



Сватовство.

— Да ужъ эти святки и такъ наскучило мнѣ останавливать его,—говоритъ мать.—Всю ночь гуляетъ, а утромъ спитъ—дивчина и воламъ даетъ, и на водопой ихъ гоняетъ,—а онъ выспится, и опять пропалъ...

— Ну, ужъ, мамо, полно жаловаться—лучше благословите.

— Добре—садитесь.

Потомъ вмѣстѣ съ товарищемъ жениха, съ «дружкою», всѣ, взявъ благословеніе отъ матери, отправляются къ невѣстѣ.

— Вечеръ добрый вамъ! — стучатъ старосты въ окно, непремѣнно въ окно.

— Охъ, теменко, это ужъ старосты пріѣхали,—говоритъ мать невѣстѣ.—Уходи изъ хаты.

Невѣста выбѣгаетъ въ сѣни. Иногда она просто прячется на печь.

— Да пустите же, добрые люди, въ хату!—продолжаютъ стучать старосты.—Или вы Бога не боитесь, или никогда не ѣзжали? Вонъ какое лихо на дворѣ, а вы и въ хату не пускаете!

— Да Богъ васъ знаетъ, кто вы тамъ за люди такіе, чего вы добиваетесь, — отвѣчаетъ отецъ невѣсты. — Пора ночная — кто знаетъ, что у васъ на умѣ: доброе или худое.

— Да за окномъ же не узнаете. Пустите только въ хату—хоть деньги возьмите, а пустите!

— Да поди, старый, отопри,—умилостивляется мать. Вѣдь слышно, что не жиды, а такіе жъ люди. Можетъ лихо какое, непогодь—то, спаси Богъ, и души загубимъ.

Отецъ отворяетъ изъ сѣней дверь. Входятъ старосты и женихъ съ дружкою. Невѣста хочетъ убѣжать, но женихъ съ дружкою ловятъ ее.

— Да куда ты, сердце, бѣжишь?—останавливаетъ ее женихъ.—Вонъ какая—уйти хотетъ!

— Вотъ тебѣ еще! не съ утра жъ вы тутъ стоите!—вырывается невѣста (надо же поломаться—этого требуетъ приличіе, хорошій тонъ).

— Зачѣмъ же бѣжать?—удерживаетъ женихъ.—Ты меня знаешь не со вчерашняго дня да и не нынче только; а то захотѣла, чтобъ тебя еще искали по хлѣвамъ да сараямъ.



На свадебномъ пиру.

Молодежь остается въ сѣняхъ, а старосты входятъ въ хату.

— Дай же вамъ Богъ добрый вечеръ и помоги вамъ Богъ спать, а намъ — что задумали — взять, — говорятъ старосты, молясь на образа.

— Вотъ такіе-то вы люди добрые — просились только ночевать, а теперь хотите насъ обобрать,—протестуетъ хозяйка.

— Кланяемся вамъ хлѣбомъ и солью.

— Спасибо за хлѣбъ за соль. Проходите да садитесь—сидайте.

— Да намъ не то чтобы «сидать», а чего бы поискать.

— А вы все свое! Мы васъ сажаемъ, а вы — свое! Должно быть, вы недобрые люди.

— Недобрые, или добрые, только дайте намъ поискать куницы, что прячется у васъ подъ соломенныя «копици» (копны).

— Гдѣ жъ таки вы слыхали соломенныя копны? Слава Богу, нынѣшній годъ жито уродилось — все повязали въ снопы, а сѣно въ копны гребли.

— Однако позвольте таки намъ поискать — не куницы такъ лисицы, а мы найдемъ и въ соломенной «копици». А то мы кой о чемъ и больше бъ покалякали, да не съ кѣмъ: то старо, а то мало, а такого и нѣтъ, чтобъ было съ кѣмъ покалякать—у насъ вѣдь на дворѣ еще люди есть. А ну-ка (отворяя дверь въ сѣни)—гдѣ вы тутъ, хлопци,—идите въ хату.

— Да мы тутъ—отзываются женихъ и дружко: идемъ да еще и съ собой ведемъ.

Невѣста въ сѣняхъ ломается: — «Ой, Ивашку, идите сами въ хату, а я сама войду, — а то стыдно. Охъ страхъ какой! такъ все и дрожитъ у меня — не хочу я идти вмѣстѣ».

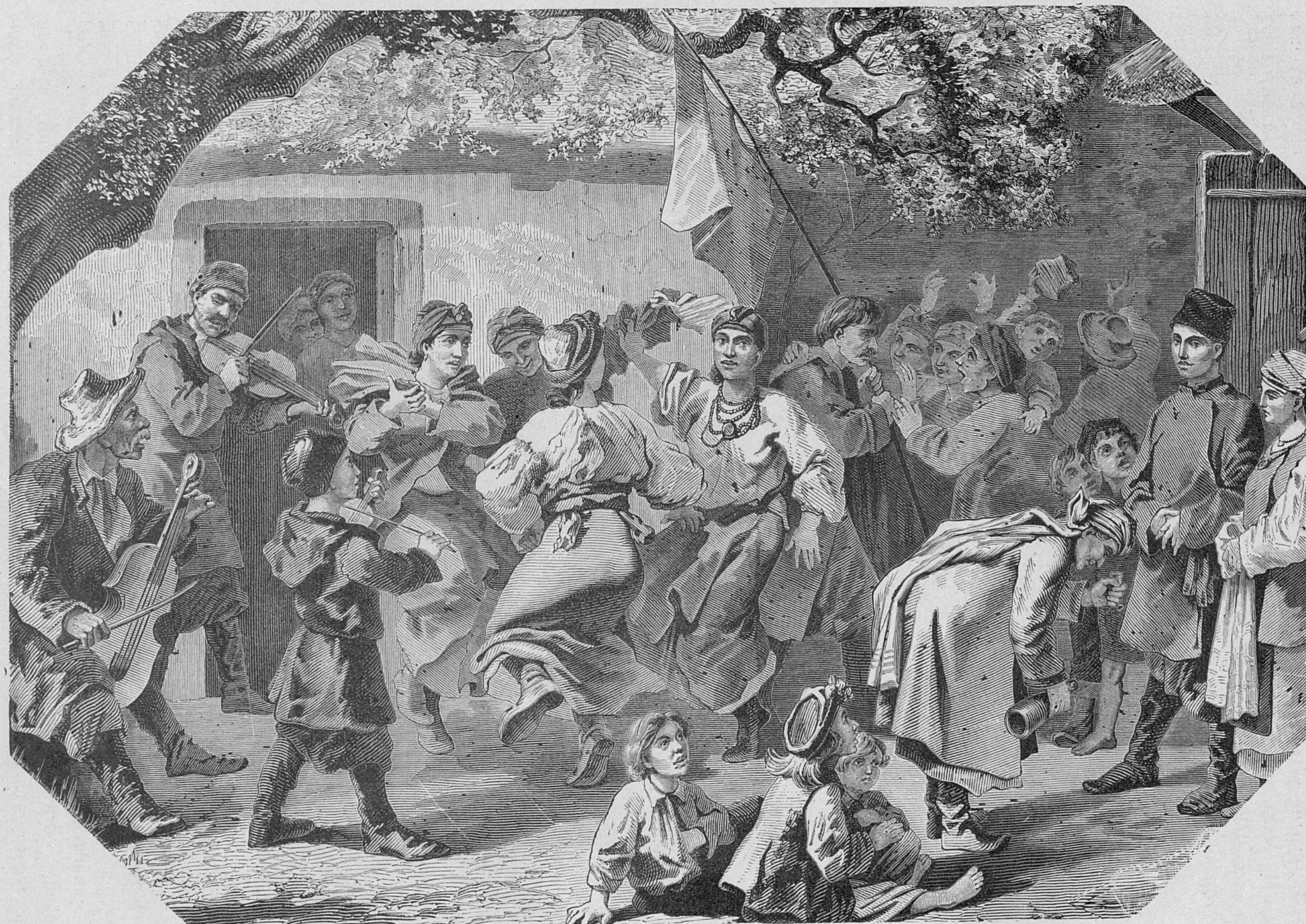
— Да пойдемъ же! — настаиваетъ молодежь.

— Карпусю, миленькій, иди съ Иваномъ! — ломается невѣста, — я сама войду.

Другой разъ старосты отворяютъ дверь—«гримають»:—«Да что это вы, хлопци-казацтина, и до сихъ поръ коней не поразсѣдлали!

— Да мы то коней поразсѣдлали, такъ уздечки не внесемъ.

Силою вводятъ невѣсту за руки — она упирается, ломается — «пручаеться, мовъ свиня



Малороссійская свадьба.

на веревци», — сказали бы злые языки. Но вотъ ее втаскиваютъ — и старосты удерживаетъ ее.

— Да это не уздечка, а молодая дѣвочка! — удивляется староста. — Вонъ оно кому чего нужно... Ну, тутъ ужъ нечего долго толковать: отдаете за нашего Ивана вашу Татьяну? Вотъ и наши молодцы—посмотрите на нихъ. А ну-ка, пройди, Иванъ, по хатѣ: не кривой ли ты, али не горбатый, али не слѣпой ли, не безбокій? (Беретъ его за руку и водитъ по хатѣ). Къ невѣстѣ: — А ну-ка, Тетяно, — это вѣдь не грушку съѣсть — придется весь вѣкъ жить.



Свадебное угощеніе.

— Дружко выводитъ невѣсту на середину хаты. Она продолжаетъ ломаться: — «Да ну ужъ — не тащи! (тихо) Развѣ я его не знаю!»

— А что — понравился нашъ парубокъ?—спрашиваетъ староста.—А нашему парубку ваша дивчина понравилась. Да и говорите ужъ — что даромъ воду варить! — пора и «ладъ робить». Да и ты, старая мать, думай живѣй, да иди ищи платки — ужъ твое такое дѣло...

— Платки найти не диковина,—упрямится яко бы отецъ:—только она мнѣ еще не заработала, и свадьбу не на что играть. Я и не думаю ее нынѣшній годъ отдавать. Хоть у нихъ тамъ платки и есть, да мнѣ ихъ платки не по нраву.

— Да что ужъ, старый! воду сколько ни вари, все вода будетъ, — возражаетъ мать.

— Ну, а коли такъ—сколько воду ни вари, все вода будетъ,—такъ несите платки.

Таковъ въ главныхъ чертахъ обрядъ сватанья: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ варьируется, но традиціонные эпическіе пріемы остаются тѣ же.

За сватаньемъ идутъ *заручины*, иначе — *рукодашны* или *руковины*. Въ этой части обряда главное дѣйствіе состоитъ въ томъ, что жениха и всю его компанію «перевязываютъ платками»; а тѣ должны «откупаться»—давать деньги въ пользу невѣсты. Потомъ молодыхъ благословляютъ хлѣбомъ, слѣпленнымъ изъ двухъ въ одинъ, и пучкомъ ржи. При этомъ идутъ угощенья и поются пѣсни. Пѣсня вообще не умолкаетъ во все продолженіе свадебной церемоніи; а она тянется нѣсколько дней, иногда и недѣль. Но нигдѣ, кажется, не поется столько пѣсенъ, какъ въ «дивичъ-вечеръ», когда убирается такъ называемое «вильце», «гильце» или «ильце». «Вильце» — это нѣчто вродѣ елки рождественской: зимой—сосновая вѣтка, а лѣтомъ — яблонная, вишневая или черемуховая — втыкается въ большой коровай, а каждую поросль ея—«пагонъ»—украшаютъ букетиками «барвинку» («барвинокъ», «зеленый барвинокъ»— символъ цѣломудрія, непремѣнная принадлежность свадьбы — vinca pervinca), калины, «чорнобривцивъ» и цвѣтными лентами; къ вѣткамъ прилѣпляютъ также и небольшія восковыя зажженныя свѣчки. Вотъ тутъ-то, когда убираютъ «вильце», и звенятъ неумолкаемо пѣсни. Здѣсь уже жениха величаютъ «княземъ», а невѣсту — «княгиней».



Свадебный плясъ.

Особенно богатъ обрядностью самый день вѣнчанья, и особенно важнымъ актомъ въ этой обрядности считается расплетеніе косы у невѣсты. Для этого дѣвушка, большею частью обливаясь слезами (прощается съ косою и съ дѣвичествомъ), садится на «ослонъ» (скамья) или

на «дижу» (квашня). Старшая дружка, обращаясь къ старостѣ, говоритъ: «Пане староста! благослови молодую расплести». — «Богъ благословитъ», — отвѣчаетъ тотъ. Холостой (непремѣнное условіе) братъ невѣсты или другой молодой родственникъ, а иногда и отецъ начинаетъ расплетать, а «дружки»-дѣвушки расчесываютъ ее, мажутъ масломъ или медомъ и вплетаютъ въ нее деньги (подарокъ жениха), кусочекъ хлѣба и зубокъ чесноку—талисманъ отъ всего недобраго. Въ это время дѣвушки-«свитилки» голосно поютъ:

Благослови, Боже,
И отецъ, и мати,
Своему дитяти
Косу расплитати.

Кромѣ этой прелюдіи поется еще множество пѣсенъ; а потомъ, когда коса расплетена и невѣста встанетъ со скамьи, ея мѣсто стараются скорѣе занять подружки: чѣмъ скорѣе которая сядетъ, тѣмъ скорѣе выйдетъ замужъ.—Иногда косу расплетаютъ въ церкви.

Затѣмъ приходитъ женихъ съ «боярами». Невѣста даритъ молодому—«хустку», боярамъ—«рушники» собственной работы, которые они и носятъ за поясомъ. Родители благословляютъ



Троицынъ день.

брачущихся. Дружка подаетъ имъ «хустку», за которую они и берутся руками, а самъ дѣлаетъ нагайкой или палкой въ дверяхъ крестъ и выводитъ молодыхъ. Мать осыпаетъ ихъ хмѣлемъ. Въ поѣздѣ идутъ дружки, за нимъ «свитилки»-подружки, изъ коихъ одна несетъ брачныя свѣчи, а другая—мечъ (часто деревянный), перевитый барвинкомъ, рутою и т. д. За ними—брачущіеся со всѣми гостями. Всю дорогу тоже поютъ. Когда невѣста сирота, ей припѣваютъ между прочимъ: «не забудь, молодая, къ матусѣ зайти; растопчи ножками траву-мураву; размой слезыньками жолты пески; сними рученьками гробовую доску; поклонися матынькѣ низенько въ ножки»

На возвратномъ пути изъ церкви опять поютъ всю дорогу.

Слѣдующіе затѣмъ безчисленные обряды и церемоніи, пѣсни и причитанья, которымъ конца нѣтъ, пиры и развлеченія, поражающіе иногда своею младенческою непосредственностью—мы считаемъ излишнимъ изображать здѣсь, хотя многое во всемъ этомъ и для археолога, и

для антрополога, и для историка представляетъ неисчерпаемый источникъ для сравненій, сопоставленій и выводовъ, можетъ быть, капитальныхъ для науки. Повторяемъ, если геніальный соціологъ Спенсеръ, на основаніи отрывочныхъ данныхъ относительно разныхъ обрядностей у дикихъ народовъ, строитъ изумляющія своею смѣлостью и капитальностью научныя теоріи и по нимъ объясняетъ строй жизни современнаго, высоко-цивилизованнаго общества,— то наука въ правѣ ожидать еще болѣе геніальныхъ выводовъ въ области соціологіи при изученіи хотя бы одной украинской свадьбы со всѣми ея мельчайшими обрядовыми подробностями.

Отъ свадьбы—естественный переходъ къ *смерти* и *похоронамъ*.

Обрядъ смерти начинается раньше, чѣмъ больной перестаетъ жить, сознавать и чувствовать. Трудно умирающему даютъ въ лѣвую руку зажженную восковую свѣчу, а правую оставляютъ свободною, чтобъ было чѣмъ на страшномъ судѣ креститься. Въ это же время, пока умирающій мучится, въ церкви звонятъ протяжно «на отходъ души»... Каково-же умирающему слышать этотъ похоронный звонъ по самомъ себѣ!

Рубашку съ мертваго снимаютъ не такъ, какъ съ живого: раздираютъ отъ пазухи до подола. Мертвеца одѣваютъ во все чистое и кладутъ на лавку подъ тою стѣною, гдѣ два окна. Въ головахъ ставятъ зажженную свѣчу, а на окнѣ—ковшъ съ чистою водою: душа покойника въ теченіе трехъ дней возвращается въ родную хату черезъ окно, какъ ласточка, и пьетъ поставленную ей воду.

Глаза мертвецу стараются закрыть поплотнѣе; а иначе онъ будетъ высматривать, кого бы еще взять съ собою въ невѣдомую дорогу.

Умершаго ребенка кладутъ подпоясаннымъ, а то какъ на томъ свѣтѣ ему дадутъ яблочко и онъ положитъ его за пазушку, то яблочко упадетъ—укатится. И ногтей мертвому не надо срѣзывать: *тамъ* ему придется на высокую гору карабкаться.

Когда покойникъ ночуетъ въ хатѣ, то около него сидятъ постороннія немолодыя женщины. Они «стерегутъ душу», которая прилетаетъ къ покойнику въ видѣ мухи, жужжитъ надъ нимъ и пьетъ поставленную для нея въ ковшѣ воду. Они же стерегутъ мертвеца и отъ чорта. Какъ глубоко народъ чувствуетъ всесильное присутствіе смерти около покойника, можно судить потому, что даже въ сосѣднихъ домахъ не велятъ утромъ пить воду, оставленную на ночь: и эту воду могла пить душа покойника, ночью посѣщающая знакомыя мѣста.

Гробъ, который въ Малороссіи называется «домовиною», обыкновенно дѣлаютъ сосѣди покойника. Родственники послѣдняго такъ приглашаютъ работниковъ на это, обязательное для нихъ дѣло:

— «Идите, добрые люди, къ намъ—строить батьку (или матери) новую хату: не захотѣлъ въ старой жить». Эти-же сосѣди копаютъ и могилу покойнику: «и мы помремъ—и намъ добрые люди выкопаютъ», — говорятъ они обыкновенно.

Бываетъ и такъ, что старики сами дѣлаютъ для себя гробъ, въ виду скораго приближенія смерти: «Годовъ за десять до смерти—разсказывалъ г-ну Кулишу одинъ украинецъ,—покойный панъ-отецъ (царство имъ небесное!) сдѣлали себѣ домовину—дубовую да просторную, и отдушинку въ головахъ пустили, чтобъ легче было душѣ на страшный судъ выйти;—сдѣлали да и легли въ нее—попробовать: не будетъ-ли коротка либо узка.—«Хороша—говоритъ—будетъ вѣчная моя хата».—Потомъ поставили ее въ комору да и насыпали до краевъ самою лучшею пшеницею, и эту пшеницу каждый годъ раздавали нищимъ, а новою опять насыпали домовину».—Прекрасная, чисто народная черта.

Когда гробъ готовъ, то гробовщики вносятъ его въ хату и ставятъ на скамьѣ рядомъ съ покойникомъ, а топоры, бурава, долота и другіе инструменты кладутъ подъ гробомъ на ночь, до другого дня.

Когда покойника выносятъ изъ хаты, то три раза стучатъ гробомъ о порогъ: это семьянинъ послѣдній разъ прощается съ семьею.

Старухѣ въ гробъ кладутъ маку—кормить на томъ свѣтѣ внучатъ.

За покойникомъ запираютъ хату и ворота, и завязываютъ поясомъ, чтобы смерть не вернулась и чтобъ за умершимъ не ушло его добро—птицы, скотъ, пчелы. Сопровождающимъ покойника раздаютъ «коржики» (лепешки съ медомъ). Когда несутъ мертвеца мимо какой-либо хаты, то нельзя смотрѣть черезъ окно: кто посмотритъ и дотронется потомъ рукою до какой-либо части своего тѣла, то тамъ сдѣлается «мертвая кость».

На могилѣ «козака» вывѣшиваютъ «хусточку»—въ родѣ маленькаго флага.

Каждыя похороны сопровождаются «голосиннями» (причитаньями) со стороны ближайшихъ родныхъ—жены, сестеръ, дочерей. И каждое изъ этихъ причитаній имѣетъ свой характеръ, выражающій отношеніе причитальщицы къ покойнику. Вотъ, напримѣръ, какъ «голоситъ» сестра надъ умершимъ братомъ «парубкомъ»:

Братику, мое сонечко!
Братику, мій мисяцю ясный!
Чомъ ты мене не обогриваешь?
Чомъ до мене не розмовляешь?
Чого-жъ ты на мене розсердився,
Мій миленькій братику?
Де-жъ твои ниженьки ходили,
Де-жъ твои рученьки робили—
На що ни глянемо,
Споминать тебе будемо,
Та будемо плакати.
У якую ты пишовъ дороженьку?
Чи до чистаго поля?
Чи до синяго моря,
Чи до червоной калины,
Чи до черной могилы? и т. д.

Намъ остается закончить этотъ очеркъ *народнымъ дневникомъ*. Подъ «народнымъ дневникомъ» разумѣются обычаи и обряды, принадлежащіе исключительно опредѣленнымъ временамъ года и днямъ, а равнымъ образомъ и повѣрья, связанныя съ послѣдними. «Мы включили сюда и пѣсни, которыя поются единственно въ опредѣленное время года и составляютъ особый многочисленный отдѣлъ народной поэзіи (говоритъ г. Костомаровъ въ предисловіи къ III-му тому собранныхъ г. Чубинскимъ и изданныхъ географическимъ обществомъ матеріаловъ для народнаго дневника). Таковы пѣсни весеннія («веснянки»), которыя поются съ ранней весны до Троицы, въ то время, когда молодежь обоего пола сходится на улицѣ. Многія изъ этихъ пѣсенъ соединены съ играми. За ними слѣдуютъ «русальныя» или троицкія, «купальскія», соединенныя съ народнымъ празднествомъ Купала, 23—24 іюня, «обжиночныя»—при лѣтнихъ полевыхъ работахъ, «колядки»—на рождественскихъ святкахъ, и «щедривки»—наканунѣ новаго года. Всѣ эти пѣсни болѣе, чѣмъ всякія другія, заключаютъ въ себѣ остатокъ глубокой первобытной старины, хотя съ измѣненіями, накопившимися въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ... Въ настоящее время, когда въ народъ вошло уже много новыхъ пріемовъ жизни и понятій, старина эта теряетъ легальную повсемѣстную и неизмѣнную силу. Нѣкоторые обычаи и обряды въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ утрачиваются, въ другихъ хотя и сохраняются, но народъ уже перестаетъ придавать имъ значеніе необходимости; они для него остаются только какою-то художественною обстановкой жизни. Многія повѣрія хотя и передаются изъ устъ въ уста, но перестали быть предметомъ искренняго вѣрованія, такъ что легко можно встрѣтить передающаго повѣріе и въ то-же время готоваго посмѣяться надъ нимъ, если его спросить, точно ли онъ такъ вѣритъ. Все зависитъ отъ большаго или меньшаго расширенія взгляда, силы природнаго ума и знакомства съ новыми понятіями. Поэтому, всѣ указываемые здѣсь признаки народной жизни хотя дѣйствительно и существуютъ въ народѣ, но тотъ ошибся бы, кто бы подумалъ, что они связываютъ и сковываютъ народную жизнь вродѣ талмудическихъ правилъ евреевъ. Всѣ эти признаки могутъ существовать еще долго, даже и при большемъ развитіи народа, составляя поэтическую обстановку его жизни, драгоцѣнность старины, завѣщанной отъ предковъ, но никакъ не строгаго закона, убивающаго свободу мысли и воли».

Новый годъ въ Малороссіи встрѣчаютъ весьма своеобразно. Рано утромъ мальчики ходятъ по хатамъ «засѣвать». Берутъ въ рукавицу разныхъ смѣшанныхъ въ кучу хлѣбныхъ зеренъ и, стоя у порога хаты, обсыпаютъ этими зернами хозяина и хозяйку, выкрикивая: «на счастье, на здоровье, на новое лѣто! Роди, Боже, жито, пшеницу и всякую пашницу!» Иногда посѣвальщики водятъ «хлопця», одѣтаго козою, съ ушами изъ колосьевъ. Посыпанныя зерна хозяева собираютъ для разныхъ надобностей: на нихъ гадаютъ, ихъ бросаютъ въ землю при новыхъ посѣвахъ, даютъ птицѣ въ кормъ. Такія зерна обладаютъ таинственною силою.

5-го января, наканунѣ Крещенія, бываетъ *голодна кутя*. «Голодная» — потому, что въ этотъ день не ѣдятъ «до кути», т. е. до вечера. А «кутья» и «узваръ» (сладкій супъ) съ утра стоятъ «на покути». Передъ ужиномъ хозяинъ призываетъ въ хату «морозъ» ужинать. Послѣ ужина, за которымъ, послѣ разныхъ обрядовъ, съѣдается «кутя» и «узваръ», парубки выходятъ на дворъ — «прогонять кутю»: стучатъ въ ворота, въ заборъ, стрѣляютъ изъ ружей.



Гаданье на вѣнкахъ.

Во время *масленицы* справляютъ *колодку*. Это—бревно, которое бабы пеленаютъ на подобіе ребенка. Въ понедѣльникъ «колодка» родится — и бабы поздравляютъ другъ друга съ ея рожденіемъ; во вторникъ колодка крестится; въ среду—покрестьбины; въ четвергъ она умираетъ; въ пятницу ее хоронятъ; въ субботу плачутъ. Что означаетъ обрядъ колодки — невѣдомо никому: «такъ треба» — говорятъ.

Скоро затѣмъ приходитъ *весна* съ своими *веснянками* и разными весенними играми: празднуется *Леля* — это торжество красивѣйшей изъ дѣвушекъ, раздающей вѣнки подружкамъ; совершается *кривый танецъ*—хороводъ съ пѣніемъ и завиваніемъ вѣнковъ; играются — *король, шумъ, горобейко, галка* и пр. и при этомъ поется безчисленное множество «веснянокъ».

Но самыя важныя — *русальныя* и *купальскія пѣсни*. Въ «русальную недѣлю» русалки или «мавки» господствуютъ не только въ своемъ царствѣ — въ водахъ, но и на землѣ. Онѣ выходятъ изъ рѣкъ, нагія, съ распущенными волосами; плаваютъ при лунѣ, плещутся, бѣгаютъ по полямъ, качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, заманиваютъ прохожихъ. Русальныя пѣсни и имѣютъ содержаніемъ эти похожденія русалокъ. Напр.:

Сидила русалочка на билій березі,
Просила русалочка въ жиночокъ намитки и т. д.

Торжество *„Купалы“* — одно изъ популярнѣйшихъ въ Малороссіи. Оно совершается съ 23-го на 24-е іюня, въ ночь, полную какой-то таинственности для всѣхъ народовъ Европы. Мы не станемъ говорить о безчисленныхъ повѣріяхъ, связанныхъ съ этою ночью: въ эту ночь и



Малороссійскія колядки.

вѣдьмы летаютъ на кочергахъ да на помелахъ на Лысую гору, какъ изображено здѣсь на рисункѣ, и деревья разговариваютъ и переходятъ съ мѣста на мѣсто, и папоротникъ цвѣтетъ и т. д. Скажемъ только о «*купалѣ*» и неразлучной съ нимъ «*маренѣ*». И «марена» и «купала»— это большею частью чучела, украшенныя зеленью, цвѣтами, «намистами», лентами. На мѣстѣ игрища «купалу» и «марену» ставятъ рядомъ, и тутъ же зажигаютъ костры, около которыхъ и кружится молодежь съ пѣснями, вродѣ:

Купала на Йвана,
Купався Иванъ,
Та въ воду упавъ и т. д.

Или о томъ, какъ вѣдьма —

На дубъ лизла,
Кору грызла,
Зъ дуба впала,
Зилля копала, и т. д.

«Парубки» отнимаютъ у «дивчатъ» «марену» и разрываютъ ее или топятъ въ водѣ; а «дивчата» поютъ: «утонула мареночка, утонула, та наверхъ кисонька зринула», и т. д.

Тутъ же молодежь прыгаетъ черезъ костры, бросаетъ въ воду вѣнки съ зажженными свѣчами; гадаютъ, купаются — и все это съ извѣстною обрядностью, смыслъ которой утра-



Празднованіе «Купалы».

тился въ теченіе вѣковъ и едва ли остается надежда, чтобъ и наука отыскала то, что утрачивалось или искажалось вѣками. Для народа достаточно одной внѣшней обрядности, а молодость находитъ въ этой обрядности удовлетвореніе своимъ молодымъ поэтическимъ порывамъ. И, конечно, долго еще будутъ раздаваться въ глухихъ мѣстахъ Малороссіи «купальскія» «русальскія» пѣсни, и «колядки», и все, что такъ краситъ непригляднуюжизнь бѣднаго люда;



Малороссійская перевозчица.

долго еще будутъ топить Марену, ходить на Рождество Христово съ бумажною *звѣздою*, какъ изображено на рисункѣ; а можетъ быть новая жизнь — жизнь развитія знаній со всѣми ея нивеллирующими факторами — скоро вступитъ въ свои права и въ Малороссіи, изгонитъ всю эту старину, всю эту допотопную, троглодитную, хоть поэтическую, обрядность — и памятниками этой вымирающей народной жизни для будущихъ научныхъ теорій и выводовъ останутся только одни свидѣтели: записанные доселѣ и изданные драгоцѣнные томы матеріаловъ, которые впослѣдствіи будутъ составлять для науки такіе же незамѣнимые памятники погребенной на вѣки народной жизни, какіе добыты новѣйшими раскопками и изысканіями Шимпольона, Роулинсона, Шлимана, Самоквасова, Богданова, гр. Уварова и др. — для исчезнувшей жизни Вавилона, Египта, Трои и нашихъ славянскихъ предковъ—славянскихъ троглодитовъ. И хоть не скоро, но это будетъ такъ: свѣтъ возьметъ свое у тьмы...

Д. Л. Мордовцевъ.



Пасѣка.

ОЧЕРКЪ II.

ДРЕВНОСТИ КІЕВО-ДНѢПРОВСКОЙ РУСИ.

а) АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО МАЛОРОССІИ.

Памятники культуры каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ. — Памятники скиѳскіе и славянскіе.

Вѣетъ надъ могилой
Вѣетъ буйный вѣтеръ
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы
Сухую былинку
Перекати—поле;
Будитъ буйный вѣтеръ,
Будитъ—не пробудитъ
Дикую пустыню—
Тихій сонъ могилы.

КОЛЬЦОВЪ.

Въ мыслящихъ людяхъ, — по замѣчанію академика К. М. Бера, — ни одинъ научный вопросъ не возбуждаетъ столь общаго интереса, какъ вопросъ о древнѣйшемъ состояніи человѣческаго рода». Но долгое время казалось невозможнымъ узнать что-либо положительное о жизни людей до времени появленія письменности; а въ особенности, казалось покрытымъ вѣчнымъ, непроницаемымъ мракомъ первобытное состояніе обитателей сѣверныхъ и среднихъ областей Европы, гдѣ письменность появилась очень поздно, уже въ христіанскую эпоху. За отсутствіемъ положительныхъ средствъ познанія, философы и историки обращались къ помощи воображенія и создавали фантастическія теоріи первобытнаго состоянія и домашняго и общественнаго быта ихъ предковъ.

Только въ текущемъ столѣтіи открыты наукою положительныя средства познанія условій жизни человѣка въ первобытныхъ состояніяхъ, какими представляются намъ выводы сравнительнаго изученія быта современныхъ намъ дикарей и изученіе памятниковъ древности, сохранившихся въ землѣ.

Со времени открытія Новаго Свѣта, путешественниками собрано было много данныхъ о внѣшнихъ условіяхъ жизни дикарей, ихъ нравахъ и обычаяхъ; но этотъ матеріалъ казался ненужнымъ при изученіи исторіи цивилизованныхъ народовъ, а потому оставался до новѣйшаго времени почти безъ всякой научной обработки. Возможность и необходимость пользованія изученіемъ быта дикарей, какъ средствомъ познанія быта предковъ европейскихъ наро-

довъ, въ первый разъ точно и ясно формулирована историкомъ Америки англичаниномъ Робертсономъ. Кто желаетъ,—говоритъ онъ,—пополнить пробѣлы въ нашемъ знаніи исторіи духа человѣческаго и получить истинное знаніе человѣческой природы, тотъ долженъ изучать человѣка во всѣхъ его положеніяхъ, въ какія онъ поставленъ природою, долженъ слѣдить за его развитіемъ въ различныхъ состояніяхъ общественности, начиная со степени общественнаго дѣтства до степени общественной возмужалости. Древніе историки и философы не имѣли почти никакой возможности наблюдать человѣка въ состояніи дикости. Гражданственность сдѣлала уже значительный прогрессъ во всѣхъ странахъ земли, извѣстныхъ древнимъ народамъ, прежде чѣмъ сдѣлалась предметомъ наблюденій древнихъ историковъ. У древнихъ писателей скифы и германцы представляются народами, стоявшими на низшей ступени цивилизаціи того времени; но эти народы уже владѣли стадами домашнихъ животныхъ, были знакомы съ различными видами собственности, стояли уже на высокой степени цивилизаціи, сравнительно съ народами первоначальной дикости.

Открытіе Новаго Свѣта увеличило сферу научныхъ наблюденій, представило намъ зрѣлище народовъ, стоявшихъ на степени первоначальной дикости, ниже которой не можетъ представить себѣ человѣка наше воображеніе. Здѣсь встрѣчаемъ общества, которыя только что начинаютъ формироваться, получаемъ возможность наблюдать чувствованія и дѣйствія людей въ періодъ общественнаго дѣтства, въ моментъ, когда люди только что начинаютъ сознавать силу общественныхъ связей и когда они только что отказались отъ части ихъ естественной свободы. Первоначальное состояніе человѣчества, существовавшее на нашемъ континентѣ только въ фантастическихъ представленіяхъ поэтовъ, открыто дѣйствительно существующимъ на другомъ полушаріи. Дальнѣйшее наблюденіе условій жизни первобытныхъ народовъ доказало, что различные народы, очень удаленные другъ отъ друга, но живущіе при одинаковыхъ условіяхъ домашней и общественной жизни, представляютъ больше сходственныхъ чертъ въ политической организаціи, нежели одинъ и тотъ же народъ въ различные періоды его общественнаго развитія. Благодаря этому закону, сравнительное изученіе общественнаго быта дикихъ и полудикихъ народовъ является могущественнымъ средствомъ познанія древности, даетъ возможность посредствомъ изученія быта народовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, и сравненія полученныхъ выводовъ съ извѣстными фактами исторіи того или другого народа, поставитъ наши знанія по вопросу о первобытномъ состояніи современныхъ намъ цивилизованныхъ народовъ на положительныя основанія. Методъ историка въ этомъ случаѣ является методомъ натуралиста, изучающаго развитіе даннаго организма посредствомъ наблюденія составныхъ элементовъ и условій развитія однородныхъ организмовъ, различныхъ возрастовъ, но живущихъ одновременно.

Реальныя основанія для сравненія условій жизни нашихъ предковъ съ условіями жизни современныхъ намъ дикихъ и полудикихъ народовъ Новаго Свѣта открыты только въ текущемъ столѣтіи. Правда, еще въ прошедшемъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ любители курьезовъ-рѣдкостей собирали загадочные для нихъ предметы изъ камня и бронзы, имѣвшіе форму наконечниковъ стрѣлъ и копій, клиньевъ, топоровъ, кинжаловъ, пилъ и пр.; но никто не придавалъ этимъ предметамъ значенія, какъ средства познанія исторіи нашихъ предковъ, достойнаго серьезнаго научнаго изслѣдованія. Только во второй четверти нашего столѣтія, съ усвоеніемъ въ средѣ ученыхъ мысли о возможности пользоваться бытомъ дикарей, какъ средствомъ познанія быта древнихъ народовъ, было обращено серьезное вниманіе науки на указанныя рѣдкости, находимыя въ землѣ Стараго Свѣта. Сравненіе такихъ предметовъ, найденныхъ на почвѣ Европы, съ орудіями дикарей доказало, что тѣ и другія имѣли одинаковое назначеніе. Отсюда выведено было несомнѣнное заключеніе, что предки цивилизованныхъ европейцевъ жили нѣкогда при тѣхъ же условіяхъ культуры, какія найдены у дикарей Новаго Свѣта. Это убѣжденіе побудило ученыхъ тщательно изыскивать и изучать сохранившіеся въ землѣ остат-

ки культуры первобытныхъ европейцевъ. Первыми работниками въ этомъ направленіи были датскій ученый Томсенъ и шведскій ученый Нильсонъ, справедливо почитаемые отцами европейской археологіи. Съ того времени различными учеными въ различныхъ областяхъ Европы открыто множество фактовъ, характеризующихъ собою условія частной и общественной жизни европейцевъ глубочайшей древности, казавшейся еще въ началѣ нашего столѣтія совершенно недоступною для научнаго изученія. Открыты естественныя пещеры-жилища человѣка, современнаго мамонту, пещерному медвѣдю, покрытому шерстью носорогу и другимъ, давно уже вымершимъ животнымъ, а также естественныя и искусственныя пещеры-жилища человѣка болѣе позднихъ историческихъ эпохъ; открыты слѣды общественныхъ поселеній глубокой древности, расположенныхъ, какъ на сушѣ, по берегамъ морей, рѣкъ, озеръ и болотъ, такъ и на водѣ, построенныхъ на сваяхъ, со множествомъ различныхъ предметовъ домашней обстановки первобытнаго человѣка; открыто множество могилъ разнообразнаго устройства и содержанія, относящихся къ различнымъ временамъ; наконецъ, открыто множество предметовъ, представляющихъ собою древнее оружіе, орудія для защиты, нападенія и добыванія пищи; предметы домашней обстановки, одежду, украшенія, збрую, предметы языческаго богослуженія и проч.

Соотвѣтственно задачѣ настоящаго очерка, вскрывая страницу подземной лѣтописи, относящуюся до черноземной области Приднѣпровья, я буду слѣдовать принятой въ западноевропейской археологіи классификаціи древнѣйшихъ слѣдовъ человѣческой культуры на три разряда: памятники вѣка каменной культуры, памятники періода бронзовой культуры и памятники культуры желѣзной. Но въ послѣднемъ разрядѣ я отдѣляю памятники скифскаго періода отъ памятниковъ періода славянскаго, а между послѣдними памятники славянскіе отъ памятниковъ неизвѣстныхъ народностей.

I. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ КАМЕННАГО ПЕРІОДА.

Періодъ каменной культуры въ Малороссіи начался въ отдаленнѣйшую эпоху одновременнаго существованія человѣка и мамонта, но кончился до времени первыхъ историческихъ извѣстій, дошедшихъ до нашего времени, о черноземной области Приднѣпровья и ея обитателяхъ. Такимъ образомъ, открытые по настоящее время слѣды человѣка каменнаго вѣка въ предѣлахъ Малороссіи являются въ то же время единственными памятниками культуры ея древнѣйшихъ обитателей. Къ такимъ памятникамъ принадлежатъ расколотыя человѣкомъ кости мамонта и современныя мамонту человѣческія орудія, слѣды общественныхъ поселеній, могилы, клады и случайныя находки отдѣльныхъ предметовъ каменнаго вѣка.

1) Древнѣйшими слѣдами человѣка въ предѣлахъ Малороссіи являются открытыя въ текущемъ двадцатилѣтіи въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ кости вымершихъ животныхъ, расколотыя человѣкомъ, съ цѣлью воспользоваться заключеннымъ въ нихъ любимымъ лакомствомъ первобытныхъ народовъ, и найденныя при такихъ костяхъ кремневыя и костяныя орудія.

Въ 1873 году въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ с. Гонцахъ, на склонѣ р. Удая, на глубинѣ 4 аршинъ отъ поверхности земли, открыты костяное шило, костяной, заостренный наконечникъ, множество различной формы кремневыхъ осколковъ, 47 поломанныхъ или неудавшихся орудій изъ кремня, мелкія обугленныя кости различныхъ животныхъ и много крупныхъ костей мамонта, принадлежавшихъ по крайней мѣрѣ шести индивидамъ, набросанныхъ въ безпорядкѣ и расколотыхъ или разбитыхъ человѣкомъ. Кремневыя орудія, по своей формѣ и отдѣлкѣ принадлежать къ древнѣйшему типу каменныхъ орудій и имѣютъ совершенное сходство съ орудіями вѣка мамонта, найденными при одинаковыхъ условіяхъ въ западной Европѣ. По мнѣнію г. Каминскаго, сообщившаго свѣдѣнія объ этомъ открытіи кіев-

скому съѣзду археологовъ, видъ и подборъ сказанныхъ костей, пространство, ими занимаемое, ихъ взаимное расположеніе и количество, нахожденіе между ними обугленныхъ экземпляровъ форма и количество орудій, составъ слоя почвы, въ которомъ сдѣлана находка—все это, вмѣстѣ взятое, наводитъ на мысль о долгомъ пребываніи здѣсь, одновременно съ мамонтомъ, большого охотничьяго племени, занимавшагося здѣсь же производствомъ простѣйшихъ кремневыхъ орудій и знавшаго уже употребленіе огня.

Г. Каминскій нашелъ также обломокъ кремневаго тесла вмѣстѣ съ частью нижней челюсти мамонта въ с. Вьязовкѣ, въ 10 верстахъ отъ города Лубенъ, внизъ по р. Сулѣ, въ оврагѣ, вымытомъ въ древнемъ илистомъ наносѣ, содержащемъ округленные булыжники разныхъ горныхъ породъ.

По сообщенію священника с. Дегтяревки, Новгородсѣверскаго уѣзда Черниговской губерніи, при сооруженіи ограды вокругъ мѣстнаго храма, стоящаго на высокой горѣ, на глубинѣ двухъ аршинъ, была найдена куча костей мамонта, большею частію расколотыхъ; на одной изъ частей голени явственно замѣтны слѣды ударовъ острымъ орудіемъ, посредствомъ которыхъ произведенъ расколъ.

По сообщенію г. Зубко-Мокіевскаго, при небольшой провѣрочной раскопкѣ, произведенной имъ въ 1879 году въ с. Шаповаловкѣ, Конотоповскаго уѣзда Черниговской губерніи, на берегу озера, въ обрывѣ, поднимающемся до двухъ саженей надъ поверхностью воды, гдѣ, по сказанію мѣстныхъ жителей были находимы кости необыкновенной величины, встрѣчены имъ на глубинѣ $3^1/_2$ аршинъ кости мамонта и кремневой ножикъ, съ явственными слѣдами его употребленія.

Сохранность костей и отсутствіе на нихъ слѣдовъ стиранія, по мнѣнію г. Зубко-Мокіевскаго, доказываютъ, что онѣ принадлежатъ животному, умершему на мѣстѣ находки, а не были принесены туда теченіемъ воды; съ другой стороны, безпорядокъ въ расположеніи костей доказываетъ, что естественный порядокъ скелета былъ нарушенъ до времени погребенія животнаго, по всей вѣроятности, человѣкомъ, оставившимъ въ томъ же слоѣ земли одно изъ своихъ грубыхъ орудій.

Приведенными случаями исчерпывается количество нашихъ свѣдѣній о слѣдахъ человѣка времени мамонта, открытыхъ по настоящее время въ Малороссіи. Но во многихъ уѣздахъ Черниговской, Полтавской и Кіевской губерній мѣстные крестьяне разсказываютъ о находкахъ «костей великановъ», «громадныхъ костей», «звѣриныхъ костей необыкновенной величины» и проч. Очень можетъ быть, что, при большей распространенности археологическихъ познаній въ нашемъ обществѣ, рядомъ съ костями вымершихъ животныхъ, были бы чаще находимы слѣды древняго человѣка; но до настоящаго времени на нихъ въ большинствѣ случаевъ не обращали никакого вниманія, потому что орудія человѣка, современнаго мамонту, такъ просты, до такой степени для неопытнаго глаза мало отличаются отъ случайныхъ кремневыхъ и костяныхъ осколковъ, что обратить на нихъ вниманіе можетъ только глазъ, сколько нибудь знакомый съ археологическими предметами и условіями ихъ мѣстонахожденія.

2) Слѣды общественныхъ поселеній каменнаго періода открыты мною во многихъ мѣстностяхъ Черниговской, Полтавской и Кіевской губерній. Въ 1873 году, чрезъ посредство варшавскихъ археологовъ, я впервые познакомился съ песчаными побережьями рѣкъ, озеръ и болотъ, представляющими богатыя хранилища предметовъ культуры человѣка каменнаго вѣка. Послѣ сильныхъ вѣтровъ, удаляющихъ съ извѣстной мѣстности верхній слой сыпучаго песка, обнажается культурный слой почвы и на его поверхности открываются орудія человѣка глубокой древности. При такихъ условіяхъ археологами царства Польскаго собраны были богатыя коллекціи каменныхъ орудій. Съ того времени, при дальнѣйшихъ моихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Малороссіи, я сталъ обращать вниманіе на песчаныя побережья рѣкъ, озеръ и болотъ и успѣлъ уже собрать на нихъ болѣе 1,200 предметовъ каменнаго вѣка, пред-

ставляющихъ собою различной формы и величины наконечники стрѣлъ и копій, ножи и ножики, долота, проколки, молотки, топоры, скребки, пилки, узорчатые глиняные черепки, обугленныя кости и проч. Наиболѣе интересныя находки при сказанныхъ условіяхъ были сдѣланы мною въ слѣдующихъ мѣстностяхъ. Въ 1874 г. въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ с. Пироговки, на песчаныхъ побережьяхъ рѣкъ Десны и Шостки, въ теченіе одного дня, мною собрано до 50 узорчатыхъ черепковъ грубой глины и болѣе двухъ тысячъ кремневыхъ осколковъ, изъ которыхъ многіе представляли собою поломанныя или неудавшіяся орудія и около пятидесяти—вполнѣ уцѣлѣвшіе наконечники стрѣлъ и копій, ножики, проколки, долота и проч. Въ этой мѣстности не было найдено никакихъ слѣдовъ отъ предметовъ металлическихъ, а всѣ каменныя орудія—нешлифованныя. Въ 1876 году, проѣзжая песчаную мѣстность къ Кролевецкомъ уѣздѣ, у Сабицкаго парома, я замѣтилъ въ обрывѣ песчаной возвышенности подмытый водою, черноватый слой, около $1^1/_2$ четвертей толщиною, на глубинѣ около трехъ аршинъ отъ поверхности горы. Изслѣдовавъ этотъ слой на пространствѣ не болѣе одной квадратной сажени, я нашелъ, что онъ состоитъ изъ перегноя органическихъ веществъ, мелкихъ обугленныхъ косточекъ, рѣчныхъ раковинъ, грубыхъ глиняныхъ черепковъ и множества кремневыхъ осколковъ, между которыми нешлифованный наконечникъ копья и четыре прекрасной формы наконечника стрѣлъ. При посѣщеніи мною небольшой песчаной возвышенности, лежащей въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, у с. Кудлаевки, надъ Очинскимъ озеромъ, часть ея, на пространствѣ около ста квадратныхъ саженей, освобожденная отъ верхняго слоя песку сильнымъ вѣтромъ, бывшимъ наканунѣ и въ день моего посѣщенія, найдена мною почти сплошь покрытою кремневыми осколками, глиняными черепками, рѣчными раковинами и рыбными костями. Здѣсь, между прочимъ, собраны мною до 60 экземпляровъ прекрасной формы нешлифованныхъ, преимущественно мелкихъ кремневыхъ орудій и между ними 7 экземпляровъ изъ наиболѣе изящныхъ въ моей коллекціи. Столько же изобильны слѣдами культуры человѣка глубокой древности песчаныя побережья Днѣпра и Трубежа въ предѣлахъ Переяславскаго и Золотоношскаго уѣздовъ, а также побережья Днѣпра, Роси и Россавы въ предѣлахъ Каневскаго и Черкасскаго уѣздовъ. Особенностью песчаныхъ побережій Днѣпра и Трубежа, сравнительно съ побережьями Десны, въ Новгородсѣверскомъ и Кролевецкомъ уѣздахъ, является присутствіе металлическихъ предметовъ, рядомъ съ предметами каменными. Въ 1877 году на обширной песчаной возвышенности, у с. Хоцки Переяславскаго уѣзда, рядомъ съ кремневыми орудіями, найдены мною 8 бронзовыхъ и 6 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, а также два глиняныхъ сосуда съ сожжеными человѣческими костями. То же совмѣстное присутствіе орудій разныхъ періодовъ замѣчено на песчаныхъ побережьяхъ р. Трубежа, осмотрѣнныхъ г. Кибальчичемъ въ 1879 году. Въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на песчаныхъ холмахъ противъ р. Роси, собрана большая часть прекрасной коллекціи М. А. Максимовича бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ; тамъ же найдены 8 кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и два кремневыхъ ножа, поступившихъ въ коллекцію Максимовича, а также два топора изъ діорита, со сверлами, поступившихъ въ коллекцію г. Кирьякова.

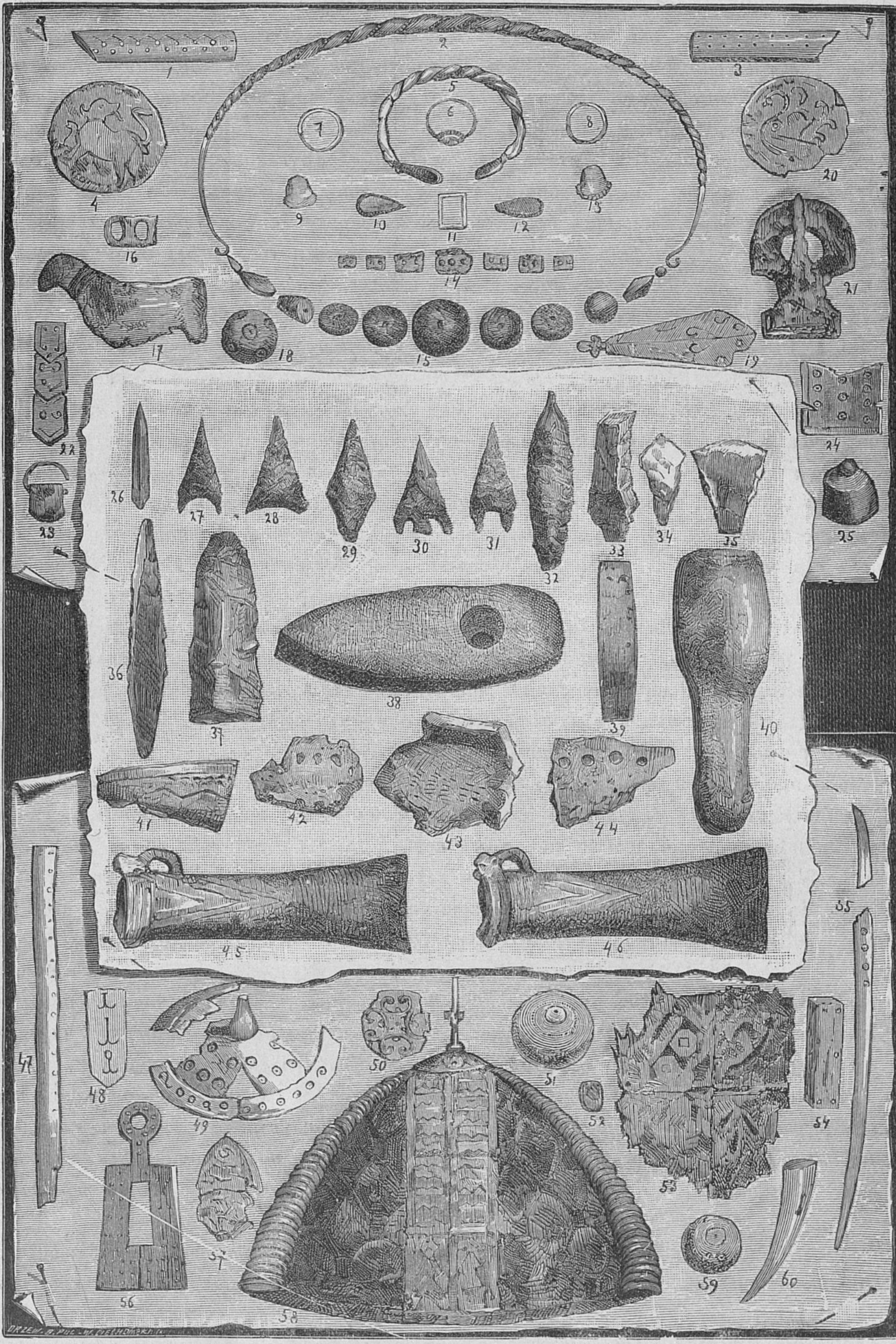
Что же представляютъ собою описанныя мѣстности и подобныя имъ, изобилующія такимъ количествомъ слѣдовъ культуры человѣка незапамятной для исторіи древности? Количество такихъ мѣстностей, ихъ мѣстоположеніе, количество орудій, на нихъ находимое, и составъ культурнаго слоя въ тѣхъ случаяхъ, когда является возможность наблюдать его вскорѣ послѣ освобожденія отъ верхняго слоя песку, доказываютъ несомнѣнно, что эти мѣстности служили въ древности не столько фабриками каменныхъ орудій и временными стоянками бродячихъ народовъ, какъ это прежде предполагали, но и мѣстами постоянныхъ общественныхъ поселеній. По всѣмъ признакамъ эти поселенія были подобны поселеніямъ такъ называемыхъ *сидячихъ* народовъ, находящихся въ условіяхъ жизни народовъ каменнаго вѣка, живущихъ въ постоянныхъ жилищахъ и питающихся готовыми, некультурными дарами при-

роды: рыбою, моллюсками, кореньями и плодами дикихъ растеній и проч. Примѣрами такихъ народовъ могутъ служить ихтіофаги (рыбоѣды) классическихъ писателей, а въ новѣйшее время—сидячія племена камчадаловъ, коряковъ, чукчей, эскимосовъ, папуасовъ и др.

3) Могилы періода каменной культуры, открытыя по настоящее время въ предѣлахъ Малороссіи, отличаются отъ могилъ послѣдующихъ вѣковъ своимъ устройствомъ и содержаніемъ. Типичными образцами могутъ служить слѣдующіе примѣры. Въ курганѣ, изслѣдованномъ г. Осовскимъ въ Острожскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, у с. Залужья, открытъ остовъ, положенный на материкѣ, въ направленіи съ востока на западъ, на правомъ боку, съ ногами, подогнутыми къ туловищу; у праваго виска черепа стоялъ грубый глиняный сосудъ, а у праваго бока лежалъ кремневый ножъ. Въ могильникѣ, открытомъ въ Подольской губерніи, въ урочищѣ Косиковцы, на сѣверъ отъ города Малой Ушицы, найдены человѣческіе остовы въ сидячемъ положеніи, а при нихъ, у кистей лѣвыхъ рукъ, 15 каменныхъ топоровъ. Въ курганѣ, раскопанномъ мною въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, у д. Гамарни, въ центрѣ основанія насыпи открытъ обгорѣлый деревянный срубъ, а въ немъ обугленный человѣческій остовъ въ скорченномъ положеніи. У головы остова лежала кучка рѣчныхъ раковинъ и стояли три глиняныхъ сосуда, а у праваго бока его найдены три кремневыхъ орудія: наконечникъ копья, наконечникъ стрѣлы и ножикъ. Въ слоѣ насыпи надъ срубомъ найдено множество обломковъ рѣчныхъ раковинъ, можетъ быть, остатки погребальной тризны. У той же деревни разрытъ мною другой курганъ, заключавшій въ себѣ два человѣческихъ остова, погребенныхъ на материкѣ, въ скорченномъ положеніи: кисти рукъ подогнуты къ бородѣ, бедра къ животу, а голени – къ бедрамъ; при одномъ изъ нихъ найдена куча рѣчныхъ раковинъ, имѣвшая около аршина въ діаметрѣ и три вершка толщины, а въ ней четыре продолговатыхъ кремневыхъ осколка. Тамъ же, на возвышенности, между д. Гамарней и с. Яблоновкою, изслѣдованы мною еще шесть кургановъ, относящихся къ каменному вѣку; въ нихъ открыты могилы, вырытыя въ материкѣ, на глубинѣ отъ одного до трехъ аршинъ, съ остовами въ скорченномъ положеніи, съ грубой глиняной посудой и кремневыми орудіями. Къ этому же разряду относятся 16 большихъ кургановъ, расположенныхъ одиночно и изслѣдованныхъ мною: четыре у с. Россавы, три у с. Мироновки, три у с. Гарбузина (въ Каневскомъ уѣздѣ) и шесть у с. Войницы (въ Переяславскомъ уѣздѣ). Часто въ верхнихъ слояхъ насыпи кургановъ этого вида встрѣчаются могилы желѣзнаго періода, заключающія въ себѣ человѣческій и лошадиный остовы, а при нихъ желѣзныя стремена, удила, сабли и проч. Но если изслѣдователь продолжитъ раскопку до основанія насыпи, то тамъ найдетъ могилу, вырытую въ материкѣ, а въ ней—остатки скорченнаго покойника глубочайшей древности. Наконецъ, въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ с. Гнильцѣ, на мѣстности, гдѣ былъ выкорчеванъ лѣсъ, при копаніи ямъ для установки столбовъ, наткнулись на нѣсколько гробовищъ, обложенныхъ большими колотыми камнями и сверху закрытыхъ такими же камнями; внутри этихъ гробовищъ найдены были глиняные горшки, а въ нихъ—песокъ, перемѣшанный съ золою и обугленными костями, а также — каменные молотки и долота разной величины.

Мы видимъ изъ приведенныхъ примѣровъ, что устройство могилъ каменнаго вѣка, открытыхъ по настоящее время въ предѣлахъ Малороссіи, очень разнообразно, что и естественно, такъ какъ періодъ каменной культуры длился здѣсь многія тысячелѣтія. Очень возможно, что дальнѣйшія археологическія изслѣдованія встрѣтятъ здѣсь еще другіе способы погребенія покойниковъ этой эпохи, остающіеся намъ еще неизвѣстными.

4) Самая замѣчательная случайная находка предметовъ каменнаго вѣка была сдѣлана въ 1816 году въ мѣстности, гдѣ сходятся границы губерній Харьковской, Екатеринославской и земли Войска Донскаго. «Мастеровые Луганскаго завода, при копаніи канавы, наткнулись на горшокъ большой величины. Надѣясь обрѣсти въ этомъ горшкѣ сокровища Креза, масте-



Образцы разнообразныхъ орудій и украшеній древнѣйшихъ вѣковъ.

ровые разбили его, но, вмѣсто золота, нашли въ немъ множество стрѣлъ, ножей, пилъ и проч.—все изъ чистаго кремня, сдѣланное съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Нѣкоторые ножи были длиною болѣе четверти аршина и имѣли обостренное лезвіе, а зубцы пилъ были сдѣ-

ланы съ такимъ искусствомъ, какъ въ лучшихъ англійскихъ пилахъ. Рабочіе большую часть сихъ рѣдкостей побили для высѣканія огня. Начальникъ же Луганскаго завода, узнавъ о семъ открытіи, собралъ поврежденные остатки и достойнѣйшіе вниманія отправилъ въ Петербургъ. По необыкновенной чистотѣ камня, трудной отдѣлкѣ и желанію сохранить сіе сокровище можно думать, что вещи сіи принадлежали къ драгоцѣнностямъ древности, составляли богатство какого-нибудь древнѣйшаго обитателя сей страны». Другая замѣчательная находка клада каменнаго вѣка была сдѣлана крестьяниномъ д. Гамарни въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи въ 1870 году. При распашкѣ поля на лѣвомъ берегу р. Россавы, крестьянинъ задѣлъ плугомъ глиняный сосудъ, имѣвшій видъ малороссійской макитры, толщиною въ палецъ, въ которомъ оказались: нѣсколько десятковъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, два продыравленныхъ каменныхъ топора и большой молотъ-толкачъ. Ко времени моего посѣщенія д. Гамарни въ 1876 году, изъ этой находки сохранился только молотъ, оказавшійся пригоднымъ въ хозяйствѣ для толченія сала, поступившій потомъ въ мое собраніе древностей.

Случайныя находки отдѣльныхъ предметовъ культуры человѣка каменнаго періода, найденныхъ при распашкѣ полей, корчевкѣ лѣса, проведеніи дорогъ, возведеніи построекъ, добываніи глины, песку, торфа и пр. распредѣляются по губерніямъ весьма неравномѣрно. До 1873 года въ предѣлахъ шести губерній черноземной области Приднѣпровья найдено случайно около 270 экземпляровъ каменныхъ орудій; изъ нихъ въ Харьковской губерніи—1; въ Черниговской—3; въ Подольской—7; въ Полтавской—16; въ Волынской—114 и въ Кіевской—126. Эта неравномѣрность распредѣленія находокъ по губерніямъ не можетъ служить доказательствомъ вывода, что одни губерніи были болѣе заселены въ каменный періодъ, а другія менѣе или даже вовсе не заселены. Случайныя находки каменныхъ орудій, вслѣдствіе незнакомства сельскаго населенія съ археологическимъ значеніемъ этихъ предметовъ, рѣдко достигаютъ древлехранилищъ, а еще рѣже дѣлаются извѣстными въ литературѣ. Въ добавокъ къ тому, не на всѣ губерніи области Приднѣпровья удѣлена одинаковая доля трудовъ, посвященныхъ до настоящаго времени изысканію слѣдовъ первобытнаго человѣка. По вѣрному замѣчанію Я. Я. Волошинскаго, «гдѣ слѣдятъ за находками, тамъ онѣ и являются; другими словами, гдѣ есть любители и собиратели древностей, тамъ есть и данныя для каменнаго вѣка и свѣдѣнія о находкахъ». Въ юго-восточномъ углу Лубенскаго уѣзда, на пространствѣ не болѣе 20 квадратныхъ верстъ, покойный Людвигъ Павловскій, въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1850 по 1854 годъ собралъ до 50 предметовъ каменнаго вѣка. Казалось бы, что за время съ 1854 года по настоящее время новыя находки должны были по крайней мѣрѣ утроить сказанную цифру, а между тѣмъ, несмотря на всѣ мои розыски и распросы, я узналъ только объ одномъ молоткѣ, имѣвшемся въ рукахъ мѣстныхъ крестьянъ, но я слышалъ о многихъ случаяхъ, что то тому, то другому доводилось находить по одному и по нѣсколько каменныхъ орудій... Со смертью Павловскаго, за недостаткомъ въ этой мѣстности другихъ собирателей, крестьяне перестали интересоваться подобными вещами. «Теперь, говорятъ они, если и попадется что-нибудь подобное подъ заступомъ или подъ сохою, то или не поднимаешь, или, если и поднимаешь, посмотришь его, да и бросишь назадъ, чтобы по пустоту мѣсто въ карманѣ не занимало».

Переходя къ обозрѣнію слѣдовъ культуры обитателей Малороссіи въ послѣдующіе историческіе періоды, я ограничусь слѣдующими общими замѣчаніями о слѣдахъ культуры каменнаго вѣка.

На основаніи изложенныхъ фактовъ, я считаю себя въ правѣ признать невѣрнымъ традиціонное убѣжденіе западно-европейскихъ археологовъ о несуществованіи въ центральной южной Россіи слѣдовъ самостоятельной культуры каменнаго вѣка, укоренившееся въ нѣмецкой теоріи о культурномъ вліяніи Запада Европы на Востокъ съ глубочайшей древности, повторяемое и въ наше время такими авторитетами въ наукѣ, какъ Ворсо, Вирховъ, Гревингъ

и Манталіусъ. Основы этой теоріи — малочисленность слѣдовъ каменнаго вѣка въ предѣлахъ Россіи и несамостоятельность формъ каменныхъ орудій—совершенно разрушены новѣйшими открытіями въ Россіи слѣдовъ человѣка, современнаго мамонту, слѣдовъ общественныхъ поселеній, могилъ, кладовъ и отдѣльныхъ предметовъ культуры человѣка каменнаго періода, наконецъ—разнообразіемъ формъ каменныхъ орудій Россіи, не уступающимъ разнообразію формъ такихъ же рудій, открытыхъ въ различныхъ областяхъ западной Европы. (Образцы рисунковъ каменныхъ орудій можно видѣть на помѣщенной выше таблицѣ I-ой, подъ № 26—40).

II. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВАГО ПЕРІОДА.

Положительно доказано, что во многихъ областяхъ Европы за періодомъ каменной культуры слѣдовалъ періодъ культуры бронзовой, когда обитатели этихъ областей, будучи еще незнакомы съ желѣзомъ, познали мѣдь и металлы, въ соединеніи съ которыми мѣдь образуетъ сплавъ, извѣстный подъ именемъ бронзы. Изъ сплава мѣди съ оловомъ, свинцомъ и цинкомъ выдѣлывались мечи, копья, стрѣлы, топоры, серпы и другіе предметы военнаго и домашняго обихода. Несомнѣнные слѣды времени бронзовой культуры обнаружены археологическими изслѣдованіями нашего столѣтія во многихъ областяхъ, расположенныхъ у Средиземнаго, Атлантическаго и Балтійскаго морей, а также въ Венгріи, нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Германіи, на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи, въ Сибири и проч. Нѣкоторыя указанія на періодъ употребленія мѣди и бронзы вмѣсто желѣза, встрѣчаются также у древнихъ писателей. Такъ, напримѣръ, герои Гомера сражались бронзовыми мечами, метали бронзовыя копья и укрывались отъ вражескихъ стрѣлъ подъ бронзовыми бронями и щитами. Воины Ганнибала сражались противъ римскихъ легіоновъ бронзовыми мечами. По Геродоту, скифское племя массагетовъ, жившее въ то время по ту сторону р. Аракса, «вовсе не употребляло ни желѣза, ни серебра, а именно: копья, наконечники стрѣлъ и сѣкиры приготовляли они изъ мѣди, а головные уборы, пояса и удила украшали золотомъ. Они также надѣвали на грудь лошадямъ мѣдные панцыри, а узды, и удила и украшенія на нихъ дѣлали изъ золота.»

Что же касается области Приднѣпровья, то здѣсь существованіе историческаго періода, въ которомъ извѣстно было употребленіе мѣди, но неизвѣстно было употребленіе желѣза, до настоящаго времени представляется сомнительнымъ. Въ эпоху Геродота приднѣпровскіе скифы уже несомнѣнно были знакомы съ употребленіемъ желѣза и мѣди. Въ это время, по Геродоту, въ каждой общинѣ скифовъ сооружался храмъ богу войны, имѣвшій видъ земляного кургана, на вершинѣ котораго водружался *старый желѣзный мечъ*. Наконечники стрѣлъ изготовлялись изъ мѣди, а также употреблялись мѣдные сосуды. Въ то же время сохранялось отъ каменнаго вѣка употребленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ кости и камня въ значеніи орудій рѣжущихъ. Такъ, напримѣръ, при скальпированіи убитаго непріятеля, скифы отдѣляли кожу отъ мяса *бычачьимъ ребромъ*, а скифянки нужныя имъ для приготовленія туалетной мази стружки кипариснаго и кедроваго дерева нарѣзывали посредствомъ *остраго камня*.

Не рѣшаютъ положительно вопроса о существованіи въ предѣлахъ Малороссіи періода бронзовой культуры и произведенныя до настоящаго времени мѣстныя археологическія изслѣдованія. До сихъ поръ не было встрѣчено здѣсь могилъ съ типичными предметами бронзовой культуры: бронзовыми мечами, кинжалами, топорами и пр. Могилы съ бронзовыми наконечниками стрѣлъ встрѣчаются очень часто, но обыкновенно съ предметами желѣзнаго вѣка. Встрѣчаются также могилы, содержащія въ себѣ рядомъ бронзовые, каменные и желѣзные предметы. Такими оказались, напримѣръ, могилы, открытыя въ присутствіи Кіевскаго съѣзда археологовъ въ курганахъ Кіевской губерніи, у села Гатнаго. Въ одномъ изъ нихъ найдены остатки двухъ покойниковъ, 5 сосудовъ изъ грубой глины, сдѣланныхъ безъ помощи гончарнаго колеса и плохо выжженныхъ, бронзовое зеркало, обломокъ желѣзнаго ножа, янтарная

буса, гранитный точильный камень, кремневое остріе и каменный молотокъ-топоръ, со сверлиною. Въ другомъ курганѣ открыты остатки 8 человѣческихъ остововъ, обращенныхъ головами въ разныя стороны, съ вытянутыми ногами и руками, 6 глиняныхъ сосудовъ, по матеріалу и способу выдѣлки подобные сосудамъ перваго кургана, желѣзный наконечникъ копья, каменный молотокъ-топорикъ со сверлиною и кремневое долото. Въ третьемъ курганѣ той же мѣстности, раскопанномъ ранѣе профессоромъ Антоновичемъ, при остаткахъ человѣческаго остова, найдены перегнившія дубовыя бревна, желѣзные гвозди, обломки какого-то желѣзнаго орудія, бронзовая пластинка, необожженный глиняный сосудъ, мелкія костяныя бусы и кремневый наконечникъ стрѣлы. Точно также въ семи могилахъ, раскопанныхъ по порученію графа Л. А. Перовскаго у деревень Мархалевки и Янковичъ, найдены каменныя орудія вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными предметами. Эти факты, повидимому, свидѣтельствуютъ, что въ предѣлахъ Малороссіи культура каменнаго періода смѣнилась непосредственно культурою желѣзною, какъ это было на Камчаткѣ, въ Австраліи и во многихъ областяхъ Америки, обитатели которыхъ стояли въ условіяхъ культуры каменнаго вѣка до времени знакомства съ европейцами, а потомъ одновременно познакомились съ употребленіемъ всѣхъ металловъ, извѣстныхъ послѣднимъ. Кажется, къ первобытнымъ обитателямъ каменнаго вѣка въ области Приднѣпровья пришло племя желѣзной культуры и познакомило туземцевъ одновременно съ употребленіемъ мѣди и желѣза.

Но сказанное заключеніе можетъ быть и преждевременнымъ. Можетъ быть могилы и селитьбы бронзоваго періода остаются намъ неизвѣстными точно также, какъ еще недавно были намъ неизвѣстны могилы и селитьбы каменнаго періода.

Во всякомъ случаѣ, должно отмѣтить нижеслѣдующіе факты, въ которыхъ замѣчаются нѣкоторые слѣды бронзоваго вѣка въ Малороссіи. Въ сѣверной части Новороссіи, дѣлившей историческую судьбу свою съ Малороссіей, встрѣчаются древнія могилы, заключающія въ себѣ только каменныя и бронзовыя орудія. Почтенный изслѣдователь старины, И. Е. Забѣлинъ, много уже сдѣлавшій на пользу научнаго изученія древностей нашего отечества, между прочимъ произвелъ археологическія развѣдки въ уѣздахъ, прилежащихъ къ Днѣпровскимъ порогамъ. Здѣсь открыты имъ, рядомъ съ богатѣйшими скиѳскими могилами, могилы отдаленнѣйшихъ вѣковъ, однѣ изъ которыхъ заключали въ себѣ только каменныя орудія, другія—каменныя и бронзовыя, наконецъ, третьи — каменныя, бронзовыя и желѣзныя. Въ одной изъ могилъ второго вида, подлѣ человѣческаго остова, найдены глиняный горшокъ и бронзовое копье. Въ другой могилѣ, у боковъ остова найдены 5 костяныхъ стрѣлокъ, одна кремневая и 5 бронзовыхъ, бронзовыя удила, бронзовая пуговица, золотая пластинка, свернутая трубочкою, а въ головахъ его—простой глиняный сосудъ. Въ третьей могилѣ, подлѣ остова лежали бронзовое копье и точильный брусокъ. Въ музеѣ одесскаго общества исторіи и древностей, въ полукруглой залѣ, подъ № 123, хранятся «*бронзоваго періода* долота, серпы съ ихъ глиняными формами, собранные въ Новороссійскомъ краѣ, и частицы древней кирасы, найденной въ Александровскомъ курганѣ». Въ Ямпольскомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, при постройкѣ завода, на глубинѣ одного съ половиною аршина, найдены были четыре такъ называемыхъ бронзовыхъ кельта, изъ которыхъ два поступили въ мою коллекцію. Изображенія ихъ даны на табл. I, подъ №№ 45 и 46-мъ. На выставкѣ кіевскаго съѣзда археологовъ были выставлены двѣ каменныя формы для отливки бронзовыхъ орудій, найденныя въ Кіевскомъ уѣздѣ; бронзовый наконечникъ копья и бронзовыя удила, найденные въ Чигиринскомъ уѣздѣ; бронзовый кельтъ изъ Черкасскаго уѣзда и гипсовый снимокъ бронзоваго кельта изъ Звенигородскаго уѣзда». Наконецъ, въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, на правомъ берегу р. Десны, у с. Юхнова, изслѣдовано мною городище, повидимому, относящееся къ тому времени, когда обитателямъ сказаннаго городища еще неизвѣстно было употребленіе желѣза. На этомъ городищѣ найдены мною только вещи домашняго быта, орудія и украшенія

изъ кремня, кости, глины и бронзы, и не было найдено никакихъ признаковъ желѣзной культуры, тогда какъ на городищахъ желѣзнаго періода желѣзные предметы встрѣчаются постоянно и въ значительномъ количествѣ. По сообщенію мѣстнаго волостнаго правленія на запросъ статистическаго комитета въ 1873 году, на Юхновскомъ городищѣ, лѣтъ 40 тому назадъ, были найдены мѣстнымъ крестьяниномъ «золотые обручи», проданные находчикомъ донскимъ казакамъ, бывшимъ тогда на постоѣ въ сосѣднемъ с. Команѣ. При изслѣдованіи мною этого городища въ 1873 и 1876 годахъ были найдены кремневые осколки, разной формы и величины, съ явственными слѣдами искусственной отдѣлки, четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, бронзовая шпилька, бронзовая буса, обломокъ бронзоваго браслета, оловянная бляшка, большая привѣска изъ морской раковины, нѣсколько заостренныхъ костей, костяная иголка съ ушкомъ, костяная ручка какого-то орудія, косточка, продырявленная посрединѣ и заостренная по краямъ, кирка изъ лосинаго рога, нѣсколько роговыхъ обрубковъ, семь метательныхъ гранитныхъ камней, круглой и кубической формы, двадцать два глиняныхъ слѣпка, круглой и конусообразной формы, съ правильно расположенными дырочками по бокамъ, неизвѣстнаго значенія, три пращевыхъ глиняныхъ слѣпка, восемнадцать глиняныхъ дырчатыхъ, крупныхъ пряслицъ, изъ которыхъ три украшены орнаментами изъ точекъ и черточекъ, наконецъ, черепки грубой глиняной посуды, уголь, битый дикій камень и множество расколотыхъ и побитыхъ костей домашнихъ и дикихъ животныхъ.

Приведенными фактами ограничиваются наши свѣдѣнія о слѣдахъ человѣка бронзоваго періода въ Малороссіи. Изложеніемъ этихъ фактовъ я не желаю утверждать положительно, что въ Малороссіи несомнѣнно существовалъ періодъ бронзовой культуры до времени ознакомленія ея обитателей съ употребленіемъ желѣза. Я думаю только, что количество археологическихъ изслѣдованій, произведенныхъ до настоящаго времени въ области Приднѣпровья, еще не достаточно для положительнаго рѣшенія этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ; такое рѣшеніе должно предоставить будущимъ изысканіямъ.

III. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ЖЕЛѢЗНАГО ПЕРІОДА.

Я сказалъ уже, что древнѣйшія извѣстія письменныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ со времени Геродота, представляютъ обитателей области Приднѣпровья въ состояніи желѣзной культуры. Желѣзный періодъ до времени введенія христіанства въ Кіевѣ заключаетъ въ себѣ болѣе XV столѣтій. Отъ этого длиннаго періода времени въ предѣлахъ Малороссіи сохранилось множество разновидныхъ памятниковъ, для ближайшаго ознакомленія съ которыми я отдѣляю памятники скифовъ отъ памятниковъ славянъ. Памятниками скифскаго вѣка я называю могилы, общественныя селитьбы, клады и различныя случайныя находки, относящіеся къ тому времени, когда классическіе историки и географы древнихъ обитателей Приднѣпровской области называли общимъ племенемъ скифовъ, т.-е. памятники, относящіеся ко времени съ VI вѣка до Р. Х. по VI вѣкъ послѣ Р. Х.

Памятниками славянскаго періода я называю древности, относящіяся ко времени, когда среди древнихъ обитателей Приднѣпровья преобладающимъ элементомъ являются славяне, т.-е. памятники съ VI вѣка по Х вѣкъ послѣ Р. Х. Слѣдовательно, названія скифскій и славянскій въ моей классификаціи означаютъ не принадлежность памятниковъ извѣстнымъ народамъ, а принадлежность ихъ извѣстнымъ историческимъ періодамъ. Раздѣленіе памятниковъ того или другого періода основано мною не только на различіи названій преобладающаго элемента въ населеніи Малороссіи до и послѣ VI вѣка по Р. Х., но и на различіи характера самыхъ памятниковъ этихъ періодовъ, какъ это будетъ видно изъ фактовъ нижеслѣдующаго изложенія.

А) Памятники скифскаго періода.

Къ памятникамъ скифскаго періода, открытымъ по настоящее время въ Малороссіи, относятся римскія, понтійскія, ольвійскія и босфорскія монеты первыхъ столѣтій до и послѣ Рождества Христова и различные предметы того же времени, находимые случайно, при различныхъ обстоятельствахъ, а также въ древнихъ могилахъ и селитьбахъ.

По сообщенію И. И. Фундуклея, которому мы обязаны первымъ сборникомъ свѣдѣній о древностяхъ Кіевской губерніи, «случается очень часто находить въ землѣ Чигиринскаго уѣзда серебряныя и золотыя монеты».

По извѣщенію г. Чацкаго, «почти ежедневно выкапываютъ древнія монеты, особенно въ Украинѣ и на Подольѣ. Поселяне находятъ ихъ поодиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ, но находятъ ихъ иногда и по нѣскольку сотъ въ одномъ горшкѣ или котлѣ. Такъ, напримѣръ, въ с. Городищѣ, недалеко отъ Новграда волынскаго, въ окопѣ, найдено нѣсколько сотъ римскихъ монетъ, а возлѣ сел. Махновки около 800, изъ которыхъ три, поступившія въ нашу коллекцію, были монеты Пертинакса. Въ Дашевѣ, въ имѣніи Феликса Потоцкаго, найдены монеты Митридата V Евпатора. Монеты Митридата VII, сына царя понтійскаго, и Котиса I найдены были возлѣ Богополя. Въ Умани, въ курганѣ, найденъ золотой пѣнязь Magniu Urbici. Древнія римскія монеты, находимыя въ Подольи, принадлежатъ большею частію Нервѣ, Траяну и Адріану; на Украинѣ онѣ касаются временъ Гордіановъ; надъ Бугомъ и Тясминомъ — царей Понта, Босфора и города Ольвіи; но очень рѣдко попадаются монеты цезарей и ихъ женъ».

Въ моей коллекціи имѣются шесть римскихъ монетъ перваго вѣка, найденныхъ въ Черниговской и Кіевской губерніяхъ.

До сихъ поръ мнѣ извѣстенъ только одинъ случай находки монеты скифскаго періода въ предѣлахъ Малороссіи, о которыхъ говоритъ г. Чацкій въ вышеприведенной цитатѣ. Но тѣмъ не менѣе, во многихъ случаяхъ мы имѣемъ вѣрное средство отличить могилы скифскаго періода отъ могилъ славянъ; это средство—сличеніе содержанія могилъ Малороссіи съ содержаніемъ могилъ ольвійскихъ и босфорскихъ, время которыхъ опредѣляется найденными въ нихъ монетами, надписями на плитахъ надгробныхъ и другими вѣрными признаками. Устройство и содержаніе многихъ древнихъ могилъ въ Малороссіи до такой степени сходны съ устройствомъ или содержаніемъ древнихъ могилъ босфорскихъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ принадлежности тѣхъ и другихъ одному историческому періоду. А такъ какъ многія древнія могилы подъ Керчью и на Тамани, по вышеуказаннымъ признакамъ, несомнѣнно относятся ко времени съ IV вѣка до Р. Х. по IV вѣкъ послѣ Р. Х., то и могилы Малороссіи, сходныя съ ними по устройству или содержанію, съ полною увѣренностью могутъ быть отнесены къ тому же историческому періоду.

Въ 1845 году въ Чигиринскомъ уѣздѣ, у с. Осоты, открыта была погребальная катакомба, совершенно подобная катакомбамъ, открытымъ въ большомъ числѣ подъ Керчью, на сѣверномъ склонѣ знаменитой горы Митридата, а также на Таманскомъ полуостровѣ, у станціи Сѣнной, съ правой стороны дороги, ведущей отъ Фанагорійскаго городища въ такъ называемую аллею кургановъ. Въ осотской катакомбѣ найдены человѣческій остовъ, остатки окисшихъ желѣзныхъ вещей, 28 электровыхъ наконечниковъ стрѣлъ и одинъ наконечникъ стрѣлы костяной. Другая погребальная катакомба, подобная такимъ же катакомбамъ подъ Керчью, была открыта въ Звенигородскомъ уѣздѣ, у с. Рушкова, въ имѣніи Н. Е. Люценко.

Въ 1845 году разрытъ былъ курганъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, на границѣ земель с.с. Петриковки и Ромейковки, обведенный у основанія каменною стѣною, имѣвшею полтора аршина толщины. «Подъ насыпью открыта гробница, а въ ней остатки человѣческаго остова, глиняный сосудъ, афинскій шлемъ и поножья изъ коринфской кожи, небольшая металлическая, четыреугольная пластинка съ изображеніемъ птицы, раздирающей рыбу (эмблема Ольвіи), двад-

цать четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, двадцать окисшихъ кусковъ желѣза и костяной шарикъ. Форма шлема самая древнѣйшая—афинская; съ такимъ шлемомъ на головѣ изображали древніе Минерву. Изяществомъ металла и работы онъ можетъ равняться совершеннѣйшему издѣлію, какое только извѣстно намъ въ этомъ родѣ».

Въ Царскомъ селѣ, въ арсеналѣ Его Императорскаго Величества, находится подобный же экземпляръ шлема и наголенниковъ, найденный въ Силезіи; но открытый въ курганѣ Звенигородскаго уѣзда гораздо лучше сохранился. Экземпляръ бронзовыхъ наконечниковъ я видѣлъ также въ прошедшемъ году въ Керченскомъ музеѣ, найденный въ мѣстномъ курганѣ.

При устройствѣ мельницы на одномъ изъ кургановъ въ Каневскомъ уѣздѣ, между с.с. Пищальниками и Лазурцами, открыли слой пепла и дубовыхъ угольевъ, а также куски истлѣвшаго дерева въ стоячемъ положеніи; въ угольномъ слоѣ стояли два глиняныхъ сосуда и одинъ изъ мѣди, наполненные прахомъ. Изъ глиняныхъ сосудовъ одинъ представлялъ гладкую, узкогорлую амфору, а другой — расписную урну или вазу, подобную керченскимъ вазамъ этого рода. На

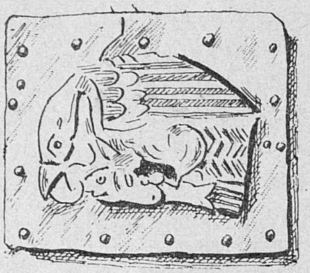


Шлемы.

одной сторонѣ ея изображены посвященіе какого-то воина въ наступательномъ положеніи, со щитомъ и копьемъ, жрецъ, держащій руки надъ его головою, а также двѣ женщины, изъ которыхъ одна играетъ на двухствольной свирѣли, и сидящій юноша, а на другой сторонѣ изображена амазонка, наступающая на сатировъ.

Въ 1873 году въ Звенигородскомъ уѣздѣ, у с. Петрика, весенній разливъ ручья подмылъ и обрушилъ берегъ, на которомъ возвышался курганъ. По спадѣ воды, въ землѣ обрушившагося кургана мѣстнымъ крестьяниномъ найдены были уголь, пережженныя кости и слѣдующія вещи: два браслета, скрученные изъ золотой проволоки, вѣсомъ каждый въ 20 золотниковъ, съ лошадиными головами по концамъ, съ остатками бирюзы и рѣзнымъ овальнымъ гранатомъ, на которомъ вырѣзана какая-то фигура, обращенная вправо, съ копьемъ, а предъ нею лающая собака; двѣ золотыя подвѣски къ серьгамъ, въ 4 золотника каждая; золотое ожерелье, состоящее изъ крученой цѣпочки, прикрѣпленной къ тремъ золотымъ оправамъ для камней, и золотой подвѣски въ формѣ подковы, вѣсомъ въ $12^1/_2$ золотниковъ; три рѣзные камня, изъ

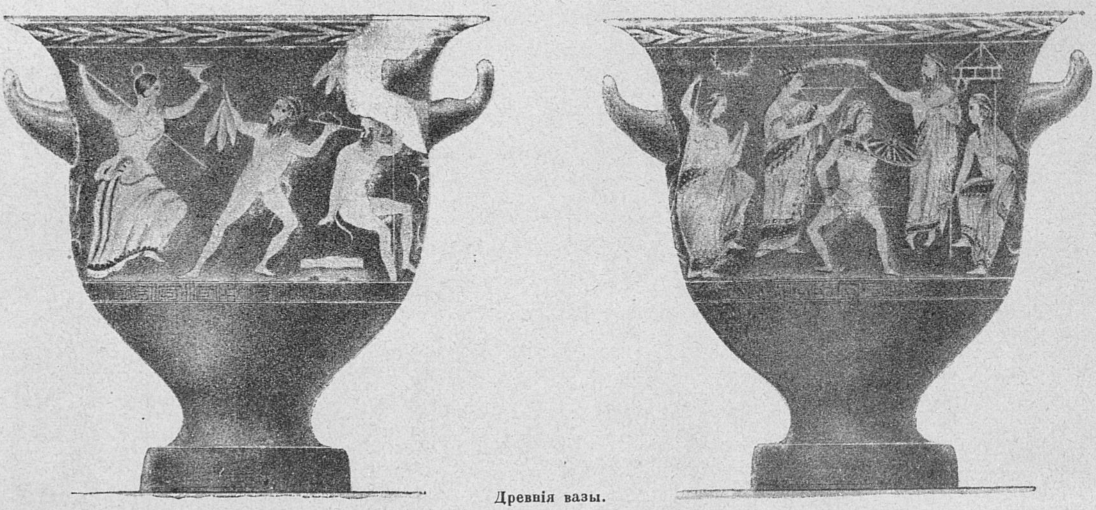
которыхъ два зеленые, круглые, съ одинаковыми изображеніями головокъ вглубь и вправо, а третій вишневаго цвѣта, овальный, со сквозною дырою по большому діаметру, съ изображеніемъ пасущагося дикаго козла подъ деревомъ; мѣдная патера; куски разбитаго металлическаго зеркала и мелкія золотыя вещи въ видѣ розетокъ и пшеничнаго зерна съ дырочками. «Безъ сомнѣнія, — добавляетъ Д. Е. Люценко, собравшій на мѣстѣ свѣдѣнія объ этой находкѣ,— были тутъ перстни и другія украшенія, поступившія, вѣроятно, въ плавильный горшокъ еврея».



Пластинка съ изображеніемъ птицы, раздирающей рыбу.

Въ Васильковскомъ уѣздѣ, въ курганѣ Перепятихѣ, у с. Фастова, открытъ былъ склепъ, сложенный изъ толстыхъ брусьевъ, поддерживавшивавшихъ каменный сводъ, но съ теченіемъ времени обрушившійся на дно гробницы. По очисткѣ дна могилы, въ ней найдены остатки 14 человѣческихъ остововъ, расположенныхъ у стѣнъ гробницы, головами къ западу, лошадиные остовы, глиняныя пепельницы, съ каменными къ нимъ подставками, двадцать четыре золотыя бляшки, съ изображеніемъ грифоновъ, гладкія золотыя пластинки, серебряная, согнутая дугою проволока, ожерелья изъ стеклянныхъ, глиняныхъ, каменныхъ и смолистыхъ бусъ, различной формы и величины, метательный, округленный, гранитный камень, электровое остріе стрѣлы, бронзовый наконечникъ копья, винтообразные бронзовые гвозди и иглы, бронзовыя зеркала, желѣзный молотъ, окисшіе остатки желѣзныхъ ножей и топора и какое-то костяное украшеніе.

Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, у с. Осоты, гдѣ открыта была вышеуказанная катакомба, случайно открыта могила на ровномъ мѣстѣ, въ которой, при «человѣческомъ остовѣ, найдено

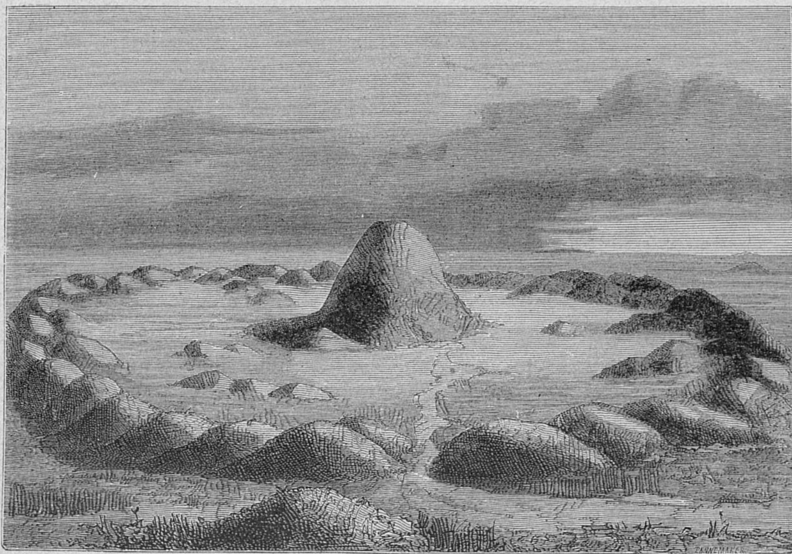


Древнія вазы.

не мало вещей значительной цѣнности, изъ золота, бронзы и камней, а въ числѣ ихъ: бронзовый истуканчикъ, длиною около вершка, съ золотымъ правымъ глазкомъ, а другой такой же глазъ выпалъ; большое бронзовое кольцо, съ рельефными изображеніями плодовъ; золотой перстень, съ зеленымъ стекломъ; золотой перстень, съ краснымъ кровавикомъ; золотая привѣска отъ серьги; бронзовая застежка и бронзовый перстень».

Въ Сквирскомъ уѣздѣ, въ волости Романовской, въ имѣніи г. Вольмана, года три тому назадъ были найдены терракотовыя лампочки, слезницы и ожерелье изъ крупныхъ, гране-

ныхъ, сердоликовыхъ бусъ, съ золотыми привѣсками и золотыя бляхи, на которыхъ выбиты изображенія грифоновъ Такія же бляхи и амулеты были находимы и въ другихъ мѣстностяхъ Сквирскаго уѣзда, а равно въ Васильковскомъ уѣздѣ, въ курганѣ Перепятихѣ.



Курганъ въ Перепятихѣ.

Особенно интересны результаты разслѣдованій кургановъ скифскаго періода, произведенныхъ мною въ Каневскомъ и Роменскомъ уѣздахъ, гдѣ встрѣчены огромныя кладбища такихъ могилъ, заключающія въ себѣ сотни насыпей.

По сказанію мѣстныхъ старожиловъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Каневскомъ уѣздѣ, въ двухъ верстахъ отъ с. Яблоновки, по направленію къ с. Малый Ржавецъ, на возвышенности, остававшейся тогда нераспаханною и поросшею лѣсомъ, возвышались болѣе ста кургановъ различной величины, густо расположенныхъ одинъ возлѣ другого. Съ того времени какъ эта



Идолы и кольцо съ плодами.

возвышенность распахивается подъ посѣвы, курганы запаханы до такой степени, что въ шестидесятыхъ годахъ сохранялись слѣды только 7 насыпей, имѣвшихъ наибольшую высоту, три изъ которыхъ были раскопаны въ 1866 году мѣстными искателями кладовъ—крестьянами

с. Яблоновки, Петромъ Сергіенко и Федоромъ Козаченко. Въ одномъ изъ нихъ, въ боковой части насыпи, найдена ими могила, заключавшая въ себѣ человѣческій и лошадиный остовы, а при нихъ, остатки сѣдла, серебрянныя кисти, золотыя мелкія бляшки, желѣзные куски удилъ, стремена, сабля и наконечники стрѣлъ, а въ центрѣ того же кургана найдены толстый слой проженной глины, уголь, жженыя кости, росписной глиняный сосудъ, покрытый чернымъ лакомъ, съ обугленными костями и пепломъ, блестящій желтый «мережный» нагрудникъ, бронзовая статуэтка, изображавшая всадника, и 5 круглыхъ камней, величиною въ небольшое яблоко. Золотой нагрудникъ и бронзовая статуэтка проданы находчиками каневскому еврею; а остальныя находки побиты и растеряны. Въ двухъ курганахъ крестьяне нашли остатки гробницъ, устроенныхъ изъ толстыхъ брусьевъ въ материкѣ, а въ нихъ человѣческіе остовы, разбросанные въ безпорядкѣ.

Въ 1876 году мною раскопаны остальные изъ уцѣлѣвшихъ кургановъ у с. Яблоновки и сдѣлана повѣрочная раскопка кургановъ, разрытыхъ крестьянами. Результаты получены слѣдующіе. Въ первомъ курганѣ, извѣстномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Острой могилы», открыта могила очень оригинальная по своему устройству и содержанію. Въ юго-западной части кургана обнаружены слѣды сожженія покойника на предварительно приготовленной

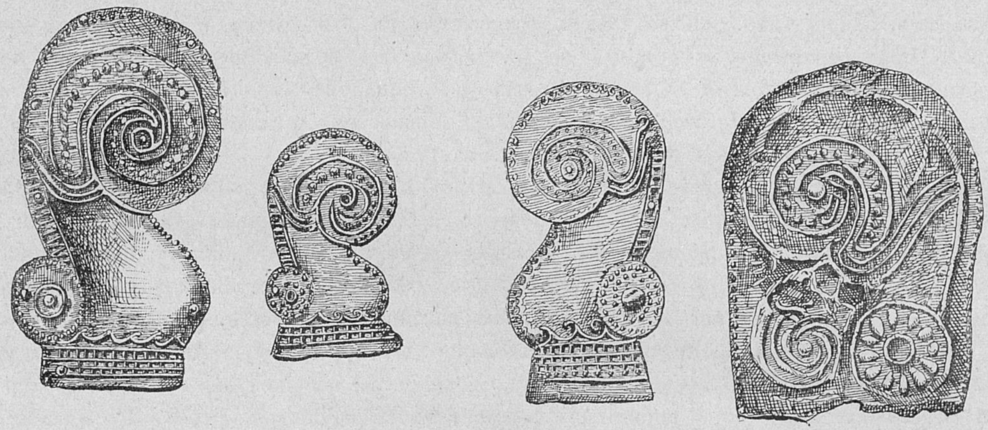


Бляхи и амулеты.

насыпи. Послѣ сожженія трупа кострище было свалено въ гробницу, устроенную на материкѣ, въ самомъ центрѣ кургана, въ размѣрѣ пяти аршинъ длины, ширины и высоты, а сожженные остатки покойника были собраны въ холстинный платокъ, положены въ бронзовый сосудъ и поставлены на верху гробницы, засыпанной углемъ. Дно гробницы составлялъ политый известью слой глины, толщиною въ вершокъ, лежавшій на нетронутомъ черноземномъ материкѣ; бока ея составляли толстый частоколъ, а верхъ толстыя доски, замазанныя слоемъ глины. Надъ гробницею найдены остатки погребальной тризны: кости лошади, барана, гуся, утки и скорлупа яицъ, а также куски узкогорлой амфоры, съ двумя ручками, большого терракотоваго блюда, покрытаго краснымъ лакомъ, съ едва замѣтными слѣдами рисунка на его днѣ, терракотовой вазы, съ двумя ручками, покрытой чернымъ лакомъ, такая же тарелочка, съ росписнымъ ободкомъ и нѣсколькихъ сосудовъ простой глины. Въ самой гробницѣ, кромѣ погребальнаго бронзоваго сосуда съ прахомъ, между углемъ найдены двадцать два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ; четыре узорчатыя золотыя бляхи; три крупныя, круглыя, прекрасно шлифованныя гранатовыя бусы; крупный сердоликъ, бочковидной формы, съ двухъ концовъ обдѣланный въ золото; четыре золотыя бусы; скаробей изъ египетской мастики, двѣ мозаичныя бусы; двѣ пряслицы простой глины, черепки покрытыхъ чернымъ лакомъ и простыхъ глиня-

ныхъ сосудовъ; два бронзовыхъ колокольчика, съ треугольными вырѣзками по бокамъ; пять метательныхъ камней, поставленныхъ на днѣ гробницы въ простой глиняной тарелкѣ; обломокъ желѣзнаго ножа и желѣзная пластинка неизвѣстнаго назначенія.

Въ насыпи другого кургана обнаружена могила славянскаго періода, съ человѣческимъ и лошадинымъ остовомъ, а при нихъ, желѣзныя удила, стремена, сабля, шесть наконечниковъ стрѣлъ, окисшая серебрянная бляха, золотая шпилька и стеклярусъ, въ насыпи же, но ниже сказанной могилы, почти на материкѣ, найденъ бронзовый наконечникъ стрѣлы. Подъ курганомъ, въ материкѣ, открыта гробница, обнесенная толстымъ частоколомъ, въ размѣрѣ 5 аршинъ глубины и шести аршинъ длины и ширины. Сверху гробница закрыта была толстыми деревянными брусьями, сгнившими отъ времени и обрушившимися на ея дно. На днѣ могилы въ разныхъ мѣстахъ его найдены разбросанный человѣческій остовъ, золотое ожерелье, состоящее изъ семидесяти бусъ различной формы и величины, 6 круглыхъ гранатовыхъ бусъ, привѣска изъ голубаго камня, обдѣланнаго въ золото, большая золотая узорчатая бляха, четыре продолговатыя, треугольныя золотыя бляхи, двѣ золотыя бляшки, съ вытиснутымъ на нихъ изображеніемъ лежащей собаки, три золотыя бляшки правильной треугольной формы, три маленькія золотыя привѣски, двѣ золотыя сережки, съ удлиненными привѣсками, обломокъ рос-



Образцы золотыхъ блях изъ кургановъ у села Яблоновки, Каневскаго уѣзда.

писнаго, терракотоваго сосуда и два простыхъ глиняныхъ сосуда. Въ южномъ углу могилы обнаруженъ подкопъ, у входа въ который найденъ остовъ молодого грабителя могилъ, убитаго обваломъ потолка гробницы; у правой кисти этого остова были двѣнадцать золотыхъ и каменныхъ бусъ; на лѣвой рукѣ его былъ надѣтъ простой браслетъ изъ мѣдной проволоки, а на шеѣ ожерелье изъ простыхъ стекляныхъ и глиняныхъ бусъ. Въ самой лазейкѣ найденъ обломокъ желѣзнаго ножа, а возлѣ нея большія желѣзныя щипцы. (Образцы золотыхъ и каменныхъ бусъ изъ Яблоновскихъ кургановъ можно видѣть на таблицѣ II, подъ № 3, съ 29 по 35, помѣщенной ниже).

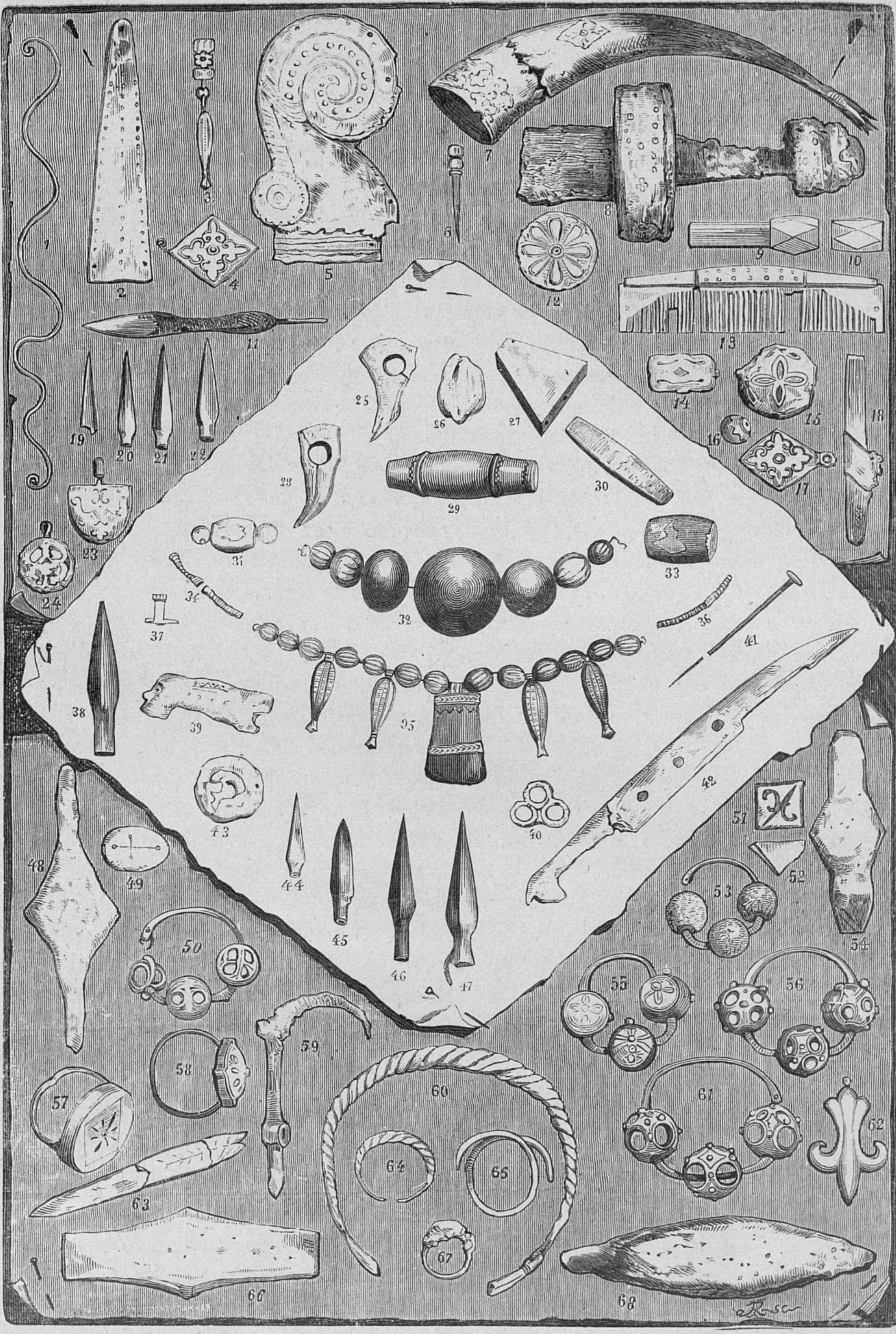
Въ третьемъ и четвертомъ курганахъ открыты могилы, устроенныя изъ толстаго частокола въ материкѣ, подобныя гробницѣ предыдущаго кургана, а въ нихъ разбросанныя человѣческія кости и грабительскія мины, проведенныя отъ основанія насыпей на дно могилъ. Въ одной изъ нихъ сверхъ того найдены нѣсколько бусъ изъ каменнаго угля и прекрасной формы небольшой сосудъ, съ ручкою и узкимъ горлышкомъ.

Провѣрочная раскопка кургана, разрытаго крестьянами Сергіенко и Козаченко, въ которомъ найденъ былъ ими росписной сосудъ, золотой нагрудникъ и бронзовая статуэтка, обнаружила гробницу, по своему устройству, совершенно подобную гробницѣ въ «Острой могилѣ».

Восточный уголъ ея сохранился нетронутымъ и въ немъ между углемъ найдены мною три костяныхъ и двадцать бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и три обломка терракотоваго сосуда. Такой же курганъ, въ той же группѣ, былъ раскопанъ, по сказанію мѣстныхъ жителей, мѣстнымъ помѣщикомъ лѣтъ сорокъ тому назадъ и въ немъ найдены были какія-то вещи, но какія именно, того преданіе не помнитъ. Провѣрочная раскопка обнаружила въ немъ только слѣды кострища: прожженый слой глины, уголь и пережженыя кости.

Расхищеніе могилъ скифскаго времени, заключавшихъ въ себѣ драгоцѣнные предметы, началось въ глубокой древности и продолжается до нашихъ дней. Въ глубокой древности, къ которой относится похититель, открытый мною въ одной изъ могилъ Яблоновскихъ, расхищеніе могильнаго содержанія производилось посредствомъ подземныхъ подкоповъ, проведенныхъ отъ основанія кургановъ къ гробницамъ. Въ позднѣйшія времена древнія могилы раскапывались грабителями сверху. Въ описаніи каневскаго замка 1545 года, въ шестой книгѣ литовской метрики, В. Б. Антоновичъ нашелъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «копачи изъ драбовъ, по городищамъ и селищамъ ходячи, могилы раскопываютъ, ищучи тамъ обручей и перстней». Слѣды множества древнихъ могилъ уничтожены также въ новѣйшее время путемъ распашки, съ того времени, какъ, съ увеличеніемъ населенія, лѣса и степи древней Малороссіи вырублены и распаханы подъ посѣвы. Во многихъ мѣстностяхъ курганы поступили въ надѣлъ крестьянамъ, а крестьяне, дорожа землею, распахиваютъ эти бугры и сравниваютъ ихъ съ окружающею поверхностью. Несмотря на то, могилы съ содержаніемъ, подобнымъ керченскимъ древностямъ, открыты во всѣхъ уѣздахъ по западной сторонѣ Днѣпра и по теченію Роси, особенно же въ уѣздахъ: Чигиринскомъ, Черкасскомъ, Каневскомъ, Васильковскомъ, Кіевскомъ, Звенигородскомъ, Таращанскомъ и Сквирскомъ.

Не менѣе слѣдовъ цивилизаціи обитателей Приднѣпровья скифскаго времени сохранилось и на восточной сторонѣ Днѣпра, хотя археологическія богатства этой стороны намъ менѣе извѣстны, потому что археологическія изслѣдованія здѣсь только что начаты. Въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, у селеній: Аксютинцы, Малые Будки, Волковцы, Плавишинцы, Смѣлое и др. сохранилось болѣе 1200 кургановъ различной величины, расположенныхъ группами отъ 4 до 25 насыпей. Изъ нихъ изслѣдованы двѣ группы у с. Аксютинцы, въ урочищахъ: Солодкое (около 100 насыпей) и Стайки (около 250 насыпей) и одна въ трехъ верстахъ отъ с. Медвѣжьяго, по направленію къ с. Липовому. Раскопано въ трехъ группахъ около ста пятидесяти кургановъ и всѣ они оказались принадлежащими одной исторической эпохѣ. Въ курганахъ меньшей величины открыты могильныя ямы, вырытыя въ материкѣ на глубину до двухъ съ половиною аршинъ, а въ нихъ человѣческіе остовы, безъ украшеній или съ украшеніями бѣдными, состоящими изъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, стекляныхъ и глиняныхъ бусъ, бронзовыхъ колецъ и шпилекъ, простой глиняной посуды. Въ большихъ курганахъ, обведенныхъ охранными рвами, имѣвшихъ отъ 4 до 20 аршинъ отвѣсной высоты, открыты гробницы, устроенныя изъ толстыхъ брусьевъ съ боковъ и закрытыя сверху такими же брусьями. Въ одномъ изъ кургановъ открыто кострище, подобное кострищамъ Яблоновскихъ кургановъ въ Каневскомъ уѣздѣ. Несмотря на то, что только три гробницы, въ курганахъ средней величины, найдены нетронутыми древними искателями могильныхъ цѣнностей, а всѣ гробницы въ курганахъ выше 7 аршинъ оказались расхищенными посредствомъ подземныхъ подкоповъ, такъ что сохранились въ нихъ только вещи незамѣченныя или забытыя, въ Аксютинскихъ курганахъ найдено много предметовъ, до такой степени сходныхъ съ керченскими древностями первыхъ вѣковъ до и послѣ Рождества Христова, что невозможно сомнѣваться въ принадлежности ихъ одному историческому періоду, одной цивилизаціи. Къ такимъ предметамъ относятся золотыя бляшки, съ вытиснутыми на нихъ изображеніями зайцевъ, золотыя бусы, бочкообразной формы, каменныя и мозаичныя бусы, бронзовые и костяные наконечники стрѣлъ, бронзовые зеркала, обручи и булавки, разныя кости, съ изображеніемъ животныхъ, желѣзныя копья,



Образцы разнаго рода украшеній и орудій древнѣйшихъ вѣковъ.

ножи, удила и пр. Замѣчательно, что рядомъ съ предметами, представляющими собою только повтореніе такихъ же предметовъ, находимыхъ въ Керченскихъ курганахъ, въ тѣхъ же могилахъ встрѣчаются предметы, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающіеся въ могилахъ древняго

Босфора, какъ напримѣръ: привѣски изъ когтей медвѣдя, зубовъ волка и вепря, каменныя тарелки, желѣзныя кирки и пр.

Селитьбы скифскаго періода остаются еще совершенно неизслѣдованными, за исключеніемъ вышеуказаннаго городища въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, у с. Юхнова, которое можетъ быть отнесено къ начальному скифскому періоду. На нѣкоторыхъ городищахъ, при распашкѣ и послѣ дождей, были находимы римскія монеты, обломки терракотовой посуды, покрытой лакомъ, бронзовые наконечники стрѣлъ и пр., какъ напримѣръ: въ селеніи Биркахъ, Чигиринскаго уѣзда, на городищѣ возлѣ Новграда-Волынскаго, на городищѣ у с. Яблоновки, Каневскаго уѣзда и др.; но археологическихъ раскопокъ на нихъ не было производимо, потому что изслѣдованіе городищъ, для полученія опредѣленныхъ результатовъ, требуетъ такихъ денежныхъ затратъ, какихъ по настоящее время лишены археологическія богатства Малороссіи. По той же причинѣ остаются неизслѣдованными самые большіе курганы. По вѣрному замѣчанію И. Е. Забѣлина,--«чѣмъ значительнѣе и богаче былъ покойникъ, тѣмъ больше сокровищъ хоронилось съ нимъ въ землю, тѣмъ огромнѣе насыпалась и могила, а потому очень понятно, что наиболѣе важныя и блистательныя открытія ожидаютъ изслѣдователя только въ курганахъ самой большой величины». Но на изслѣдованіе самыхъ большихъ кургановъ нужны тысячныя затраты. Въ 1876 году одинъ курганокопатель, по неопытности своей, принялся было за раскопку кургана, господствующаго въ вышеописанной группѣ у с. Аксютинцы, въ Роменскомъ уѣздѣ, извѣстнаго у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Старшей могилы», имѣвшей около трехсотъ аршинъ въ окружности и до двадцати пяти аршинъ отвѣсной высоты. Снята была вершина насыпи на глубину до трехъ аршинъ; затѣмъ въ восточной половинѣ ея прорытъ колодезь въ глубину на двадцать два аршина, причемъ, ниже материка, встрѣченъ уголъ гробницы, сложенной изъ обыкновенныхъ толстыхъ брусьевъ. Но опредѣлить размѣры гробницы и осмотрѣть ея содержаніе оказалось невозможнымъ, потому что сгнившій потолокъ ея обрушился, а очистить ее посредствомъ подкопа было слишкомъ опасно, такъ какъ отвѣсныя стѣны колодца и безъ того ежеминутно грозили крушеніемъ. По словамъ производившаго эту безполезную раскопку, на нее затрачено до трехсотъ рублей. Для научнаго изслѣдованія этого кургана нужно было снять насыпь, по крайней мѣрѣ, на половину и тогда уже заложить колодезь въ величину площади срѣза и углубить его до уровня гробницы, удаляя землю посредствомъ тачекъ въ прорѣзанный бокъ кургана, на что потребовалась бы затрата не менѣе двухъ тысячъ рублей. Такъ «Старшая могила» въ интересной группѣ кургановъ и до сихъ поръ остается полуоткрытою и недослѣдованною. Громадныхъ могилъ, по размѣрамъ своимъ соотвѣтствующихъ царскому кургану подъ Керчью и Чертомлыцкому въ Новороссіи, мнѣ извѣстно уже въ предѣлахъ Малороссіи около двадцати: всѣ они ждутъ еще изслѣдованія, а когда его дождутся, то, я не сомнѣваюсь въ томъ, отвѣтятъ на многіе вопросы древнѣйшаго періода нашей исторіи.

Приведенные факты свидѣтельствуютъ, что въ предѣлахъ черноземной области Приднѣпровья сохранились многочисленные слѣды цивилизаціи того времени, къ которому относятся знаменитыя древности Босфора. Пока такіе слѣды извѣстны только въ единичныхъ случаяхъ, на нихъ можно было смотрѣть, какъ на исключительныя явленія и неосновательныя ихъ объясненія могли имѣть видъ вѣроятности, какъ напримѣръ: «слѣды римской цивилизаціи занесены въ область Приднѣпровья аланами при обратномъ ихъ возвращеніи съ запада Европы», а «слѣды греческой образованности занесены туда промышленными эллинами, случайно умиравшими среди варваровъ». Нынѣ, когда открыто множество слѣдовъ греко-римской цивилизаціи въ малороссійской области Приднѣпровья, а между ними кладбища, состоящія изъ десятковъ и сотенъ могилъ, съ предметами, подобными керченскимъ древностямъ, сказанныя объясненія не могутъ удовлетворить насъ. Даже предположеніе древне-греческихъ колоній не пригодно для объясненія открытыхъ фактовъ во всей ихъ совокупности, такъ какъ такихъ колоній пришлось бы

предположить очень много, а между тѣмъ о греческихъ колоніяхъ въ предѣлахъ современной намъ Малороссіи не говорятъ ни слова древніе писатели.

Изложенные факты мы можемъ объяснить только предположеніемъ, что въ первыхъ вѣкахъ до и послѣ Рождества Христова обитатели современной намъ Малороссіи не были дикими варварами въ такой степени, какъ это до сихъ поръ предполагали. Раскопки доказываютъ намъ, что въ то время, какъ сѣверо-западъ Европы занимали народы бродячіе и пастушескіе, довольствовавшіеся каменными и бронзовыми орудіями, обитатели черноземной области Приднѣпровья уже знакомы были съ употребленіемъ желѣза въ формѣ оружія и орудій домашняго обихода, занимались земледѣліемъ, владѣли многими предметами роскоши, изъ которыхъ одни несомнѣнно домашняго издѣлія, а другіе греческаго и римскаго, жили въ общественныхъ селитьбахъ, укрѣпленныхъ искусственными валами и рвами.

Б) Памятники славянскаго періода.

Курганы скифскаго періода, по своему содержанію, такъ наглядно, такъ рѣзко отличаются отъ кургановъ VI—XI столѣтій, что въ большинствѣ случаевъ причисленіе даннаго кладбища къ тому или другому періоду не представляетъ никакихъ затрудненій. Главнѣйшими средствами распознаванія и признаками отличія могилъ славянъ отъ могилъ скифовъ служатъ монеты, въ могилахъ находимыя, присутствіе въ славянскихъ могилахъ предметовъ, никогда не встрѣчающихся въ скифскихъ могилахъ, какъ напримѣръ, желѣзныхъ стремянъ, сабель, наконечниковъ стрѣлъ и проч.; серебрянныхъ бляхъ, браслетъ, шейныхъ обручей и проч.; отсутствіе въ могилахъ славянскаго періода предметовъ, составляющихъ обыкновенное содержаніе могилъ скифовъ, какъ напримѣръ: золотыхъ бляхъ, съ вытиснутыми на нихъ характерными изображеніями грифоновъ, оленей, зайцевъ, собакъ, птицъ, рыбъ и пр., рѣзныхъ камней, обдѣланныхъ въ золото; терракотовой посуды, росписной и покрытой лакомъ; бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, зеркалъ и проч. Характерная форма многихъ предметовъ славянскаго времени и рѣзьба на нихъ такихъ рисунковъ, какіе никогда не встрѣчаются на предметахъ скифскаго періода; отсутствіе спайки концовъ предметовъ славянскаго періода, сдѣланныхъ изъ бронзовой, серебряной и золотой проволоки и представляющихъ собою браслеты, сережки, кольца и проч., наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, различіе въ устройствѣ могилъ скифскаго и славянскаго періодовъ. Совокупность этихъ признаковъ даетъ археологіи полную возможность отличить характерныя черты цивилизаціи славянской въ области Приднѣпровья отъ цивилизаціи ей предшествовавшей.

Мало того, памятники славянской культуры относятся къ историческому періоду, отъ котораго сохранились до нашего времени болѣе обстоятельныя извѣстія древнихъ писателей объ именахъ и жилищахъ современныхъ имъ обитателей малороссійской области Приднѣпровья, нежели дошедшія до насъ извѣстія о томъ же предметѣ писателей скифскаго времени. Эти извѣстія, въ связи съ фактами, открытыми археологическими изслѣдованіями, даютъ возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлить не только время памятниковъ, но и народность ихъ, а именно отличить памятники неизвѣстныхъ народностей отъ памятниковъ славянскихъ.

А) ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКАГО ПЕРІОДА, НО НЕИЗВѢСТНЫХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

Въ періодъ времени съ VI вѣка по XI вѣкъ послѣ Рождества Христова въ малороссійской области Приднѣпровья временно останавливались и даже жили постоянно, рядомъ съ славянскими племенами, и племена не славянскія, долженствовавшія оставить здѣсь свои могилы и другіе памятники. Вотъ почему славянскими памятниками должны быть признаваемы только тѣ, славянская народность которыхъ можетъ быть доказана несомнѣнными, безспорными при-

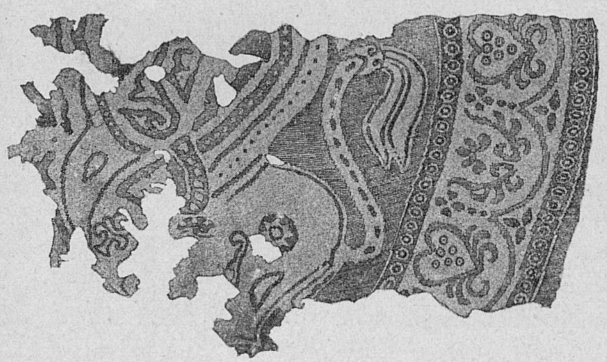
знаками, подобно народности кургановъ черниговскихъ, переяславскихъ, сѣдневскихъ, лариновскихъ и нѣкоторыхъ стародубскихъ, о которыхъ я буду говорить ниже. Затѣмъ, опредѣленіе народности остальныхъ кургановъ, изслѣдованныхъ до настоящаго времени въ предѣлахъ Малороссіи и относящихся къ славянскому періоду, за невозможностью рѣшить этотъ вопросъ въ настоящее время, должно предоставить будущимъ изслѣдованіямъ.

Могилы славянскаго періода, но неизвѣстныхъ народностей, очень разнообразны по устройству и содержанію. Изъ моихъ раскопокъ примѣрами такихъ могилъ могутъ служить часто встрѣчающіяся въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ позднѣйшія могилы, устроенныя въ верхнихъ слояхъ курганныхъ насыпей, относящихся къ каменному и скифскому періодамъ, заключающія въ себѣ человѣческій и конскій остовы, а при нихъ желѣзные удила, стремена, сабли, наконечники стрѣлъ, ножи, пряжки, остатки деревянныхъ сѣделъ, обитыхъ кожею, серебряныя бляхи и пр. Такія могилы открыты были мною въ курганахъ каменнаго и скифскаго періодовъ въ Каневскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ, у поселеній: Гамарни, Яблоновки, Мироновки, Россавы, Гарбузина и Войницъ. Въ одной изъ нихъ, у с. Гамарни, рядомъ съ остатками сбруи при лошадиномъ остовѣ и желѣзнаго оружія при остовѣ человѣческомъ, найдена половина золотой византійской монеты XI вѣка. Въ Каневскомъ уѣздѣ, у с. Россавы, открыто кладбище, состоявшее изъ шестнадцати распаханыхъ кургановъ. Въ нихъ обнаружены могилы, вырытыя въ материкѣ, въ размѣрѣ трехъ аршинъ длины, двухъ аршинъ ширины и до трехъ аршинъ глубины, заключавшія въ себѣ также человѣческіе и лошадиные остовы, обращенные головами на западъ. Остовы лошадиные занимали правую, сѣверную половину дна могилы и были положены въ ней хребтомъ вверхъ, мордою вытянутою впередъ въ направленіи туловища, и ногами подогнутыми подъ туловище. Остовы человѣческіе занимали лѣвую половину дна могилы и были погребены въ гробахъ, сколоченныхъ изъ толстыхъ досокъ большими желѣзными гвоздями. При остовахъ лошадиныхъ найдены остатки сѣделъ, желѣзныя удила, стремена, пряжки и различной формы и величины бляхи изъ серебра, бронзы и кости, съ вырѣзанными на нихъ животными и различными фигурами. При мужскихъ человѣческихъ остовахъ открыты желѣзныя кольчуги, сабли, наконечники стрѣлъ, ножи, огнива и пряжки, а при женскихъ множество украшеній, представляющихъ собою шапки (діадемы) изъ золотой матеріи, украшенныя золотыми, серебрянными и рѣзными костяными бляхами, массивныя золотыя ушныя кольца, безъ спайки по концамъ; массивные серебрянные, вызолоченные обручи; ожерелья изъ крупныхъ янтарныхъ и каменныхъ бусъ; различной формы привѣски; золотые перстни; массивные серебряные браслеты, изъ скрученныхъ проволокъ, съ вдѣланными камнями на расплюснутыхъ концахъ; узорчатыя золотыя бляшки отъ поясовъ; желѣзные ножики; остатки кожаной обуви, съ бронзовыми бляшками и остатки различныхъ узорчатыхъ матерій отъ платья. Въ одномъ изъ кургановъ этой группы, между богато украшеннымъ женскимъ остовомъ и лошадинымъ, въ ногахъ найдены мною большой, бронзовый сосудъ, глиняный горшечекъ и остатки маленькаго деревяннаго ведра, окованнаго желѣзными обручами и съ желѣзной ручкой.

Изображеніе перечисленныхъ предметовъ можно видѣть на таблицѣ I-й, подъ №№ съ 1 по 27 и съ 47 по 60.

Тамъ же, у с. Россавы, въ урочищахъ Лучки и у кладбища, изслѣдованы мною еще двѣ группы кургановъ неизвѣстной народности, заключавшія въ себѣ: первая двадцать восемь, а вторая двадцать двѣ насыпи. Въ нихъ открыты могилы, вырытыя въ материкѣ, на глубинѣ отъ одного до двухъ съ половиною аршинъ, съ человѣческими остовами и бѣдными при нихъ украшеніями, состоявшими изъ серебряныхъ и бронзовыхъ колецъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ пряжекъ, бронзовыхъ пуговокъ и маленькихъ желѣзныхъ ножиковъ. При трехъ остовахъ, сверхъ того, найдены остатки кожаной обуви и при одномъ, у головы, кусочекъ золотой матеріи. Къ памятникамъ славянскаго періода, но неизвѣстныхъ народностей, относятся также изслѣдованныя мною курганныя кладбища въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Малороссіи: 1) до 150

кургановъ возлѣ Кіева, за Лыбедью, прикрывающихъ собою могилы, вырытыя въ материкѣ, съ остовами, погребенными въ гробахъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями, безъ украшеній; 2) болѣе трехъ сотъ кургановъ въ Кіевскомъ уѣздѣ, у с. Триполья, прикрывающихъ могилы съ остовами безъ украшеній или бѣдно украшенныя серебряными и бронзовыми кольцами, пряжками, бусами и желѣзными ножиками; 3) болѣе тысячи кургановъ у с. Липоваго, въ Роменскомъ уѣздѣ, съ могилами, вырытыми въ материкѣ, и человѣческими остовами, украшенными серебряными и бронзовыми кольцами, стеклянными и металлическими бусами, желѣзными ножиками и иногда бронзовыми проволочными браслетами; 4) до двухъ сотъ кургановъ въ томъ же уѣздѣ, у с. Медвѣжьяго, съ остовами, украшенными только бронзовыми или серебрянными кольцами; 5) до 15 кургановъ въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, у с. Форостовичъ, съ остовами, погребенными на материкѣ, безъ могильной ямы и гробовъ, украшенными сережками, ушными кольцами, различными бусами, и пр.



Остатки сохранившейся матеріи, найденной въ курганѣ у села Россавы, Каневскаго уѣзда.

Можетъ быть, со временемъ, совокупными усиліями исторіи, археологіи и антропологіи удастся опредѣлить народность сказанныхъ и имъ подобныхъ могилъ, остающихся намъ еще неизвѣстными. Въ этой надеждѣ при моихъ раскопкахъ собираются всѣ уцѣлѣвшіе черепа и отсылаются въ Москву, въ краніогическое собраніе общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Тамъ А. П. Богдановъ, которому русская антропологія обязана, можно сказать, своимъ существованіемъ, энергично работалъ надъ изученіемъ остатковъ курганныхъ покойниковъ и успѣлъ уже получить важный выводъ путемъ сличенія череповъ, добытыхъ мною въ Бѣлогорской группѣ кургановъ, Курской губерніи, Суджанскаго уѣзда, съ черепами изъ кургановъ Московской губерніи.

Б) ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКІЕ.

а) Общественныя кладбища.

Славянская народность могилъ, открытыхъ мною подъ Черниговомъ, Сѣдневымъ, Переяславлемъ, Новгородсѣверскомъ, у с. Лариновки и Стародуба, у с. Левинки, безспорно доказывается совокупностью слѣдующихъ данныхъ: языческими обрядами похоронъ, открытыми въ нихъ и соотвѣтствующими обрядамъ похоронъ, господствовавшимъ у славянъ языческаго періода, по свидѣтельствамъ древнихъ писателей; извѣстіями начальной русской лѣтописи и Константина Багрянороднаго о Черниговѣ, Переяславлѣ, Новгородсѣверскѣ и Стародубѣ, какъ старѣйшихъ городахъ славянскаго племени сѣверянъ, жившихъ въ нихъ въ IX и X вѣкахъ, къ которымъ относятся золотыя и серебряныя монеты, найденныя въ черниговскихъ курганахъ; наконецъ, совершеннымъ сходствомъ вещей, найденныхъ въ языческихъ могилахъ подъ Черниговымъ, Сѣдневымъ, Переяславлемъ, Новгородсѣверскомъ и Стародубомъ.

Славянскія могилы, открытыя по настоящее время въ предѣлахъ Малороссіи, по устройству своему представляютъ три вида: курганы съ кострищами, т. е. заключающіе въ себѣ пе-

пелища отъ костровъ, на которыхъ были сожжены покойники; курганы съ погребальными сосудами, заключающими въ себѣ остатки сожженныхъ покойниковъ; наконецъ, курганы съ несожженными человѣческими остовами.

Курганы съ кострищами. Такихъ кургановъ изслѣдовано мною четыре подъ Черниговымъ, четырнадцать подъ Сѣдневымъ, въ двадцати верстахъ отъ Чернигова, и четыре въ трехъ верстахъ отъ Стародуба, у с. Левинки.

При похоронахъ въ курганахъ этого вида, сначала приготовлялась насыпь отъ одного до пяти аршинъ отвѣсной высоты, съ обширнымъ основаніемъ, отъ пятидесяти до двухсотъ аршинъ въ окружности. На этой насыпи устраивали костеръ, на которомъ сжигали тѣло покойника, съ различными предметами его домашней обстановки. По сожженіи, кострище со всѣми сожженными предметами закрывали слоемъ земли, по различію кургановъ, отъ двухъ четвертей до пяти аршинъ толщиною. На этомъ слоѣ, въ центрѣ кургана, ставили сосудъ съ костями принесеннаго въ жертву животнаго, при которомъ иногда клали оружіе и вооруженіе покойника и другіе цѣнные предметы. Жертва сжигалась не въ центрѣ погребальнаго кургана, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; сюда ставилась она уже сожженною. Жертвенный слой, въ свою очередь, закрывался слоемъ земли въ различныхъ курганахъ, отъ двухъ до шести аршинъ толщиною. На вершинѣ двухъ кургановъ подъ Черниговомъ, въ Черной могилѣ и Гульбищѣ, обнаружены кирпичныя основанія памятниковъ, разрушенныхъ временемъ. По сооруженіи кургана, основаніе его обносилось охраннымъ рвомъ, отъ двухъ до десяти аршинъ ширины и отъ одного до пяти аршинъ глубины.

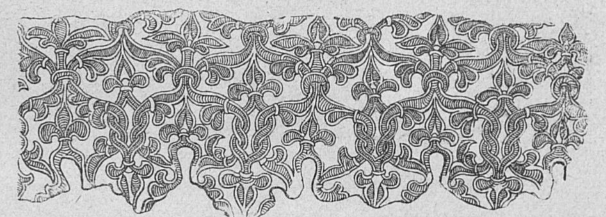
Въ жертвенной части кургановъ съ кострищами открыты слѣдующіе предметы: желѣзные и глиняные сосуды, съ обугленными костями домашнихъ животныхъ; два турьихъ рога, кубки, обтянутые серебряными бляхами, съ различными на нихъ изображеніями; три желѣзныхъ шлема съ остроконечными шишаками, одинъ изъ которыхъ обтянутъ сплошь бронзовою бляхою, а въ передней части другого вдѣлана мѣдная вставка, въ формѣ полумѣсяца; три желѣзныхъ кольчуги; широкій желѣзный мечъ, съ серебряною рукоятью, украшенною рѣзьбою и камнями, желѣзныя копья и наконечники стрѣлъ, различной формы и величины; бронзовый щитъ; желѣзныя удила и стремена и двѣ золотыя византійскія монеты IX вѣка. Въ тѣхъ же курганахъ, но ниже, въ слоѣ угля и сожженныхъ костей открыты слѣдующіе предметы: саманидскій диргемъ и половина золотой византійской монеты X вѣка; дѣйствіемъ огня и времени слитые въ общую массу: два желѣзныхъ меча, два копья, шашка, три ножа, пара стремянъ и дротикъ; обломки двухъ бронзовыхъ щитовъ; различной формы и величины, желѣзные наконечники копій и стрѣлъ; бронзовый рѣзной наконечникъ ноженъ кинжала; бронзовый набалдашникъ; обугленные куски холстинныхъ тканей; остатки золотого шитья, золотыя, серебряныя и бронзовыя дутыя пуговицы; костяныя пуговицы, съ рѣзьбою различныхъ рисунковъ; серебряныя сережки съ привѣсками; ожерелья изъ стеклянныхъ, глиняныхъ, металлическихъ и каменныхъ бусъ; множество серебряныхъ бляхъ различной формы и величины, украшенныхъ позолотою и рѣзьбою различныхъ рисунковъ; бронзовыя бляхи различной формы; бронзовые бубенчики; бронзовыя и желѣзныя пряжки; костяныя гребенки, украшенныя рѣзьбою; рѣзныя костяныя украшенія различнаго значенія; игральныя кости, зерна, шашки и бабки; бронзовые, желѣзные и глинянные сосуды; остатки деревянныхъ ведеръ, окованныхъ желѣзными обручами; желѣзные замки и ключи; желѣзные ножи, съ костяными ручками; каменные оселки, съ металлическими кольцами на концахъ; желѣзныя огнива, съ кремнями къ нимъ; желѣзные топоры, долота, шалнеры, скрѣпы и гвозди, желѣзные серпы; обугленныя зерна различныхъ сортовъ хлѣба; множество различной величины слитковъ отъ расплавившихся вещей: золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и стеклянныхъ; обугленныя кости людей и разныхъ животныхъ: лошадей, собакъ, быковъ, барановъ, птицъ и рыбъ.

Въ черниговскихъ курганахъ, отличавшихся громадностью размѣровъ и особеннымъ бо-

гатствомъ содержанія, извѣстныхъ у мѣстныхъ жителей подъ именами Черной могилы и Гульбища, можно было явственно различить два сожженыхъ трупа. Человѣческія кости попадались въ двухъ частяхъ кострищъ, отстоящихъ на разстояніи около трехъ аршинъ одна отъ другой, причемъ въ одной части были находимы преимущественно принадлежности мужского костюма и вооруженіе, а въ другой части исключительно принадлежности женскаго костюма и туалета (серьги, бусы, кольца, гребенки, булавки и пр.). Судя по разстоянію, отдѣлявшему кости, при которыхъ встрѣчались преимущественно мужскія вещи, отъ костей, сопровождавшихся женскими вещами, можно думать, что оба трупа клались на кострѣ не рядомъ, а въ разстояніи двухъ или трехъ аршинъ одинъ отъ другого. Присутствіе предметовъ женскаго костюма и туалета въ кострищахъ, открытыхъ въ черниговскихъ курганахъ, объясняетъ намъ очень любопытное и важное въ научномъ отношеніи сказаніе арабскаго писателя X вѣка, извѣстнаго подъ именемъ Ибнъ-Фацлана или Ибнъ-Фадлана. Въ качествѣ члена посольства, отправленнаго калифомъ Сулейманомъ, Ибнъ-Фадланъ посѣтилъ волжскихъ болгаръ, видѣлъ въ Булгарѣ руссовъ, пріѣзжавшихъ туда по торговымъ дѣламъ и лично присутствовалъ при похоронахъ знатнаго русса, умершаго и погребеннаго на берегу Волги въ 922 году. Описаніе этихъ похоронъ, составленное Фадланомъ, дошло до нашего времени и даетъ намъ возможность во всѣхъ подробностяхъ возстановить картину погребенія русскихъ князей языческаго времени, такъ какъ матеріальная обстановка погребенія сохранилась въ открытыхъ курганахъ, а относящееся къ дѣйствіямъ людей при погребеніи находимъ въ запискѣ Фадлана.



Турій рогъ, найденный въ курганѣ «Гульбище», близъ Чернигова.

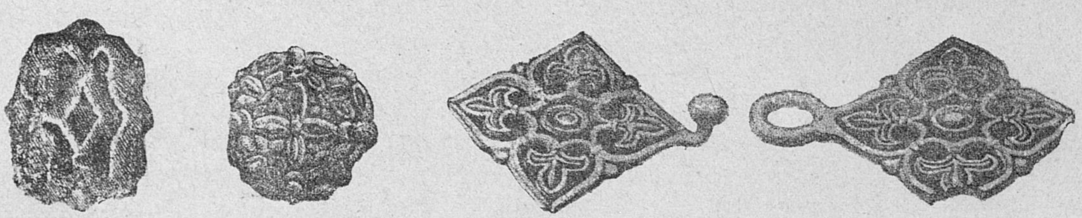


Серебряная оправа турьяго рога, найденнаго въ Черной могилѣ, въ Черниговѣ.

«Я слышалъ, говоритъ Фадланъ, что руссы продѣлываютъ со своими главами такія вещи, изъ которыхъ сожженіе является второстепеннымъ, а потому очень желалъ присутствовать при погребеніи знатнаго у нихъ человѣка, когда узналъ о его смерти. Когда умираетъ у нихъ начальникъ, то обращаются къ молодежи и спрашиваютъ: «кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ?» И кто-нибудь на это отвѣчаетъ: «я». Кто разъ изъявитъ такое согласіе, тотъ уже не можетъ отказаться; большею частію соглашаются умереть дѣвушки. Потому, когда умеръ вышеупомянутый знатный человѣкъ, то спросили у его дѣвушекъ: «кто умретъ съ нимъ?» И одна изъ нихъ отвѣтила: «я.» Тогда назначили двухъ дѣвушекъ, которыя стерегли ее и ей прислуживали. Затѣмъ положили мертвеца въ яму, закрыли ее и въ теченіе десяти дней занимались изготовленіемъ погребальнаго платья и всего нужнаго для погребенія. Имущество покойника раздѣлили на три части: треть отдавали семьѣ покойника, треть шла на изготовленіе погребальнаго костюма, а треть назначалась для покупки горячаго напитка, который выпивали въ тотъ день, когда сожигали тѣло покойника вмѣстѣ съ тѣломъ дѣвушки, пожелавшей умереть вмѣстѣ съ нимъ. До этого дня, дѣвушка пила, пѣла, веселилась и радовалась. Въ день, назначенный для погребенія, я отправился къ рѣкѣ, гдѣ стоялъ корабль покойника и видѣлъ, что его уже вытащили на берегъ; затѣмъ судно уставили на четырехъ деревянныхъ стол-

бахъ, поставили вокругъ деревянныя изображенія, подобныя большимъ людямъ, и начали ходить взадъ и впередъ, произнося слова, мнѣ непонятныя, а мертвецъ въ это время оставался еще невынутымъ изъ его могилы. Потомъ, принесли скамью и поставили ее на судно, а старая женщина, которую они называютъ *ангеломъ смерти*, покрыла скамью вышитыми коврами, русскимъ дибаджемъ и подушками изъ русскаго же дибаджа; эта же женщина слѣдитъ за приготовленіемъ погребальнаго шитья и убиваетъ дѣвушку въ день сожженія; она черна, толста, съ лютымъ видомъ. Послѣ того открыли могилу, вынули почернѣвшее тѣло мервеца, въ томъ платьѣ, въ какомъ онъ умеръ, а также вынули изъ ямы поставленные прежде съ покойникомъ горячій напитокъ, плоды и музыкальный инструментъ. Мертвеца одѣли въ шаровары, носки, сапоги, куртку, кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, шапку изъ дибаджа съ соболемъ и понесли въ палатку, устроенную на суднѣ, посадили на коверъ, подперли тѣло подушками; принесли горячій напитокъ, плоды, благовонныя растенія, хлѣбъ, мясо и лукъ, а также и все оружіе покойника и положили возлѣ него; принесли собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно; привели двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, а затѣмъ, разрубили мечами и бросили куски въ судно; привели двухъ быковъ, разрубили ихъ и бросили въ судно; наконецъ, принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда-же. Дѣвушка же, долженствовавшая умереть въ этотъ день, ходила по палаткамъ, гдѣ каждый мужчина сближался съ нею и говорилъ: «скажи твоему господину, что я сдѣлалъ это по любви къ тебѣ».





Бляхи и узорчатыя серебряныя позолоченыя грудныя застежки, найденныя въ курганѣ «Гульбище», близъ Чернигова.

Передъ вечеромъ, это было въ пятницу, повели дѣвушку къ чему-то, сдѣланному на подобіе карниза у дверей, гдѣ она поставила ноги на руки мужчинъ, поднялась три раза на этотъ карнизъ и послѣ каждаго раза произносила какія-то слова. Потомъ подали ей курицу; она отрубила ей голову и бросила, но курицу подняли и бросили въ судно. Я спросилъ толмача о значеніи дѣйствій дѣвушки и тотъ сообщилъ мнѣ, что въ первый разъ она сказала: «вотъ вижу отца моего и мать мою»; во второй разъ: «вотъ вижу сидящими всѣхъ умершихъ родственниковъ»; а въ третій разъ: «вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ взрослые и мальчики, онъ зоветъ меня, а потому ведите меня къ нему». Тогда повели ее къ судну, гдѣ она сняла запястья, бывшія на ней и подала ихъ старой женщинѣ, называемой ангеломъ смерти, которая убиваетъ ее; сняла она также пряжки, бывшія на ея ногахъ, и отдала ихъ двухъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ ей, дочерямъ женщины, подъ прозваніемъ ангела смерти. Потомъ дѣвушку подняли на судно, но не ввели въ палатку; приблизились мужчины со щитами и палками и подали дѣвушкѣ кружку съ горячимъ напиткомъ, она пѣла надъ нею и потомъ выпила ее; толмачъ сказалъ мнѣ, что этимъ дѣвушка прощается со своими подругами. Дали ей другую кружку, надъ которою она запѣла длинную пѣсню; но старуха торопила ее допить кружку и войти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Дѣвушка была въ нерѣшимости и всунула голову между палаткою и судномъ; но старуха взяла ее за голову, ввела въ палатку и сама вошла туда же. Мужчины начали сту-

чать палками по щитамъ, чтобъ не слышны были крики дѣвушки и чтобъ они не удержали впослѣдствіи другихъ дѣвушекъ отъ желанія умереть со своими господами. Затѣмъ, вошли въ палатку шесть человѣкъ, простерли дѣвушку о-бокъ съ ея господиномъ — мертвецомъ, двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха, называемая ангеломъ смерти, обвила ей вокругъ шеи веревку и, отдавъ концы веревки двумъ мужчинамъ, чтобъ они тянули, начала вонзать между реберъ дѣвушки большой ширококлинный кинжалъ, пока та не умерла. Послѣ того подошелъ ближайшій родственникъ покойника съ кускомъ горящаго дерева и зажегъ дерево, расположенное подъ судномъ; подошли также другіе люди и каждый изъ нихъ бросалъ огонь въ дрова, расположенныя подъ судномъ, и скоро огонь охватилъ палатку съ покойникомъ, задушенной дѣвушкой и всемъ въ ней находящимся; подулъ сильный вѣтеръ и пламя все болѣе и болѣе усиливалось. Не прошло и часа, какъ судно, дрова, умершій мужчина и дѣвушка превратились въ пепелъ. Тогда построили они на мѣстѣ бывшей стоянки судна что-то, подобное круглому холму, вставили въ средину его дерево, на которомъ написали имя покойника и имя русскаго царя и удалились. Одинъ изъ руссовъ, бывшихъ при погребеніи, разговаривая съ моимъ толмачемъ, сказалъ ему. «Вы, арабы, глупый народъ, потому что тѣло милѣйшаго и почтеннѣйшаго для васъ человѣка бросаете въ землю, гдѣ съѣдаютъ его гады и черви; мы же сожигаемъ его въ огнѣ, въ одно мгновеніе и онъ тотчасъ переходитъ въ рай».

Таковы показанія Ибнъ-Фадлана о погребеніи знатнаго русса, видѣнномъ имъ въ Булгарѣ въ первой четверти X вѣка. Отдѣливъ въ этомъ разсказѣ все, что не можетъ сохраниться въ курганѣ, мы получимъ матеріальную обстановку погребенія, вполнѣ соотвѣтствующую обряду похоронъ, раскрытому въ черниговскихъ курганахъ, принадлежащихъ славянскому племени—сѣверянамъ. Обрядъ сожженія начальника руссовъ въ Булгарѣ какъ будто списанъ съ обряда сожженія покойниковъ, открытаго въ курганахъ Черной могилы и Гульбища подъ Черниговымъ.

Курганы съ погребальными сосудами. Обрядъ похоронъ, обнаруженный раскопками кургановъ, содержащихъ сосуды съ пережженными человѣческими костями, отличается отъ обряда похоронъ въ курганахъ съ кострищами тѣмъ, что въ этомъ случаѣ покойниковъ сожигали не въ курганахъ, гдѣ схоронены ихъ сожженные остатки, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сжигали также домашнихъ животныхъ, такъ какъ почти въ каждомъ погребальномъ сосудѣ различаются кости человѣческія и кости различныхъ домашнихъ животныхъ. Послѣ сожженія покойника, собирали прахъ его въ глиняный сосудъ и ставили этотъ сосудъ въ приготовленный заранѣе земляной холмъ, отъ 1 до 3 аршинъ высоты, и засыпали слоемъ земли, въ различныхъ курганахъ, отъ половины до двухъ аршинъ толщиною. Покойникокъ сожигали одѣтыми, какъ это видно по находимымъ иногда между пережженными костями украшеніямъ, состоящимъ изъ бусъ, различной формы и состава, сережекъ, колецъ, пряжекъ и пр. Иногда въ одномъ курганѣ были находимы рядомъ стоящіе два, даже три сосуда, съ пережженными человѣческими костями. Часто рядомъ съ сосудами, наполненными костями, находятся сосуды пустые, то-есть, наполненные только землею: вѣроятно, въ нихъ ставились пища и питье. Кладбища съ такими могилами были встрѣчены: въ Черниговскомъ уѣздѣ, у м. Сѣднева, подъ Стародубомъ, у с. Левинки, въ Конотопскомъ уѣздѣ, у хут. Любитова, въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ с. Волокитина, и въ Сумскомъ уѣздѣ, у хут. Сѣтнаго, принадлежащаго Софроньевскому монастырю.

Курганы съ несожженными остовами. — Курганы съ остатками трупосожженія, какъ это видно по вещамъ, въ нихъ найденнымъ, размѣрамъ насыпей и дорогому способу погребенія, представляютъ собою могилы лицъ знатныхъ и богатыхъ. Въ противоположность тому, курганы съ остовами, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою могилы черни —бѣдняковъ, а потому они встрѣчаются, сравнительно съ курганами перваго вида, въ огром-

номъ количествѣ, составляя кладбища въ нѣсколько сотенъ насыпей, расположенныхъ одна возлѣ другой. Обыкновенно въ такихъ кладбищахъ встрѣчается нѣсколько насыпей, выдающихся по своей величинѣ, съ остатками трупосожженія. Форма, величина, внутреннее устройство и содержаніе могилъ въ курганахъ съ несожженными остовами совершенно одинаковы въ Черниговскомъ, Новгородсѣверскомъ, Стародубскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ. Представляя собою холмистыя возвышенія, рѣдко болѣе трехъ аршинъ отвѣсной высоты, эти курганы прикрываютъ собою могильныя ямы, вырытыя въ материкѣ, на глубинѣ отъ одного до трехъ аршинъ, съ человѣческими остовами, обращенными головою на западъ, сложенными руками на груди или на животѣ, признаками деревянныхъ гробовъ, часто сопровождаемыхъ окисшими желѣзными гвоздями безъ украшеній, или же бѣдно украшенныя. Изъ украшеній при остовахъ встрѣчаются: у головы—золотыя, серебряныя и бронзовыя кольца и сережки, съ одною, двумя и тремя привѣсками—бусами, бусы различнаго состава, мелкія металлическія пуговки, золотые и серебрянные позументы, въ видѣ узкихъ лентъ, серебряныя и бронзовыя привѣски, въ формѣ полумѣсяца; у рукъ—серебряныя и бронзовыя кольца и перстни; у пояса—бронзовыя и желѣзныя пряжки, маленькіе желѣзные ножики, желѣзныя огнива, съ кремнями къ нимъ и костяныя гребенки. Сверхъ того, въ одномъ изъ кургановъ этого вида найдены остатки шапочки изъ зеленаго сукна; въ другомъ остатки кожаныхъ сапоговъ, шитыхъ бронзовой проволокой, и въ двухъ—желѣзныя кирки. Одинъ изъ кургановъ этого вида, разрытый подъ Черниговымъ, при впаденіи р. Бѣлоуса въ р. Десну, господствовавшій въ группѣ могилъ этого вида, состоявшей изъ 62 насыпей, имѣлъ около 60 аршинъ въ окружности и 4 аршина отвѣсной высоты. Подъ нимъ открыта могила, въ размѣрѣ трехъ аршинъ длины и ширины и четырехъ аршинъ глубины. На днѣ могилы обнаружены человѣческій и лошадиный остовы, погребенные рядомъ и обращенные головами на западъ. При остовахъ найдены глиняный сосудъ, желѣзный серпъ, шесть бронзовыхъ пуговокъ, четыре бронзовыя рѣзныя бляхи, желѣзное огниво и два кремня къ нему, желѣзный ножикъ, каменный оселокъ, желѣзный топоръ, желѣзное копье, желѣзныя удила, стремена и пряжки, глиняный горшокъ и остатки двухъ деревянныхъ ведеръ съ желѣзными ручками и обручами. Всѣ эти предметы совершенно сходны съ такими же предметами, найденными въ черниговскихъ курганахъ съ кострищами.

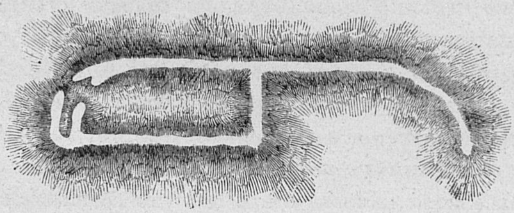
Изъ числа кладбищъ, изслѣдованныхъ мною по настоящее время въ предѣлахъ Малороссіи, на основаніи вышеуказанныхъ признаковъ, должны быть признаны несомнѣнно славянскими памятниками около 800 кургановъ въ окрестностяхъ города Чернигова, расположенныхъ тремя группами по берегамъ рѣкъ Десны, Стрижня и Бѣлоуса; около 150 кургановъ въ Черниговскомъ уѣздѣ, у с. Сѣднева, на берегу р. Снови; 26 кургановъ въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, у с. Лариновки, на берегу р. Малотечы; распаханное кладбище подъ Стародубомъ, у с. Левинки, на берегу р. Бабинича; наконецъ, болѣе тысячи кургановъ, расположенныхъ четырьмя группами въ окресностяхъ Переяславля, Полтавской губерніи.

б) Общественныя селитьбы или городища.

Другимъ видомъ славянскихъ памятниковъ въ предѣлахъ малороссійской области Приднѣпровья являются слѣды общественныхъ селитьбъ, извѣстные подъ названіемъ городищъ. Городища представляютъ собою различной величины площади, помѣщенныя по большей части на возвышенныхъ побережьяхъ рѣкъ и озеръ, а рѣже въ низменныхъ мѣстахъ—на островахъ. Со сторонъ, примыкающихъ къ открытымъ мѣстамъ, эти площади обыкновенно ограждены выкопанными рвами и насыпными валами. Величина площадей всего чаще отъ 300 до 500 аршинъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія—до 200 и большія до тысячи аршинъ въ окружности. Форма площадей весьма разнообразна: кругообразная, эллиптическая, треуголь-

ная, четыреугольная и проч. Верхній слой городищъ состоитъ изъ перегноя растительныхъ веществъ, щебня, костей, черепковъ глиняной посуды, битаго камня, угля, золы и пр. При изслѣдованіи этого слоя встрѣчаются различныя вещи, указывающія на эпоху происхожденія городищъ и условія домашней обстановки ихъ древнихъ обитателей, подобныя вещамъ, открываемымъ въ курганахъ языческой эпохи.

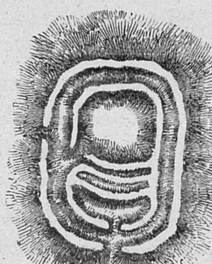
Единственнымъ средствомъ отличія городищъ славянскаго періода, и въ частности славянскихъ, отъ городищъ предыдущихъ періодовъ и другихъ народовъ, служитъ изслѣдованіе кладбищъ, ихъ сопровождающихъ, и сравненіе предметовъ, найденныхъ на городищахъ съ предметами, найденными въ могилахъ. На основаніи изслѣдованій, произведенныхъ мною до настоящаго времени, славянскими городищами языческаго періода, должны быть признаны: городокъ въ г. Черниговѣ, помѣщающійся на возвышенномъ берегу р. Десны, при выѣздѣ изъ Чернигова по Кіевской дорогѣ; городокъ въ четырехъ верстахъ отъ г. Чернигова, въ д. Гущинѣ, на берегу р. Бѣлоуса; городокъ въ м. Сѣдневѣ, за садомъ г. Лизогуба, на возвышенномъ берегу р. Снови; городокъ въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, между селами Лариновскою и Бугриновкою, на лѣвомъ берегу р. Малотечны; городокъ подъ Стародубомъ, у с. Левинки, на берегу р. Бабинича; городокъ въ Глуховскомъ уѣздѣ, у с.Ворголъ и городокъ въ томъ же уѣздѣ, у с. Волокитина, на берегу р. Клевени. Остальныя городища, сохранившіяся въ предѣлахъ Малороссійской области Приднѣпровья, остаются еще неизслѣдованными путемъ раскопокъ.



Городище Кіевской губерніи.

Въ примѣръ богатыхъ находокъ на городищахъ славянскаго періода я приведу находки, открытыя мною въ 1877 году на городкѣ, извѣстномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «Княжей горы», помѣщающемся у с. Пекарей, при впаденіи р. Роси въ р. Днѣпръ. Помѣщаясь на возвышенномъ берегу р. Днѣпра, подмываемомъ весенними разливами воды, это городище мало-по-малу обсыпалось въ рѣку, а ко времени моего пріѣзда въ с. Пекари, отъ его площади сохранилась только часть, заключавшая въ себѣ около 30 квадратныхъ саженей. Со всѣхъ сторонъ площадь городка была окружена глубокими оврагами и крутыми спусками къ рѣкѣ; съ открытымъ полемъ ее соединяла только узкая возвышенность, по которой съ трудомъ возможно было проѣхать на парѣ лошадей.

По словамъ мѣстныхъ крестьянъ, ежегодно, послѣ весенняго разлива воды, въ теченіе уже многихъ лѣтъ, были находимы на «Княжей горѣ» и подъ горою разные предметы, часть которыхъ покупали мѣстные и каневскіе евреи, а непроданныя вещи бросались находчиками, какъ ненужныя. У одного изъ мѣстныхъ евреевъ мнѣ удалось видѣть двѣ поломанныя сережки, съ тремя бусами, совершенно подобныя сережкамъ, найденнымъ мною въ славянскихъ курганахъ подъ Черниговымъ и Переяславлемъ. Заинтересовавшись этими свѣдѣніями, я раскопалъ оставшуюся часть площади городка и мусорную землю отъ вершины горы до ея основанія, начавъ раскопку отъ берега рѣки, снизу вверхъ, такъ какъ, по сказанію крестьянъ, древнія вещи были находимы какъ на вершинѣ горы, такъ и на склонѣ ея, обращенномъ къ рѣкѣ, а иногда у самой воды и даже въ водѣ. При этой раскопкѣ, кромѣ множества глиняныхъ черепковъ и костей различныхъ животныхъ, найдены слѣдующіе предметы: одно цѣлое и два куска поломанныхъ металлическихъ зеркалъ, бронзовый ножикъ, бронзовый наконечникъ ноженъ кинжала, бронзовые



Городища Кіевской губ.

бляшка, пряжка, петли, кусокъ сосуда и гвоздь, три свинцовыя пластинки, три каменныя пряслицы, три золотыя бляшки, семь золотыхъ сережекъ, каждая съ тремя золотыми привѣсками - бусами, двадцать шесть серебряныхъ сережекъ, каждая съ тремя серебряными привѣсками - бусами, четыре серебряныхъ ушныхъ кольца, безъ спайки по концамъ, три серебряныхъ перстня, двѣ серебряныя привѣски, два массивныхъ серебряныхъ браслета, три серебряныя цѣпочки, большая серебряная бляха, съ вытиснутымъ на ней изображэніемъ дерева и славянскоми буквами: А, М, Н, два серебряныхъ слитка, въ формѣ древнихъ кіевскихъ шестиугольныхъ гривенъ-рублей, желѣзныя удила, стремена, шпоры и пряжки, желѣзные огнива, ножи, удки, серпы, сошники, замки, ключи и гвозди; желѣзные наконечники стрѣлъ и копій, бердыши, обломки стеклянныхъ браслетъ, свинцовая печать митрополита Кирилла и образокъ изъ краснаго шифера, съ надписью сверху внизъ: «Никола».

Образцы можно видѣть на таблицѣ II, изображенной раньше, подъ №№ 48—68.

Размѣры настоящаго очерка не дозволяютъ мнѣ остановиться на подробной оцѣнкѣ научнаго значенія изложенныхъ фактовъ, а равно и на вопросахъ болѣе частныхъ: сравненіи формъ древнихъ памятниковъ, сохранившихся въ предѣлахъ Малороссіи, съ формами подобныхъ памятниковъ, открытыхъ въ другихъ мѣстностяхъ, ихъ матеріалѣ, способахъ изготовленія и употребленія и пр. Я ограничусь общимъ выводомъ о значеніи археологическаго матеріала, добытаго по настоящее время въ предѣлахъ Малороссіи, для древнѣйшаго періода нашей исторіи.

Степень цивиливаціи даннаго народа, въ данный историческій періодъ, выражается въ формахъ и условіяхъ его домашняго и общественнаго быта; но объ этихъ условіяхъ и формахъ въ отношеніи славянъ, населявшихъ въ языческую эпоху малороссійскую область Приднѣпровья, лѣтописные источники сообщаютъ скудныя и очень неопредѣленныя свѣдѣнія, допускающія возможность различнаго толкованія. Въ противоположность тому, памятники вещественные, открытые въ землѣ, представляютъ собою безспорный и богатѣйшій матеріалъ къ познанію быта нашихъ предковъ языческаго періода, ихъ образа жизни, количества поселеній, домашней обстановки, костюма, вооруженія, торговыхъ сношеній, обычаевъ, вѣрованій. Этотъ матеріалъ даетъ намъ возможность ознакомиться со многимя фактами жизни нашихъ предковъ, неизвѣстными лѣтописямъ, разъяснить и дополнить темныя сказанія древнихъ писателей, поставить наши знанія по древнѣйшему періоду славянской исторіи на положительныя основы. У славянъ языческаго періода находимъ укрѣпленныя общественныя селитьбы, а при нихъ общественныя кладбища, состоящія изъ сотенъ могилъ, могилы начальниковъ, отличающіяся громадными размѣрами и особеннымъ богатствомъ содержанія, общіе обычаи погребенія, открываемые въ кладбищахъ, удаленныхъ на сотни верстъ другъ отъ друга, множество разнообразныхъ вещей домашней и общественной обстановки. Въ виду этого мы положительно можемъ утверждать, что древніе славяне, языческіе предки наши не были дикарями, какими они представлялись прежнимъ историкамъ. Это былъ народъ земледѣльческій, культурный, общественный, сплоченный уже въ политическіе союзы и значительно цивилизованный, сравнительно съ народами первоначальной дикости.

Д. Самоквасовъ.

б) СУДЬБЫ КІЕВСКАГО ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА И УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЖЕСТВЪ КІЕВОДНѢПРОВСКОЙ РУСИ ДО ТАТАРСКАГО ПОГРОМА.

Появленіе язычниковъ руссовъ на исторической сценѣ. — Они воюютъ съ Византіею. — Византія умиротворяетъ ихъ торговлею и христіанскою вѣрою.—Обезпеченіе и расширеніе русскихъ владѣній.—Цивилизаціонная задача русскаго народа.—Необходимость удѣльной системы для русской будущности.—Начало международной вражды съ ляхами.—Одолѣніе печенѣговъ.—Борьба съ торками и берендѣями.—Успѣхи національнаго самосознанія. — Двѣ противодѣйственныя силы русской земли. — Борьба съ половцами.—Переходъ средоточія русской силы съ юга на сѣверъ.—Значеніе Кіева въ его упадкѣ.—Послѣдній блескъ русскаго богатырства передъ нашествіемъ татаръ.—Погромъ, опустошеніе и порабощеніе кіеводнѣпровской Руси.

Одно преданіе до насъ
Дошло и облеклось въ разсказъ.
Когда апостолъ первозванный
Андрей изъ края въ край блуждалъ,
Какъ проповѣдникъ неустанный,
И въ Скиѳіи распространялъ,
Во славу Новаго Завѣта
Лучи евангельскаго свѣта,
Тогда въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь
Вознесся Кіевъ горделиво,
А прежде рыскалъ только звѣрь
Да пробѣгала лань пугливо,
И скиѳъ, властитель этихъ мѣстъ,
Пускалъ стрѣлу въ догонку лани, —
Тамъ водрузилъ апостолъ крестъ,
Сказавъ пророчески заранѣ:
«Здѣсь будетъ городъ, и молва
О немъ дойдетъ до странъ далекихъ».

МИНАЕВЪ.

Старый греколатинскій міръ стоялъ на западѣ въ забвенныхъ развалинахъ, а на востокѣ сохранилъ только остатки своего древняго величія. Выродившіеся въ смѣшеніи съ варварами цивилизаторы древней Европы дичали сами среди невѣжественной массы, и уже было недалеко до повсемѣстнаго искаженія той жизни, которая прозвана классическою и которую только наше время продолжаетъ развивать въ ея достойнѣйшихъ проявленіяхъ.

Въ этотъ моментъ, одряхлѣвшая Византія увидѣла передъ собой грозный образъ военнаго добычника, русса. Давно уже была она озабочена защитой широкихъ владѣній своихъ отъ кочевыхъ племенъ, чуявшихъ поживу въ разстроенномъ хозяйствѣ богатой старухи. Но безстрашная и свирѣпая орда руссовъ больше всѣхъ прочихъ дала ей почувствовать старческое безсиліе. И сушей, и водой стремились къ ней на богатую, слабо хранимую, добычу безчисленныя полчища чубатыхъ усатыхъ воиновъ, съ блестящими какъ у сокола глазами и зо-

лотистоогневыми волосами. Легко вооруженные противъ древнихъ. все еще побѣдоносныхъ, легіоновъ, невѣдомые Византіи хищники гибли въ бояхъ тысячами. Но самая гибель ихъ наводила на грековъ ужасъ. Отраженные, разбитые и разсѣянные во всѣ стороны, не устрашали они своими потерями сидѣвшихъ гдѣ-то въ гиперборейскихъ странахъ русоволосыхъ варваровъ, а заохочивали ихъ къ новымъ и новымъ набѣгамъ. Число ихъ не уменьшалось послѣ пораженій, а увеличивалось. Раны и смерть для нихъ не были мукою, а дикимъ наслажденіемъ. Они представляли себѣ замогильную жизнь продолженіемъ земной славы и земныхъ наслажденій. Они умирали не столько ради пѣсеннаго славословія своихъ подвиговъ на поминальныхъ тризнахъ, не столько ради золота, серебра и златотканныхъ паволокъ, которыми украшали своихъ «милыхъ хотей», сколько ради безконечнаго блаженства въ сонмѣ героевъ, не вѣдавшихъ ни страха за свою жизнь, ни пощады къ непріятелю.

Забывая наслѣдственную гордость, багрянородная владычица морей и материковъ предложила, наконецъ, воинственнымъ варварамъ въ подарокъ то, изъ-за чего они вторгались въ область ея цивилизаціи, открыла для нихъ безпошлинно свой главный рынокъ, обязалась кормить русскихъ *гостей* въ Царьградѣ и даже снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ на обратный путь. Умиротворенная богатыми дарами и хмѣльными пирами, стихійная русская сила отхлынула отъ Византіи вспять. Но, чуя слабосиліе роскошныхъ грековъ, вожаки этой силы пригвоздили, по народной молвѣ, свои щиты къ царьградскимъ воротамъ, и стали повторять изъ рода въ родъ вдохновительное преданіе. Полумиѳическая личность русскаго князя Олега сдѣлалась идеаломъ для новыхъ поколѣній, а послѣдовавшіе за Олеговыми походы Святослава въ Грецію подняли въ русскихъ выше прежняго чувство народной гордости. Рюрикъ, ихъ первый предводитель въ добычныхъ подвигахъ, получилъ для нихъ значеніе греческаго Даная или римскаго Ромула, и имя князей Рюриковичей было у нихъ священнымъ.

Между тѣмъ хилая Византія, заботясь о томъ, чтобы сѣверные варвары выгоды мирной торговли предпочли выгодамъ хищничества, старались умиротворить ихъ и посредствомъ религіи. Греческіе купцы, ходившіе по Днѣпру для мѣнового торга въ Кіевъ, дали тамошнимъ руссамъ выгодное понятіе о христіанской вѣрѣ, какъ со стороны привлекательной обрядности, такъ и со стороны будущей жизни. Кіевскія женщины первыя плѣнились красотою греческаго богослуженія и поэзіей христіанскихъ вѣрованій. Въ ихъ обществѣ было много гречанокъ и болгарокъ, похищенныхъ днѣпровскими добычниками въ набѣгахъ на черноморскія побережья. Просвѣщенныя сравнительно съ своими обладателями плѣнницы имѣли весьма мало вліянія на мужчинъ. Но ихъ молитвы и повѣствованія пріобрѣтали внимательныхъ и воспріимчивыхъ слушательницъ между новыми подругами и родственницами. Подобно западнымъ Клотильдамъ, Бертамъ, Жизелламъ, мать кіевскаго великаго князя Святослава Игоревича, Ольга, явилась рѣшительною дѣятельнительницею церковнаго просвѣщенія среди окружавшихъ ее язычниковъ. Проникнувшись убѣжденіями истинной вѣры, она отправилась вмѣстѣ со многими придворными въ Царьградъ и крестилась торжественно у тамошняго патріарха. Суровый воинъ, сынъ ея умеръ, въ непоколебленномъ язычествѣ. Но внукъ и наслѣдникъ ея прославленной въ народѣ мудрости, Владиміръ Святославичъ, понялъ необходимость принять вѣру народа образованнаго. Предпринявъ походъ въ Грецію для новаго заявленія о русской силѣ, онъ крестился въ таврическомъ Херсонесѣ и ввелъ потомъ христіанство, какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣверныхъ владѣніяхъ русскихъ князей (988 г.).

Только со времени Владиміра, въ исторіи кіеводнѣпровской Руси дѣлается возможнымъ отдѣлить полуфантастическія лѣтописныя сказанія отъ фактовъ чистыхъ, такъ какъ съ принятіемъ христіанства таинственная Русь раскрылась больше прежняго передъ византійскими писателями и обратила на себя вниманіе европейскихъ народовъ.

Озираясь назадъ, во мглу столѣтій предшествовавшихъ, мы видимъ первобытныхъ обитателей русской земли живущими въ раздробь. Они были подѣлены между собой и различными

вѣрованіями въ олицетворенныя силы природы, и сосѣдскою, унаслѣдованною отъ предковъ, непріязнью. Къ разобщеннымъ такимъ образомъ номадамъ и звѣроловамъ одного общаго славянскаго происхожденія приходятъ боевыя дружины руссовъ и грабятъ ихъ, облагаютъ ихъ данью, властвуютъ надъ ними въ качествѣ судей, миротворцевъ, защитниковъ, учатъ ихъ своему добычно-торговому промыслу, и такимъ образомъ объединяютъ подъ именемъ русской земли или Руси.

Это объединеніе совершалось подъ предводительствомъ княжескаго рода, утвердившагося въ Кіевѣ. Кіевская земля была сѣдалищемъ племени полянъ или Роси, иначе—Руси, отличавшагося отъ своихъ соплеменниковъ наибольшей энергіей и предпріимчивостью. Колыбелью этого племени были берега Азовскаго моря, съ которыми днѣпровская Русь сохранила связи и впослѣдствіи. Тамъ оно усвоило себѣ любовь къ судоходству и получило привычку ходить въ разныя стороны вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ, для добычнаго промысла и обложенія



Планъ Кіева въ языческія времена.

побѣжденныхъ народовъ данью. Утвердясь въ Кіевѣ, предпріимчивые добычники объединили съ собой прежде всего родственное племя сѣверянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ и тянувшихъ къ городамъ Чернигову и Любечу. Потомъ они проникли по притокамъ лѣваго берега Днѣпра къ радимичамъ, а праваго—къ дреговичамъ. Вслѣдъ затѣмъ подчинили себѣ на верхнемъ Днѣпрѣ кривичей, средоточіемъ которыхъ былъ городъ Смоленскъ. Направляясь отсюда къ сѣверу русскіе аргонавты перешли волоки, спустились по рѣкѣ Ловати къ озеру Ильменю, овладѣли его берегами и водворились въ центрѣ ильменскихъ славянъ, знаменитомъ уже и тогда Новгородѣ, при истокѣ Волхова. По Волхову, Ладожскому озеру и по рѣкѣ Невѣ открыли они водный путь для сношеній съ народами скандинавскими, а по западной Двинѣ, чрезъ посредство города Полотска, въ Балтійское море. Опираясь на Новгородъ и Полотскъ, днѣпровская Русь проникла на Оку и верхнюю Волгу, овладѣла главными хозяйственными статьями финскихъ народцевъ, особенно же прочно утвердилась на берегахъ Оки въ Муромѣ и на Ростовскомъ озерѣ, въ Ростовѣ. Съ тою же настойчивостью, хотя и медленнѣе, распространила она

свое господство на юго-западѣ по Днѣстру, Бугу и нижнему Днѣпру, среди народовъ особой славянской отрасли, угличей, тиверцевъ, древлянъ или волынянъ. Чрезъ притокъ Днѣпра, Самару, проникнула въ притокъ Самары, Волчью Воду, отсюда вешней водою въ Калліусъ, а изъ Калліуса—въ Азовское море и на Донъ. Тамъ были старые корни русскаго племени. Пользуясь исконными связями съ приазовскимъ краемъ, днѣпровскіе добычники вступили въ борьбу съ турко-хазарами, освободили отъ ихъ владычества черныхъ болгаръ и утвердились среди нихъ на берегахъ Киммерійскаго боспора, въ Корчевѣ и Тмутаракани, между тѣмъ какъ легкія флотиліи кіевлянъ, вмѣстѣ съ торговцами-пиратами изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода, спускаются по Днѣпру въ Черное море и своими похожденіями присвоиваютъ Эвксинскому понту названіе *Русскаго моря*.

Къ побѣдоносной кіеводнѣпровской Руси присоединились для добычнаго промысла заморскіе пираты, извѣстные подъ именемъ *варяговъ*, то-есть ратниковъ, и состоявшіе изъ поморскихъ славянъ, смѣшанныхъ, подъ общимъ нарицательнымъ именемъ, съ добычниками иноплеменными. По случаю политическихъ переворотовъ на скандинавскихъ островахъ и полуостровахъ, множество такихъ воиновъ ищутъ себѣ службы въ русскихъ ополченіяхъ и находятъ ее прежде всего въ Новгородѣ, гдѣ кіевская Русь особенно нуждалась въ боевыхъ наемникахъ, чтобы держать въ зависимости мѣстное народоправство. Чѣмъ больше приходило скандинавское общество въ тотъ возрастъ, въ которомъ центральная власть подчиняетъ себѣ мелкихъ владѣльцевъ, тѣмъ чаще скандинавскія дружины бѣгали отъ новыхъ порядковъ, заводимыхъ въ Швеціи, Норвегіи и Даніи, съ образованіемъ въ этихъ странахъ небывалыхъ дотолѣ королевствъ. Русскіе князья вступали въ дружескія и родственныя связи съ предводителями скандинавскихъ выходцевъ и пользовались ими, какъ орудіемъ, для достиженія своихъ властительныхъ цѣлей. Владиміръ Святославичъ больше всѣхъ иныхъ князей обязанъ былъ наемнымъ варягамъ своимъ торжествомъ надъ прочими князьями Рюриковичами. Когда, послѣ его борьбы съ Ярополкомъ за Кіевское княжество, братья-соперники вступили въ мирные переговоры, варяги помогли Владиміру рѣшить вопросъ о единовластіи убіеніемъ Ярополка.


Св. князь Владиміръ.

Таковы были младенческія черты русскаго міра, получившія свою мужественную выразительность только въ теченіе длиннаго ряда столѣтій. Задача существованія этого міра опредѣлилась уже во времена Владиміра. Ему предстояла борьба съ азіатскою дичью, которая стремилась уничтожить начала европейской гражданственности. Ему предстояло привлечь къ своему центру чужеядныя орды и переработать ихъ разрушительныя стремленія въ созидательныя.

Важнымъ для судебъ человѣчества явленіемъ было то, что на пространствѣ между четырьмя морями и тремя горными хребтами прошла изъ конца въ конецъ, хотя-бы и подъ видомъ добычнаго промысла, однородная сила, которой подчинились племенныя разновидности и передъ которою принизились разнородныя національности. Много было сдѣлано этой силой уже въ томъ отношеніи, что, во имя общей власти, обнявшей широкія пространства, чуть озаренные христіанствомъ язычники подѣлились на данниковъ и взимателей дани, на людей хозяйственныхъ и людей воинственныхъ, на земледѣльцевъ, скотарей, пасѣчниковъ, рыбаковъ, звѣролововъ, сидящихъ боязливо по своимъ трущобамъ, и на торговыхъ промышленниковъ, сроднившихся въ нравахъ и обычаяхъ съ промышленниками военными. Это было грубое на-

чало, но все-таки *начало* того объединенія, которое доверінено въ свое время съ одной стороны православною вѣрой, а съ другой—развившимся сознаніемъ русской народности.

Но, независимо отъ успѣховъ христіанской религіозности и всенароднаго самосознанія, единство русскаго міра окрѣпло при посредствѣ третьяго, повидимому, противодѣйственнаго ему двигателя. Этимъ двигателемъ была борьба двухъ политическихъ крайностей, изъ которыхъ каждая для одной части представителей Руси казалась величайшимъ благомъ, а для другой—величайшимъ зломъ.

Въ самомъ началѣ историческихъ нашихъ преданій, на разсвѣтѣ нашего полититическаго существованія мы видимъ однихъ великановъ русской силы, ворочающихъ громадными рычагами для того, чтобы все русское сплотилось въ одно державное яблоко, а другихъ — съ той же энергіей, съ той же отвагою, съ тѣмъ же самопожертвованіемъ, трудящихся надъ расторженіемъ слагавшагося политическаго тѣла на части. Уже Владиміръ Святославичъ, призваніемъ изъ-за моря варяговъ, подавленіемъ совмѣстниковъ своего володарства и убіеніемъ родного брата Ярополка, доказалъ, какъ сильно русскій міръ нуждался въ единовластіи. И тотъ-же самый Владиміръ, раздѣленіемъ своего государства на удѣльныя княжества между сыновьями, доказалъ присутствіе въ современномъ представительствѣ Руси столь-же настойчиваго требованія децентрализаціи. Что у Владиміра достало бы рѣшимости для подавленія областныхъ стремленій къ независимости, это видно изъ тѣхъ пріемовъ, какіе онъ употребилъ для достиженія единовластія и для самого крещенія Руси; а что созидательная мудрость была отличительною чертой его геніальности, тому свидѣтельствомъ служатъ его походы и завоеванія. Но тѣ самые люди, которыхъ надобно было бы согнуть крѣпкою единодержавною волею, тѣ именно люди и были главными органами завоевательной и соединительной силы, чрезъ посредство которыхъ, а пожалуй и по ихъ почину, занимались первыя русскія займища. Они-то и служили источникомъ созидательной мудрости, записанной въ исторіи за Владиміромъ. И если между ними были такіе, которые стояли крѣпко за единовластіе, то не меньше было и такихъ, которымъ по душѣ приходилось только удѣльное управленіе Русью.

Въ періодъ зачаточнаго образованія русскаго государства, Новгородъ проявилъ уже тѣ народоправныя стремленія, которыя впослѣдствіи составили его бѣдственную славу. Но Владиміръ, будучи новгородскимъ княземъ, превратилъ мѣстное народоправство въ послушное орудіе своей политики; а когда Кіевъ сдѣлался новымъ центромъ его владѣній, онъ притянулъ новгородцевъ къ этому центру такъ же крѣпко, какъ полочанъ и другихъ своихъ данниковъ.

Утвердясь въ Кіевѣ, онъ прежде всего обратилъ свои боевыя силы на отторженіе отъ ляховъ единоплеменной съ кіевскими полянами земли, примыкавшей къ Угорскимъ горамъ, Карпатамъ, и когда отнялъ эту землю у ляховъ, Угорскія горы получили значеніе оборонительныхъ русскихъ воротъ со стороны сосѣдей. До какой степени считалося важнымъ это пріобрѣтеніе, видно уже изъ того, что прикарпатская страна, извѣстная у насъ подъ именемъ червенскихъ городовъ, Червонной или Галицкой Руси, была также и «*Владиміріею*», по мѣстному выраженію — «Ладимирія», а по иностранному произношенію — «Ладомиріею». Названіе это сохранилось въ дипломатическихъ актахъ до настоящаго времени.

Ограждая себя потомъ отъ ляховъ на другомъ концѣ русскихъ займищъ, Владиміръ пошелъ войною на ятвяговъ и, послѣ упорной борьбы съ этимъ свирѣпымъ племенемъ, сдѣлалъ его лѣсистую страну пограничнымъ щитомъ Руси на сѣверо-западѣ. Вслѣдъ затѣмъ примкнулъ свои владѣнія къ Балтійскому морю въ Ливоніи и распространилъ русскую систему взиманія дани съ иноплеменниковъ до самаго Финскаго залива.

Обезопасивъ такимъ образомъ новосозданное государство отъ западной Европы и коснувшись сѣверными его окраинами Бѣлаго моря, двинулся онъ по направленію къ Азіи, откуда со временемъ наступила самая страшная для насъ гроза, но куда и прежде, и послѣ сокрушительной бури таинственныя судьбы Руси влекли ее для цивилизаціонныхъ подвиговъ. Въ обшир-

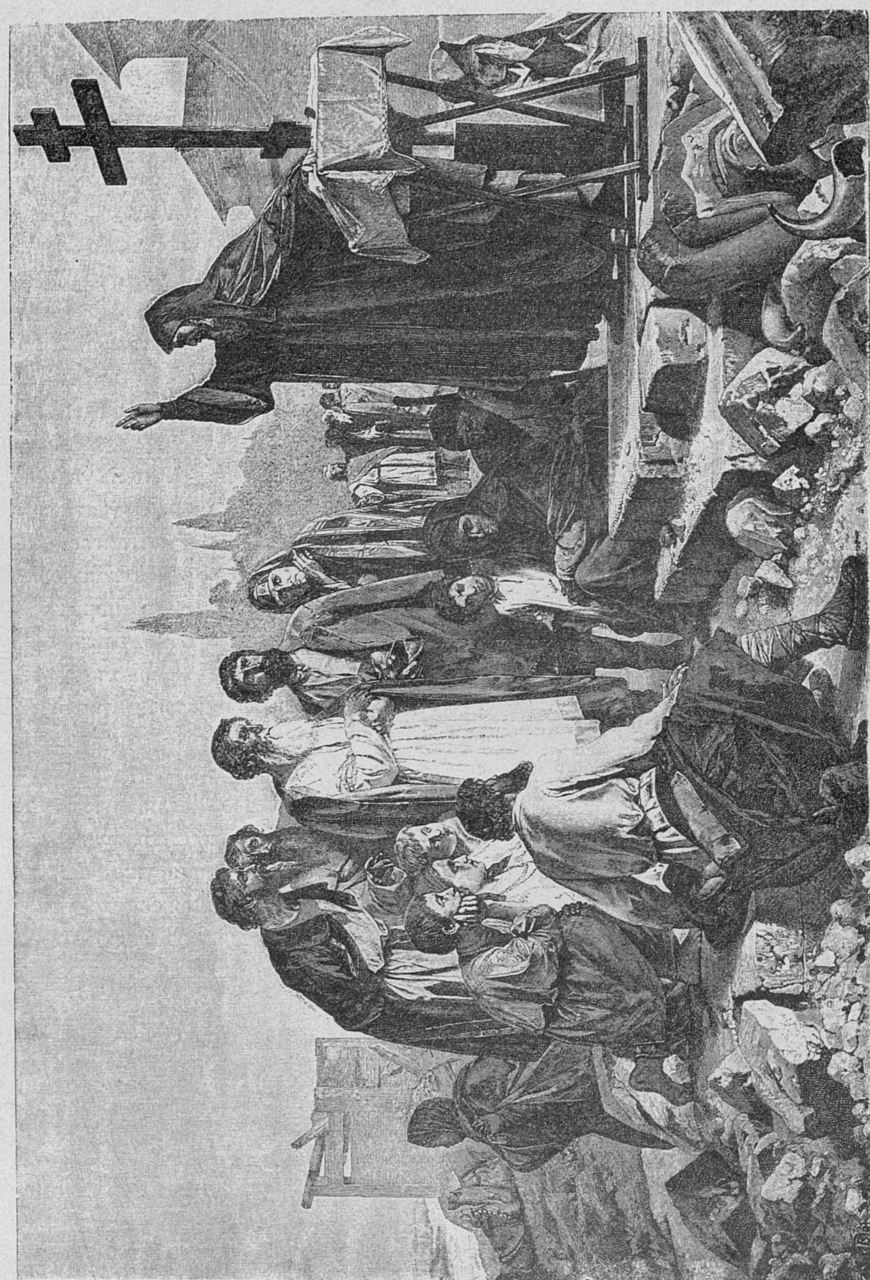
ныхъ пространствахъ, очертанныхъ Уральскими горами, нижнею Волгою и Кавказомъ, кіеводнѣпровская Русь, еще въ полумиѳическія времена своей исторіи, охватила своимъ добычнымъ промысломъ не только водные пути на сушѣ, но и Каспійское море. Доканчивая дѣло своихъ предпріимчивыхъ предковъ, великій князь кіевскій и всея Руси пошелъ съ громадными по тому времени силами воевать камскихъ болгаръ, которыхъ многолюдная, широко-торговая столица, Великіе Болгары, лежала влѣво отъ повернувшей къ югу Волги, у ея притока, Камы. При Святославѣ, руссы поднимались въ камскую Болгарію по Волгѣ вверхъ. Подъ предводительствомъ Владиміра, они спустились въ нее по Волгѣ внизъ. Операціоннымъ пунктомъ прежнихъ походовъ была маленькая приазовская Тмутаракань. Теперь для той же цѣли избранъ былъ обширный край Ростовско-Суздальскій. Не могли камскіе болгары противопоставить свою боевую силу боевой силѣ русской, и согласились на выгодный для Владиміра миръ, по которому его владѣнія оперлись на линію великой рѣки Волги.

Для геніальнаго собирателя Руси оставалось теперь самое важное, наименѣе громкое въ исторіи и наиболѣе трудное въ житейской практикѣ дѣло. Надобно было удержать за собой сдѣланныя пріобрѣтенія. И здѣсь-то всего больше сказалось то умѣнье Владиміра пользоваться наличными силами русскаго духа, которое пріобрѣло ему въ потомствѣ имя Великаго.

Посадивъ сыновей намѣстниками своими въ удѣльныхъ княжествахъ, занялся онъ охраненіемъ серединной русской области отъ степныхъ ордынцевъ, отъ этихъ дикихъ хищниковъ, которые были предвѣстниками великаго нашествія татаръ, погромившихъ Русь черезъ два съ половиною вѣка. Въ то время, когда его предшественники стягивали подъ свою власть разрозненныя славянскія и финскія племена, поперекъ строительнаго пути русичей, народы происхожденія азіатскаго прокладывали свои широкіе пути разрушенія. Древнѣйшія славянскія и греческія поселенія на великой равнинѣ, перерѣзанной нижнею Волгою и нижнимъ Днѣпромъ, были уничтожены кочевниками угорскаго племени, гуннами и мадьярами, ознаменовавшими свое пребываніе здѣсь увеличеніемъ степныхъ пространствъ на счетъ лѣсныхъ и земледѣльческихъ. Когда же эти варвары, передвигаемые впередъ и впередъ подобными имъ номадами, исчезли за Днѣстромъ и Карпатами, на смѣну ихъ появилась изъ Азіи орда турецкаго племени, извѣстная подъ именемъ печенѣговъ, и закочевала въ саратовскихъ степяхъ за Волгою, а вслѣдъ за нею вышли оттуда же соплеменники печенѣговъ, узы, и вогнали ихъ между владѣній руссовъ и хазаръ. Такъ, въ виду кіеводнѣпровской Руси, прославленной уже Олеговыми и Святославовыми походами въ Грецію, поперекъ торговыхъ путей къ Черному морю, раскинулись кочевья дикарей, носившихъ короткую, безрукавую одежду и невѣдавшихъ никакихъ интересовъ, кромѣ превращенія человѣческихъ поселеній въ открытую пустыню. Кіевскіе князья подверглись великой опасности—исчезнуть вмѣстѣ съ дружинами своими въ неравной борьбѣ съ ихъ чудовищными массами, и стойкостью своею показали, какъ велика была живучесть предводимаго ими народа, какъ велика была ихъ собственная талантливость и нравственная крѣпость. Печенѣги нашлись вынужденными отодвинуть свои передовыя кочевья къ нижнему Днѣпру и ограничить свою опустошительную дѣятельность мелкими набѣгами на русскія владѣнія. Мужественно несли на себѣ русичи тяжесть борьбы съ варварами изъ году въ годъ, и пользовались весьма искусно обычнымъ у ордынцевъ дѣленіемъ на враждебныя другъ другу полчища. Наконецъ достигли того, что нѣкоторыя изъ печенѣжскихъ ордъ стали помогать имъ въ походахъ противъ своихъ же номадныхъ братій. Этимъ больше всего засвидѣтельствовала первобытная Русь превосходство гражданственныхъ способностей своихъ и своего народнаго духа. Кочевыя ополченія печенѣговъ являются уже союзниками и кіевскаго Ахилла, Святослава Игоревича. Но во времена Владиміра Великаго были еще свѣжи разсказы объ ихъ измѣнчивости и коварствѣ. Обширныя завоеванія Святослава въ дунайской Болгаріи были потеряны отъ предательства печенѣговъ; а когда онъ, послѣ геройскихъ битвъ и мужественнаго сидѣнья въ осадѣ, возвращался съ остаткомъ своего войска въ

Кіевъ, печенѣжскій князь Куря окружилъ его своей ордой у днѣпровскихъ пороговъ. Святославъ палъ въ неравной битвѣ съ коварными ордынцами, и дикій печенѣгъ сдѣлалъ изъ его черепа пиршественную чашу.

Противъ такого-то народа надобно было стоять Владиміру въ своемъ кіеводнѣпровскомъ



Первая христіанская проповѣдь въ Россіи.

княжествѣ съ помощью сыновей, снабжавшихъ его войскомъ и данью изъ удѣльныхъ своихъ княжествъ. Главной заботою великаго объединителя русскихъ владѣній было обезпеченіе Кіева глядѣвшими въ пустыню городами. На Роси, на Стугнѣ, на Деснѣ, Острѣ, Трубежѣ и Сулѣ

появились у него тверженныя мѣста, о которыя стихійная сила варваровъ разбивалась въ своемъ напорѣ точно морскія волны. Такъ были возобновлены имъ пограничный Корсунь и кіевскій Бѣлгородъ; такъ основаны имъ Васильковъ, Городецъ, сѣверскій Новгородъ, Переяславль, Лубно и другіе въ то время сторожевые города. Владиміръ наполнялъ эти города переселенцами изъ отдаленныхъ русскихъ областей, — конечно, не иначе, какъ потворствуя буйнымъ склонностямъ переселенцевъ, прощая сдѣланныя ими преступленія, и награждая щедро ихъ отвагу.

Таинственные для насъ курганы, покрывающіе равнины и кряжи южной Руси на далекое пространство, были и въ тѣ времена памятниками старины незапамятной. Владиміръ пользовался готовыми насыпями, какъ намѣченными въ безлюдной пустынѣ точками, для постоянной стражи, и превращалъ ихъ въ соединительныя звенья для вала, слѣды котораго не изгладились и донынѣ. По народной легендѣ, это—остатки великанской борозды, которую провелъ по христіанской землѣ какой-то сильный, могучій богатырь, умудрившійся запречь въ желѣзный плугъ людоѣда-змѣя. Богатыремъ могъ быть Владиміръ, а пожиравшимъ людей змѣемъ могли быть плѣнные печенѣги, работавшіе надъ устройствомъ русской защиты отъ собственныхъ соплеменниковъ. Владиміровскій валъ, называемый нынѣ змѣевымъ валомъ, укрѣплялся частоколомъ, прерывался въѣздными воротами, снабжался сторожевыми заставами, охранялся разъѣзжими дружинамя.

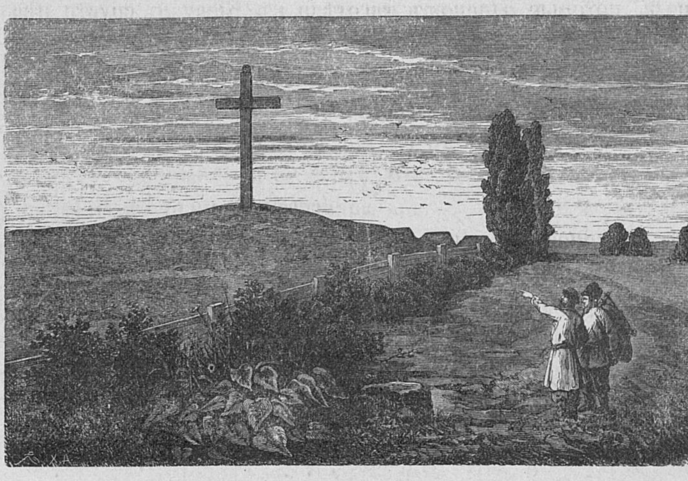
На рубежѣ между гражданственною и полудикою жизнью должны были въ теченіе цѣлыхъ столѣтій стоять боевыми смѣнами самые смѣлые, самые сильные, самые дѣятельные люди, чтобы дать русскому народу сложиться въ общественное тѣло, нерасторгаемое никакими катастрофами, способное выдержать тысячелѣтнюю борьбу за свое существованіе и наложить свой типъ на половину двухъ частей свѣта. Мужественный духъ этого народа проявился блистательно уже въ полубаснословныхъ походахъ такихъ аргонавтовъ, какъ новгородскій переселенецъ Олегъ, какъ питомецъ Олега, Игорь, и питомецъ Игоревыхъ дружинниковъ, Святославъ. Еще блистательнѣе были осмысленные государственными интересами походы самого Владиміра. Но истинное мужество, залогъ будущихъ подвиговъ московской государственности, обнаружили русичи въ защитѣ своего достоянія отъ разрушительной силы печенѣговъ, которые всюду, гдѣ ни кочевали, оставляли по себѣ голую, безлюдную, безоборонную степь. И если что развило въ нашихъ предкахъ изумительную для насъ живучесть, если что образовало изъ нихъ воиновъ, способныхъ удержать за собой опасныя уже по географическому положенію своему займища, такъ это была именно система княжескихъ удѣловъ, представляющаяся намъ, изъ нашего прочнаго становища, только великимъ зломъ, только источникомъ различныхъ бѣдствій, только причиною крушенія русской земли подъ наваломъ татарщины.

Гибель множества людей въ княжескихъ усобицахъ, разореніе городовъ, опустошеніе полей и прекращеніе торговыхъ сообщеній были конечно бѣдствіями великими. Но эти бѣдствія вознаграждались тѣмъ ростомъ русскаго духа, котораго достигала каждая область въ своей самодѣятельности, а центральное княжество—въ своихъ усиліяхъ привлечь къ себѣ полусложившіяся части русскаго міра. Образцомъ каждой области былъ Кіевъ, городъ, «откуду пошла есть Руская земля», городъ, прославленный крещеніемъ Руси, христіанскими подвигами святыхъ угодниковъ и громкими дѣлами русскихъ богатырей. Каждый удѣльный княжескій столъ желалъ уподобиться кіевскому. Каждый «добрый думца» своего князя старался «додуматься съ нимъ стола высокаго». Владиміръ Святославичъ подѣлилъ свое володарство между сыновьями не столько изъ отеческой любви къ нимъ, сколько изъ уступчивости тѣмъ людямъ, которыхъ рѣшительныя убѣжденія служили для него закономъ. Онъ первый достигъ единовластія, первый нарушилъ единовластіе удѣлами, и ему первому суждено было вкусить горечь этого нарушенія. Новгородскій князь Ярославъ отказалъ въ повиновеніи отцу и этимъ оскорб-

леніемъ привелъ его къ безвременной кончинѣ (1015). Владиміръ умеръ посреди приготовленій къ походу на Ярослава. Но еслибъ смерть не помѣшала ему покарать строптиваго сына, онъ все-таки сдѣлалъ бы изъ Новгорода удѣльное княжество. Это доказали его преемники, и первый изъ нихъ Ярославъ, который, подобно своему отцу, какъ будто для того только и стремился къ единовластію, чтобы раздѣлить снова русскую землю на удѣлы.

Готовясь къ походу на Ярослава, Владиміръ послалъ ростовскаго князя Бориса въ заднѣпровскія пустыни противъ печенѣговъ, чтобъ отпугнуть ихъ подальше на время своего отсутствія. Муромскій князь Глѣбъ, его любимецъ, жилъ постоянно въ Кіевѣ. Тмутараканскій князь Мстиславъ занималъ передовой постъ русскаго движенія къ востоку, на Киммерійскомъ боспорѣ. Съ запада охраняли русскую землю Святославъ древлянскій, Всеволодъ волынскій, Святополкъ туровскій, а со стороны варяжскаго Поморья—Бречиславъ полотскій, внукъ Владиміра, сынъ покойнаго Изяслава полотскаго.

Лишь только слухъ о смерти великаго князя достигъ Турова, Святополкъ поспѣшилъ въ Кіевъ и, какъ старшій въ родѣ, сѣлъ на великокняжескомъ столѣ. Стремленіе къ единовластію обнаруживалось въ греческихъ неофитахъ, руссахъ, столь же дико, какъ и противодѣйственное ему стремленіе къ удѣльному порядку. Святополкъ боялся брата Бориса, которому отецъ ввѣрилъ предводительство войскомъ и который, пугая печенѣговъ, стоялъ у Переяславля, надъ рѣкой Альтой. Сперва онъ вселилъ рознь въ подначальные Борису отряды и заставилъ ихъ вернуться во-свояси, а потомъ подослалъ въ его станъ убійцъ изъ иноземныхъ дружинниковъ своихъ. Провѣдавъ о кровавомъ замыслѣ старшаго брата, любимецъ покойнаго Владиміра, Глѣбъ сѣлъ съ оруженосцами своими въ ладью и бѣжалъ изъ Кіева въ свой муромскій удѣлъ, но былъ настигнутъ святополчанами и зарѣзанъ въ лѣсу у Смоленска почти одновременно съ братомъ Борисомъ, убитымъ ночью въ походной ставкѣ надъ Альтой. Подобно Глѣбу, Святославъ древлянскій бѣжалъ изъ своего жилища, въ надеждѣ найти убѣжище у короля угорскаго. Но святополкова погоня настигла и умертвила его въ карпатскомъ Подгорьѣ.



Могила Олега въ Овручѣ, Волынской губ.

Между тѣмъ смерть Владиміра поставила Ярослава новгородскаго во главѣ тѣхъ представителей Руси, которые залогомъ цѣлости русской земли полагали единовластіе и отъ времени до времени торжествовали надъ стремленіемъ другихъ русичей къ областной независимости. Наемные варяги играли у него ту же самую роль, что и у Владиміра. Они помогали ему держать крѣпко въ рукахъ своенравный Новгородъ, и они же перевѣсили въ его пользу борьбу съ новымъ великимъ княземъ. Святополкъ призвалъ было къ себѣ на помощь союзную орду печенѣговъ. Но Ярославъ не далъ врагамъ соединиться, разбилъ Святополково ополченіе у Любеча и возсѣлъ на великокняжескомъ столѣ, поколебленномъ его же собственнымъ бунтомъ.

Женатый на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, Святополкъ бѣжалъ къ своему тестю и поднялъ противъ брата не однихъ ляховъ, но также угровъ, нѣмцевъ и кіевскихъ

сосѣдей, печенѣговъ. Ярославъ былъ разбитъ на берегахъ Буга и бѣжалъ въ Новгородъ. Король Болеславъ утвердилъ зятя на великокняжескомъ столѣ и наградилъ себя за походъ грабежемъ русской земли. Этотъ грабежъ былъ возмездіемъ за прикарпатскія завоеванія Владиміра. Но Русь почувствовала обиду тѣмъ сильнѣе, что ляхи пришли къ ней въ качествѣ гостей, а не завоевателей.

Въ то время Привислянскій край, по свидѣтельству современнаго польскаго лѣтописца, «былъ только дорогою, по которой купцы отправлялись въ Русь», между тѣмъ какъ Поднѣпровье вело дѣятельную торговлю съ европейскимъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ. Очутясь въ странѣ невиданной ими роскоши, убогіе и грубые въ своей первобытности ляхи загостились на берегахъ Днѣпра такъ долго, а свои вымогательства простерли до такой степени, что должны были взяться за оружіе для обороны себя отъ гостепріимныхъ русичей. Тѣмъ не менѣе однакожъ они выступили въ обратный путь съ богатою добычею и увели множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ были и члены Ярославова семейства. Но это ихъ не удовлетворило. Сохранилось преданіе, что Болеславъ Храбрый, выходя изъ Кіева, съ досады ударилъ мечемъ по его воротамъ и сдѣлалъ на мечѣ щербину: преданіе зловѣщее для Польши. Этимъ щербатымъ мечемъ (miecz szczerbiec) отвоевалъ онъ мимоходомъ червенскіе города, которые однакожъ тяготѣли къ Кіеву и, спустя нѣсколько времени, опять вошли въ составъ русской земли.

Между тѣмъ грабежи и насилія ляховъ распространили чувство обиды по всей Руси, и всего больше возмутили новгородцевъ. Кіевъ былъ средоточіемъ русской торговли, а Новгородъ—самымъ сильнымъ ея двигателемъ. Кіевскіе склады новгородскихъ товаровъ потерпѣли отъ ляховъ такъ много, что новгородцы обложили себя поголовнымъ налогомъ, призвали изъ-за моря новыя дружины варяговъ и пошли съ Ярославомъ искать возмездія на виновникахъ вредоноснаго союза съ польскимъ королемъ. Святополкъ призвалъ еще однажды печенѣговъ, но былъ разбитъ на берегахъ Альты и погибъ во время бѣгства въ Карпаты, заслуживъ прозвище Окаяннаго.

Высокій кіевскій столъ достался снова Ярославу. Раздраженные ляхами новгородцы готовы были идти съ нимъ въ Польшу. Но великій князь не рѣшился оставить русскую землю на произволъ князей удѣльныхъ. Ярославъ зналъ, что и Брячиславъ полотскій и Мстиславъ тмутараканскій думаютъ съ честолюбивыми думцами своими крѣпкую думу о томъ, какъ бы изъ *малаго* стола пересѣсть на *высокій*. Въ самомъ дѣлѣ Брячиславъ собралъ вокругъ себя смѣлыхъ людей и покусился овладѣть Новгородомъ. Неожиданно ворвался онъ въ новгородскія стѣны, и хотя былъ вытѣсненъ, однакожъ захватилъ много всякаго добра и плѣнниковъ. Ярославъ дорожилъ новгородцами и тотчасъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Брячиславъ былъ настигнутъ и разбитъ на рѣкѣ Судомѣ, въ Псковской области. Онъ возвратилъ новгородцамъ плѣнниковъ и всю добычу. Но за покушеніе на Новгородъ великій князь не могъ поступить съ нимъ строго. Въ литовской землѣ, у Берестья, собрались противъ Ярослава какіе-то опасные враги. Придавши къ владѣніямъ Брячислава еще городъ Витебскъ, онъ поспѣшилъ на юго-западъ. А между тѣмъ съ юго-востока поднялся на него Мстиславъ тмутараканскій, по прозванію Чермный.

Слава Мстислава Чермнаго была широко распространена по русской землѣ. Онъ воевалъ успѣшно съ греками. Онъ помогъ тѣмъ же грекамъ дорушить Хазарскую державу и въ особенности сдѣлался знаменитымъ своими битвами съ прикавказскими касогами. Могущественный касожскій князь Редедя долго мѣрялся съ тмутараканскимъ княземъ боевыми силами, наконецъ, былъ имъ побѣжденъ и погибъ отъ руки самого Мстислава, въ виду своего войска. Дружинамъ храбраго и славнаго князя было тѣсно сидѣть въ укромномъ уголкѣ русской земли. Онѣ пошли съ нимъ искать волостей въ торговомъ Поднѣпровьѣ, о богатствѣ котораго молва растекалась еще шире, чѣмъ о богатырствѣ Мстислава. Ведя за собой, кромѣ туземной и

пришлой Руси, болгарскія и черкесскія дружины, побѣдитель Редеди пытался овладѣть Кіевомъ, но кіевляне дали ему крѣпкій отпоръ. Тогда онъ обратился къ Чернигову, столицѣ сѣверянъ, соперничавшихъ съ кіевскими полянамя, и былъ ими охотно принятъ на княженіе.

Въ это время Ярославъ занимался усмиреніемъ бунтовъ, поднятыхъ въ Суздальщинѣ и въ самой Новгородчинѣ языческими жрецами противъ христіанскихъ священниковъ. Новая вѣра колебалась въ борьбѣ съ древнеславянскою и, при недостаткѣ вліятельныхъ проповѣдниковъ, опиралась на вооруженную силу. Свѣдавъ, что Черниговъ занятъ Мстиславомъ, Ярославъ призвалъ изъ-за моря варяговъ и пошелъ съ ними на Мстислава. Братья сошлись у Листвена, близъ Чернигова, въ бурную ночь, подъ ужасной грозой и проливнымъ дождемъ. Кровопролитная битва рѣшила споръ въ пользу Мстислава. Ярославъ еще однажды бѣжалъ въ Новгородъ, и Кіевъ готовъ былъ покориться храброму князю. Но Мстиславъ предоставилъ кіевскій столъ старшему брату и удовольствовался лѣвой стороной Днѣпра.

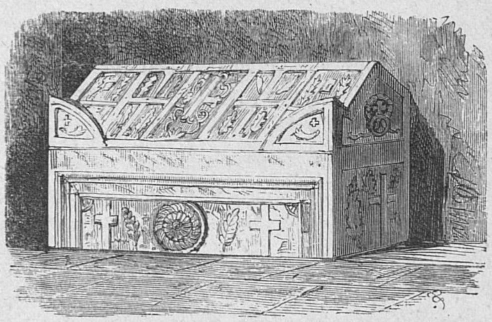
Судя по ходу событій, надобно думать, что соперниковъ братьевъ примирила опасность, угрожавшая Руси со стороны ляховъ, которые не забывали своего недавняго панованья въ Кіевѣ и, захвативъ червенскіе города, мечтали о добычномъ походѣ на берега Днѣпра. Это было время борьбы восточной церкви съ западною, на сомнительныхъ границахъ двухъ вѣроисповѣданій. Восточные проповѣдники христіанства предупредили на берегахъ Вислы и вдоль Карпатъ проповѣдниковъ западныхъ. Въ то время, когда греки заохачивали къ принятію христіанства кіеводнѣпровскую Русь, единовѣрцы ихъ моравы распространили восточное вѣроисповѣданіе между различными племенами, политическимъ центромъ которыхъ былъ Краковъ. Но по проложенному ими пути пришли въ Польшу миссіонеры латинскіе, и дѣло простосердечнаго апостольства моравовъ превратили въ дѣло римско-католической политики. При посредствѣ императора Оттона III, имъ удалось наконецъ втянуть юную Польшу въ систему религіознаго господства папы. Неофиты православныхъ моравовъ были объединены съ неофитами католиковъ нѣмцевъ. Въ Польшѣ установлены три епископіи; вѣроученіе организовано систематически, и польское православіе подавлено польскимъ католичествомъ. Слѣдствіемъ такого соединенія подвластныхъ ляхамъ инородцевъ было ихъ раздѣленіе на приверженцевъ двухъ соперничествующихъ церквей,—раздѣленіе, отозвавшееся гибельно для Польши въ дальнѣйшей польско-русской исторіи. Ярославъ и Мстиславъ безъ сомнѣнія видѣли, также, какъ и Владиміръ, слабую сторону строящагося въ сосѣдствѣ государства, и направили на него общія силы свои. Ихъ предпріятію благопріятствовало то обстоятельство, что Болеславъ Храбрый скончался въ годъ ихъ примиренія, и на его преемника, Мечислава II, поднялись чехи, угры и нѣмцы. Червенскіе города снова были присоединены къ русской землѣ, а набранными въ Польшѣ плѣнниками Ярославъ заселилъ сторожевыя мѣста по рѣкѣ Роси.

Черезъ десять лѣтъ послѣ примиренія съ братомъ умеръ Мстиславъ, и всѣ его владѣнія достались Ярославу. Стремясь къ единовластію, наперекоръ приверженцамъ удѣльнаго порядка, Ярославъ заключилъ въ темницу безъ дверей, въ такъ называемый *порубъ*, своего брата Судислава псковского. Оставался внѣ володарской его власти одинъ удѣлъ полотскій. Но судьба Брячислава находилась теперь въ рукахъ великаго князя.

Главное дѣло Владиміра, огражденіе кіеводнѣпровской Руси отъ азіатскихъ выходцевъ, продолжалъ Ярославъ энергически. Страшные враги и коварные союзники русичей, печенѣги, можно сказать, разбились объ его вооруженныя твердыни. Осталась одна память ихъ натисковъ на Кіевъ и пораженіи, нанесенномъ имъ Ярославомъ въ 1036 году. Но лѣтописныя извѣстія объ ихъ набѣгахъ на средоточіе русской земли съ этого года прекращаются. На мѣсто печенѣговъ, среди распространенныхъ ими во всѣ стороны пустынь, являются ихъ соперники въ истребительномъ ремеслѣ, узы, извѣстные у насъ подъ именемъ торковъ, берендѣевъ и подъ общимъ именемъ степныхъ варваровъ, «черныхъ клобуковъ». Уже Владиміръ воевалъ противъ этихъ номадовъ и пользовался отдѣльными ихъ ордами въ своихъ далекихъ

походахъ. Ярославъ держался той же двойной политики: нападенія на дикихъ степняковъ и прирученія ихъ подачками. Будучи государемъ болѣе хитрымъ, чѣмъ воинственнымъ, онъ умѣлъ разъединять силы враговъ своихъ, и основалъ на Роси даже городъ Торческъ, сдѣлавшійся средоточіемъ ручныхъ кочевниковъ пограничной пустыни.

При Ярославѣ русская земля замѣтно теряла свой хаотическій, неопредѣленный характеръ. Она слыла въ тогдашней, вообще убогой и безпріютной Европѣ не только богатымъ, но и спокойнымъ краемъ. Владѣтельные дома европейскаго Сѣвера и Запада искали въ ней опоры среди общественныхъ и династическихъ волненій. Ярославъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля Олава, Ингигердѣ (въ православіи Иринѣ), которая имѣла великое вліяніе на его государственную дѣятельность. Сестра Ярослава, Марія, была за польскимъ королемъ Казимиромъ, а сына Изяслава женилъ онъ на сестрѣ того же короля. Знатные скандинавскіе люди и принцы крови находили пріютъ у кіевскаго великаго князя, нерѣдко вступали даже въ его службу, а дѣти ихъ воспитывались въ Кіевѣ съ дѣтьми Ярослава. Вторую дочь свою, Анну, Ярославъ выдалъ за французскаго короля Генриха I, а третью—за венгерскаго Андрея I. Сыновья кіевскаго великаго князя женились на венгерскихъ принцессахъ. Въ смутное время королевства англійскаго, тамошніе принцы искали убѣжища при его дворѣ.



Гробница Ярослава I, въ Софійскомъ соборѣ, въ Кіевѣ.

Приводя такимъ образомъ Русь въ уровень съ европейскими державами XI вѣка по политикѣ внѣшней, Ярославъ трудился весьма дѣятельно и надъ внутреннимъ устройствомъ своей земли. Церковное управленіе, связавшее русскія области въ одно цѣлое, получило при немъ порядокъ, на которомъ дѣятельность русской церкви основывалась и во времена грядущія. Постройка великолѣпныхъ по тогдашнему состоянію Россіи храмовъ, заведеніе при нихъ училищъ и скрипторій, по обычаю средневѣковыхъ просвѣтителей общества, придали княженію Ярослава черту, блестящую сквозь многовѣковую мглу ярче военныхъ походовъ и политическихъ связей съ европейскими дворами. Одна церковь Св. Софіи въ Кіевѣ, украшенная мозаикою, фресками и разноцвѣтными мраморами, говоритъ о его стремленіи къ дѣятельности порядка высшаго. Но ему приписываютъ и первое начертаніе законовъ, подъ названіемъ: «Русской Правды». Во времена предшествовавшія, князья и ихъ посадники руководились въ своихъ судахъ однимъ обычнымъ правомъ, котораго хранителемъ и регуляторомъ былъ міръ, или мірская сходка, называвшаяся *вѣчемъ*. Вѣчевое разбирательство спорныхъ вопросовъ опиралось на физическую силу споривших сторонъ, которую регулировалъ обыкновенно князь, окруженный товарищами своего властвованія, старшими и младшими дружинниками. Оно оставалось неизмѣннымъ до татарскаго погрома, какъ республиканское начало древнерусскаго общества, подчиненное началу первобытнаго монархизма. Но Ярославова Русская Правда много способствовала устраненію замѣшательствъ, сопровождавшихъ первоначальныя вѣча, и послужила весьма существенно къ объединенію русскихъ владѣній.

Ярославъ, несмотря на то, что достигнулъ господства надъ всею Русью цѣною бунта противъ отца, кровопролитными битвами съ удѣльными князьями и заключеніемъ одного изъ нихъ на всю жизнь въ безвыходный порубъ, все же счелъ нужнымъ послѣдовать примѣру Владиміра Великаго. За невозможностью удержать русскія стяжанія въ однѣхъ рукахъ, онъ еще при жизни раздавалъ сыновьямъ намѣстничества или удѣлы. По установившемуся обычаю, старшій сынъ его, Владиміръ, получилъ въ удѣлъ великій Новгородъ, но умеръ за два года до смерти отца, и тогда въ Новгородъ перешелъ изъ Турова подстаршій Ярославичъ, Изяславъ.

То по случаю ранней кончины братьевъ, то по открытому праву сильнаго, Изяславъ распространилъ свое великое княженіе отъ озера Ильменя и рѣки Днѣпра до Карпатскаго подгорья. Мысль о единовластіи очевидно правила поступками великаго князя. Стремясь въ противоположную сторону, Святославъ черниговскій захватилъ подъ свою власть всю Сѣверію, всю область вятичей, Рязань, Муромъ и Тмутаракань, а Всеволодъ переяславскій овладѣлъ верхнимъ Поволжьемъ, именно землями Ростовскою, Суздальскою и Бѣлозерскою. Покойный Ярославъ продержалъ брата Судислава болѣе двадцати лѣтъ въ порубѣ, изъ котораго можно было вывести узника не иначе, какъ снявши кровлю. Судиславу, старшему въ родѣ, слѣдовало бы теперь княжить въ Кіевѣ. Но онъ былъ принужденъ дать племянникамъ клятву, что не будетъ искать никакого княженія, и постригся въ монахи.

По естественному положенію Русской земли, еще не слитой въ прочное политическое тѣло, не могло быть въ ней и прочнаго порядка. Вулканъ усобицы открылся въ украинской Новгородчинѣ. Тамъ было много элементовъ политической центробѣжности, и они соединились въ революціонную массу подъ знаменемъ Ростислава, племянника Ярославичей, сына старшаго ихъ брата, Владиміра новгородскаго. Подобно тому какъ впослѣдствіи вольница кіеводнѣпровская, въ запоздалыхъ послѣднихъ своихъ порывахъ къ растորженію русскаго міра на части, перекидывалась, точно пожарное пламя, съ днѣпровскаго побережья на донское, а съ Дона на Волгу и на Яикъ,—дружина самоуправнаго князя Ростислава перешла изъ новгородской Украины въ Украину тмутараканскую, въ сосѣдство еще болѣе завзятыхъ добычниковъ, чѣмъ поморскіе и заморскіе варяги. Тамъ въ это время намѣстничалъ старшій сынъ Святослава Ярославича, Глѣбъ. Отецъ пытался поддержать его на опасномъ посту, но безуспѣшно. Ростиславъ овладѣлъ Тмутараканью и прославилъ себя не меньше своего двоюроднаго дѣда, Мстислава Чермнаго, побѣдами надъ корсунскими греками и прикавказскими косогами.

Вслѣдъ за Ростиславомъ вооружился противъ тріумвирата Ярославичей, сынъ Полоцкаго Брачислава, Всеславъ. Сперва онъ покушался съ своими полочанами на Псковъ, потомъ ворвался въ Новгородъ, зажегъ его, ограбилъ церковь Св. Софіи и увезъ въ Полоцкъ даже колокола и паникадила, а вмѣстѣ съ тѣмъ, привелъ и множество плѣнниковъ, особенно женщинъ и дѣтей. Ярославичи соединенными силами вторгаются въ Полоцкую область, овладѣваютъ Минскомъ, избиваютъ мужское населеніе города, а женъ и дѣтей отдаютъ въ рабство своимъ дружинникамъ. Всеславъ даетъ имъ кровавое поле на рѣкѣ Немигѣ, какъ назывался у лѣтописца Нѣманъ. Трое дядей оказываются безсильными одолѣть своего двоюроднаго племянника и, забывая о христіанствѣ, прибѣгаютъ къ уловкѣ своего еще язычествовавшаго дѣда Владиміра: вызываютъ Всеслава къ Смоленску на переговоры, цѣлуютъ крестъ, клянутся въ безопасности мужественнаго соперника и, схвативъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, сажаютъ его въ кіевскій порубъ, гдѣ Судиславъ сидѣлъ столько лѣтъ по волѣ самаго набожнаго и просвѣщеннаго изъ ихъ предковъ.

Между тѣмъ какъ необузданные владыки Русской земли по-непріятельски опустошали ее на зло одинъ другому, изъ бездоннаго жерла азіатскаго варварства хлынули новыя орды номадовъ. Это были соплеменники печенѣговъ и узовъ, половцы, народъ еще болѣе свирѣпый и многочисленный. Когда печенѣги, тѣснимые узами сзади и побиваемые Русью спереди, раздробились на враждебныя одно другому скопища и разсѣялись въ черноморскихъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра,—въ степяхъ задонскихъ заняли ихъ кочевья узы. Но тѣснимые въ свою очередь другими дикарями, перешли на западное побережье Дона. Хотя между печенѣгами и узами оставалось, въ видѣ варварской защиты, пустынное пространство въ пять дней ѣзды, тѣмъ не менѣе печенѣгамъ пришлось перебраться за Дунай и искать византійскаго подданства на условіи не пускать въ имперію другихъ номадовъ. Съ кочевниками узами, иначе торками, русскимъ князьямъ было еще труднѣе управляться, чѣмъ съ пе-

ченѣгами. Эти дикари были опасны, какъ враги, и еще опаснѣе, какъ союзники. Принимая на себя выгодныя для Руси обязательства, они ждали только удобнаго момента для того, чтобы продать своихъ сосѣдей и союзниковъ собственнымъ врагамъ и преслѣдователямъ. Наконецъ, торки очутились между молотомъ и наковальнею, подобно печенѣгамъ. Съ востока надвинулись на нихъ орды кумановъ, которыхъ нашъ лѣтописецъ называетъ половцами, а съ Запада ихъ кочевья почуяли непосредственную близость грозной для нихъ Руси. Даже враждовавшіе между собой князья ударили тогда вмѣстѣ съ ручными торками на дикихъ торковъ дружно и погромили ихъ такъ сильно, что они бросились опрометью къ югу. Но встрѣчаемые тамъ половцами перешли, по слѣдамъ печенѣговъ, за Дунай; а нѣкоторыя орды ихъ отдались въ руки русичамъ, и русичи заслонили ихъ поселеніями степныя окраины Кіевщины и Переяславщины отъ новыхъ азіатскихъ наѣздниковъ.

Съ появленіемъ на юго-восточномъ горизонтѣ нашемъ половцевъ, сила потока, напиравшаго изъ Азіи на русскія княжества, возросла до небывалой еще степени. Сперва половцы одолѣвали защитниковъ Руси поодиночкѣ, но въ 1068 году разбили ихъ соединенныя дружины подъ самымъ Переяславлемъ на Альтѣ. Князья спасались только въ укрѣпленныхъ городахъ. Но Всеволодъ не смѣлъ остаться въ своемъ Переяславлѣ, и бѣжалъ къ брату Изяславу въ Кіевъ. Къ безотпорному опустошенію Приднѣпровья прибавились еще волненія кіевскаго вѣча. По свидѣтельству одного изъ иноземныхъ наблюдателей тогдашней Кіевщины, ея населеніе «состояло главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ рабовъ, стекавшихся сюда со всѣхъ сторонъ». Въ смутное время половецкихъ набѣговъ, сбродная сила проявила себя чрезъ посредство народоправнаго органа бурно. Изяславъ и Всеволодъ бѣжали въ Польшу. Русская земля заколебалась на своихъ все еще шаткихъ основаніяхъ. Возмущенные противъ Изяслава кіевляне освободили изъ поруба Всеслава полотскаго и сдѣлали его своимъ княземъ. Но въ это время Святославъ черниговскій разбилъ половцевъ на голову и полонилъ ихъ предводителя. А между тѣмъ Изяславъ, съ помощью родственника своего по теткѣ и женѣ, короля Болеслава Смѣлаго, шелъ усмирять Кіевъ. Не полагаясь, какъ надобно думать, на стойкость демагоговъ, посадившихъ его на высокомъ кіевскомъ столѣ, герой кроваваго дня на Немигѣ бѣжалъ въ родной свой Полоцкъ. Еще однажды ляхи запировали въ своей Капуѣ, Кіевѣ, и прогостили здѣсь цѣлую зиму, вознаграждая себя грабежемъ и безчинствами за труды далекаго похода. А когда кіевляне возстали противъ нихъ по-прежнему, они убрались во свояси не безъ *лутовъ*, и на возвратномъ пути вновь овладѣли червоннорусскимъ городомъ Переяславлемъ.

Изяславъ усѣлся на опустѣломъ великокняжескомъ столѣ не только съ помощью ненавистныхъ народу ляховъ, но и съ помощью кровавой расправы. Онъ вступилъ въ покорившійся Кіевъ не прежде, какъ изсѣкши и ослѣпивши многихъ гражданъ. Сознавая опасность положенія своего среди мстительнаго и отважнаго народа, онъ искалъ себѣ охраны въ той религіозности, какую были способны сообщить нашимъ предкамъ тогдашніе моралисты. Погибшіе отъ Святополка Окаяннаго князья Борисъ и Глѣбъ были объявлены святыми еще при Ярославѣ. На мѣстѣ ихъ погребенія въ Вышгородѣ, по народной молвѣ, начали совершаться различныя знаменія. Изъ нихъ одно особенно поразило воображеніе вѣрующихъ. Какой-то иноземецъ-варягъ ступилъ нечаянно на святое мѣсто, и былъ опаленъ выхватившимся изъ земли пламенемъ. Выслушавъ объ этомъ донесеніе вышгородскихъ властей, Ярославъ согласился съ ними, что «не лѣпо такимъ свѣтильникамъ быти сокровенными подъ землею». Онъ построилъ храмъ во имя св. Бориса и Глѣба, и поставилъ въ немъ вырытые изъ земли гробы князей, убіенныхъ Окаяннымъ. Цѣлые восемь дней угощалъ Ярославъ по этому случаю въ Вышгородѣ бояръ, духовенство и народъ. Слава о первыхъ русскихъ чудотворцахъ разнеслась во всѣ стороны, и многіе изъ отдаленныхъ мѣстъ начали притекать на поклоненіе нетлѣнно почивающимъ мощамъ. Хотя послѣ упомянутаго праздника прошло всего лѣтъ двадцать, но

построенная Ярославомъ церковь найдена Изяславомъ Ярославичемъ ветхою. Онъ соорудилъ возлѣ нея новую, и въ 1072 году совершилъ торжественное перенесеніе святыхъ мощей. Въ торжествѣ, кромѣ съѣхавшагося отовсюду духовенства, участвовали Святославъ черниговскій и Всеволодъ переяславскій съ своими дѣтьми и боярами. Князья Ярославичи пировали, по выраженію лѣтописца «съ любовью великою». Но какова бы ни была взаимная любовь или взаимная вражда князей, поступки ихъ выражали настроеніе окружавшаго ихъ общества. Кіевляне воспользовались вышегородскимъ отъѣздомъ и вооружили противъ Изяслава черниговцевъ и переяславцевъ. Въ слѣдующемъ году Святославъ черниговскій и Всеволодъ переяславскій изгнали старшаго брата изъ Кіева. Изяславъ успѣлъ однакожъ захватить съ собою много добра и пытался поднять на братьевъ Болеслава Смѣлаго. Не успѣвши въ этомъ, обратился къ императору Генриху IV и посылалъ сына даже къ папѣ Григорію VII. При содѣйствіи папы, Изяславъ получилъ, наконецъ, отъ польскаго короля вспомогательное войско. Между тѣмъ Святославъ черниговскій скончался. Тогда Всеволодъ переяславскій, подобно Мстиславу Чермному, не захотѣлъ бороться съ братомъ за Кіевъ и удовольствовался лѣвою стороною Днѣпра.

Лишь только кончился споръ между старшими князьями, поднялась новая усобица со стороны младшихъ. Оставшіеся безъ удѣловъ, князья Борисъ Вячеславичъ и Олегъ Святославичъ, удалясь на украинскій Тмутараканскій островъ, приназяли къ своей вольницѣ половецкую орду, пришли въ Черниговскую землю, и разбили Всеволода на рѣкѣ Сожицѣ. Въ это время въ Смоленскѣ княжилъ сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ. Узнавъ, что отецъ бѣжалъ въ Кіевъ подъ покровительство Изяслава, Владиміръ поспѣшилъ къ нему на помощь съ своими смолянами. Произошла подъ Черниговомъ упорная битва тмутараканцевъ и наемныхъ половцевъ съ днѣпровскими русичами, въ числѣ которыхъ находилась и дружина великаго князя подъ его личнымъ предводительствомъ. Великій князь палъ мертвымъ. Погибъ и Борисъ Вячеславичъ. Мономахъ одержалъ рѣшительную побѣду. Онъ посадилъ отца, какъ старшаго князя, на кіевскомъ столѣ, и получилъ отъ него въ удѣлъ Черниговъ. Новый великій князь предоставилъ одному Изяславичу, Ярополку, Волынскую область, а другому, Святополку—Новгородъ. Разбитый на голову, Олегъ Святославичъ бѣжалъ въ Тмутаракань, и вмѣстѣ съ братомъ Романомъ привелъ въ слѣдующемъ году половецкую орду пустошить Переяславщину. Но великій князь подкупилъ половцевъ. Половцы убили Романа Святославича, а тмутараканская вольница, состоявшая преимущественно изъ хозаръ, выдала брата его, Олега, грекамъ, и тѣ заключили его на островѣ Родосѣ.

Густая мгла старыхъ столѣтій скрываетъ отъ насъ не только черты характеровъ, но часто и самыя побужденія людей, служившихъ представителями древняго русскаго общества. Но нельзя не замѣтить, что благороднѣйшими дѣятелями разсматриваемыхъ временъ были тѣ изъ нихъ, которые больше другихъ усвоили себѣ практически науку общественной жизни и науку правительственной власти. На первоначальное просвѣщеніе Руси, какъ и на смягченіе русскихъ нравовъ свѣтское и монашествующее духовенство дѣйствовало весьма слабо. Мы относимся съ великимъ сочувствіемъ къ началу монастырской письменности нашей, имѣвшей цѣлью распространеніе богослужебныхъ книгъ и назидательнаго чтенія среди питомцевъ только что основанной на Руси христіанской церкви. Подобно лучшимъ воспоминаніямъ нашего собственнаго дѣтства, насъ увлекаетъ сказаніе очевидца о томъ, какъ черноризецъ Никонъ, прозванный великимъ за свои изумительныя по современной оцѣнкѣ знанія, сшивалъ и переплеталъ рукописи монастырскаго издѣлія, а преподобный Ѳеодосій Печерскій, сидя подлѣ него, прялъ нити для переплета. Но то была работа, едва замѣтная въ теченіе тяжелыхъ современныхъ событій. То была выдѣлка первыхъ матеріаловъ и орудій для созданія русской церкви, проявившей свою дѣятельность гораздо позже. Надъ просвѣщеніемъ древнерусскаго общества и надъ смягченіемъ его свирѣпыхъ нравовъ работали съ нѣкоторымъ успѣхомъ тѣ

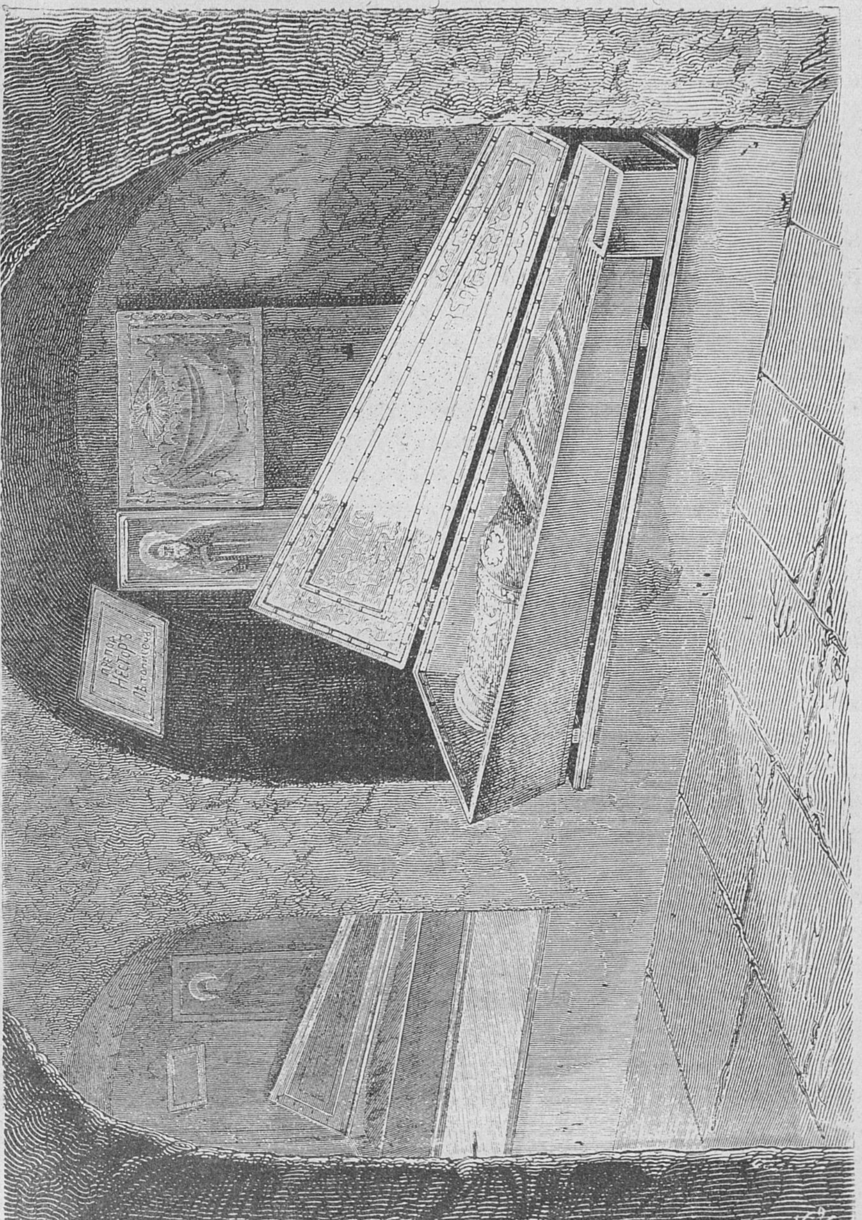
самые князья, которые заключали въ своей средѣ столько людей, готовыхъ на убійства и тираннію. Они первые озаботились заведеніемъ церковныхъ скрипторій. По отзыву древняго лѣтописца, проводили въ чтеніи дни и ночи. Не довольствуясь библіею и произведеніями церковной словесности, они самостоятельно занимались кодификаціею обычнаго права, и между самими черноризцами отыскивали способныхъ людей, для того, чтобы событія войны и политики сохранить въ исторической связи для потомства. Наконецъ, ихъ богатырскому кругу, ихъ вдохновительнымъ предпріятіямъ и самобытному развитію ихъ идеаловъ славы, чести, доблести надобно приписать появленіе на Руси народнаго эпоса, которому не бывать было бы у насъ при одномъ церковномъ просвѣщеніи. И Владиміръ Великій, и сынъ его Ярославъ отличались въ княжескомъ родствѣ своемъ той образованностью, которую даетъ человѣку широкая практическая дѣятельность. Преемникъ Ярослава, Изяславъ, уступая обоимъ въ правительственной мудрости, превосходилъ ихъ бывалостью, которая дважды помогла ему возвратить утраченную великокняжескую власть. Переяславскій, черниговскій и наконецъ кіевскій князь Всеволодъ, не выѣзжая за предѣлы Русской земли, отличался такой любознательностью, что могъ бесѣдовать съ иностранцами на пяти языкахъ. А сынъ его, Владиміръ Мономахъ, извѣстенъ потомству даже своимъ литературнымъ талантомъ.

Этотъ князь, первый изъ Рюриковичей, не соблазнился возможностью присвоить себѣ великокняжескую власть. Присутствуя при погребеніи отца, онъ отклонилъ просьбы кіевлянъ, желавшихъ имѣть его своимъ великимъ княземъ; самъ вызвалъ изъ Турова старшаго изъ внуковъ Ярослава, Святополка-Михаила Изяславича, и продолжалъ княжить по прежнему въ Черниговѣ, между тѣмъ какъ младшій братъ его, Ростиславъ, занималъ столъ переяславскій.

Ободренные перемѣной верховной власти на Руси, половцы наступили на Кіевскую область всѣми своими силами, осадили пограничный съ дикими полями городъ Торческъ и угрожали перейти на кіевскую сторону защитной рѣчки Роси. Мономахъ поспѣшилъ съ черниговцами на помощь кіевлянамъ и призвалъ изъ Переяславля брата Ростислава. Половцы встрѣтили соединенную русскую рать у города Треполя, и уже готовы были прорваться черезъ валъ, охранявшій кіевскую область отъ кочевниковъ. Святополкъ-Михаилъ ударилъ на нихъ съ кіевлянами первый, но не выдержалъ натиска многочисленныхъ варваровъ и заперся въ Треполѣ. Владиміръ Мономахъ и Ростиславъ переяславскій пытались остановить степную силу, но были смяты и пошли въ бродъ черезъ рѣку Стугну, стоявшую въ вешнемъ разливѣ. Ростиславъ утонулъ во время переправы. Владиміръ потерялъ въ битвѣ лучшихъ своихъ воиновъ, и поспѣшилъ въ Черниговъ, между тѣмъ какъ Святополкъ-Михаилъ пробирался изъ Треполя въ Кіевъ. Среди наводненной половцами Кіевской земли, незанятыя ими мѣста представляли подобіе острововъ, колеблемыхъ бурнымъ прибоемъ. Торческъ оборонялся болѣе девяти недѣль. Наконецъ, голодъ одолѣлъ мужественныхъ его защитниковъ. Зажегши городъ, варвары раздѣлили голодныхъ жителей между собою и увели въ свои вежи съ огромнымъ полономъ, набраннымъ вокругъ Кіева, Вышгорода и другихъ городовъ Кіевской области. Уровень русской силы вдругъ понизился. Въ безпомощномъ своемъ положеніи, Святополкъ-Михаилъ смиренно просилъ мира у половцевъ и укрѣпилъ его женитьбою на дочери сильнѣйшаго изъ половецкихъ хановъ, Тугоркана.

Между тѣмъ княжескія усобицы продолжали свою центробѣжную работу. Князь Олегъ Святославичъ, выпущенный греками изъ заточенія, очутился снова въ Тмутаракани, собралъ вокругъ себя сбродную вольницу, присоединилъ къ ней половецкихъ наѣздниковъ и снова явился подъ Черниговомъ, домогаясь вотчины. Послѣ восьмидневнаго боя, Владиміръ Мономахъ удалился въ наслѣдованный имъ по смерти брата, Переяславъ. Онъ пробовалъ согласить интересы одичалаго князя съ интересами русичей, умягченныхъ евангельскимъ ученіемъ, домовитымъ общежитіемъ, международною политикой. Пользуясь дружбою Святополка-Михаила, онъ звалъ Олега въ Кіевъ, чтобы разсудить о защитѣ Русской земли вмѣстѣ съ

епископами, игумнами, боярами и громадскими мужами. Но Олегъ отвѣчалъ гордо: «Не епископамъ, не игумнамъ и смердамъ судить меня». Тогда князья общими силами изгнали его изъ Чернигова, и своенравный украинецъ древнерусской земли удалился въ другой погра-



Пещера преп. Нестора лѣтописца.

ничный удѣлъ Святославичей, въ землю Муромско-Рязанскую. Тамъ утвердился было одинъ изъ сыновей Мономаха, Изяславъ. Олегъ вооружилъ противъ него рязанцевъ, и когда тотъ палъ въ битвѣ подъ Муромомъ, онъ заключилъ въ оковы его ростовскихъ и бѣлозерскихъ

дружинниковъ, а наслѣдственныя въ Мономаховой семьѣ области Ростовскую и Суздальскую подчинилъ своимъ посадникамъ. Противъ Олега двинулась Новгородчина, подъ предводительствомъ старшаго Мономахова сына, Мстислава. Олегу стало тѣсно въ Муромѣ. Но Мстиславъ новгородскій не спѣшилъ довершить свое завоеваніе и предложилъ Олегу переслаться съ отцомъ. Владиміръ Мономахъ прибѣгнулъ къ мѣрамъ кротости и написалъ къ задорному князю посланіе, которое современный лѣтописецъ включилъ въ свою хронику. Въ этомъ посланіи Мономахъ весьма трогательно и совершенно по-христіански представилъ свою печаль о недавней утратѣ сына, въ надеждѣ образумить неистоваго тмутараканца примѣромъ собственной уступчивости. Но тотъ, ведя переговоры, выигрывалъ только время. Нежданно бросился онъ съ новыми силами на Мстислава, и едва не погубилъ его нечаяннымъ набѣгомъ. Но былъ однакожъ разбитъ, и снова взялъ на себя роль человѣка сговорчиваго.

Въ 1097 году состоялся великій съѣздъ русскихъ князей въ Любечѣ. Порѣшили стоять отнынѣ заодно и каждому владѣть своею отчиною. Святополкъ-Михаилъ по прежнему долженъ былъ держать за собой Кіевъ, Владиміръ Мономахъ—земли Переяславскую и Ростовскую, Давидъ, Олегъ и Ярославъ Святославичи—Черниговскую и Муромско-Рязанскую, Давидъ Игоревичъ—Владиміръ-Волынскую, Всеволодъ и Василько Ростиславичи получили въ удѣлъ Перемышль и Теребовль, служившіе средоточіемъ Ладимеріи. Договоръ утвердили крестнымъ цѣлованіемъ. Но оно не для всѣхъ было свято.

Незадолго передъ любечскимъ съѣздомъ, одинъ изъ Ростиславичей подослалъ къ одному изъ Изяславичей убійцу, который пронзилъ его ножомъ въ дорогѣ. Теперь для Изяславичей настала пора кровавой мести. Волынскій князь Давидъ Игоревичъ возбудилъ подозрѣніе великаго князя къ замысламъ противъ него Василька Теребовльскаго, который собиралъ рать противъ ляховъ и звалъ къ себѣ вольнонаемныхъ торковъ, берендѣевъ и печенѣговъ. Василька схватили въ Кіевѣ, на обратномъ пути изъ любечскаго съѣзда, привезли скованнаго въ Звенигородъ и велѣли служилому торчину выколоть ему глаза.

Началась драка Ростиславичей съ Изяславичами. По настоянію Мономаха, великій князь наступилъ на Давида и отнялъ у него почти весь удѣлъ. Но вслѣдъ затѣмъ сталъ тѣснить и самихъ Ростиславичей. На помощь однимъ русичамъ пришли угры, на помощь другимъ—половцы. Война продолжалась до 1100 года и кончилась изгнаніемъ угровъ. Тогда князья на новомъ съѣздѣ, у Витичева, по совѣту дружинниковъ, игравшихъ рѣшающую роль въ княжескихъ совѣщаніяхъ, посадили Давида въ городкахъ Бужскѣ и Острогѣ, дали ему во владѣніе Дубно съ Чорторійскомъ и, ограничивъ этимъ его удѣлъ, заставили смириться.

Душею княжескихъ съѣздовъ и переговоровъ былъ Мономахъ. Соглашеніе неугомонныхъ Рюриковичей стоило ему великихъ трудовъ, уступокъ и пожертвованій. Наконецъ, онъ достигъ того, что русскія дружины соединились въ одно войско и пошли на половцевъ, не перестававшихъ опустошать кіеводнѣпровскую Русь. Началась длинная эпопея походовъ, сшибокъ, засадъ, обоюдныхъ успѣховъ и неудачъ, прерываемая договорами и нарушеніемъ договоровъ, то съ одной, то съ другой стороны. Крещеная Русь была немногимъ выше язычниковъ половцевъ. Исключеніе составляли въ ней только тѣ, которые видали центры тогдашняго просвѣщенія, имѣли общеніе съ иноземными рыцарями и торговыми гостями, вступали въ родственныя и дружескія связи съ представителями правительственной власти западныхъ народовъ. Но и въ средѣ передовиковъ русской гражданственности отзывалась грубая первобытность нравовъ и понятій. Самъ Владиміръ Мономахъ, стоя на правдѣ и справедливости, дѣлалъ иногда уступку дружинникамъ своимъ и соглашался на военныя хитрости, называемыя нынѣ вѣроломствомъ. Возмущенные подобными поступками, варвары вскипали новою свирѣпостью, и набѣги ихъ въ такихъ случаяхъ дѣлались крайне опасными. Одинъ разъ половцы едва не вломились въ Кіевъ, а Печерскій монастырь, средоточіе русскаго христіанства, былъ ими разграбленъ въ виду своихъ защитниковъ. Война съ половцами возобновлялась почти

ежегодно. Подобно Святополку-Михаилу, князья приходили иной разъ къ необходимости жениться на дочеряхъ половецкихъ вождей, лишь бы спастись отъ послѣдняго разоренія. Русская земля готова была покрыться кочевыми вежами и открыть опустошительному варварству широкій путь въ тотъ уголокъ Европы, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ цивилизаторовъ. Къ счастью человѣчества, во главѣ бойцовъ за славянскую независимость стоялъ политикъ, платившій наименьшую дань своему разбойному обществу и хаотическому времени. Уступками, грозой и превосходствомъ образованности Мономахъ заставилъ всѣхъ князей Рюриковичей, съ ихъ своенравными дружинами, боротья за общее дѣло, за христіанскія святилища, за честь русскаго имени и за свободу родной земли. Принимая горячее и безкорыстное участіе въ распряхъ князей—наѣздниковъ, онъ воспитывалъ въ нихъ идеи гражданственныя и выдѣлялъ изъ ихъ сонма среду, которая составила ядро національной жизни, была залогомъ крѣпости русскаго духа и выносила на себѣ бремя правленія полудикими массами. Съ помощью этой дисциплинированной, регулярной въ извѣстномъ смыслѣ среды, удалось ему, наконецъ, остановить побѣдительное стремленіе хищниковъ къ Западу и оборонительную противъ нихъ войну превратить въ наступательную. Русскіе походы въ глубину такъ называемой половецкой земли, за пограничную рѣку Сулу, возвысили чувство народной гордости гораздо плодотворнѣе, чѣмъ нападенія нашихъ древнихъ добытчиковъ на греческую Черноморію. Съ этимъ походами соединялась мысль о защитѣ христіанъ отъ «поганыхъ полковъ», которую вдохнули въ русичей и поддерживали въ нихъ подвижники дѣятельности церковной. Мономахъ простиралъ наступательную войну до задонскихъ степей, предшествуемый священниками, которые одушевляли войско религіозными гимнами. По сказанію лѣтописи, надъ побѣдными стягами русичей носились какіе-то свѣтлые воины и наводили на невѣрныхъ ужасъ. Поэтическое воображеніе кіевскихъ руссовъ работало въ монастыряхъ для вдохновенія воителей, и приводило многихъ изъ нихъ въ монастыри для исполненія данныхъ на боевомъ полѣ обѣтовъ. Этимъ способомъ разнородные представители русскаго духа единились подъ знаменемъ церкви и усиливали вліяніе лучшихъ ея служителей на смягченіе наѣзднических нравовъ. Слава русскихъ побѣдъ надъ степными язычниками широко разнеслась между греками, уграми, ляхами, чехами и отозвалась въ самомъ Римѣ. Русская земля поднялась изъ своего упадка и готова была, казалось, побороть не только внѣшнихъ своихъ враговъ, но и тѣ скопища разбойнаго сброда, которыя питались княжескими усобицами и не давали ей построитья внутри.

Въ 1113 году скончался великій князь Святополкъ-Михаилъ, ознаменовавшій свое княженіе постройкою Златоверхаго Михайловскаго монастыря, въ которомъ его и погребли. Мономахъ до сихъ поръ былъ главою русскихъ князей только по своему нравственному превосходству. Теперь онъ возсѣлъ на столѣ Владиміра Великаго и сдѣлался послѣ него вторымъ, несмотря даже на мудрое господство Ярослава Владиміровича. Мономаху исполнилось уже шестьдесятъ лѣтъ. Его домашняя и общественная жизнь представляетъ лучшій образецъ русскаго князя. Большую часть своего времени проводилъ онъ внѣ дома и, можетъ быть, половину ночей спалъ на сырой землѣ. Въ быту домашнемъ и въ пути дѣлалъ все и присматривалъ за всѣмъ лично, какъ мелкій хозяинъ, вставая раньше солнца. Въ теченіе своей правительственной и боевой карьеры, онъ совершилъ восемьдесятъ три большихъ похода, не считая обыкновенной гонитьбы за хищниками. Девятнадцать разъ заключалъ съ половцами миръ; до сотни плѣнныхъ половецкихъ князей отпустилъ на свободу, а болѣе двухсотъ, по собственному признанію, изрубилъ и перетопилъ въ водѣ. «На оходѣ,—говоритъ онъ въ извѣстномъ «Поученіи дѣтямъ своимъ»,—я вязалъ дикихъ коней, за разъ по десяти и по двадцати; дважды металъ меня туръ на своихъ рогахъ вмѣстѣ съ конемъ; одна лось топтала меня, а другая бодала; вепрь сорвалъ мечъ съ бедра; медвѣдь схватилъ зубами подкладъ у колѣна; лютый звѣрь (волкъ) вскочилъ мнѣ на бедра и повалилъ вмѣстѣ съ конемъ. Но Богъ сохранилъ меня не-

вредимымъ». Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ Поученіи слѣдующія слова: «Гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питіемъ и брашномъ: ибо они распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу».

Въ періодъ Мономахова сидѣнья на великокняжескомъ столѣ, наступило затишье въ войнахъ съ сосѣдними народами. Страшныя вторженія въ Русскую землю ордынцевъ были пріостановлены его безустанными военными трудами и его политикой, то уступчивой, то грозной, то наконецъ коварной, какъ и у самихъ половцевъ. Но центробѣжная сила удѣльной вольницы не переставала дѣйствовать и въ его время. Два раза ополчался патріархъ нашихъ богатырей на старшаго изъ полоцкихъ князей, Глѣба Всеславича, за его набѣги на сосѣднія области, взялъ его въ плѣнъ и привелъ въ Кіевъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Владиміръ-волынскій князь Ярославъ, сынъ Святополка-Михаила, поднялъ противъ Мономаха Ростиславичей; вооружилъ даже польскаго короля Болеслава Кривоустаго и венгерскаго короля Стефана II. Но все преодолѣла русская сила, сосредоточенная Мономахомъ въ Кіевѣ. Онъ скончался на 74 году отъ рожденія (1125), заслуживъ у лѣтописца названіе «братолюбца, нищелюбца и добраго страдальца за Русскую землю».

Онъ дополнилъ Ярославову «Русскую Правду». Онъ устроилъ постоянное сообщеніе праваго берега Днѣпра съ лѣвымъ, посредствомъ подвижного моста. Предпринималъ частыя поѣздки изъ конца въ конецъ Русской земли. Укрѣплялъ отдаленные города каменными стѣнами и основалъ въ украинской Суздальщинѣ городъ Владиміръ задолго до событій, сдѣлавшихъ его соперникомъ Кіева. Но потребность удѣльной системы властвованія Русью и ея защиты сознавалась тогдашними нашими политиками такъ сильно, что мудрому, заботливому, рѣшительному и подчасъ готовому даже на суровыя мѣры Мономаху «не могла придти и въ голову мысль объ уничтоженіи удѣльнаго порядка». Оставляя въ рукахъ черниговскихъ Святославичей, червоннорусскихъ Ростиславичей и отчасти полоцкихъ Всеславичей ихъ наслѣдственные удѣлы, онъ ограничился только тѣмъ, что собралъ подъ владѣніемъ собственнаго дома почти всѣ остальныя области.

Именно, вслѣдствіе тѣхъ усобицъ и великихъ бѣдствій, которымъ подвергался русскій Югъ отъ азіатскихъ выходцевъ, сѣверо-восточная, доселѣ незначительная часть русскихъ владѣній начала набираться чрезвычайной силы и великаго значенія. Эта окраина, заключавшая въ центрѣ своемъ невѣдомую даже и по имени Москву, была заселена новгородскими переселенцами, водворившимися среди туземнаго финскаго племени Меря. Помѣсь новгородскихъ славянъ съ финнами произвела народъ, непохожій характеромъ ни на смоленскихъ кривичей, ни на черниговскихъ сѣверянъ, ни на кіеводнѣпровскихъ полянъ. Не уступая ни одному славянскому племени въ любви къ областной независимости, онъ эту любовь соединялъ съ необыкновенною преданностью своимъ князьямъ, которыхъ честь и слава были у него предметомъ общей гордости. Образованію такого взгляда на верховнаго судью и защитника отъ всякой напасти благопріятствовало то обстоятельство, что въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій со времени перенесенія столицы Руси изъ Новгорода въ Кіевъ, ростовская и суздальская земля стояла въ сторонѣ отъ южно-русскихъ усобицъ, отражавшихся и на самой метрополіи Суздальщины, Новгородчинѣ. Этотъ заброшенный и какъ бы забытый новгородско-кіевскою Русью край не имѣлъ даже собственныхъ князей. Онъ управлялся патріархальнымъ вѣчемъ да посадниками и даньщиками, которыхъ Рюриковичи присылали въ него изъ Кіева или изъ днѣпровскаго Переяславля. Только неутомимый Мономахъ обратилъ на него полное вниманіе и построилъ на рѣкѣ Клязьмѣ обширный городъ Владиміръ, первообразъ будущей Москвы. Попечительная Мономахова дѣятельность оказалась въ Суздальщинѣ плодотворною. Младшій сынъ его Юрій, прозванный Долгорукимъ, будучи посаженъ здѣсь на княженіи, сдѣлался любимцемъ залѣсной украйны русскихъ владѣній. Суздальцы перенесли на него все почитаніе, которое внушалъ имъ «добрый страдалецъ за русскую землю». Они желали возвеличить своего князя паче кіевскаго, и дѣй-

ствительно своимъ повиновеніемъ, усердіемъ, безпредѣльной преданностью поставили его выше всѣхъ Рюриковичей. Строевіе и населеніе городовъ было любимымъ занятіемъ Юрія Мономаховича. Смышленные, трудолюбивые, беззавѣтные въ своихъ трудахъ суздальцы работали по его мысли дружно и вскорѣ сдѣлали отечественный край однимъ изъ самыхъ безопасныхъ.

Но воспоминанія дѣтства и отрочества влекли суздальскаго князя на берега славнаго Днѣпра. Когда кіевскій столъ, по смерти Мономаха, началъ переходить изъ рукъ въ руки по интригамъ князей и ихъ дружинниковъ, Юрій Долгорукій предъявилъ на него свое наслѣдственное право. Противъ него составился союзъ удѣльныхъ князей, помогавшихъ великому князю Изяславу Мстиславичу. Съ своей стороны Долгорукій окружилъ себя союзными дружинами сѣверно-русскаго происхожденія, и началась упорная борьба Сѣвера съ Югомъ, сопровождаемая всѣми ужасами нашествій иноплеменныхъ. Не щадили южане въ Суздальщинѣ ни княжескихъ дворовъ, ни достоянія людей убогихъ, ни божьихъ церквей, а плѣнниковъ изъ суздальской земли, населенной все еще скудно, вывели въ Южную Русь за одинъ разъ до 7000. Характеръ сѣверянъ выразился въ этой борьбѣ постоянствомъ и послѣдовательностью дѣйствій; характеръ южанъ—измѣнчивостью и переходомъ союзниковъ отъ одного соперника къ другому.

Въ 1149 году Юрій суздальскій овладѣлъ великокняжескимъ столомъ и размѣстилъ своихъ сыновей по кіевскимъ городамъ. Ростислава посадилъ въ Переяславлѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ. Но ссаженный съ кіевскаго стола племянникъ, Изяславъ, поднялъ на него угровъ, поляковъ, чеховъ. Измѣна южнорусскому союзу со стороны галицкаго князя Владимірка заставила иноплеменниковъ удалиться во-свояси. Юрій однакожъ располагалъ сравнительно небольшими силами. Его выручали только необыкновенная преданность суздальцевъ да великія боевыя способности сына его Андрея, прозваннаго Боголюбскимъ. Тѣмъ не менѣе военное счастье склонялось въ его сторону. Но въ то время, какъ Юрій Долгорукій одолѣвалъ Изяслава Мстиславича на Волыни у Луцка, въ Кіевѣ составился противъ него заговоръ. Кіевляне не взлюбили суздальцевъ съ ихъ тихимъ, но твердымъ характеромъ, съ ихъ сѣвернымъ закаломъ страстей и особой выдержкой ума, не знавшаго колебанія въ дѣлѣ общественномъ. Ихъ находили жадными, загребущими; роптали на ихъ вымогательства, тяготились ихъ настойчивостью. Долгорукій былъ захваченъ врасплохъ кіевскими крамольниками, призвавшими къ себѣ тайкомъ Изяслава, и бѣжалъ за Днѣпръ въ Остерскій городецъ, основанный имъ при впаденіи Остра въ Десну. Но бѣжавшіе суздальцы были все тѣ же—вѣрные, преданные, готовые умереть за достоинство своего князя. Черезъ годъ Юрій Долгорукій, съ помощью перешедшаго на его сторону Владимірка, возвратилъ себѣ высокій кіевскій столъ, и снова оградилъ себя сыновьями, а старшаго изъ нихъ, уже знаменитаго Андрея Боголюбскаго, посадилъ на Волыни въ Пересопницѣ, имѣвшей значеніе стратегическое. Съ своей стороны Изяславъ не имѣлъ недостатка ни въ личной энергіи, ни въ друзьяхъ и союзникахъ. Получивъ отъ угорскаго короля вспомогательное войско, онъ искуснымъ движеніемъ обманулъ пересопницкаго князя Андрея, заграждавшаго ему путь вмѣстѣ съ галицкимъ Владимірокомъ; миновалъ съ той же удачей Бѣлгородъ, въ которомъ сидѣлъ сынъ Юрія, Борисъ, и неожиданно явился подъ Кіевомъ. Долгорукій былъ захваченъ врасплохъ еще однажды и едва имѣлъ время бѣжать воднымъ путемъ въ Остерскій городецъ. Занявъ эту крѣпкую позицію, онъ призвалъ къ себѣ на помощь съ одной стороны сѣверскихъ князей Ольговичей, наемныхъ степныхъ варваровъ; бился съ Изяславомъ сперва подъ Кіевомъ, потомъ въ «чистомъ полѣ» за Шеломяномъ на рѣкѣ Рутѣ, далѣе защищался отъ него въ Переяславлѣ и Остерскомъ городцѣ, наконецъ, удалился въ свою Суздальщину. Южные русичи сожгли и разорили Городецъ до основанія, чтобы суздальцамъ негдѣ было поставить ноги въ предѣлахъ Кіевопереяславщины. Но въ 1155 году смерть Изяслава открыла суздальскому князю безопасную дорогу въ Поднѣпровье. Никто изъ младшихъ претендентовъ не въ силахъ былъ стоять ни противъ его сѣверной дружины, ни противъ суздальской партіи въ самомъ Кіевѣ. Онъ утвердился на столѣ великаго

отца своего и роздалъ своимъ сыновьямъ наиболѣе значительные удѣлы кіевскаго княжества: Андрею Вышгородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку Поросье съ поселеніями ручныхъ торковъ и берендѣевъ.

Но и у южанъ, и у сѣверянъ накопилось уже слишкомъ много кровавыхъ обидъ и горькихъ замѣтокъ во время столкновенія одной Руси съ другою. Кіевъ былъ полонъ людьми, ненавидѣвшими суздальцевъ. Волынскіе и черниговскіе князья волновали въ немъ враждебную пришельцамъ партію. Окруженный сыновьями Юрій Долгорукій съ трудомъ удерживалъ за собой кіеводнѣпровскую Русь въ теченіе двухъ лѣтъ. Но чѣмъ больше трудился онъ надъ подавленіемъ крамольниковъ, тѣмъ ненавистнѣе южанамъ становились орудія власти его. Только внезапно приключившаяся смерть (1157) остановила третье изгнаніе Долгорукаго изъ Кіева. Вокругъ смертнаго одра его закипѣлъ страшный бунтъ. Суздальцы были ограблены и многіе избиты.

Снова сдѣлался Кіевъ яблокомъ раздора между князьями южнорусскими, и самую важную роль въ кіевскихъ смутахъ играли торки. Кто изъ князей обладалъ Поросьемъ, кто умѣлъ привлечь къ себѣ ручныхъ дикарей подачками, попойками или добычею, тотъ управлялъ и кіевскими событіями. Періодическая вѣрность торковъ была опорою великокняжеской власти, а періодически возвращавшееся къ нимъ коварство ставило великаго князя на краю гибели. Жители Кіева, въ большинствѣ своемъ, отличались такимъ же непостоянствомъ въ своей привязанности и враждѣ, а ихъ измѣнчивость отражалась и на характерѣ мѣстныхъ князей. Въ своихъ поступкахъ, князья подчинялись дружинникамъ, которые состояли большею частью изъ тѣхъ же горожанъ, возвысившихся надъ толпой умомъ, удачей, смѣлостью. Подъ вліяніемъ этихъ людей, жившихъ на счетъ подавленныхъ или обманутыхъ, князья безпрестанно цѣловали другъ другу крестъ, иногда даже по случаю приглашенія къ обѣду, и безпрестанно измѣняли крестному цѣлованью, такъ что оно потеряло наконецъ всякую святость. «Князь, отвѣчаетъ бывало дружина на вопросъ: какъ быть? вѣдь не лапоть велятъ тебѣ цѣловать братья, а крестъ. Ты правъ передъ Богомъ и передъ людьми: безъ насъ тебѣ нельзя было задумать никакого лиха». И то же самое товарищество задумывало именно такое лихо, въ какомъ подозрѣвали непостояннаго брата непостоянные Рюриковичи.

Преемникомъ послѣ Юрія Долгорукаго въ суздальской Мономаховщинѣ сдѣлался Андрей Боголюбскій. Онъ былъ такимъ же любимцемъ тамошняго народа, какъ и первый суздальскій князь, и, подобно своему отцу, не переставалъ помышлять о господствѣ надъ кіеводнѣпровскимъ краемъ. Но, наблюдая издали южнорусскія треволненія, убѣдился въ невозможности утвердить резиденцію свою на берегахъ Днѣпра, и рѣшился властвовать надъ Кіевомъ изъ Суздальщины. Это былъ прототипъ будущихъ князей московскихъ. Происходя отъ южной крови, но воспитавшись между суздальцами, съ боевой отвагой соединялъ онъ мужественную стойкость и рѣдкое самообладаніе въ опасностяхъ, а въ политическихъ домогательствахъ являлся попеременно то благоразумно уступчивымъ, то непреклонно требовательнымъ. Желая властвовать надъ Суздальщиной безъ раздѣленія, онъ заставилъ младшихъ братьевъ своихъ, Василька, Мстислава и Всеволода, бѣжать вмѣстѣ съ ихъ матерью въ Царьградъ. Успѣшно воевалъ съ волжскими болгарами и заключилъ съ ними выгодный миръ. Выстроилъ недалеко отъ Владиміра кляземскаго или залѣсскаго каменный городъ Боголюбовъ съ великолѣпнымъ храмомъ, возбуждавшимъ удивленіе пріѣзжихъ. Такой же храмъ соорудилъ и во Владимірѣ, который украсилъ золотыми и серебряными воротами въ противовѣсъ кіевскимъ. Его заботливость о мирныхъ жителяхъ, ласковое обращеніе съ пришельцами, неутомимость въ разбирательствѣ жалобъ и покровительство иноземнымъ властямъ сдѣлали Владиміръ такимъ же многолюднымъ городомъ, какъ и самый Кіевъ. Привлекая къ себѣ однихъ князей обмѣномъ услугъ, другихъ заставлялъ онъ бояться своего гнѣва, и такимъ образомъ соединилъ вокругъ себя силы всего русскаго сѣверовостока. Когда южные князья, изгоняя одинъ другого изъ Кіева, запутали наконецъ свои дѣла

такъ, что только побѣдительная сила могла указать имъ предѣлы правъ и безправья, нѣкоторые изъ нихъ стали искать союза съ Андреемъ Боголюбскимъ. Дружинники Боголюбскаго только того и ждали. У нихъ не были кончены счеты съ кіевлянами. Не забыли они ни вторженій южанъ въ Суздальщину, ни кіевскихъ крамолъ и бунтовъ. По призыву суздальцевъ, муромцы, рязанцы, смоляне и сѣверяне (за исключеніемъ однихъ черниговцевъ) наступили на кіевскую землю подъ предводительствомъ одиннадцати князей. Андрей Боголюбскій не пошелъ самъ въ походъ, и ввѣрилъ главное начальство надъ войскомъ старшему своему сыну, Мстиславу. Послѣ трехдневнаго упорнаго боя, Кіевъ былъ взятъ приступомъ и разграбленъ безъ всякой пощады. Множество домовъ было сожжено. Множество гражданъ погибло отъ меча. Женщины сдѣлались достояніемъ побѣдителей. Главнымъ предметомъ грабежа были церкви и монастыри, служившіе украшеніемъ Кіева, составлявшіе славу его. Образа, книги, ризы, колокола, все это превратилось въ боевую добычу. Нѣкоторые храмы были сожжены. На долю торковъ, помогавшихъ суздальцамъ, достался Печерскій монастырь.

Отсутствіе Андрея Боголюбскаго въ кіевосуздальской трагедіи показываетъ, что онъ обрекъ матерь городовъ русскихъ на уничтоженіе не безъ борьбы съ лучшими чувствами. Много лѣтъ провелъ онъ въ кіеводнѣпровской Руси, домогаясь великокняжескаго стола для своего дома. При своихъ политическихъ способностяхъ, онъ обладалъ великимъ талантомъ воина, и не могъ не цѣнить боевого мужества южныхъ русичей. Съ этимъ народомъ, заправленнымъ болѣе вдумчивыми и послѣдовательными суздальцами, онъ могъ бы выковать на Руси силу неодолимую, смять подъ нее славянскихъ и неславянскихъ сосѣдей, обновить великанское строительство предковъ и поставить устои русской державы незыблемо. Но южно-русское племя приняло въ себя столько разбойныхъ, антистроительныхъ элементовъ, перемѣшало свою кровь до такой степени съ кровью печенѣговъ, торковъ, половцевъ и до того прониклось безпорядочнымъ правомъ сильнаго, что сдѣлалось неспособнымъ вести передъ въ строительно-гражданственномъ направленіи, и предназначалось въ будущемъ только для операцій разрушительныхъ. Будучи старшимъ княземъ по родовому счету съ мономаховичами и господиномъ завоеваннаго Кіева, Андрей Боголюбскій могъ бы поставить свой великокняжескій столъ на днѣпровскихъ высотахъ. Но онъ предпочелъ прославленному искони Днѣпру малоизвѣстную Клязьму, а ограбленный и уничтоженный Кіевъ отдалъ своему младшему брату Глѣбу, княжившему въ Переяславлѣ.

Такъ совершился великій поворотъ въ исторической жизни русскаго народа. Такъ средоточіе и нравственной и вещественной силы перешло съ Юга на Сѣверо-Востокъ. Кіевъ потерялъ навсегда значеніе самостоятельнаго русскаго княжества. Подъ именемъ великихъ князей, на его столѣ сидѣли или смоленскіе или волынскіе Рюриковичи, а не то—намѣстники другихъ князей, и судьба его зависѣла отъ княжескихъ ссоръ или мировыхъ сдѣлокъ. Резервуаръ древнерусской образованности, Іерусалимъ русскаго христіанства, Кіевъ сдѣлался игралищемъ стихійной силы, волновавшей русскую землю въ ея неотвердѣвшемъ еще составѣ. Наемные дикари, половцы, и сдѣланные кой-какъ ручными торки вмѣстѣ съ ихъ соплеменниками кодями, сторожившими въ качествѣ украинныхъ поселенцевъ Черниговщину, служили задорнымъ князьямъ всегда готовымъ орудіемъ для драки за обладаніе славнымъ, богоугоднымъ и богоспасаемымъ Кіевомъ.

Въ 1203 году, черезъ 34 года послѣ кіево-суздальской трагедіи, Рюрикъ Ростиславичъ, въ соединеніи съ Ольговичами и половецкими ханами, взялъ Кіевъ приступомъ и отдалъ на разграбленіе степнымъ варварамъ. Половцы забрали изъ церквей драгоцѣнные сосуды и кресты, ободрали съ образовъ и богослужебныхъ книгъ оклады, сняли и сутозолотыя одежды, которыя князья имѣли обычай вѣшать въ святилищахъ на память о своемъ благочестіи. Множество жителей, особенно дѣвицъ и юношей свѣтскаго и монашескаго званія, было уведено въ половецкія вежи.

Вѣкъ политическаго упадка кіеводнѣпровской Руси отдѣлялся уже однимъ только поколѣніемъ отъ вѣка совершеннаго ея паденія подъ грозой татарина Батыя. Но строительные эле-

менты русской жизни продолжали бороться въ ней съ разрушительными попрежнему. Между тѣмъ какъ одни князья, подстрекаемые своими дружинниками, истощали врожденную энергію въ удѣльныхъ передрягахъ, козняхъ, наѣздахъ, отчаянныхъ дракахъ, другіе увлекали тѣхъ же самыхъ дружинниковъ на защиту русской земли отъ азіятскихъ выходцевъ. Слава блестящихъ походовъ на половцевъ не угасла со смертію Владиміра Мономаха. Передъ наступленіемъ бурной и мрачной ночи татарскаго погрома, она засіяла ярко, точно готовый погаснуть вечеръ, и въ виду мертваго молчанія русскаго слова проявила себя народнымъ эпосомъ, не имѣющимъ ничего себѣ равнаго въ современныхъ произведеніяхъ французскихъ трубадуровъ и нѣмецкихъ миннезингеровъ.

При наслѣдникахъ Мономаха, при его внукахъ и правнукахъ, половцы чаще и чаще поднимали голову, глубже и глубже запускали свои загоны въ русскую землю, сильно били въ ея шеломя, въ эту извѣстную цѣпь укрѣпленныхъ мѣстъ, связанныхъ между собой Змѣевымъ валомъ, которая, подобно шлему, прикрывала чело собственно такъ называемой Руси со стороны степей, и часто превращали страну съ такими убѣжищами, какъ Торческъ, Треполь, Богуславъ, Корсунь, Каневъ, Звенигородъ, Кіевъ, Вышгородъ, Бѣлгородъ, въ подобіе архипелага, залитаго дымомъ и пламенемъ.

Мужество русскихъ богатырей не уменьшилось; боевая отвага ихъ была все та же. Но, съ упадкомъ Кіева, на цвѣтущемъ во время оно Поднѣпровьѣ понизилась гражданственность; а съ пониженіемъ гражданственности, уменьшилось больше прежняго единство мнѣній и предпріятій. Счастливые походы новыхъ поколѣній противъ половцевъ были больше дѣломъ удачи, нежели дружной энергіи отпора, ознаменовавшей время Мономахово. За громкими кликами торжества въ одномъ году, слышались еще болѣе громкіе вопли отчаянья въ другомъ. Безопасныя и хранительныя мѣста суживались; пустынныя и безоборонныя дѣлались шире. Поднѣпровскіе поляне и подесенскіе сѣверяне, смѣшанные съ печенѣгами, торками, берендѣями, кодями всего больше съ половцами, принимали сами ихъ образъ и подобіе въ быту, наклонностяхъ и въ идеалахъ жизни. Уже далекая Тмутаракань, точка опоры приазовскихъ русичей, была отрѣзана отъ кіевопереяславской земли, и князья наши напрасно пробивались къ ней сквозь половецкія вежи. Уже Сула и Семь едва сдерживали расширеніе дикихъ полей на счетъ земледѣльческихъ займищъ. Уже замыкались для кіеводнѣпровской Руси и торговые пути въ приазовскіе края, въ Тавриду и Византію, сходившіеся у Канева. Наконецъ, въ 1185 году русскимъ князьямъ удалось, какъ выражались тогда, позвонить въ прадѣдовскую славу. Они поразили половцевъ на голову у Хороля, за Змѣевымъ Валомъ, который переходилъ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый и достигалъ Недригайловскихъ пущъ подъ Путивлемъ.

Соревнуя успѣху старшей братіи, молодая сила русичей, въ лицѣ Игоря Сватославича новгородсѣверскаго, его родного брата, Всеволода Трубчевскаго, внуковъ Олега, и племянник ихъ, Святослава Олеговича Рыльскаго, выступила на широкое ристалище между Десной, Семью, Днѣпромъ и Дономъ. Этотъ-то походъ и сдѣлался предметомъ богатырскаго эпоса, дошедшаго до насъ подъ прозаическимъ названіемъ: «*Слово о Полку Игоревѣ*».

Только пятнадцать человѣкъ изъ всей союзной рати вернулось домой. Игорь и два другіе князя, израненые, очутились въ плѣну.

Сломивъ русскую силу, истребивъ цвѣтъ русскаго богатырства, половцы кликнули добычный кличъ, и два наѣздника, Карна и Жля, внесли опустошеніе въ кіеводнѣпровскую Русь. «Возстоналъ тогда Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями. Тоска великая разлилась по русской землѣ».

Мракъ изображенной бояномъ картины усиливается еще больше отъ воспоминаній объ отцѣ Игоря, кіевскомъ князѣ Святославѣ Олеговичѣ, котораго онъ величаетъ грознымъ, великимъ. Страшенъ былъ онъ половцамъ. Онъ ихъ прибилъ къ землѣ своими сильными полками и харалужными мечами. Наступая на половецкую землю, сравнялъ холмы съ яругами,

взмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота, а поганаго Кобяка исторгнулъ изъ Лукоморья, подобно вихрю, и палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святославовой. Теперь, говоритъ пѣвецъ, эти подвиги восхваляются въ Кіевѣ хорами нѣмцевъ, венедовъ и грековъ и моравовъ въ укоръ Игорю, который насыпалъ русскаго золота на дно половецкой рѣки Каялы и пересѣлъ изъ золотого княжаго сѣдла въ сѣдло половецкаго плѣнника. Съ другой стороны, красныя дѣвы половецкія, звеня русскимъ золотомъ, воспѣваютъ побѣдную пѣснь у синяго моря...

Но Русь еще крѣпка своими богатырями. Одни изъ нихъ, по словамъ бояна, «могутъ веслами Волгу раскропити, а Донъ шеломами выльяти». Другіе рыкаютъ подобно турамъ, раненымъ въ пустынномъ полѣ каленою саблею. Третьи подпираютъ угорскія горы своими желѣзными полками и затворяютъ дунайскія ворота, метая тяжести черезъ облака; а нѣкоторые подобны соколамъ, высокораспластавшимся въ воздухѣ надъ Литвой, ятвягами, деремелою, половцами.

Хвалу свою смѣняетъ онъ упреками, а упреки жалобами:

«Ярославе и вси внуци Всеславли! понизьте стязи свои, вложите въ ножны надломанные мечи свои. Вы потеряли дѣдовскую славу: вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на русскую землю...»

Особенно горька была ему память о зловредной воинственности Всеслава, героя постыдной битвы на берегахъ Немиги. Эту битву, съ гомеровской простотой, уподобляетъ онъ молотьбѣ:

«На Немизѣ снопы стелютъ головами, а молотятъ цѣпами харалужными, кладутъ на току животъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не зерномъ засѣяны: засѣяны костьми русскихъ сыновъ».

Наконецъ онъ влагаетъ въ уста супруги Игоря, княгини Ярославны, призывную пѣсню любви, которая должна была, подобно чарамъ, вызвать плѣнника изъ неволи.

Зегзицею стонетъ она рано на зарѣ. «Полечу, говоритъ, зегзицею по Дунаю, омочу бобровый рукавъ въ Каямѣ-рѣкѣ, утру князю кровавыя раны его на мужественномъ тѣлѣ. О вѣтре-вѣтрило! плачетъ Ярославна рано въ Путивлѣ на забралѣ: зачѣмъ ты не вѣешь въ противную сторону? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ несешь ты хиновскія стрѣлы на войско моего милаго? Развѣ мало тебѣ простора подъ облаками? Зачѣмъ-же ты развѣялъ мою веселость по степному ковылю?»

Потомъ Ярославна обращается къ серединному пути русскаго богатырства:

«О Днѣпре-Славутице! Ты пробилъ каменныя горы сквозь половецкую землю; ты носилъ на себѣ Святославовы посады противъ Кобякова войска. Принеси же ко мнѣ моего милаго, чтобъ я не посылала къ нему, точно съ море, моихъ слезъ рано. А ты, свѣтлое, прекрасное солнце? Всѣмъ отъ тебя тебя тепло и красно. Зачѣмъ-же ты сыплешь свои жгучіе лучи на войско моего милаго? Зачѣмъ въ безводной степи сгибаешь ему луки жаждою, затворяешь ему тулы тугою?»

И вдругъ сцена перемѣняется. «Не море прыснуло въ полуночи: птичій полетъ во мглѣ указываетъ Игорю путь изъ земли половецкой въ землю русскую, къ отеческому золотому столу. Сперва онъ мчался на конѣ; но, надорвавъ коня, побѣжалъ босымъ волкомъ по донецкимъ лугамъ, поскакалъ горностаемъ къ тростникамъ, поплылъ бѣлымъ гоголемъ по водѣ, полетѣлъ соколомъ подъ самыми мглами, избивая гусей и лебедей на завтракъ, на обѣдъ и ужинъ».

Боянъ выражаетъ радость отечества по этому поводу широкими стихами:

«Солнце свѣтитъ на небеси: Игорь князь въ руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи; вьются голоси черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святой Богородици Пирогощей. Страни ради, гради весели».

Поэму заключаютъ привѣтственныя восклицанія:

«Здрави князи и дружина, побороя за христьяны на поганые полки! Княземъ слава и дружинѣ!».

Еще были живы участники несчастной, хотя и доблестной, игоревской битвы на рѣкѣ Каялѣ; еще бояны не успѣли оплакать и прославить падшихъ въ Игоревомъ походѣ богатырей, какъ на востокѣ показалась новая дикая сила, грозя разрушить пограничные оплоты русской земли и уничтожить ея защитниковъ. Это были татары.

Въ 1223 году половецкія степи встревожились небывалой тревогою. Изъ-за Каспійскаго моря повалила на половцевъ какая-то невѣдомая и по своей громадности неслыханная орда. Русскіе князья чаще прежняго женились теперь на половецкихъ княжнахъ. Даже сынъ героя Игоря, Владиміръ, былъ женатъ на дочери Кончака, называемаго въ лѣтописи окаяннымъ, безбожныъ и треклятымъ. Русская народность, проникнутая христіанствомъ весьма слабо, начала растворяться народностью половецкою. Кіеводнѣпровскіе князья не то воевали съ язычниками за обладаніе широкимъ и опаснымъ путемъ къ своей Тмутаракани, не то дѣлились неизмѣримыми пустынями. Половецкіе ханы смотрѣли на русскія владѣнія, какъ на продолженіе своихъ кочевьевъ. Не стремясь къ успѣхамъ гражданственности, они разлагали гражданственность русскую въ боевое добычничанье. Когда въ глубинѣ дикой степи показался передъ ними страшный наѣздникъ-татаринъ, они просили обороны у русичей, какъ у товарищей кочевого быта. «Нашу землю отняли нынѣ, а вашу пришедши отнимутъ завтра», говорили они. Съ своей стороны кіеводнѣпровскіе князья смотрѣли на татаръ глазами половецкими. Напрасно татары убѣждали ихъ, черезъ своихъ пословъ, не задѣвать невѣдомой силы, не вызывать на бой народа безобиднаго. Они татарскихъ пословъ убили и вмѣстѣ съ товарищами дикости своей двинулись въ низовья Днѣпра. Ополченіе состояло изъ старшихъ и младшихъ князей, подъ предводительствомъ князя кіевскаго, Мстислава Романовича. Сдержанные при всемъ своемъ могуществѣ татары прислали къ нимъ другихъ пословъ, говоря, что Богъ одинъ для всѣхъ народовъ, и что Онъ будетъ судьей между татарами и Русью. Эти были отпущены, но походъ отложенъ не былъ.

Вмѣстѣ съ кіевлянами и ихъ союзниками половцами ополчились на татаръ черниговцы, смоляне, галичане, волынцы, куряне, трубчевцы и путивльцы. Гоня и разсыпая сторожевые отряды татарскіе, русская рать шла по степи до нынѣшняго Маріуполя, и на берегахъ рѣки Калки (нынѣ Калміусъ) нашла тѣхъ, кого такъ самоувѣренно вызывала на возмездіе. Раздѣливъ съ половцами опасность рѣшительной битвы, наши князья сдѣлались жертвою ихъ малодушія. Въ самый важный моментъ, когда поворотъ битвы зависѣлъ отъ стойкости бойцовъ, половцы вдругъ побѣжали и смѣшали русскую рать, которая готовилась подкрѣпить ихъ въ условленное время. Дѣло было проиграно, и никогда еще русскіе стяги не падали въ такомъ количествѣ. Погибло шесть князей и шестьдесятъ вождей, слывшихъ богатырями. Цѣлые девять дней шли русскіе отъ береговъ Днѣпра въ глубину безлюдной степи, и въ одни сутки это пространство покрылось падшими отъ меча или изнемогшими въ бѣгствѣ. Старшаго князя Мстислава Романовича вмѣстѣ съ другими князьями татары взяли обманомъ и, въ отмщенье за пословъ, поступили съ ними безчеловѣчно. Связанные по рукамъ и ногамъ, они были навалены досками, и на этомъ помостѣ побѣдители справили пиръ среди кроваваго поля.

Татары между тѣмъ не спѣшили пользоваться безоборонньмъ положеніемъ кіеводнѣпровской Руси. Доканчивая свои завоеванія въ Азіи, они внимательно слѣдили за ходомъ русскихъ дѣлъ и открыли, что средоточіе русской силы находится не въ Кіевѣ.

Суздаль, Ростовъ, Муромъ, Смоленскъ, Полоцкъ и Новгородчина страдали почти столько-же отъ взаимныхъ наѣздовъ, какъ и княжества южныя. Но русскій сѣверъ тѣмъ не менѣе вліялъ на судьбу русскаго юга, и суздальскіе великіе князья располагали великимъ княжествомъ кіевскимъ, какъ обыкновеннымъ удѣломъ. «Не велю тебѣ быть въ русской землѣ; ступай вонъ

изъ русской земли», — говаривалъ южнымъ князьямъ Юрій Всеволодовичъ языкомъ своего дяди и, когда князья не слушали его пословъ, двигалъ на нихъ ополченія князей сѣверныхъ. Признанный старшимъ въ цѣломъ родѣ Мономаха, онъ могъ бы занять безъ особеннаго труда Кіевъ; но, подобно Андрею Боголюбскому, предпочиталъ оставаться на сѣверѣ и правилъ югомъ оттуда. Сидя въ своемъ Владимірѣ, онъ посылалъ своихъ мужей для утвержденія на кіевскомъ столѣ угоднаго ему князя, а Новгородомъ правилъ посредствомъ одного пропуска или остановки хлѣба съ Поволжья. Новгородское вѣче было еще шумнѣе и своенравнѣе кіевскаго Но Юрій Всеволодовичъ устроилъ въ Новгородѣ суздальскую партію, готовую при случаѣ перевѣсить новгородскіе вѣсы на сторону Суздаля. Владиміро-суздальскій князь притянулъ къ себѣ и мятежную мордву, но не столько силою оружія, сколько умѣньемъ пріобрѣсти въ народѣ преданныхъ себѣ союзниковъ. Камскіе болгары покорствовали Суздалю также не изъ одного страха передъ его военными средствами, но больше изъ видовъ торговли и промышленности. Безъ громкихъ дѣлъ безъ особенной потери русской крови и истребленія иноплеменниковъ, сѣверные представители того народа, который самі они отличали именемъ Руси, созидали прочный общественный бытъ опору будущей московской государственности.

И въ эту-то сторону направились татары, довершивъ свои завоеванія въ закаспійской азіатчинѣ. Предводимые ханомъ Батыемъ и многими другими князьями Чингисъ-ханова рода, они быстро покорили приволжскую Болгарію служившую со временъ Владиміра Великаго русской землѣ щитомъ со стороны Азіи, и появились изъ-за мордовскихъ лѣсовъ передъ рязанцами и муромцами. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ своей побѣды на Калкѣ, воспитанники Чингисъ-хана такъ хорошо приготовились къ завоеванію Руси, что считали ее уже своимъ достояніемъ. Батый началъ дѣло съ того, что потребовалъ отъ рязанскихъ князей дани. Но рязанскіе князья не испугались полумилліоннаго его полчища, и отвѣчали съ богатырской гордостью: «Когда насъ не будетъ, тогда все будетъ ваше». Бой былъ неравенъ, и въ самомъ дѣлѣ не стало ни князей, ни ихъ дружинниковъ, ни земской рати рязанской. Рязанская земля залегла пустынею вокругъ своихъ городовъ, разрушенныхъ до тла.

Потокъ опустошенія ринулъ далѣе. Останавливаемый русскими богатырями, онъ только свирѣпѣлъ въ своемъ стремленіи. Юная въ то время Москва, будущее средоточіе русскихъ владѣній, была взята и выжжена. Мужественный московскій воевода, Филиппъ Нянька, палъ съ оружіемъ въ рукахъ. Жители были избиты до послѣдняго. Великій князь русскаго сѣвера поручилъ защиту Владиміра залѣсскаго своимъ сыновьямъ и пошелъ за Волгу собирать новыя силы. Владиміръ оборонялся доблестно, но доказалъ только безсиліе отпора, какой способна была сдѣлать разобщенная федеративнымъ строемъ своимъ Русь крѣпко сосредоточенной ордѣ наѣздниковъ. Сыновья Владиміра Всеволодовича погибли вмѣстѣ со многими другими князьями и ихъ семействами. Въ борьбѣ съ Батыемъ наши богатыри руководствовались только правиломъ предковъ своихъ: «Станемъ крѣпко, не посрамимъ земли русскія». Выше этого правила они еще не выросли.

По взятіи Владиміра, татары распустили свои загоны въ одну сторону до города Торжка, стоявшаго на границѣ Новгородчины, а въ другую — до костромскаго Галича. Князь Юрій Всеволодовичъ стоялъ съ новою ратью на рѣкѣ Сити, поджидая къ себѣ союзниковъ. Татары предупредили соединеніе русскихъ князей и поразили его на голову Самъ онъ палъ въ битвѣ. Сынъ его, Василько ростовскій, скончался въ плѣну. Вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ и вырѣзанъ Торжокъ. Батый направился къ Новгороду, но не дошелъ до него ста верстъ, по причинѣ весенней распутицы и непроходимыхъ весной болотъ. Татары повернули къ югу и облегли калужскій Козельскъ.

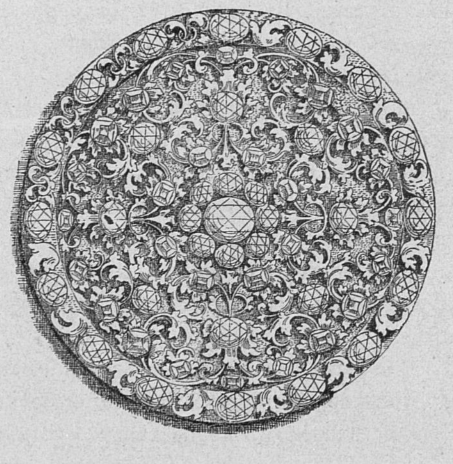
Лѣтописная повѣсть о томъ, какъ русскіе города стояли противъ неодолимой силы, въ виду той страшной кары за сопротивленіе, которою азіатскіе завоеватели хотѣли устрашить отважную Русь, показываетъ ковку и закалъ народнаго характера, выработавшагося съ одной сто-

роны въ княжескихъ усобицахъ, а съ другой — въ трехвѣковой борьбѣ съ печенѣгами, торками и половцами. Русскому народу, въ его смѣшеніи съ иноплеменниками, предстояло нести на себѣ монгольское иго, и въ этотъ горестный періодъ нашей исторіи характеръ народа не сокрушился и не погнулся. Крѣпкая воля и выносливость русской природы были заявлены особенно въ Козельскѣ. Защитники этого города отбивали соединенныя полчища Батыя въ теченіе семи недѣль. Когда же, наконецъ, пали городскія стѣны, они бросились на Батыево войско и легли костьми въ отчаянной сѣчѣ. Это были плоды того мужества, которое проявили стяжатели охранители русской земли. Это было оправданіе вѣщихъ словъ Игорева бояна: «Ваши храбрыя сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скованы, а въ буести закалены». Русь погибала подъ наваломъ татарщины, но не могла погибнуть. И, какъ послѣ битвы на Калкѣ, татары должны были собраться съ силами, чтобы докончить русичей, такъ и послѣ уничтоженія Козельска откочевали они въ половецкія степи на цѣлый годъ, для приготовленія къ новому нашествію.

Зимою 1237 года Батый появился снова на границахъ сѣверо-восточной Руси, завоевалъ мордовскую землю, взялъ Муромъ и приблизился къ рѣкѣ Клязьмѣ. Все бѣжало въ лѣсныя трущобы, не видя никакой опоры противъ ужаснаго врага. Но Батый удовольствовался только острасткой русскаго сѣвера и направился въ южную Русь. Переяславль и Черниговъ защищались отчаянно и оставили по себѣ только кровавыя пепелища. Скоро весь лѣвый берегъ Днѣпра обратился въ пустыню. Оставшіеся отъ погрома жители большею частью были уведены въ неволю. Другіе скитались по лѣсамъ и болотнымъ зарослямъ. Кіевъ стоялъ въ ожиданіи смертельнаго удара, но покориться не думалъ. Зимою 1240 года пришелъ на него Батый съ одиннадцатью татарскими князьями и шестью стами тысячъ воиновъ. Докабря 6 татары овладѣли городомъ, изрубивъ его защитниковъ, которые, подобно жителямъ Козельска, продолжали сражаться и послѣ того, когда всѣ укрѣпленія были ниспровергнуты.

Князья волынскіе и галицкіе бѣжали въ Венгрію. Каменецъ, Галичъ, Владиміръ-волынскій и другіе города русскаго юга пали, подобно Кіеву. Край былъ опустошенъ съ той цѣлью, чтобы широкою пустынею прикрыть отъ европейскихъ народовъ степныя кочевья, въ которыхъ со всѣми дикими удобствами расположились азіатскіе наѣздники, пресыщенные добычею и рузрушительною славою. Уцѣлѣли отъ погрома одни лѣсистые концы русской земли, владѣнія полоцкія, смоленскія и новгородскія. Но они искали спасенія не въ отпорѣ, а въ покорности татарамъ, и только этимъ обезпечили за начинателями народнаго русскаго дѣла, Рюриковичами, княженіе надъ русскою землею, подъ видомъ данниковъ орды, прозвавшей себя Золотою.

П. Кулишъ.



ОЧЕРКЪ III.

КІЕВО-ДНѢПРОВСКАЯ РУСЬ ПОСЛѢ ТАТАРСКАГО ПОГРОМА.

а) СУДЬБЫ МАЛОРОССИИ И УКРАИНЫ ПОСЛѢ ТАТАРСКАГО ПОГРОМА.

Этнографія Малороссіи.—Подчиненіе малорусскаго элемента польскому.—Малорусское православіе подъ давленіемъ католичества.—Пришествіе въ Польшу іезуитовъ и клерикально-воспитательная ихъ дѣятельность.—Образецъ несостоятельности малорусскаго дворянства въ поддержкѣ національной церкви.—Неспособность мѣщанъ къ церковной реформѣ.—Протестанты дѣлаютъ православныхъ орудіемъ своей борьбы съ католиками.—Дѣленіе польско-русскаго общества на ляховъ и русиновъ.—Польское вельможество.—Колонизація малорусскихъ пустынь.—Малорусскіе украинные города.—Начало казачества.—Казаки усиливаются въ Польшѣ по причинѣ правительственной неурядицы.—Невозможность уничтожить казаковъ.—Первый казацкій бунтъ.—Мысль о разрушеніи Кракова и истребленіи шляхетскаго сословія.—Участіе запорожскаго войска въ церковныхъ дѣлахъ.—Казаки ищутъ московскаго подданства.—Распускаемая ими молва о ляшскомъ изувѣрствѣ.—Систематическое подготовленіе черни къ бунтамъ.—Казаки соединяются съ татарами.—Истребленіе коронныхъ и панскихъ ополченій.—Казаки ищутъ опять подданства московскаго.

Край патріархальный!
Всѣмъ онъ изобиленъ, всѣмъ, о чемъ народъ
Только молитъ Бога: молоко и медъ
Есть въ жилищѣ каждомъ, хлѣба, соли много...
Одного покоя вымолить у Бога
Онъ не могъ. Въ Украинѣ бѣдной круглый годъ
Турки и валахи, и татарскій сбродъ,
Что ни день, жгли хаты, жгли поля пшеницы.
Тамъ, гдѣ храмъ богаче, лучше молодицы,
Или дѣвки краше, или быть должна
За рѣшеткой крѣпкой панская казна,—
Ворогъ, словно, чуялъ: для него нѣтъ тайны.
Лѣтомъ и весною по степямъ Украины
Для татаръ приволье рыскать за добромъ,
Благо край обильный, ровный, хоть шаромъ
Покати.

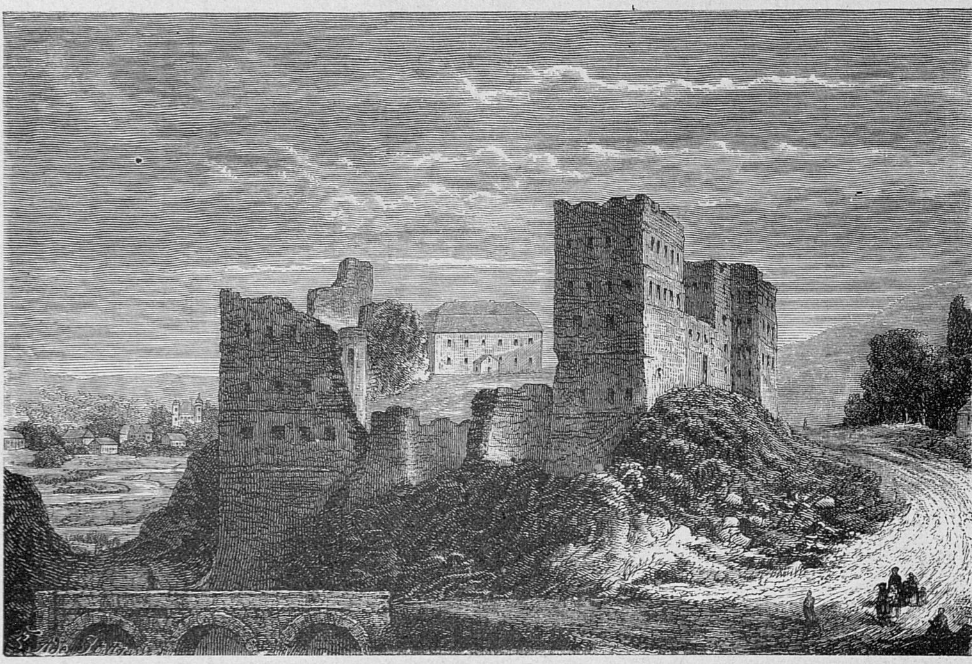
СЫРОКОМЛЯ (КОНДРАТОВИЧЪ).

Южныя области русской земли назывались Малороссіею еще во времена варяжскія; имя Украина дано нѣкоторымъ изъ нихъ поляками, подобно тому, какъ москвитяне называли украинами оконечности своего государства у литовскаго и татарскаго рубежа. Но со второй половины XVII столѣтія, подъ именемъ Украины стали у насъ разумѣть земли, по которымъ селились отпавшіе отъ Польши малорусскіе казаки. Такъ какъ распространеніе извѣстнаго языка и обычая составляетъ самый выразительный памятникъ былого, то имя Малороссіи, въ историческомъ смыслѣ, должно простираться на всю территорію, въ которой малорусскій элементъ не подчинился ни ея политическому, ни административному дѣленію.

Послѣ татарскаго погрома этнографическая область малорусскаго элемента, отъ верхней Вислы до нижняго Днѣпра, превратилась въ татарскія кочевья, за исключеніемъ владѣній

галицкихъ Рюриковичей, которые сохранили полузависимое положеніе относительно Золотой Орды, и продолжали бороться за свою землю съ польскими королями. Религіознымъ центромъ этихъ кочевьевъ служилъ Кіевопечерскій монастырь, пощаженный татарами, ради дани, какъ хозяйственная единица, а гражданственными орудіями стягиванія разсѣянной Руси сдѣлались измельчавшіе наслѣдники удѣльныхъ князей, въ видѣ ханскихъ вассаловъ.

Татарскій погромъ былъ такимъ истребительнымъ для Малороссіи ударомъ, что въ ней надолго прервались письменныя преданія, и въ исторіи южно-русскаго народа наступили столѣтнія потемки, не освѣщенныя никакими обстоятельными извѣстіями. Когда эти потемки разсѣялись, наслѣдіе Владиміра Святого, Ярослава Мудраго и Владиміра Мономаха является передъ нами уже владѣніемъ язычника, литвина. Великій князь литовскій Гедиминъ обращаетъ ханскихъ вассаловъ на днѣпровской Руси въ своихъ собственныхъ и вмѣстѣ съ ними оттѣсняетъ враждующихъ между собой Чингисхановичей къ Волгѣ, Дону и Крымскому полуострову.

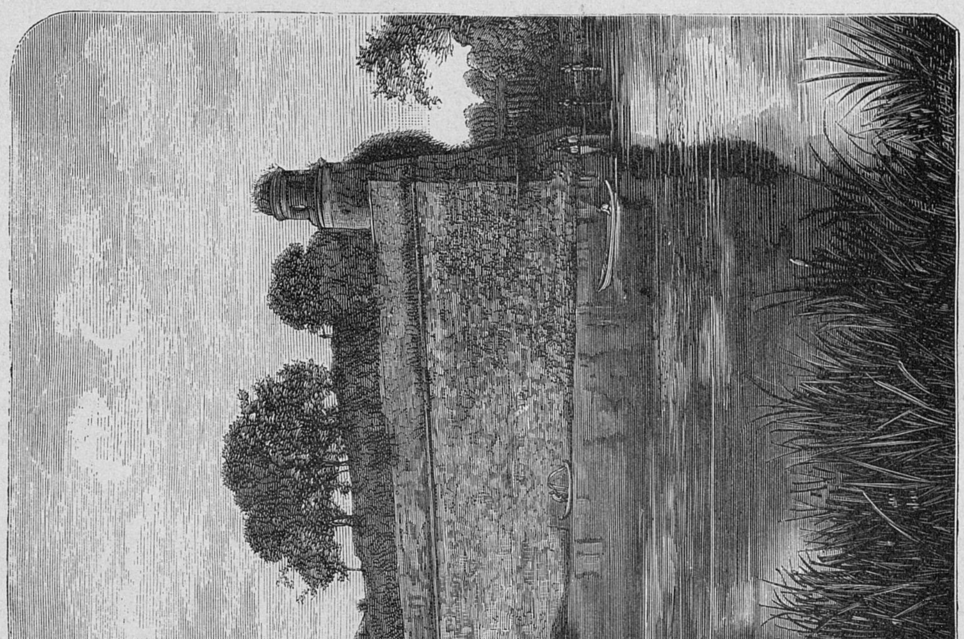


Зеньковъ, Полтавской губерніи. (Замокъ, уничтоженный татарами).

Спустя немного лѣтъ послѣ этого важнаго по своимъ послѣдствіямъ, хотя и темнаго для исторіи событія, въ 1340 году западная часть Малороссіи, такъ называемая Галицкая или Червонная Русь, сдѣлалась, наконецъ, полнымъ завоеваніемъ Казиміра Великаго, а черезъ 46 лѣтъ и подвластная Литвѣ малорусская земля перешла подъ владычество Польши, по случаю соединенія великаго княжества Литовскаго съ польскимъ королевствомъ, въ которомъ послѣ Казиміра Великаго наслѣдницею престола осталась дочь его Ядвига, выданная польскими панами за великаго князя литовскаго, Ягайла, съ тѣмъ, чтобы онъ надѣлъ королевскую корону и покончилъ старыя войны литвиновъ съ поляками.

Со времени торжества литворуссовъ надъ татарами, великокняжескій дворъ Гедимина и его преемниковъ наполнялся сравнительно образованными русскими людьми. Государственные акты писались въ Литвѣ порусски. Литовскіе князья, ихъ родственники и вельможи женились на дочеряхъ обездоленныхъ князей русскихъ, потомковъ Рюрика. Языкомъ литовскаго

двора, языкомъ высшаго чиновнаго сословія сдѣлалась русская рѣчь. Подъ совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, самое язычество литвиновъ уступило мѣсто русскому христіанству. Въ грекославянскую вѣру крестились не только знатные литвины, но и члены великокняжескаго дома. Литва была самобытна только по имени. Огромное большинство ли-



Остатки укрѣпленнаго замка въ Дубнѣ, Волынской губерніи.

товскихъ подданныхъ, состоявшее изъ людей русскихъ, превосходство русскаго быта надъ литовскимъ и неизмѣримыя пространства присоединенной къ Литвѣ русской земли, ознаменованныя преданіями христіанской церкви и славянской государственности,—все вмѣстѣ дѣлало такъ называемую Литовскую сторону, по существу своему, славянорусскою.

Но при всемъ этомъ русскій элементъ, въ глазахъ верховныхъ представителей литовскаго племени, не выдерживалъ сравненія съ элементомъ польскимъ. Обособленная татарскимъ лихолѣтьемъ русская церковь перестала имѣть просвѣтительное общеніе съ греческою имперіею, осталась безъ училищъ, безъ библіотекъ, безъ вліятельныхъ ктиторовъ, и проповѣдывала свое ученіе въ полуразрушенныхъ святилищахъ посредствомъ обнищавшаго духовенства, среди остатковъ перебитой, заполоненной, разбѣжавшейся паствы своей. Не могла такая церковь, ни въ центрѣ Малороссіи, Кіевѣ, ни въ колонизованныхъ малорусскими переселенцами центрахъ литовщины, внушать даже и обращеннымъ въ христіанство литвинамъ высокое понятіе о ея просвѣщеніи, когда, рядомъ съ домашнимъ православіемъ, въ сосѣдней Польшѣ открылось передъ ними римское католичество.

Претвореніе русскаго элемента въ польскій было въ Малороссіи явленіемъ естественнымъ и неизбѣжнымъ. Сильная окраска его въ польскій цвѣтъ увеличила отличіе малорусскаго языка и обычая отъ великорусскаго даже и тамъ, гдѣ первобытная грубость ихъ представляла слишкомъ большую разность между двумя соединенными народами и обществами. Между тѣмъ было время, когда русскій элементъ стоялъ на югѣ выше польскаго.

Папскіе нунціи, или духовные послы, резидовавшіе одинъ за другимъ въ Польшѣ при королевскомъ дворѣ, постоянно заботились о томъ, какъ бы водворить латинство въ присоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ областяхъ. Но, въ теченіе трехъ столѣтій, отъ Владислава Ягайло до Сигизмунда Вазы, ревнители папства—совратили въ католичество только малорусскихъ магнатовъ съ ихъ служилою шляхтою, и то далеко не всѣхъ. Низшіе классы оставались недоступными для латинской проповѣди, кромѣ тѣхъ сельскихъ мужиковъ, которымъ прозелиты латинства велѣли католичествовать по примѣру собственныхъ панскихъ домовъ, до тѣхъ виленскихъ, львовскихъ и люблинскихъ мѣщанъ, которые усвоили себѣ шляхетскій бытъ и поддались вліянію вельможныхъ людей изъ экономическихъ разсчетовъ.

Медленные успѣхи водворенія латинства среди польской Руси происходили всего больше отъ равнодушія поляковъ къ завоевательнымъ стремленіямъ римской церкви. Въ нравахъ и обычаяхъ польской шляхты было такъ много чувства сословной свободы, что насильственныя мѣры, внушаемыя агентами Рима королямъ и сенаторамъ, по распространенію католичества, были для нея вообще возмутительны.

Когда, наконецъ, въ 1569 году, состоялась гражданская унія, по которой исчезла всякая разница между правами обѣихъ національностей въ государствѣ, коренные полонусы стали переселяться, съ опредѣленными хозяйственными цѣлями въ Малороссію, урожайную, по сравненію съ Польшею, но вмѣстѣ съ тѣмъ, переселенцы въ Малороссію не приносили съ собой той систематической пропаганды латинства, которою отличалось польское духовенство на этнографической границѣ двухъ народностей. Это былъ народъ воинственный, но вовсе не богословскій. Беззаботность ихъ о различіи между римской и греческой вѣрой была такъ велика, что стала даже тревожить церковное вѣдомство католической Польши.

Только съ того времени, когда въ Польшѣ утвердились іезуиты, католичество, изъ центровъ польской гражданственности начало распространяться по русскимъ областямъ королевства послѣдовательно и поступательно. Только съ этого времени римская курія образовала въ сѣверной славянщинѣ обширную партію прозелитовъ папства, которая мало-по-малу втянула въ себя, наконецъ, почти все, что было въ Малороссіи знатнаго, богатаго и цивилизованнаго.

Полумонашескій и полусвѣтскій орденъ іезуитовъ водворился среди русскаго населенія Польши въ царствованіе втораго избирательнаго короля, Стефана Баторія. Онъ былъ учрежденъ римскимъ папою для противодѣйствія церковной реформаціи, и вслѣдъ затѣмъ, какъ протестанты, подъ покровомъ шляхетской свободы, стали пріобрѣтать между духовными и свѣтскими поляками многочисленныхъ послѣдователей своего ученія, іезуиты, пользуясь той

же свободою, проникли въ Польшу, чтобы не дать новаторамъ овладѣть этимъ древнимъ завоеваніемъ римской куріи.

Баторій отдалъ іезуитамъ почти всѣ владѣнія полоцкой православной архіепископіи, основываясь на томъ, что Полоцкъ присоединенъ отъ Москвы имъ самимъ, и ему, какъ завоевателю, принадлежало здѣсь право церковнаго патроната (jus patronatus); но во время передачи церквей и монастырей изъ однѣхъ рукъ въ другія, онъ объявилъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, что откажется отъ своего права, если они представятъ доказательства, что такая-то церковь или монастырь основаны и уфундованы ихъ предками. Преемникъ-же его, Сигизмундъ III-й, распоряжался имуществами православной церкви, не стѣсняясь и самими документами. Древнія фундушевыя записи часто утрачивались въ домашнихъ усобицахъ польско-русскихъ пановъ, исчезали въ пожарахъ, войнахъ и безпорядкахъ общественной жизни. Іезуиты пользовались утратою документовъ, какъ ловкіе стряпчіе, изобрѣтали поводы къ

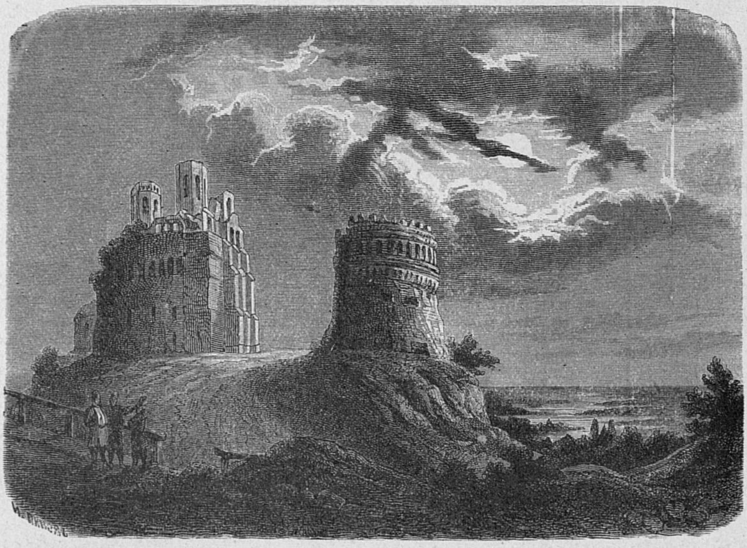


Меджибоджъ, Подольской губ., при сліяніи Буга съ Бужкомъ. (Оборонительный замокъ, построенный въ 1331 г. князьями Курятовичами. Церковь готической постройки Сѣнявскаго, въ 1600 г.).

тяжбамъ, подучивали латинскихъ прелатовъ къ захвату церковныхъ имуществъ и, съ помощью готоваго служить имъ короля, увеличивали владѣнія католической іерархіи на счетъ православной.

Между тѣмъ, энергическіе созидатели «единой спасающей церкви», іезуиты, втирались въ богатые малорусскіе дома подъ видомъ врачей, ходатаевъ по дѣламъ, наставниковъ юношества и собесѣдниковъ досужей старости. Не любя никого на свѣтѣ внѣ интересовъ католичества и не зная ничего почетнаго ни въ какомъ другомъ вѣроисповѣданіи, эти пройдохи ex officio умѣли внушать къ себѣ любовь и почтеніе даже въ такихъ кружкахъ, которые называли папу антихристомъ. Они приспособлялись ко всевозможному порядку и безпорядку панскаго быта. Они уживались одинаково и съ самыми мрачными и съ самыми веселыми характерами. Даже явное презрѣніе со стороны иновѣрцевъ не отталкивало іезуита отъ магнатскаго сообщества. Подъ личиной христіанскаго смиренія, онъ терпѣливо переносилъ сар-

казмы знатныхъ и незнатныхъ особъ, лишь бы не потерять своего мѣста среди панскихъ собесѣдниковъ. Если же притворная евангельская кротость не унимала какого-нибудь ярого послѣдователя Лютера, Кальвина или Арія, то никто лучше іезуита не былъ способенъ принять на себя спокойный видъ высокаго умственнаго превосходства. Въ глазахъ кощунствующихъ отцовъ, смиренные приживальцы незамѣтно пріобрѣтали себѣ почитателей въ ихъ дѣтяхъ. Знали они, какъ бьется неопытное сердце юноши при видѣ оскорбленной добродѣтели, соединенной съ глубокой ученостью, и тайкомъ уловляли впечатлительныя души не только въ православныхъ, но и въ протестантскихъ, вооруженныхъ заграничною ученостью семействахъ. Іезуиты дѣйствовали разомъ и на высшія и на низшія стороны человѣческой природы. Къ строгости религіозныхъ внушеній своихъ они всегда присоединяли яко бы христіанскую схнисходительность къ слабостямъ ближняго и, накладывая на своихъ питомцевъ иго слѣпого послушанія велѣніямъ церкви, услаждали это иго потачкою тайному разврату. Съ лицемѣрною кротостію мудрости, разрѣшали они молодыхъ друзей своихъ не только отъ старопольскаго

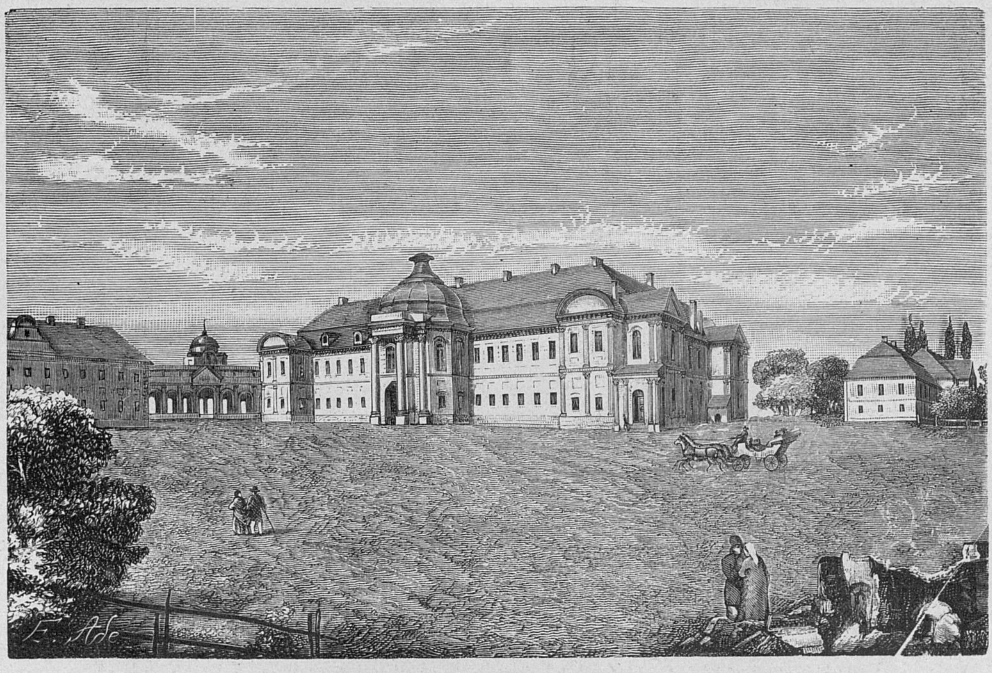


Развалины замка кн. Константина Острожскаго.

цѣломудрія, но и отъ простой рыцарской честности. Этимъ путемъ дальновидные наставники входили въ тѣсную съ ними связь, дѣлались ихъ сообщниками въ тайныхъ грѣхахъ, ихъ руководителями въ житейскихъ путяхъ и навсегда пріобрѣтали въ нихъ агентовъ для своихъ клерикальныхъ интересовъ.

Малорусскіе дома, съ перемѣною вѣры, дѣлались польскими, обращали право наслѣдственнаго патроната, вмѣсто православнаго духовенства, на пользу католическаго и, оставляя обветшалыя церкви безъ починки, строили нарядные костелы, къ которымъ переходили и пожертвованные предками «на хвалу Божію» фундуши. Все это отражалось на православномъ духовенствѣ бѣдственно. Теряя со временъ Владислава Ягайла одно церковное имущество за другимъ, и наполняя личный составъ іерархіи духовными промышленниками, малорусская церковь оскудѣвала теперь быстрѣе, чѣмъ когда-либо. Съ убожествомъ духовенства соединялось естественно невѣжество, а съ невѣжествомъ коренились въ немъ грубые привычки и обычаи. Это печальное обстоятельство, въ свою очередь, становилось причиною охлажденія знатныхъ людей къ вѣрѣ отцовъ своихъ и ускоряло переходъ ихъ на лоно церкви католической, или же обращало ихъ къ вѣрѣ нѣмецкой, которая, будучи выработана жизнью, намъ чуждою, не могла поднять у насъ чувство народнаго самосознанія.

Въ октябрѣ 1596 года созванъ былъ въ литовскомъ Берестѣ или Брестѣ синодъ изъ представителей римскаго и греческаго вѣроисповѣданій. Пылкіе православники, и въ особенности ораторы церковныхъ братствъ, шумѣли по всей Волыни и Бѣлоруссіи, возбуждая умы противъ уніи. Судя по ихъ возгласамъ о могуществѣ князя Острожскаго, отъ брестскаго синода или собора ждали чего-то чрезвычайнаго. Но королевская партія знала, что люди, имѣвшіе князя Василія Острожскаго во главѣ движенія, не въ состояніи предпринять ничего отважнаго. Отправляясь на синодъ, князь Василій просилъ своего зятя, Христофора Радзивила, держаться на всякій случай, въ одномъ изъ его имѣній, поближе къ литовскому Берестỳ. Безъ совѣта и помощи главы протестантовъ, начальникъ православія не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться. Смѣлый и ревностный къ своему дѣлу Радзивилъ, прозванный Перуномъ, исполнилъ его просьбу и прибылъ въ самый Берестъ въ обычномъ боевомъ составѣ. Соборъ однакожь былъ обставленъ такою законностью и со стороны королевскаго правительства на немъ при-

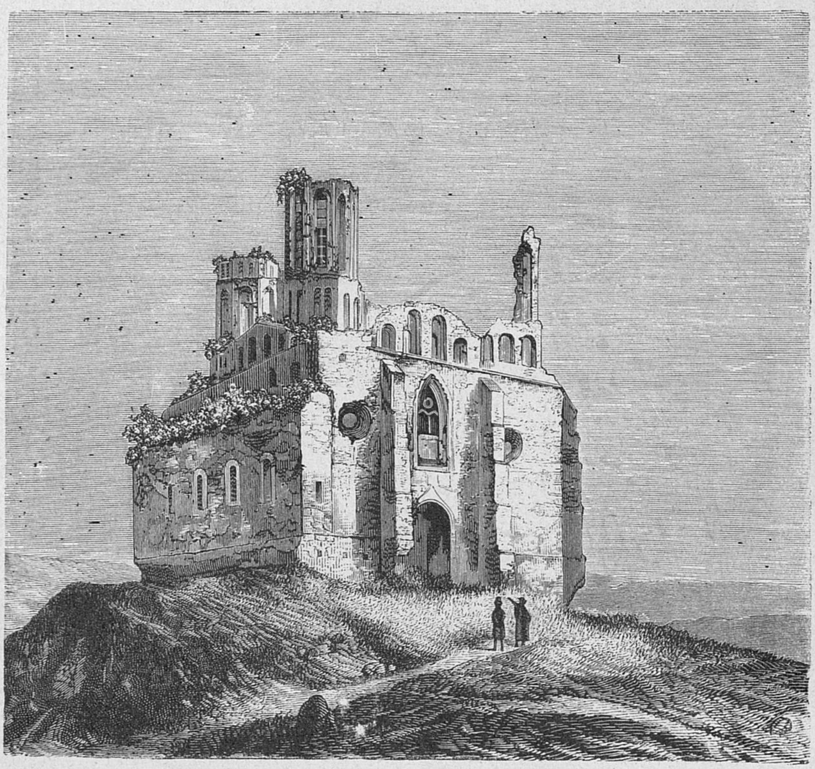


Заславъ. Замокъ, построенный Юріемъ Вас. Острожскимъ въ 1456 г.

сутствовали такіе знатные люди въ сопровожденіи фамильныхъ своихъ членовъ, что Радзивилу осталось быть только зрителемъ. Дѣло ограничилось тѣмъ, что православные представители собора объявили низложенными митрополита съ четырьмя принявшими унію епископами, а князь Острожскій, подогрѣтый присутствіемъ протестантовъ, грозилъ собрать 15 и даже 20 тысячъ воиновъ для защиты православія отъ королевско-іезуитской факціи. Но эти угрозы до того были ничтожны въ глазахъ правительственной партіи, что она тутъ же въ Берестѣ, во имя закона и общественнаго порядка, заключила въ тюрьму нѣсколькихъ мѣщанъ, воображавшихъ князя Василія всемогущимъ и потому сдѣлавшихъ рѣзкую демонстрацію. Послѣдніе, сверхъ того, были объявлены банитами, то есть такими людьми, которыхъ жизнь не охранена никакимъ правомъ, которыхъ имуществомъ могъ овладѣть каждый и съ которыми всѣмъ покорнымъ правительству гражданамъ воспрещалось имѣть какія либо сношенія и разговоры. Только Вильна, гнѣздо литворусскаго протестанства, была безопаснымъ убѣжищемъ простонародныхъ порицателей Брестскаго синода.

Такъ исчезла надежда православныхъ на поддержку со стороны дома Острожскихъ. Всѣ его дѣти оказались ревностными католиками; въ городѣ Острогѣ основанъ великолѣпный іезуитскій коллегіумъ, а въ духовномъ завѣщаніи знаменитаго начальника православія, не оказалось ни одной строки въ поддержку церкви, которая такъ долго возлагала на него все свое упованіе.

Коренная или старая Польша, по образу и по подобію которой формировалась Польша новая, какъ стали уже называть Малороссію, дѣлилась весьма выразительно на городскую и сельскую. Городская Польша принадлежала почти исключительно выходцамъ изъ другихъ, болѣе цивилизованнныхъ и болѣе безпокойныхъ странъ. Сельская составляла почти исключительную собственность туземцевъ. По старымъ рыцарскимъ понятіямъ, для шляхтича было



Развалины древняго Богоявленскаго собора въ Острогѣ.

унизительно заниматься мѣщанскими промыслами. Только война и земледѣліе были ему приличны. Съ другой стороны, польскій мужикъ былъ такъ простъ и патріархаленъ, что въ городскомъ быту не выдерживалъ сравненія съ пришельцами. Отсталое состояніе обоихъ этихъ сословій, сравнительно съ обитателями католическаго запада, соединяло нравственныя и вещественныя силы ихъ въ нераздѣльную предпріимчивость. Панъ, въ качествѣ землевладѣльца, старался увеличить рабочія средства мужика. Мужикъ, въ качествѣ звѣролова и номада, былъ заинтересованъ въ достаточности пана и особенно въ обширности его угодій. Свидѣтельствомъ добраго согласія этихъ двухъ состояній или ихъ натуральнаго сродства до временъ Ягайлы служитъ необыкновенно густое населеніе краковской, сендомирской, мазовецкой, великопольской и польско-прусской земель, почти не увеличившихъ количество своихъ селъ съ XII и XIII вѣка до XVIII-го.

Чувство отвращенія сельской Польши къ Польшѣ городской увеличивала еще и распущенность семейнаго и общественнаго быта, неслыханная въ панскихъ домахъ и поселкахъ. Было извѣстно, что нѣмцы, независимо отъ церковныхъ браковъ, заключали новые браки посредствомъ *обливанья*, то есть попойки, и что этимъ способомъ держали по нѣсколько женъ. Было также извѣстно, что городскіе цехи, называвшіеся братствами, собирались въ свои частныя засѣданія не для разбора дѣлъ, а для безобразнаго бражничанья, которое называлось у нихъ «Bruderbier». При этомъ, какъ и во время ремесленнхъ работъ, нѣмцы одѣвались въ такія короткія и странныя одежды, что даже смотрѣть на нихъ считалось непристойностью. Празднуемый же нѣмцами понедѣльникъ отличался крайнимъ буйствомъ и распутствомъ, точно языческая вакханалія.

Все это было возмутительно уже само по себѣ, какъ для пановъ, такъ и для степенныхъ мужиковъ. Но города, наполненные и организованные нѣмцами, досаждали полякамъ еще больше тѣмъ, что заманивали къ себѣ на заработки сельскую молодежь обоихъ половъ, которая, заразившись привычками разгульной жизни, норовила оставить сельскій бытъ навсегда. Каждый дурной членъ деревенскаго общества, совершая свои проказы, имѣлъ въ виду укрывательство среди мѣщанъ, которые обыкновенно не выдавали бѣглеца, въ случаѣ же крайности, спроваживали его въ другой городъ и даже за границу. Кромѣ того, передъ началомъ каждой жатвы, заграничные нѣмцы, черезъ посредство горожанъ, вербовали въ Польшѣ сельскую челядь и подрывали такимъ образомъ шляхетское хозяйство. Убыль рабочей силы, отъ сосѣдства полунѣмецкихъ городовъ и отъ вербовки крестьянъ для заграничныхъ заработковъ, заставила зетлевладѣльцевъ принимать охранительныя мѣры. На шляхетскихъ съѣздахъ выработался наконецъ законъ, дозволявшій отправляться въ города и за границу только тѣмъ членамъ крестьянскихъ семействъ, которые составляли въ нихъ какъ бы излишекъ. Положеніе польскаго мужика затруднялось, но затруднялось въ


Гербъ кн. Острожскаго на его изданіяхъ.

соразмѣрности съ тѣмъ, какъ нарушалъ онъ обязательства своего *подданства*, первоначально добровольныя. За невозможностью въ тотъ вѣкъ принять мѣры болѣе человѣчныя, одно зло нейтрализовалось другимъ. Оба соединенныя нуждой сословія искали выхода изъ тѣсныхъ обстоятельствъ, и каждое находило его въ томъ, что отъ него зависѣло. Недовольный паномъ мужикъ бѣжалъ къ его сосѣду или въ городскіе цехи. Обманутый мужикомъ панъ ограждалъ свое хозяйство строгими мѣрами закона.

Когда экономическія дѣла были въ такомъ натянутомъ положеніи, оба сельско-хозяйственные класса напали на такой выходъ, который обѣщалъ имъ возстановленіе согласія, нарушеннаго соблазнами грубой свободы. Такимъ выходомъ было заселеніе малорусскихъ пустынь, открывшихся передъ ними послѣ соединенія Литвы съ Польшею. Но здѣсь и паны, и ихъ «подданные» встрѣчали новыя препятствія къ экономическому благоденствію.

Турки давно уже грозили Европѣ завоеваніемъ, и требовали отъ нея чрезвычайныхъ усилій самосохраненія. Какъ передовой постъ европейской культуры, Польша болѣе другихъ странъ подвергалась опасности. По этому подвигаться съ хозяйственными займищами къ востоку было дѣломъ не одного экономическаго расчета, но и рыцарскаго героизма. Въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, татаръ видали не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ Вислы, у Сандомира и Опатова. Не безопасенъ былъ отъ нихъ даже Пацановъ, и въ самомъ Краковѣ не разъ бывалъ переполохъ отъ ихъ близости; а въ 1578 году орда окружила было

свадебную компанію князя Василія, праздновавшаго бракъ старшей дочери съ Радзивиломъ Перуномъ.

Въ эти времена борьбы съ азіатцами за безопасность панскаго плуга, экономическій бытъ польско-русской республики, называвшейся Рѣчью Посполитою Польскою, представляетъ замѣчательное противорѣчіе между юридическимъ гнетомъ чернорабочаго, пахарскаго класса и фактическимъ согласіемъ его съ органами законодательной власти, землевладѣльцами. Мы читаемъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ драконовскіе законы о панскихъ подданныхъ, и подъ тѣми же годами находимъ постановленія объ учрежденіи новыхъ повѣтовъ и новыхъ воеводствъ въ украинской Польшѣ, «по причинѣ сгущенія рыцарской людности» на всемъ пространствѣ отъ Карпатъ до рѣки Нарева и отъ Днѣстра до Случи. Рыцарская людность, то есть шляхетчина, шла на пограничье, выставленное противъ азіатскихъ добычниковъ, не одна: ее сопровождали кмети, крестьяне или подданные, противъ которыхъ на шляхетскихъ съѣздахъ придумывались все болѣе и болѣе стѣснительныя мѣры.



Званецъ, надъ Днѣстромъ, Подольской губерніи.

Каковы бы ни были мѣстами отношенія украинскаго крестьянина къ помѣщику или его намѣстнику и арендатору, домовитость пограничнаго быта отразилась на его характерѣ далеко не такъ рѣзко, какъ бездомовность. Татарскіе набѣги, превращавшіе обширныя пространства обработанной земли въ безлюдныя пустыни, весьма часто дѣлали здѣсь человѣка богатаго убогимъ, семейнаго—одинокимъ, осѣдлаго—бродячимъ, одинокимъ среди наплыва новыхъ и новыхъ пришельцевъ. Безъ крова, безъ семьи, безъ всего, чѣмъ живетъ и веселится пахарь, чужой для всѣхъ *нетяга*, наравнѣ съ безпутными *гультаями*, бродилъ изъ одной слободы въ другую, ища возврата къ тому быту, изъ котораго вышибла его безпощадная игра судьбы, и подобно гультаямъ, съ каждымъ годомъ утрачивалъ къ нему способность. Наконецъ, попадалъ въ какой-нибудь пограничный городъ, смѣшивался съ мѣщанскою челядью, составлявшею мутный осадокъ городской общины, и увеличивалъ массу народа бѣднаго, пьянаго и готоваго на самыя отчаянныя предпріятія.

Въ противоположность украиннымъ селамъ, въ которыхъ властвовали руководители панскаго плуга, украинные города были сѣдалищемъ власти королевской. Но они подлежали польскому праву только со стороны *замка*, который представлялъ точку опоры сельскохозяйственной колонизаціи края. Со стороны *мѣста*, находившагося въ распоряженіи мѣстичей или мѣщанъ, города подчинялись праву нѣмецкому.

За̀мокъ, или *гродъ*, былъ резиденціею королевскихъ чиновниковъ, съ ихъ вооруженною командою. Онъ посылалъ въ поле сторожевые разъѣзды для наблюденія за татарами. Онъ судилъ и рядилъ *подзамчанъ*, или жителей королевскихъ имуществъ, которые доставляли ему съѣстные припасы и отбывали урочныя повинности. Онъ взималъ казенныя пошлины съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Въ немъ засѣдалъ *градскій*, или уголовный, и *земскій*, или гражданскій судъ. Въ немъ же собирались и повѣтовые сеймики для выбора земскихъ пословъ на центральный сеймъ.

Совершенно независимо отъ *замковаго уряда* дѣйствовало представительство мѣщанской муниципіи. Въ немъ главное завѣдываніе городомъ возлагалось на *бургомистра*, избиршагося ежемѣсячно изъ годовыхъ *ратмановъ* или *райцевъ*, а судебная власть предоставлялася *войту* и *лавникамъ*, избиравшимся на всю жизнь.



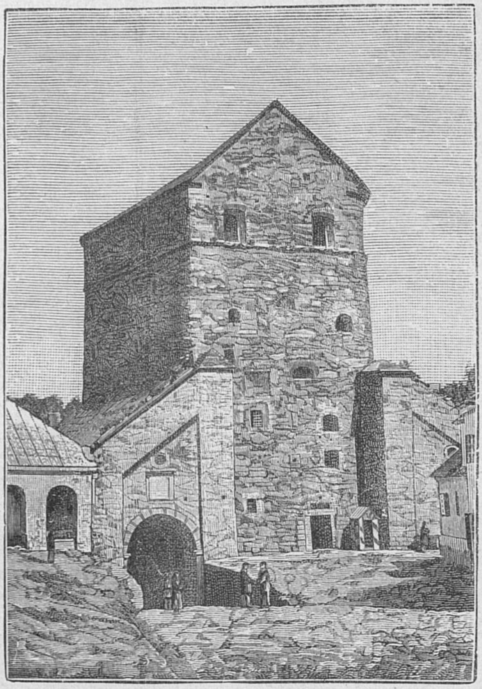
Древняя деревянная церковь.

Такое самоуправленіе существовало даже въ тѣхъ королевствахъ и панскихъ городахъ и мѣстечкахъ, которые не имѣли привилегіи на магдебургію и находились подъ вѣдомствомъ королевскаго старосты или панскаго губернатора. Оно было введено у насъ нѣмецкими выходцами и составляло противовѣсъ праву княжескому. Захожіе въ «новую Польшу» нѣмцы, какъ и тѣ, которые водворялись въ старой, чрезъ два-три поколѣнія теряли свою народность и ославянивались въ силу непобѣдимаго господства мѣстнаго элемента; но ихъ обычаи въ дѣлахъ торговли, ремеслъ и городского быта, ихъ отношенія къ сосѣдней шляхтѣ и поселянамъ оставались все тѣ же, что и въ городахъ старопольскихъ. Та же самая была здѣсь непріязнь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, выражавшаяся безпрестаннымъ тяганьемъ шляхты съ мѣщанами за присвоенныя городами земли и права. То же самое соперничество существовало между городскою и сельскою промышленностью. Такъ же точно города всасывали въ себя и рабочія силы панскихъ селъ при посредствѣ своихъ цеховъ, шинковъ и площадныхъ увеселеній. Тѣмъ же самымъ порядкомъ сельскія власти, вмѣстѣ съ отцами порядочныхъ семействъ, удерживали молодежь свою отъ бѣгства въ мѣщанскія общины.

Казацкій промыселъ существовалъ на Руси со временъ святославовскихъ, принимая по временамъ характеръ защиты русской земли отъ хищниковъ иноплеменныхъ и представляя постоянное домашнее хищничество. Онъ былъ у насъ въ ходу во всѣ эпохи колонизаціи опустошеннаго Батыемъ края и, наконецъ, въ борьбѣ остатковъ Руси съ остатками Кипчакской орды получилъ татарское названіе. *Казаками* у татаръ назывались воюющіе самоправно добычники, терпимые ордой по невозможности съ ними управиться. Это названіе было присвоено и добычникамъ русскимъ, занимавшимъ въ русской общественной средѣ соотвѣтственное по-

ложеніе. На сколько Москва, Литва и Польша имѣли общаго съ ордынскимъ бытомъ по окраинамъ своихъ владѣній, на столько у нихъ развилось и полуазіатское казачество. Это было скопище людей, непокорныхъ никакой власти, ни даже отцовской и материнской,—товарищество бѣглецовъ, находящихся подъ угрозою кары за преступленія, или же такихъ личностей, которыя, вслѣдствіе разныхъ случайностей, были слишкомъ бѣдны для жизни осѣдлой и слишкомъ своенравны для подчиненія себя людямъ домовитымъ.

Относительно колонизаціи малорусскихъ пустынь казаки играли роль, напоминающую тѣхъ поднѣпровскихъ номадовъ, которыхъ князья варягоруссы то прогоняли въ глубину безлюдныхъ степей, то вербовали въ свои ополченія. Подобно торкамъ и берендѣямъ дотатарскаго періода русской исторіи, днѣпровскіе казаки иногда составляли гарнизоны въ королевскихъ пограничныхъ городахъ, а иногда нанимались въ королевскія ополченія только на время, заодно съ казаками ногайскими и бѣлогородскими. Самые предѣлы первоначальнаго ихъ кочевья между рѣкой Росью и днѣпровскими порогами совпадаютъ съ мѣстами, на которыхъ исторія находитъ подобныхъ имъ номадовъ добатыевскаго лихолѣтья. Въ эти предѣлы манили къ себѣ казаки все однородное съ ними по задаткамъ жизни со всего польско-литовскаго края, и отсюда производили свои операціи, которыя надѣлали говора въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, но которыхъ основою была задача дикая: существовать продуктами чужого труда, не заботясь объ участи трудящихся.

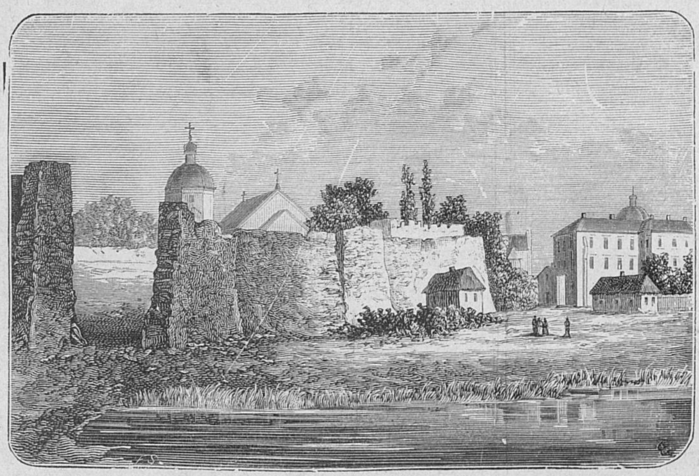


Ворота Баторія въ Каменецъ-Подольскъ.

Уничтожить казаковъ значило — организовать колонизацію украинныхъ пустынь такимъ образомъ, чтобы среди народа работящаго и торговаго не было мѣста людямъ, не признающимъ никакой власти, кромѣ *присуда* своего добычнаго круга и избраннаго имъ предводителя. Польско-русскіе паны давно уже прилагали старанія, чтобы Украина, съ одной стороны, не оставалась безплодною залежью, а съ другой—заслоняла отъ азіатцевъ старинныя колоніи. Но то были политикохозяйственныя мѣры отдѣльныхъ личностей, искавшихъ въ малорусскихъ пустыняхъ независимости отъ магнатовъ, сильныхъ придворными происками. Теперь колонизація этихъ пустынь, лежавшая за чертой древнихъ Ярославовскихъ осадъ по рѣкѣ Роси и за чертой рѣки Сулы, отдѣлявшей древнюю Русь отъ земли половецкой, сдѣлалась предпріятіемъ польскаго правительства и соединилась въ одно дѣло съ обузданіемъ казацкаго своевольства. Вслѣдствіе рѣшенія варшавскаго сейма 1590 года, обнародованы были Сигизмундомъ III два постановленія, изъ которыхъ одно предоставляло королю право раздавать, по своему усмотрѣнію, украинныя пустыни въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія, а другое возлагало на короннаго гетмана обязанности—образовать изъ людей, проживающихъ въ низовьяхъ Днѣпра и за порогами, или изъ какихъ-нибудь другихъ, пограничное войско, послушное правительству и подчиненное главному начальнику и сотникамъ изъ шляхты, имѣющей въ Украинѣ недвижимую собственность, съ тѣмъ: 1) чтобы это войско ни водою, ни сухимъ путемъ *въ сосѣднія государства не вторгалось;* 2) чтобы оно проходящихъ тамошними мѣстами *купцовъ и никакихъ людей не полонило и не грабило;* 3) чтобы не только *осужденныхъ на смерть или лишенныхъ чести,* но никакихъ иныхъ людей *къ себѣ не принимало;*

4) чтобы въ украинныхъ мѣстечкахъ съѣстные припасы, порохъ, селитра и другія надобности продавались только тѣмъ *низовцамъ*, которые предъявятъ отъ своего начальства свидѣтельство, а безъ свидѣтельства, чтобы *ни одного изъ нихъ въ мѣстечки не пускали;* 5) чтобы въ королевскихъ и панскихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ были поставлены присяжные бурмистры, войты и ватаманы, которые бы, подъ смертною казнью, *никого не пускали на Низъ, ни въ поля за добычею, а тѣмъ паче — за рубежъ сосѣднихъ государствъ;* кто же пришелъ бы съ добычею изъ другихъ мѣстъ, у того бы добычу отнимали, самого добычника карали и покупать добычи никому не позволяли; 6) наконецъ, чтобы пограничные королевскіе чиновники и паны карали смертью своевольныхъ людей, проживающихъ въ украинныхъ поселеніяхъ или имѣющихъ тамъ какіе-либо склады, а равно и тѣхъ присяжныхъ урядниковъ, которые бы отважились имъ потворствовать.

Но правительство сознавало, что «пропустило время» для прекращенія «пограничной безурядицы и своевольства». Мало того, правительство знало, что даже въ личномъ составѣ своемъ, въ средѣ сеймовыхъ представителей малорусской шляхты, оно содержитъ не только казацкихъ потаковниковъ, дѣлящихся съ полудикими наѣздниками ихъ добычею, но и казацкихъ пособниковъ, предпринимавшихъ вторженія въ турецкія области совмѣстно съ такъ называемыми низовцами. Еще Стефанъ Баторій упрекалъ пограничныхъ пановъ-старостъ въ томъ, что они дѣйствовали заодно съ низовыми добычниками, давали ихъ атаманамъ у себя пристанище въ такихъ городахъ, какъ Немировъ и Кіевъ, помогали имъ людьми и снарядами для походовъ, навлекавшихъ на окраины государства опустошительные татарскіе набѣги. Сигизмундъ III, въ заключеніе своего декрета, счелъ необходимымъ грозить суровою карою тѣмъ панамъ, князьямъ, старостамъ, державцамъ и шляхтѣ, которые бы осмѣлились ходить въ поле помимо вѣдома короннаго гетмана, наѣзжать на сосѣднія государства или прятать у себя казацкую добычу. До такой степени паны колонизаторы дичали въ удаленіи отъ центровъ гражданственности и оказачивались въ исключительныхъ видахъ личной выгоды. Задача уничтоженія казаковъ была задачею перебора шляхетскаго общества и подавленія въ немъ разбойныхъ элементовъ. Лучшіе люди должны были вооружиться силою обычая, закона и меча противъ худшихъ, разумное меньшинство— противъ неразмышляющаго большинства, строители государства — противъ разрушителей.



Баръ, Подольской губерніи. (Стѣны замка, выстроеннаго въ 1537 г.).

Но государственная организація польско-русской республики была слишкомъ слаба для борьбы съ анархистами. Начался рядъ казацкихъ бунтовъ, которые втянули въ себя все недовольное правительствомъ, все справедливо или мнимо обиженное представителями его власти, все сбившееся съ государственной, общественной, семейной дороги и заблудившееся безвозвратно въ исканіи безусловной свободы.

Казаки начали свои бунты грабежемъ Межигорскаго монастыря, при чемъ они тиранили игумена Іосифа Бобриковича-Копотя, впослѣдствіи мстиславскаго епископа, извѣстнаго своею преданностію интересамъ православной церкви. Въ промежуткѣ между первымъ

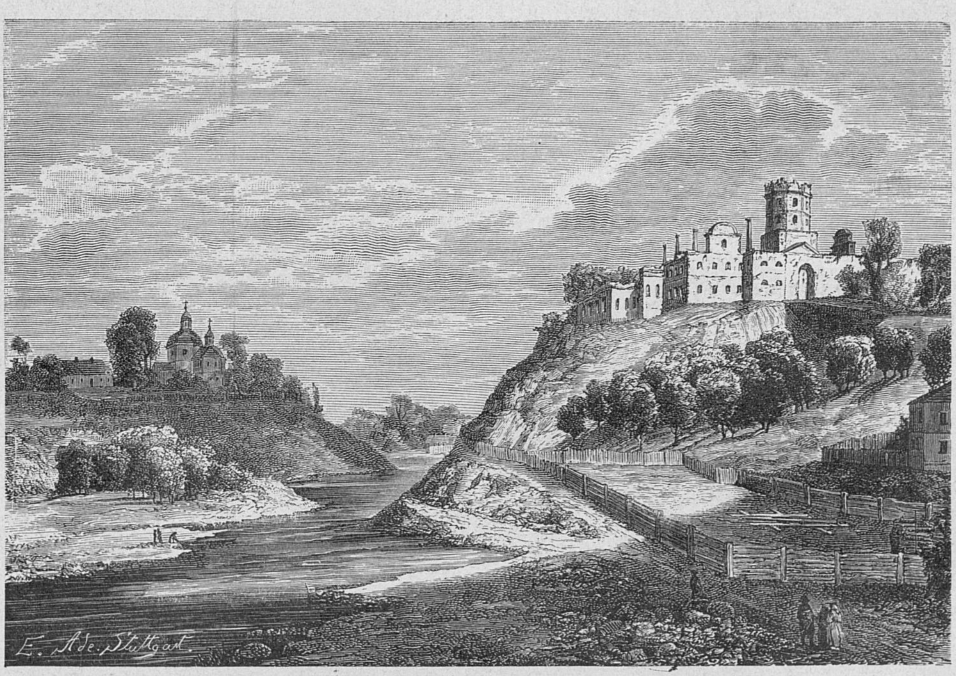
и вторымъ бунтомъ, изъ-за какой-то ссоры съ кіевскимъ *замковымъ урядомъ*, они покушались разорить Кіевъ и ограничились полученіемъ выкупа только за посредничествомъ весьма вліятельнаго въ ихъ средѣ католическаго бискупа кіевскаго, Іосифа Верещинскаго. Ничто не показываетъ ихъ солидарности ни съ православнымъ духовенствомъ, ни съ мѣщанскими братствами, которыя, по мѣрѣ своего разумѣнія, взяли было на себя заботу о цѣлости православной церкви. Но событія, ознаменовавшія борьбу православія съ католичествомъ на малорусской почвѣ со временъ Ягайлы, отозвались въ исторіи Косинщины и Наливайщины (такъ назывались бунты, по имени ихъ главарей), зловѣщими вымыслами. Съ другой стороны, католическіе проповѣдники, судя по себѣ о нашихъ православникахъ, приписали казацкіе бунты интригамъ тѣхъ, которые противились церковной уніи, прозвали православіе *Наливайковою сектою* и называли въ своихъ памфлетахъ *Наливайками* всѣхъ, остававшихся при отеческой вѣрѣ. Тѣ и другія сплетни были не болѣе, какъ глухое обманчивое эхо исторической дѣйствительноети; но для умовъ невѣжественныхъ, озлобленныхъ эти сплетни и взаимныя клеветы были сущею правдою. При дальнѣйшемъ развитіи государственной немощи въ Польшѣ, выразившейся своевольнымъ казачествомъ, и при томъ отчужденіи простонародной массы въ Малороссіи съ ея полуграмотными попами и монахами, которое на всѣ орудія правительственныхъ дѣйствій распространило слово *ляхи*,—легенды о мурованныхъ столбахъ и мѣдныхъ быкахъ, съ одной стороны, и поголовныя обвиненія громадной части жителей польскаго королевства въ повтореніи наливайковскихъ смутъ—съ другой, получили значеніе обоюднаго поджигательства международной вражды. Новыя столкновенія оказаченныхъ бѣдняковъ съ людьми зажиточными и безнравственныхъ анархистовъ съ людьми закона и порядка повели къ новымъ, еще болѣе чудовищнымъ, вымысламъ и клеветамъ, которые невѣжество и злоба претворяли въ дѣйствительность. Такимъ образомъ дѣло запутывалось, понятія о правдѣ и неправдѣ смѣшивались, новыя поколѣнія выростали подъ вліяніемъ наслѣдственной вражды старыхъ и съ теченіемъ времени, которое въ Польшѣ должно быть названо смутнымъ, дошло наконецъ до того, что, для рѣшенія соціальнаго вопроса окончательно, одна половина жителей Малороссіи должна была истребить другую, или же быть ею истреблена.

Эти общія черты борьбы такъ называемыхъ малоруссовъ съ ляхами выразились во множествѣ крупныхъ и мелкихъ событій, но мы остановимся лишь на тѣхъ, которые привели международный и междусословный вопросъ къ его нынѣшнему положенію.

Ни въ чемъ государственная помощь польско-русской республики не обнаружилась такъ поразительно, какъ въ ея политикѣ относительно московскаго государства. Вмѣсто того, чтобы подавить у себя дома разбойный элементъ, выступившій на сцену общественной жизни въ бунтахъ Косинскаго и Наливайки, Польша дала ему развиться до послѣдней крайности въ наѣздахъ на сосѣдей. До сихъ поръ вожаки пограничной вольницы изобрѣтали только самозванныхъ молдавскихъ господарей для своего добычнаго промысла. Теперь предлогомъ для вторженія въ чужіе предѣлы послужилъ имъ названный московскій царевичъ Димитрій Ивановичъ. На бѣду Польши, новоизобрѣтенная самозванщина была согласна съ видами римской куріи и съ политическими планами покойнаго Стефана Баторія. Вопреки убѣжденіямъ лучшихъ сенаторовъ своихъ и тайкомъ отъ гасударственныхъ чиновъ, Сигизмундъ III поощрилъ надежды Лжедимитрія и дозволилъ собраться вокругъ него толпѣ своевольныхъ людей. Паденіе въ Москвѣ Годуновской династіи привлекло изъ Польши къ самозванному сыну Ивана Грознаго множество шляхтичей получше тѣхъ, которые, вмѣстѣ съ запорожцами и донцами, казачествовали подъ его предводительствомъ. Когда же москвичи, взбунтовавшись противъ царя-обманщика, перебили ненавистныхъ своихъ гостей, вся боевая Польша, вмѣстѣ съ лукавымъ королемъ своимъ, двинулась къ Москвѣ и принудила ее признать своимъ царемъ королевича Владислава. Война въ духѣ казачества опустошала московское царство въ теченіе многихъ

годовъ и прервалась только на время, когда русскіе отвергли иноплеменнаго королевича, призвали на престолъ домъ Романовыхъ, освободили отъ поляковъ столицу, очистили отъ казацкихъ шаекъ все государство.

Московская война, тянувшаяся съ 1604 по 1612 годъ, развила разбойный элементъ польско-русской республики до ужасающей степени. Толпы боевого народа, очутясь безъ привычнаго промысла за предѣлами Московіи, устремились въ области турецкія. Малорусская шляхта, съ оказаченными своими подданнымя, пыталась овладѣть Молдавіею, посадивъ на господарскій престолъ польскаго подданнаго, а собственно такъ называемые запорожскіе казаки, предводимые подобной же шляхтою, пиратствовали на Черномъ морѣ, и шестилѣтній промежутокъ, между пріостановленною въ 1612 и возобновленною въ 1618 году войной съ Москвою, показалъ, что уничтоженные подъ Лубнами наливайковцы, во время московскаго разоренія, сдѣлались далеко многочисленнѣе и отважнѣе прежняго. Червонно-русскій шляхтичъ Конашевичъ Сагай-



Корецъ. Замокъ, построенный княземъ Іакимомъ, на берегу Корца.

дачный, предводительствуя казацкими челнами-чайками, разбивалъ турецкія флотиліи и разорялъ приморскіе города, въ числѣ которыхъ были Синопъ на одномъ концѣ Чернаго моря и Кафа на другомъ. Турки порывались отомстить Польшѣ, но ихъ тормозила персидская война, и коронный гетманъ Жовковскій только искусными стратегическими движеніями да переговорами объ упроченіи мира отвращалъ грозившую отечеству опасность.

Шляхетной націи слѣдовало бы опомниться и привести въ порядокъ внутреннія дѣла свои. Но правительственный механизмъ дѣйствовалъ въ Польшѣ такъ неправильно, что, по извѣстной пословицѣ, казалось, будто бы она держится одною неурядицей. Ободренная успѣхами знаменитаго воина и дипломата на югѣ, польско-русская шляхта устремилась опять къ сѣверу. Королевичъ Владиславъ сдѣлалъ попытку отнять у Романовыхъ завоеванный для него все тѣмъ же Станиславомъ Жовковскимъ престолъ и возобновилъ войну съ такими недостаточными средствами, что правительству, вмѣсто того, чтобы покарать казаковъ за черно-

морское пиратство и домашніе грабежи, пришлось призвать ихъ на выручку воинственной шляхты изъ бѣды во глубинѣ московскаго царства. Широко прославленный атаманъ Конашевичъ-Сагайдачный созвалъ подъ свой бунчукъ 20.000 такъ называемыхъ *вольныхъ людей*, подъ именемъ запорожскаго войска, и врѣзался въ московское царство съ неудержимою стремительностью. Это былъ такой же свирѣпый воинъ, какъ и нашъ древній Святославъ. «Не блазнитесь о вашей силѣ», кричалъ онъ обыкновенно къ осажденнымъ: «городъ вашъ какъ птицу рукою моею возьму, жилища ваши на пожаръ пущу, а всѣмъ жителямъ, великому и малому, руку и ногу отсѣчь и псамъ повергнуть повелю!» Все падало руиною передъ его *пальями*. «Мужи и жены до ссущихъ младенцевъ», пишетъ свидѣтель казацкаго нашествія, «многими муками мучаще, посѣкоша, монастыри и церкви Божіи расхитиша и огнемъ сожгоша». Путь Конашевича-Сагайдачнаго, отъ Путивля до Можайска, представлялъ подобіе татарскихъ шляховъ, которыми была прорѣзана Малороссія въ трехъ направленіяхъ. За то королевичъ Владиславъ встрѣтилъ его съ такими почестями, съ какими Сигизмундъ I встрѣчалъ бывало доблестнаго отца князя Василія и, между прочимъ, почтилъ его врученіемъ гетманскихъ знаковъ: булавы и хоругви.

Новымъ торкамъ только того и было нужно. Слава московскаго похода и гетманскіе знаки, полученные подъ Можайскомъ, привлекли къ нимъ, съ одной стороны, цвѣтъ шляхетскаго юношества, тяготившагося домашнимъ, школьнымъ и общественнымъ режимомъ, а съ другой—толпы гультаевъ, вышибленныхъ бурной судьбой украинной колонизаціи изъ колеи семейнаго и земледѣльческаго быта. Казаки ринулись въ черноморское «гостеванье» на своихъ диковинныхъ чайкахъ, взяли Варну, вырѣзали нѣсколько сотъ янычаръ и сожгли до тла самый городъ. Но правительственная часть польско-русскаго общества поступила съ турками въ свою очередь по-казацки. Возгордясь достигнутыми въ Деулинѣ результатами московской войны, законодательная шляхта отвергла миръ, заключенный съ Портою въ 1617 году, послала Жовковскаго за турецкую границу для занятія Молдавіи, не подкрѣпила собраннаго имъ наскоро войска обѣщанною помощью и допустила своего фельдмаршала погибнуть съ горстью мужественныхъ людей. Это случилось въ 1620 году.

Молодой турецкій султанъ Османъ II не удовлетворился тѣмъ, что къ нему принесли голову великаго короннаго гетмана Жовковскаго и привели плѣнникомъ его товарища, полевого короннаго гетмана Конецпольскаго. Онъ рѣшился лично идти въ Лехистанъ во главѣ небывалаго еще въ Турціи ополченія. Когда были получены извѣстія о громадныхъ приготовленіяхъ Османа, въ Украйнѣ появился королевскій агентъ, ксендзъ Оберницкій, съ зазывомъ казаковъ на войну противъ турокъ.

Казаки послѣ гибели одного короннаго гетмана и плѣна другого, явились грозной корпораціей, озлобленной противъ шляхты за ея сеймовые декреты, за ея договоры съ Турціей, за ея стѣснительные для казацкаго быта порядки въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ. Королевскіе универсалы объ арестѣ новопоставленныхъ архіереевъ раздражили тѣхъ изъ нихъ, которые такъ или иначе были привержены къ православію. Казацкая старшина открыто высказалась, что «передъ запорожскимъ войскомъ дрожитъ Польша, Турція, вся вселенная», и согласилась вести его на войну только подъ условіемъ, чтобы митрополитъ и владыки были утверждены правительствомъ, въ противномъ случаѣ казаки заполонятъ всю шляхту. Ксендзъ Оберницкій обѣщалъ королевскимъ именемъ, что желаніе запорожскаго войска будетъ исполнено. Но Сигизмундъ III, по іезуитскому правилу, не считалъ для себя обязательнымъ выполнять обѣщаніе, данное схизматикамъ, какъ это видно изъ мемуара римской куріи. «Поляки», сказано тамъ, «нуждаясь въ помощи противъ турокъ, склонялись было уже удовлетворить желанію казаковъ; но старанія нунція и набожность короля не дали имъ достигнуть своей цѣли».

Предводимые Конашевичемъ Сагайдачнымъ казаки, въ числѣ 30.000, участвовали въ

походѣ противъ Османа и помогли шляхтѣ отдѣлаться кой-какъ отъ великой опасности. По словамъ самихъ шляхтичей, участвовавшихъ въ Хотинской войнѣ, эти хлопы были розовымъ вѣнкомъ у нихъ на головахъ. Но послѣдовавшій затѣмъ такъ называемый вѣчный миръ съ Турціей былъ заключенъ, какъ и всѣ предшествовавшіе ему договоры, подъ условіемъ уничтоженія казачества.

Иного мира не могла заключить Польша съ Турціей, такъ какъ добычный промыселъ, которымъ существовали казаки, противодѣйствовалъ черноморской торговлѣ и не давалъ туркамъ владѣть богатѣйшими побережьями въ Крыму, въ Бессарабіи, въ Болгаріи, Румеліи и Анатоліи. Но, взявшись уничтожить казаковъ, шляхетный народъ раздражалъ силу, которая росла по мѣрѣ того, какъ ее подавляли. Съ каждымъ годомъ эта дикая антигосударственная сила дѣлалась опаснѣе для всего, чѣмъ дорожитъ гражданственное общество и въ особенности сельскохозяйственное представительство гражданственности. Съ каждымъ годомъ казаки заявляли сознательнѣе азіатскую мысль о полонѣ и даже истребленіи всей шляхты, мысль, высказанную уже соратниками Наливайка. Но воинственная шляхта была создательницею и вдохновительницею казацкаго рыцарства. Не хотѣла она вѣрить, чтобы боевая толпа, на половину состоявшая изъ ея своенравныхъ родственниковъ, ринулась когда-либо съ огнемъ и желѣзомъ на ея гостепріимные для самихъ казаковъ дома, въ которыхъ звучала та же самая бандура, что и въ казацкихъ таборахъ, распѣвались однѣ и тѣ же пѣсни, превозносились однѣ и тѣ же подвиги.

Освобожденный въ 1623 году изъ турецкаго плѣна коронный гетманъ Конецпольскій обратилъ и свой военный талантъ, и всѣ боевыя средства мѣстныхъ землевладѣльцевъ на подавленіе казацкой вольницы, которая, съ одной стороны, своими набѣгами поднимала татаръ и турокъ на вторженіе въ новозаселенный панами край, а съ другой, не давала этому краю возможности извлекать изъ своихъ займищъ средства для отраженія азіатскихъ нашествій.

Отважные наѣздники переполошились. При всей обширности арены казачества, питавшей добычный промыселъ, казаки вообще были народъ убогій, а ихъ разбросанность и безпорядочность ихъ общиннаго строя отнимали силу, необходимую для самосохраненія. По словамъ казацкихъ коноводовъ, передъ запорожскимъ войскомъ дрожала Турція, Польша и вся вселенная, но казаки сознавали опасность положенія своего въ виду королевскихъ и панскихъ средствъ къ наступленію на ихъ таборы. Только всеобщее волненіе украинскаго простонародья могло ихъ защитить отъ кары за ихъ набѣги, убійства, грабежи, и вотъ они *заколотили всѣмъ міромъ*, какъ выражались о нихъ люди спокойные.

Когда Конецпольскій, отразивъ на Днѣстрѣ татарское нашествіе, двинулся къ Днѣпру, мѣщане всѣхъ малорусскихъ городовъ, вольные и невольные участники казацкихъ похожденій, отшатнулись отъ казаковъ и заявили передъ коннымъ гетманомъ о своей преданности правительству. Дѣло происходило глубокой осенью 1625 года. Казаки, предводимые какимъ-то Жмайломъ, вышли за черту обитаемыхъ мѣстъ и пытались уйти за Днѣпръ, какъ сдѣлали наливайковцы; но пловучій ледъ не далъ имъ возможности переправиться съ *русской* на *татарскую* сторону Днѣпра. Конецпольскій гналъ ихъ до урочища Медвѣжьи Лозы, надъ Кураковымъ озеромъ, гдѣ они считали себя безопасными, разбилъ укрѣпленный возами казацкій таборъ и предписалъ запорожскому войску такъ называемыя *кураковскія статьи*.

Ни монастырей, серьезно опасавшихся насильственнаго обращенія въ римскую вѣру, ни архіереевъ, боявшихся кары за участіе въ сношеніяхъ казаковъ съ иноземнымъ государемъ, шляхетскій фельдмаршалъ не обезпокоилъ. Даже съ самими казаками онъ обошелся, какъ рыцарь съ рыцарями. Выбивая изъ крѣпкихъ позицій казацкое войско по пути къ безвыходнымъ Медвѣжьимъ Лозамъ, онъ увѣрялъ его въ своемъ крайнемъ нежеланіи наступать на казаковъ, восхвалялъ ихъ боевое мужество, котораго былъ много разъ свидѣтелемъ въ войнахъ съ врагами отечества и даже писалъ въ своихъ универсалахъ, что «нося и самъ на бедрѣ саблю,

умѣетъ цѣнить людей воинственныхъ», королю же доносилъ, что дѣйствовать противъ казаковъ по-непріятельски всего больше зaставляло его то обстоятельство, что казаки нѣсколько разъ посылали къ Шагинъ-Гирею просить помощи противъ короннаго войска. Когда же казаки были побѣждены, Конецпольскій старался пробудить въ нихъ чувство гражданскаго достоинства и, между прочимъ, обращался къ нимъ съ такими словами: «хотя большая часть васъ не принадлежитъ къ шляхетству, но свободою жизни и великими преимуществами вы были поставлены наравнѣ съ господствующимъ въ республикѣ сословіемъ».

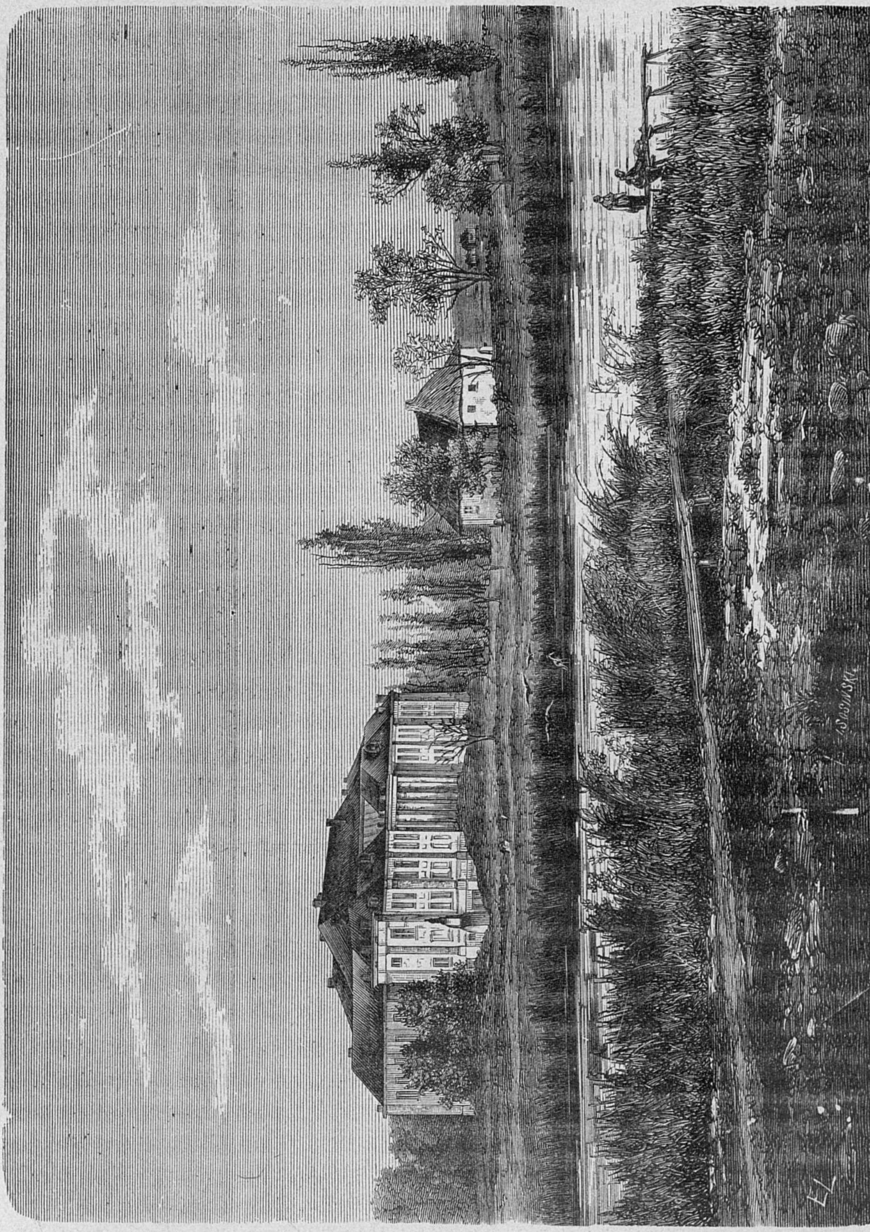
Два обстоятельства, указанныя Конецпольскимъ, что казаки будто бы были готовы предать родной край татарамъ, и что большая часть ихъ состояла изъ людей, будто бы совершенно чуждыхъ какихъ-либо гражданственныхъ понятій,—должны были неизбѣжно привести польско-русскую республику къ извѣстной катастрофѣ, которая была подобна «московскому разоренію» и названа въ народной памяти «руиною». Когда усмиренные въ Медвѣжьихъ Лозахъ казаки переписались въ шеститысячный реестръ по всѣмъ *казацкимъ* городамъ (то-есть имѣвшимъ «непослушныхъ» мѣщанъ) на обѣихъ сторонахъ Днѣпра,—не вошедшая въ реестръ боевая толпа стала грозить имъ татарами и втянула ихъ въ новый бунтъ, имѣвшій своими послѣдствіями новый походъ Конецпольскаго къ Днѣпру (въ 1630 году), новое кровопролитіе (подъ Переяславомъ), новыя стѣснительныя для казаковъ мѣры шляхетскаго правительства.

Казацкій мятежъ 1630 года, задуманный на Запорожьѣ какимъ-то Тарасомъ Өедоровичемъ, ознаменовался самымъ коварнымъ способомъ, къ какому когда-либо прибѣгала запорожская вольница для обезпеченія успѣха за своимъ предпріятіемъ. Отъ Кіева до Львова распущены были слухи, будто бы ляхи (то-есть Конецпольскій съ мѣстными землевладѣльцами) идутъ на Украину для того, чтобы вырѣзать поголовно всю Русь до московскаго рубежа; будто-бы они на походѣ убиваютъ встрѣчнаго и поперечнаго единственно за то, что онъ—русинъ; будто бы мѣстечко Лысянка вырѣзано ляшскимъ передовымъ полкомъ въ день Христова Воскресенія, съ малыми дѣтьми и съ самимъ священникомъ среди церкви; будто бы жолнеры избиваютъ уже въ Кіевѣ монастырскихъ слугъ митрополита Іова Борецкаго; будто бы рѣшено ляхами сломать русскую вѣру совсѣмъ и ввести на ея мѣсто римскую, а вырубленную въ корнѣ Украину заселить польскимъ и нѣмецкимъ народомъ.

Въ виду подобныхъ слуховъ, Конецпольскій даже и послѣ новаго обузданія казаковъ, стоившаго ему потери многихъ мужественныхъ воиновъ, не тронулъ православнаго духовенства, которое трепетало за свое положеніе, вѣря казацкимъ вѣстямъ, и, подъ вліяніемъ невѣжественнаго страха, помогало казакамъ распространять въ народѣ самые дикіе толки. Только просвѣщенные люди духовнаго званія въ Кіевѣ держали себя достойно среди казакошляхетской усобицы, давали въ монастырскихъ стѣнахъ убѣжище отъ казацкаго преслѣдованія несчастнымъ землевладѣльцамъ и обращались къ вождямъ короннаго войска съ просьбами о защитѣ церковныхъ имуществъ отъ казацкихъ вторженій. Такъ поступилъ именно Петръ Могила, бывшій тогда архимандритомъ Печерскаго монастыря. Безъ его противодѣйствія, казаки навѣрное сдѣлали-бы изъ этой знаменитой обители крѣпость себѣ, и если-бы она была штурмована Конецпольскимъ, это зачлось бы ляхамъ въ новый долгъ для уплаты самою лучшею шляхетскою кровью.

На бѣду польско-русской республики, Конецпольскій дорожилъ казаками не только для борьбы съ Густавомъ-Адольфомъ, которую онъ выдержалъ со славою, но и для болѣе важнаго дѣла, о которомъ напрасно онъ мечталъ до конца жизни. По его воззрѣнію на борьбу христіанскаго міра съ мусульманскимъ, Польша должна была, во что-бы-то ни стало, искать политическаго союза и добраго согласія съ Москвою для того, чтобы помочь Москвѣ занять и колонизировать христіанами вредоносное гнѣздо татарщины, крымскій полуостровъ. Но казаки, своими вѣчными грабежами дома и въ турецкихъ владѣніяхъ, все-таки вынуждали у

него строгія мѣры. Къ числу такихъ мѣръ принадлежало устройство на Днѣпрѣ, выше пороговъ, крѣпости Кодака, съ иноземнымъ гарнизономъ, который бы пересѣкалъ сообщеніе вольницы «послушныхъ» мѣщанъ съ вольницею запорожскихъ казаковъ. Но эта крѣпость, ловившая своими сторожами да разъѣздами черноморскихъ добычниковъ, только раздражила рыца-



Дворецъ Любомірскихъ въ г. Ровно, Волынской губерніи.

рей грабежа и разбоя. Не прошло и пяти лѣтъ послѣ кровавой *переяславщины*, какъ запорожцы напали на Кодакъ, вырѣзали гарнизонъ, предали коменданта мучительной смерти и затѣяли было новую *бучу*. На этотъ разъ городовые казаки отказались участвовать въ запорожскомъ мятежѣ и выдали Конецпольскому, по собственному желанію, разорителя кодацкой крѣпости, какого-то Сулиму, вмѣстѣ съ другими атаманами, его товарищами.

Одинъ изъ этихъ атамановъ, Павелъ Михновичъ Бутъ, иначе Гудзанъ, извѣстный подъ именемъ Павлюка, былъ помилованъ уже на эшафотѣ королемъ Владиславомъ IV, по ходатайству коронпаго канцлера, Ѳомы Замойскаго. Но, вернувшись въ Украину, сдѣлался верховодомъ низовой толпы добычниковъ, требовавшей мести надъ городовыми или реестровыми казаками за ихъ *накладанье зъ ляхами*. Не видя со стороны законныхъ властей достаточной защиты отъ запорожскаго террора, лучшіе люди въ казацкомъ товариществѣ опять рѣшились на мятежъ. Вмѣсто прежнихъ возгласовъ о ляшскихъ гоненіяхъ на христіанскую вѣру, демагоги кричали теперь о недоплатѣ запорожскому войску жалованья и о стѣсненіи казацкихъ вольностей въ Украинѣ.

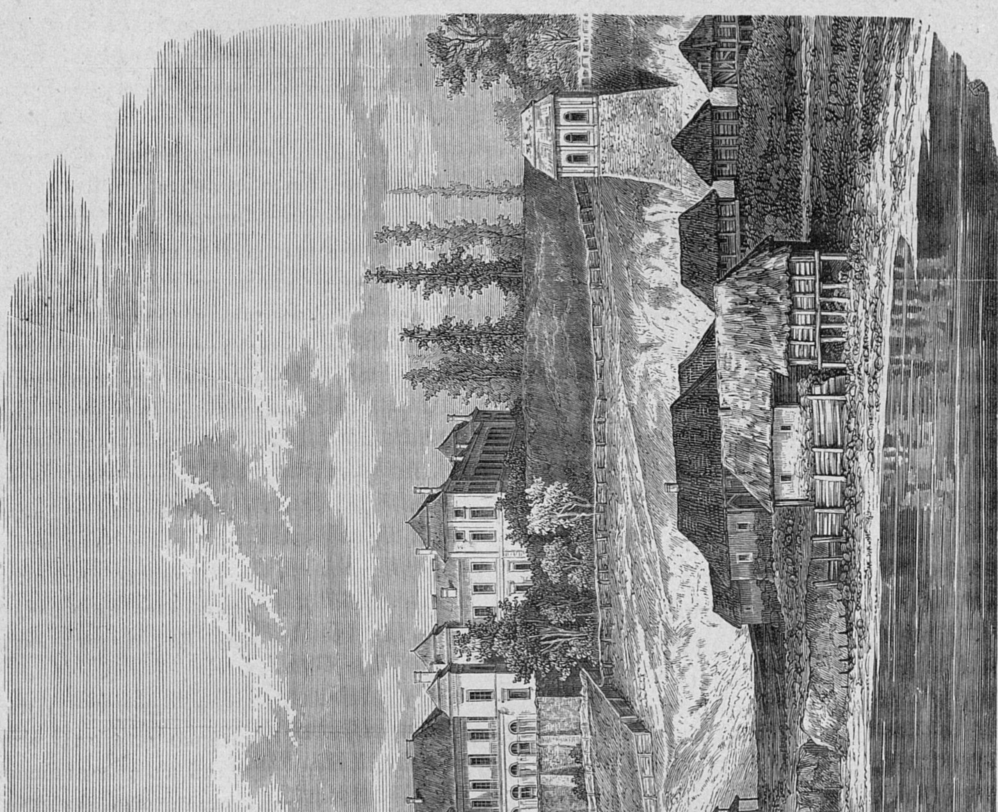
Павлюковцы взывали къ малорусской черни о возстаніи противъ казацкихъ *душмановъ*, непріятелей греческой вѣры, и свидѣтельствовали о своей религіозности тѣмъ, что вѣшали въ малорусскихъ городахъ бернардинскихъ монаховъ и жгли католическія церкви. Запорожскіе бунтовщики старались втянуть въ свое отчаянное дѣло какъ можно больше народу посредствомъ страха отвѣтственности за непростительныя злодѣянія. Но къ нимъ присоединялись только такія личности, которыя, ограбивъ иновѣрныя святилища, спѣшили съ драгоцѣнной добычей къ шинкарямъ. Основанная на террорѣ, обманѣ и соблазнѣ организація возстанія лишена была стойкости. Павлюкъ, послѣ неудачной битвы подъ Кумейками, бѣжалъ въ Боровицу и былъ выданъ предводителю коронно-панскаго войска, полевому гетману Николаю Потоцкому, который отослалъ его въ Варшаву, на тотъ самый эшафотъ, съ котораго онъ сошелъ помилованный; а предводитель казацкой конницы, Острянинъ, иначе Остраница, преслѣдуемый тѣмъ же Потоцкимъ въ слѣдующемъ 1638 году, бѣжалъ со всѣмъ *комонникомъ* съ береговъ Сулы въ московскія пустыни, куда напрасно мѣтилъ ускользнуть Наливайко. Остальное войско засѣло въ устьяхъ Сулы въ старыхъ окопахъ надъ Днѣпромъ, гдѣ, по преданію, казаки отсиживались когда-то отъ знаменитаго перебѣжчика подъ разныя знамена, князя Вишневецкаго (пѣсеннаго казака Байды), и было голодомъ принуждено къ покорности.

Едва скончался Конецпольскій, не перестававшій подготовлять предубѣжденную клерикалами противъ Москвы шляхту къ тѣсному союзу съ этимъ государствомъ, для передачи въ его владѣніе татарщины, — казаки подняли снова гультаевъ противъ людей трудолюбивыхъ и голь противъ зажиточныхъ, подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго.

Хмѣльницкій между прочимъ распустилъ по Украинѣ слухъ, будто бы коронный гетманъ Потоцкій наступилъ на казаковъ самопроизвольно, будто бы польскіе паны держали короля въ неволѣ, будто бы король бѣжалъ отъ нихъ въ Литву и зоветъ казаковъ къ себѣ на помощь. А какъ церковныя дѣла были приведены въ порядокъ Петромъ Могилою и унія перестала быть опасною для православныхъ, то Могила, еще до Хмѣльницкаго, былъ заподозрѣнъ запорожскими крамольниками въ тайномъ соглашеніи съ римскимъ папою, и ходившая между монахами молва распредѣлила даже Печерскій и другіе монастыри между бернардинами, *босаками* и другими монашескими орденами. Пользуясь трудами прежнихъ агитаторовъ, Хмѣльницкій объявилъ, что воюетъ за вѣру, и слухъ объ этомъ дошелъ до самой Москвы, на которую онъ долженъ былъ разсчитывать въ случаѣ крайности.

Все сдерживаемое до сихъ поръ степенными людьми и законными властями бросилось на добычу, открывшуюся въ панскихъ имѣніяхъ. Завоеватель кіевской Украины, Хмѣльницкій, не взялъ на себя труда занять казацкимъ войскомъ страну во имя какого бы то ни было порядка. Остановясь надъ Росью, на чертѣ, отдѣлявшей искони номадную жизнь отъ хозяйственной, онъ предоставилъ казакамъ и татарамъ разрушительную работу надъ многотруднымъ и многопечальнымъ поприщемъ колонизаціи, которая только что начала процвѣтать изобильными, безопасными отъ татаръ, благоустроенными хозяйствами, дававшими возможность просвѣщенія людямъ богатымъ и вѣрный кусокъ хлѣба убогимъ. Правая и лѣвая сторона Днѣпра были опустошены скорѣе, чѣмъ польско-русская шляхта могла опомниться отъ нанесеннаго ей удара

Оба коронные гетманы, великій гетманъ Потоцкій и полевой Калиновскій, находились у татаръ въ плѣну. Казацкій бунтъ и татарское нашествіе захватили республику безъ войска и



Замокъ въ Вишневцѣ, Волынской губерніи.

безъ вождей. Случившаяся въ это время смерть короля Владислава IV повергла ее еще въ большее замѣшательство. Хмѣльницкій могъ идти прямо въ Варшаву, по слѣдамъ шляхты и жидовъ, бѣжавшихъ къ Вислѣ съ своими пожитками.

Но на это онъ не отважился. Москва была связана съ Польшей договоромъ, по которому обѣ державы должны были помогать взаимно другъ другу противъ татарскихъ набѣговъ. Царская рать стояла по московскимъ украинамъ наготовѣ. Чтобы отвлечь ударъ, который съ этой стороны былъ бы для него гибеленъ, Хмѣльницкій возобновилъ искательства своихъ предшественниковъ, послалъ къ московскому царю письмо съ извѣстіемъ о своихъ побѣдахъ надъ врагами православной церкви и выразилъ желаніе казаковъ «имѣть себѣ самодержцемъ въ своей землѣ православнаго христіанскаго царя».

Призыву къ религіозной войнѣ внимали охотно не только люди вѣрующіе, но и совершенно равнодушные къ какой-либо вѣрѣ и церкви, а такихъ было весьма много въ тогдашней Малороссіи. Во всю ширь малорусскаго края, освобожденнаго отъ *ляховъ*, на ярмаркѣ и въ кабакахъ, кипѣвшихъ добычною торговлею, запорожскіе гомеры распѣвали подстрекательныя думы о стачкѣ ляховъ съ жидами на поруганіе христіанской вѣры и на грабежъ чернорабочаго люда. Убійства и насилія освящались именемъ церкви, а чувство человѣчности заглушалось местью за дѣйствительныя или мнимыя обиды, которыя соратники татаръ терпѣли отъ панскихъ экономовъ и арендаторовъ. Стоя надъ Росью, охранявшею древнюю и позднѣйшую гражданственность отъ чужеядниковъ, Хмѣльницкій сѣялъ въ народѣ смуту и ждалъ урожайнаго всхода отъ своего посѣва. Всего важнѣе было для него, что московскіе вѣстовщики, обыкновенно люди торговые, всюду, гдѣ ни «провѣдывали вѣстей» по наказу царскихъ пограничныхъ воеводъ, слышали одно, что «казаки воюютъ за православіе». Но Москва не отвѣчала долго на его призывъ ратовать за древнюю греческую вѣру, «за которую,—писалъ онъ,—мы помираемъ изъ давныхъ временъ изъ-за вольности своей, кровью заслуженные, отъ королей давныхъ данные». Москва ждала крушенія шляхетской силы отъ того самаго скопища, которое шляхта водила въ ея предѣлы на грабежъ, убійства и пожары. Ея расчетъ оказался вѣрнымъ.

Выставленное, наконецъ, шляхтою противъ казаковъ и татаръ войско не могло двинуться дальше стараго Константинова и Пилявцевъ (на Волыни) на встрѣчу казацко-татарской «гидрѣ». Оно состояло изъ людей неопытныхъ въ боевомъ дѣлѣ и непривыкшихъ къ соподчиненности. Казаки побѣдили его, можно сказать, однимъ кликомъ, которымъ привѣтствовали прибытіе своихъ союзниковъ, крымцевъ. Бѣгство изъ подъ Пилявцевъ было самымъ позорнымъ дѣломъ, которое когда-либо пятнало славу польско-русской республики. Обремененные добычею казаки и татары закочевали вокругъ Львова и Замостья, выжидая избранія новаго короля, который бы заключилъ съ ними надежный миръ.

Изъ уваженія къ памяти Владислава IV на престолъ былъ избранъ братъ его, Янъ-Казиміръ. Воспользовавшись выраженною казаками преданностью, которую тѣ понимали по-своему, Янъ-Казиміръ прежде всего отнесся къ Хмѣльницкому съ увѣщаніемъ пріостановить разореніе несчастнаго края и, вернувшись въ Украину, ожидать къ себѣ полномочныхъ пословъ для умиротворенія запорожскаго войска. Хмѣльницкій повиновался, отпустилъ татаръ и возвратился въ родной Чигиринъ. При этомъ татары, какъ и въ началѣ своего нашествія, набрали въ малорусскихъ городахъ и селахъ безчисленное множество ясыра, въ который хватали и самихъ казаковъ, возвращавшихся домой небольшими партіями. Хмѣльницкій зналъ крымцевъ издавна, зналъ, чѣмъ надобно было платить имъ за сотрудничество, и терпѣлъ волей-неволей позорныхъ союзниковъ своихъ.

Москва между тѣмъ прислала въ Польшу своего статсъ-секретаря, думнаго дьяка Кунакова, съ выраженіемъ участія въ бѣдственномъ положеніи республики и съ извѣстіемъ, что царь Алексѣй Михайловичъ «писалъ къ атаману казацкому, къ Богдану Хмѣльницкому, о добромъ и великомъ дѣлѣ, объ успокоеньи войны, чтобы кровь христіанская унялась». Но вслѣдъ затѣмъ паны рады получили отъ царя внушеніе о неприличномъ тонѣ грамоты, которую они прислали въ Москву по случаю избранія на престолъ Яна-Казиміра. Дѣло въ томъ, что сано-

витые представители Польши, не понимая опасности своего положенія, выказали передъ Кунаковымъ клерикально-національное высокомѣріе свое, и Кунаковъ тутъ же выразилъ имъ свое удивленіе, что они «не умѣютъ воздать царскому величеству достойной чести». Слова эти оказались вскорѣ зловѣщими.

Кунакову было наказано развѣдать въ Польшѣ о «черкаской войнѣ» и обо всемъ, что «нужно московскому государству». Въ началѣ своей поѣздки Кунаковъ донесъ царю «вѣстовымъ письмомъ по литорѣ (тарабарщиною)», что Богданъ Хмѣльницкій, подъ видомъ борьбы изъ-за уніи, мститъ панамъ за свои личныя обиды; но черезъ два мѣсяца, побывавши въ Краковѣ и Варшавѣ, представилъ докладную записку о гоненьи у Черкасъ благочестивой христіанской вѣры, о великомъ разореньѣ Черкасъ отъ жидовъ-арендаторовъ и о томъ, будто бы самъ покойный король Владиславъ поощрялъ Хмѣльницкаго къ войнѣ съ панами, — все слово въ слово такъ, какъ разсказывали по всей Малороссіи многочисленные агенты счастливаго мятежника. По запискѣ Кунакова, не король посылалъ войско на Хмѣльницкаго, это дѣлали «санаторы, что вдались въ свою волю, что пустошили государство и мало слушали короля». Изъ доклада думнаго дьяка явствовало, что Хмѣльницкій былъ не бунтовщикъ, а пособникъ своего государя въ защитѣ гонимой папистами вѣры и въ оборонѣ простого народа отъ панской тираніи. Кунаковъ зналъ напередъ или смекнулъ потомъ, что нужно московскому государству.

Когда королевское посольство къ Хмѣльницкому (въ началѣ 1649 года) не достигло своей цѣли и привело Польшу къ новой несчастной для нея войнѣ съ казако-татарами, Москва вдругъ, ни съ сего, ни съ того, потребовала у поляковъ удовлетворенія за неправильное писаніе царскаго титула и за обидныя для московской чести книги, изданныя поляками, какъ у себя дома, такъ и заграницею. За ту и другую обиду царскіе «великіе послы» требовали отъ короля смертной казни виновнымъ, къ числу которыхъ принадлежали первые люди въ государствѣ,—требовали неслыханнаго и невозможнаго. Но, чтобы избѣжать одновременой войны съ казако-татарами и съ москалями, поляки дали обѣщаніе исполнить царскую волю, и нѣкоторыя изъ *безчестныхъ* книгъ были сожжены тутъ же, въ присутствіи царскихъ пословъ.

Хмѣльницкій между тѣмъ предлагалъ царю свое подданство, заручившись уже помощью турецкаго султана, которому, сверхъ подданства, обѣщалъ онъ примежевать къ Турціи Подолію и подгорную Русь по самый Люблинъ. Въ Москвѣ объ этомъ знали, но представляли видъ, будто ничего не вѣдаютъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, оставляли просьбы казацкаго гетмана безъ отвѣта. Съ досады на безуспѣшность своего плутовства, Хмѣльницкій грозилъ переломать московскіе города и самую Москву. Разъяренный врагъ, въ своемъ согласіи съ крымцами и турками, становился опасенъ. Но Москва знала казакамъ цѣну. Она, еще до начала казацкихъ бунтовъ противъ Польши, высказала свое мнѣніе, что это народъ дикій, необузданный, не имѣвшій божія страха и неспособный къ вѣрности. Казаки были для нея опасны, какъ союзники мусульманъ. Они были для нея опасны и какъ подданные. Они не менѣе были бы для нея опасны и въ случаѣ своего примиренія съ Рѣчью Посполитою.

Обороняясь кой-какъ отъ казако-татарской орды, шляхта выбивалась изъ силъ. Наконецъ, королю удалось разъединить казаковъ съ татарами и одержать надъ ними грозную побѣду подъ Берестечкомъ (на Волыни, близъ Дубно) въ 1651 году. Только турецкій султанъ спасъ послѣ этого казацкое дѣло, принудивъ крымскаго хана дѣйствовать снова за-одно съ Хмѣльницкимъ. Но малорусскій край, недавно еще столь многолюдный и цвѣтущій, опустѣлъ, наконецъ, до того, что казацкимъ союзникамъ даже нечего стало ѣсть и некого было хватать въ ясыръ. Значительная часть казацкихъ полковъ, съ пушками, обозомъ, пожитками и семействами, съ казацкими подсосѣдками и подпомощниками пробилась чрезъ всѣ преграды, дѣлаемыя Хмѣльницкимъ, и, подобно казакамъ Остраницы, ушла отъ своихъ соратниковъ за московскій рубежъ, въ такъ названную потомъ слободскую Украину. А малорусское простонародье вообще, обогащенное сразу добычей, которой не вѣдало цѣны, перешло отъ пьяной роскоши къ голодной

нищетѣ—по невозможности заняться земледѣліемъ, по причинѣ упадка промысловъ отъ прекращенія торговыхъ оборотовъ, отъ многоразличныхъ поборовъ и потерь среди многолѣтней войны, передававшей города и села изъ однѣхъ рукъ въ другія, и всего больше отъ беззаботной жизни, порожденной польскою *руиною*. Все отважное и завзятое легло въ бояхъ, которые казаки всегда устраивали такъ, чтобы ихъ новые товарищи служили «старриннымъ казакамъ» оградою. Все лукавое и дальнозоркое улепетнуло въ чужія границы и даже подъ непріятельскія знамена. Все оплошное или несчастное пошло сотнями тысячъ въ татарскую торговлю малорусскимъ ясыромъ. Голодъ, холодъ, зараза смѣшали кости хилыхъ и раненыхъ съ костями разноплеменныхъ вояковъ, засѣявшими польско-русскія селища и городища, шляхетскія и казацкія становища. Хмѣльницкому было не по себѣ среди громаднаго погоста, бѣлѣвшаго непогребенными костями, отъ рѣчки Тясмина до самой Вислы. Онъ умѣлъ разорить край огнемъ и желѣзомъ, но не умѣлъ свести концы своихъ кровавыхъ счетовъ съ панами и простолюдинами. Непринятые въ привелегированное казацкое сословіе, «мужики» громко роптали на своего предводителя, проклинали *Хмѣля-Хмѣльницкаго* въ самихъ пѣсняхъ своихъ за предательство въ руки невѣрнымъ; а между привилегированными казаками сдѣлалась такая рознь, что Хмѣльницкій-Хмѣль сталъ бояться, какъ бы его не выдали ляхамъ.

Этотъ-то бѣдственный для казаковъ и для ихъ противниковъ моментъ Москва признала, наконецъ, удобнымъ для того, чтобы внять шестилѣтнимъ моленіямъ запорожскаго войска, какъ выразился Хмѣльницкій въ генеральной переяславской радѣ. Моментъ былъ выбранъ какъ нельзя болѣе расчетливо. Теперь, какъ и въ 1625 году, казакамъ кромѣ московскаго царя «дѣться было негдѣ»; но теперь Малороссія не была уже, какъ тогда, усѣяна панскими дворами, имѣвшими значеніе рыцарскихъ замковъ, и королевскими городами, готовыми дать отпоръ московскому оккупаціонному войску. Наносный слой западной цивилизаціи былъ снесенъ прочь кровавымъ потокомъ запорожскаго бунта, и самый потокъ, съ разрушеніемъ преградъ, потерялъ свою ярость. Москва не могла бы совладать съ обществомъ, обработаннымъ антирусскою культурою. Въ силу тяготѣнія европейскихъ элементовъ къ западу и азіатскихъ къ востоку, совершилось, въ 1654 году, присоединеніе Малороссіи къ Россіи.

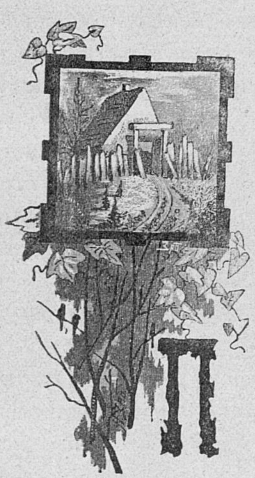
П. Кулишъ.



Кладбищенская церковь.

б) КАЗАЧЕСТВО И ГАЙДАМАЧИНА.

Смерть Богдана Хмѣльницкаго.—Междоусобія въ Украинѣ. — Андрусовскій договоръ. — Руина. — Раздѣленіе западной Украины между Польшею и Турціею.—Новое казачество на правомъ берегу Днѣпра.—Паденіе Сѣчи.—Дальнѣйшая судьба запорожцевъ.—Гайдамачина и ея уничтоженіе.



Ура! мы ломимъ, гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

А. ПУШКИНЪ.

Проживи Богданъ Хмѣльницкій еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, памятника ему и не ставили бы. Чего добраго имъ бы начался длинный рядъ измѣнившихъ Россіи козацкихъ гетмановъ. Причинъ этой хронической полувѣковой измѣны надо искать не въ личныхъ свойствахъ украинскихъ историческихъ дѣятелей, а въ событіяхъ, въ крайней неопредѣленности условій внѣшней и внутренней политики и въ смутномъ безформенномъ стремленіи народныхъ вождей къ національной независимости, при невозможности ея осуществленія. Взгляды на возсоединеніе Руси въ Москвѣ и Украинѣ были совершенно различны. Москва въ теченіе двухъ столѣтій, выработавъ у себя самодержавіе и централизацію, стремилась повсемѣстно установить одинаковый порядокъ управленія и считала украинцевъ такими же царскими подданными, какъ и жителей внутреннихъ русскихъ провинцій. Въ Украинѣ же соединеніе съ Москвою понимали какъ временный союзъ, основанный на обоюдной пользѣ и обязательный, пока она существуетъ. Поляки, знакомые съ европейской дипломатіей, ловко сумѣли обойти московскихъ уполномоченныхъ въ Вильнѣ (въ сентябрѣ 1656 года), обѣщавъ польскую корону русскому царю въ расчетѣ, что всегда найдется предлогъ нарушить обѣщаніе,—и тѣмъ спасти отечество. Виленскій договоръ представлялся въ Украинѣ предательствомъ. Козаки считали, что царь, при вступленіи на польскій престолъ, возвратитъ Украину Польшѣ, такъ какъ по закону долженъ будетъ присягнуть сохранять неприкосновенными границы Рѣчи Посполитой. Обманувъ Москву и возбудивъ къ ней нерасположеніе козаковъ, поляки примѣнили въ сношеніяхъ съ ними ту же систему невыполненныхъ обѣщаній. Они рѣшили предложить Хмѣльницкому автономію Украины и созданіе изъ нея федеративно-соединенной съ Польшею, особой южно-русской республики, въ границахъ воеводствъ: Черниговскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго. Предложеніе это было

сдѣлано въ началѣ 1657 года, а въ концѣ іюля того же года, т. е. за нѣсколько дней до смерти гетмана, пріѣхалъ за окончательнымъ рѣшеніемъ каштелянъ волынскій Казиміръ Беневскій. Смерть Богдана лишила его возможности тотчасъ покончить дѣло, такъ какъ вопросомъ дня для козаковъ сдѣлался выборъ новаго гетмана. Изъ уваженія къ памяти покойника и для избѣжанія неминуемыхъ раздоровъ, гетманомъ былъ избранъ 16-ти лѣтній сынъ Богдана,— Юрій, подъ опекою генеральныхъ: писаря Ивана Выговскаго, обознаго Носоча и судьи Лѣсницкаго. Вскорѣ, отправивъ въ братское училище молодого Хмѣльницкаго, Выговскій былъ выбранъ на три года гетманомъ. Онъ заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ, продолжалъ сношенія съ Беневскимъ и согласился на предложенныя имъ условія присоединенія Украины къ Польшѣ; но до удобнаго времени держалъ въ тайнѣ свою измѣну, обманывая московское правительство. Къ такому образу дѣйствій вынуждала Выговскаго безурядица въ Украинѣ, гдѣ на мѣстѣ разрушеннаго Хмѣльницкимъ шляхетскаго строя казачество не успѣло выработать и установить никакого опредѣленнаго порядка.



Богданъ Хмѣльницкій въ сопровожденіи войсковыхъ старшинъ.

Присоединеніе Украины къ Москвѣ шло въ разрѣзъ съ интересами южно-русскаго духовенства, до сихъ поръ вполнѣ независимаго въ дѣлахъ своей церкви. Ему неизбѣжно грозило въ близкомъ будущемъ подчиненіе московскому патріарху и уничтоженіе ненарушаемыхъ никогда поляками свободы выборовъ и самосуда. Происходя изъ дворянскихъ родовъ, привыкнувъ къ полной шляхетской свободѣ и получивъ, сравнительно съ московскимъ духовенствомъ, значительно большее образованіе, южно-русское духовенство не могло желать перемѣны номинальнаго главенства патріарха константинопольскаго на власть патріарха московскаго, которымъ въ описываемое время былъ энергическій и властолюбивый Никонъ.

Кромѣ того, съ подчиненіемъ Украины московскому патріарху прекращалась власть кіевскаго митрополита надъ православными епархіями, расположенными въ Литвѣ и въ польскомъ королевствѣ, внѣ предѣловъ Украины. Этими причинами объясняется, почему митрополиты Коссовъ, Балабанъ, Винницкій и Нелюбовичъ-Тукальскій были явными противниками Москвы, и послѣдніе три даже не жили въ Кіевѣ, занятомъ русскими войсками.

Въ средѣ казачества, составлявшаго нравственную и физическую силу украинской революціи, былъ тотъ же разладъ, какъ и въ остальномъ обществѣ. Во главѣ казачества стояли старые реестровые казаки шести полковъ, существовавшихъ до возстанія: чигиринскаго, черкасскаго, каневскаго, бѣлоцерковскаго, корсунскаго и переяславскаго. Изъ нихъ,—какъ видно изъ реестровъ войска запорожскаго, составленныхъ послѣ зборовскаго мира,—обыкновенно выбирались начальники, называемые *значными*, вышли родоначальники многихъ малорусскихъ дворянскихъ родовъ и главные дѣятели смутнаго времени послѣ Хмѣльницкаго. Между ними



Развалины дома Богдана Хмѣльницкаго въ Субботовѣ.

были люди, получившіе хорошее образованіе и даже побывавшіе въ западной Европѣ, какъ наприм., будущій гетманъ, крестникъ и зять Хмѣльницкаго, пареяславскій казакъ Павелъ Тетеря.

Идеаломъ этихъ людей, составлявшихъ вмѣстѣ съ дворянами казацкую аристократію, было созданіе независимой Украины и только въ виду недостижимости этого они добивались наиболѣе широкой автономіи. Большинство изъ нихъ пристало къ Выговскому, въ надеждѣ получить шляхетскія права; но была причина, заставлявшая ихъ колебаться между Польшею и Москвою. Захвативъ магнатскія и старостянскія земли, «значные» опасались, чтобъ поляки не отняли ихъ впослѣдствіи; Москвѣ же, какъ новому владѣльцу, не было никакого повода вмѣшиваться въ аграрные вопросы. По той же причинѣ и нижній разрядъ казачества, рядовые старыхъ полковъ, не мечтавшіе о шляхетствѣ, и реестровые послѣдующихъ формацій (по

зборовскому и переяславскому договорамъ) тянули къ Москвѣ, будучи увѣрены въ утвержденіи своихъ правъ на захваченныя земли. Третью фракцію казачества составляли запорожцы. Они продолжали жить своею прежнею полумонашескою, полуразбойническою жизнью и не хотѣли слышать объ общеніи съ ненавистными имъ поляками.

Въ то время у нихъ не было еще столкновеній съ московскимъ правительствомъ и повода опасаться, чтобы Москва, подобно полякамъ, желала ихъ истребленія. Инціатива возстанія Хмѣльницкаго и освобожденія Украины принадлежала запорожцамъ, поэтому они враждебно относились къ реестровому казачеству вообще, а къ «значнымъ» въ особенности, за то, что они отняли у нихъ первенствующее значеніе въ Украинѣ. Представляя идеальный образецъ военно-демократическаго братства, запорожцы враждебно смотрѣли на зарождающуюся казац-



Церковь Богдана Хмѣльницкаго въ Субботовѣ.

кую аристократію, и какъ въ этомъ отношеніи, такъ и по симпатіи къ Москвѣ, были выразителями чувства всего украинскаго посполъства (крестьянства).

Посполитые, изъ которыхъ Хмѣльницкій пополнялъ ряды своего войска, были вправѣ считать, что они никому, кромѣ себя, не обязаны избавленіемъ отъ польской шляхты и поэтому желали полной равноправности съ казаками, т. е. возможности владѣть землею, какъ собственностью, безъ отбыванія за нее повинностей правительству или владѣльцамъ.

Казацкіе «старшины» не допускали подобнаго порядка, указывая, что въ такомъ случаѣ прекратится общественный доходъ и некому будетъ отправлять земскую службу. Посполъство ненавидѣло «значныхъ» за ихъ шляхетскія тенденціи, предчувствуя, что только смуты препятствуютъ имъ ввести прежніе аграрные порядки. Отъ федеративнаго соединенія съ Польшею,

либеральныхъ стремленій значныхъ и ихъ республиканскихъ мечтаній народъ не ожидалъ ничего хорошаго и въ одномъ только царскомъ самодержавіи видѣлъ свою надежду на избавленіе отъ гнета непрошенныхъ ревнителей политической свободы.

Можно съ увѣренностью сказать, что, кромѣ лицъ высшихъ классовъ, да и то не всѣхъ, вся остальная масса народа, не желала разрывать связи съ Москвою; поэтому Выговскому былъ необходимъ союзъ съ татарами. Кромѣ того, онъ нанялъ на войсковыя деньги разный сбродъ, состоявшій изъ молдаванъ, сербовъ и поляковъ, но все еще не рѣшался дѣйствовать открыто противъ Москвы.

Противникомъ Выговскаго былъ одинъ изъ кандидатовъ на гетманскую булаву—Мартынъ Пушкарь, полтавскій полковникъ. Онъ донесъ на Выговскаго въ Москву, обвиняя его въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Польшею и Крымомъ; но въ Москвѣ не сразу повѣрили Пушкарю, а между тѣмъ Выговскій успѣлъ его уничтожить, при помощи крымцевъ и наемныхъ войскъ, и затѣмъ, 6-го сентября 1688 года, заключилъ въ Гадячѣ договоръ съ польскимъ комисаромъ Беневскимъ. По этому договору, а) Украина, въ предѣлахъ воеводствъ кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго *) превращалась въ великое княжество Русское, соединенное съ Польшею на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Литва; б) православная вѣра признавалась господствующею; в) митрополитъ кіевскій получалъ право засѣдать въ польскомъ сенатѣ; г) гетманъ казацкій становился вмѣстѣ съ тѣмъ кіевскимъ воеводою; д) ему давалось право ежегодно представлять королю сто казацкихъ семействъ для производства въ дворянское достоинство; е) казаки избавлялись отъ всякихъ повинностей и право самосуда утверждалось за ними; ж) войска коронныя и литовскія, находясь въ Украинѣ, должны были состоять подъ командою казацкаго гетмана; з) устраивался особенный трибуналъ для княжества, которому между прочимъ предоставлялось и право чеканить свою монету.



Церковь Богдана Хмѣльницкаго въ Переяславѣ, Полт. г.

Политическая свобода Украины устанавливалась вполнѣ, но за то польскіе паны имѣли право возвратиться въ имѣнія и вступить въ свои прежнія права надъ посполъствомъ. Одного этого условія было достаточно, чтобы возбудить народное негодованіе противъ Выговскаго. Поспольство и простые казаки, при помощи Москвы, начали биться съ Выговскимъ и его союзниками татарами и поляками. Несмотря на рядъ успѣховъ и побѣду надъ Москвою подъ Конотопомъ, Выговскій не могъ устоять противъ общаго народнаго возстанія (1659 г.). Въ Нѣжинѣ, Черниговѣ и другихъ мѣстахъ народъ перебилъ польскихъ жолнеровъ (солдатъ); alter ego Выговскаго, кіевскій подкоморій Юрій Немиричъ, былъ разбитъ и убитъ въ битвѣ подъ Свидовцемъ, и вся восточная Украина отложилась отъ гетмана. Въ то же время кальницкій полковникъ, Иванъ Сѣрко, знаменитый впослѣдствіи атаманъ запорожскій, превозгласилъ въ

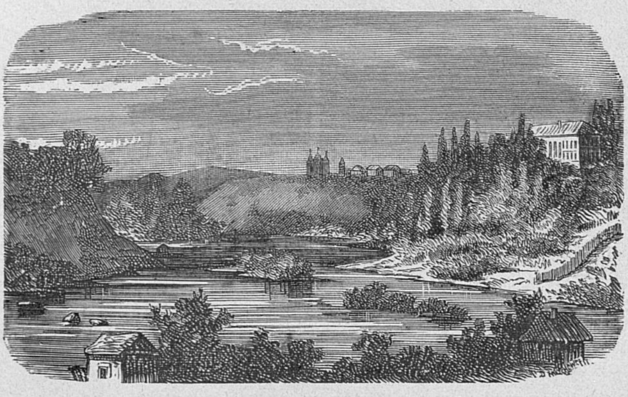
*) Эти три воеводства заключали въ себѣ губерніи Кіевскую, Черниговскую и Полтавскую, уѣзды Балтскій, Гайсинскій, Ольгопольскій, Брацлавскій, Винницкій и Ямпольскій Подольской губерніи, Житомірскій, Овручскій Волынской и южную часть Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи.

Брацлавѣ (уѣздный городъ Подольской губерніи) гетманомъ Юрія Хмѣльницкаго, сторону котораго приняли казацкіе старшины. Оставленный всѣми Выговскій, бросивъ жену и имущество въ Чигиринѣ, долженъ былъ бѣжать изъ Украины въ подаренное ему королемъ барское староство, въ Подоліи.

Ставъ гетманомъ Юрій Хмѣльницкій вошелъ въ сношенія съ московскими воеводами и подписалъ новый договоръ (названный по мѣсту составленія 2-мъ переяславскимъ) о присоединеніи Украины къ Москвѣ. При составленіи этого договора, руководившіе гетмана старшины установили такія отношенія къ московскому государству, при которыхъ удерживалась автономія Малороссіи.

Новый союзъ казаковъ съ Москвою сохранялся не долго; 1660-ый годъ былъ крайне несчастнымъ для послѣдней. Крымцы взяли Астрахань, а Чарнецкій на голову разбилъ московскаго воеводу Хованскаго въ Литвѣ и разогналъ съѣздъ уполномоченныхъ въ Борисовѣ, собравшійся для заключенія вѣчнаго мира съ Польшею.

Въ южной Россіи успѣхъ былъ сначала на сторонѣ Москвы, и бояринъ Шереметевъ проникъ на Волынь, но, узнавъ о пораженіи Хованскаго, отступилъ въ Украину и сталъ на границѣ ея, у м. Чуднова. Казацкія войска подъ командой Хмѣльницкаго стояли въ 30 верстахъ, у с. Слободища. Вслѣдъ за московско-казацкимъ войскомъ шли поляки, и въ то время, какъ великій коронный гетманъ Потоцкій задерживалъ Шереметева, польный гетманъ, Юрій Любомірскій, напалъ на казаковъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ и заставилъ присягнуть Польшѣ на условіяхъ тожественныхъ съ гадячскими, съ тѣмъ только исключеніемъ, что Украина, пользуясь всѣми правами гадячскаго договора, не составляла отдѣльнаго русскаго княжества, а входила въ составъ короны Польской.



Печора, Подольской губ., была собственностью Юрія Хмѣльницкаго.

Послѣ перехода казаковъ на польскую сторону, Шереметевъ долженъ былъ сдаться со всею арміею. Дѣло Москвы казалось окончательно проиграннымъ. Но ненависть малорусскаго простонародья къ полякамъ и преданность его царской власти сохранили Украину для Россіи. Жители черниговскаго, кіевскаго, нѣжинскаго и переяславскаго полковъ отказали въ повиновеніи полякамъ и избрали наказнымъ гетманомъ Якима Самко. Между тѣмъ, не получая жалованья, польское войско разошлось, предоставивъ молодому козацкому гетману окончить покореніе Украины. Послѣ неудачныхъ нападеній на Переяславъ, Хмѣльницкій ограничился владычествомъ надъ западною Украиной, откуда недовольное имъ посполитство бѣжало тысячами въ московскую землю и заселило нынѣшнюю Харьковскую губернію.

Неспокойно было и на лѣвомъ берегу. Самко, вслѣдствіе своего богатства, гордости и близкаго родства съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, которому былъ дядею по матери, не могъ снискать расположенія черни, державшей московскую сторону.

Видя въ наказномъ гетманѣ человѣка, по характеру и положенію принадлежавшаго къ казацкой аристократіи, народъ не безъ основанія подозрѣвалъ его, если не въ измѣнническихъ замыслахъ противъ Москвы, то въ желаніи подчинить «значнымъ» посполитство и простыхъ казаковъ, т.-е. осуществить основную идею гадячскаго договора, замѣнивъ только Польшу Москвою. Среди реестроваго казачества соперникомъ Самко былъ нѣжинскій полковникъ,

Василій Золотаренко. Самымъ же опаснымъ врагомъ наказного гетмана было Запорожье; тамъ безпрестанно мѣнялись кошевые, но направленіе пока не измѣнялось: та же вѣрность царю, защита поспольства противъ высшихъ классовъ и вражда къ шляхетско-польской партіи и значнымъ. Пользуясь смутами, запорожцы наводнили Украину и, помогая народу противъ поляковъ и ихъ приверженцевъ, въ то же время вооружали чернь противъ реестровыхъ козаковъ, говорили о всеобщей равноправности и требовали выбора новаго гетмана, при чемъ настаивали, чтобы выборы производились не одними козаками, а всѣмъ народомъ. Въ концѣ 1662 года Юрій Хмѣльницкій постригся въ монахи и мѣсто этого слабоумнаго урода занялъ, избранный горстью козаковъ, Павелъ Тетеря.

Пока гетманомъ былъ Хмѣльницкій, престижъ его имени и надежда, что онъ перейдетъ на сторону царя, сдерживали желаніе избрать новаго гетмана; но захватъ власти Тетерею прямо доказывалъ на необходимость замѣнить его кѣмъ-либо болѣе достойнымъ. Къ военному дѣлу Тетеря вовсе не годился и никогда не командовалъ въ битвахъ, воспитаніе же получилъ у уніатскаго ксендза Суши, былъ искренно преданъ Польшѣ и ненавидѣлъ козаковъ.

Въ 1663 году въ Нѣжинѣ собралась черная рада (совѣтъ), названная такъ вслѣдствіе участія въ ней черни, и предводитель запорожцевъ, бывшій слуга Хмѣльницкаго, Иванъ Бруховецкій, былъ избранъ въ гетманы. Слѣдствіемъ этого выбора было разграбленіе чернью имущества старшинъ и казнь Самка, Золотаренка и другихъ полковниковъ. Московское правительство утвердило Бруховецкаго гетманомъ и онъ продолжалъ междоусобную войну съ Тетерею, который, не видя возможности удержаться собственными силами, призвалъ короля въ Украину.

Въ концѣ 1663 года Янъ-Казиміръ переправился чрезъ Днѣпръ у Ржищева и вступилъ въ восточную Украину. Съ королемъ шли въ походъ польскія знаменитости того времени и великій коронный гетманъ Потоцкій, прославленный побѣдами надъ шведами, Москвою и козаками, спаситель Польши, Стефанъ Чарнецкій и будущій вѣнскій герой, Янъ Собѣсскій. Находившимися въ войскѣ короля козаками начальствовалъ прославившійся при старомъ Хмѣльницкомъ, достойный соперникъ Чарнецкаго, Иванъ Богунъ. Татарская орда сопровождала польскую армію. Минуя укрѣпленные Переяславъ, Кіевъ, Черниговъ и Батуринъ, польская армія безъ боя шла къ московской границѣ, надѣясь внести войну въ предѣлы Великой Россіи. Вздумала защищаться одна только Салтыкова Дѣвица, но была взята приступомъ и жители избиты до послѣдняго. Бруховецкій стоялъ въ Батуринѣ съ малыми силами и не рѣшался на бой съ непріятелемъ, а московскіе воеводы завели мѣстническіе споры и потому не могли соединиться. Тріумфальное шествіе короля дошло до предѣловъ Украины и остановилось передъ Глуховымъ, препятствовавшимъ ему вступить въ Московское государство.

Геройская защита Глухова кіевскимъ полковникомъ Василіемъ Дворецкимъ должна быть поставлена на ряду съ наиболѣе замѣчательными въ исторіи оборонами. Несмотря на малочисленность гарнизона и смуты въ городѣ, гдѣ были сторонники поляковъ, Дворецкій отбилъ первый приступъ и перебилъ до 3-хъ тысячъ поляковъ. Вскорѣ въ польскій лагерь пришла помощь подъ начальствомъ гетмана Тетери и князя Михаила Вишневецкаго, будущаго короля, и Янъ-Казиміръ велѣлъ повторить приступъ; но Дворецкій опять отбилъ осаждающихъ. На слѣдующій день, узнавъ о приближеніи московскихъ войскъ, король снялъ осаду и ушелъ въ Литву, не получивъ никакой выгоды отъ своего много обѣщавшаго похода.

Съ этихъ поръ восточная Украина навсегда избавилась отъ поляковъ. Для нея долгая драма окончилась, и въ послѣднемъ актѣ сцена озарилась невиданнымъ до сихъ поръ блескомъ: на ней появился король, послѣдній потомокъ Ягайлы, съ двумя своими пріемниками, гетманомъ и канцлеромъ, чтобы оказаться безсильнымъ передъ ничтожною крѣпостцею, защищаемою казацкимъ полковникомъ.

Война была перенесена на правый берегъ Днѣпра, гдѣ кошевой Сѣрко поднялъ народъ

противъ Польши и преданнаго ей Тетери. Цѣлый 1664 годъ прошелъ въ безпощадной рѣзнѣ, затѣмъ коронное войско ушло въ Польшу, гдѣ возсталъ противъ короля гетманъ Юрій Любомірскій. Тетеря не могъ удержаться въ Украинѣ безъ поляковъ и бѣжалъ вслѣдъ за ними. На мѣсто его реестровыми казаками западной Украины былъ избранъ Петръ Дорошенко (въ концѣ 1665 года.).

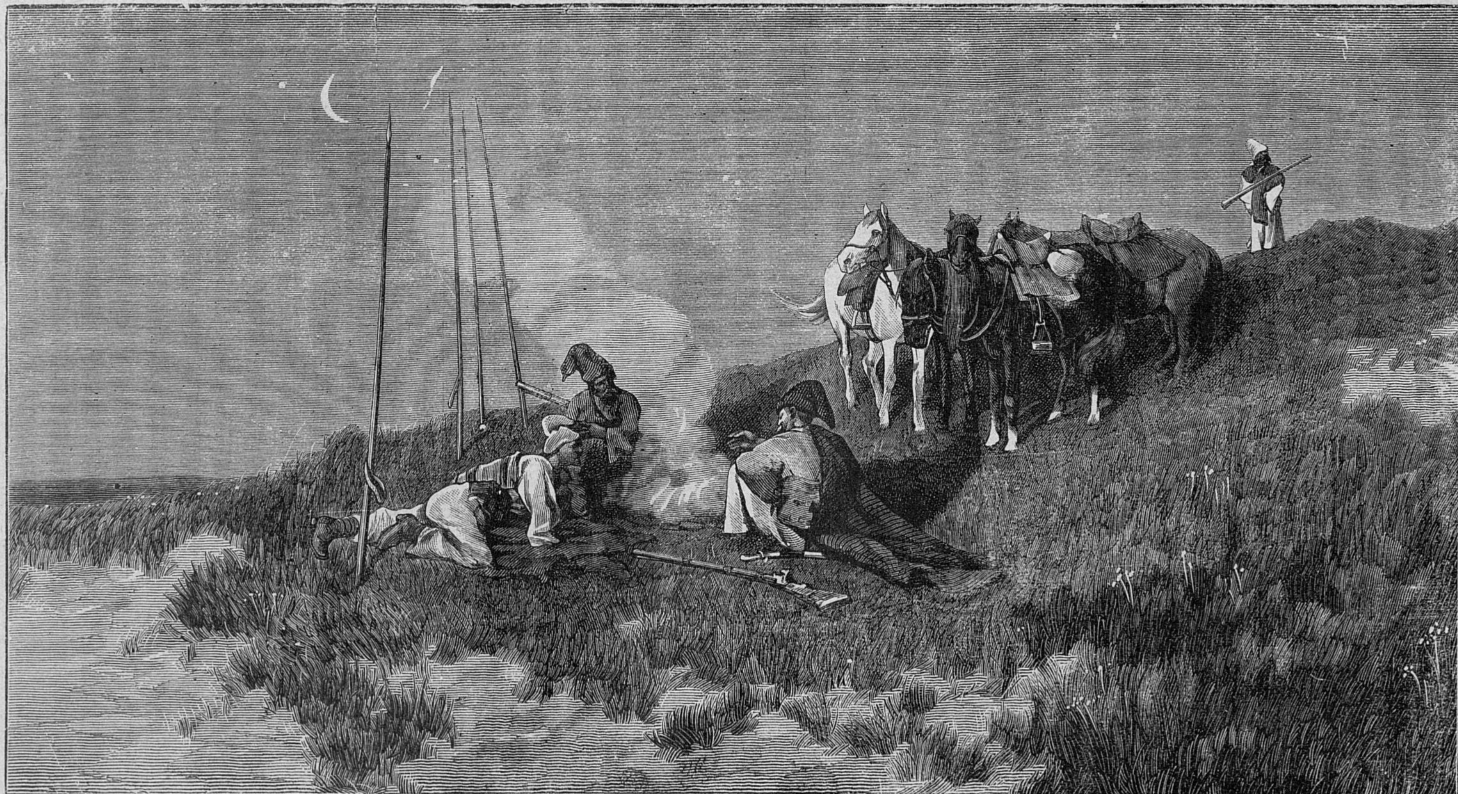
Бруховецкій между тѣмъ уѣхалъ въ Москву, куда его давно вызывали. По дорогѣ его встрѣчали, какъ владѣтельнаго князя, а по прибытіи въ Москву, царь сдѣлалъ его бояриномъ и женилъ на своей родственницѣ. Свадебное торжество закончилось подписаніемъ Московскаго договора (22 Октября 1665 года), по которому Украина поступала въ полное царское подданство; народъ облагался податями, которыя должны были собирать московскіе цѣловальники и во всѣ сколько-нибудь значительные города ставились московскіе гарнизоны. Договоръ этотъ касался и малорусскаго духовенства (по 4-й статьѣ его); кіевскій митрополитъ назначался московскимъ патріархомъ.

Опасенія республиканской партіи сбылись. Москва при первомъ удобномъ случаѣ наложила руку на украинскую волю. Обстоятельство это усилило значеніе Дорошенко, сгруппировавъ около него всѣхъ украинцевъ, цѣнившихъ политическую свободу родины. Дорошенко былъ горячо преданъ этой идеѣ. Онъ принадлежалъ по происхожденію къ старымъ реестровымъ казакамъ и былъ внукомъ гетмана Михаила Дорошенко; можетъ быть по этому въ немъ не было ни хлопскаго равнодушія къ политическимъ правамъ, ни шляхетскаго тяготѣнія къ полякамъ. При своемъ избраніи, Дорошенко обнаружилъ, какимъ принципомъ онъ намѣренъ руководствоваться. Присягая войску, онъ пропустилъ то мѣсто, гдѣ упоминалось о повиновеніи царю московскому или королю польскому (смотря по тому, на чьей сторонѣ были казаки). Войско также присягнуло ново-избранному гетману, не упоминая о чьей-либо протекціи. Присяга подобнаго рода была первымъ примѣромъ въ исторіи казачества. Въ январѣ 1666 года Бруховецкій возвратился изъ Москвы. Наѣхавшіе вслѣдъ за нимъ въ Украину для переписи народа и обложенія его сборомъ московскіе воеводы и цѣловальники вызвали бунтъ въ Переяславскомъ полку. Казаки убили своего полковника и заставили воеводу запереться въ замкѣ. Противъ нихъ былъ посланъ московскій отрядъ подъ командою Щербатова, который освободилъ воеводу, а казаковъ заставилъ отступить къ Золотоношѣ. Дорошенко пошелъ къ нимъ на помощь, разбилъ Щербатова и овладѣлъ страною по Прилуки и Нѣжинъ, но долженъ былъ уйти за Днѣпръ, куда призывали его дѣла западной Украины.

Узнавъ о выборѣ Дорошенко, король требовалъ отъ него присяги на вѣрность и обѣщалъ на этомъ условіи подтвердить гадячскій договоръ. Дорошенко, не выражая враждебныхъ намѣреній, уклонился отъ присяги подъ разными предлогами. Переговоры продолжались до осени 1666 года, наконецъ поляки потеряли терпѣніе и польское войско, подъ начальствомъ Маховскаго, вступило въ Украину. Дорошенко призвалъ на помощь татаръ, съ которыми заключилъ союзъ, и послалъ противъ поляковъ казацко-татарскій отрядъ подъ командой полковника Бѣлогруда, который разбилъ Маховскаго у с. Печоръ, а затѣмъ подъ Браиловымъ взялъ его въ плѣнъ со всѣмъ войскомъ.

Золотоношская и Браиловская побѣды прославили Дорошенко на обоихъ берегахъ Днѣпра и сдѣлали его популярнымъ даже между посполиствомъ, въ интересахъ котораго были даны обѣ битвы. Въ западной Украинѣ началось избіеніе евреевъ, католиковъ и уніатовъ. Въ восточной Бруховецкій едва держался, при помощи запорожцевъ и московскихъ ратныхъ людей. При такомъ положеніи дѣлъ, когда вся Малороссія готова была соединиться и возстать по призыву Дорошенко, былъ заключенъ разорвавшій ее на двое Андрусовскій договоръ.

3 Января 1667 года, московскіе и польскіе уполномоченные, заключили въ с. Андрусовѣ перемиріе на тридцать съ половиною лѣтъ, при чемъ, какъ и при заключеніи виленскаго договора, права и интересы Украины вовсе не были приняты во вниманіе. Ее подѣлили,



На бивуакѣ.

отдавъ земли на лѣвомъ берегу Днѣпра—Москвѣ, а на правой — Польшѣ. Кіевъ на два года былъ оставленъ во власти царя, съ условіемъ передать его полякамъ, по истеченіи этого времени. Запорожцевъ признали подданными обоихъ государствъ, чѣмъ отдѣлили ихъ отъ раздвоенной Украины и сдѣлали фактически независимыми. Такимъ образомъ, страна, двадцать лѣтъ связанная общею идеею самоуправленія и независимости, была, по произволу своихъ сюзереновъ, не разъ гарантировавшихъ ея права, разорвана на три части. Вопль негодованія раздался по всей Украинѣ, ясно видѣвшей, что для нея, вслѣдъ за раздѣленіемъ, должны послѣдовать гибель свободы, подчиненіе московскому самодержавію и произволу польскихъ пановъ. «Какое право имѣютъ Москва и Польша дѣлить насъ, какъ скотовъ безсловесныхъ, оставляя за собой одни города и уступая другіе?»—провозглашалъ въ своихъ универсалахъ и письмахъ, выразитель національныхъ стремленій Петръ Дорошенко.—«Я, гетманъ со всѣмъ войскомъ головы положимъ, а Кіева полякамъ не отдадимъ!» Не видя возможности спасти единство и свободу родины безъ чужой помощи, Дорошенко продолжалъ сношенія съ Турціею, обнадеживая ее принятіемъ подданства, если она согласится соединить разорванную Украину и обезпечить ея вольности. Окончательнаго шага, однако, онъ не дѣлалъ, полагая, что московское правительство еще одумается, рѣшится прервать перемиріе съ Польшею и опять приметъ однокровную и одновѣрную западную Украину подъ свое покровительство. Въ этихъ видахъ Дорошенко вошелъ въ переговоры съ московскимъ воеводою въ Кіевѣ. Объ нихъ провѣдалъ блюститель митрополичьяго престола, епископъ Меѳодій, и сообщилъ гетману Брюховецкому. Обоимъ грозила опасность потерять занимаемые ими посты, потому что принятіе подъ московскую власть правобережныхъ козаковъ и Дорошенко неизбѣжно повлекло бы за собою соединеніе всей Украины подъ его властью, причемъ жившій у Дорошенко, изгнанный кіевскій митрополитъ, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, занялъ бы свой постъ. Слѣдовательно, Брюховецкій и Меѳодій должны были остаться не у дѣлъ. Они рѣшились предупредить Дорошенко и воспользоваться его мыслью, т.-е. принять турецкую протекцію. Не думая долго, Брюховецкій 6 января 1668 года собралъ въ Гадячѣ раду и постарался примириться съ остатками уничтоженной имъ аристократической партіи. Онъ открылъ имъ свое намѣреніе, получилъ согласіе и послалъ только что выпущеннаго имъ изъ тюрьмы Григорія Гамалѣя къ султану, для принятія его протекціи.

На этой же радѣ рѣшено было напасть неожиданно на московскихъ воеводъ и ратныхъ людей и перебить ихъ. Предательство удалось вездѣ, кромѣ Кіева, Чернигова, Переяслава и Остра. Воеводы, цѣловальники и ратные люди были убиты или взяты въ плѣнъ.

Въ половинѣ февраля, московское правительство было извѣщено о бунтѣ и князь Ромадановскій осадилъ Котельву, пограничный городъ Гадячскаго полка. Брюховецкій выступилъ въ походъ съ незначительными силами и звалъ на помощь полковниковъ, которые не пришли, потому что всѣ передались Дорошенко, призванному ими въ восточную Украину.

Когда началось нападеніе на великорусскіе отряды, Дорошенко спокойно выжидалъ, какой оборотъ приметъ дѣло, но не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи, отовсюду скакали къ нему гонцы и получались письма, призывавшія его въ восточную Малороссію на помощь. Выжидай онъ еще болѣе, дѣло могло кончиться тѣмъ, что собралась бы рада и выбрала на мѣсто Брюховецкаго новаго гетмана.

Въ началѣ мая 1668 года Дорошенко переправился черезъ Днѣпръ и пошелъ къ Полтавѣ; на дорогѣ къ нему присоединились реестровые козаки и толпы посполитыхъ. Возлѣ Диканки сошлись оба гетмана и, какъ только стало извѣстно о прибытіи Дорошенко, лѣвобережные казаки передались ему и убили Брюховецкаго. Одни запорожцы остались вѣрны его памяти, бросили лагерь и возвратились въ Сѣчь, гдѣ объявили гетманомъ писаря Суховія и пригласили татаръ, для совмѣстнаго нападенія на Украину.

Между тѣмъ Дорошенко овладѣлъ всею восточною Малороссіею, избѣгая битвъ съ мо-



Запорожцы.

сковскими войсками, и удалился въ Чигиринъ, оставивъ въ качествѣ наказнаго черниговскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго, который ему измѣнилъ, вошелъ въ сношенія съ княземъ Ромадановскимъ и, при его вліяніи, былъ избранъ въ гетманы восточной Украины.

Въ то же время Суховій ворвался въ нынѣшнюю Полтавскую губернію, гдѣ разбилъ и взялъ въ плѣнъ сына Ромодановскаго. Эта побѣда, впрочемъ, не принесла пользы Суховію, который держался одними татарами. Они разграбили окрестности Лубенъ и Лохвицы и ушли; вслѣдъ за ними долженъ былъ удалиться и Суховій.

Съ этихъ поръ для восточной Украины наступилъ періодъ покоя, нарушеннаго только шведскою войною и незначительными татарскими набѣгами.

Въ 1669 году московское правительство заключило съ гетманомъ Многогрѣшнымъ Глуховской договоръ, по которому потерянное самоуправленіе возвращалось Украинѣ. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ автономіи, укрѣплялись значеніе и власть старшинъ, представлявшихъ настоящую олигархію, скоро сдѣлавшуюся наслѣдственною; строго опредѣлялось число казаковъ и устраивалась полиція въ видѣ особаго полка.

Такимъ образомъ, мысль, легшая въ основу гадячскаго договора, осуществилась въ другой формѣ и на повѣрку оказалось, что, кромѣ 30 тысячъ казаковъ, весь остальной народъ бился изъ-за того 20 лѣтъ, чтобы перемѣнить магнатовъ и шляхтичей на новыхъ пановъ, только что вышедшихъ изъ казацкой и крестьянской среды.

Въ то время, какъ для восточной Украины наступилъ періодъ спокойствія, западная подверглась полному разоренію, извѣстному подъ именемъ: «*руины*». Изъ плодороднаго, по словамъ современниковъ, текущаго молокомъ и медомъ, края, она обратилась въ безплодную пустыню, гдѣ, какъ говоритъ очевидецъ Величко, только кости человѣческія, тлѣющія подъ открытымъ небомъ, да груды камней и пепла напоминали о прежде бывшемъ населеніи.

Лишенный возможности быть гетманомъ всей Украины, Дорошенко попробовалъ войти въ сношенія съ Польшею, надѣясь, что она подтвердитъ права, данныя гадячскимъ и чудновскимъ договорами; но поляки лишили его гетманства и, при помощи ихъ, горстью казаковъ былъ избранъ въ гетманы уманскій полковникъ Михаилъ Ханенко.

Дорошенко же рѣшился на дѣло, которое долго откладывалъ, какъ послѣднюю крайность и призвалъ султана въ Украину.

Съ огромною арміею Магометъ IV вступилъ въ Подолію, взялъ Каменецъ и заставилъ короля Михаила подписать Бучачскій трактатъ 1672 года, по которому вся заднѣпровская Украина была уступлена Турціи. Сеймъ не утвердилъ этого договора, и началась новая война, продолжавшаяся съ перерывами до 1699 года.

Между тѣмъ въ восточной Украинѣ Многогрѣшный былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, по доносу старшинъ, постоянно оскорбляемыхъ имъ въ пьяномъ видѣ (1672 г.). Мѣсто его занялъ Иванъ Самойловичъ, задумавшій воспользоваться обстоятельствами и исполнить завѣтную казацкую мысль о соединеніи разорванной Украины. Теперь къ этому представился удобный случай, такъ какъ западная Украина была уступлена султану Польшею, которая, отказавшись отъ правъ на нее, не могла уже имѣть притензіи къ Москвѣ, еслибъ она отняла ее отъ Турокъ.

На этомъ основаніи московское правительство отказало Польшѣ и въ отдачѣ Кіева, вопреки Андрусовскому договору.

По настоянію Самойловича, въ 1674 году, былъ предпринятъ походъ за Днѣпръ, гдѣ казаки сдали города безъ сопротивленія и признали Самойловича гетманомъ обоихъ береговъ Днѣпра. Ханенко тоже оставилъ польскую службу и со своимъ отрядомъ присягнулъ на вѣрность царю. Только Дорошенко держался въ Чигиринѣ, гдѣ Ромадановскій и Самойловичъ его осадили, но вынуждены были отступить за Днѣпръ, по прибытіи турецкой арміи. Страшныя бѣдствія обрушились на несчастный край, измѣнившій султану. Тысячи жителей изби-

вались и брались въ плѣнъ турками и татарами; остальные бѣжали за Днѣпръ, и съ этого времени началось обезлюденіе края, за который бились три государства.

Въ 1676 году, Дорошенко, видя что союзъ съ турками повелъ только къ гибели страны, сдалъ Чигиринъ московскимъ войскамъ и былъ отправленъ на житье въ восточную Россію, гдѣ получилъ большое имѣніе. Слѣдствіемъ сдачи Чигирина былъ новый походъ турокъ въ Украину, причемъ, для привлеченія казаковъ на свою сторону, султанъ освободилъ изъ заключенія Юрія Хмѣльницкаго. Этотъ скопецъ-разстрига, превратившійся въ горькаго пьяницу, былъ объявленъ казацкимъ гетманомъ, княземъ сарматскимъ и малороссійской Украины. Войско его состояло всего изъ шестидесяти казаковъ, но для ввода его во владѣніе Украиною шла огромная турецкая армія, которая, въ 1678 году, взяла Чигиринъ и разорила его до основанія.

Южная часть западной Украины (на югъ отъ Бѣлой-Церкви), совершенно безлюдная, попала подъ власть Турціи и правитель ея, князь Сарматскій, поселился въ Немировѣ, гдѣ властвовалъ недолго. Въ пьяномъ видѣ онъ велѣлъ содрать кожу съ живой еврейки, за что былъ казненъ турками, и управленіе турецкою частью Украины было поручено молдаванскому господарю. Сѣверную часть западной Украины поляки удержали за собою и имѣли своихъ казацкихъ гетмановъ, начальствовавшихъ не надъ осѣдлыми казаками, которыхъ уже не было въ разоренныхъ городахъ, а надъ ничтожнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ разнаго сброда и получавшимъ жалованье отъ польскаго правительства.

Въ 1686 году между Россіею и Польшею былъ заключенъ вѣчный миръ, по которому Кіевъ, съ небольшимъ округомъ между р.р. Ирпенью и Стугною, и Запорожье, со всѣми принадлежащими ему землями, были уступлены поляками Москвѣ, а опустѣвшій край внизъ по Днѣпру отъ Стаекъ, въ это время считавшійся турецкимъ, не долженъ былъ быть присваиваемъ ни однимъ изъ примирившихся государствъ и оставаться незаселеннымъ. За это Москва обязана была продолжать въ союзѣ съ Польшею войну противъ татаръ и турокъ. Послѣдствіемъ этого мира были нападеніе татаръ на восточную Украину, неудачный походъ Голицына въ Крымъ и гибель Самойловича.

Заключеніе вѣчнаго мира съ Москвою и возвращеніе Польшѣ западной Украины возбудили въ королѣ Янѣ Собѣсскомъ желаніе колонизировать опустѣвшій край. Защита его отъ турокъ, съ которыми продолжалась война, вызвала необходимость обезпечить границу постояннымъ войскомъ. Первоначально организація его была поручена шляхтичамъ, но они занимались только грабежами въ кіевскомъ Полѣсьи и оказались непригодными для формированія отрядовъ. Собѣсскій рѣшился обратиться къ казакамъ, способности которыхъ къ борьбѣ съ татарами были ему хорошо извѣстны, и роздалъ представителямъ казацкой вольницы Самусю, Палѣю, Абазину и Искрѣ, «*приповѣдные листы*» для образованія казацкихъ полковъ на старыхъ пепелищахъ. Въ разоренный край, подъ охрану новыхъ казацкихъ полковъ начало возвращаться населеніе и опустѣвшія мѣста, преимущественно въ раіонѣ Палѣя, начали постепенно заселяться. Какъ только онъ пріобрѣлъ достаточную силу, въ немъ тотчасъ сказалась прирожденная казацкая ненависть къ Польшѣ, и въ 1688 году онъ просилъ московское правительство принять его «со всѣми войсковыми и жилыми Хвастовскими людьми подъ свою державу», но встрѣтилъ рѣшительный отказъ. Тѣмъ не менѣе Палѣй пріобрѣлъ большую популярность на обоихъ берегахъ Днѣпра. Подъ его начальство стекались отовсюду массы бездомнаго люда, и онъ распоряжался, какъ независимый удѣльный князь.

До заключенія Карловицкаго мира съ турками (1699 г.), поляки по необходимости терпѣли Палѣя, положительно не признававшаго ихъ власти; но когда по этому договору, турки отказались отъ Западной Украины, всякая надобность въ казацкихъ ополченіяхъ прекратилась для Польши, и ей желательно стало избавиться отъ нихъ. По настоятельному требованію шляхты послѣдовало сеймовое постановленіе 1699 года объ уничтоженіи казацкихъ полковъ.

для приведенія котораго въ исполненіе было послано войско, слишкомъ впрочемъ малочисленное, чтобы одолѣть Палѣя. Сеймовое постановленіе оставалось пустою угрозою, такъ какъ Польшѣ предстояла новая опасность. Шведы вступили въ ея предѣлы и Карлъ XII потребовалъ низверженія короля Августа II. Магнаты и шляхта раздѣлились на двѣ партіи и сторонники Швеціи избрали королемъ Станислава Лещинскаго. Петръ Великій принялъ сторону Августа II и началась продолжительная шведская война.

Пользуясь безурядицей въ Польшѣ Самусь, Абазинъ, Искра и Палѣй начали противъ нея открытую войну. Послѣдній повелъ дѣла успѣшнѣе товарищей, прогнанныхъ поляками, и въ 1702 году овладѣлъ Бѣлою-Церковью и всѣмъ кіевскимъ Полѣсьемъ.

Король Августъ просилъ у русскихъ помощи противъ Палѣя, котораго не могъ изгнать изъ Украины, и Мазепа, посланный на помощь Польшѣ, схватилъ его въ Бердичевѣ въ 1704 году и передалъ русскому правительству, сославшему его въ Енисейскъ.

Уничтожая Палѣя, Мазепа думалъ не о польскихъ интересахъ: онъ подобно Самойловичу расчитывалъ соединить обѣ Украины подъ своею властью, о чемъ ходатайствовалъ у русскаго правительства, которое не отказывалось окончательно отъ этой мысли, ожидая исхода шведской войны. Самусь, Искра и казаки западной Украины поступили въ войско Мазепы и вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ походѣ противъ шведовъ и сторонниковъ Лещинскаго.



Развалины дома Мазепы въ Батуринѣ.

Во время этого похода, Мазепа, руководимый давними симпатіями къ шляхетскому строю, недовольный распоряженіями Петра и, предвидя, что по окончаніи войны они сдѣлаются еще тяжелѣе для Украйны, рѣшился измѣнить Россіи. Какъ только приглашенный имъ Карлъ XII въ 1708 году вступилъ въ восточную Украину, онъ перешелъ на его сторону. Нѣсколько старшинъ, запорожцы и незначительная часть реестровыхъ казаковъ послѣдовали его примѣру, но масса народа, ненавидѣвшая гетмана, сохранила преданность Россіи. Мазепу объявили измѣнникомъ и на его мѣсто былъ избранъ, оставшійся вѣрнымъ царю, Иванъ Скоропадскій.

Карлъ XII, разбитый подъ Полтавою въ 1709 году, бѣжалъ вмѣстѣ съ Мазепою, через запорожскія степи въ Турцію. Во время пребыванія въ Турціи, Карлъ XII успѣлъ склонить султана объявить войну Россіи. Петръ выступилъ въ походъ и на берегахъ Прута едва не былъ взятъ въ плѣнъ со всею арміею. Онъ долженъ былъ согласиться на самыя невыгодныя условія и по Константинопольскому договору 1712 г. отказался въ пользу Турціи отъ Запорожья съ принадлежащими ему землями, кромѣ пространства между рѣками Орелью и Самарою, и въ пользу Польши отъ Заднѣпрія, кромѣ Кіева, Василькова, Триполя и Стаекъ, и земель между рѣками Ирпенью и Стугною. Это былъ послѣдній раздѣлъ Украины на три части, прекратившійся въ концѣ прошлаго столѣтія, когда повсемѣстно исчезли послѣдніе оттѣнки ея самостоятельной жизни.

Избранный вмѣсто Мазепы, гетманъ Иванъ Скоропадскій, совмѣщалъ въ себѣ качества,

нужныя для усиленія царской власти и для укрѣпленія владычества надъ народомъ казацкой аристократіи, которая, будучи ослаблена эмиграціею сторонниковъ Мазепы, быстро пополнилась разными пришельцами, оказавшими услуги Петру. Таками были сербъ Милорадовичъ, итальянецъ Капнистъ, молдаване Иваненко и Волошинъ, нѣсколько польскихъ выходцевъ и даже крещеные евреи. Новый гетманъ ничему не протестовалъ, ничѣмъ не возмущался и находился въ полномъ подчиненіи у жены, которая, заботясь о своихъ личныхъ выгодахъ, во внутренней и внѣшней политикѣ держалась системы невмѣшательства. Между тѣмъ, какъ гетманская чета занималась пріобрѣтеніемъ земель для себя и своихъ родственниковъ, положеніе казаковъ сдѣлалось невыносимымъ, но ужасъ имени Петра сдерживалъ ропотъ, и могильная тишина царствовала въ Украинѣ.

Пока тянулась шведская война, царь не вмѣшивался во внутреннія дѣла Малороссіи и даже привлекалъ къ себѣ высшіе классы, т.-е. духовенство и старшинъ, раздачею и утвержденіемъ за ними имѣній. Съ простыми же казаками Петръ распоряжался безпощадно, постоянно требуя ихъ изъ Украины для отдаленныхъ войнъ и государственныхъ сооруженій въ Россіи. Въ 1716 году казаки рыли каналъ между Дономъ и Волгою, а въ 1721 году они были посланы для сооруженія Ладожскаго канала, при чемъ, вслѣдствіе болѣзней и варварскаго обращенія нѣмцевъ-строителей, изъ посланныхъ двѣнадцати тысячъ умерло около трети. Это не помѣшало въ слѣдующемъ году выслать опять въ Ладогу десять тысячъ казаковъ и столько же въ персидскій походъ.


Прежній видъ „кургана Петра Великаго“ подъ Полтавою.

Нейштадскія миръ развязалъ руки Петру. Стѣсняться съ Малороссіей онъ не видѣлъ болѣе надобности, и въ 1722 году была учреждена при гетманѣ въ Глуховѣ коллегія изъ шести русскихъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова. Ей было поручено: 1) наблюдать за производствомъ дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и удовлетворять обиженныхъ, 2) вести счеты денежнымъ и хлѣбнымъ сборамъ и принимать ихъ отъ малорусскихъ урядниковъ, 3) выдавать жалованье наемнымъ казакамъ (сердюкамъ и компанейцамъ), имѣть приходо-расходныя книги и представлять ихъ ежегодно прокурору сената для ревизіи, 4) препятствовать генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ обременять работами казаковъ и посполитыхъ и 5) наблюдать за правильнымъ расквартированіемъ войскъ.

Съ учрежденіемъ коллегіи, власть гетмана, имѣвшаго въ ней совѣщательный голосъ, фактически упразднялась, и управленіе краемъ перешло въ руки чиновниковъ.

Коллегія еще не успѣла приступуть къ своимъ занятіямъ, какъ въ іюлѣ 1722 года умеръ Скоропадскій, и на мѣсто его былъ назначенъ наказнымъ гетманомъ, по указу сената, черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ. Между нимъ и Вельяминовымъ произошли служебныя столкновенія, и старшины рѣшили послать къ Петру депутацію, съ просьбою возвратить Украинѣ отнятое у нея самоуправленіе.

Депутаты, посланные въ Петербургъ съ Полуботкомъ во главѣ, не только ничего не добились, но были посажены въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ Полуботокъ умеръ. Смерть

Петра Великаго не возвратила Малороссіи потерянныхъ правъ, потому что ставшій во главѣ правительства Меншиковъ относился къ ней враждебно. Только его паденіе дало возможность малорусскимъ старшинамъ добиться возвращенія прежнихъ правъ. Коллегія была упразднена, разрѣшено было избрать гетмана, и 1 октября 1727 года былъ выбранъ миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ.

Панство ликовало, радуясь возрожденію автономіи и безконтрольной олигархіи, но народъ жалѣлъ о коллегіи и протестъ свой противъ возобновленія панскаго произвола выразилъ мѣстными возстаніями и бѣгствомъ за Днѣпръ, гдѣ деспотическая власть польскихъ старостъ и магнатовъ казалась менѣе тяжелою, чѣмъ пресловутая малорусская свобода прошлаго столѣтія. Казацкія права, подтвержденныя Петромъ II, соблюдались недолго. Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны (1730 г.) началось владычество Бирона и нѣмцевъ, не стѣснявшихся въ своихъ распоряженіяхъ народными правами. По предложенію Миниха, двадцать тысячъ казаковъ и десять тысячъ посполитыхъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (1731—1732), были посылаемы для постройки «украинской линіи», т.-е. земляного вала отъ Днѣпра до Донца.

Въ 1733 году казаковъ послали въ походъ на Польшу, противъ сторонниковъ Лещинскаго, подъ начальствомъ фельдмаршала Ласси. Семидесяти-семи-лѣтній гетманъ въ походѣ не участвовалъ и умеръ, не дождавшись его окончанія (17 Января 1734 г.).

Русское правительство не позволило выбрать ему преемника и управленіе страною было поручено малороссійскому правленію, состоявшему изъ шести членовъ: трехъ великоруссовъ и трехъ малоруссовъ, причемъ было приказано поступать во всемъ на основаніи мѣстныхъ правъ.

Война съ Турціей (1734—1740 г.) тяжело отразилась на благосостояніи Малороссіи, въ которой постоянно квартировали русскія войска, тогда какъ казацкіе полки участвовали въ турецкомъ походѣ Миниха.

Для русскаго правительства было очевидно, что дальнѣйшее автономное существованіе Малороссіи становится ни къ чему непригоднымъ анохронизмомъ и даетъ только поводъ къ столкновеніямъ властей, беззаконіямъ и жалобамъ. Отжившая свой вѣкъ гетманщина вѣроятно нѣсколькими годами раньше прекратила бы свое бренное существованіе, но вслѣдствіе случайнаго обстоятельства жизнь ея продлилась и передъ смертью ей пришлось озариться невиданнымъ до этихъ поръ блескомъ.

Женскія царствованія прошлаго столѣтія представляютъ много примѣровъ быстраго возвышенія изъ ничтожества людей, главныя достоинства которыхъ заключались въ физическихъ качествахъ. У Алексѣя Разумовскаго другихъ и не было. Этотъ бѣдный казакъ изъ дер. Лемешей, Козелецкой сотни, попалъ въ придворные пѣвчіе и такъ плѣнилъ императрицу Елизавету, что быъ сдѣланъ генералъ-инспекторомъ и графомъ римской имперіи.

У фаворита былъ младшій братъ Кириллъ, почти мальчикъ, котораго нужно было пристроить. Послѣ того, какъ старшій братъ, никогда не бывавшій во фронтѣ, сталъ носить фельдмаршальскій жезлъ, не могло уже казаться неумѣстнымъ вручить меньшому брату булаву Сагайдачнаго и Хмѣльницкаго. Малороссіи было позволено избрать гетмана, которымъ и былъ единогласно избранъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, въ 1750 г. Кромѣ невиданной до того времени пышности и безумной роскоши, четырнадцатилѣтнее управленіе Разумовскаго не было ознаменовано никакими полезными мѣропріятіями. Онъ заботился только объ обогащеніи себя и родственниковъ, которымъ нещадно раздавалъ войсковыя земли. Малорусское панство тоже не осталось въ накладѣ: раболѣпствуя передъ гетманомъ, оно могло угнетать народъ не стѣсняясь. Гетману, впрочемъ, не было и времени обращать вниманіе на участь ввѣреннаго ему народа; въ Малороссію онъ только навѣдывался, живя постоянно въ Петербургѣ, гдѣ принялъ участіе въ переворотѣ 1762 года возведеніемъ на престолъ Екатерины II.

Разсчитывая на оказанную императрицѣ услугу, Разумовскій задумалъ сдѣлать гетман-

скую власть наслѣдственною въ своемъ родѣ, но вмѣсто согласія на эту выдумку получилъ въ 1764 году приказаніе подать въ отставку.

За нѣсколько времени до оставленія своего поста, въ угоду малорусскому панству, гетманъ выхлопоталъ указъ 10 декабря 1763 года, запрещавшій крестьянамъ переходить на земли новаго владѣльца, безъ согласія прежняго. Хотя, при отсутствіи правильно организованной полиціи, указъ этотъ строго не исполнялся, но имъ было положено основаніе крѣпостному праву, окончательно введенному черезъ двадцать лѣтъ. На мѣсто Разумовскаго былъ назначенъ правителемъ Малороссіи, съ званіемъ генералъ-губернатора, прославившійся вскорѣ Петръ Александровичъ Румянцевъ. Вступивъ въ управленіе страною, онъ обратилъ вниманіе на хаосъ, царствовавшій въ судахъ и администраціи. Поземельныя отношенія, несмотря на долгій миръ, не были упорядочены; управлявшая же страною олигархія, состоявшая изъ немногихъ родовъ, не заботилась объ устраненіи выгоднаго для нея безпорядка. Добиться полной справедливости, вслѣдствіе долгихъ злоупотребленій и отсутствія точныхъ законовъ, было не возможно, и Румянцевъ ограничился тѣмъ, что было доступно, т.-е. уясненіемъ, что кому принадлежитъ фактически, и прекращеніемъ на дальнѣйшее время путаницы, ведшей къ безконечнымъ процессамъ между панами, не умѣвшими скромно подѣлиться землями, пріобрѣтенными правдою и неправдою.



Запорожецъ въ степи.

Съ этою цѣлью Румянцевымъ была произведена въ 1766 году «генеральная опись» Малороссіи. Ею опредѣлялись принадлежность земель, размѣръ повинностей и установлялось, кто принадлежитъ къ казацкому, а кто къ крестьянскому (посполитому) сословію. Этою описью, прекратившею множество безпорядковъ, въ то же время окончательно укрѣплялись за панами земли, которыя жившіе на нихъ посполитые считали своею предковскою собственностью.

Стѣсненный закономъ 10 декабря 1663 года въ правѣ вольнаго перехода, народъ толпами бѣжалъ за Днѣпръ, въ польскую Украину и Новороссію, какъ-бы предчувствуя конецъ своей и тогда уже почти номинальной свободы. Опасенія его скоро оправдались. По представленію Румянцева, Малороссія была раздѣлена на три намѣстничества: кіевское, черниговское и новгородсѣверское, которыя были открыты въ 1782 году и въ нихъ были введены судебныя и административныя учрежденія, на обще-русскихъ началахъ. Въ слѣдующемъ году были изданы указы отъ 8 мая—о прекращеніи вольнаго перехода посполитыхъ, т.-е. о закрѣпощенія ихъ, и отъ 28 іюля—объ уничтоженіи казацкаго войска и объ образованіи изъ него регулярныхъ карабинерныхъ полковъ. Этими распоряженіями была прекращена автономія Малороссіи и она вошла въ общій строй русской государственной жизни.

Разбитые вмѣстѣ со шведами подъ Полтавою, запорожцы возвратились на старыя пепелища и основали новую Сѣчь, при устьѣ р. Каменки, но въ 1711 году она была разрушена Бутурлинымъ и гетманомъ Скоропадскимъ.

Въ томъ же году запорожцы подчинились крымскому хану, присягнувъ на вѣрность пове-

лителю его, султану турецкому, и основали Сѣчь въ Алешкахъ. Константинопольскій трактатъ 1712 года утвердилъ за ними ихъ земли. Владѣнія запорожцевъ въ это время простирались отъ Буга до Донца, занимая почти всю Екатеринославскую и сѣверо-восточную часть Херсонской губерніи.

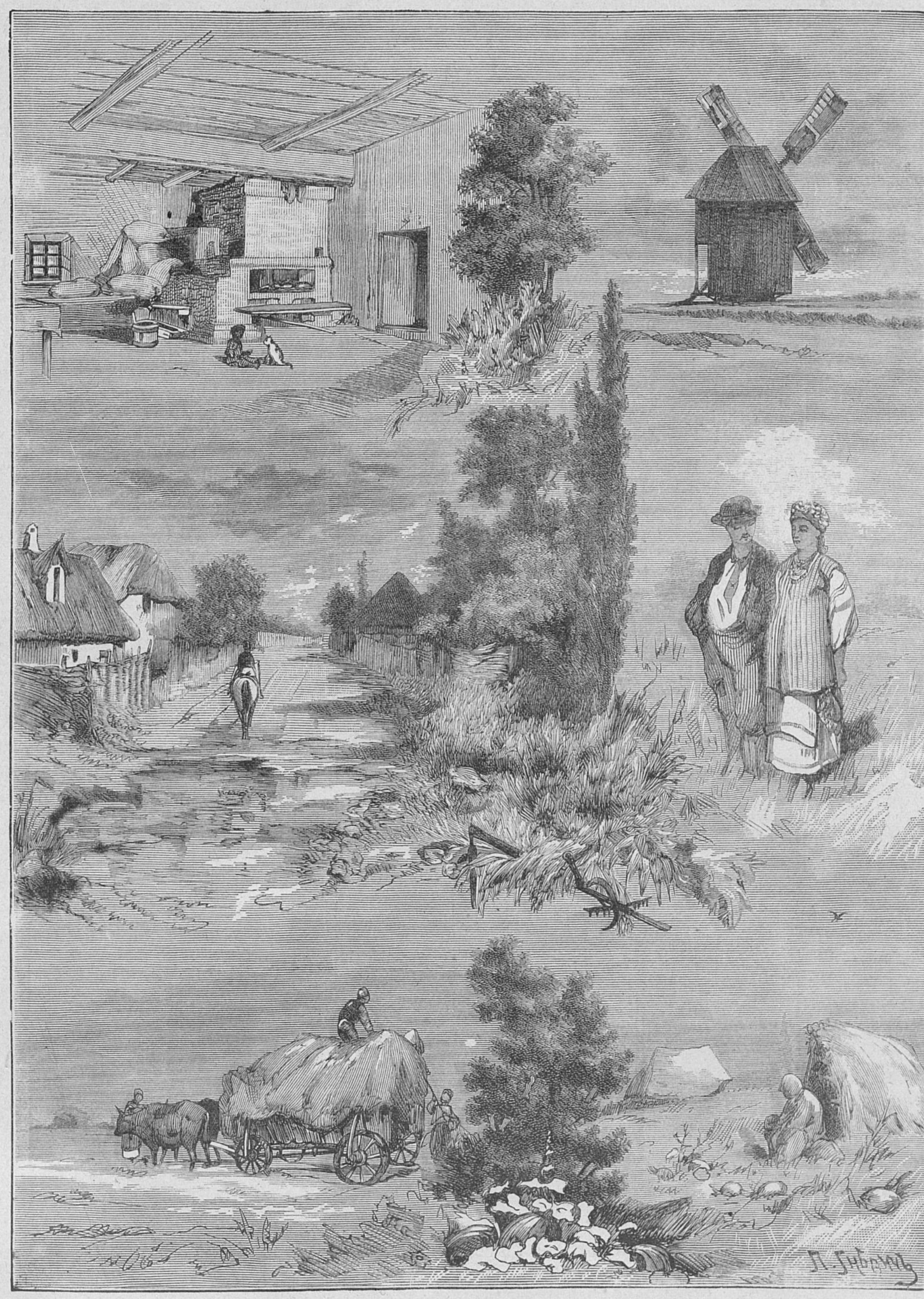
Въ этихъ предѣлахъ, благодаря прекращенію татарскихъ набѣговъ, прочно установился давно намѣченный строй жизни запорожскаго войска. Управленіе Сѣчи состояло по прежнему изъ старшинъ, выбираемыхъ на годъ, т. е. кошевого, судьи, писаря, есаула и куренныхъ атамановъ. Земли были раздѣлены на округа, называемые паланками, и каждая изъ нихъ была подъ начальствомъ паланочнаго полковника. Всѣхъ паланокъ было восемь. Внѣшняя форма правленія и названія чиновъ были тѣ же, что въ гетманщинѣ, но между тѣмъ и другимъ строемъ была существенная разница. Въ гетманщинѣ, напримѣръ, выборъ производился на всю жизнь, въ запорожьи же всѣ правительственныя лица избирались на годъ, 1 января. Неизбранные старшины возвращались въ общую массу казачества. Если кто нибудь былъ избираемъ нѣсколько лѣтъ сряду же, это объяснялось особымъ довѣріемъ войска. Кромѣ того, при запорожскомъ безбрачіи, не могло образоваться панскихъ родовъ, связи посредствомъ родства и браковъ и наслѣдственныхъ богатствъ. Старшина или казакъ, заводившій зимовникъ и хозяйство, владѣлъ имъ пожизненно; онъ могъ завѣщать только движимость, а земля возвращалась войску. Ранговыхъ имѣній, взамѣнъ жалованья, не могло быть, такъ какъ выборы старшинъ производились только на одинъ годъ.

Въ Сѣчи образовалась партія, помышлявшая о возвращеніи подъ власть единовѣрной Россіи, но пока управлялъ Петръ, не стѣснявшійся въ своихъ распоряженіяхъ казацкими правами, а во главѣ запорожцевъ стоялъ заклятый врагъ Россіи—Константинъ Гордѣенко, партія эта не имѣла силы и должна была скрывать свои желанія. Руководителемъ ея былъ Иванъ Малашевичъ, тайно сносившійся съ русскимъ правительствомъ и гетманомъ Скоропадскимъ.

Ставъ кошевымъ, по смерти Гордѣенко, въ 1730 г., Малашевичъ началъ дѣйствовать смѣлѣе; но русское правительство не рѣшалось немедленно принять запорожцевъ въ свое подданство, такъ какъ это было равносильно объявленію войны Турціи. Переговоры съ запорожцами велъ генералъ Вейсбахъ, которому было поручено устроить украинскую линію, т. е. рядъ пограничныхъ укрѣпленій, и вскорѣ ему представился удобный случай уладить присоединеніе. Поводъ къ нему дало турецкое правительство, пославъ крымскаго хана и запорожцевъ въ Польшу на помощь Станиславу Лещинскому противъ Августа III, котораго поддерживала императрица Анна. Отъ ея имени Вейсбахъ пообѣщалъ запорожцамъ утвердить за ними всѣ ихъ владѣнія и возвратить оставшіяся за Россіей, по константинопольскому трактату, земли между Самарою и Орелью.

Малашевичъ, не бывшій уже въ это время кошевымъ, убѣдилъ своего преемника, Ивана Бѣлицкаго, и запорожцевъ измѣнить султану и передаться Россіи. Несмотря на то, что въ Сѣчи находился малорусскій эмигрантъ, сторонникъ Орлика, Мировичъ, замыселъ объ измѣнѣ не сталъ извѣстнымъ хану, и Бѣлицкій, въ началѣ 1734 года, выступилъ въ походъ къ польскимъ границамъ. Не вступая въ Польшу, онъ остановился у рѣки Буга по соглашенію съ Вейсбахомъ, который въ то же время послалъ русскій отрядъ къ Сѣчи, гдѣ Малашевичъ подготовилъ возстаніе противъ Турціи. 12 февраля онъ со всѣмъ войскомъ присягнулъ Россіи и, оставивъ Алешки, пошелъ вверхъ по Днѣпру къ рѣкѣ Подпольной, гдѣ основалъ новую послѣднюю Сѣчь запорожскую.

Затѣмъ находившіеся въ походѣ запорожцы перешли въ польскіе предѣлы, присоединились къ арміи Вейсбаха и 7 сентября того же года въ Бѣлой-Церкви также присягнули на вѣрность императрицѣ, которая утвердила за войскомъ его права, возвратила земли между рѣками Орелью и Самарою и обязалась отнять отъ татаръ всѣ запорожскія владѣнія. По Бѣл-



НА УКРАЙНѢ. — Оригинальный рисунокъ П. Гнѣдича.

городскому миру, Турція отказалась отъ своихъ правъ на Запорожье, но не уступила Россіи земель на югъ отъ р. Конской, которыя остались за татарами.

Это послужило первою изъ многихъ причинъ неудовольствія запорожцевъ къ русскому правительству, которое не исполнило своихъ обязательствъ и дало возможность нагайцамъ занять войсковыя земли и придвинуться кочевьями къ днѣпровскому берегу. Другою причиною были споры съ донскимъ войскомъ за земли между рѣками Кальміусомъ и Міусомъ и за рыбныя ловли на Азовскомъ морѣ, которыя принадлежали донцамъ, но, по константинопольскому договору 1712 г., отошли къ Турціи, и ими завладѣли запорожцы. Послѣ бѣлгородскаго договора донцы начали владѣть ими по-старому, а запорожцы ихъ не отдавали, и оба войска вступили въ настоящую войну, дѣлали набѣги и брали другъ у друга плѣнныхъ. Правительство вмѣшалось въ эту распрю и рѣшило дѣло въ пользу донцовъ.

Еще болѣе огорчились и оскорбились запорожцы, когда въ 1743 г. на ихъ земляхъ были построены города Ново-Архангельскъ и Ольвіополь, а затѣмъ въ 1752 г. полоса земли отъ Буга до Днѣпра вдоль польской границы, названная Новой Сербіей, была отведена для поселенія австрійскихъ сербовъ, подъ начальствомъ Ивана Хорвата, а въ слѣдующемъ году нынѣшніе Славяносербскій и Бахмутскій уѣзды были отняты отъ запорожцевъ для водворенія вышедшихъ изъ Турціи славянъ, подъ начальствомъ Шевича и Депрерадовича.

Для коша становилось ясно, что правительство не считаетъ себя связаннымъ обѣщаніями императрицы Анны и намѣрено обратить въ свою пользу огромное пространство плодородной почти пустынной страны.

Основаніе Новой Сербіи вдоль польской границы вызывалось еще другою необходимостью; этимъ преграждалась возможность шайкамъ запорожской вольницы, называемымъ гайдамаками, съ вѣдома или безъ согласія коша, нападать на Польшу для грабежа панскихъ имѣній. Въ 1750 году эти набѣги приняли весьма широкіе размѣры и нѣсколько городовъ въ польской Украинѣ были взяты приступомъ и разорены гайдамаками. Поляки жаловались по поводу этихъ набѣговъ русскому правительству и вынуждали его принимать мѣры для обузданія запорожцевъ. Сѣчевые старшины постоянно получали приказанія—препятствовать гайдамакамъ нападать на Польшу, но, вполнѣ завися отъ казацкой громады, не могли принимать крутыхъ мѣръ, такъ какъ гайдамаки пользовались въ Сѣчи сочувствіемъ и популярностью. Рѣзать и грабить поляка и жида, по понятіямъ запорожца, было не преступленіемъ, а заслугою передъ Богомъ и казачествомъ.

Не ограничиваясь нападеніями на донцовъ и поляковъ, запорожцы дѣлали такіе же набѣги на новыхъ славянскихъ поселенцевъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ правительства, чѣмъ раздражали его еще болѣе.

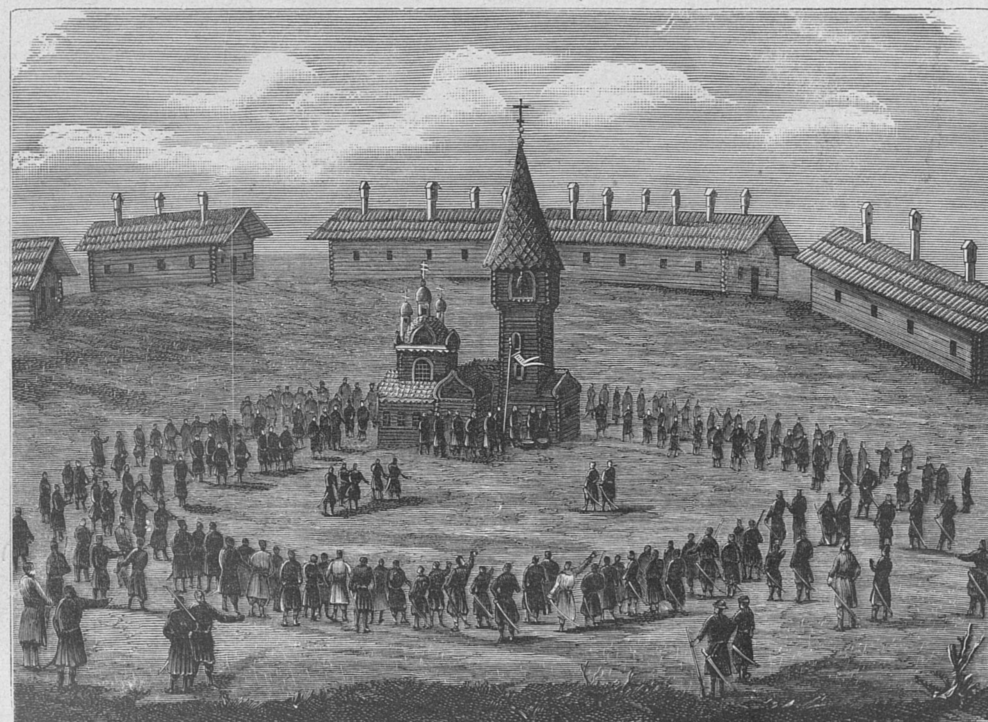
Въ 1769 году началась война съ Турціею, и запорожцы принимали участіе въ походахъ Румянцева, Долгорукова и Прозоровскаго. Храбрость и расторопность ихъ были высоко цѣнимы русскими генералами, изъ которыхъ многіе, въ томъ числѣ и Потемкинъ, записались въ реестры запорожскаго войска. Все это подавало надежду запорожцамъ, что права ихъ будутъ сохранены, о чемъ постоянно просили въ Петербургѣ посылаемые ими депутаты. Несмотря на это, какъ только былъ заключенъ кучукъ-кайнарджійскій миръ, правительство рѣшило покончить съ низовымъ «братствомъ», вслѣдствіе прекращенія борьбы съ татарами на русской границѣ, исполнившимъ уже свою историческую миссію, а равно и вслѣдствіе того, что «братство», пополняемое всякими пришлецами, стало уже аномаліею въ цивилизованномъ государствѣ.

Екатерининскіе же вельможи, познакомившись съ Новороссійскимъ краемъ и убѣдившись въ его плодородіи, нашли нелишнимъ подѣлить его между собою. Запорожцы не предполагали, что судьба ихъ уже рѣшена, когда въ концѣ мая 1775 года въ Сѣчь дошелъ слухъ, что противъ нея идетъ корпусъ, состоящій изъ 10 пѣхотныхъ, 8 кава-

лерійскихъ, 13 донскихъ полковъ и 37 поселенныхъ эскадроновъ, подъ командою заклятаго врага запорожцевъ, генерала Тексли. Не ожидая нападенія, большинство запорожцевъ находилось въ это время на работахъ въ степи и на рыбныхъ ловляхъ, а въ Сѣчи не было и 10 тысячъ человѣкъ. 4-го іюля Тексли подошелъ къ Сѣчи и потребовалъ къ себѣ старшинъ. Послѣдній кошевой Петръ Кальнишевскій собралъ раду, спросилъ казаковъ, что дѣлать, указывая на невозможность и безцѣльность защиты. Казаки понимали, что кошевой говоритъ правду, но мысль о паденіи Сѣчи запорожской побуждала болѣе завзятыхъ лучше умереть, чѣмъ погубить казацкую славу. По словамъ народной пѣсни, они просили кошевого:

Позволь батьку отамане
Намъ на башти стати,
Не дамо мы Москалеві
Січу руйновати.
Не пізволишъ зъ мушкетами,
Позволь зъ кулаками,
Щобъ хочь слава не пропала
Помижъ казаками.

Духовенство едва успѣло укротить казацкую ярость и рѣшено было сдаться безъ сопротивленія. Кальнишевскій со старшинами отправился къ Тексли, который арестовалъ ихъ, вступилъ въ Сѣчь и разрушилъ ее до основанія.



Церковь, рада и курени запорожскіе въ 1773 году.

Запорожцы, лишенные пріюта, не знали что дѣлать, такъ какъ о дальнѣйшей участи ихъ никто не подумалъ. Тогда одинъ изъ бывшихъ полковниковъ, по прозвищу Ляхъ, посовѣтовалъ имъ бѣжать къ Очакову и отдаться во власть Турціи. Около 10 тысячъ послушались его и разными путями перешли на турецкую территорію. Остальные разбрелись по

степи, гдѣ поселились на прежнихъ своихъ земляхъ, въ качествѣ крестьянъ новыхъ владѣльцевъ.

Въ 1783 году Потемкинъ составилъ отрядъ изъ прежнихъ запорожцевъ. Исполненіе это было поручено бывшему писарю запорожскому и депутату въ Петербургѣ, Антону Головатому, на призывъ котораго явилось много охотниковъ. Составленное изъ нихъ войско, подъ именемъ черноморскихъ казаковъ, участвовало въ турецкой войнѣ, по окончаніи которой, въ 1792 году, ему были отведены для поселенія земли на Кубани.

М. Александровичъ.



Запорожская Сѣчь.

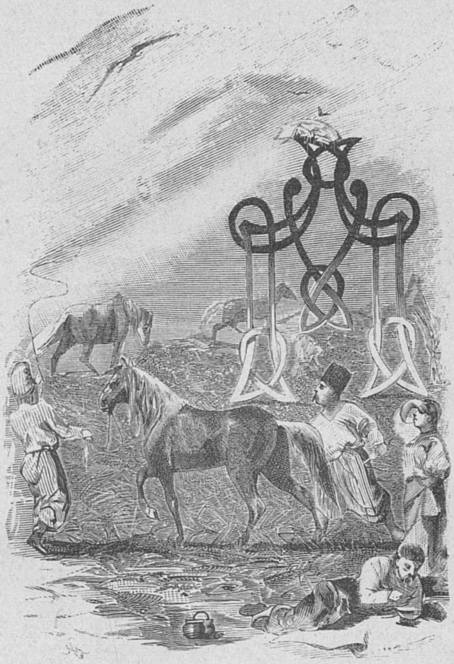
ОЧЕРКЪ IV.

КАКЪ И ЧѢМЪ КОРМИТСЯ УКРАИНА.

Климатъ о физическая природа края.—Черноземъ.— Сельское хозяйство.—Внутренняя торговля края.

Желтѣютъ гумна. Домики нарядно
Глядятъ изъ зелени садовъ
Вотъ спитъ казакъ подъ тѣнью виноградной, —
И какъ румянъ, и какъ здоровъ!
Ни грязныхъ бабъ, въ понявахъ подоткнутыхъ,
Ни лицъ не видно испитыхъ,
И нѣтъ тутъ нищихъ блѣдныхъ, необутыхъ,
Калѣкъ и съ чашками слѣпыхъ...

НИКИТИНЪ



Молотьба въ Малороссіи.

Много повидавшій на своемъ вѣку и одаренный замѣчательною наблюдательностью — Геродотъ, говоря о населеніи нынѣшней Украины, со свойственной ему всегда и во всемъ точностью, отмѣтилъ далеко не даромъ о существованіи въ народѣ одного преданія, чрезвычайно типично характеризующаго и самый народъ, и въ особенности природу той мѣстности, гдѣ этотъ народъ поселился. «Однажды», читаемъ мы въ его безсмертной исторіи, «разверзлось небо и палъ на землю золотой плугъ». Если небо расщедрилось на такой подарокъ—значитъ, онъ былъ кстати, и такимъ образомъ само небо указало, чѣмъ долженъ жить человѣкъ въ этой странѣ плуга.

Починъ былъ положенъ самимъ небомъ и, какъ ни мѣнялись условія и обстоятельста, все же Украина и до сей минуты осталась попреимуществу страною плуга, т. е. по всеобщему убѣжденію, страною довольства, такъ какъ въ земледѣліи полагается у насъ все спасеніе. Но въ томъ-то и дѣло, хотя и тучна земля на Украинѣ, хотя и трудится въ потѣ лица ея житель, хотя и благорастворенъ ея климатъ, а все же—тамъ нѣтъ полнаго довольства, и на то есть немало самыхъ важныхъ и безысходныхъ причинъ, противъ которыхъ онъ еще бороться не въ силахъ, такъ какъ по отношенію къ развитію земледѣлія недалеко еще ушелъ отъ тѣхъ свѣдѣній и воззрѣній, которымъ научило Арпоксайса,

князя скиѳскаго, само небо, ниспославъ ему золотой плугъ и научивъ его—какъ этимъ плугомъ пользоваться на свою домашнюю потребу.

Не совсѣмъ ровною и гладкою степью, а террасами спускается Украина къ Черному морю, благодаря тому обстоятельству, что во всю ширину ея протяженія высятся отроги Карпатовъ, которые входятъ въ Россію на границѣ съ Галиціей и, пересѣкая всѣ большія рѣки юга,



Чумакъ.

вдвигаются въ Волгу, образуя такъ называемую Самарскую луку; понятное дѣло, что могучія рѣки южной Россіи не могутъ не испытывать на своемъ теченіи вліянія этого кряжа и, именно, вслѣдствіе встрѣчи съ послѣднимъ, отчасти образуютъ пороги, а отчасти уклоняются отъ своего первоначальнаго направленія. Не встрѣчая затѣмъ уже никакого препятствія для своего теченія и занимая своими водами лишь незначительныя части отведенныхъ имъ природою долинъ, великія рѣки эти въ нижнихъ частяхъ своего теченія образуютъ то плавни, то разливы съ цѣлою массою протоковъ и озеръ и, наконецъ, впадаютъ въ море лиманами и гирлами, т. е. совершенно своеобразно, сравнительно съ другими европейскими рѣками. Самые плавни изобилуютъ дорогимъ въ этой степной мѣстности лѣсомъ, преимущественно вербовымъ и осокоревымъ, но на нихъ произрастаетъ и еще одна порода, всю громадную полезность которой

не успѣло еще оцѣнить окрестное населеніе, которое и до сихъ поръ еще не перестаетъ смотрѣть на плавневую лозу лишь какъ на матеріалъ для огорожи, тогда какъ на безлѣсьѣ и лоза бы



Скала Соколъ подъ Житоміромъ.

могла постоять за настоящій лѣсъ и сослужить полезную службу въ нашемъ обездоленномъ по части топлива югѣ. Эти же плавни представляютъ собою и иную еще выгоду для тѣхъ, кого

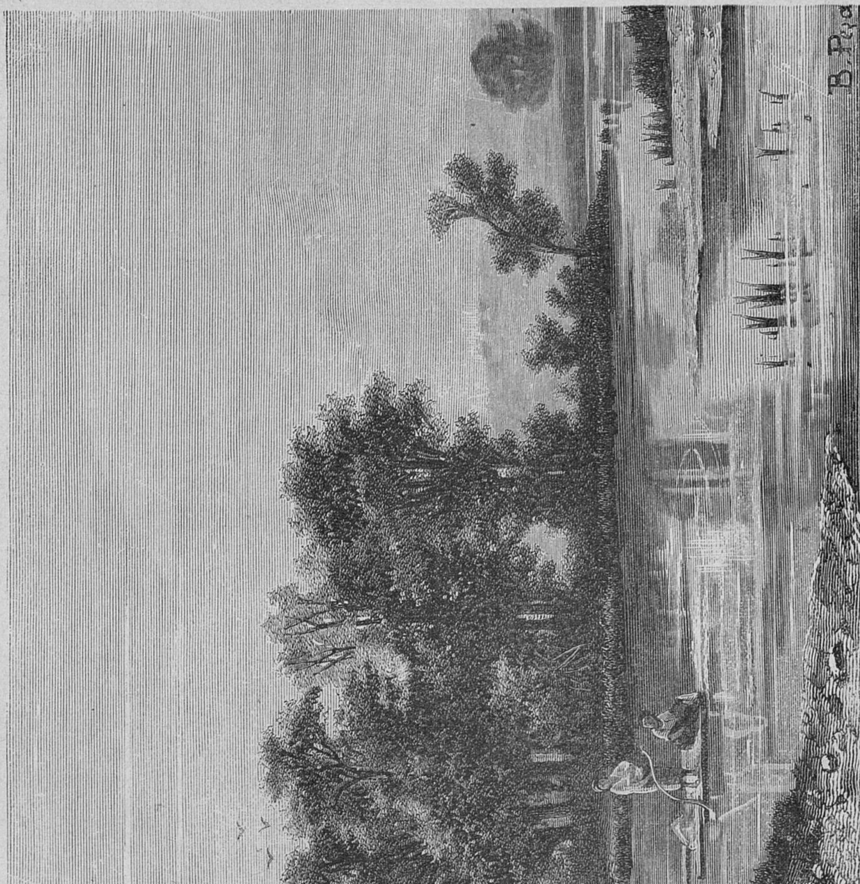
надѣлила ими судьба, такъ какъ эти характерныя для южной Украины мѣста и во время сильной и неизбѣжной въ этой части материка Европы засухи, благодаря обилію въ нихъ мокроты, все-таки доставляютъ сѣно и подножный кормъ для скота и овецъ, многочисленныя стада которыхъ составляютъ немалое подспорье и немаловажную статью дохода въ народномъ хозяйствѣ южно-русскаго крестьянства. Какая бы засуха ни завернула, какъ бы долго ни дулъ убійственно сухой сѣверо-восточный вѣтеръ, губящій въ степи все живое и ищущее влажности, но въ плавнѣ такая засуха не ощутительна, такъ какъ почва, вдосталь упоенная еще весеннимъ разливомъ рѣкъ, долго сохраняя влагу, даетъ возможность растительности достигать наибольшаго развитія и не бояться той сухмени, подъ вліяніемъ которой въ степи выгораютъ даже и молодыя травы; тутъ, на поемныхъ мѣстахъ, трава всегда превосходна, полянки окружены лѣсомъ и, благодаря большимъ скопамъ воды, кое-когда перепадаютъ хоть и не ливни, а все же живительные дожди, которые еще болѣе оживляютъ и безъ того роскошную растительность плавней.



Украинская дѣвушка.

За исключеніемъ мѣстностей, лежащихъ непосредственно по берегу Чернаго моря, и сѣверныхъ частей Украины, гдѣ почва дѣлается отчасти глинисто-песчаною, а также и небольшихъ островковъ, то песчаныхъ, то известковыхъ, то иныхъ нечерноземныхъ почвъ и породъ,—почти вся Украина и Новороссія расположены, въ такъ называемой, черноземной полосѣ Россіи, которая по плодородности своей могла бы въ хорошихъ рукахъ не только прокормить мѣстнаго жителя, но и довести его до высокой степени благосостоянія, благодаря сбыту огромныхъ избытковъ въ Россію и Европу; къ сожалѣнію, однако, несмотря на то, что малоруссъ отличается неутомимостью въ работѣ и исконною охотою къ занятію земледѣліемъ, обстоятельства такъ устроились, что онъ живетъ хотя и богаче русскаго крестьянина, а все же не можетъ выйти изъ того средняго состоянія, которое превосходно опредѣляется пословицею: «сегодня всласть, а завтра — какъ Богъ дастъ».

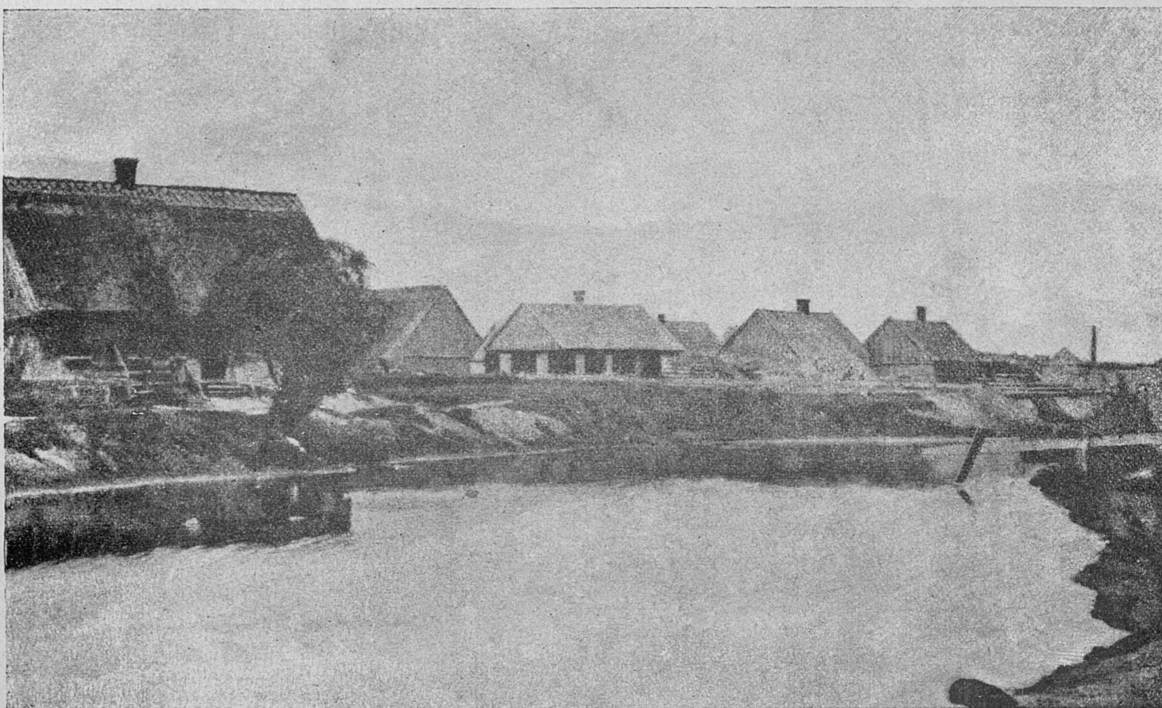
Украинскій черноземъ подвергся строго-научному изученію только въ самое послѣднее время, и результаты этихъ изслѣдованій показали, что нормальный способъ его залеганія, естественный и вполнѣ типичный, состоитъ въ томъ, что онъ залегаетъ по ровнымъ мѣстамъ и переходитъ постепенно въ первичную породу. Гдѣ бы мы ни изслѣдовали его, оказывается, что тотчасъ же подъ газономъ или же подъ новымъ растительнымъ слоемъ располагается совершенно однородная масса, окрашенная въ болѣе или менѣе желтый цвѣтъ, которая въ степяхъ, т. е. въ мѣстахъ, неподвергавшихся еще обработкѣ, почти составляетъ одинъ сплошной пластъ, проросшій въ особенности въ верхнихъ своихъ частяхъ, безчисленнымъ множествомъ корней растеній. Эта сплошная масса занимаетъ, такъ сказать, самый верхъ; затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе чистые и значительные по размѣрамъ комки, которые совершенно одинаково обособлены какъ отъ верхняго слоя, такъ и отъ первичной породы; этотъ-то второй слой чернозема, какъ по положенію своему, такъ по строенію и по окраскѣ, носитъ вполнѣ харак-



Сельскій видъ въ Полтавской губерніи.

теръ переходнаго слоя, и есть данныя для того, чтобы предполагать, что онъ является таковымъ и по своимъ химическимъ качествамъ. Этотъ переходный слой, къ свою очередь, и притомъ совершенно подобно верхнему слою, переходитъ въ слѣдующій слой, т. е. въ первичную

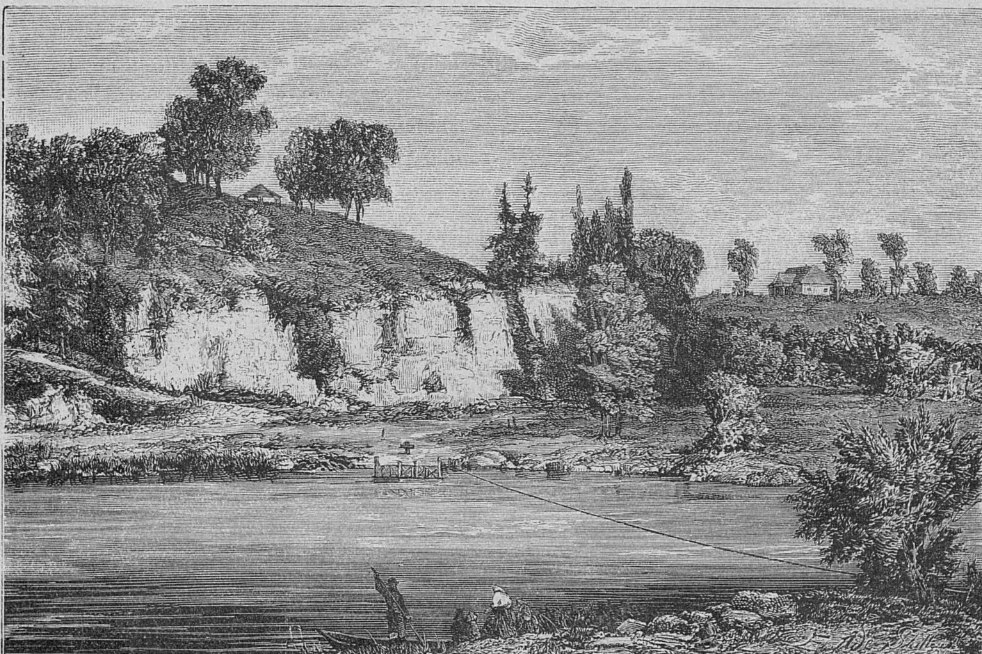
породу, въ которую онъ какъ-бы пускаетъ цѣлую массу вѣтвей и побѣговъ. Но если строеніе самая формація чернозема доказываютъ непреложно и неукоснительно, что черноземныя почвы отнюдь не составляютъ первичной особой и независимой породы, но лишь верхніе слои первичныхъ пластовъ, видоизмѣнившихся болѣе или менѣе вслѣдствіе извѣстныхъ внѣшнихъ причинъ и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ растительности и животной жизни, а также и при непосредственномъ участіи разныхъ атмосферическихъ дѣятелей,—тѣмъ болѣе несомнѣнно, что составъ черноземной почвы долженъ находиться въ строгой зависимости отъ состава ниже его лежащихъ первичныхъ породъ. Для доказательства достаточно указать на то, что по всей, напримѣръ, дорогѣ изъ Полтавы въ Кременчугъ, почти до станціи Бѣляки, подпочвою для чернозема служили пески и песчаниковыя породы, а потому тутъ чернозема или вовсе не было, или же растительный слой былъ чрезвычайно тонокъ и притомъ самой блѣдной окраски; да-



Деревня на Днѣпрѣ.

лѣе, близъ станціи Галовки черноземъ становился все болѣе типичнымъ и темнымъ по цвѣту, но въ то же время замѣчается, что подпочва здѣсь состоитъ уже не изъ песка, а изъ леса, т. е. изъ смѣси, зачастую чрезвычайно пропорціональной, углекислой извести, глины и песка. Слѣдуетъ замѣтить, что, говоря о зависимости, и притомъ весьма тѣсной, чернозема отъ первичныхъ породъ, мы вовсе не думаемъ понимать подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ граниты, гравій, мѣлъ и дѣвственные известняки, не подвергшіеся еще никакимъ видоизмѣненіямъ и составляющіе главныя основныя породы различныхъ формацій, а имѣли въ виду лишь продукты ихъ разложенія, каковы, напримѣръ, глины, пески, мергель и всѣ ихъ возможныя комбинаціи, такъ какъ значительная растительность могла появиться лишь на этихъ продуктахъ разложенія, въ виду того обстоятельства, что только ихъ частицы могли проникать въ глубину подъ вліяніемъ фильтраціи; въ силу всего этого, только поверхъ этихъ-то продуктовъ разложенія могли образоваться пласты чернозема.

Что касается вліянія, оказываемаго рельефомъ мѣстности на самыя свойства чернозема, то мы можемъ изучить это вліяніе, наблюдая образованіе нашихъ рѣчныхъ долинъ. На ограничивающихъ эти долины склонахъ мы зачастую можемъ найти, на пространствѣ даже нѣсколькихъ верстъ, залежи перемытаго, не типическаго и крайне тонкаго пласта чернозема, тогда какъ въ самыхъ долинахъ мы или встрѣчаемъ черноземъ съ самыми разнообразными агломератами, или же вовсе его не наблюдаемъ. Г. Докучаевъ, у котораго мы заимствуемъ всѣ эти крайне интересныя свѣдѣнія, всего одинъ лишь разъ, близъ Непады, въ долинѣ рѣки Днѣстра, встрѣтилъ слабые намеки на нормальные пласты чернозема, лежащіе прямо на рѣчныхъ наносахъ, а въ плавняхъ, гдѣ нѣкоторые старались находить залежи чернозема, ничего подобнаго не наблюдалось. Наши знаменитые плавни (острова и прибрежныя мѣста, заливаемые вешними и вообще высокими водами) — въ которыхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, появленіе чернозема опредѣляется временемъ, наступившимъ послѣ паденія запорожской



Букъ, Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Сѣчи, представляютъ собою ничто иное, какъ низменныя, песчаныя мѣста, болота и озера, соединенныя между собою цѣлою сѣтью каналовъ и протоковъ и притомъ отчасти давнымъ-давно уже появившіяся, отчасти же образующіяся у насъ во-очію; тутъ не можетъ даже быть и вопроса о какомъ-нибудь черноземѣ, такъ какъ тутъ вообще еще переживается періодъ образованія суши, которая измѣняетъ свои формы не только ежегодно, но даже и по нѣсколько разъ въ теченіе одного и того же года.

Нормальною толщею чернозема слѣдуетъ признать ту, которая наблюдается въ немъ на ровныхъ мѣстахъ, но, въ то же время, громадное количество измѣреній именно такихъ толщъ показало и доказало, что даже и въ этомъ случаѣ нормальная толщина колеблется между 1 и 3 фут. 8 дюймами, хотя послѣдняя мощность слоя и встрѣчается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, у Ольгополя, у Лубенъ и въ нѣсколькихъ другихъ пунктахъ. Такая мощность слоя представляется вполнѣ понятною, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, глубина въ 4

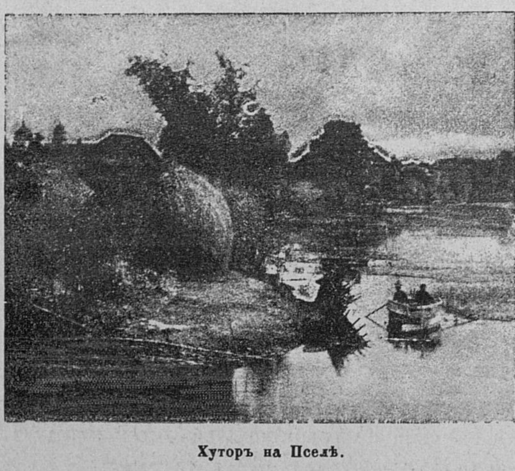
фута представляется наибольшею глубиною, на которую можетъ проникать инфильтрація растительныхъ остатковъ. Этимъ предположеніемъ мы вовсе, однако, не думаемъ опровергать воззрѣнія тѣхъ изслѣдователей, которые допускаютъ и бо̀льшую толщину черноземнаго слоя: ихъ изслѣдованія и наблюденія могутъ быть совершенно вѣрны и не подлежать никакому сомнѣнію, но въ томъ-то и дѣло, что, вѣроятно, имъ приходилось наблюдать черноземъ и его пласты въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они не представляются нормальными, а являются со случайною мощностью.



Крестьянка Кіевской губерніи.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что характеръ подпочвы и рельефъ мѣстности далеко не являются единственными факторами въ созданіи всего разнообразія почвъ въ юго-западной Россіи, такъ какъ къ числу этихъ факторовъ слѣдуетъ прибавить еще болота и сланцевыя почвы. Замѣчательно, что даже въ едва замѣтныхъ для глаза углубленіяхъ, гдѣ вода сохраняется въ теченіе большей части года, и расположенныхъ среди черноземныхъ степей, въ большинствѣ случаевъ приходится наблюдать чрезвычайно тонкій растительный слой, обладающій всѣми главными признаками настоящаго чернозема; здѣсь всегда можно найти буроватый, грязный слой, иногда достигающій въ толщину 3 и даже 4 вершковъ и расположенный съ чрезвычайнымъ постоянствомъ на бѣловатой или, вѣрнѣе, сѣро-пепельной землѣ; такіе факты приходится наблюдать почти по всему протяженію Украины, и они извѣстны всякому крестьянину.

Переходя къ солонцамъ, которые постоянно встрѣчаются въ украинскихъ степяхъ въ видѣ островковъ большихъ или меньшихъ размѣровъ, расположенныхъ среди чистаго чернозема,—слѣдуетъ полагать, что эти солонцы или сланцы представляютъ собою или чистыя глины, или суглинки, освободившіеся отъ чернозема вслѣдствіе вліянія и воздѣйствія на нихъ атмосферическихъ водъ, или же, наконецъ, продукты трудовой жизни крота (Spermophilus Sib). Съ перваго раза послѣднее предположеніе можетъ показаться не только преувеличеннымъ, но даже и совершенно неправдоподобнымъ, такъ какъ такое маленькое четвероногое представляется намъ безсильнымъ въ сравненіи съ количествомъ работы, которое оно должно произвести для образованія даже небольшой сланцеватой площади; но для того, чтобы доказать всю возможность подобнаго факта, почтенный нашъ изслѣдователь чернозема, г. Докучаевъ, разсказываетъ, что зачастую въ степяхъ приходилось



Хуторъ на Пселѣ.



Деревня на Пселѣ.

ему видѣть милліоны холмиковъ, воздвигнутыхъ кротами; холмики эти поднимались отъ поверхности земли на высоту 1—2 футовъ и имѣли въ діаметрѣ около $1^1/_2$ саженъ; они покрывали собою безъ всякихъ перерывовъ цѣлыя квадратныя мили и обладали норами, куда входило



Видъ сада въ с. Каченовкѣ, Подольской губерніи.

обыкновенно около 18 ведеръ воды; принимая во вниманіе глубину этихъ норъ, а также и несмѣтное количество, невольно ужаснешься передъ тою массою подпочвы, которую должны были вынести наружу эти незначительныя съ виду животныя, и согласиться съ общераспространеннымъ въ степяхъ убѣжденіемъ, что кроты въ состояніи обратить въ безплодную пустыню самую плодородную черноземную степь, если не уничтожать ихъ по возможности и допустить ихъ размноженіе.



На паромѣ.

Издавна уже старался житель юго-западной Россіи воспользоваться тѣми благами, которыми такъ щедро одарила его природа, распростерши на громадное пространство тучную черноземную почву, какъ бы созданную для того, чтобы въ теченіе тысячелѣтій прокармливать человѣчество. Уже первые поселенцы края сбывали свои продукты въ чужія, наѣзжія руки, а когда явились на берегахъ Днѣпра и по окрестнымъ рѣкамъ разселялись разныя славянскія племена, то земледѣліе успѣло стать здѣсь на твердую почву и велось по прадѣдовскимъ преданіямъ до той поры, пока толпы татаръ не смели чуть-ли не все населеніе Украины, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожили и ту степень культурности, которой успѣлъ достичь къ этому времени этотъ исконно-земледѣльческій край. Но земли были слишкомъ хороши для того, чтобы пустовать имъ долго; не прошло и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ со времени татарскаго погрома, какъ появились съ запада и сѣверо-запада новые искатели лучшихъ мѣстъ и скоро все тотъ же исконный, быть можетъ, скиѳскій еще плугъ сталъ снова прокармливать значительное населеніе. Голодная и плохо-земельная и мало-земельная Польша съ Литвою тотчасъ же обратили вниманіе на Украину и, благодаря силѣ, успѣли захватить послѣднюю въ свои руки: явились паны, владѣвшіе громадными землями и помѣстьями; явилась мелкая шляхта, отъ которой еще больше терпѣлъ народъ, нежели отъ владѣльцевъ обширныхъ помѣстій; явились евреи, которые всегда умѣли урвать изъ рукъ панства его хлопа для того, чтобы окончательно высосать изъ него всѣ соки. Народъ застоналъ отъ неволи и сталъ употреблять всѣ возможныя мѣры ради спасенія своего изъ рукъ чуждыхъ



Танецъ дѣвушекъ Кіевской губерніи.

ему пановъ и ненавистныхъ евреевъ. Одною изъ такихъ мѣръ было признаніе надъ всею Украиною власти царя московскаго.

Раньше объявленія «воли» сельское хозяйство въ юго-западной Россіи находилось въ слѣдующемъ, далеко нецвѣтущемъ положеніи. Съ одной стороны мы видимъ обширныя княжескія, графскія и великопанскія помѣстья, то раздѣленныя на участки, то управляемыя цѣликомъ черезъ управителей, а иногда и сдаваемыя въ аренду евреямъ и мелкимъ умѣлымъ людямъ изъ шляхты, извѣстнымъ подъ названіемъ поссессоровъ; между ними лежали помѣщичьи имѣнія средней величины, — по большей части эксплоатируемыя самими помѣщиками и лишь изрѣдка отдаваемыя въ аренду и, наконецъ, земли государственныхъ крестьянъ. Понятное дѣло, въ началѣ аренда крупныхъ участковъ была совершенно безконтрольная и свободная, такъ какъ владѣльцы жили въ Парижѣ, Варшавѣ и Петербургѣ или же сидѣли въ своихъ роскошныхъ палаццо, не думая слѣдить за тѣмъ, какъ обираютъ ихъ поссессоры при помощи ихъ же собственныхъ экономовъ; но мало-по-малу, по мѣрѣ начавшаго давать себя чувствовать истощенія земель и во избѣжаніе окончательнаго уничтоженія драгоцѣнной цѣлины, даже и эти близорукіе по своему огромному богатству владѣльцы стали обставлять аренду различными условіями, болѣе или менѣе стѣснительными для арендатора, но гарантировавшими землевладѣльцу нѣсколько болѣе умѣренное, разумное, а не хищническое пользованіе его землями; такъ, введены были въ контракты сроки распашки: арендаторъ не имѣлъ права вздрать болѣе одной трети отведеннаго ему участка степи и притомъ не имѣлъ права снять съ него болѣе извѣстнаго числа — трехъ, четырехъ — хлѣбовъ, послѣ чего земля должна была снова поступить въ залежь; бывали участки, которые сдавались исключительно подъ раскосъ и пастьбу скота, а при обширности владѣній участки можно было распредѣлить такимъ образомъ, что ежегодно поднималось не болѣе опредѣленнаго числа десятинъ степи; запущенная же земля извѣстное число лѣтъ — сначала 35—40, а потомъ все меньше и меньше — оставалась въ залежи.

Понятно, что землевладѣльцы средней руки были поставлены въ нѣсколько иныя условія. Сдавая свои земли въ аренду обыкновенно лишь тогда, когда они вынуждались къ тому плохимъ состояніемъ своихъ финансовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они никогда не согласились бы отдать свое добро въ чужое пользованіе, — такіе владѣльцы, говоримъ мы, поставлены были въ такія условія, что съ одной стороны не могли предписывать съемщикамъ своихъ законовъ, а съ другой, — по меньшей обширности своихъ имѣній и угодій, — не могли ни раздробить ихъ на участки, ни ввести правильности въ эксплоатаціи ихъ, а волей-неволей должны были полагаться на произволъ арендаторовъ или поссессоровъ и сдавать имѣнія «въ полное хозяйственное распоряженіе». Хозяйственное распоряженіе состояло въ томъ, что поссессоръ дѣлалъ съ имѣніемъ, что только ему было угодно, истощалъ его, насколько хватало силъ и умѣнья, распахивалъ все, до послѣдняго клочка, снимая по пяти и даже по шести хлѣбовъ подъ-рядъ, ради доставленія работы имѣвшемуся почти всегда при имѣніи винокуренному заводу, и доводилъ такимъ хозяйственнымъ распоряженіемъ землю дѣйствительно до самаго плачевнаго состоянія; послѣ чего, по окончаніи, срока, нерѣдко самъ же и предлагалъ владѣльцу возобновленіе контракта, но только ужъ за болѣе низкую цѣну; контракты справлялись въ Кіевѣ, устраивались балы, обѣды, время проводили весело, а потому владѣлецъ, скрѣпя сердце, и тянулся туда съ чады и домочадцы — закабалиться поссессору уже окончательно.

Не многимъ лучше, — опять-таки лишь за весьма небольшими исключеніями, — шли дѣла и въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя находились въ рукахъ самихъ владѣльцевъ, несмотря на даровой трудъ и на всѣ кажущіяся преимущества хозяйничанья на своей собственной землѣ передъ хозяйничаньемъ на землѣ арендованной. Распахавъ все, что было возможно, средніе и мелкіе землевладѣльцы, а равно и крестьяне очень скоро перешли къ трехпольной системѣ, давно

уже полновластно царившей въ остальной Россіи, раздѣлили поля свои на три клина, ввели сѣвооборотъ: рожь, овесъ или греча и паръ, да на томъ и успокоились; а навозъ,—котораго, впрочемъ, никогда много и не бывало, за неимѣніемъ кормовъ и невозможностью содержать скотъ въ достаточномъ количествѣ, — продолжали по прежнему вываливать въ овраги и рѣки, ради устройства тѣхъ пресловутыхъ навозныхъ мостовъ и гатей, по которымъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ году ни пѣшему пройти, ни конному проѣхать. Несмотря на видимое, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дававшее себя чувствовать, истощеніе распашной земли, въ теченіе всего періода до объявленія воли, и въ народѣ, и даже у помѣщиковъ держалось убѣжденіе, что навозъ на южно-русскую, да и вообще на черноземную почву дѣйствуетъ вредно, что земля его не «выноситъ», что отъ навоза хлѣбъ «горитъ» или полегаетъ; если мѣстами это мнѣніе и находило себѣ оправданіе, то въ большинствѣ случаевъ оно было совершенно ложно, что и показала практика позднѣйшаго времени и что теперь начинаютъ уже сами понимать какъ помѣщики, такъ и сами крестьяне.



Хозяйственныя, земледѣльческія орудія и домашняя утварь крестьянъ Кіевской губерніи, Черкасскаго уѣзда.

Съ объявленіемъ «воли», воцареніе новаго порядка вещей прежде всего дало себя почувствовать фактомъ первостепенной важности, а именно: переходомъ очень значительнаго числа большихъ панскихъ имѣній въ руки выслужившагося чиновничества, которое, конечно, ровно ничего не сдѣлало для края,— и въ то же время переходомъ значительнаго количества среднихъ и мелкихъ помѣщичьихъ имѣній тоже въ новыя руки—то купеческія, то также чиновничьи, которыя оказались чуть ли не хуже прежнихъ панскихъ, такъ какъ новый хозяинъ являлся въ край какъ-бы побѣдителемъ и именно съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на землю и на народъ.

Совершилось вмѣстѣ съ тѣмъ и другое великое экономическое явленіе, не менѣе освобожденія глубоко отразившееся на всѣхъ сторонахъ народнаго хозяйства: создались желѣзныя дороги, внесшія новыя жизненныя силы въ щедро надѣленный природою и богатый по своей производительности край.



У колодца.

Если, говоря объ арендномъ, хуторскомъ и поссессіонномъ хозяйствѣ, мы упрекали съемщиковъ за нежеланіе затрачивать капиталы на продолжительный срокъ, въ стрем-

леніи какъ можно скорѣе «вывладать» арендованнымъ участкомъ, то-есть выручить совершонныя затраты, то, по крайней мѣрѣ, мы должны отдать справедливость имъ въ томъ отношеніи, что въ дѣлѣ хозяйства каждый ихъ шагъ заранѣе оцѣненъ и предвидѣнъ, что они ведутъ хозяйство, какъ и всякое другое коммерческое предпріятіе, хотя рискованное, но нуждающееся въ строгомъ уходѣ и учетѣ, и гдѣ всякая ошибка оплачивается немедленнымъ, ясно осязаемымъ убыткомъ. Совершенно иначе поставлено дѣло у помѣщиковъ, притомъ въ особенности у тѣхъ, къ которымъ земля перешла по наслѣдству, у старинныхъ: земля своя—все вынесетъ, говорятъ они, и хозяйничаютъ на ней вполнѣ безучетно. Въ нѣкоторомъ отношеніи воззрѣніе на землю, какъ на вещь, съ которою все можно продѣлать, находило бы себѣ оправданіе, если бы только хозяева всегда понимали то, что они дѣлаютъ. и умѣли бы предвидѣть послѣдствія своихъ поступковъ; но на самомъ дѣлѣ этого вовсе нѣтъ; за ихъ спи-



Днѣпровская пристань подъ Кіевомъ.

ною не стоитъ роковая минута уплаты арендныхъ денегъ, годы недобора не грозятъ имъ разореніемъ, а до сознанія необходимости учета, до умѣнья поставить хозяйство на ногу коммерческаго предпріятія они не дошли еще умомъ. Какимъ образомъ возможно, напримѣръ, на Украинѣ, гдѣ трудъ сравнительно довольно дорогъ, вести дѣло безъ оборотнаго капитала и даже весьма значительнаго. Между тѣмъ сотни хозяевъ пускаются на этотъ фокусъ и хозяйничаютъ. Правда, при этомъ невозможно ни употребленіе усовершенствованныхъ орудій, ни травосѣяніе, ни даже культура красныхъ хлѣбовъ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черноземной части Черниговской губерніи), а волей-неволей приходится довольствоваться трехпольною системою съ ея безсмѣнными посѣвами ржи да овса, и въ лучшихъ случаяхъ отдачей земли крестьянамъ въ наемъ за деньги или исполу. Быть-можетъ, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ земли менѣе плодородны и урожаи, при мало-мальски сносной обработкѣ почвы и благопріятныхъ условіяхъ, менѣе значительны, такое хозяйство и не безвыгодно, но на тучномъ украинскомъ

черноземѣ, гдѣ у сколько-нибудь умѣлыхъ помѣщиковъ то-и-дѣло выходятъ превосходные урожаи пшеницы, мака, ганyса, подсолнуха, свекловицы и т. п.,—на подобной роскошной землѣ такая эксплоатація представляется положительно невыгодною, и отъ нея отказывается всякій смышленый и обладающій достаточными средствами хозяинъ; иное дѣло крестьянинъ: онъ, видно, иному Богу молится и такъ ему Богъ и велѣлъ хозяйничать не досыта.

Что касается способовъ эксплоатаціи земель, то вездѣ почти, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, главную основу хозяйства составляютъ посѣвы и притомъ посѣвы красныхъ хлѣбовъ, а изъ этихъ послѣднихъ—пшеницы. Но въ расположеніи, въ чередованіи колосовыхъ хлѣбовъ и въ относительныхъ размѣрахъ посѣва наблюдается большое различіе, обусловливаемое какъ состояніемъ почвъ, такъ и личнымъ взглядомъ хозяина на дѣло, а еще болѣе финансовыми его средствами. Культура красныхъ хлѣбовъ можетъ, несомнѣнно, дать бо́льшіе доходы, но зато въ то же время она сопряжена съ бо́льшимъ рискомъ и требуетъ бо́льшей затраты капитала; сѣя рожь съ овсомъ да съ пресловутою малорусскою гречкою — богатъ не будешь, но зато и не прогоришь. Такъ какъ большинство украинскихъ помѣщиковъ не дошли еще до вполнѣ правильнаго пониманія дѣла, до яснаго сознанія условій и требованій раціональной культуры, то въ выборѣ системы они прежде всего руководствуются своими личными наклонностями и вкусами; одинъ, напримѣръ, облюбилъ почему-то подсолнухъ или ганусъ и давай ихъ сѣять цѣлыми массами; другому вдругъ почему-то понравится макъ—возьметъ да и засѣетъ десятинъ 50, а то и больше, макомъ, а потомъ и плачется съ нимъ, не зная куда его сбыть. Примѣры подобнаго рода особенно часто повторялись прежде, въ такъ называемое переходное время, но видимъ мы ихъ изрѣдка и теперь; ясное дѣло, они показываютъ, что владѣльцы все-таки о чемъ-нибудь думаютъ, къ чему-то стремятся; а это, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону, какъ противоположность вѣковому застою, какъ своего рода исканіе лучшаго. Пожелать бы имъ только побольше послѣдовательности, побольше яснаго пониманія и вдумыванія въ дѣло, и результаты такого исканія въ концѣ концовъ не могли бы не оказаться благотворными.

Въ общихъ чертахъ мы можемъ сказать, что въ большей части имѣній, гдѣ отказались отъ залежной системы въ первоначальномъ ея видѣ и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не желаютъ приняться за трехпольную, понемногу вводятъ въ настоящее время сѣвооборотъ, который невѣрно называютъ «четырехпольнымъ» и который слѣдуетъ признать скорѣе всего за «неправильно-многопольный»; послѣдовательность посѣвовъ въ немъ въ сущности такова: 1) озимая пшеница или просо; 2) яровая пшеница, ленъ или горохъ и греча; 3) овесъ съ травою; 4, 5, 6) и т. д. трава на укосъ до тѣхъ поръ, пока земля не сядетъ и трава понемногу не пропадетъ.

Если мы захотимъ вникнуть въ условія крестьянскаго украинскаго хозяйства, то увидимъ, что оно стоитъ въ совершенно иномъ положеніи, нежели хозяйства помѣщичьи и поссессорскія. Мѣсто личнаго землевладѣнія здѣсь заступаетъ общинное; хозяйственною единицею, въ свою очередь,—впрочемъ, состоящею изъ душевыхъ единицъ,—являются семья, дворъ; чѣмъ больше членовъ въ семьѣ, чѣмъ больше въ ней душъ, тѣмъ семья богаче и наоборотъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ выгодъ и невыгодъ общиннаго землевладѣнія, такъ какъ этотъ крайне интересный вопросъ отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко отъ главной нашей задачи,—мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что такое землевладѣніе имѣетъ огромное значеніе въ томъ отношеніи, что, при настоящемъ невысокомъ нравственномъ уровнѣ крестьянина, создаетъ ему твердую почву подъ ногами, позволяющую переживать самыя бѣдственныя минуты, безъ окончательнаго разоренія и погибели, дѣлаетъ его частью одного цѣлаго, хотя и не стройнаго, но тѣмъ не менѣе живущаго своею крѣпкою, самостоятельною жизнью. Но, съ другой стороны, общинное землевладѣніе служитъ огромною помѣхою во всемъ, что касается до улучшенія пріемовъ сельскаго хозяйства. Оно удерживаетъ его въ томъ оцѣпенѣ-

ніи, въ той косности, при которыхъ долго еще немыслимо будетъ какое-либо движеніе впередъ. Въ отношеніи прочихъ видовъ хозяйства, основаніями крестьянскаго хозяйства являются только земля и трудъ; размѣры третьяго изъ факторовъ, составляющихъ существенное условіе всякаго производства, размѣры капитала ничтожны по отношенію къ первымъ двумъ,—вотъ первая помѣха къ усовершенствованію и развитію крестьянскаго хозяйства; вторую составляетъ общинное землевладѣніе, связывающее крестьянину руки, лишающее его энергіи, воли и инициативы, лишающее его свободы дѣйствій даже и въ тѣхъ немногихъ и крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда бы онъ откуда-нибудь и могъ пріобрѣсти капиталъ. Но третьею и самою существенною причиною застоя является отсутствіе побужденія къ усовершенствованію, отсутствіе импульса и инициативы, обусловливаемое невысокимъ уровнемъ развитія крестьянина, крайнею ограниченностью его потребностей и сравнительно довольно легкой возможностью ихъ удовлетворенія.

Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію крестьянскаго хозяйства съ чисто-агрономической точки зрѣнія, мы прежде всего видимъ, что и съ этой стороны оно представляетъ далеко неутѣшительную картину; трехпольная система до такой степени сроднилась съ плотью и кровью малоросса, что онъ считаетъ ее не только самою совершенною изъ всѣхъ возможныхъ системъ, но чуть-ли не единственною, чуть-ли не предписанною самимъ Провидѣніемъ. Простъ и не сложенъ сѣвооборотъ при этой системѣ, не хитра требуемая ею обработка земли, не цѣнны производимые ею хлѣба: въ озимомъ клину — пшеница (рѣдко немного ржи), въ яровомъ—овесъ, гречка, жидкое просо, ленъ пополамъ съ рыжикомъ, въ паровомъ полѣ—убогая травка, отъ которой у скотины давно ужъ животы подвело,—и это на такой почвѣ, которая въ состояніи приносить по 18 четвертей (180 пудовъ) пшеницы съ десятины, которая даже при плачевной крестьянской обработкѣ, отъ вѣка не видавъ удобренія, изъ года въ годъ даетъ хорошіе урожаи, конечно не красныхъ, но сѣрыхъ хлѣбовъ, которые ей поднять подъ силу. Въ сущности система эта даже и не трехпольная система, не та, по крайней мѣрѣ, которую принято понимать подъ этимъ именемъ въ наукѣ. Настоящая трехпольная система требуетъ раздѣленія всей земли на три равныхъ, или даже хотя бы и неравныхъ части, изъ которыхъ одна остается постоянно подъ травою, другая два года пашется, а третья паруетъ; при такихъ условіяхъ трава, снимаемая съ лугового участка, стравливается скоту, а навозъ, получаемый отъ этого скота, т.-е. составныя части той-же травы, вывозится на пашню, которая, такимъ образомъ, живетъ на счетъ луга, или вовсе не истощающагося въ томъ случаѣ, если онъ заливной, или же истощающагося очень медленно такъ какъ трава уноситъ сравнительно мало питательныхъ частицъ и убыль ихъ въ нѣкоторой мѣрѣ восполняется изъ атмосферы или изъ той же почвы чрезъ посредство вывѣтриванія. Въ малорусскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ мы ничего подобнаго не замѣчаемъ; луговъ у крестьянина нѣтъ, такъ какъ все, что только возможно было распахать, онъ давно распахалъ; хлѣбъ ему родитъ его пашня, которая одна отдувается за тяжесть снимаемыхъ съ нея урожаевъ, а такъ какъ и скотомъ онъ обездоленъ, то и навоза у него мало, да и тотъ онъ всего охотнѣе вывозитъ на свой конопляникъ. Не тому слѣдуетъ удивляться, что земля на Украинѣ родитъ мало, не тому, что она приноситъ несравненно худшіе, нежели прежде, урожаи, не тому, что она и то способна давать, что мы теперь отъ нея и видимъ, но тому, что она и вовсе не отказывается производить хлѣбъ, и тому, какъ баснословно велико ея плодородіе.

Въ послѣднее время, однако, старыя грани начали понемногу расшатываться, импульсъ данъ самою жизнью, начался таки переворотъ къ лучшему и громадныя послѣдствія этого переворота трудно пока даже и предвидѣть. То тутъ, то тамъ и небогатый помѣщикъ сталъ заводить кое-какія подходящія къ мѣстнымъ условіямъ машины, принялся внимательно слѣдить и добиваться хотя сколько-нибудь сносной предварительной обработки земли и даже порѣшилъ покинуть навсегда прадѣдовскій взглядъ на зерно, какъ на такое добро, которое не

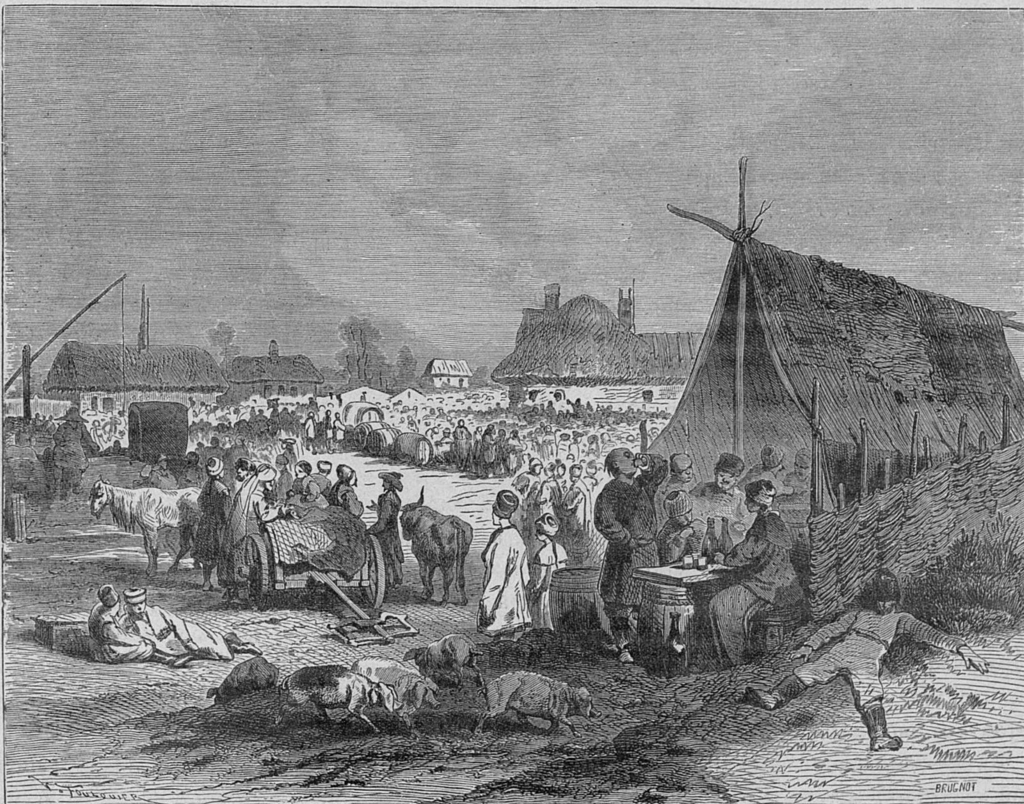
требуетъ никакой очистки и улучшеній. Даже и крестьяне, съ грѣхомъ пополамъ, начинаютъ иначе смотрѣть на навозъ, а кое-гдѣ измѣняютъ даже и систему посѣвовъ, и пшенички-то стали подсыпать побольше, и кое-гдѣ на сторонѣ снимаютъ земельки и, наконецъ, начинаютъ заниматься гораздо охотнѣе посѣвами гануса, свекловицы, если есть по близости сахарный заводъ, и даже масляничныхъ растеній; въ особенности полюбило крестьянство, такъ называемый, «рапсъ», который въ устахъ народа, вслѣдствіе черноватыхъ зеренъ своихъ, измѣнился въ «арапчикъ».

Несмотря на чрезвычайно важную роль, которую играетъ въ хлѣбной производительности Россіи пшеница, она вовсе не представляетъ собою растенія, культура котораго была бы особенно распространена въ нашемъ громадномъ отечествѣ; правда, что граница распространенія пшеницы достигаетъ 59, 61 и даже 62° сѣверной широты, но все-же культура этого злака имѣетъ дѣйствительное значеніе лишь въ юго-западной, южной и юго-восточной частяхъ Россіи, гдѣ пшеницею и почти только одною ею живетъ человѣкъ, лишенный въ огромномъ большинствѣ случаевъ возможности зарабатывать себѣ кусокъ хлеба какимъ-либо инымъ подходящимъ производствомъ. Здѣсь-то, въ южной полосѣ Россіи, и находится настоящая страна пшеницы, которая заканчивается на сѣверѣ почти въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ проходитъ сѣверная граница черноземной полосы, и соприкасается со страною ржи, которая обнимаетъ собою всю сѣверо-западную, сѣверную и сѣверо-восточную часть Россіи, а также и тѣ части ея центральной полосы, гдѣ нѣтъ чернозема. Непостоянство отличительныхъ и характерныхъ особенностей разныхъ родовъ пшеницы, постоянные и крайне частые перероды и другія обстоятельства дѣлаютъ рѣшительно немыслимымъ какое бы то ни было болѣе строгое и точное дѣленіе пшеницы, культивируемой въ странѣ, тѣмъ болѣе, что страна эта громадна и представляетъ такую массу самыхъ разнообразныхъ условій и стороннихъ вліяній.

Озимые хлеба въ Россіи занимаютъ около 30% всѣхъ пахатныхъ земель и около 48% того пространства, которое предназначено вообще подъ посѣвы; изъ этого числа цѣлыхъ 90% засѣвается рожью и только 10%—пшеницею. Но въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ никакой возможности считать всѣ эти цифры особенно вѣрными, такъ какъ въ Малороссіи, напримѣръ, случается очень часто, что около половины озимаго поля засѣвается пшеницею, и достаточно чтобы для земледѣльца явилась возможность удобрить извѣстное количество десятинъ, какъ онъ засѣетъ ихъ непремѣнно пшеницей, которая въ особенности хорошо родится послѣ пара. Всѣ разновидности озимой пшеницы, культивируемой въ Малороссіи, относятся къ мягко-зернымъ, и только въ нѣкоторыхъ лишь мѣстностяхъ и притомъ при извѣстныхъ, исключительныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, можно найти пшеницу, если и не прямо твердозерную, то полутвердую. При этомъ наблюдается одинъ крайне интересный фактъ: земли твердыя, не видавшія навоза и недавно лишь обращенныя въ пашню, другими словами—такія земли, какихъ не мало еще найдется вь нашихъ степныхъ губерніяхъ, производятъ, въ особенности въ года засухъ, хлѣба, которые по характеру своему близко подходятъ къ тому, что принято понимать подъ названіемъ «твердо-зерныхъ», тогда какъ тѣ-же земли, улучшенныя продолжительною и притомъ раціональною культурою и удобренныя болѣе или менѣе навозомъ, производятъ, въ особенности въ сырые года, попреимуществу «мягко-зерные» хлѣба. Самый химическій составъ зеренъ пшеницы вполнѣ зависитъ отъ климатическихъ и почвенныхъ условій; такъ, напримѣръ, Лясковскому удалось найти нѣсколько разновидностей при анализѣ зеренъ одного ботаническаго вида пшеницы; количество воды колебалось при этомъ между 10.73% и 12.36%, а количество азотистыхъ веществъ между 11.28% и 18.81%. Культура нѣжныхъ хлѣбовъ въ особенности значительно развита въ центральной части пшеничной области и притомъ въ особенности тамъ, гдѣ яровая пшеница сѣется наравнѣ съ озимою, т.-е. гдѣ климатъ умѣреннѣе и болѣе влаженъ, а почва подготовлена для подобныхъ посѣвовъ съ давняго времени; грубыя пшеницы производятся

въ особенности въ южной части черноземной области, т. е. въ южныхъ частяхъ степной полосы южной Россіи. Само собою разумѣется, что хлѣба средней нѣжности съ одинаковымъ успѣхомъ производятся почти повсемѣстно. Въ большей части района распространенія пшеницы, и въ особенности яровой пшеницы, земли никогда не удобряются и должны довольствоваться однимъ лишь болѣе или менѣе продолжительнымъ парованьемъ.

Количество получаемой въ Россіи пшеницы достигаетъ 28 м. четвертей или 280 м. пудовъ (5,600 милл. килогр.), изъ которыхъ почти $^6/_{10}$ производится Малороссіей. Въ силу увеличивающагося требованія, а также и въ силу большаго развитія производительности, количество отпускаемой за границу пшеницы въ сорокъ лѣтъ почти упятерилось, такъ какъ съ 2 м.



Украинская ярмарка.

четвертей возросло до 5 милліоновъ, причемъ главный вывозъ совершался, да и совершается, черезъ порты Азовскаго и Чернаго морей, такъ какъ порты Бѣлаго моря отпускаютъ лишь 0,05 изъ 1,000 четвертей вообще сбываемой за границу пшеницы, порты Балтійскаго моря—90,35, материковая граница—100,25, а Азовское и Черное море—809,35 четвертей. И всю эту массу золотистаго, роскошнаго зерна производитъ населеніе Малороссіи, не дѣлаясь отъ того съ каждымъ годомъ богаче по той простой причинѣ, что оно является лишь обрабатывающею машиною, тогда какъ барыши поступаютъ владѣльцу, которому, конечно, долго еще не придетъ въ голову заинтересовать въ производствѣ работника, благо и безъ этого отъ рабочей силы подчасъ въ иномъ мѣстѣ отбоя нѣтъ. На великую подмогу человѣка дала здѣсь ему природа терпѣливаго, выносливаго, безобиднаго и сильнаго друга и помощника въ лицѣ круто-

рогаго и красиваго, сѣропепельнаго вола, безъ котораго хохолъ такъ же немыслимъ, какъ безъ люльки, а великоруссъ—безъ косого ворота рубахи. Малорусскій крестьянинъ чуть не со дня своего рожденія получаетъ во владѣніе и управленіе такъ называемое ярмо, т. е. пару воловъ, къ которымъ онъ въ теченіе всей жизни, какъ къ неизмѣннымъ пособникамъ своимъ, относится любовно до такой степени, что и ударить-то ихъ боится; какъ великоруссъ легкорукъ на побои «скотинѣ», такъ, напротивъ того, воздерженъ на этотъ счетъ малоруссъ, который издавна уже, чуть-ли не съ той еще поры, когда прихожій умный грекъ назвалъ его по ошибкѣ скиѳомъ, понялъ всю силу своего покорнаго и сильнаго работника-вола и сумѣлъ оцѣнить ту пользу, которую это полезное животное приноситъ ему.

Малороссія производитъ много арбузовъ, дынь и т. п. Теперь, когда новей (нетронутыхъ участковъ) стало очень мало, все чаще и чаще приходится видѣть бахчи и на старопашныхъ залежахъ, тогда какъ въ 10—15 лѣтъ земля опять покрывается пыреемъ и ковылемъ, т. е. иначе—принимаетъ ту именно растительность, которая характеризуетъ степь. Не въ одной лишь Малороссіи, но и почти во всей южной Россіи, въ особенности же въ той ея части, которая и до сихъ поръ еще, хотя и не изобилуетъ степями, но носитъ однако названіе степной полосы,—бахчевничество развито довольно сильно и приноситъ немалый доходъ, такъ какъ сорта арбузовъ и дынь въ Малороссіи чрезвычайно разнообразны и вкусны и не только разбираются мѣстными потребителями, но идутъ и въ обѣ столицы. Конечно, овощи эти не сравняются по своей нѣжности и по вкусу съ арбузами астраханскими, камышинскими и въ особенности съ павловскими, но тѣмъ не менѣе они превосходно сбываются съ рукъ и потребляются публикою подъ названіемъ и видомъ камышинскихъ и павловскихъ. Дыня-арабка извѣстна по всей Малороссіи, но, къ сожалѣнію, не можетъ быть доставляема въ Петербургъ въ большихъ количествахъ, такъ какъ по нѣжности своей не можетъ выдержать пути; иногда она появляется, однако, въ столицахъ въ продажѣ подъ названіемъ «румынскихъ» и «венгерскихъ» дынь и тогда заключена бываетъ обыкновенно въ особую сѣтку, въ которой и подвѣшивается къ потолку вагона.

Количество земли, занятое ежегодно бахчами, опредѣлить чрезвычайно трудно, такъ какъ оно постоянно мѣняется, зависитъ отъ количества находящейся въ рукахъ владѣльцевъ степи и т. п. Конечно, на бахчахъ сѣютъ не одни лишь дыни и арбузы, но и огурцы, рѣдьку, морковь, свеклу, рѣпу и проч. Десятина бахчей даетъ или, вѣрнѣе, можетъ дать отъ 2,500 до 5,000 штукъ дынь и арбузовъ, а такъ какъ каждая штука вѣситъ обыкновенно около 10 ф., то, значитъ, съ десятины собирается въ годъ отъ 25,000 до 50,000 ф. (600—1,200 пуд.) плодовъ, что даетъ, при оцѣнкѣ пуда въ 12—15 коп., доходу съ десятины отъ 72 до 144 руб; къ этому нужно прибавить большой доходъ отъ огурцовъ и другихъ овощей.

Бахча—дѣло капризное: къ году—хорошо, а коли стрясется бѣда, да хватитъ поздній весенній морозикъ, засуха или, напротивъ того, дожди долгіе, такъ и сѣмянъ не собрать. Случается по временамъ, что и крестьянинъ надумаетъ бахчею заняться, а то и самъ панъ взоретъ цѣлину и засѣетъ ее удачливыми овощами, но бываетъ это рѣдко, дѣлается неумѣло, не спорится и, кромѣ убытковъ, ничего не приноситъ. Бахчевое дѣло — не барское дѣло! Тутъ день-деньской приходится колотыриться, тутъ только и можетъ нажить кулакъ-мѣщанинъ, который и не доспитъ, не доѣстъ, и отъ хапанаго не откажется.

Не однѣ, конечно, бахчи служатъ подспорьемъ въ южно-русскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Не мало барышей даетъ, напримѣръ, и табакоразведеніе. Только въ недавнее время культура табаку приняла въ Малороссіи довольно значительные размѣры, которые, однако, далеко не соотвѣтствуютъ размѣрамъ, возможнымъ для этой страны. Какъ ни старались разводить у себя, такъ называемые, «турецкіе табаки», ничего не вышло; чрезъ нѣсколько лѣтъ превосходнѣйшій трапезундскій табакъ обращался въ нѣчто среднее между обыкновеннымъ виргинскимъ и тютюномъ. Пробовали создавать особыя условія, но всѣ усилія оставались тщетными. Оче-

видно, чего-то не хватало, а чего именно—неизвѣстно. Въ настоящее время Россія производитъ около 4 милл. пудовъ табаку, изъ которыхъ около двухъ третей доставляетъ благодатная почва Малороссіи, гдѣ около 16 т. десятинъ засѣваются «дьявольскимъ быліемъ». При всей громадности цифры табаку, поставляемаго Малороссіей, нельзя не замѣтить, что если она беретъ количествомъ, то далеко уступаетъ качествомъ продукта другимъ мѣстностямъ, и между прочимъ—Бессарабіи и Крыму. Наибольшее количество табаку производится въ Черниговской губерніи, которая одна даетъ около милліона пудовъ, и въ Полтавской, откуда получается 600 т. пудовъ.

Производство свекловицы введено у насъ съ начала нынѣшняго столѣтія, вскорѣ послѣ того, какъ Ашаръ сдѣлалъ въ Германіи первые опыты добыванія сахара изъ этого корнеплоднаго растенія. Первые посѣвы свекловицы, точно такъ же, какъ и первыя сахароварныя фабрики, были заведены въ центрѣ и въ сѣверной части Россіи, а именно въ Тульской, Московской, Тверской и Новгородской губерніяхъ, но скоро опытъ показалъ, что почва этихъ мѣстностей далеко не соотвѣтствуетъ требованіямъ посѣва свекловицы, а потому сахарное производство и должно было перенестись на югъ, юго-западъ Россіи и въ Польшу, гдѣ оно и достигло почти тотчасъ же значительной степени развитія, двинувъ въ Европу огромное количество дешеваго сравнительно песку и рафинада.

Способы культуры, употребляемые въ различныхъ мѣстностяхъ свекловичной полосы Россіи, различаются главнымъ образомъ по отношенію къ способамъ кладки удобренія, которое или кладутъ прямо подъ свекловицу, или же подъ предшествовавшій ей посѣвъ. Вслѣдствіе этого мѣсто, занимаемое свекловицею въ сѣвооборотѣ, можетъ быть очень разнообразно. Если, напримѣръ, удобреніе кладется прямо подъ свекловицу, то послѣднюю сѣютъ послѣ пара, на который и вывозится навозъ. Такое пареніе земли передъ свекловичнымъ посѣвомъ пользуется почему-то широкими правами гражданства и притомъ въ особенности въ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ прибѣгаютъ къ пару для того собственно, чтобы имѣть достаточно времени приготовить почву подъ свекловицу нѣсколькими послѣдовательными вспашками. Понятно, что, при обширности свекловичныхъ посѣвовъ, представляется рѣшительно немыслимымъ успѣть произвести эти вспашки между уборкою предшествовавшаго свекловицѣ хлѣба и ея посѣвомъ. Въ томъ случаѣ, когда хотятъ возобновить посѣвъ свекловицы на томъ же участкѣ, снова даютъ землѣ отдыхать цѣлый годъ подъ паромъ, не удобряя уже этотъ второй паръ навозомъ; лишь изрѣдка приходится увидать два послѣдовательныхъ свекловичныхъ посѣва и даже болѣе того, какъ это случается иногда въ Кіевской губерніи. Понятно, что эта-то система и приводитъ земли къ быстрому истощенію, а корнеплодное растеніе къ весьма малой степени чистоты.

Малоруссъ не любитъ селиться великороссійскимъ «порядкомъ», и такъ какъ онъ дошелъ уже до сознанія необходимости имѣть при своемъ сельбищѣ «садочекъ», то вокругъ хатъ мы и видимъ обыкновенно небольшіе сады, по большей части вишнево-грушевые съ неминучими барвінками и «рожами» (штокъ-роза) въ клумбочкахъ. Понятно, что, при подобной наклонности къ «садочку», «вішні-черешні» и «квітоньку», избы не могутъ стоять рядомъ, другъ подлѣ друга, а возводятся такъ, чтобы было просторно развести свою забаву, да еще и нѣсколько колодокъ съ пчелами поставить. Другое отличіе—это отсутствіе тѣхъ безконечныхъ пустынь, которыя въ великорусскихъ поселеніяхъ громко именуются коноплянниками и гумнами. Малоруссъ своимъ умомъ дошелъ, что ему рѣшительно не стоитъ портить свою лучшую землю и тратить свой трудъ на такое дѣло, которое, какъ онъ ни бейся, барыша ему не дастъ, вслѣдствіе причинъ климатическихъ и почвенныхъ. Основываясь на этомъ, онъ пересталъ сѣять коноплю за своимъ домомъ, и полагаетъ, что гораздо выгоднѣе работать надъ пшеницею, за которую ему орловецъ привезетъ такихъ веревокъ и кудели, какихъ ему никогда не добыть съ его жирной и тучной земли. Гумна тоже не найдется въ малорусскомъ сельбищѣ по той простой причинѣ, что хохолъ понялъ, какъ невыгодно сохранять хлѣбъ въ скирдахъ и дѣлиться

имъ съ мышами, когда онъ можетъ обмолотить его и упрятать въ крытый амбаръ; да къ тому же и не привыкъ малоруссъ къ тому, чтобы у него хлѣбъ залеживался, такъ какъ издавна проторены у него для купцовъ дороги по Днѣпру и по другимъ рѣкамъ, а голодная Европа только и ждетъ, чтобы пути эти весною открылись. У церкви, а то и за слободою, гдѣ-нибудь въ яру, бываетъ чуть не въ каждомъ поселеніи базаръ, гдѣ хлѣбъ продается изъ первыхъ рукъ, идетъ обыкновенно бойко, благодаря предпріимчивому еврею, и или расходится въ разныя стороны, стягиваясь въ торговые центры, или же поступаетъ на мѣстныя нужды потребленія и на винокурни, которыя опять-таки избытокъ своего производства въ видѣ спирта вывозятъ за границу. Такимъ образомъ, въ Малороссіи, какъ и вездѣ, торговля является внѣшнею и внутреннею, а потому мы и обратимся къ ея разсмотрѣнію съ точки зрѣнія торговли хлѣбомъ, такъ какъ хлѣбъ составляетъ главное богатство Украины.

По отношенію къ вывозу, вся Украина принадлежитъ собственно говоря, къ пяти бассейнамъ или районамъ: Кіевская и ближайшія части другихъ смежныхъ губерній относятся къ бассейну Пинскому, южная часть Малороссіи—къ Черноморско-Одесскому, Харьковская губернія тянетъ къ Азовскому, а сѣверная часть Малороссіи—къ Смоленску и черезъ него къ Ригѣ, Москвѣ и къ Западной Двинѣ. Здѣсь мы не станемъ говорить о тѣхъ частяхъ Малороссіи, которыя тянутъ къ Ригѣ, Москвѣ и Ростову, а займемся лишь Пинскимъ и Одесскимъ районами, которые могутъ, по истинѣ и по всей справедливости, быть названы малороссійскими.

Сама природа какъ-бы указала, что Днѣпръ не всѣмъ своимъ теченіемъ долженъ служить питательною жилою для Чернаго моря; она пересѣкла его порогами и предначертала такимъ образомъ два пути для товаровъ: взводной и низовой или спускной. Случилось, что незначительный, собственно говоря, городокъ, едва влачащій обыкновенно свое существованіе, взялся быть сборнымъ пунктомъ именно для взводной торговли, а случилось это вовсе не безъ причины, но именно вслѣдствіе чрезвычайно выгоднаго положенія города Пинска на широкомъ и глубокомъ притокѣ Днѣпра, Припети, и притомъ чуть не у самаго начала двухъ искусственныхъ водныхъ путей, при посредствѣ которыхъ хлѣбъ и другіе громоздкіе малорусскіе товары могутъ быть дешево доставлены за границу. Тѣмъ не менѣе мы бы сильно ошиблись, еслибы хотя на минуту предположили, что Пинскъ представляетъ собою дѣйствительно хлѣбный торговый центръ, такъ какъ онъ стягиваетъ къ себѣ товары, какъ кулакъ-перекупщикъ, и является лишь пунктомъ чисто-передаточнымъ. Онъ даже не складочное мѣсто и если иной разъ случится найти въ немъ складъ, то можно быть увѣреннымъ, что товаръ залежался лишь потому, что его не успѣли во время сплавить. Пинскъ есть просто-напросто средоточіе болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ, да и тѣ, впрочемъ, никогда не достигаютъ особенно большихъ размѣровъ и главное—не дѣйствуютъ прямо отъ себя, а лишь сообразно съ заказами изъ Кенигсберга, Варшавы и Данцига; часто случается, что главные воротилы пинской хлѣбной торговли не только никогда не бывали въ конечныхъ пунктахъ своего района, но даже и не имѣютъ никакого понятія ни о портовой, ни о скупочной торговлѣ, такъ какъ въ портовыхъ городахъ они имѣютъ своихъ подручныхъ агентовъ, а на прямого производителя напущена у нихъ цѣлая армія комиссіонеровъ. Не обходится тутъ дѣло безъ складчины, такъ какъ люди побогаче имѣютъ своихъ спеціальныхъ комиссіонеровъ, тогда какъ болѣе бѣдные торговцы, могущіе въ годъ осилить всего какихъ-нибудь 20 т. пудовъ, подряжаютъ нѣсколько вмѣстѣ одного; такой комиссіонеръ и является какъ-бы связующимъ звеномъ между торговцами, ведущими заграничныя дѣла, и мѣстными хлѣбопромышленниками, такъ какъ врядъ ли когда удастся ему купить хлѣбъ или сало прямо изъ первыхъ рукъ. Комиссіонеръ являетъ собою какой-то совершенно особенный, изъ ряда вонъ выходящій, типъ: въ одно и то же время онъ принадлежитъ Пинску, а въ то же время и къ району, гдѣ ему поручено дѣлать закупки. Если комиссіонеръ постоянно занимаетъ эту должность, то онъ обязанъ прежде всего время отъ времени доносить своимъ довѣрителямъ о всѣхъ экономическихъ новостяхъ, случающихся въ его



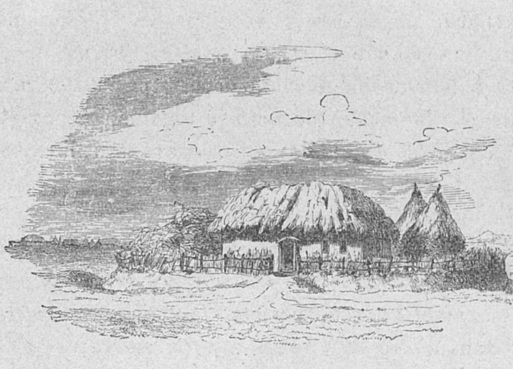
Типы украинцевъ и малоруссовъ,

районѣ, надежды на урожай, цѣны на всевозможные товары, въ виду того обстоятельства, что довѣритель его можетъ найти болѣе выгоднымъ перемѣнить спеціальность своей торговли, свои соображенія насчетъ выгоды той или другой операціи и т. п.; кромѣ того онъ по приказу долженъ купить товаръ и распорядиться его отправкою. Часто случается, что эти нехитрые комиссіонеры пользуются огромнымъ личнымъ кредитомъ со стороны своихъ хозяевъ, сотни тысячъ рублей высылаются имъ или наличными, или по переводамъ на мѣстныхъ капиталистовъ, безо всякой гарантіи или даже прочной нравственной связи между ними и ихъ довѣрителями; работы комиссіонеру всегда вдоволь, такъ какъ большую часть времени онъ проводитъ въ разъѣздахъ по знакомымъ мѣстнымъ евреямъ и помѣщикамъ, у которыхъ разузнаетъ, приторговываетъ, хлопочетъ, но никому не бросается въ глаза и совершенно теряется въ массѣ еврейскаго населенія, такъ какъ по внѣшнему виду своему совершенно ничѣмъ не отличается отъ окружающей среды; только одинъ разъ въ году является онъ въ Пинскъ повидаться со своей родней и съ хозяиномъ и донести самолично о состояніи порученнаго его дѣятельности края. Благодаря учрежденію комиссіонеровъ, въ Пинскѣ всегда во всѣхъ подробностяхъ знаютъ объ экономическомъ состояніи почти всей юго-западной Россіи, причемъ, по мѣрѣ удаленія за черту тяготѣнія грузовъ къ Пинску, свѣдѣнія эти становятся сбивчивѣе и менѣе вѣрны.

За труды свои комиссіонеры получаютъ обыкновенно не жалованье, а извѣстный процентъ со всей суммы, на которую они сдѣлали закупку, причемъ съ продавца они берутъ $^1/_2$%, а съ покупателя 1%, такъ что каждый пудъ приноситъ имъ отъ 2 до 4 коп., смотря по урожаю и по стоящимъ на рынкѣ цѣнамъ. Но не одни лишь комиссіонеры питаются отъ крупныхъ капиталовъ, пребывающихъ въ Пинскѣ, такъ какъ каждый, хотя сколько-нибудь значительный торговый домъ пополняетъ свой персоналъ цѣлою массою случайно привлеченныхъ къ его дѣятельности лицъ, маклеровъ. Вездѣ въ южной Россіи, гдѣ торговля ведется не мѣстными торговцами, а пришлыми изъ другихъ мѣстностей евреями, учрежденіе маклеровъ является совершенно необходимымъ; онъ долженъ знать все, все провѣдать и вывѣдать, свести вмѣстѣ тѣхъ лицъ, у которыхъ есть что-нибудь продажное и есть желаніе купить, наблюдать за всѣми дѣйствіями лицъ, вступившихъ въ какія либо сношенія и тѣмъ болѣе обязательства къ тому, кому служитъ маклеръ, блюсти, какъ зеницу ока, порученныя ему выгоды и доносить обо всемъ тому, отъ кого онъ маклерствуетъ. Маклеръ есть ходячій прейскурантъ, въ которомъ обозначены цѣны, количество имѣющагося товара, предлагаемаго въ продажу, мѣстонахожденіе его, степень нужды продавца въ деньгахъ,—однимъ словомъ, все, что можетъ интересовать покупателя и не уложится на страницѣ ни одной биржевой газеты.

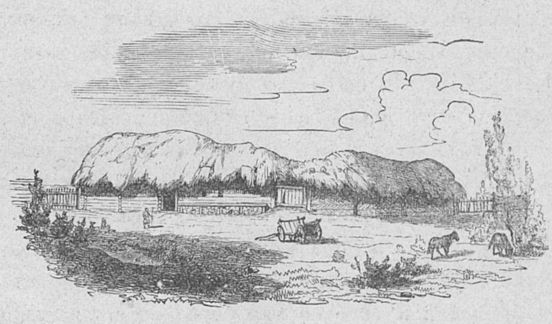
Странно, что Днѣпръ служитъ какъ бы гранью для пинскихъ покупокъ, такъ какъ на правый берегъ его послѣднія переходятъ лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ и главная доля хлѣба идетъ отсюда въ Могилевъ, Шкловъ и въ Екатеринославъ. Сѣверная часть Кіевскаго и почти весь Радомысльскій уѣздъ входятъ въ составъ такъ называемаго Полѣсья, гдѣ сельское хозяйство едва кормитъ населеніе, которое живетъ разрозненно и кормится болѣе вокругъ лѣса, издавна сдѣлавшись лѣсовиками или, какъ называетъ ихъ народъ, полѣхами. Эта обездоленная область спускается по теченію Днѣпра вплоть до Кіева, а отъ этого города вплоть до Триполья залегаютъ широкою полосою пески и лѣса; только отъ Триполья начинается возвышенная, густо населенная и почти безлѣсная мѣстность, гдѣ хлѣбопашество составляетъ преобладающую отрасль хозяйства. Вслѣдствіе своихъ климатическихъ и почвенныхъ условій, Кіевская губернія, не говоря о ея свеклосахарномъ значеніи, сдѣлалась производительницею пшеницы и многія мѣстности вовсе не производятъ ржи; производство всегда сосредоточивалось, да находится и до сихъ поръ, въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые и сѣютъ преимущественно красныя пшеницы, не особенно цѣнимыя въ Данцигѣ и Кенигсбергѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Кіевъ уже по своему положенію (не въ центрѣ района) не могъ сдѣлаться главнымъ центральнымъ пунктомъ хлѣбной торговли и долженъ былъ усту-

пить въ этомъ отношенія болѣе центральной Ржищевской пристани; Пинскъ не могъ войти въ прямыя сношенія съ Ржищевымъ, такъ какъ онъ привыкъ закупать превосходныя волынскія пшеницы, а съ красными пшеницами ему рѣшительно нечего дѣлать, тогда какъ вѣчно живущая впроголодь Могилевская губернія беретъ эти сорта вполнѣ охотно и перемалываетъ ихъ съ успѣхомъ на своихъ крупчаткахъ. Ржищевъ служатъ мѣстопребываніемъ постоянныхъ и временныхъ комиссіонеровъ съ разныхъ рынковъ—Могилева, Шклова, Кременчуга и Екатеринослава; хотя многіе изъ живущихъ здѣсь комиссіонеровъ и производятъ закупки на лѣвомъ берегу, тѣмъ не менѣе главныя продажи на сроки совершаются не на мѣстѣ, а въ Кіевѣ, во время зимней крещенской ярмарки или такъ называемыхъ «контрактовъ», на которыхъ вообще принято совершать торговые обороты съ хлѣбомъ въ юго-западной Россіи. Въ особенности въ прежнее время съѣзды помѣщиковъ трехъ юго-западныхъ губерній, имѣвшіе мѣсто сначала въ Дубнѣ, потомъ въ Кіевѣ, для заключенія различныхъ сдѣлокъ, подрядовъ, арендъ, покупокъ, сопровождались съѣздами всего торговаго люда, находившагося съ ними въ сношеніяхъ. Еще въ памяти у всѣхъ веселое время контрактовъ, когда среди блистательныхъ банкетовъ и баловъ рѣшались всѣ денежныя дѣла, а хлѣбъ волынскій и подольскій лучше и легче покупался въ Кіевѣ, нежели на мѣстѣ. Главный производитель — помѣщикъ въ рѣдкихъ лишь случаяхъ рѣшался продать дома свои продукты — развѣ, если приспичитъ, бывало, бѣда неминучая, — а ждалъ съ непонятнымъ терпѣніемъ цѣны контрактовой. Въ случаѣ же нужды въ деньгахъ, бралъ ихъ съ большою охотою въ видѣ задатка подъ будущій свой хлѣбъ, который онъ заподряжался сдать покупщику по цѣнѣ, состоявшейся на кіевской крещенской ярмаркѣ. Кромѣ «контрактовъ» были, правда, въ краѣ и другіе еще съѣзды для продажъ и покупокъ, какъ, напримѣръ, въ Бердичевѣ во время пречистенской ярмарки; но всѣ эти съѣзды обладали чисто-частнымъ и мѣстнымъ значеніемъ, тогда какъ контракты уважались всею Малороссіей.



Украинская хата.

Теперь все значеніе «контрактовъ» пало; они утратили свой прежній характеръ и свое значеніе, такъ какъ остались лишь одни обороты съ сахаромъ, которые поглощаютъ всю ярмарочную дѣятельность. Постоянная нужда въ деньгахъ, испытываемая несумѣвшими устроиться въ своемъ новомъ положеніи помѣщиками, возможность найти всегда кредитъ у мѣстныхъ торговцевъ, разбогатѣвшихъ прежними торговыми операціями, раздробленіе хлѣбной торговли между большимъ количествомъ рукъ, а отчасти и самое раздробленіе производства, прямыя доставки хлѣба въ Одессу вслѣдствіе распространенія закупокъ непосредственно агентами одесскихъ конторъ, а главное—постройка цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ и высокая пошлина на хлѣбъ, введенная въ послѣднее время германскимъ правительствомъ, — все это вмѣстѣ взятое отняло у кіевской ярмарки ея былое величіе; годъ отъ году становится она малолюднѣе и скоро, вѣроятно, утратитъ и послѣднюю долю вліянія на торговлю юго-западнаго края.



Хуторокъ.

Кромѣ Ржищева ведутъ отпускную изъ района торговлю самъ Кіевъ и Триполье, но слѣдуетъ замѣтить, что качества правобережнаго хлѣба не считаются торговцами вполнѣ удовлетворительными; положимъ, что сыромолотное зерно хорошо, сухо, полно, если только вымолочено тотчасъ послѣ жатвы въ теплые осенніе дни, но въ томъ то и дѣло, что такого зерна въ продажу поступаетъ весьма мало, и потому торговцы иногда вовсе отказываются покупать пшеницу весною, зная напередъ, что она зимней, неспорой молотьбы и потому не можетъ быть суха. Еще болѣе плоха эта пшеница по своей отдѣлкѣ; такъ называемый млынокъ есть не во всѣхъ хозяйствахъ Приднѣпровья, и торговцамъ самимъ приходится перечищать хлѣбъ, что и дѣлается ими самымъ первобытнымъ способомъ перебрасыванія на парусахъ или перелопачиванія черезъ рѣшета изъ воловьей кожи. Преобладающій сортъ пшеницы—красная, лишенная остьевъ и дающая хорошую полбу; сандомирка сѣется очень мало, и только въ большихъ экономіяхъ разводятъ англійскую маріагельфъ. Понятно, что бойкій ходъ товара долженъ былъ заставить населеніе заняться извозомъ, который, хотя и не составляетъ преобладающаго занятія крестьянъ, тѣмъ не менѣе научилъ мѣстныхъ жителей различать обстоятельства торговли и извозныя цѣны; тутъ, при наймѣ, большихъ толковъ не бываетъ, да и уговоровъ нѣтъ; цѣна, какъ такса, устанавливается одна повсемѣстно и разница можетъ быть лишь самая незначительная. Самый наемъ подводъ—дѣло далеко не легкое, такъ какъ хорошій, исправный хозяинъ такъ, зря не наймется, а ждетъ, чтобы пришли ему поклониться, любитъ, чтобы его упрашивали, потчивали,—и надо видѣть, какъ увиваются вокругъ него агенты, какъ онъ надъ ними ломается, пока горилка не справитъ своего дѣла, и гордецъ не согласится выставить 8—10 подводъ.

Сама природа какъ-будто указала въ Малороссіи, какимъ путемъ должны двигаться здѣсь хлѣбные и другіе грузы, но, къ сожалѣнію, человѣкъ рѣшительно презрѣлъ эти естественные пути и не подумалъ приложить къ нимъ свои руки для того, чтобы сколько возможно улучшить ихъ и приспособить для безпрепятственнаго движенія грузовъ; до сихъ поръ еще водяныя сообщенія края находятся въ чисто естественномъ состояніи, и Днѣпръ по всему своему теченію не имѣетъ другихъ искусственныхъ сооруженій, кромѣ запруды стараго теченія подъ Кіевомъ, незначительной очистки отъ камней въ разныхъ мѣстахъ и стараго, ни на что почти негоднаго канала для обхода Ненасытецкаго порога. Общими признаками всѣхъ большихъ судоходныхъ рѣкъ юго-западнаго края является чрезвычайно сильная измѣняемость фарватера, переносныя мели, извилистость теченія, развѣтвленіе на множество рукавовъ и отсутствіе бичевниковъ. На сколько первобытны берега и русла рѣкъ юго-западнаго края, на столько же просты остались здѣсь и самые способы и средства перевозки грузовъ; такъ, напримѣръ, до 1867 года паръ вовсе не прилагался на Днѣпрѣ къ передвиженію товаровъ. Почти единственными представителями судовъ, плавающихъ въ верхней части Днѣпра и по Припети, являются, такъ называемыя, берлины, которыя, конечно, не могутъ быть признаны русскою выдумкою, что доказывается уже самымъ названіемъ этихъ посудинъ. Наше основное славянское судно «байдакъ» почти вовсе исчезло въ виду появленія болѣе легкой и удобной берлины, а брянская и трубчевская барка возможна лишь для сплавного судоходства; настоящіе судопромышленники выходятъ изъ вѣтковскихъ раскольниковъ и евреевъ Припети. Русская берлина, какъ и все, что дѣлается «на манеръ иностраннаго», но съ непремѣннымъ условіемъ наложенія своего русскаго отпечатка, представляетъ собою обезображенный до-нельзя иностранный образецъ; закругленный носъ и кончающаяся вертикальною почти плоскостью корма, сильно выгнутыя ребра и естественный цвѣтъ дерева рѣзко отличаютъ ее отъ плоскодонной, съ длиннымъ, острымъ носомъ и кормой, осмоленной и легкой уже съ одного вида нѣмецкой берлины, нѣсколько болѣе широкой при ватерлиніи, чѣмъ между краями бортовъ. При средней вмѣстимости въ 10 т. пудовъ, берлина обходится обыкновенно въ 3—4,000 р. и строится по всему теченію Днѣпра, даже въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ; лучшими по работѣ считаются

на Днѣпрѣ берлины изъ Вѣтки, Родуля и разныхъ мѣстъ по рѣкѣ Сожу, причемъ качество лѣса и давнишняя испытанная опытность строителей упрочили репутацію тамошнихъ судовъ, такъ что, если судно строится даже и ниже по Днѣпру, то рабочіе все-же берутся изъ Присожья. Только въ самое послѣднее время усилилось на Днѣпрѣ пароходное движеніе, которому можно обѣщать блестящую будущность, такъ какъ громоздкихъ грузовъ слишкомъ достаточно и везти ихъ по желѣзнымъ дорогамъ невыгодно.

Постройка желѣзныхъ дорогъ тѣмъ не менѣе не могла не повлiять въ значительной мѣрѣ на хлѣбную торговлю Малороссіи; измѣнились центры тяготѣнія грузовъ; измѣнились и пути ихъ слѣдованія, такъ какъ почти половина товаровъ, направлявшихся прежде на Пинскъ, пошла нынѣ прямо на Варшаву и Бромбергъ, а отчасти свернула къ Одессѣ и австрійской границѣ; когда германское правительство, въ виду соображеній чисто-государственнаго свойства, безмѣрно увеличило пошлины съ привознаго хлѣба, то и пшеница, и рожь поспѣшили измѣнить направленіе и всею массою своею прошли черезъ Подволочискъ въ Австрію, хотя послѣдняя и не особенно бѣдна хлѣбомъ, имѣя у себя свою собственную житницу въ Венгріи, въ Буковинѣ, а отчасти и въ Галиціи; остальной хлѣбъ двинулся въ порты Чернаго моря и въ особенности въ Одессу, которая никогда еще не работала такъ, какъ въ послѣдніе годы.



Домикъ графа Стадницкаго въ Старой Синявкѣ (Подольской губерніи, Литинскаго уѣзда).

Главными производителями ржи являются крестьяне, и главная масса этого хлѣба получается сборкою, т.-е., другими словами, поступаетъ въ продажу только осенью и зимою, когда крестьяне управятся съ молотьбою; по качеству своему лучшими житами считаются черниговскія, такъ какъ они свѣжѣе, крупнѣе и чище, южно-полтавскія хуже сѣверо-полтавскихъ, а эти послѣднія хуже черниговскихъ. Гораздо большее значеніе для мѣстныхъ жителей имѣетъ сбытъ ржи на мѣстныя винокурни; эти послѣднія покупаютъ болѣе и чаще по той причинѣ, что крестьянская мука, а также и помѣщичья, отчасти имѣетъ всегда примѣси, тогда какъ купивши хлѣбъ житомъ, винокуръ просушитъ зерно, отвѣетъ, отсортируетъ и лучшее зерно отправляетъ на мельницу для заторовъ, а остатки съ примѣсью гороха перемалываетъ на хлѣбъ для самаго невзыскательнаго изъ потребителей— своего работника. Изъ данныхъ акцизнаго вѣдомства мы видимъ, что на винокурни сдается до 2 м. пудовъ хлѣба. Въ оборотахъ Кременчуга съ Одессою и Николаевымъ пшеница занимаетъ собственно самое ничтожное мѣсто.

Сводя воедино всѣ данныя, имѣющіяся у насъ подъ рукою, о движеніи хлѣбной торговли въ районѣ Чернаго моря, мы видимъ, что изъ района пинскаго въ одесскій поступаетъ только льняное сѣмя, немного пшеницы и крупы; затѣмъ цифры располагаются слѣдующимъ образомъ: Кременчугъ собираетъ и отправляетъ до 900,000 пудовъ, Кіевская губернія отправляетъ къ Черному морю до 2,000,000 пуд., Подольская губернія даетъ къ Одессѣ 12,700,000 пудовъ, Балта 4 милліона пудовъ, Бирзула 2 милліона пудовъ, Херсонская губернія 13 милліоновъ пудовъ, чрезъ пороги проходитъ $2^1/_2$ милліона пудовъ, Никопольская группа пристаней отпускаетъ $2^1/_2$ милліона пудовъ, Бериславская группа $2^1/_2$ милліона пудовъ, Херсонская—$^1/_2$ милліона пудовъ; Николаевъ отпускаетъ за границу до 7 милліоновъ пудовъ, мимо Очакова изъ

устьевъ Днѣпра проходитъ въ Одессу до 6 милліоновъ пудовъ; по Днѣстру идетъ изъ Подольской губерніи $2^3/_4$ милліона пудовъ, по Бугу 2 милліона пудовъ, по желѣзной дорогѣ приходитъ въ Одессу $9^1/_4$ милліоновъ пудовъ, по Днѣстру изъ Бессарабіи $2^1/_2$ милліона пудовъ и, наконецъ, Одесса отпускаетъ 35 милліоновъ пудовъ. Кромѣ того около 1 милліона пудовъ пшеницы направляется къ Измаилу, около $^1/_2$ милліона въ Буковину и около $^1/_2$ милліона въ Галицію. Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти цифры должны быть довольно значительно увеличены, какъ потому, что немалая часть хлѣбовъ пинскаго и другихъ районовъ, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, направилась на Одессу, которая въ последнее десятилѣтіе могла бы удвоить размѣры своей хлѣбной торговли, еслибы не быстрое паденіе нашего денежнаго курса, которое хотя и привело къ большимъ покупкамъ, но сдѣлало то, что производители, продавая больше товара, получали за него меньшее количество денегъ; а тутъ еще двинула свою пшеницу, дешевую и притомъ превосходную по качествамъ своимъ, Америка и окончательно не даетъ нашимъ сортамъ мѣста на исконныхъ, излюбившихъ нашу пшеницу, рынкахъ Лондона, Марсели и даже далеко неразборчиваго Ливорно.

Если громадна роль Малороссіи въ дѣлѣ снабженія сырьемъ русскихъ и заграничныхъ рынковъ, то внутренняя торговля края находится здѣсь въ совершенно зачаточномъ состояніи, вслѣдствіе того, что мѣстный туземный элементъ, и благодаря своимъ народнымъ врожденнымъ вкусамъ, и вслѣдствіе особыхъ, стороннихъ обстоятельствъ, совершенно отклонился отъ торговой дѣятельности. Еще съ самаго Андрусовскаго договора, порѣшившаго судьбу Малороссіи, народонаселеніе ея стало все болѣе и болѣе сгущаться отъ частыхъ притоковъ выходцевъ изъ-за праваго берега Днѣпра; туземное пришлое казачество разселилось по хуторамъ, селамъ, мѣстечкамъ и городскимъ предмѣстьямъ, и невольно должно было предаться мирнымъ сельскимъ занятіямъ, тогда какъ города совершенно ими не заселялись; казакъ по самой природѣ своей не могъ сдѣлаться купцомъ и торговля ограничивалась продажею сельскихъ произведеній, плодовъ добычи собственныхъ трудовъ, собственной жатвы, ручного домашняго ремесла. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ слабомъ значеніи городскихъ центровъ и купеческаго промысла, сельскія ярмарки должны были получить для народонаселенія особенную важность. И, дѣйствительно, нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ множествѣ, какъ на Украинѣ. На основаніи оффиціальныхъ данныхъ мы видимъ, что первыя два мѣста по числу ярмарокъ во всей Россіи принадлежатъ Харьковской и Полтавской губерніямъ, изъ которыхъ въ одной 425, а въ другой—372 городскихъ и сельскихъ ярмарокъ, тогда какъ во Владимірской, т.-е. чисто-великорусской губерніи—ихъ только девять.

Но не однимъ лишь числомъ своимъ ярмарокъ разнится Украина отъ Великороссіи,—и самый характеръ ярмарокъ ея совершенно различенъ; малороссійская сельская ярмарка стоитъ на мѣстѣ цѣлую недѣлю, а то и двѣ, а иногда и больше, и возобновляется въ одномъ и томъ же мѣстѣ до шести разъ въ годъ, переходя въ промежуточное время въ другія мѣста, такъ что ярмарки образуютъ тысячи небольшихъ ярмарочныхъ округовъ. Совершенно тотъ же характеръ перенесенъ и на оптовыя ярмарки, какъ напр. въ Харьковѣ цѣлыхъ четыре ярмарки, изъ которыхъ каждая продолжается около мѣсяца, въ Ромнахъ ихъ три и т. д. Понятное дѣло, что ярмарка, которая беретъ три или четыре мѣсяца въ году съ одними и тѣми же купцами, въ одномъ и томъ же пунктѣ, не можетъ назваться ярмаркою въ общепринятомъ смыслѣ; и сельскія ярмарки на Украинѣ носятъ цѣликомъ характеръ подвижнаго, ходячаго рынка, вращающагося благодаря промышленному духу великорусса цѣлый годъ по извѣстному округу. Само собою разумѣется, что подобное явленіе, которымъ поспѣшили воспользоваться и великорусскіе торговцы, и евреи, въ сильной степени способствовало развитію въ малороссахъ привычекъ къ промышленной косности и медленности,—въ свою очередь поддерживающихъ это явленіе и донынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь ближе въ сущность вопроса, мы

видимъ, что нѣтъ ничего удобнѣе подобнаго порядка: сидѣть себѣ дома и знать навѣрное, что не замедлитъ появиться ярмарка съ купцами, которые и купятъ сырье, и привезутъ съ собою товары обработанные; но, какъ это ни кажется удобно съ перваго взгляда, въ дѣйствительности особенныхъ удобствъ такое положеніе не представляетъ, такъ какъ благодѣтель-купецъ платитъ за малорусское сырье въ три-дешева, а беретъ за свой московскій товаръ въ три-дорога и держитъ богатую Украину въ промышленной неволѣ. Давно уже, еще въ 1789 году, авторъ описанія Харьковскаго намѣстничества заявлялъ, что «торговый промыселъ по всей Украинѣ примѣчателенъ, но торговля ихъ, хотя и второй руки, есть домовная, располагающая больше къ пристойному пропитанію, а не къ обогащенію». А между тѣмъ не безъ нужды было на Украинѣ. Нуждалась Малороссія въ лѣсѣ, стеклѣ, желѣзныхъ орудіяхъ, красномъ товарѣ и т. п., которыхъ страна не производила и которые, при отсутствіи фабрикъ



Образцовая пасѣка въ Сумскомъ уѣздѣ.

и заводовъ, она могла получать только изъ Россіи или изъ Польши. Къ счастью, природа надѣлила ее плодородною почвою, а потому у нея и было всегда достаточно сырья для сбыта и полученія денегъ на неминучія покупки «московскихъ викрутасовъ», которые были до зарѣзу нужны малороссу; къ сожалѣнію, однако, вовсе неприготовленный къ торговой, суетливой дѣятельности, чуждый строгой, московской админастративной регламентаціи, малороссъ, не только прежде, но и въ настоящее время, при сравнительномъ изобиліи желѣзныхъ дорогъ, никогда не ѣздитъ самъ за товарами туда, гдѣ они производятся, никогда не ходитъ на заработки въ сѣверныя губерніи, и, если необходимость заставляетъ его иногда двинуться съ мѣста, такъ онъ идетъ только на югъ, на Донъ и въ Бессарабію. Въ силу этихъ то причинъ, великорусскіе промышленники не стали дожидаться требованія и запроса со стороны малоросса, а сами являлись къ нему, такъ сказать, на домъ, соблазняя его товарами, избавляя его отъ хлопотъ перевозки, навязывая ему товаръ въ безсрочный кредитъ. Сначала тамо-

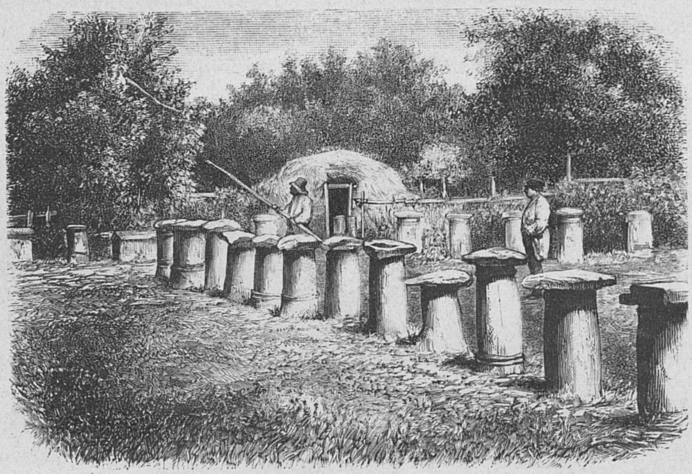
женныя заставы, отдѣлявшія Малороссію отъ Россіи, еще останавливали это движеніе, но, съ уничтоженіемъ заставъ и съ прекращеніемъ пошлиннаго сбора, тысячи русскихъ ходебщиковъ Орловской, Владимірской и великорусскихъ старообрядческихъ слободъ Черниговской губерніи спустились тучею на Украину и оживили ея сельскія ярмарки. Этотъ мирный, промышленный набѣгъ, это постоянное вторженіе дѣятельной, живой великорусской стихіи—не только продолжается и понынѣ, но еще и съ каждымъ годомъ усиливается, съ тою разницею, что бродячее торговое великорусское племя, наконецъ, послѣ долгихъ скитаній осѣдаетъ. Если послушать самихъ купцовъ, то оказывается, что городскіе центры, лѣтъ уже 50 тому назадъ, стали непомѣрно возрастать: число купеческихъ капиталовъ въ городахъ увеличилось и притомъ въ особенности со времени окончательной постройки нынѣшней сѣти желѣзныхъ дорогъ; но если мы всмотримся хорошенько, кому же, наконецъ, обязаны городскіе центры въ Малороссіи своимъ усиленіемъ, то замѣтимъ, что населеніе ихъ увеличивается великорусскими торговцами.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій украинской внутренней торговли слѣдуетъ признать соединеніе въ одномъ лицѣ и фабриканта, и перваго торговца; явленіе это возникло давно уже и до сихъ поръ еще существуетъ во всей своей силѣ. Когда послѣ изданія тарифа 1822-го г., число фабрикъ значительно умножилось и мануфактурная производительность усилилась до крайности, то скоро насталъ день, когда количество произведеній, при стараніи русскаго человѣка обойтись безъ фабричныхъ произведеній, оказалось несоразмѣрнымъ требованію; пришлось поневолѣ искать новыхъ рынковъ для сбыта постоянно увеличивающагося количества товаровъ, надо было родить потребности, создать во что бы то ни стало покупателя, навязать ему товаръ почти насильно, обольстить и опутать его кредитомъ и такимъ образомъ притти къ тому странному положенію, въ которомъ находится великорусская мануфактурная торговля въ Малороссіи. Размноженіе фабрикъ и соперничество между ними, при сравнительной скудности требованія, понизило цѣны до-нельзя, т.-е., почти до стоимости ихъ самому производителю, а при такой относительной дешевизнѣ товара понятно, что фабрикантамъ приходилось брать массою, т.-е. сбывать товаровъ какъ можно больше, что невольно заставило ихъ поскорѣе высвободиться изъ подъ купеческой зависимости и опеки или отклонить всякое посредничество между производителемъ и потребителемъ, которымъ въ данномъ случаѣ являлся розничный торговецъ, а не дѣйствительный потребитель.

Ярмарочные оптовые торговцы стѣсняли фабрикантовъ разными требованіями, видимо обличавшими стремленіе къ монополіи; понятно, что они брали только то количество, какое было имъ нужно, и, поднимая товаръ въ цѣнѣ на ярмаркахъ, обращали барышъ въ свою пользу; когда же, наконецъ, многіе фабриканты рѣшились сами воспользоваться этимъ барышемъ и расширить кругъ своего сбыта, тогда купцы не могли уже продавать товаръ дороже, чѣмъ продавали его первые производители, и стали забирать товары только у тѣхъ фабрикантовъ, которые еще сами на фабрики не ѣздили, причемъ купцы въ огражденіе себя неизмѣнно требовали, чтобы эти фабриканты никому болѣе, кромѣ ихъ, товаровъ на «украинскую» или «хохлацкую руку» не продавали. Но пришла пора, когда и эти фабриканты, одинъ за другимъ, по мѣрѣ усиленія производства на ихъ фабрикахъ разрывали тягостныя для нихъ условія съ оптовыми торговцами и выступали сами на поприще оптовой ярмарочной торговли; понятно, что участіе, принятое фабрикантами въ ярмаркахъ, должно было сдѣлаться, да и дѣйствительно сдѣлалось причиною банкротства многихъ купцовъ, которое въ свою очередь нанесло огромные убытки другимъ фабрикантамъ, ввѣрявшимъ имъ до той поры товары. Но и этого оказалось слишкомъ недостаточнымъ для усиленія сбыта товаровъ; появленіе самихъ фабрикантовъ на ярмаркахъ, продажа товаровъ прямо изъ рукъ производителей, совмѣстничество производителей на богатомъ лишь съ виду, но въ концѣ концовъ безденежномъ малорусскомъ рынкѣ, постоянно увеличивавшаяся масса привоза—все это породило не только кредитъ, необузданный никакими банкротствами, но даже и конкуренцію и соперничество въ

самомъ дѣлѣ кредита. Каждая лавка, желая привлечь къ себѣ покупателей, соперничаетъ и до сихъ поръ съ другою не бо́льшимъ или меньшимъ достоинствомъ товара, не дешевизною, такъ какъ цѣны уравнялись до верха возможности и сдѣлались почти у всѣхъ одинаковыми, а болѣе или менѣе отважнымъ кредитомъ. Кто больше кредитуетъ, тотъ сбываетъ и большую массу товаровъ, и понятно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, малороссъ, никогда не рискующій, кромѣ посѣва подсолнуха, и не имѣющій нужды кредитовать кого бы то ни было, оказался совершенно затертымъ русскими торговцами.

Въ виду той громадной роли, которую играютъ въ торговлѣ Уркаины офени и слобожане, не можемъ не сказать о нихъ нѣсколько словъ, которыя разъяснятъ читателю ихъ значеніе. Какъ извѣстно, офенями называются ходебщики или, другими словами, разносчики разнаго краснаго и галантерейнаго товара, уроженцы преимущественно Владимірской губерніи Ковровскаго и Вязниковскаго уѣздовъ, которые предлагаютъ невзыскательному покупателю селъ и деревень разные московскіе товары также точно, какъ «цесарцы» или «венгерцы», по справкамъ всегда оказывающіеся словаками, предлагаютъ ему произведенія плохонькихъ австрійскихъ фабрикъ. До сихъ поръ, несмотря на проведеніе повсюду желѣзныхъ дорогъ, которыя сдѣлали, по народному выраженію, «Москву повсюду», огромными массами идутъ они въ Украину и Новороссію, гдѣ и занимаются разноскою и развозкою товаровъ, преимущественно красныхъ, также галантерейныхъ, посуды и книгъ, по городамъ, хуторамъ, селамъ и мѣстечкамъ; эти офени имѣютъ дѣло преимущественно съ среднимъ деревенскимъ населеніемъ, а потому и товары у нихъ имѣются сортомъ повыше противъ тѣхъ, которыми торгуютъ слобожане. Ковровцы, собственно говоря, лишь смѣнили орловскихъ ходебщиковъ, которые въ прежнее время, когда Москва была еще «за горами», ворочали всею розничною торговлею на Украинѣ; въ настоящее время, однако, и ихъ торговля стала замѣтно падать и они направили свою дѣятельность отчасти въ Сибирь, а отчасти въ Туркестанскій край.



Пасѣка въ Кіевской губерніи.

Что касается до такъ называемыхъ «слобожанъ», то они представляютъ собою совершенно особый, пожалуй даже вовсе еще неизвѣданный, типъ спохватливаго торговца-великоросса. Такъ называются жители великорусскихъ старообрядческихъ слободъ Мглинскаго, Новозыбковскаго, Сурожскаго и Стародубскаго уѣздовъ; онѣ возникли еще въ XVII вѣкѣ подъ покровительствомъ и вліяніемъ прославившейся въ исторіи нашего раскола Вѣтки въ краю, принадлежавшемъ тогда еще Польшѣ; на сколько прежде слободы эти были знамениты своимъ упорствомъ въ расколѣ, на столько теперь онѣ знамениты развитіемъ промышленности и торговли. Кромѣ фабричной промышленности, слобожане ведутъ торгъ пенькой и разнымъ прасольскимъ товаромъ, который отпускаютъ за границу или черезъ Ригу, или же черезъ сухопутную границу, смотря по цѣнамъ. Торговое дѣло у нихъ поставлено слѣдующимъ образомъ: у одного хозяина имѣется въ разныхъ мѣстахъ 7—8 центральныхъ складовъ, изъ которыхъ онъ не продаетъ товара постороннимъ лицамъ, а отпускаетъ его особымъ приказчи-

камъ на основаніи извѣстнаго условія; хозяинъ отдаетъ имъ товаръ по оцѣнкѣ, заранѣе договорившись о барышахъ, которые не бываютъ ниже 10%, и условившись о мѣстѣ и времени отчета. Началомъ торговаго года для слобожанъ слѣдуетъ признать Кролевецкую ярмарку, такъ какъ почти все лѣто они проводятъ дома.

Всѣ украинскія ярмарки, вмѣстѣ взятыя, торгуютъ на весьма значительную сумму, которую еще Аксаковъ исчислилъ въ 80 милліоновъ рублей; даже принявъ въ соображеніе неминуемое паденіе ярмарочной торговли вслѣдствіе проложенія значительнаго числа желѣзныхъ дорогъ, мы все же не можемъ и теперь уменьшить эту сумму, такъ какъ промышленность и торговля успѣли съ 1858 года значительно развиться и чаще и чаще попадаются намъ крестьяне, не только не чурающіеся лавочныхъ товаровъ, но охотно ихъ берущіе. Ненормальность положенія вещей въ торговлѣ Украины понятна и ясна съ перваго же взгляда: народъ производитъ лишь дешевое сырье и весь свой заработокъ отдаетъ пришлымъ людямъ за дорогіе обработанные продукты. Хоть и богата почва, хоть и благорастворенъ воздухъ, хотя и трудолюбивъ отъ рожденія малороссъ, но обстоятельства такъ сложились, что всѣми этими благами приходится пользоваться не ему. Правда, въ настоящее время Малороссія сама затѣваетъ уже фабрики и заводы, которые будутъ скоро въ состояніи конкурировать съ московскими, и современемъ малорусскія деньги будутъ болѣе долго задерживаться въ краѣ; но долго еще придется ждать того времени, когда Украина окончательно встанетъ на свои собственныя ноги и перестанетъ смотрѣть изъ рукъ великорусскихъ купцовъ, которые, какъ извѣстно, на эти самыя руки охулки не кладутъ.

В. Майновъ.



ОЧЕРКЪ V.

РУССКІЕ ЕВРЕИ.

Поселеніе евреевъ въ Россіи. — Особенность религіознаго быта евреевъ. — Ихъ занятія и промыслы. — Экономическое вліяніе евреевъ.

Близко то время, когда исчезнутъ всякія сомнѣнія въ правотѣ евреевъ, и вмѣстѣ съ ними исчезнетъ всякая надобность въ доказательствахъ аксіомы, что еврей — человѣкъ.

МАКОЛЕЙ.

Собственно «русскаго еврейства», въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ у насъ, въ Россіи. То семитическое племя кавказской расы, которое именуется еврейскимъ, іудейскимъ, израильскимъ или, по простонародному, «*жидовскимъ*»,—принадлежитъ не къ аборигенному элементу народонаселенія Россіи; его нельзя причислить даже и къ иновѣрнымъ племенамъ — старожиламъ нашего отечества: это — народъ пришлый изъ смежныхъ съ Россіею странъ, куда онъ съ незапамятныхъ временъ, въ одиночку, семьями или цѣлыми группами, прятался отъ жестокихъ преслѣдованій и угнетеній, тяготѣвшихъ надъ нимъ въ средніе вѣка, во всѣхъ почти христіанскихъ государствахъ.

Главное убѣжище еврейство нашло себѣ въ польскихъ общинахъ, въ первыя времена исторіи Польши. Общины эти управлялись общинно-народною волею. Тамъ еврейство свило себѣ надежное гнѣздо. Начиная съ IX столѣтія, евреи, изъ окраинъ Кавказа, гдѣ они жили между хозарскимъ племенемъ, и изъ различныхъ нѣмецкихъ государствъ, гдѣ имъ приходилось невыносимо страдать отъ изувѣрства крестоносцевъ, отъ безчеловѣчности королей, духовенства и отъ народныхъ неистовствъ невѣжественныхъ массъ, принялись перекочевывать въ Польшу. Полянское племя, въ тѣ далекія времена, хотя еще и языческое, было племенемъ добрымъ, ласковымъ, гостепріимнымъ и вѣротерпимымъ. Оно не отказывало въ пріютѣ «не только всякому обыкновенному страдальцу, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, но и всѣми отверженному еврейству, этому всемірному скитальцу, этому «вѣчному жиду», гонимому злымъ рокомъ изъ края въ край.

Въ коренной Руси, въ царствѣ Московскомъ, евреи встрѣчаются, и то лишь въ незначительномъ количествѣ, только въ промежутокъ времени между X и XIV столѣтіями, послѣ чего, повидимому, евреи были повально изгнаны и долго послѣ этого вовсе не допускались въ эту страну. Въ царствованіе, напримѣръ, Алексѣя Михайловича (1649 г.) состоялось повелѣніе о высылкѣ всѣхъ жидовъ и литовцевъ. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича (1676 г.) высылаются въ посольскій приказъ *тайкомъ* пріѣхавшіе съ товарами въ Москву евреи. Въ царство-

ваніе Іоанна и Петра Алексѣевичей (1686 г.), по трактату, заключенному между Россіею и Польшею, въ Россію были допущены «всѣ торговые люди», кромѣ жидовъ. Въ царствованіе Екатерины I (1727 г.) были высланы всѣ жиды изъ Россіи и имъ не дозволено вывозить съ собою золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Петръ II (1728 г.) воспретилъ жидамъ проживать въ Малороссіи. Анна Іоановна (1740 г.) выслала всѣхъ жидовъ изъ Малороссіи за границу, кромѣ тѣхъ, которые приняли православіе; въ слѣдующемъ же году она изгнала жидовъ изъ Малой и Бѣлой Россіи, а также и изъ всѣхъ завоеванныхъ городовъ, воспретивъ имъ впредь даже временный пріѣздъ для торга на ярмаркахъ.

Только съ Екатерины II судьба евреевъ въ Россіи измѣнилась нѣсколько къ лучшему. Такъ, въ 1762 году предоставлено жидамъ право селиться въ одной Новороссійской губерніи; въ 1779 году дозволено жидамъ Могилевской и Плоцкой губерній зачисляться въ купечество; въ 1786 г. обнародованъ въ Россіи законъ объ огражденіи правъ *евреевъ* (съ этого только времени въ оффиціальныхъ документахъ евреи теряютъ свою унизительную кличку) въ отношеніи подсудности, торговли и промышленности; въ 1791 г. предоставлено евреямъ право гражданства въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области. Затѣмъ, Павелъ I (1799 г.) разрѣшилъ евреямъ жить въ Курляндской губерніи, дозволяя имъ учрежденіе кагаловъ и постройку синагогъ и строго воспрещая закрѣпощеніе евреевъ подъ какимъ бы то ни было видомъ.

Всѣ эти льготы однако являются незначительными по сравненію съ льготами, дарованными евреямъ Александромъ I. Начиная съ этого, по истинѣ «благословеннаго» для еврейства, царствованія, евреи, съ большими или меньшими ограниченіями, стали постепенно пользоваться правами осѣдлаго класса, или, точнѣе говоря, пользовались если не полными правами русскаго гражданина, въ обширномъ смыслѣ, то, во всякомъ случаѣ, русскаго подданнаго, твердо стоящаго подъ сѣнью закона и вѣротерпимости. Не даромъ все еврейство въ Россіи такъ боготворитъ память Александра Благословеннаго, не даромъ имя «Александръ» получило такое широкое примѣненіе въ жизни русскаго еврейства. Замѣчательно, что всѣ почти царственные Александры, начиная съ Македонскаго, были въ большей или меньшей степени покровителями евреевъ.

Изъ этого бѣглаго фактическаго перечня очевидно, что русскіе евреи не продуктъ *русской* почвы, а *выходцы* изъ другихъ странъ. Только съ присоединеніемъ къ Россіи Литвы, въ 1792 году, т. е. послѣ раздѣла Польши, евреи появились въ русской имперіи въ массѣ.

Чтобы получить понятіе о русскихъ евреяхъ, какими они представляются въ массѣ, необходимо прежде всего познакомиться съ ихъ религіею.

Ни одно племя въ мірѣ не сосредоточило такъ въ одномъ фокусѣ религіи всѣ стороны своей частной и общественной жизни, какъ племя еврейское, особенно у насъ, въ Россіи, гдѣ многочисленныя массы еврейства не прониклись еще европейскою культурою, гдѣ эти массы скучены въ нѣсколькихъ центрахъ, и еврейское общество деспотически угнетаетъ всякую отдѣльную личность. Весь складъ характера набожнаго еврея, его міровоззрѣнія, понятія о добрѣ и злѣ, о приличіи и нравственности, вся его гигіена тѣла и души, всѣ его отношенія къ своимъ и чужимъ, житейскія радости и печали, загробныя упованія и страхи, наружная оболочка и внутренняя подкладка, все его прошлое и химерическія ожиданія въ будущемъ,— словомъ, все безъ исключенія вытекаетъ изъ его религіозныхъ вѣрованій, основывается на религіозныхъ ученіяхъ и афоризмахъ духовныхъ учителей, коренится въ многотомныхъ фоліантахъ талмуда, въ безчисленныхъ коментаріяхъ къ нему, въ древнихъ сказаніяхъ и въ кабалистической наукѣ.

Такое своеобразное направленіе, издревле приданное еврейскому племени его фанатическими руководителями, послѣ потери этимъ племенемъ своей политической самостоятельности и послѣ того, какъ племя это было разсѣяно по всему міру,—имѣетъ для націи свою хорошую

и дурную сторону. Къ первой нельзя не отнести слѣдующаго феноменальнаго явленія, почти вовсе неповторяющагося въ исторіи человѣчества. Народъ, робкій духомъ, хилый тѣломъ, не умѣющій не только нападать, но и защищаться, ненавидимый всѣмъ міромъ, всюду угнетаемый, преслѣдуемый и терзаемый, будто бы *только* за религіозную его закоснѣлость,—этотъ народъ прошелъ сквозь строй цѣлыхъ тысячелѣтій съ ихъ огненными и кровавыми экзекуціями, вынесъ рабское иго, вытерпѣлъ безчеловѣчныя пытки, сохранивъ свою духовную индивидуальность, не затерявшись среди сильныхъ, могучихъ народностей, побѣдившихъ его и по-



Внутренность синагоги.

работившихъ, и не стушевавшись на аренѣ всемірной исторіи, подобно многимъ другимъ изъ побѣжденныхъ народовъ. Между тѣмъ, всего *одинъ шагъ* въ сторону отъ своихъ религіозныхъ традицій могъ бы разомъ избавить его отъ всѣхъ духовныхъ и тѣлесныхъ истязаній. Конечно, съ житейско-философской точки зрѣнія, подобная устойчивость имѣетъ видъ упорства, фанатизма, мономаніи и скудности мышленія, со стороны же политически-національной, на эту твердость и выносливость нельзя смотрѣть иначе, какъ на похвальный, достойный подражанія, народный подвигъ: какъ отдѣльная человѣческая личность, такъ и масса отдѣльныхъ людей,

составляющихъ въ совокупности цѣлый народъ, имѣютъ одинаковое право надѣяться на возстановленіе однажды пошатнувшагося положенія, на пріобрѣтеніе того, что имъ было случайно потеряно. Отдавая дань уваженія единичному субъекту, твердому въ бѣдѣ, послѣдовательному въ своихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ, мы не имѣемъ основанія отказывать въ такомъ же уваженіи и цѣлому племени, цѣпко держащемуся своихъ убѣжденій и вѣрующему въ свое историческое призваніе и политическое возрожденіе. Основательны ли подобныя упованія или нѣтъ, это другой вопросъ.

Указанная стойкость еврейства несомнѣнно похвальна. Но, увы, это хорошее имѣетъ для племени и его благополучія и свою пагубную сторопу. Еврей такъ запутанъ въ религіозныхъ сѣтяхъ, такъ обремененъ безчисленными обрядностями, связанъ по рукамъ и ногамъ безчисленными религіозными велѣніями, запретами, огражденіями къ положительнымъ и отрицательнымъ законамъ, и огражденіями къ огражденіямъ, такъ порабощенъ традиціонными, отжившими свой вѣкъ, обычаями, такъ запуганъ представленіемъ о мстительности своего Іеговы, геенной и разной чертовщиной, что вся его жизнь превращается въ безпрерывную цѣпь умственной и нравственной неволи, опасеній, страховъ и фатализма. Отъ такой, вѣчно тревожной, да притомъ еще и крайне анти-гигіенической жизни, тѣло его хирѣетъ, духъ такъ слабѣетъ, что, въ концѣ-концовъ, еврей превращается не въ кипучаго, отчаяннаго, на все готоваго фанатика, а въ религіознаго автомата, повинующагося механическимъ пружинамъ, сфабрикованнымъ религіозныхъ дѣлъ мастерами,—въ автомата, дѣйствующаго безсмысленно, не вдумывающагося въ нравственный или гигіеническій смыслъ того или другого постановленія, того или другого обряда или обычая. Евреи (мы разумѣемъ ортодоксальныя массы) знаютъ только одно: жить и поступать, какъ жили и поступали ихъ отцы, дѣды и прадѣды, вѣрить слѣпо во все, что прописано въ печатной книжкѣ вычурнаго заглавія, не докапываться, не разбирать, не мыслить и — какъ взрослый недоросль — «не смѣть своего сужденія имѣть». Отсюда тотъ умственный застой и косный взглядъ на самыя простыя вещи, то недовѣріе къ образованнымъ собратьямъ, та отсталость отъ вѣка, своеобразная нравственная физіономія и дикая боязнь предъ всѣмъ, что носитъ отпечатокъ современнаго, свѣжаго, живого, прогрессивнаго.

Прежде, однако, чѣмъ говорить о главномъ нервѣ еврейства — его религіозномъ бытѣ, необходимо сказать нѣсколько словъ о русскихъ евреяхъ вообще.

Вся масса ихъ, кромѣ кавказскихъ евреевъ, подраздѣляется на три главныхъ типа: польско-еврейскій, еврейско-литовскій или бѣлорусскій и южно-русскій (въ Малороссіи, Новороссіи и Бессарабской губерніи). Отличительныя черты польскаго еврея—угодливость, подобострастіе, приниженность, льстивость съ подкладкою расчетливости, хитрости и пронырливости. Сѣверо-западное еврейство, особенно же чисто литовское, отличается твердымъ, нѣсколько даже черствымъ характеромъ, силою и воли и энергіи, недюжинными способностями, нерѣдко глубокимъ умомъ, большою склонностью къ кляузничеству и сутяжничеству и отчаянною смѣлостью, переходящей нерѣдко въ нахальство. Что касается южнаго, малороссійскаго и новороссійскаго еврейства,—оно, какъ по своей наружности и характеру, такъ и по общему своему направленію, манерамъ и дурному владѣнію русскою рѣчью,—далеко ушло впередъ отъ своего прототипа и въ настоящее время наполовину уже слилось съ тѣмъ нееврейскимъ народонаселеніемъ, среди котораго живетъ и дѣйствуетъ. Такому благопріятному результату въ значительной мѣрѣ способствовало отсутствіе сплоченности здѣсь евреевъ въ густыя массы, главнымъ же образомъ—полная свобода отъ гнета еврейско-кагальнаго мнѣнія и его строгаго контроля.

Послѣдній типъ не пользуется особеннымъ почетомъ у евреевъ первыхъ двухъ типовъ, какъ по причинѣ отсутствія у него всякой ригористической набожности, такъ и потому, что большинство евреевъ послѣдняго типа — совершенно не свѣдущи въ еврейско-религіозныхъ наукахъ и въ древне-еврейскомъ языкѣ. Быть можетъ именно потому, что тамъ нѣтъ истощенія

съ ранняго дѣтства неокрѣпшаго организма непосильнымъ зубреніемъ и не происходитъ шлифованія мозговъ тысячегранною мудростью талмуда, этотъ послѣдній типъ здоровѣе, красивѣе и несомнѣнно прямѣе и простодушнѣе. Вообще необходимо замѣтить, что евреи различаются между собою лишь на столько, на сколько коснулось ихъ новое время и европейская культура, успѣвшія повлять на ихъ наружный видъ, манеры, акцентъ, интонацію и міровоззрѣнія.

Всюду въ имперіи, гдѣ есть евреи, большинство новаго еврейскаго поколѣнія рвется на волю европейской культуры и стремится къ образованію. Особенно отличаются въ этомъ отношеніи еврейскія женщины. И такихъ евреевъ въ послѣднее время становится все больше.

Коснувшись вскользь той части еврейства, которая находится въ фазисѣ культурной метаморфозы, мы въ своемъ очеркѣ больше заниматься ею не станемъ, такъ какъ она не особенно интересна въ археологическомъ и этнографическомъ смыслѣ и не составляетъ «любопытнаго» исключенія въ культурномъ отношеніи. Мы займемся исключительно старовѣрческимъ еврействомъ, т. е. первыми двумя типами съ ихъ характеристическими особенностями, каковыя остаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ и въ настоящее еще время.

Русскіе евреи свободны отъ религіознаго раскола и отъ всякаго сектаторства, если не считать незначительнаго числа «караитовъ» или «караимовъ», отрицающихъ талмудъ и каббалу и придерживающихся, безъ уклоненій, точной буквы законовъ пятикнижія. Тѣ религіозныя разновидности, какія встрѣчаются въ еврействѣ, справедливѣе назвать не сектами, а кастами. Евреи древняго міра подраздѣлялись на три класса. Первый классъ—*коганы* (жрецы). Этотъ классъ, обнимающій собою все еврейское духовенство, всѣхъ степеней, заправлялъ «въ свое время» всѣми религіозными странами націи, совершалъ въ храмѣ всѣ служенія и жертвоприношенія. Эти духовные отцы были въ то же время наставниками и учителями народа, а также и тѣлесными его врачами. Теократическій классъ этотъ былъ самый почтенный, самый ученый и самый вліятельный. Изъ среды его избирались великіе жрецы, которые иногда фигурировали въ мантіяхъ регентства и представляли собою нѣчто подобное католическимъ папамъ. Классъ этотъ пользовался не только нравственными прерогативами, но и матеріальными, живя беззаботно, даже роскошно на счетъ готовыхъ даровъ народнаго труда. Невещественный, почти царственный, почетъ великихъ жрецовъ и вещественныя его прерогативы, какъ и вообще духовный санъ коганови всякихъ ступеней, переходили наслѣдственнымъ порядкомъ отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ. Конечно, съ разрушеніемъ храма и уничтоженіемъ политической самостоятельности Іудеи, вмѣстѣ съ величіемъ народа, исчезло и величіе когановъ. Тѣ дѣйствительные или самостоятельные коганы, которые фигурируютъ среди евреевъ въ наши дни, пользуются нѣкоторымъ почетомъ только въ синагогахъ. И не удивительно. Потомки прежнихъ сановниковъ, находясь въ изгнаніи, они переставали отдаваться цѣликомъ религіи и наукамъ, будучи вынуждены грустными обстоятельствами къ отчаянной борьбѣ за существованіе, наравнѣ со всѣми мірянами. Большая часть этого, нѣкогда великаго ученаго и вліятельнаго, класса дошла теперь до крайняго нищенства и невѣжества. Многіе изъ потомковъ славныхъ когановъ подвизаются теперь на поприщѣ самой низменной ремесленности, занимаются самымъ грубымъ физическимъ трудомъ или извознымъ промысломъ. Тѣмъ не менѣе, во время нѣкоторыхъ великопраздничныхъ богослуженій и коганы нашего времени выдѣляются изъ толпы молельщиковъ. При окончаніи службы, всѣ коганы, находящіеся на лицо въ синагогѣ, составляютъ общій хоръ, не всегда однако стройный, для благословенія народа. При этомъ, помѣстившись въ восточномъ углу синагоги, они символически протягиваютъ руки надъ главами молящихся, особеннымъ образомъ складывая при этомъ пальцы. Благословляемые же, изъ страха *ослѣпнуть*, не смѣютъ поднять глаза на руки благословляющихъ, такъ какъ на этихъ-де рукахъ «покоится святой духъ, *божественно* сіяющій». Классъ когановъ не имѣетъ права вступать въ бракъ со вдовами или разводками, не долженъ прикасаться къ трупу, присутствовать на похоронахъ и подходить къ кладбищу на разстояніе ближе четырехъ локтей.

Второй классъ евреевъ—*левиты*. Классъ этотъ составляетъ нѣчто среднее между коганами и простыми мірянами. Левиты принадлежатъ тоже къ духовному классу, но второй степени. И они, въ свое время, жили на счетъ народа, служа помощниками у коганов. Изъ левитовъ, во время существованія храма, составлялись пѣвческіе хоры и храмовые оркестры. И этотъ санъ, вмѣстѣ съ его матеріальными привилегіями, переходилъ наслѣдственнымъ путемъ изъ рода въ родъ. Въ настоящее время, въ память старины, левиты прислуживаютъ коганамъ во время церемоніи омовенія рукъ, предшествующей синагогическому благословенію.

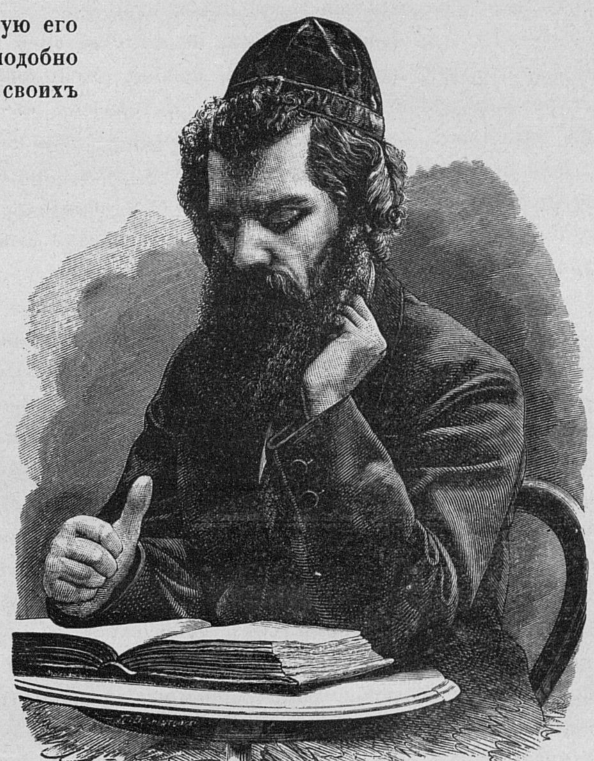
Къ третьему классу принадлежатъ всѣ остальные евреи, не вошедшіе въ составъ первыхъ двухъ классовъ, или иначе—*міряне* (исроэлъ). Необходимо, однако, замѣтить, что у евреевъ, въ изгнаніи (goles), разграниченіе между духовенствомъ и мірянами совершенно исчезло. Каждый еврей-мірянинъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и духовное лицо, имѣющее право замѣнять кантора и раввина во всѣхъ безъ исключеній обрядахъ, какъ въ синагогѣ, такъ и въ домашней жизни. Это обстоятельство очень сильно вредитъ частной жизни евреевъ: каждый, въ отдѣльности, считаетъ своею обязанностью блюсти со строгостью присяжнаго раввина не только за собою, но и за своимъ единовѣрцемъ, и, при малѣйшемъ уклоненіи обрядовой стороны, предавать его анаѳемѣ еврейско-общественнаго мнѣнія. Но обрядовъ и обычаевъ такъ много, что они, при условіи точнаго ихъ исполненія, поглощаютъ собою всѣ помыслы и все время набожнаго еврея. Особенно же тягостны они для хлѣбопахаря, ремесленника и чернорабочаго, для которыхъ всякая минута дорога. Равенство въ духовномъ отношеніи — не единственная, характеристическая черта еврейства: такое же равенство существуетъ между евреями и въ другихъ отношеніяхъ. Евреи признаютъ только теократическія достоинства; другой аристократіи они не знаютъ. Правда, богачи пользуются извѣстнымъ почетомъ, но почетъ этотъ больше воздается ихъ карману, съ расчетомъ при случаѣ воспользоваться имъ, но не ихъ личности. Богачи сами знаютъ это, а потому, чтобы упрочить свое родовое достоинство, они не щадятъ никакихъ средствъ, чтобы войти, посредствомъ браковъ, въ родство съ потомками настоящихъ или мнимыхъ теократовъ. Такимъ образомъ какой-нибудь разбогатѣвшій корчмарь, или факторъ и барышникъ, чуть не покупаетъ себѣ невѣстку или зятя изъ теократическаго рода. И такого зятя, ни къ чему, кромѣ зубренія талмуда, непригоднаго, совсѣмъ его многочисленными чадами, кормитъ и содержитъ до послѣдней минуты жизни.

Вообще же говоря, всѣ евреи считаютъ себя равными между собою, равными предъ лицомъ Іеговы, духовными поручителями другъ за друга, обязанными помогать другъ другу. Это оригинально-коммунистическое направленіе налагаетъ на каждаго отдѣльнаго еврея такія обязанности, какія едвали знакомы лицамъ прочихъ европейскихъ религій. Это направленіе называется обыкновенно «корпоративнымъ духомъ» въ худшемъ значеніи этого слова.

Изъ трехъ вышеназванныхъ классовъ рельефно выдѣляются двѣ религіозныя разновидности, двѣ касты евреевъ: «миснагеды» и «хасиды». «Миснагеды» встрѣчаются въ большомъ количествѣ преимущественно въ литовскихъ, бѣлорусскихъ мѣстностяхъ. Эта категорія набожныхъ служителей Іеговы строжайше блюдетъ букву талмуда и его классическихъ толкователей, отрицая всякое произвольное мудрствованіе и всю кабалистическую науку, со всею ея безконечною, таинственною литературою. Миснагеды суть своего рода пуритане въ еврействѣ. Они не вступаютъ ни въ какіе компромиссы съ своею религіозною совѣстью. Евреи этого закала отличаются серьезнымъ религіознымъ направленіемъ, стойкостью убѣжденій и правилъ, вѣрностью однажды даннаго обѣта или слова. Вторая же каста хасидовъ представляетъ противоположность первой во всемъ, и потому между этими двумя кастами искони существуетъ непримиримая смертельная вражда, нерѣдко выражающаяся въ страшныхъ взаимныхъ преслѣдованіяхъ и даже въ рукопашныхъ расправахъ. «Хасиды»—самая фанатическая, самая нетолерантная, самая вредная и смѣшная въ еврействѣ каста. Хасидъ—нѣчто похожее на факира, но безъ доброты, мягкости и искренности послѣдняго. Хасидъ, повидимому, гнушается всего

земного и философствуетъ по-діогеновски. Онъ — нечистоплотенъ, грязенъ и неряшливъ, несмотря на частыя купанья и омовенья во имя Іеговы. Въ отношеніи органическихъ отправленій онъ не пристоенъ, какъ самый отчаянный циникъ. Дѣлая видъ, что гнушается всего земного, хасидъ, тѣмъ не менѣе, обжора и лакомка, кромѣ того имѣетъ большую склонность къ горячительнымъ напиткамъ, «возвышающимъ духъ». Хасидъ небрежно относится къ древнееврейской литературѣ, и ея поэзія ему не понятна. Строго говоря, онъ почти безграмотенъ. Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ ему считать себя великимъ талмудистомъ, главное же — кабалистомъ. Этой послѣдней наукѣ, темной, запутанной болѣе обыкновенной схоластики, построенной на тонкой паутинѣ, лопающейся при малѣйшемъ прикосновеніи здраваго смысла, — этой кабалистической наукѣ, какъ высшей метафизикѣ и черной магіи еврейства, хасидъ отдаетъ все свое время, всѣ свои силы. Онъ втягивается со временемъ въ эту отравляющую его умъ науку, какъ потребитель гашиша, и, подобно послѣднему, почерпаетъ наслажденія изъ своихъ фантасмагорическихъ галюцинацій.

Хасидъ — человѣкъ жалкій, изуродованъ тѣлесно и духовно. Одѣтъ онъ въ лохмотья; одежда его вся въ отвратительныхъ пятнахъ; воротъ засиженной насѣкомыми рубахи разстегнутъ и обнажаетъ волосатую грудь; длинные пейсы и лохматая борода не мыты и не чесаны. Весь онъ, съ головы до ногъ, производитъ на видъ крайне непріятное впечатлѣніе. Въ семейной жизни онъ не менѣе отвратителенъ. Къ несчастной своей женѣ онъ прикасается чуть не съ «чувствомъ омерзенія». Высокое чувство любви, отличающее человѣка отъ животнаго, незнакомо ему даже по кличкѣ. На жену онъ смотритъ, какъ на самку и сближается съ нею «единственно», якобы, во имя велѣнія Іеговы: «плодись и множись!» Да и въ самыя интимыя минуты жена отъ него не видитъ ни теплоты, ни нѣжности, ни ласки. Обыкновенно хасидъ считаетъ свою жену чѣмъ-то низменнымъ, нечистымъ и недостойнымъ вниманія. Съ женою никогда не ведетъ бесѣды, не выходитъ и въ гостяхъ съ нею не бываетъ. Въ своей семьѣ, часто многочленной, онъ живетъ въ одиночку, какъ лѣсной волкъ. Дѣти, то-есть собственно мальчики, начинаютъ для хасида существовать только съ того момента, когда ихъ можно уже посвящать въ религіозную науку (торе). Такою прозаическою задачею, какъ кормленіе себя и семьи, хасидъ рѣдко задается. Да онъ и не способенъ къ тому, особенно съ тѣхъ поръ, какъ законодательство наше ввело нѣкоторую регламентацію въ меламедской (учительской) профессіи. Въ большинствѣ случаевъ, хасидъ кормленіе семьи взваливаетъ на многострадальную жену, обязанную изыскивать всевозможныя средства для прокормленія семьи и празднаго мужа, на тестя, родственниковъ и на еврейское общество. Хасидъ старается оправдать себя тѣмъ, что, будто бы, *не для себя* плодитъ онъ дѣтей, а «во имя Іеговы»: пусть же и платятся за это



Миснагедъ за талмудомъ.

служители Іеговы! Хасидъ, нерѣдко, позволяетъ себѣ даже и разныя уклоненія отъ нѣкоторыхъ существенныхъ обрядностей, строго обязательныхъ для обыкновеннаго еврея. И общесвенно-еврейское мнѣніе за подобныя отступленія вовсе не клеймитъ его. Вѣрятъ, что все, совершенное хасидомъ, основано на кабалистическихъ мотивахъ, а потому «не намъ де объ этомъ судить, не нашего ума дѣло!» Словомъ, хасидская каста—самый вредный паразитъ еврейства, нигдѣ въ мірѣ не встрѣчающійся, кромѣ русскихъ евреевъ и отчасти галиційскихъ.

Самою яркою иллюстраціею отношеній хасида къ его семьѣ, служитъ слѣдующій фактъ изъ хасидской семейной жизни.

Къ закоренѣлому хасиду, имѣвшему цѣлую кучу дочерей, является однажды сватъ съ предложеніемъ блестящей партіи для одной изъ его дочерей. Хасидъ, недовольный, что изъ-за такихъ пустяковъ помѣшали ему въ самомъ патетическомъ мѣстѣ талмуда, повелительно говоритъ женѣ, не отрывая глазъ отъ книги:

— Ге, ты! Посмотри тамъ, не поспѣла ли у тебя какая нибудь дѣвка!

У старовѣрческихъ евреевъ, вообще, женщина играетъ незавидную роль. Она считается неправоспособною и невмѣняемою. Катехизесъ ея—какъ будетъ разъяснено ниже—доведенъ до минимума. Въ хасидской же средѣ — полное порабощеніе женщины. Ея положеніе, въ отношеніи будто бы религіознаго супруга, предопредѣленнаго ей якобы отъ Бога «еще до рожденія»—прямо-таки унизительно до послѣдней степени. Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что угнетенная, приниженная хасидская женщина не жалуется, не ропщетъ. Она сама признаетъ свое ничтожество предъ «святымъ» супругомъ, «спасающимъ вселенную» и терпѣливо ждетъ «несомнѣннаго» воздаянія тамъ...

Хасидская каста, въ свою очередь, подраздѣляется еще на двѣ кастовыя разновидности: хасидовъ бѣлорусскихъ и хасидовъ польскихъ. Первая разновидность—меньшее изъ двухъ золъ. Послѣдняя-то, каста польскихъ хасидовъ, несравненно вреднѣе первыхъ и пагубнѣе для темнаго еврейскаго населенія. Литовскихъ хасидовъ приходится обвинять въ бездѣльи и безучастности, въ грубомъ, бесознательномъ эгоизмѣ, въ витаніи на крыльяхъ дикой мистической фантазіи въ заоблачныхъ сферахъ, въ нелѣпомъ мономанствѣ, доходящемъ до теологическихъ галюцинацій. Польскіе же хасиды, при абсолютномъ невѣжествѣ въ еврейско-религіозныхъ наукахъ, отличаются еще грубымъ шарлатанствомъ, крайнимъ корыстолюбіемъ и наклонностью къ цыганской эксплоатаціи простодушныхъ вѣрующихъ,—эксплоатаціи, доходящей до грубаго шантажа, посредствомъ запугиваній и угрозъ. Этихъ хасидовъ, не грѣша противъ истины, можно даже назвать «червоными валетами» въ области моисеева закона. Эта категорія небесныхъ «аблокатовъ» во многомъ походитъ на прежнихъ католическихъ торговцевъ папскими индульгенціями, но еще въ болѣе грубой формѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе, болѣе всего стараются воздѣйствовать на простодушную и легковѣрную часть еврейскаго населенія: на женщинъ. Тутъ они находятъ плодородную почву для своей гнусной дѣятельности, встрѣчая поддержку, въ смыслѣ воздѣйствія женщинъ на мужскую часть еврейства.

Міровоззрѣнія польскаго хасида превратны до уродливости. Во всемъ онъ усматриваетъ чудеса ангеловъ и демоновъ. Для него совершеніе всякаго чуда такъ же легко, какъ проглотить рюмку водки. Изъ среды этихъ хасидовъ вырастаютъ извѣстные *цадики* (праведники) и *балшемы* (божественные маги, чудотворцы). Эти коноводы касты, окруженные цѣлыми свитами своего рода адъютантовъ духовнаго сана, привлекали въ прежнія времена въ свой резиденціи тысячи пилигримовъ обоего пола, являвшихся на поклоненіе нерѣдко цѣлыми семьями и съ туго-набитыми карманами. Одни шли единственно, чтобы получить благословеніе какъ бы *божьяго фактотума*; другіе испрашивали его совѣта въ мірскихъ коммерческихъ дѣлахъ; третьи просили эпитимій; четвертые добивались исцѣленій отъ такихъ болѣзней и органическихъ пороковъ, отъ лѣченія которыхъ на отрѣзъ отказывалась медицинская наука. Корчмарь какой-нибудь требовалъ, чтобы приворожить къ нему жесткое сердце того помѣ-

щика, съ которымъ онъ никакъ не можетъ сладить по арендѣ. Чадолюбивый отецъ требовалъ отъ цадика сдѣлать такъ, чтобы его любимый сынъ былъ забракованъ въ рекрутскомъ присутствіи... И—удивительное дѣло!—все, что ни обѣщали цадики, осуществлялось. Если же что-либо не сбывалось, что, конечно, чаще всего случалось, то неудача приписывалась тому, что кліентъ нагрѣшилъ, или возбудилъ чѣмъ-нибудь нерасположеніе цадика. Эти чудотворцы оказывались особенно дѣйствительными въ излѣченіи еврейскихъ женщинъ отъ безплодія, или въ испрошеніи у неба такого здороваго ребенка, который не умиралъ бы въ раннемъ дѣтствѣ. Шарлатанства этихъ кудесниковъ доходили иногда до невѣроятнаго абсурда. Они брались, напримѣръ, «*улаживать на небѣ*» дѣла такъ, чтобы возгорающаяся война между какими-нибудь державами не состоялась, если какой-нибудь крупный подрядчикъ предвидѣлъ отъ войны значительный ущербъ для себя. Кліентура этихъ кудесниковъ, злоупотреблявшихъ дѣлами вѣры, и размѣры производимыхъ ими поборовъ—чрезвычайно обширны.



Бердичевъ, уѣздный гор. Кіевской губ.

Для большей наглядности введемъ читателя въ нору прозябающаго литовскаго хасида и въ еврейскія хоромы деспотствующаго цадика.

Мы пробираемся задами по грязному пустырю еврейскаго подворья, гдѣ десятки семействъ ютятся въ тѣсныхъ клѣтушкахъ, настроенныхъ и пристроенныхъ безъ плана и симметріи. Спустившись по тремъ грязнымъ и скользскимъ ступенькамъ, мы очутились въ мрачныхъ, сырыхъ сѣняхъ, изъ которыхъ, въ полуотворенную одностворчатую дверь, съ деревяннымъ колкомъ вмѣсто ручки, мы, согнувшись, входимъ непосредственно въ жилье хасида. Жилье это незатѣйливо. Оно состоитъ изъ одной, большихъ размѣровъ, комнаты. Стѣны этой кануры покосились, истрескались и мѣстами почернѣли отъ дыма и копоти. Маленькія окна покосились; стекла въ нихъ позеленѣли отъ древности, а мѣстами — замѣнены грязными тряпками. Потолокъ нависъ; еслибы его не поддерживали двѣ перпендикулярно уставленныя балки, онъ давно бы рухнулъ на головы жильцовъ. Треть этаго жалкаго логовища занимаетъ урод-

ливая печь съ надпечникомъ и лежанкою, этими пріютами для дѣтей бѣдняковъ въ зимнюю стужу. Въ одномъ углу лѣпится у стѣны широкая, некрашенная кровать, связанная, для устойчивости, обрывками веревки; на ней блинообразный пуховикъ, ничѣмъ не покрытый, и нѣсколько тощихъ подушекъ, испещренныхъ случайными узорами. У другой стѣны—ветхій, нѣкогда окованный, большой сундукъ. Въ немъ весь гардеробъ и болѣе цѣнное хозяйство семьи. На этомъ же сундукѣ проводитъ свои ночи праведный хозяинъ. У третьей стѣны, во всю ея длину, тянется широкая скамья, у который стоитъ большой, сосновый, голый столъ. По стѣнамъ, гдѣ ни попало, прибиты полки. На нѣкоторыхъ навалено много книгъ крупныхъ размѣровъ, въ порыжѣлыхъ, истрепанныхъ переплетахъ, на другихъ въ безпорядкѣ стоятъ горшки, разная деревянная и цинковая столовая посуда. У печи и около единственной двери разставлены кадушки съ водой, съ жестянымъ плоскимъ черпакомъ, разныя лохани и обьемистая посудина съ ушами, наполненная до краевъ мутными помоями.

Мы попали въ самую горячую пору, въ пятницу—наканунѣ «шабаша». Семья—въ хлопотахъ, въ ажитаціи. Хозяйка, жена хасида, еврейка чахлая, къ тому же на послѣдяхъ беременности, полураздѣтая, съ большимъ тюрбаномъ на бритой головѣ, съ пылающими щеками какъ отъ возни, и накаленной печи, такъ и отъ снѣдающей ее злой чахотки... Занята она важнымъ дѣломъ: примазываетъ глиной деревянную заслонку къ жерлу раскаленной печки, куда она задвинула субботнія блюда, такъ какъ въ субботніе дни соприкосновеніе съ огнемъ считается почти смертнымъ грѣхомъ. У краснаго угла, у восточной стѣны, привѣшенъ маленькій кивотъ, завѣшанный полинялою парчею, изъѣденною временемъ. Въ этомъ кивотѣ хранится *безцѣнное* сокровище хозяина и главная гордость рода: тутъ находятся пергаментныя свитки (ветхій завѣтъ, пятикнижіе), написанные однимъ изъ «святыхъ» предковъ хозяина, съ соблюденіемъ сотенъ предосторожностей церемоній омовенія и купанія, какія предписываются на этотъ случай каббалою. Тутъ же, не вдалекѣ, на большемъ крюкѣ, виситъ большая, изъ телячьей шкуры сшитая «торба», содержащая молитвенныя принадлежности. Поверхъ этой торбы, пышной гирляндой вьется длинный вѣнокъ крупнаго, зимняго луку, неизбѣжнаго суррогата еврейскаго стола низшаго сорта, а подъ самой торбой, на особомъ гвоздикѣ, привѣшены вычурно сплетенная восковая свѣча, окрашенная въ зеленый цвѣтъ, для зажиганія во время чтенія молитвы по окончаніи субботы, и плетушка изъ куриныхъ перьевъ, для наведенія яичной политуры на хлѣбахъ, испекаемыхъ спеціально для субботы.

Въ этомъ углу, у стола, сидитъ хозяинъ-хасидъ, разстегнутый, растрепанный, кудластый, въ облѣзлой, собольей, хвостатой шапкѣ на головѣ. Тыкая указательнымъ пальцемъ въ одно «замѣчательно-мудрое» мѣсто въ раскрытомъ предъ нимъ фоліантѣ, вдалбливаетъ онъ науку въ голову семилѣтняго своего сына, сидящаго возлѣ него и безнадежно, тупо и глупо слѣдящаго за пальцемъ отца. Мальчикъ—точная копія отца, только босой и еще болѣе оборванный, чѣмъ отецъ. Въ избѣ горланитъ и бѣснуется цѣлая орава дѣтей, малъ-мала меньше. Дѣти въ розовомъ настроеніи. Пятница для нихъ—день счастья. Чадолюбивая мать, изготовляя субботніе куличи, печетъ каждому изъ ребятишекъ маленькую модель кулича, и еще горячими, жгучими раздаетъ ихъ дѣтямъ, хватающимъ этотъ подарокъ черезъ грязныя рубашонки, чтобы не обжечь пальцевъ. Съ этимъ лакомствомъ въ рукахъ, затѣваются игры, бѣготня, пляска на одной ногѣ и кувырканье. Этотъ дѣтскій содомъ однако не отрываетъ хасида отъ его ученыхъ занятій. Онъ такъ погрузился въ блаженство талмудическихъ тонкостей, что ничего не слышитъ, ничего не видитъ вокругъ себя. Все идетъ своей чредой, но... Вдругъ картина мѣняется... Въ полуоткрытую дверь прокрадывается приблудная, голодная кошка. Ея никто не замѣчаетъ; она же, коварная, съежившись и ощетинившись, съ поджатымъ хвостомъ, своими прижмуренными глазами выискиваетъ себѣ добычу. Хитрое животное избрало своею жертвою поближе къ ней стоящую крохотную дѣвочку съ куличикомъ въ рукѣ. Ребенокъ еще такъ малъ, что еле держится на кривыхъ ножонкахъ и не можетъ поспѣть за остальными



Евреи въ синагогѣ.

дѣтьми, а потому остается особнякомъ отъ другихъ. На этого-то несчастнаго ребенка и набрасывается домашній звѣрь. Одинъ скачокъ и зубы кошки впились въ куличъ ре`енка.

Но ребенокъ, хоть и до смерти перепуганный, очень цѣпко держится обѣими ручонками за свое сокровище и, упавъ на колѣни, кричитъ, т.-е. зоветъ на помощь. Но мать не можетъ оставить своей работы, на половину еще неоконченной. Остальныя дѣти сами спасаются отъ «нечистаго» животнаго, одно прикосновеніе къ которому, по еврейскому повѣрью, «отшибаетъ память навсегда». Отецъ же погруженъ въ океанъ талмудическаго блаженства. Одинъ только мальчуганъ, томящійся надъ тамлудомъ и ни слова не понимающій изъ того вороха словоизверженій, какими обдаетъ его отецъ, дѣлаетъ попытку придти сестрѣ своей на помощь; но расходившійся отецъ усматриваетъ въ намѣреніи сына ослушаніе и, не долго думая, хватаетъ его за ухо и притягиваетъ голову мальчика къ самой книгѣ. Раздается раздирающій душу плачъ...

Оставимъ, впрочемъ, это отталкивающее гнѣздо нищеты и перейдемъ въ другую обстановку, которая въ нравственномъ отношеніи еще болѣе ничтожна, болѣе грязна, но тѣмъ не менѣе наружный ея видъ не такъ колетъ глаза, не такъ оскорбляетъ эстетическое чувство образованнаго человѣка.

Мы переносимся въ богатое панское мѣстечко, резиденцію польскаго цадика, гдѣ онъ не только терпимъ владѣльцемъ и пользуется ласками пана, но у него даже и заискиваютъ, видя въ немъ весьма прибыльную приманку, привлекающую тысячи еврейскихъ пилигримовъ, обогащающихъ панскій «маіонтекъ». Еврейская община, при щедромъ содѣйствіи владѣльца и богатыхъ инородныхъ поклонниковъ еврейской магіи, построила своему чудодѣю почти «хоромы», въ провинціальномъ смыслѣ слова, меблировало этотъ палаццо, по крайнему своему разумѣнію, богато, роскошно и изящно. При домѣ устроена и молельная, и баня, и бассейнъ для купанія, нагрѣваемый зимою. Не забыта даже и особая комната, съ подвижною крышею, для извѣстнаго праздника кущей. У цадика цѣлый сонмъ жирной и наглой челяди («габоимъ»), пользующейся даровыми харчами патрона и обирающей просителей. У цадика жирныя выхоленныя лошади, на которыхъ онъ совершаетъ свои грабительскія экскурсіи. У цадика великолѣпные польскіе крытые экипажи, колеса которыхъ окованы чистымъ серебромъ. У цадика шелкъ, парча, соболь перваго сорта, серебряныя люстры и такіе же вычурные, развѣтвленные на подобіе оленьихъ роговъ, подсвѣчники. У цадика—жена молодая, женщина поразительной красоты. Наконецъ, у цадика даже собственный оркестъ съ цимбалами, бубнами и неизбѣжнымъ, особенно любимымъ, кларнетомъ, громче всѣхъ выдѣлывающимъ хасидскія музыкальныя рулады, со вскрикиваніями, взвизгиваніями и душу надрывающими стонами.

Этотъ избранникъ-цадикъ, въ которомъ пріютилась дума «царя-псалмопѣвца», окруженъ всѣми земными благами. Этотъ счастливецъ—еще молодой человѣкъ. Съ ранняго дѣтства онъ уже «цадиковалъ». «Мнимо-святой» его отецъ, знаменитый на землѣ и небѣ «балшемъ», надѣлилъ сына собственнымъ ореоломъ. И одного только этого достаточно, чтобы переворачивать всѣ естественные законы природы вверхъ ногами...

Мы попали какъ разъ въ пору, въ пріемный день. Едва протискавшись сквозь безчисленную, разношерстную еврейскую толпу, запрудившую улицу, дворъ и широкія, свѣтлыя сѣни, мы пробираемся въ большую пріемную, биткомъ набитую просителями всякаго пола и возраста. Тутъ мы замѣчаемъ чахоточныхъ парилитиковъ, нѣмыхъ, глухихъ, слѣпыхъ и разныхъ другихъ калѣкъ; тутъ и разжирѣвшій корчмарь, изгоняемый паномъ, разореннымъ подложными «квитами» (долговыми обязательствами и квитанціями); тутъ и набожный подрядчикъ, догешефтствовавшійся до «чертиковъ» и уголовщины; тутъ и безплодныя жены, дрожащія «геенны» за то, что не дали своему «избранному народу» ни одного члена. Тутъ всѣ, алчущіе и жаждущіе исцѣленія, наживы, безнаказанности на землѣ и воздаянія на небѣ. Со всѣхъ сторонъ раздается шопотъ, задушаемые стоны и кашель. Вся толпа, какъ одинъ человѣкъ,

устремила свой молящій взоръ въ одинъ пунктъ пріемной... Только прислужники цадика, тучные, потные, съ воловьими шеями и красными рожами снуютъ въ толпѣ, какъ тѣни, тихо пошлепывая своими туфлями и перешептываясь съ болѣе щедрыми просителями, обѣщая выдвинуть ихъ впередъ не въ очередь. Толпа переминается съ ноги на ногу, не смѣя присѣсть, безъ *приказанія* цадика, на многочисленныхъ диванахъ, разставленныхъ по стѣнамъ.

У большого, круглаго стола, покрытаго бѣлою, шелкомъ тканною скатерью, съ тяжелыми серебряными кистями, сидитъ на мягкомъ креслѣ, облокотившись на обѣ руки, самъ «владыка», еврей еще молодой, бѣлолицый, сдобный и вычищенный, какъ праздничный поросенокъ, съ темнорусою бородкою и съ пышными длинными и тщательно закудрявленными пейсами. Лицо его нѣжно и блѣдно, глаза закрыты, лобъ насупленъ. Поза свидѣтельствуетъ какъ-бы о крайнемъ утомленіи и истощеніи силъ. Онъ какъ-бы ничего не замѣчаетъ вокругъ себя. Такъ и кажется, что тутъ, на землѣ, только тѣло его, душа же витаетъ въ недосягаемой высотѣ, бесѣдуя съ Іеговой и миріадами крылатыхъ его ангеловъ. Предъ святошей раскрыта необыкновенно-громадныхъ размѣровъ книга древняго письма и много другихъ книгъ разбросано на столѣ. Справа и слѣва поставлены большія серебряныя вазы. Эти сосуды предназначены для воспринимания приношеній «для бѣдныхъ и сиротъ». Одинъ изъ служекъ занимается спеціальнымъ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы бумажки опускались въ одну вазу, а рубли и червонцы—въ другую. Цадикъ одѣтъ въ длинный, бѣлый атласный кафтанъ, отороченный на воротникѣ, подолѣ, полахъ и обшлагахъ позолоченными галунами. Красивую голову его покрываетъ бѣлая, парчевая ермолка. Нѣжная талія опоясана шелковымъ широкимъ поясомъ. Ноги обуты въ атласныя туфли и покоятся на мягкой скамейкѣ. Широкій, бѣлый воротъ тонкой рубашки, отложенный à la Шекспиръ, открываетъ бѣлую шею и часть груди, придавая всему лицу женственную свѣжесть.

Изъ громадной толпы просителей, удостоилось особаго отличія одно только лицо. Оно сидитъ у стола, на кончикѣ стула, и тревожно, сосредоточенно посматриваетъ искоса на лучезарное чело мнимо-бежественнаго человѣка. Оно ждетъ пробужденія святого и жаждетъ внять гласу оракула. Это лицо—откупщикъ-милліонеръ, «противодѣйствующій» уничтоженію кабачной монополіи. Несомнѣнно, это лицо заслужило почетнаго отличія: оно собственноручно, съ чувствомъ и разстановкою, опустило въ одну изъ вазъ сто восемдесятъ золотыхъ монетъ. Продолжительный рѣзкій звонъ благороднаго металла на одно мгновеніе разбудилъ цадика. Онъ, едва замѣтнымъ жестомъ, «позволилъ» просителю присѣсть—и опять впалъ въ созерцаніе. Чрезъ нѣсколько минутъ, онъ, однакожъ, пришелъ въ себя, открылъ свои сѣрые, холодные, какъ сталь, глаза, произнесъ какое-то радостное слово и лѣниво протянулъ откупщику свою руку. Проситель, обрадованный и восторженный, протянулъ дрожащую свою руку для прикосновенія, словно къ святынѣ. Но... въ это мгновеніе, цадикъ дико вскрикиваетъ, падаетъ на спинку кресла и закатываетъ глаза. Толпа гурьбою бросается къ столу. Но прежде, чѣмъ достигнуть ей цѣли, цадикъ вздрагиваетъ съ головы до ногъ и, конвульсивно вскочивъ на ноги, грозно протягиваетъ руку куда-то въ сторону, вскрикивая нечеловѣческимъ голосомъ:

— Гоните, гоните, гоните, гоните!... Развратница! Содомка! Короста! Чума! Проклятая, проклятая! Вонъ, вонъ, вонъ!!..

Толпа приходитъ въ ужасъ, пятится назадъ къ двери. Особенно перепуганы женщины; каждая думаетъ: «не я ли»? Но загадка скоро разрѣшается. Изъ одной женской группы раздается душу раздирающій вопль, и тучная, пожилая еврейка, съ жемчужной богатой повязкой на головѣ и дорогихъ серьгахъ въ ушахъ, падаетъ на полъ, какъ снопъ. Вся толпа отскакиваетъ отъ этой несчастной, какъ отъ зачумленной. Эта еврейка—богатая содержательница нѣсколькихъ домовъ терпимости въ большомъ городѣ. Она, ликвидировавъ «свои дѣла», явилась къ цадику, чтобы обезпечить себѣ мѣсто въ раю. Но вся ея щедрость не спасла ее

отъ скандала и позора. Какъ она ни скрывала своей біографіи и профессіи, цадикъ все-таки «почуялъ своею душою» присутствіе нечестивой, (т.-е. иначе—шпіоны цадика ловко сдѣлали свое дѣло) и жестоко наказалъ преступницу. Эта комедія и подобныя ей упрочивали славу всевѣдующаго прорицателя и обезпечивали ему обильнѣйшую жатву на всю жизнь.

Вся совокупность положительныхъ и отрицательныхъ законовъ еврейской религіи, съ безчисленными дополненіями, распространеніями и ограниченіями, при сведеніи въ систему, можетъ дать шесть слѣдующихъ разрядовъ.

1) Законоположенія о нравственности, безъ которыхъ немыслима прочная общественность. Эта серія законовъ заключаетъ въ себѣ моисеевы заповѣди, законъ о любви ближняго, какъ самаго себя, запретъ ростовщичества, запретъ порабощенія человѣческой личности, оставленіе извѣстной части жатвы на полѣ и для бѣдныхъ неимущихъ, элементарныя гражданскія и уголовныя узаконенія и проч.

2) Законы религіозные. Всѣ эти законы клонятся къ одной главной цѣли: оторвать еврейское племя отъ язычества, идолопоклонства, усвоенныхъ имъ во время долголѣтняго египетскаго рабства и воспитать въ немъ вѣру въ единобожіе. При этомъ, Моисей какъ бы вступилъ въ компромисъ съ своимъ народомъ. Избѣгая рѣзкихъ переходовъ въ привычкахъ простолюдина, всегда вредныхъ въ воспитательномъ отношеніи, онъ оставилъ въ силѣ законы жертвоприношенія Іеговѣ, довольствуясь лишь уничтоженіемъ кровожаднаго Ваала, питавшагося человѣческими жертвами. Чтобы пестепенно отторгнуть свой народъ отъ общенія съ язычниками, онъ придалъ ему своеобразную наружность, повелѣвъ, именемъ Іеговы, отпустить локоны на вискахъ (пейсы) и не сбривать бороды. У тогдашнихъ язычниковъ, въ честь ихъ идоловъ, зажигались по субботамъ костры во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ; Моисей же запретилъ это евреямъ. Язычники приносили въ жертву своимъ идоламъ «козлятъ, сваренныхъ въ молокѣ ихъ матерей»; Моисей запретилъ это своему народу и т. под.

3) Законы экономическіе и сельскохозяйственные, какъ напримѣръ, воспрещеніе убивать дѣтенышей въ одинъ день съ ихъ родителями, съ цѣлію охраненія животныхъ отъ истребленія; воспрещеніе впрягать въ одинъ и тотъ же плугъ животныхъ разныхъ породъ, разной силы и быстроты, въ видѣ охраненія болѣе горячихъ и менѣе сильныхъ животныхъ отъ истощенія и проч.

4) Законы гигіеническіе. Сюда относятся: обрядъ обрѣзанія, какъ предохранительное средство, по понятіямъ того времени, отъ страшнаго бича—сифилиса, свирѣповавшаго тогда съ силою губительной эпидеміи; законъ выселенія женщинъ за черту поселенія въ менструаціонные періоды, и законъ объ очищеніи ихъ «живою водою» по окончаніи тѣхъ же періодовъ (менструаціонная кровь считалась тогда ничистою, заражающею); законъ о высылкѣ прокаженныхъ, сифилитиковъ и чумныхъ за черту поселеній, куда приходили коганы - медики для ихъ лѣченія. Къ этой котегоріи весьма важныхъ законовъ принадлежитъ запретъ употреблять въ пищу падаль (трейфе), мясо жирныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, свиней и нѣкоторыхъ другихъ породъ, считавшихся нездоровыми въ томъ жаркомъ климатѣ, гдѣ обитали евреи. Изъ гигіеническихъ же соображеній вытекаетъ и запретъ тяжелыхъ работъ для еврея «его раба и его осла» по субботамъ, послѣ утомительныхъ трудовъ въ продолженіе шести дней недѣли и т. д.

5) Законы народно-историческіе. Къ нимъ принадлежитъ установленіе праздниковъ, постовъ и обрядовъ, напоминающихъ выдающіеся историческіе моменты еврейской политической жизни, или въ смыслѣ торжества народа, или въ видѣ крупныхъ народныхъ катастрофъ. Такъ, въ память освобожденія Моисеемъ евреевъ отъ ига египетскаго, установленъ праздникъ пасхи (пейсахъ). Въ память разрушенія Іерусалима установленъ особый постъ, а въ слѣдующій затѣмъ день—праздникъ «Гаманъ» (пуримъ), вызывающій у евреевъ воспоминанія о такихъ историческихъ личностяхъ, какъ Агасферъ, Эсѳирь, Гаманъ, Мордохай и т. под.

6) Законы и обычаи обрядовъ еврейской религіи, синагогическаго культа, служенія, обязательныхъ для еврея длинныхъ и короткихъ молитвъ и разныхъ другихъ церемоній.

Еслибы народно-еврейскіе наставники посвящали своихъ послѣдователей въ настоящіе мотивы всякаго закона и обряда, еслибы они измѣняли, дополняли и отмѣняли все то, что не можетъ ужъ болѣе служить мотивомъ въ настоящее время, въ данной мѣстности, при нынѣшнихъ условіяхъ, то, конечно, эти законы, и до сихъ поръ остались бы полезными и цѣлесообразными. Но раввинисты и талмудисты, не исключая даже и найболѣе разумныхъ и мыслящихъ изъ нихъ, страдаютъ общимъ недугомъ своего племени. Они тормозятъ мышленіе массъ, заставляя ихъ слѣпо вѣрить въ духовный свой авторитетъ и безъ разсужденія повиноваться. Они скрыли настоящіе мотивы отъ вѣрующихъ, напирая только на то, что, будто бы «такъ повелѣлъ Іегова» — то устами Моисея и его намѣстниковъ, то устами разныхъ рабби.

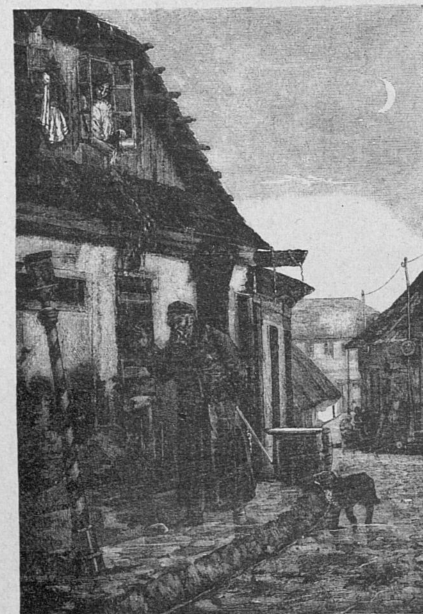


Мѣстечко Кодня, Волынской губерніи.

Заручившись умственнымъ рабствомъ народа, они принялись хозяйничать съ этими законами такъ произвольно, такъ нелогично, что разумные мотивы совершенно потерялись, и законы, вмѣсто пользы, приносили и до сихъ поръ приносятъ евреямъ крайній вредъ. Насколько въ силѣ былъ подобный образъ дѣйствія у заправителей еврейскою жизнью, можетъ служить между прочимъ слѣдующій фактъ. Въ средневѣковыя времена существовали въ еврействѣ двѣ, противоположныя по своимъ принципамъ, талмудистическія школы: бетъ-Гилелъ и бетъ-Шамай. Первая поставила себѣ задачею облегчить евреевъ, насколько возможно, отъ невыносимаго бремени безчисленныхъ религіозныхъ постановленій; вторая же, напротивъ, на каждомъ шагу нагромождала новыя и новыя препятствія на тропу свѣтской жизни еврея, которая и безъ того была до крайности затруднена. Казалось бы, что народъ, изъ однихъ уже эгоистическихъ побужденій, долженъ бы отдаться въ руки либеральной школы бетъ-Гилела; между

тѣмъ перевѣсъ остался за діаметрально - противоположною ей школою, бетъ-Шамаемъ, авторитетъ которой торжествуетъ и до сихъ поръ, на томъ основаніи будто бы: «кто усугубляетъ религіозную строгость, на того нисходитъ благословеніе свыше».

Эти-то будто бы благословленные свыше «усугубители» довели свою распространительно-религіозную систему до крайняго абсурда. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ законахъ, для охарактеристики этой крайне непримѣнимой къ жизни системы. Такъ, напримѣръ, законъ, воспрещающій зажигать костры въ честь идоловъ по субботамъ, былъ истолкованъ въ томъ смыслѣ, что еврею воспрещается съ вечера, наканунѣ субботы, «прикасаться» къ огню, такъ что еврей, безъ помощи иновѣрца, осужденъ проводить субботніе вечера впотьмахъ, а затѣмъ цѣлыя сутки въ нетопленномъ жильѣ; въ субботу еврей обязанъ довольствоваться сырою холодною пищею, или же пищею, изготовленною въ пятницу, пропитанною угаромъ. Запретъ переносить тяжести по субботамъ исскуственно растянутъ до того, что еврей лишенъ возможности имѣть при себѣ часы, очки, зонтикъ, палку и даже носовой платокъ. По поводу обязательнаго субботняго отдыха, весьма полезнаго въ гигіеническомъ отношеніи, сочиненъ громадный томъ талмуда, по смыслу котораго еврей можетъ только ѣсть, пить, спать и молиться. Если исполнять все то, что установлено для субботы, то эти дни отдыха и праздника должны превратиться для еврея въ самые тяжелые, самые скучные дни, удручающе дѣйствующіе на тѣло и душу разумнаго существа, скорѣе разслабляющіе, чѣмъ возстановляющіе силы. Запрещеніе изготовлять (въ жертву идоламъ) «козленка въ молокѣ его матери» было истолковано въ томъ смыслѣ, что вообще смѣшеніе молочнаго съ мяснымъ есть трейфъ. На этомъ основаніи еврею запрещается въ одной и той же трапезѣ употреблять молочное послѣ мясного, если между первымъ и послѣднимъ блюдомъ не прошло шести часовъ времени. У евреевъ, для мясныхъ и молочныхъ блюдъ существуетъ даже отдѣльная посуда. Смѣшеніе молочнаго и мясного отрейфляетъ не только съѣстные припасы, но и посуду. Этому странному закону посвященъ особый томъ талмуда. Запретъ употреблять въ пищу падаль получилъ такое истолкованіе, будто бы малѣйшій, самый незначительный, органическій порокъ, или поврежденіе, а тѣмъ болѣе — переломъ ножки, или крылышка, отравляютъ не только мясо животнаго и птицы, но даже и ту посуду, съ которою оно соприкасалось. И на этотъ предметъ сочиненъ цѣлый томъ. О рѣзаніи же животныхъ написанъ пространный уставъ. Если принять въ соображеніе уровень наукъ тогдашняго времени и полнѣйшее невѣжество составителей уставовъ, въ анатоміи, физіологіи и патологіи, легко представить себѣ ту путаницу понятій и безсмыслицу, которыя нагородили древніе quasi-ученые-теологи въ своихъ уставахъ.



Сзываніе въ синагогу.

Въ отношеніи еврейской замужней женщины и ея менструаціонныхъ періодовъ существуетъ пространный уставъ, по которому супруги, въ продолженіе полумѣсяца, не имѣютъ права не только прикасаться другъ къ другу, ѣсть изъ одной посуды и передавать непосредственно предметы изъ рукъ въ руки, но и оставаться съ глазу на глазъ. Тутъ и по части акушерства мы видимъ ту же дѣятельность ощупью, впотьмахъ, на угадъ, какъ и въ анатоміи и патологіи. Въ суровости этого закона есть впрочемъ и хорошая гигіеническая сторона,

предохраняющая супружескія отношенія отъ опошленія, пресыщенія, излишества, это, быть можетъ, и служитъ одною изъ причинъ необыкновеннаго плодородія въ еврейскихъ семействахъ, что для бѣдныхъ классовъ прямо-таки пагубно.

Сокрытіе разумныхъ мотивовъ и запугиваніе неразвитыхъ людей мнимыми велѣніями высшихъ или демоническихъ силъ въ высшей степени вредно. Рожениць, какъ извѣстно, не оставляютъ однѣхъ въ комнатѣ, такъ какъ съ ихъ расшатаннымъ организмомъ могутъ случиться такія патологическія и физіологическія измѣненія, которыя требуютъ неотложной помощи. То же самое опасеніе имѣетъ мѣсто и въ отношеніи мнимо-умершихъ, въ виду чего требуется, чтобы покойниковъ не оставляли однихъ, безъ надзора. Евреевъ же запугиваютъ тѣмъ, будто бы къ роженицамъ и покойникамъ, оставшимся безъ надзора можетъ забраться «нечистая демонская сила». Въ виду этого, евреи считаютъ достаточнымъ довольствоваться тѣмъ, что у кровати рожениць оставляютъ двухлѣтняго ребенка. Въ отношеніи же покойниковъ случалось, что, при первомъ слабомъ движеніи несчастнаго мнимо-умершаго, стражъ однимъ ударомъ своей тяжеловѣсной длани изгонялъ нечистую силу изъ трупа, т.-е. правильнѣе жизнь, начинавшую проявляться наружу. Для еврея обязательны омовенія съ похвальною гигіеническою цѣлію; онъ же совершаетъ это «для изгнанія нечистой демонской силы, прилѣпившейся-де къ рукамъ». Для этого, онъ считаетъ достаточнымъ только плеснуть водою на руки, хоть грязь на рукахъ останется та же. Въ результатѣ же оказывается, что набожный еврей полощется цѣлый день въ водѣ, какъ утка, и все-таки ему далеко до чистоплотности; цѣлые дни и ночи онъ зудитъ книги, и тѣмъ не менѣе остается неразвитымъ, творитъ сотни молитвъ, но не всегда безукоризненно нравственъ и честенъ. И понятно: все это онъ исполняетъ какъ барщину, то для Іеговы, то для противодѣйствія злымъ духамъ, а потому какъ говорится,—«изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса».

Заслуживаетъ вниманія слѣдующая черта талмудистовъ. Если они въ своей системѣ зарвутся до того, что еврей въ житейскомъ отношеніи попадаетъ въ безвыходное положеніе, такъ что исполненіе установленнаго дѣлается уже невозможнымъ, въ подобныхъ случаяхъ они изобрѣтаюъ разныя довольно прозрачныя уловки для обхода своего закона, но никогда не уничтожатъ самый законъ, идущій въ разрѣзъ съ жизнью. Они болѣзненно дрожатъ надъ своимъ священнымъ авторитетомъ.

Міряжинъ-еврей обязанъ совершать въ день такое множество краткихъ, длинныхъ и длиннѣйшихъ молитвъ и благословеній Іеговы, и столько обрядовъ и церемоній, что они положительно поглощаютъ все его время, всѣ его помыслы. Нѣтъ ни одного движенія, нѣтъ ни одного явленія во внѣшней природѣ, нѣтъ ни одной органической функціи, въ *буквальномъ* смыслѣ слова *ни одной*, которая не имѣла бы свой формулы, молитвы и благословенія. Къ счастью, большую часть своихъ молитвъ и обрядовъ міряжинъ-еврей совершаетъ машинально, автоматично, не слушая своихъ словъ и даже не замѣчая, что онъ дѣлаетъ, такъ что вѣчное его жужжаніе, какъ муха, не мѣшаетъ ни его мыслямъ, ни его работѣ.

Европеецъ, нѣсколько знакомый съ обрядовой практикой еврейскаго племени и съ сотнями положительныхъ и отрицательныхъ узаконеній, навьюченныхъ на еврейскую спину, слушая, какъ евреи въ синагогахъ молятъ Бога возвратить ихъ въ Іерусалимъ и возстановить прежнюю ихъ политическую самостоятельность, не можетъ удержаться отъ горькой улыбки. Дѣйствительно, что могъ бы предпринять народъ вѣчно жужжащій, обезличенный своей религіозною церемоніальностью, запуганный суевѣріемъ и демонизмомъ, искалѣченный физически и нравственно, порабощенный вѣчными обязанностями, якобы передъ Іеговой? Хорошъ показался бы еврейскій народъ и еврейское государство въ субботніе дни! Вся страна во тьмѣ кромѣшной, холодная и голодная, почтовыя и путевыя сообщенія прекращены, телеграфы не дѣйствуютъ. Все и всѣ сидятъ въ синагогахъ, или въ четырехъ стѣнахъ молятся, ѣдятъ или спятъ. Непобѣдимое государство, нечего сказать!

Подобное желаніе можно услышать не только отъ тупоумнаго еврея, но и отъ такого, который въ мірскихъ дѣлахъ отличается трезвымъ взглядомъ и сообразительностью.

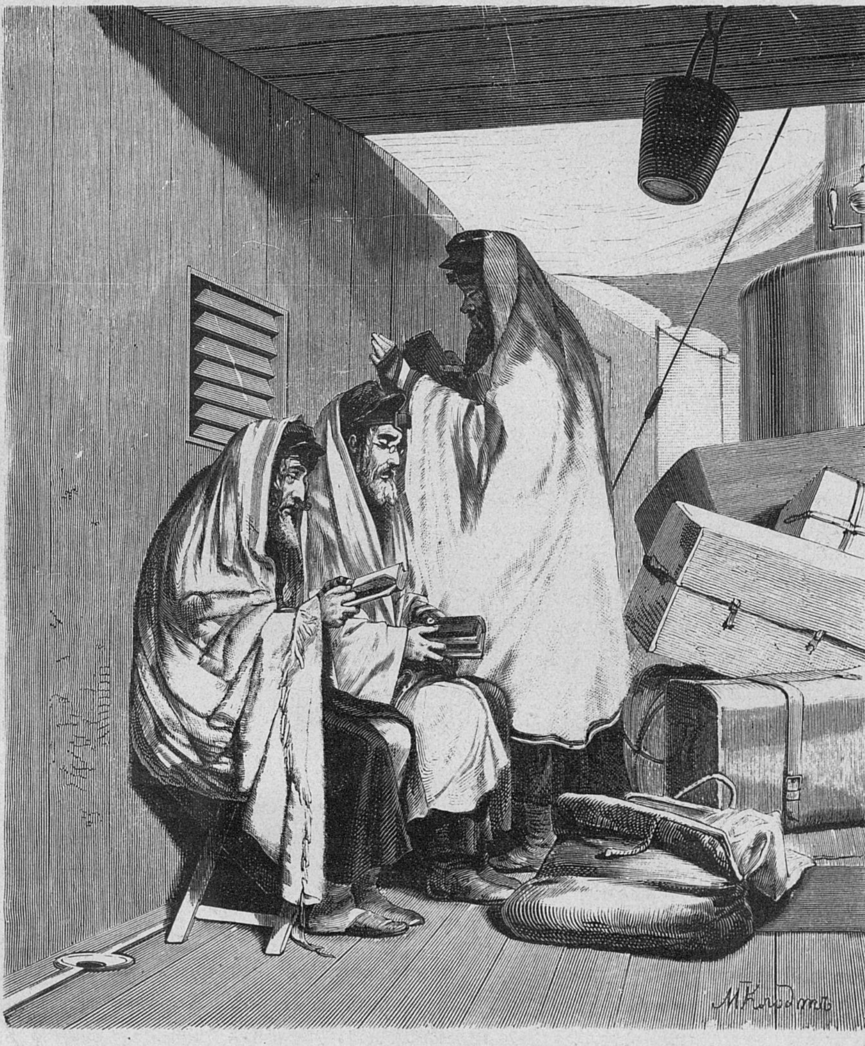
Такова общая характеристика религіозной стороны еврейскаго племени въ Россіи. Перейдемъ къ его частной жизни.

Еврей, по достиженіи тринадцати-лѣтняго возраста, становится въ религіозномъ отношеніи вполнѣ правоспособнымъ. Въ этотъ день, при особенномъ торжествѣ, онъ въ первый разъ налагаетъ на свой лобъ и лѣвую руку молитвенныя коробочки, содержащія въ себѣ священныя изреченія, написанныя на лоскуткахъ пергамента и прикрѣпляемыя къ головѣ «религіозными» ремнями. Съ этого момента, вступая въ круговую религіозную поруку, онъ отвѣтствуетъ не только за свои грѣхи, но и за грѣхи всѣхъ своихъ единовѣрцевъ.

Для вступленія въ брачную жизнь возрастъ не установленъ. Случалось не мало примѣровъ, что въ бракъ вступали дѣти семилѣтняго возраста обоего пола. Наконецъ, русское законодательство опредѣлило норму возраста евреевъ для вступленія въ бракъ: для мужчинъ не менѣе 18, а для женщинъ—не менѣе 16 лѣтъ. На самый актъ брака истый еврей смотритъ не съ естественной точки зрѣнія, а съ точки чисто религіозной. Іегова повелѣлъ: «Плодись и множись!» Кто не исполнитъ это, все равно, мужчина или женщина, осужденъ на кару небесную. Несмотря на крайне эротическія пѣсни Соломона мудраго, часто прочитываемыя евреями, они не усвоили себѣ понятія о возвышенномъ чувствѣ любви. Это выраженіе принято употреблять только по отношенію къ Іеговѣ и Его ученію, поэтому въ бракѣ обоюдная симпатія брачущихся считается совершенно излишнею роскошью. Въ набожной еврейской средѣ браки устраиваются между родителями жениха и невѣсты, помимо вѣдома главныхъ заинтересованныхъ лицъ. Нерѣдко случается, что женихъ видитъ свою будущую подругу жизни, въ первый разъ только послѣ вѣнца, когда она ему уже принадлежитъ «по закону Моисея и Израиля», потому что во время свадебныхъ церемоній невѣста покрыта плотною чадрою. Между тѣмъ, бракъ у евреевъ имѣетъ вообще полный гражданскій характеръ и ему не придается никакой синагогической таинственности. Мужчина можетъ обладать женщиной не только посредствомъ вѣнчанія, но и посредствомъ обыкновеннаго домашняго письменнаго условія, или просто посредствомъ уплаты ей серебряной монеты, самаго мелкаго достоинства. Бракъ также легко расторгается, какъ и заключается: самая ничтожная причина, даже прихоть, считается поводомъ къ расторженію брака. Въ этомъ отношеніи женщина пользуется совершенною равноправностью съ мужчиною По еврейскому закону, ей достаточно заявить раввину, что она питаетъ отвращеніе къ мужу, и послѣдній обязанъ развести ее. Вотъ почему въ еврейской криминалистикѣ нѣтъ случаевъ убійства однимъ супругомъ другого. По вступленіи въ бракъ, мужчина получаетъ (обыкновенно отъ невѣсты) новыя молитвенныя принадлежности: бѣлое шерстяное съ темносиними полосами по краямъ покрывало (та̀лесъ) и длинную бѣлую съ широкими рукавами рубаху-саванъ (китлъ). Первое женатый еврей одѣваетъ во время утреннихъ молитвъ; послѣднюю онъ употребляетъ, какъ одежду, въ самыя торжественныя минуты жизни, въ судные дни и въ великіе праздники. Въ та̀лесъ и китлъ наряжаютъ умершаго еврея для погребенія. Женщина принимаетъ религіозныя обязанности лишь со времени вступленія въ бракъ. Онѣ немного сложны и могутъ быть выражены такъ: *очищеніе* (въ менструаціонные періоды), *сотвореніе молитвы* во время печенія куличей для субботъ и праздниковъ и *сотвореніе молитвы* во время зажиганія свѣчей, наканунѣ тѣхъ же субботъ и праздниковъ.

Какъ ни холодны, по наружнымъ признакамъ, отношенія между супругами, семейная жизнь ихъ въ дѣйствительности образцовая. Благодаря раннимъ бракамъ, евреи и еврейки, вообще говоря, не знакомятся въ юности съ развратомъ и проституціей. Исключенія изъ этого сравнительно рѣдки. Благодаря сбереженію своихъ физическихъ силъ и отвращенію къ половому пороку, супруги дорожатъ другъ другомъ и привязываются одинъ къ другому,

послѣ брака, на прозаической почвѣ супружескаго сожительства, но безъ всякихъ сантиментальностей. Обыкновенно, супруги еврейскіе довольно плодовиты. Невѣрность супружеская, особенно со стороны набожной еврейской жены, вещь немыслимая, вслѣдствіе запуганности ея карою небесною и жестокою карою общественнаго мнѣнія, *вынуждающаго* мужа къ разводу съ невѣрною женою. Невѣрность мужа, особенно не съ замужнею женщиною и не съ иновѣркой, а съ свободною еврейкой не считается важнымъ проступкомъ. Этотъ взглядъ на


Молящіеся евреи въ пути.

мужскую «шалость» унаслѣдованъ евреями со временъ существованія у нихъ полигаміи, въ строгомъ смыслѣ незапрещенной религіей и до сихъ поръ. Тѣмъ не менѣе, еврейское общественное мнѣніе относится весьма взыскательно къ подобнымъ шалостямъ мужчинъ, клеймя блудливыхъ членовъ презрѣніемъ и позоромъ. Въ прежнія времена, когда кагалы пользовались силой, за такіе проступки жестоко наказывались тѣ, которые попадались съ поличнымъ, все равно былъ ли то мужчина, или женщина. Еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ, при необыкновенной смертности дѣтей или во времена эпидемій, община учреждаетъ стро-

жайшій суточный постъ и принимается отыскивать грѣшниковъ. И горе тѣмъ, противъ которыхъ обнаружатся вѣскія улики, или хотя бы только подозрѣніе въ прелюбодѣяніи!...

Еврейскіе родители въ высшей степени чадолюбивы и нѣжны. Главы семьи рѣшительно перестаютъ существовать для себя съ ранней молодости и жертвуютъ всѣмъ личнымъ благомъ для дѣтей. Идеалъ ихъ счастія — вырастить дѣтей, женить и выдать ихъ замужъ, дожить до внуковъ и правнуковъ. Несмотря на вопіющую нищету, въ уголовной практикѣ почти нѣтъ случаевъ осужденія еврейскихъ родителей за убійство своихъ дѣтей. При крайнемъ фатализмѣ, евреи, во время болѣзней, не надѣются на чудеса и немедленно обращаются за медицинскою помощью, отдавая послѣдній грошъ и закладывая ради этого послѣднюю цѣнную вещь. Вѣра евреевъ въ медицинскую науку и въ латинскую кухню достаточно извѣстна медикамъ и аптекарямъ, практикующимъ среди евреевъ. Евреи боятся смерти до болѣзненности и, при всей своей горькой долѣ, трепещутъ за свою жизнь. Это объясняется преимущественно тѣмъ, что почти всякій еврей—отецъ, всякая еврейка—мать: они сознаютъ, что отъ ихъ жизни зависитъ жизнь дорогихъ имъ созданій. Есть, впрочемъ, и такой взглядъ, что каторжникъ дорожитъ своею жизнью болѣе богатаго, пресыщеннаго жизнью лорда.

Чистокровный типъ еврея—смуглый цвѣтъ лица, курчавые волосы, черные, небольшіе, особеннаго разрѣза, быстрые или грустные глаза, оттѣненные густыми черными бровями и длинными рѣсницами, лобъ узкій, но не низкій, носъ длинный, съ горбомъ, загнутый книзу, губы тонкія. Всѣ вообще черты лица выразительны и рѣзки. Общій характеръ физіономіи — умно-хитрый, пронырливый и неискренній. Манера держаться смиренная, услужливая, подобострастная, трусливая. Типъ еврейки имѣетъ въ себѣ нѣчто итальянское, при болѣе бѣломъ цвѣтѣ лица. Особенно же часто встрѣчаются женщины — брюнетки поразительной красоты. Характерная черта женскаго еврейскаго типа—бойкость, смѣлая рѣчь, дѣловитость, расчетливость и хитрость. Чистые типы встрѣчаются во множествѣ среди сѣверо- и юго-западнаго еврейства, а также среди польскаго; въ южныхъ же мѣстностяхъ типы потеряли уже свою самобытность, быть можетъ потому, что тамошнее еврейство не такъ строго религіозно и обособленно... Евреи всякой отдѣльной мѣстности узнаются по покрою ихъ одежды, главнымъ же образомъ—по акценту рѣчи и интонаціи. Сѣверо-западное еврейство привыкаетъ къ такому изуродованному еврейскому жаргону, что даже взрослый еврей, вполнѣ усвоившій европейскую культуру и языкознаніе, не обладаетъ правильнымъ пронансомъ и интонаціей ни на одномъ европейскомъ языкѣ, особенно русскомъ. Польскіе евреи въ своей рѣчи поютъ пренепріятнымъ для непривычнаго уха образомъ. Національный еврейскій костюмъ у мужчинъ таковъ. На лохматой или бритой головѣ — плисовая ермолка, подбитая кожею, мѣховая шапка, или пуховая шляпа особеннаго фасона; на плечахъ кафтанъ, преимущественно темнаго цвѣта, бумажной, шерстяной или шелковой матеріи, со стоячимъ воротникомъ, безъ таліи, длинный, доходящій до пятокъ и опоясанный широкимъ чернымъ поясомъ. Рубаха съ открытымъ воротомъ; на ней непосредственно подъ кафтаномъ куртка (лапсердакъ) изъ той матеріи, изъ которой фабрикованы талесы; къ лапсердаку въ четырехъ углахъ вдѣланы плетенки изъ бѣлыхъ шерстяныхъ нитей для напоминанія о Іеговѣ. Короткіе шаровары завязываются подъ колѣнами, на ногахъ длинные чулки и туфли безъ задковъ. Еврейки сѣверо-западнаго края покрываютъ свою бритую или стриженую голову шерстянымъ или инымъ платкомъ, въ видѣ тюрбана. На плечахъ у нихъ тѣсная кофта, закрываемая спереди нагрудникомъ, украшеннымъ галунами. Кофта эта поддерживаетъ крючками длинную узкую юбку. Еврейки вообще любятъ украшать свою шею и уши жемчугомъ и разными цѣнными побрякушками. Въ этомъ отношеніи особенно отличаются польскія еврейки, украшающія свои головы жемчужными накладками изъ бархата, нерѣдко высокой цѣнности. Такъ называемый, еврейскій національный костюмъ заключаетъ въ себѣ эмблематическую лѣтопись преслѣдованія еврейскаго народа въ средніе вѣка. Для того, чтобы евреевъ можно было сразу узнать, и

чтобы они не могли сливаться съ христіанами, имъ былъ навязанъ особый костюмъ, сразу обнаруживавшій ихъ позорное положеніе въ странѣ. Не считая возможнымъ вдаваться въ подробности исторіи еврейскаго костюма, мы скажемъ только, что эти отличительные покрои и клейма, навязанные еврейству, постепенно и медленно видоизмѣняясь, образовали неудобный, шутовской костюмъ, сдѣлавшійся традиціонно-національнымъ. Этотъ костюмъ полюбился евреямъ и сдѣлался дорогимъ имъ. Притомъ наружная оболочка вполнѣ соотвѣтствовала внутреннему настроенію евреевъ. Они стояли внѣ закона; ихъ честь, жизнь и достояніе висѣли на волоскѣ. Они дрожали всѣхъ и все спасеніе ихъ состояло въ обезличеніи своего жалкаго *я*. Удивительно ли, что имъ нравился такой именно костюмъ, въ которомъ можно быть закутаннымъ съ головы до пятокъ.

Русское законодательство, изъ гуманныхъ цѣлей, строго было принялось за уничтоженіе этого унизительнаго костюма, но темная еврейская масса, считающая, по невѣжеству, этотъ



Еврейскій праздникъ.

костюмъ святыней, не поддалась полицейскимъ мѣрамъ,—и эта нелѣпая одежда, съ ничтожными измѣненіями, сохраняется еще и до сихъ поръ.

Кто внимательно всматривается въ общія племенныя черты народа и съ любознательностью докапывается до историческихъ причинъ, породившихъ эти черты, тотъ найдетъ вполнѣ естественнымъ тѣ симпатичныя и антипатичныя племенныя черты еврейскаго народа, которыя такъ бросаются въ глаза. Мы коснемся только нѣкоторыхъ.

Ни одно племя въ мірѣ не питаетъ такой любви къ пусканію пыли въ глаза наружною роскошью, къ убѣжденію посторонняго зрителя въ своемъ, якобы, большомъ богатствѣ, какъ русское еврейство. Мы знаемъ одного еврея, который заказалъ художнику изобразить его сидящимъ небрежно у стола, на которомъ разбросаны, въ живописномъ безпорядкѣ, нѣсколько денежныхъ пакетовъ съ пятью печатями, только что полученныхъ изъ почтамта. Эта страсть къ крупнымъ затратамъ, ради возбужденія зависти, при крайней расчетливости, доходящей

нерѣдко до отвратительной скаредности, внушаетъ отвращеніе. Въ богатыхъ домахъ ортодоксовъ-евреевъ, при грязной и жалкой, антигигіенической обстановкѣ, найдете полупудовые серебряные подсвѣчники, поставленные такъ, чтобы ихъ можно было видѣть съ улицы. И въ этихъ подсвѣчникахъ-монстрахъ зажигаются, по случаю субботы, или вообще праздника, тающія копѣечныя, сальныя свѣчки, въ видѣ сосулекъ. Богатыя еврейскія женщины, щеголяющія въ бархатѣ, шелкѣ, жемчугахъ и брильянтахъ, рѣдко соблюдаютъ должную гармонію въ той части костюма, которая скрыта отъ посторонняго взора. Простая, грубая служанка не успокоится до тѣхъ поръ, пока не обзаведется какою-нибудь верхнею шелковою хламидою, хотя изъ ветхихъ башмаковъ вылѣзаютъ пальцы, хотя ей некуда спрятать своего жалкаго скарба. Привычка къ рубищу объясняется тѣмъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ, когда еврейство постоянно находилось наканунѣ изгнанія и ограбленія, всякій отдѣльный еврей пряталъ тщательно свое богатство, облекалъ себя и свою семью въ грязныя, нищенскія лохмотья, чтобы казаться голякомъ. Когда же цивилизація поставила еврейство въ лучшія юридическія условія, еврейская буржуазія перешла отъ одной крайности въ другую. Не можемъ не замѣтить при этомъ, что послѣдняя крайность въ высшей степени вредитъ еврейству въ общественномъ мнѣніи, возбуждаетъ озлобленіе и ожесточенность въ завистливыхъ его преслѣдователяхъ и врагахъ.



Евреи за молитвой.

Эта замашка, мозолить глаза дѣйствительнымъ или мнимымъ богатствомъ, возстановляетъ противъ евреевъ не только иновѣрцевъ, но и родныхъ братьевъ по націи. Въ виду принципа равенства, издревле имѣющаго мѣсто въ еврействѣ, менѣе счастливые евреи не могутъ примириться съ участью болѣе счастливыхъ, которые въ свою очередь, какъ бы въ насмѣшку, дразнятъ другихъ своимъ богатствомъ. Еврей съ несчастнымъ бѣднякомъ готовъ раздѣлить послѣдній кусокъ; человѣку же, кичащемуся своимъ богатствомъ, онъ съ особеннымъ злорадствомъ готовъ подставить ногу при всякомъ случаѣ.

Строго говоря, евреи дѣлятся на двѣ категоріи: на *дающихъ* и *берущихъ*. Почти нѣтъ ни одного еврея, который жилъ бы только для себя и своей семьи: или онъ помогаетъ близкимъ и дальнимъ родственникамъ, или же самъ пользуется помощью другихъ. Поэтому еврейскіе бѣдняки не *просятъ*, а прямо-таки *требуютъ*, и честный еврей никогда не умираетъ съ голоду среди своихъ братьевъ. Вообще говоря, самый бѣдный еврей въ отношеніи поддержки еще болѣе бѣднаго — щедръ до самозабвенія, но зато щедрость между еврейскими богачами—большая рѣдкость.

Разъ въ году бываетъ такой моментъ, который, хоть и на время возстановляетъ миръ и согласіе среди евреевъ, хотя-бы только наружно. Этотъ торжественный моментъ — судный день, т.-е. день великаго поста, установленнаго Моисеемъ, день самаго торжественнаго служенія въ храмѣ, день испрошенія прощенія у Іеговы, день раскаянія и общаго примиренія. Наканунѣ этого великаго дня, набожные евреи подвергаются бичеванію при синагогахъ, чтобы отбыть тѣлесное наказаніе, если они переступили какой-нибудь запретъ, влекущій за со-

бою, по религіозному кодексу, подобнаго рода наказаніе. Бичеваніе учиняется прислужникомъ синагоги, или же міряне хлещутъ другъ друга установленнымъ ремнемъ. Операція эта совершается, понятно, очень снисходительно, такъ что удары не причиняютъ физической боли. Наканунѣ суднаго дня, старики благословляютъ молодежь и враги мирятся между собою, испрашивая другъ у друга прощенія, не всегда впрочемъ искренно. Зато, въ синагогѣ, въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, евреи молятся съ изумительною горячностью. Многіе выкрикиваютъ свои молитвы положительно до потери голоса; многіе плачутъ навзрыдъ, колотятъ кулаками себя въ грудь, жестикулируютъ и мечутся до неистовства. Особенно же горячими плакальщицами являются въ этомъ случаѣ женщины. Онѣ вспоминаютъ при этомъ о душахъ умершихъ родителей, дѣтокъ и родственниковъ, и о горькой жизни у злой свекрови, и о томъ, что они осуждены жить съ нелюбимымъ мужемъ, и о томъ, что мужъ не платитъ взаимностью,



Еврейская школа.

и о томъ, наконецъ, что заѣла ихъ непроходимая бѣдность. Изъ молящихся евреевъ только меньшинство понимаетъ, да и то не вполнѣ, тотъ древне-еврейскій языкъ, на которомъ сочинены вычурные молитвы и гимны. Нерѣдко случается, что смыслъ произносимыхъ словъ далеко не соотвѣтствуетъ вздохамъ, гримасамъ и горькимъ слезамъ молящихся. Но это безразлично: они плачутъ о своихъ тайныхъ кривдахъ, неудачахъ, горестяхъ — и всевѣдущій Іегова ихъ понимаетъ. Неумѣніе молиться сдержанно, тихо, вытекаетъ изъ пылкости еврейской натуры и увлеченія всѣмъ, что возбуждаетъ его страстность, а съ другой стороны имѣютъ значеніе также сознаніе равенства и безцеремонность. «Кого стѣсняться, когда предъ лицомъ Іеговы всѣ равны?»

Въ противоположность самоуничиженія въ судный день, въ праздникъ великой пасхи еврей является гордымъ, надменнымъ властелиномъ въ своей, конечно, семьѣ. Во время вечерней трапезы, глава семьи полулежитъ на подушкахъ («я-де самъ царствующій фараонъ») и съ

гордостью разсказываетъ семьѣ подробную исторію еврейскаго египетскаго рабства и чудеснаго избавленія Израиля отъ варварства фараоновъ, купавшихся въ крови зарѣзанныхъ еврейскихъ младенцевъ. При этомъ благословляется святое имя Іеговы за его чудеса, совершонныя чрезъ великаго Моисея, выполняется множество обрядовъ и церемоній, поются гимны и проч.

Всѣ эти торжественные дни, кулинарное искусство еврейскихъ хозяевъ достигаетъ крайняго предѣла. Въ продолженіе семи дней, обыкновенный хлѣбъ, всякое тѣсто и многія принадлежности обыкновенной кухни строго воспрещены. Тутъ-то приходится изощрять свою изобрѣтательность, чтобы изъ размельченныхъ въ муку опрѣсноковъ сдѣлать все, что будто бы можно сдѣлать изъ «запрещенныхъ» продуктовъ. И какъ гордится всякая жена-еврейка, когда семья или гости станутъ увѣрять, что они «рѣшительно не вѣрятъ» въ возможность изготовить замѣчательно-вкусныя снѣди и печенья изъ однихъ пасхальныхъ продуктовъ. Это высшій комплиментъ еврейской хозяйкѣ.

Вообще, еврейское племя умѣренно въ пищѣ, почти до аскетизма. У евреевъ, считается распущенностью, чревоугодіемъ, противнымъ Господу, наслажденіе столомъ, превосходящее крайнюю органическую потребность. Еврей не *отдается* обѣду, не *отбываетъ* обѣдъ, необходимый для поддержанія его жизни. У евреевъ крайне рѣдко встрѣчаются обжорливые субъекты, а пьяницъ и вовсе нѣтъ. Относительно «роскошный» столъ дозволяется только по субботамъ и праздникамъ. Тогда еврей употребляетъ и водку и «каширное» вино, надъ которымъ произноситъ особую молитву и въ которое жена и дѣти обязаны обмакнуть кончики своихъ губъ. Въ будни — постная пища, лукъ и чеснокъ суть заурядные суррогаты еврейскаго стола низшаго класса, составляющаго подавляющее большинство русскаго еврейства. И эта отличительная черта еврейскаго племени имѣетъ свою историческую причину. Евреи, въ продолженіе многихъ вѣковъ не имѣли надежнаго «завтра». Они жили по-походному, вѣчно готовясь ко внезапному изгнанію и далекому странствованію. Да и въ настоящее время набожный еврей не перестаетъ ждать скораго пришествія Мессіи и всѣми мѣрами старается съуживать свои потребности, чтобы не придти «туда» съ пустыми руками.

Еврейская пища, даже мясная, далеко не питательна по особенной причинѣ. Употребленіе въ пищу крови строго воспрещено Моисеемъ, преимущественно потому, что, по тогдашнимъ понятіямъ, «душа обитаетъ въ крови». Въ силу этого закона, евреи вымачиваютъ и высаливаютъ мясо животныхъ, птицъ и даже рыбъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ такъ тщательно, что лучшая часть соковъ устраняется изъ питательныхъ продуктовъ. Вообще, евреи питаютъ отвращеніе и страхъ къ крови, чѣмъ между прочимъ обусловливается и малое число убійцъ между евреями. Но въ криминалисткѣ встрѣчаются евреи преступники, совершающіе такіе рискованные уголовные подвиги, которые требуютъ гораздо большей смѣлости и дерзости, чѣмъ простой взмахъ топора или ножа.

Человѣку, близко знающему религіозную сторону евреевъ, съ ихъ обычаями и національнымъ характеромъ, обвиненіе евреевъ въ употребленіи въ пищу человѣческой крови, якобы во имя религіи или во имя какихъ-то легендарно-сектаторскихъ бредней, кажется такимъ нелѣпымъ и дикимъ, что остается только изумляться непроходимому невѣжеству и суевѣрію легкомысленныхъ обвинителей. Намъ кажется, что этого рода обвиненія возникли въ блаженныя времена алхиміи, когда тогдашніе приверженцы «великаго ученія», всякихъ національностей и вѣроисповѣданій, отыскивали во всемъ, въ томъ числѣ и въ человѣческой крови, «камень мудрыхъ и жизненный элексиръ». Въ числѣ этихъ ученыхъ мономановъ, безъ сомнѣнія, фигурировали и евреи, которые, во всякое время, служили за все и всѣхъ безотвѣтнымъ козлищемъ. Свирѣпствовала ли чума, черная смерть, холера или эпизоотія на поросятъ,—еврейство всегда считалось единственною причиною повальной бѣды: его обвиняли въ мнимомъ отравленіи колодцевъ, рѣкъ и воздуха, въ порожденіи своими чарами всякихъ человѣческихъ бѣдствій...

Но, какъ ни великъ страхъ евреевъ предъ кровью, онъ далеко не такъ великъ, какъ страхъ предъ солдатчиной, предъ отбываніемъ воинской повинности. Въ прежнія времена, отчасти же и въ наше, цѣлыя семьи разбѣгались по Россіи и за ея предѣлы, тысячи молодыхъ людей и мальчиковъ бродяжничали и питались случайною милостынею: лишь бы спастись отъ рекрутчины. Доходило нерѣдко до самаго варварскаго самоизуродованія и членовредительства. Какъ ни чадолюбива и нѣжна еврейская мать, но, если дѣло шло о спасеніи своего дѣтища отъ сѣрой солдатской шинели, мать сама собственноручно подставляла руку своего сына подъ ножъ доморощеннаго еврея—оператора, составившаго себѣ профессію изъ калѣченія еврейскихъ юношей... И хотя въ наше время почти окончательно уже уравнены въ правахъ солдаты-евреи съ коренными русскими, тѣмъ не менѣе евреи, для уклоненія отъ воинской повинности, все еще прибѣгаютъ даже и къ такимъ безчеловѣчнымъ средствамъ!..



Еврейскій шабашъ въ юго-западномъ краѣ.

Чтобы закончить нашъ очеркъ, необходимо коснуться самой важной, чувствительной для еврейства и антипатичной для другихъ, стороны его быта: его дѣятельности въ экономической области. Эта область—начало и конецъ тяготѣющихъ надъ еврействомъ обвиненій, альфа и омега всѣхъ бѣдствій, всей исключительности юридическаго положенія еврейства въ Россіи.

Но прежде, чѣмъ характеризовать дѣятельность русскаго еврейства на экономическомъ поприщѣ, безъ всякаго лицепріятія, мы считаемъ умѣстнымъ предпослать нѣсколько словъ, для объясненія историческихъ причинъ, обусловившихъ тѣ безотрадные факты, какіе въ наше время ложатся пятномъ на русское еврейство.

Въ плачевныя для евреевъ историческія времена, въ талмудъ и нѣкоторые другіе религіозные учебники вкрались постановленія, касающіяся отношенія евреевъ къ иновѣрцамъ, далеко несоотвѣтствующія понятіямъ о гуманности и нравственности нашего времени. Но эти

достойныя порицанія, правила и дикія міровоззрѣнія, частью изгнаны уже изъ текста книгъ, печатаемыхъ въ настоящее время, частью же продолжаютъ еще оставаться. Тѣмъ не менѣе, отсутствіе строгой нравственности въ экономической дѣятельности евреевъ, обусловливается не талмудомъ, а другими болѣе вѣскими причинами.

Древніе евреи, во время политической самостоятельности Іудеи, были народомъ вполнѣ земледѣльческимъ. Они были такъ неразвиты умственно, что Моисей не счелъ даже возможнымъ втолковать имъ какія бы то ни было понятія о загробной жизни. Въ ветхомъ завѣтѣ и пятикнижіи нѣтъ ни однаго слова, ни одного намека на воздаяніе на томъ свѣтѣ. Суля счастіе своему грубому народу, Моисей обѣщалъ ему изобильныя жатвы, частые дожди, урожаи, побѣды надъ врагами и проч.; угрожая, онъ пугалъ его засухой, саранчею, эпидеміями, паникою, пораженіями и т. под. Народъ понималъ только то, что было доступно его грубымъ чувствамъ, и хорошо знавшій это народный вождь держался поэтому на низменной, грубо-реальной почвѣ. Когда евреи были побѣждены, изгнаны изъ своего отечества и разъсѣяны по всему міру, они долго еще оставались народомъ земледѣльческимъ. Кто коротко знакомъ съ исторіей евреевъ разныхъ странъ, тотъ едва ли будетъ спорить противъ этого факта. Наклонность ихъ къ промысламъ и торговлѣ, къ ростовщичеству и посредничеству, эксплоатаціи людскихъ страстей и слабостей, была искуственно привита евреямъ законодательствами тѣхъ средневѣковыхъ государствъ, гдѣ евреямъ приходилось прозябать подъ невыносимымъ гнетомъ безправія, произвола, позора и рабства. Евреямъ насильственно навязывали всякую дѣятельность, считавшуюся позорною. Отнявъ у евреевъ право владѣнія землею, лишивъ ихъ права военной службы, запретивъ имъ ремесла, закрывъ ходъ на поприщѣ научнаго труда, отнявъ у евреевъ-медиковъ право практики,—законодательство дало евреямъ право торговли, ростовщичества и маклерства. Такимъ образомъ началось и развивалось перевоспитаніе еврейства, въ ущербъ его племенной чести и къ большому вреду для тѣхъ странъ, гдѣ вращались во множествѣ евреи. Главное же и самое позорное въ томъ, что евреи не только поддались этой возмутительно-предосудительной дѣятельности, но и втянулись въ нее, полюбили ее и успѣшно держатся этой позорной профессіи. Ожидая со дня на день насилій, изгнанія и грабежа, евреи вмѣстѣ съ тѣмъ сознавали, что ихъ трудъ не схороненъ въ землѣ, имъ непринадлежащей. Они ухитрялись, при наступленіи опасности, припрятать хоть кое-что изъ движимыхъ цѣнностей и бѣжать не съ пустыми руками. Дѣятельность ловкихъ, жадныхъ и скупыхъ евреевъ, умѣренныхъ и бережливыхъ, была пріятна и королямъ, и духовенству. Въ случаѣ нужды, стоило только поприжать евреевъ, и они какъ, губка, отдавали все, что всосали отъ другихъ. Ереи того времени были какъ бы пчелами корыстолюбивыхъ владыкъ, какъ бы животнымъ организмомъ, переработывающимъ подножный кормъ въ молоко, жиръ, шерсть, дорогіе мѣха, золото и драгоцѣнности... Евреи напрактиковались въ промыслахъ и торговлѣ и сдѣлались опасными конкурентами на этомъ поприщѣ, какими остаются и по настоящее время, хотя теперь отнюдь не считается уже торговля позорною, такъ что на коммерческую арену выступило уже не мало представителей даже изъ высшаго слоя общества. Способность къ торговымъ комбинаціямъ и страсть къ комерческой дѣятельности, которая сама по себѣ не особенно строга въ отношеніи нравственныхъ принциповъ, передавались наслѣдственнымъ путемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе вплоть до нашихъ дней. Такъ образовалось то ловкое, торгово-промышленные племя, падкое на всякія рискованныя аферы, за которымъ трудно угнаться другимъ соперникамъ, такъ какъ за нимъ стоятъ цѣлые вѣка опыта и рутины.

На Западѣ евреи получили полную равноправность и свободу, начали уже нѣсколько перевоспитываться къ лучшему. Конечно, перевоспитаніе народа и пересозданіе его характера, сложившагося въ теченіе многихъ вѣковъ, не можетъ послѣдовать вдругъ: потребуется долгое время, пока племенныя особенности окончательно исчезнутъ и евреи всякой страны примутъ характеръ и колоритъ того народа, среди котораго они живутъ, какъ равноправные члены го-

сударства. Въ нашемъ отечествѣ евреи продолжаютъ коснѣть такими, какими крайне не желательно было бы ихъ видѣть. Русское общество основательно ропщетъ на экономическое направленіе большей части евреевъ въ Россіи.

Помимо незначительнаго числа научныхъ спеціалистовъ евреевъ, живущихъ отъ своихъ дипломовъ, незначительнаго числа колонистовъ, втянувшихся въ сельское хозяйство, и громаднаго количества абсолютныхъ бѣдняковъ, живущихъ общественною и частною милостынею, остальные русскіе евреи, подраздѣляются въ экономическомъ отношеніи, на пять слѣдующихъ разрядовъ:

1) Ремесленники всевозможныхъ цеховъ. Это—самый почтенный разрядъ въ нравственномъ отношеніи и самый приниженный въ общественно-еврейскомъ мнѣніи. Послѣднее объяс-



Ярмарка.

няется тѣмъ, что въ ремесленники идутъ большею частью бездомные сироты, не получившіе никакого образованія. Дѣйствительно, этотъ разрядъ евреевъ крайне невѣжественъ. Кромѣ того, въ этой категоріи не мало лицъ, которыя, заручившись законнымъ или незаконнымъ путемъ ремесленными свидѣтельствами, свободно разгуливаютъ по всей Россіи, занимаясь всевозможными дѣлами, кромѣ своего ремесла, котораго они не знаютъ. Предосудительная дѣятельность нѣкоторыхъ изъ евреевъ этой категоріи бросаетъ невыгодную тѣнь на всѣхъ евреевъ.

2) Торговцы и промышленники. Этотъ разрядъ пользуется, послѣ духовенства и раввината, наибольшимъ почетомъ среди евреевъ, но за то и наибольшимъ недружелюбіемъ со сто-

роны не-евреевъ. Евреи—какъ сказано уже—вообще унаслѣдовали большую склонность къ торговлѣ. Этотъ классъ евреевъ—наиболѣе богатъ, а слѣдовательно—имѣлъ возможность получить хоть какое-нибудь образованіе въ еврейско-религіозномъ смыслѣ. Вслѣдствіе этого еврейскіе торговцы, и безъ того опытные, ловкіе и энергичные, оказываются самыми ярыми соперниками и опасными конкурентами на торговомъ поприщѣ, такъ что бороться съ ними очень трудно. Къ торговлѣ стремится всякій еврей еще и потому, что въ деньгахъ концентрируется для неразвитаго еврея все, что можетъ удовлетворить его самолюбіе и тщеславіе. Онъ лишенъ возможности создать себѣ своими природными дарованіями какое-нибудь общественное положеніе въ странѣ, а потому деньги замѣняютъ ему родовые титулы, чины и всякіе знаки отличія. Это подстрекаетъ еврея лѣзть изъ кожи, суетиться всю жизнь, не покладая рукъ, не зная покоя бросаться на самые опасные, рискованные коммерческіе обороты, играя до послѣдней ставки въ торговый штоссъ, съ надеждой разбогатѣть, нажиться.

Къ торговцамъ нужно причислить также и «подрядчиковъ». Спеціальность ихъ, вообще говоря, крайне шатка, опасна, неблаговидна. Выгодность подряднаго дѣла, конечно съ казною, расчитана на всевозможные «обходы», умѣнье «ладить», основана на правилѣ: «рука руку моетъ» и поддерживается всевозможною эквилибристикою съ разнаго рода расчетахъ. Подрядчики бываютъ мелкіе, средніе, крупные и весьма крупные. У всѣхъ у нихъ одна общая черта: широкая, роскошная не по средствамъ, жизнь, пусканіе пыли въ глаза для шика и пріобрѣтенія популярности, довѣрія и протекціи, наружняя щедрость и внутренняя скаредность. Несомнѣнно, что цѣлая сотня конокрадовъ-евреевъ или контрабандистовъ не вредятъ евреямъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи такъ, какъ вредитъ одинъ иной еврейскій подрядчикъ. За одного такого дѣятеля нерѣдко отвѣчаютъ своими боками стотысячныя еврейскія массы. Зависть, искусственно возбуждаемая еврейскими подрядчиками, не имѣетъ основанія; мнимый богачъ, подрядчикъ, изъѣденъ долгами и недочетами. Изъ ста еврейскихъ подрядчиковъ едва-ли хоть одинъ оставляетъ своимъ наслѣдникамъ что-нибудь, кромѣ казенныхъ и частныхъ взысканій...

На торговомъ поприщѣ съ большою ловкостью подвизаются и еврейскія женщины. Но эти дѣятели въ юбкахъ встрѣчаются очень рѣдко въ южной полосѣ Россіи, гдѣ еврейки особенно склонны къ воспріятію культуры въ истинномъ смыслѣ слова.

3) Торговцы второй руки, или люди занимающіеся, такъ называемыми, мѣщанскими промыслами. Эти промыслы, составляютъ мелочную торговлю и являются посредничествомъ между производителями и мелкими потребителями. Перечислить всѣ роды и виды этихъ промысловъ въ сжатомъ очеркѣ положительно не возможно: такъ они разнообразны и многочисленны. Общая всѣмъ имъ черта—купить за минимумъ и продать за максимумъ. Вообще, это люди бѣдные, голодные и жадные, бережливые до скупости и до аскетизма умѣренные въ своихъ потребностяхъ. Они не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ и берегутъ всякую копѣйку. Подобно тому какъ крупныхъ торговцевъ невыгодно оттѣняютъ подрядчики, клика арендаторовъ и кабатчиковъ бросаетъ тѣнь на мелкихъ торговцевъ-евреевъ.

Арендаторы земель, имѣній и разныхъ другихъ оброчныхъ статей не только евреи, но и люди другихъ націй, прибѣгаютъ къ самой хищнической системѣ веденія своего хозяйства. Они имѣютъ въ виду только одно: высосать все, что возможно, до послѣдней капли соковъ, изъ предмета найма. Какъ ни ограничены евреи закономъ по части арендованія земель, винокурень и проч., въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Россіи, тѣмъ не менѣе, при помощи самихъ владѣльцевъ, они умудряются разными фикціями обойти стѣсняющій ихъ законъ. И это вполнѣ понятно. Съ одной стороны, отведенная имъ сфера предпріимчивости имѣетъ чрезъ-чуръ ужъ узкую рамку, съ другой, неумѣлые землевладѣльцы, обѣднѣвшіе и оробѣвшіе, встрѣчаютъ рискующихъ предпринимателей только среди евреевъ. Опытъ наглядно показалъ этимъ владѣльцамъ, что съ кулакомъ-неевреемъ—едва ли даже не накладнѣе имѣть дѣло, такъ какъ

еврей арендаторъ, вслѣдствіе уже самой контрабандности своего промысла, менѣе нахаленъ и дерзокъ.

Что касается кабатчиковъ, то этотъ сортъ евреевъ дѣйствительно крайне вреденъ, особенно въ деревняхъ, среди простого сельскаго люда, незнающаго и непонимающаго въ жизни иного наслажденія, кромѣ пьянства, подрывающаго физическія и умственныя силы деревенскаго населенія, поселяющаго раздоръ въ семьѣ, наталкивающаго поселянъ на всевозможныя преступленія и окончательно разоряющаго его. Вообще, кабакъ—величайшая «злоба дня» нашей деревни; кабакъ же въ рукахъ трезваго, пронырливаго, изворотливаго еврея становится уже положительно народнымъ бичемъ. Въ еврейскомъ кабакѣ все имѣетъ цѣну: и горсть зерна, и птица, и яйца, и всякіе предметы хозяйства, и каждый лоскутъ одежды. Въ кабакѣ преобладаетъ мѣновая система во всей ея первобытной дикости, и эта роковая система чрезвычайно пагубна для хозяйства поселянина. Едва ли найдется между евреями хоть одинъ мыслящій человѣкъ, не проклинающій въ душѣ кабацкаго промысла, къ которому такъ падки бѣдные евреи и который такъ позоритъ русскихъ евреевъ. Не напрасно малоруссы иронически говорятъ, что посади еврея-шинкаря верхомъ на пустую бочку, и изъ открытаго крана польются



Еврейская «фура».

«куры, гуси, индюки и яйца». Замѣчательно, какъ деревенскій мужикъ, съ виду враждебно настроенный противъ еврея, поддается ему на каждомъ шагу. Коверкая мѣстное нарѣчіе, мелкій торгашъ-еврей такъ всесторонне изучилъ мужика, что всегда сумѣетъ повліять на него разными прибаутками, лестью, божбою, и, въ концѣ-концовъ, всегда добьется своей цѣли. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только присмотрѣться и прислушаться къ мелкимъ торговымъ отношеніямъ маклаковъ-евреевъ съ сельскимъ людомъ, на базарахъ и ярмаркахъ.

4) Посредники и факторы. Во всѣхъ торговыхъ центрахъ, преимущественно же тамъ, гдѣ евреямъ не возбраняется жительство, во множествѣ встрѣчаются ловкіе дѣятели этого рода. Это—артисты торговли, среди которыхъ выдаются даже геніальные «гешефтмахеры». Они замѣчательны изобрѣтательностью въ разныхъ коммерческихъ комбинаціяхъ и обладаютъ особеннымъ даромъ отводить глаза кліентамъ, представляя имъ черное бѣлымъ и наоборотъ, какъ можно выгоднѣе для себя. Они не предпринимаютъ за свой счетъ никакихъ дѣлъ; они только «сводятъ» продавца съ покупщикомъ, должника съ кредиторомъ. Разъ дѣльцы «сведены»—цѣль достигнута, куртажъ полученъ; дальнѣйшій же ходъ дѣла ихъ уже не интересуетъ. Напро-

тивъ, они даже радуются, если дѣло потомъ расклеится, имъ приходится налаживать его вновь и вновь, получая за это плату. Эта категорія дѣльцовъ имѣетъ свою полезную и вредную стороны; она содѣйствуетъ оживленію торговли, ускоряетъ совершеніе сдѣлокъ, замѣняя отчасти газетныя объявленія, но многихъ вводитъ въ невыгодныя сдѣлки, представляя дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Вообще професія факторовъ крайне антипатична, и въ тѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, гдѣ факторство развито, ихъ образуются тысячи, представля собою отталкивающую клику торговыхъ посредниковъ, немало позорящихъ еврейское племя. Болѣе чѣмъ гдѣ-либо факторство развито въ польскихъ мѣстностяхъ, гдѣ всякій панъ имѣетъ своего фактора, унижающагося предъ нимъ, но безпощадно эксплоатирующаго своего патрона. Въ доброе старое время и всякій болѣе крупный чиновникъ также имѣлъ своего присяжнаго фактора, получавшаго и дѣлившаго съ начальствомъ просительскія «крупицы».

5) Люди, живущіе личнымъ наймомъ. За рѣдкимъ исключеніемъ, эти лица вынуждены бываютъ безысходнымъ положеніемъ тянуть лямку, такъ какъ, не будучи принимаемы иновѣрцами, волей-неволей должны довольствоваться заработанною платою, получаемою у своихъ соплеменниковъ. Эта категорія людей въ большинствѣ случаевъ честна, дѣятельна и расторопна, но несчастна тѣмъ, что нерѣдко ей приходится своими руками выгребать каштаны изъ огня для своихъ хозяевъ-дѣльцовъ. Какъ ни странно можетъ казаться, но несомнѣнно, что эта категорія бѣдняковъ была піонеромъ на поприщѣ усвоенія русскимъ еврействомъ европейской культуры. Сталкиваясь чаще своихъ хозяевъ съ русскимъ обществомъ и приходя въ постоянное соприкосновеніе съ русскими, этотъ пролетаріатъ легче другихъ воспринимаетъ коренные русскіе взгляды, обычаи и міровоззрѣнія и прививаетъ ихъ подрастающему еврейскому поколѣнію.

Мы остановились лишь на болѣе опредѣленныхъ промыслахъ и ремеслахъ русскихъ евреевъ.

Г. Богровъ.



Еврейская корчма.

ОЧЕРКЪ VI.

КІЕВЪ, ЕГО СВЯТЫНИ И ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ.

Значеніе Кіева, какъ центра всего юго-западнаго края.—Отголоски прошлаго.—Эпохи въ исторіи Кіева и слѣды ихъ въ разнообразныхъ элементахъ кіевскаго городскаго населенія.—Религіозное значеніе Кіева и его святынь.— Кіево-Печерская лавра и богомольцы.—Другія церкви Кіева.—Памятники прошлаго —Достопримѣчательности города.—Его культурное и промышленное значеніе.—Университетъ и другія ученыя учрежденія и учебныя заведенія кіевскаго учебнаго округа. — Контрактовый домъ.—Мѣстная общественная и дѣловая жизнь.— Окрестности Кіева.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ:
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстрорѣчный,
Руси чистая купель.

. . . .

. . . .

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ!

ХОМЯКОВЪ.

Въ былое время, когда путешественнику случалось подъѣзжать къ Кіеву съ сѣвера, по бѣлорусскому тракту, то Кіевъ былъ уже виденъ верстъ за 20, отъ самой станціи Браворы. Великолѣпный видъ города, раскинувшагося на высокихъ приднѣпровскихъ холмахъ, манилъ издали множествомъ величавыхъ храмовъ съ золотыми куполами и крестами, массою бѣлыхъ большихъ зданій, тонувшихъ въ зелени садовъ и отражаемыхъ широкою поверхностью Днѣпра. Видъ Кіева съ этой стороны по истинѣ удивительный, единственный въ своемъ родѣ, способный поразить каждаго, даже и много видѣвшаго, знакомаго со всѣми красотами природы въ западной Европѣ.

Нынѣшній Кіевъ занимаетъ одинъ изъ тѣхъ прибрежныхъ пунктовъ, гдѣ возвышенности праваго берега подходятъ къ самой рѣкѣ, достигаютъ наибольшей своей высоты (43 сажени) и, почти не понижаясь и не отступая отъ берега, тянутся вдоль него, внизъ по рѣкѣ, верстъ на двѣнадцать, до самой Китаевской пустыни. И только за этою пустынею холмы снова начинаютъ отступать отъ берега и удаляться въ глубь страны. Незьзя не обратить вниманія на то, что эта гряда холмовъ (на возвышеннѣйшей точкѣ которыхъ стоялъ Кіевъ) представляетъ

такое прихотливое разнообразіе видовъ, такой нескончаемый рядъ уступовъ, изрѣзанныхъ извилистыми оврагами, причудливыми рытвинами и зеленѣющими ложбинами, что самый Кіевъ и ближайшія его окрестности на правомъ берегу Днѣпра должны быть отнесены къ числу живописнѣйшихъ мѣстностей Россіи.

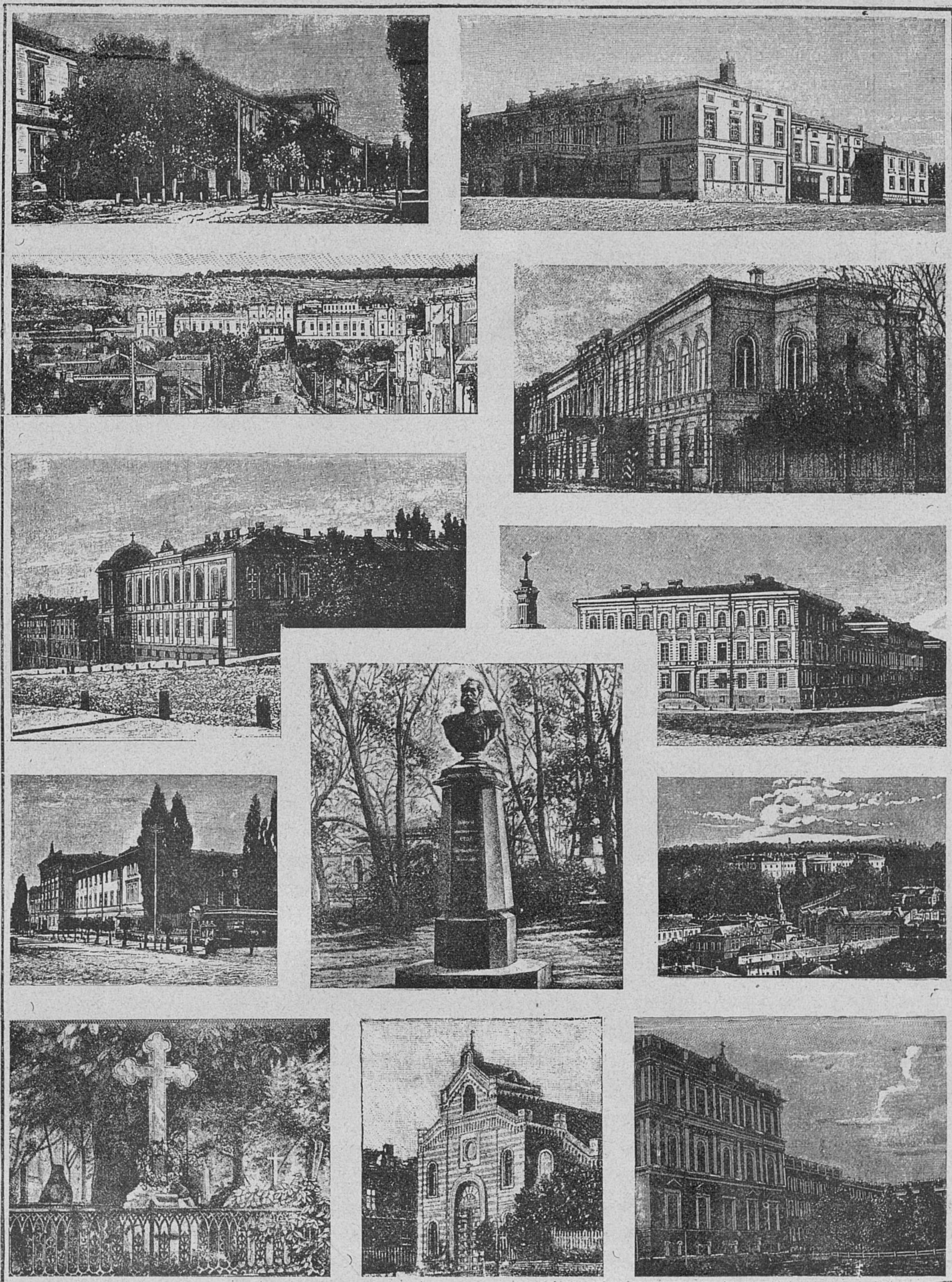
Чрезвычайно красивъ правый берегъ Днѣпра, если смотрѣть на него съ противоположной стороны рѣки. Но и съ высотъ праваго берега передъ зрителемъ открывается прекрасный видъ во всѣ стороны, на очень далекое пространство. Равнина, захватывающая весь лѣвый берегъ, поражаетъ своимъ необычайнымъ просторомъ и своеобразною прелестью пейзажа. По этой равнинѣ, около самаго Днѣпра, широкою трехверстною лентою тянутся богатѣйшіе поемные луга, а за ними бѣлѣютъ селенія, съ нескончаемыми полями, и синѣющая даль сливается съ горизонтомъ, на которомъ темными пятнами выступаютъ еще уцѣлѣвшіе лѣса. За приднѣпровскими лугами, между слободами Никольскою и Воскресенскою, одиноко возвышается среди равнины прославленная въ южно-русскихъ преданіяхъ Лысая гора.

Величавъ подъ Кіевомъ и самый Днѣпръ, къ которому прилегаютъ и возвышенныя, и низменныя части нынѣшнаго города. Днѣпръ подъ Кіевомъ не глубокъ; въ обыкновенное время, среднимъ числомъ, глубина фарватера его не превышаетъ 5 — 9 саженей. Но ширина рѣки довольно значительная отъ 170 до 280 саженей. Во время же весенняго половодья Днѣпръ нерѣдко затопляетъ не только весь лѣвый берегъ, но и всѣ низменныя части праваго берега (плоскій Подолъ и подгородныя слободы), причемъ подымается на 6, 9, даже 11 аршинъ выше своего постояннаго уровня. Вотъ почему и большая часть домовъ, разбросанныхъ по прибрежнымъ низменностямъ, прилегающимъ къ городу, строится на высокихъ сваяхъ.

Разливъ Днѣпра начинается въ мартѣ и продолжается до конца апрѣля; окончательно же рѣка входитъ въ берега свои не ранѣе іюня. Острова и низменныя прибрежья Днѣпра и до сихъ поръ еще изобилуютъ болотною дичью всѣхъ сортовъ, а въ лѣсахъ около Кіева и теперь еще водятся зайцы, волки, лисицы, дикія козы и даже вепри. Рыбою подъ Кіевомъ Днѣпръ не богатъ, и ея почти иногда не хватаетъ даже и на мѣстное потребленіе.

Плодоносная почва окрестностей Кіева, обильно орошаемая влагой и согрѣваемая лучами благодатнаго южнаго солнца, производитъ весьма богатую и разнообразную растительность. Ягоды и фрукты родятся здѣсь превосходно; нѣжные плоды—абрикосы и персики—созрѣваютъ на открытомъ воздухѣ и даже виноградъ разводится довольно успѣшно. Грецкій орѣхъ, ай-лантъ, пирамидальный тополь, бѣлая акація и другія южныя деревья достигаютъ здѣсь значительнаго роста, силы и красоты.

Нынѣшній Кіевъ, губернскій городъ съ населеніемъ болѣе 150,000 человѣкъ, прекрасно обстроенный, живописный, обширный и красивый, представляетъ собою важнѣйшій центръ промышленности юго-западнаго края, узелъ желѣзныхъ дорогъ, одинаково важный и въ административномъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ. Мало того, значеніе Кіева и теперь продолжаетъ годъ отъ года возрастать, населеніе его увеличивается и самый городъ не перестаетъ украшаться и обстраиваться на европейскій ладъ... Особенно много сдѣлано было для украшенія и оздоровленія города въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ: срыты цѣлыя горы, снесены громадныя части берега, въ оврагахъ устроены плотины, на откосахъ берега возведены громадные каменные устои, вездѣ прорыты широкіе и глубокіе водостоки, руслу Днѣпра, по возможности, придано такое направленіе, при которомъ онъ можетъ менѣе размывать прибрежные холмы праваго берега. Вообще говоря, начиная съ воцаренія императрицы Екатерины и до настоящаго времени, подъ Кіевомъ производилась и производится постоянная, неутомимая работа, благодаря которой городъ совершенно измѣняетъ свою физіономію. Эта работа, въ царствованіе императоровъ Николая I и Александра II, способствовала измѣненію внѣшности города въ такой степени, что старожилы кіевскіе съ большимъ трудомъ могутъ узнать Кіевъ двадцатыхъ или даже тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.



Вторая гимназія.
Вокзалъ желѣзныхъ дорогъ.
Коллегія Павла Галагана.
Первая гимназія.
Памятникъ Ушинскому.

Памятникъ Императору Александру II,
въ саду Кіевскаго Института.

Лютеранская кирка.

Городской театръ.
Генералъ-губернаторскій домъ.
Присутственныя мѣста.
Институтъ благородныхъ дѣвицъ.
Владимірскій кадетскій корпусъ.

Важнѣйшіе памятники и сооруженія г. Кіева.

Кіевъ вполнѣ обязанъ какъ своимъ нынѣшнимъ значеніемъ, такъ и своимъ матеріальнымъ возростаніемъ исключительно послѣднему періоду своей исторіи. Кіевъ, много разъ выжигаемый и разоряемый, въ 1320 году присоединенный къ Литвѣ и управлявшійся литовскими воеводами до 1455 г., при польскомъ владычествѣ представлялъ собою небольшой и грязный, тѣсно построенный провинціальный городъ. Такимъ оставался Кіевъ до половины XVII вѣка. Только съ 1654 г., съ того времени, когда Кіевъ снова перешелъ къ Россіи, онъ начинаетъ просыпаться отъ вѣкового сна и оправляться отъ страшныхъ погромовъ. Но потребовалось однако же около полутора вѣка для того, чтобы населеніе города возрасло до 20,000 душъ, а число домовъ въ городѣ достигло 2,000.

Важность стратегическаго значенія Кіева не ускользнула отъ орлинаго взора Петра Вели-

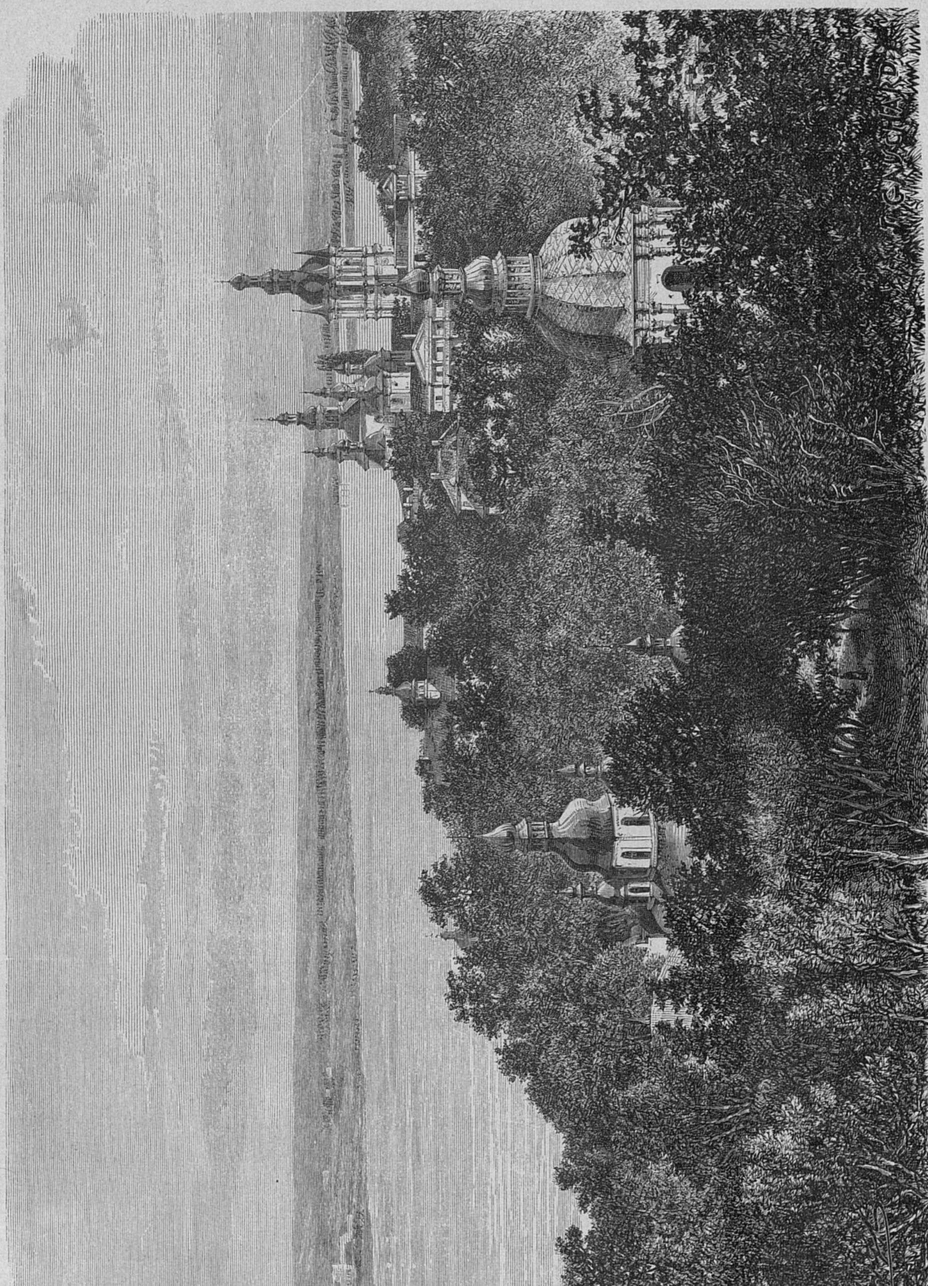


Софійскій соборъ въ настоящее время и памятникъ Богдану Хмѣльницкому в Кіевѣ.

каго, и онъ заложилъ въ Кіевѣ обширную крѣпость. Императоръ Николай еще болѣе расширилъ эту крѣпость, усилилъ ея укрѣпленія и придалъ ей значеніе обширнаго склада, который всю южную армію снабжаетъ оружіемъ и военными снарядами. Именно въ царствованіе Николая I и отличается періодъ наибольшаго и особенно быстраго возрастанія кіевскаго населенія, не прекращающееся и до сихъ поръ и увеличившееся въ послѣдніе 50 лѣтъ болѣе, чѣмъ на 100,000 человѣкъ!..

По мѣрѣ того, какъ возрастало значеніе Кіева, увеличивалось его населеніе, умножались его богатства, возникали изъ развалинъ его древніе памятники—словомъ, возвращалось мало-

по-малу Кіеву его древняя слава и пролагались изо всѣхъ концовъ Россіи давно забытые пути къ его высокочтимымъ святынямъ. Обитель Печерская, строго говоря, и составляетъ



Ближнія и Дальнія пещеры въ Кіево-Печерской лаврѣ.

главную святыню русскую, привлекающую ежегодно десятки тысячъ богомольцевъ со всего юга Россіи.

Самая обитель расположена на Печерской возвышенности и отчасти по всему ея западному склону. Бѣлыя стѣны зданій Кіево-Печерской лавры и золотистые куполы ея церквей величаво возносятся изъ-за высокой, зубчатой каменной ограды, окружающей всѣ тѣ многочисленныя зданія, которыя входятъ въ составъ лавры. Изъ этихъ зданій собственно *Лавра* или *Новый монастырь* лежитъ на самомъ взгорьи; рядомъ съ Лаврой, при входѣ въ такъ называемыя Святыя ворота, лежитъ *Больничный монастырь*.

Всѣ зданія Лавры не древни, хотя многія изъ нихъ возведены изъ древнихъ основаній и стоятъ на мѣстѣ зданій, воздвигнутыхъ нѣкогда благочестивымъ усердіемъ первыхъ князей кіевскихъ. Архитектура церквей и башенъ, форма крышъ и куполовъ совершенно ясно указываютъ на конецъ XVII столѣтія и преобладающее вліяніе нѣмецко-польской архитектуры, господствовавшей на всемъ русскомъ юго-западѣ въ этотъ періодъ. Очевидно, что важнѣйшая часть лаврскихъ зданій подверглась кореннымъ перестройкамъ и обновленіямъ именно въ концѣ XVII вѣка. Дальнѣйшему видоизмѣненію внѣшности церквей и зданій, помѣщенныхъ въ оградѣ Лавры, способствовали опустошительные пожары, которымъ не разъ подвергалась Лавра въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи, въ особенности же типографія Лавры. Наиболѣе новымъ изъ лаврскихъ зданій оказывается лаврская колокольня, построенная между 1731—1745 г.г. нѣмцемъ, архитекторомъ Шейденомъ, во вкусѣ итальянскаго «возрожденія», а потому и рѣзко отличающаяся по архитектурѣ отъ всѣхъ остальныхъ зданій Лавры.



Фрески Софійскаго собора.

Всѣ зданія Лавры, всѣ храмы ея богато украшены иконами и переполнены массою драгоцѣнностей, которыя обильно стекаютъ въ эту богатѣйшую изъ русскихъ обителей со всѣхъ концовъ Россіи.

Соборная ризница переполнена драгоцѣнностями. Тамъ хранится десять запрестольныхъ Евангелій въ богатѣйшихъ окладахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ по 15—17,000 рублей серебромъ. Рядомъ съ Евангеліями, великое множество и другой драгоцѣнной церковной утвари: напрестольные сосуды, кресты, дарохранительницы, паникадила, лампады изъ серебра и золота, украшенные драгоцѣнными камнями. Здѣсь видимъ усердныя приношенія и богатѣйшіе вклады всѣхъ царей русскихъ отъ Алексѣя Михаиловича, всѣхъ вельможъ, всѣхъ именитыхъ людей земли русской, посѣщающихъ Кіевъ и его святыни.

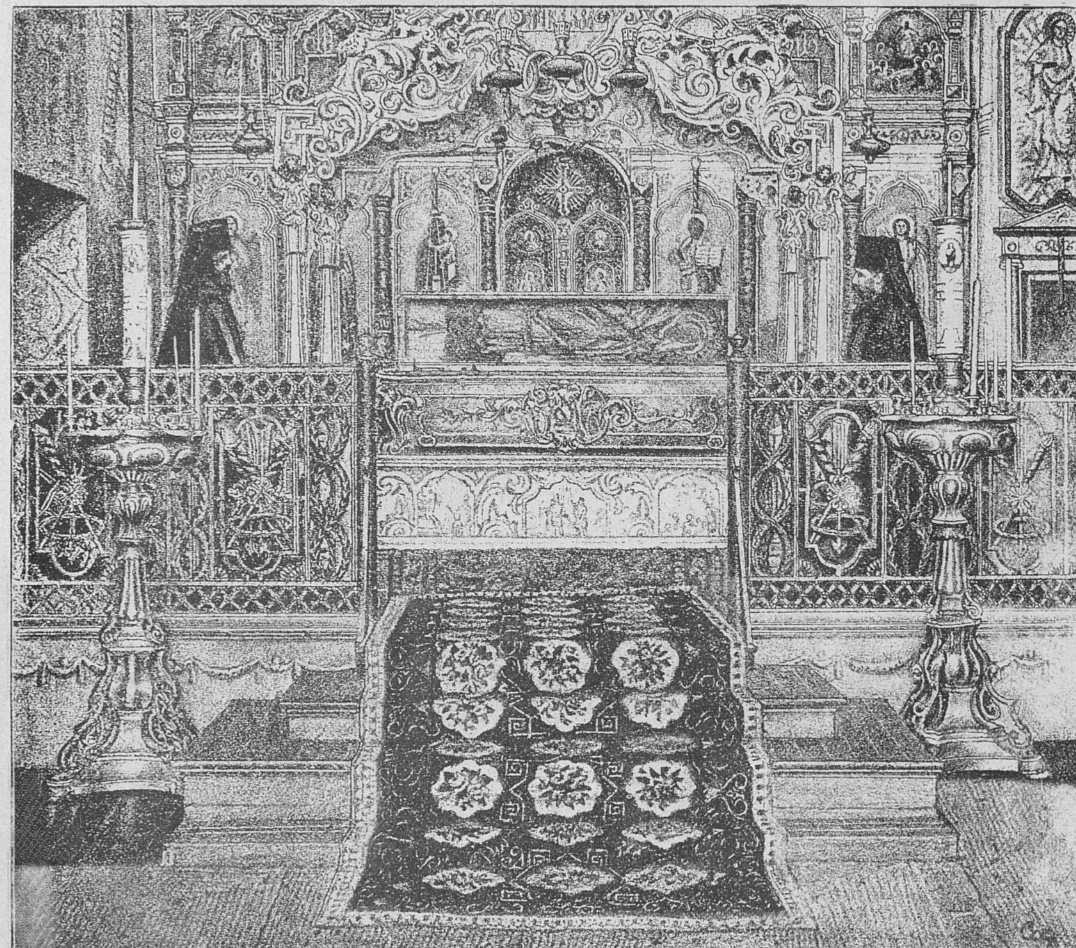
Богомольцы, стекающіеся въ Лавру, большею частью, по окончаніи служенія въ соборномъ храмѣ, отправляются посѣтить *Ближнія* и *Дальнія* пещеры. Когда соберется довольно многочисленная группа богомольцевъ въ одной изъ пещерныхъ церквей, одинъ изъ братіи беретъ въ руки свѣчу, каждому изъ богомольцевъ тоже даетъ по свѣчѣ, и особымъ входомъ вводитъ ихъ въ обширные извилистые подземные ходы, выкопанные въ песчано-глинистомъ грунтѣ Днѣпровскаго прибрежья. Эти пещеры несомнѣнно уже подлежатъ весьма отдаленной, доисторической эпохѣ Кіева. Неизвѣстно, какъ далеко тянутся они подъ землею вдоль праваго берега Днѣпра, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пещеры, подобныя ближнимъ



Входъ въ дальнія пещеры Кіево-Печерской лавры.

и дальнимъ лаврскимъ, обнаруживаются не только во многихъ мѣстахъ днѣпровскаго берега подъ Кіевомъ, но и во многихъ мѣстахъ въ самомъ Кіевѣ. Этими, уже готовыми подземными ходами, вѣроятно, воспользовались отшельники первыхъ временъ христіанства въ Россіи, и, поселяясь въ нихъ постепенно расширяли ихъ, соединяли новыми поперечными ходами, устраивали въ пещерахъ часовни и церкви, покрывали стѣны ихъ благочестивыми изреченіями и символами. Впечатлѣніе, производимое посѣщеніемъ Кіевскихъ пещеръ на человѣка, никогда еще не бывавшаго въ нихъ, очень сильно.

Всѣхъ мощей преподобныхъ угодниковъ, почивающихъ въ ближнихъ пещерахъ—71, за-



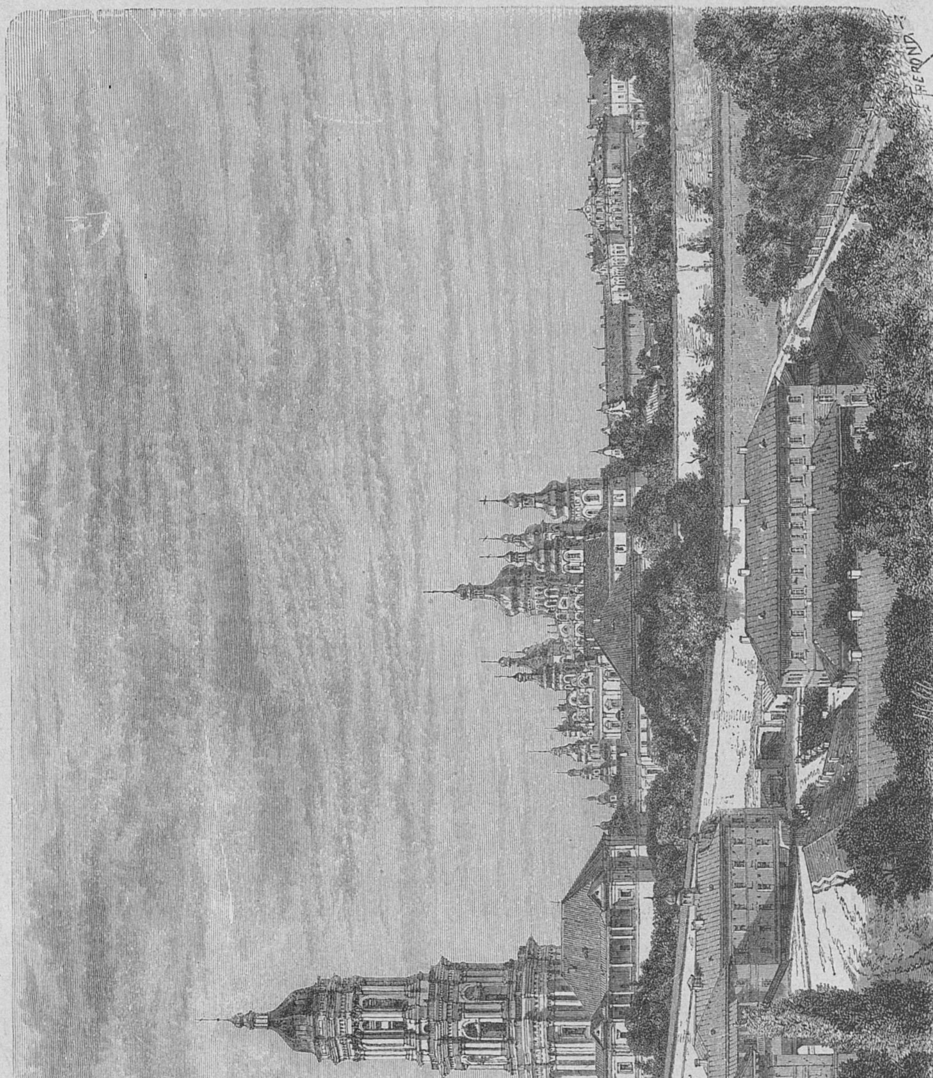
Гробница великомученицы Варвары.

творниковъ 9 и 30 главъ Мироточивыхъ неизвѣстныхъ святыхъ. Въ дальнихъ пещерахъ, которыя ничѣмъ не отличаются въ устройствѣ отъ ближнихъ, покоятся мощи 55 угодниковъ.

На воображеніе богомольцевъ особенно сильно должны дѣйствовать тѣ многочисленныя изображенія событій Св. Писанія и бытовыя сцены, заимствованныя изъ житій и преданій церковныхъ, которыми обильно расписаны снаружи и внутри стѣны лаврскихъ зданій.

Сколько преданій, сколько повѣрій, сколько разсказовъ и легендъ выносится отсюда этими простыми, наивными созерцателями мученій, ожидающихъ грѣшниковъ въ загробной жизни!

Но не всѣ впечатлѣнія отъ Лавры могутъ назваться одинаково пріятными, внушающими чувство глубокаго уваженія къ порядкамъ и обычаямъ обители. Прежде всего странно-тяжелое



Кіево-Печерская лавра.

впечатлѣніе производятъ на каждаго посѣтителя Лавры тѣ калѣки, которыхъ онъ встрѣчаетъ у Святыхъ воротъ и около входа въ соборъ. Страшныя, опухлыя лица, гнойныя раны, изу-

родованные члены, безобразіе органическое и безобразіе нравственное, нагло выставляемое на видъ съ корыстною цѣлью?.. Далѣе, за калѣками, постоянная неутомимо преслѣдующая посѣтителей, толпа нищихъ, никогда не убывающая и распѣвающая на всѣ лады и тоны все ту же неумолчную пѣсню праздныхъ попрошаекъ, твердо рѣшившихся жить и устраивать свою жизнь на счетъ щедрости ближняго.

Куда бы ни повернулись богомольцы, куда бы ни направили они свои стопы, можно быть увѣреннымъ, что ихъ всюду и на каждомъ шагу ожидаетъ необходимость распустить шнуры своей мошны и обязательно вынуть изъ него свои кровные, глубоко сокрытые въ ней гроши. Кромѣ такихъ обязательныхъ поборовъ и выдачъ, богомольца-простеца ожидаютъ еще и соблазны другого рода. Въ обители ведется обширный торгъ издѣліями братіи: образками, четками, крестиками, иконами, картинами и книгами. Все это продается по цѣнамъ весьма высокимъ.

Пребываніе большого количества богомольцевъ, постоянно старающихся селиться ближе къ Лаврѣ, придаетъ совершенно особый колоритъ Печерской части Кіева, въ которой, кромѣ богомольцевъ, только и видите что монаховъ и военныхъ. Однакожъ поселяясь преимущественно въ Печерской части города, богомольцы посѣщаютъ не одну только Лавру, а обходятъ и многія другія достопримѣчательности и святыни Кіевскія. Первое мѣсто между ними занимаютъ, конечно, Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь, церковь Десятинная и церковь св. Андрея Первозваннаго.



Андреевская церковь.

Въ Софійскомъ соборѣ богомольцевъ особенно привлекаетъ икона Божіей Матери, изображенная мозаикою по алтарной стѣнѣ. Эта икона, уцѣлѣвшая отъ первыхъ временъ основанія храма, перенесшая всѣ погромы и разоренія, и сохранившаяся неприкосновенною и неповрежденною до послѣдняго времени, извѣстна подъ названіемъ *Божіей Матери нерушимой стѣны*. Каждый богомолецъ, посѣщающій Кіевъ, считаетъ своимъ долгомъ посѣтить и Софійскій соборъ, въ которомъ интересуютъ его не фрески, не мозаики и другіе остатки сѣдой древности, а только одна икона *Божіей Матери нерушимой стѣны*, которая всѣми чтится какъ великая святыня, почти со времени введенія христіанства въ Россіи.

Большимъ уваженіемъ пользуются также и другіе памятники кіевскіе, относящіеся къ періоду введенія христіанства и крещенія Руси. Послѣ Лавры и Софійскаго собора, всѣ посѣщающіе Кіевъ богомольцы непремѣнно заходятъ въ Десятинную церковь, воздвигнутую на основаніи древняго Десятиннаго храма.

Эта церковь принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ кіевскихъ построекъ, воздвигнутыхъ еще усердіемъ Владиміра Равноапостольнаго. Гораздо важнѣе была въ отношеніи украшенія Кіева храмами и другими зданіями эпоха Ярослава Мудраго. Сооруженія, воздвигнутыя Ярославомъ, можно назвать почти величественными по тому времени, и даже трудно сказать, какому счастью обязаны мы тѣмъ, что большая часть ихъ сохранилась до нашего времени,



Кіево-Софійскій соборъ въ началѣ нынѣшняго вѣка.

несмотря на пережитые вѣка невзгодъ, разореній и небреженія. Ярославъ, проникнувшись важнымъ значеніемъ Кіева, видимо задался извѣстнымъ планомъ при тѣхъ сооруженіяхъ, которыми онъ рѣшился украсить расширенный имъ стольный городъ. Въ то время только часть стараго Кіева была заселена и на мѣстѣ прежняго Софійскаго собора было «поле внигрода», на которомъ въ 1036 году и происходила даже отчаянная битва съ печенѣгами. Но уже въ 1037 году Ярославъ обнесъ всю старо-кіевскую гору стѣною или валомъ, въ которомъ устроилъ на юго-западной сторонѣ великолѣпныя каменныя ворота, получившія названіе *Золотыхъ*. Затѣмъ Ярославъ заложилъ «Св. Софію, митрополію русскую», и два монастыря св. Георгія (въ честь своего святаго) и св. Ирины; позднѣе подъ Золотыми воротами, Ярославъ соорудилъ церковь Благовѣщенья.



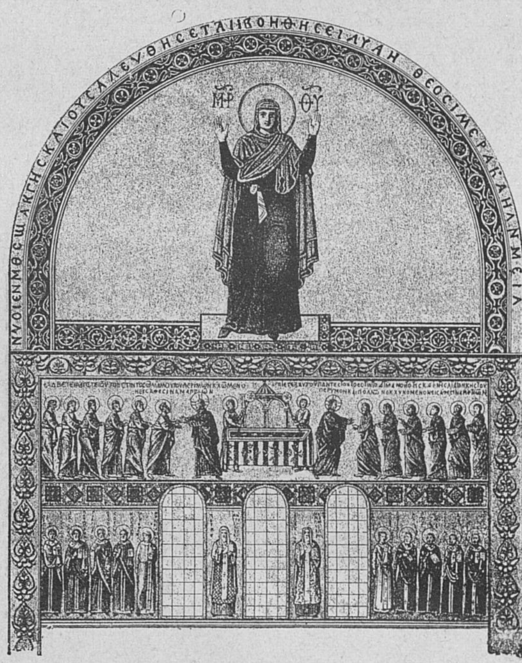
Божія Матерь, «Нерушимая стѣна» (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

И Золотыя ворота, и Св. Софія сохранились до настоящаго времени на столько, что можно безъ особаго затрудненія составить себѣ понятіе о первоначальномъ ихъ видѣ.

Золотыя ворота, въ настоящемъ ихъ видѣ, представляютъ два обломка стѣны, уцѣлѣвшіе отъ прежняго зданія. Верхняя часть свода воротъ разломлена. Стѣны воротъ снабжены пилястрами, на которыхъ были нѣкогда основаны арки, поддерживавшія своды воротъ. Толщина воротныхъ стѣнъ около двухъ аршинъ, и при этомъ кладка кирпичей древняя, такая же, какъ и во всѣхъ уцѣлѣвшихъ до нашего времени остаткахъ древнихъ кіевскихъ памятниковъ. По обѣимъ сторонамъ въ стѣнахъ воротъ видны большія впадины въ которыхъ помѣщались балки или перекладины. Нижнія балки видны въ стѣнѣ отъ поверхности земли на пять аршинъ, другія—повыше первыхъ, аршина на два. Очевидно, что между этими балками, надъ проѣздомъ въ ворота помѣщались когда-то кладовыя, находившіяся подъ поломъ церкви. Въ этихъ кладовыхъ хранилась денежная великокняжеская казна, изъ которой, при постройкѣ церкви Св. Георгія, выдавалась плата рабочимъ. Названіе воротъ *Золотыми*, какъ предполагаютъ, произошло отъ того, что на церкви Благовѣщенія былъ вызолоченный куполъ.

Во время разоренія Кіева Батыемъ, въ 1240 г., Золотыя ворота пострадали вмѣстѣ со всѣми другими памятниками кіевской древности и стали затѣмъ постепенно разрушаться; но, судя по необычайной прочности всѣхъ древнихъ кіевскихъ построекъ, воздвигнутыхъ во время Ярослава, разрушеніе Золотыхъ воротъ, вѣроятно, происходило очень медленно. Сохраненію остатковъ древняго зданія отчасти способствовало то, что, по весьма странному распоряженію сената, Золотыя ворота, грозившія разрушеніемъ въ 1750 году, были засыпаны высокимъ землянымъ валомъ, входившимъ въ составъ общей линіи кіевскихъ укрѣпленій. Въ царствованіе императора Николая I, извѣстный изслѣдователь кіевскихъ древностей, К. А. Лохвицкій, откопалъ изъ подъ земляной насыпи уцѣлѣвшіе остатки Золотыхъ воротъ, которыя, по приказанію государя, и были приведены въ нынѣшній ихъ видъ, т.-е. снабжены толстыми желѣзными скрѣпами и ограждены рѣшеткою.

Не далѣе какъ въ 200 саженяхъ, на сѣверо-востокъ, отъ Золотыхъ воротъ, возвышается главная святыня кіевская—Софійскій соборъ. По преданію, соборъ былъ освященъ 4 ноября 1037 года. Затѣмъ судьба этого собора и находившагося при немъ монастыря служила вѣрнѣйшимъ отраженіемъ тревожной и бурной судьбы Кіевскаго княжества. Нельзя не удивляться тому, что до нашего времени могли уцѣлѣть стѣны Св. Софіи съ драгоцѣнными украшеніями, мозаикою и фресками: современная намъ архитектура не имѣетъ такой несокрушимой практичности своихъ созданій!.. Въ періодъ времени, между 1169 и 1204 годами, она была неоднократно разоряема и ограбляема то половцами, то русскими князьями, и сильно потерпѣла отъ пожара въ 1180 году. Наконецъ, въ 1240 году, при общемъ разореніи Кіева Батыемъ, соборъ подвергся окончательному ограбленію и страшному поруганію. Даже кости почившихъ великихъ князей были потревожены хищными грабителями, всюду искавшими сокровищъ.



Общій видъ «Нерушимой стѣны» въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Съ половины XIII до половины XIV вѣка соборъ Св. Софіи подвергся величайшей опасности отъ того нерадѣнія и небрежности, которыя грозили храму полнымъ разрушеніемъ. Такое небреженіе происходило главнымъ обрязомъ отъ того, что кіевскіе митрополиты (начиная съ Кирилла III) въ этотъ періодъ уже не жили въ Кіевѣ, тяготились видомъ опустошенія и развалинъ нѣкогда славнаго стольнаго города. Тѣмъ не менѣе, Кириллъ III, скончавшійся въ Суздалѣ, завѣщалъ себя похоронить въ Софійскомъ Кіевскомъ соборѣ. Поэтому полагаютъ, что, вѣроятно до 80-хъ годовъ XIV вѣка, богослуженіе еще совершалось въ соборѣ, уже разоренномъ и клонившемся къ упадку. Но, послѣ Кирилла III, въ особенности, когда въ 1230 г. Кіевъ перешелъ во власть Гедимина, митрополиты русскіе не заглядывали болѣе въ Кіевъ...

Къ этому то времени, т.-е. къ половинѣ XIV вѣка, и слѣдуетъ отнести главныя разрушенія, испытанныя древнимъ кіевскимъ храмомъ. Кровля на немъ обвалилась, и онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова преданъ на волю всѣмъ стихіямъ. Неизвѣстно, при комъ и когда именно эти важныя разрушенія были исправлены, и древняя святыня защищена отъ пагуб-

наго вліянія стихій. Можетъ быть, исправленія храма произведены во времена митрополита Кипріяна, несомнѣнно однако же только то, что исправленіе и обновленіе храма послѣдовало значительно ранѣе временъ Петра Могилы, который отобралъ храмъ отъ уніатовъ опустошеннымъ, ограбленнымъ, но не въ развалинахъ.

Судя по тому, что послѣ всѣхъ невзгодъ, пережитыхъ соборомъ, отъ него все же большая часть сохранилась неразрушенною и непоколебимо пережила вѣка, мы имѣемъ основаніе думать, что постройка его была произведена съ величайшимъ тщаніемъ, что на это дѣло употреблялся матеріалъ самой высокой доброты.

Позднѣйшія подновленія, придѣлки, надстройки и дополненія первоначальнаго зданія собора значительно измѣнили видъ древняго Ярославова храма. Нынѣшній фасадъ свой храмъ св. Софіи получилъ во времена Петра Могилы и даже позже, и во внѣшности носитъ на себѣ (особенно въ формѣ куполовъ) отпечатокъ нѣмецко-польской архитектуры конца XVII вка. Но зато внутренность собора многими подробностями своихъ мозаическихъ и живописныхъ украшеній переноситъ зрителя въ древній православный храмъ XI — XII вѣка, какимъ этотъ храмъ вы-



Церковь Рождественская, построенная Петромъ Могилою изъ остатковъ Десятинной.

шелъ изъ рукъ греческихъ строителей и художниковъ, вызванныхъ въ кіевскую Русь Владиміромъ и Ярославомъ. И дѣйствительно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что соборъ св. Софіи представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе сохранившихся храмовъ древнѣйшаго византійскаго типа.

Фигура плана собора св. Софіи — четырехсторонній прямоугольникъ съ различными выступами, углубленіями, отчасти древними, отчасти позднѣйшими. Внутри, храмъ св. Софіи, въ большей своей части, раздѣленъ хорами на два неравные этажа или яруса, изъ которыхъ нижній гораздо ниже верхняго. Хоры эти примыкаютъ къ тремъ сторонамъ зданія: западной, сѣверной и южной; въ срединѣ, подъ главнымъ куполомъ, все зданіе совершенно открыто.

Всѣхъ куполовъ надъ св. Софіею пятнадцать; большая часть ихъ относится къ послѣднимъ двумъ столѣтіямъ; но можно утвердительно сказать, что у древней Софіи было не менѣе тринадцати главъ. Нѣкоторые изъ древнихъ куполовъ въ настоящее время скрыты подъ кровлею храма, которая, при позднѣйшихъ перестройкахъ, была значительно возвышена.

Внутренность храма св. Софіи даетъ легкое понятіе объ устройствѣ древнихъ ан-

тійскихъ храмовъ. Переступивъ порогъ этого собора, мы, безъ малѣйшаго усилія, можемъ возстановить передъ собою все внутреннее благолѣпіе древней святыни кіевской въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была создана византійскими строителями и художниками. Весь храмъ въ важнѣйшихъ его частяхъ, на всѣхъ стѣнахъ и сводахъ былъ украшенъ богатѣйшею мозаикою, которая представляетъ драгоцѣнный памятникъ древняго мозаическаго искусства въ Европѣ. Все остальное пространство храма, неукрашенное мозаикою, покрыто было фресковою живописью (не исключая столбовъ, простѣнковъ, карнизовъ и лѣстницъ).

Какъ много труда, издержекъ и времени было потрачено на подобное украшеніе св. Софіи, можно судить уже по тому, что, когда по желанію императора Николая I, было приступлено къ возобновленію древней фресковой живописи въ Софійскомъ храмѣ, то на полное обновленіе собора требовалось десять лѣтъ работы и около 100,000 рублей затратъ.

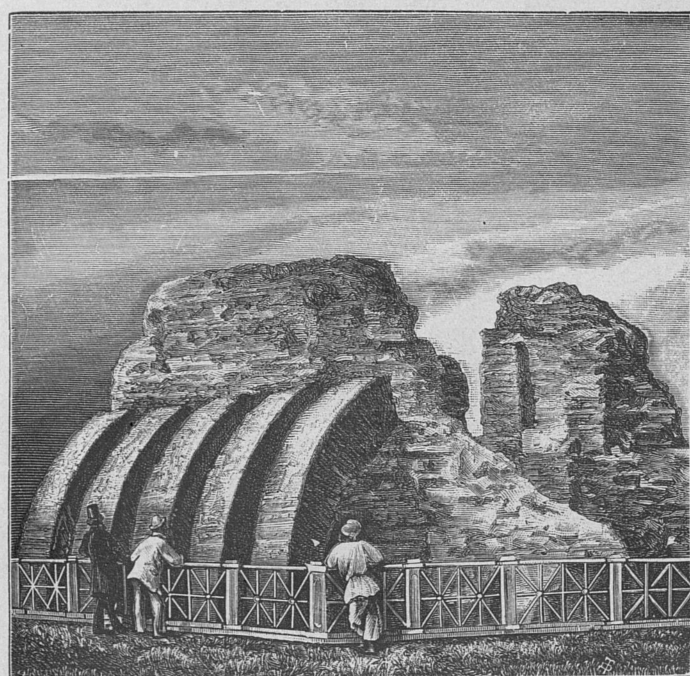


Церковь Андрея Первозваннаго. Десятинная церковь.

Исторія открытія и возобновленія Кіево-Софійскаго собора на столько поучительна, что на ней нельзя не остановиться.

До начала 40-хъ годовъ, древній Софійскій соборъ славился только своими мозаиками, но о существованіи въ немъ фресокъ не было и помину. Открытіе ихъ произошло слѣдующимъ образомъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ нижней части храма, къ югу отъ главнаго престола, въ алтарѣ придѣла, посвященнаго имени св. Антонія и Θеодосія печерскихъ, обвалилась известковая побѣлка и изъ-за толстаго ея слоя показались написанные на стѣнахъ пять женскихъ ликовъ. Эти изображенія, однако, были издавна извѣстны всѣмъ лицамъ, служившимъ въ соборѣ, и протоіерей (онъ же и ктиторъ) собора, о. Тимоѳей Сухобруховъ, неоднократно уже обращалъ вниманіе посѣтителей собора на эти древнія изображенія, высказывая

предположеніе, что стѣны собора, гладко и ровно выбѣленныя, первоначально были расписаны. Затѣмъ вскорѣ побѣлка отстала и обвалилась на большомъ пространствѣ, подъ однимъ изъ полусферическихъ сводовъ, поддерживающихъ южную половину церковныхъ хоръ. На этомъ сводѣ весьма отчетливо виднѣлись изображеніе звѣзды, составленной изъ крестовъ, поясныя изображенія ангеловъ, а въ промежуткахъ между ними—серафимы, херувимы, апокалиптическія животныя. Нѣкоторыя изображенія снабжены были древними греческими надписями. Послѣ этого отецъ Тимоѳей еще болѣе убѣдился въ существованіи древней иконописи на всѣхъ стѣнахъ собора и сообщилъ о своемъ предположеніи академику Ѳ. Г. Солнцеву, случайно проѣзжавшему черезъ Кіевъ въ 1842 году. Солнцевъ, осмотрѣвъ обнажившіяся фрески, совершенно согласился съ мнѣніемъ протоіерея. Наконецъ, по благословенію митрополита Филарета, приступили къ открытію фресокъ въ разныхъ мѣстахъ собора, просуществовавшихъ уже восемь вѣковъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ кіевскій, Д. Г. Бибиковъ, довелъ объ открытіяхъ Сухобрухова и Солнцева до свѣдѣнія Государя Императора Николая Павловича. По Высочайшему повелѣнію св. синоду было указано изыскать средства для открытія и возобновленія всѣхъ древнихъ фресокъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Вслѣдъ затѣмъ былъ составленъ комитетъ, которому и поручено завѣдывать возобновленіемъ древней святыни, вся же живописная часть, по Высочайшей волѣ, была поручена главному надзору академика Солнцева.



Прежній видъ «Золотыхъ воротъ».

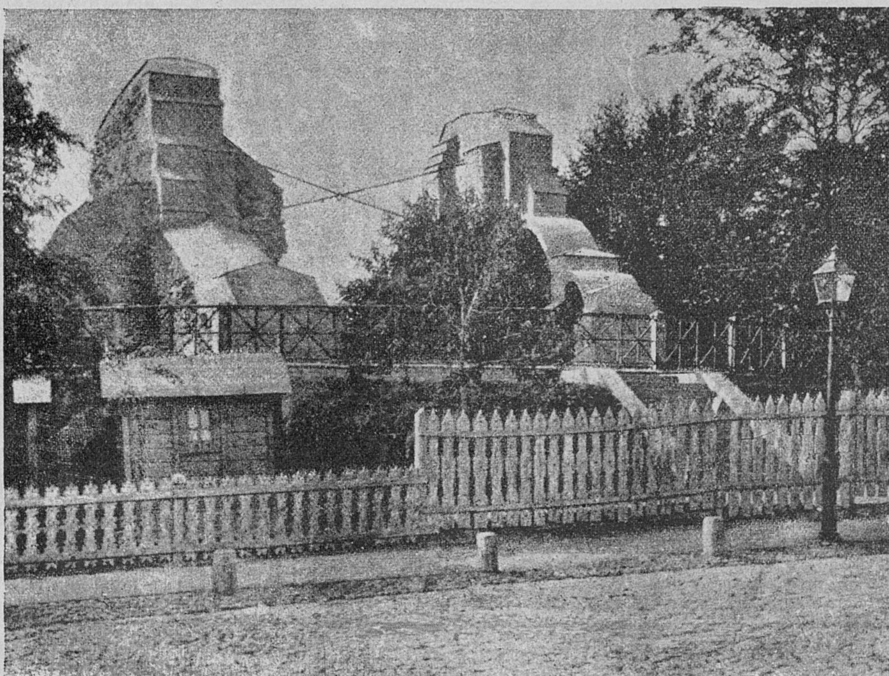
Очищеніе стѣнъ собора отъ известки, которою онѣ были покрыты во время уніи, производилось съ 1843 почти до 1846 года. «Оказалось при этомъ, говоритъ г. Закревскій въ своемъ монументальномъ «Описаніи» Кіева,—что, кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя были первоначально украшены мозаикою, всѣ прочія древнія стѣны, подпоры и столбы, какъ въ срединѣ церкви, такъ и по всѣмъ хорамъ, и даже стѣны и своды лѣстницъ, которые ведутъ на хоры—все это было покрыто изображеніями аль-фреско. Не найдено ихъ только на тѣхъ стѣнахъ и сводахъ, которые, по разрушеніи прежнихъ, возведены вновь въ позднѣйшее время».

Собственно говоря, лишь очень незначительная часть древнихъ фресокъ сохранилась въ своемъ древнемъ благолѣпіи и цѣлости; большинство было страшно искажено временемъ и невзгодами, пережитыми соборомъ въ разныя эпохи. Лучше всего сохранились фрески, находящіяся въ алтарѣ придѣла Трехъ Святителей (древняго Георгіевскаго). Императоръ Николай I, со свойственнымъ ему высоко художественнымъ тактомъ, при посѣщеніи Софійскаго собора и обозрѣніи открытыхъ фресокъ, приказалъ оставить фрески этого придѣла безъ всякаго подновленія, въ ихъ первоначальномъ видѣ: «Потомки наши,—сказалъ Государь митрополиту Фи-

ларету при этомъ случаѣ,—увидѣвъ эти фрески, повѣрятъ намъ, что прочія мы подновили, а не вновь написали».

Но главною художественною драгоцѣнностью собора, при всемъ обиліи и разнообразіи его фресковой живописи, составляютъ все же его грандіозныя мозаическія изображенія. Изъ нихъ, изображеніе Божіей Матери (Нерушимая стѣна), подъ горнимъ мѣстомъ, почти на сводѣ алтаря, поражаетъ своимъ величественнымъ видомъ. По своему высокому положенію и его громаднымъ размѣрамъ (высота иконы равна 7 аршинамъ) это изображеніе Божіей Матери господствуетъ надъ всѣмъ храмомъ. Богоматерь изображена на иконѣ въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми горѣ руками.

Ниже иконы Божіей Матери «Нерушимой стѣны» помѣщается другая громадная мозаическая икона, изображающая Тайную Вечерю и очень важная по своимъ подробностямъ. Около



«Золотыя ворота» въ нынѣшнемъ ихъ видѣ.

Св. Троицы, покрытой бархатною матеріею съ золотыми цвѣтами, представлено съ обѣихъ сторонъ по одинаковому изображенію Спасителя. Къ обоимъ изображеніямъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, подходятъ по шести апостоловъ, благоговѣйно склонивъ головы и готовясь принять изъ рукъ Спасителя Св. Дары. Два ангела, по сторонамъ Св. Троицы, осѣняютъ ее золотыми рипидами.

Кромѣ указанныхъ двухъ мозаическихъ изображеній на восточной стѣнѣ собора, важны еще два мозаическихъ изображенія, представляющія въ совокупности Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы. Изображеніе Пресвятой Дѣвы Маріи помѣщено на юго-восточной подпорѣ главнаго купола, а изображеніе Архангела Гавріила—на сѣверо восточной.

Возобновленную еще въ XVII в., на мѣстѣ древняго храма Петромъ Могилою, нынѣшнюю Десятинную церковь, начали перестраивать въ 1828 году и окончили въ 1842 году. Храмъ этотъ не имѣетъ однакоже ничего общаго съ древнимъ храмомъ: даже часть основанія древняго

храма, при постройкѣ новаго, была выкопана изъ земли и замѣнена новымъ фундаментомъ. Отъ древняго храма уцѣлѣли: а) часть греческой подписи, отысканной въ развалинахъ храма и вставленной, ни-вѣсть почему, въ южную стѣну новой церкви и б) передъ престоломъ и на горномъ мѣстѣ остатки мозаическаго пола, отрытые подъ грудами камней и мусора, оставшихся отъ Владимірова храма. Другіе остатки храма, также не представляющіе ничего особеннаго, извлеченные изъ развалинъ, всѣ собраны въ одномъ небольшомъ шкапу внутри новаго храма.

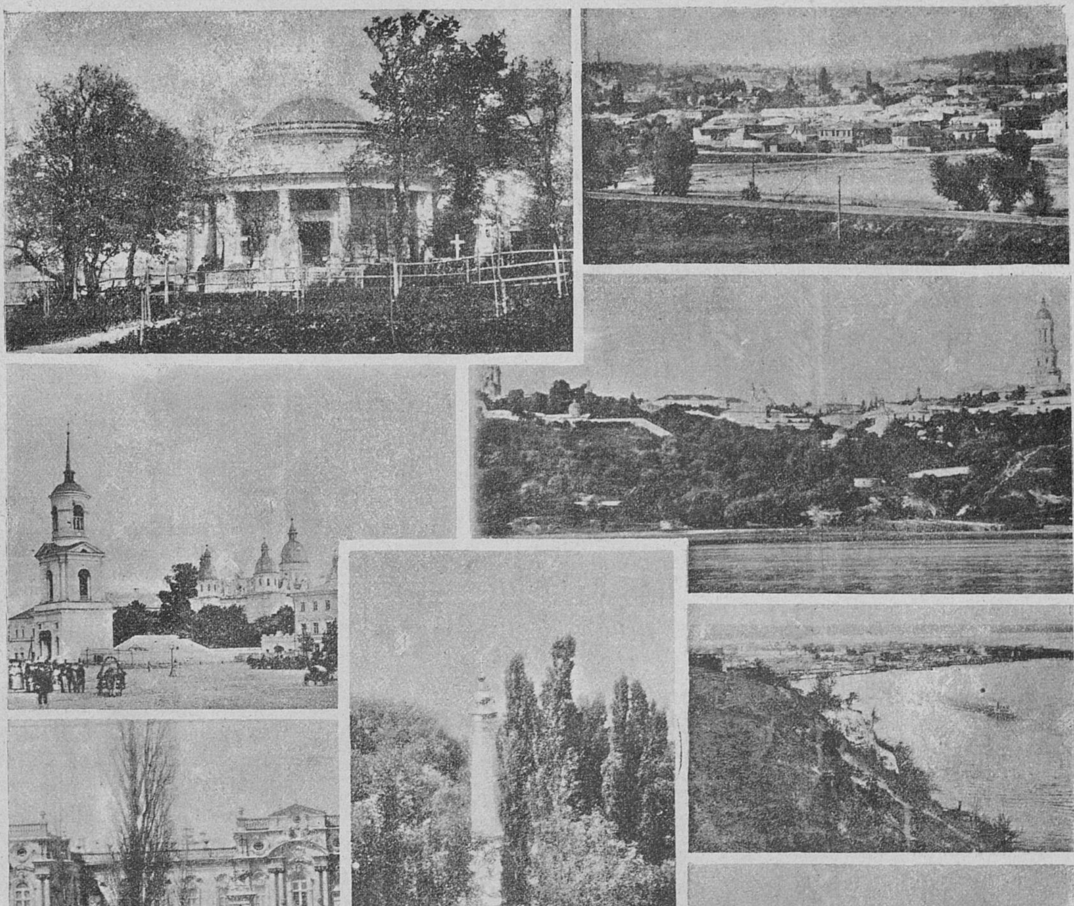
Болѣе отрадное впечатлѣніе производитъ другой храмъ—въ честь апостола Андрея Первозваннаго. Храмъ построенъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны (1744 г.) по плану знаменитаго Растрелли, и стоитъ на горѣ, возвышающейся на сорокъ двѣ сажени надъ уровнемъ Днѣпра. Издали, особенно въ туманные осенніе дни, этотъ прекрасный и легкій храмъ кажется какъ бы висящимъ въ воздухѣ надъ кіевскимъ Подоломъ... Къ храму ведетъ широкая чугунная лѣстница въ 53 ступени, раздѣленная тремя площадками. Вокругъ храма устроена прекрасная терраса, окруженная легкою рѣшеткою. Видъ съ этой террасы — изумительный: у зрителя весь Подолъ, какъ на ладони, а затѣмъ сверкающій Днѣпръ съ его излучистыми рукавами и съ Чорторыемъ, а далѣе—необъятный просторъ холмовъ и полей, прибрежныхъ луговъ, до самаго впаденія въ Днѣпръ Десны. Между лугами и рощами разбросаны селенія, съ церквами и бѣлѣющими домиками, съ темносинею каймою лѣсовъ на горизонтѣ. Къ сѣверу возвышаются кіевскія горы: Киселевка и Щековица, позади которыхъ также синѣетъ лѣсъ и горизонтъ замыкается холмами, на которыхъ лежитъ древній Вышгородъ.



Древнѣйшая икона (Игорева) Пресвятой Богородицы.

На ряду съ вышеуказанными святынями, богомольцы, посѣщающіе Кіевъ, обязательно осматриваютъ еще Крещатицкій памятникъ и памятникъ св. Владиміра Равноапостольнаго.

Въ глубокой впадинѣ, между Государевымъ садомъ и уступомъ горы, по которому теперь пролегаетъ дорога съ Печерска на Подолъ, издавна протекалъ источникъ, извѣстный подъ именемъ *Крещатика* или *Крещатицкаго источника*. Онъ впадалъ въ Почайну, вливавшуюся въ Днѣпръ и теперь давно уже исчезнувшую, вслѣдствіе усиленной и разрушительной работы Днѣпра, постоянно подмывающаго кіевскіе берега. Преданіе указываетъ на этотъ источникъ, какъ на мѣсто крещенія сыновей Владиміра. Источникъ этотъ уже въ XVII в. слылъ подъ названіемъ *Святого мѣста*, и на немъ искони стояла деревянная часовня, при которой дважды въ году происходило освященіе воды источника. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ этомъ ущельѣ,



Аскольдова могила.
Братскій монастырь и духовная академія.
Царскій дворецъ.
Бибиковскій бульваръ.

Крещатицкій памятникъ св. Владиміру на святомъ мѣстѣ (1802 г.).

Новое строеніе (часть Кіева).
Кіево-Печерская лавра изъ-за Днѣпра.
Крещатицкая набережная
Выдубицкій монастырь.
Кіево-Днѣпровская набережная.

Кіевъ и его окрестности.

до начала нынѣшняго столѣтія, былъ лѣсъ и вѣковыя деревья расли кругомъ источника по крутымъ горнымъ обрывамъ; между же деревьями кое-какъ лѣпились убогія лачужки. Въ 1802 году кіевлянамъ пришла мысль—выстроить близъ источника довольно-таки безобразный кирпичный памятникъ, которому былъ приданъ видъ колонны Тосканскаго ордена, поставленной на аркѣ, воздвигнутой подъ бассейномъ, въ который собраны были воды Крещатицкаго источника. На выступахъ нижней части колонны помѣщены доски съ надписями; на одной значится: «*Святому Владиміру, просвѣтителю Россіи*». На другой: «*Усердіемъ кіевскаго гражданства за утвержденіе правъ древнія сея столицы Всероссійскимъ императоромъ Александромъ I. 1802 года, сентября 15 дня*». Капитель колонны увѣнчана жестяною вазою съ сіяющимъ на



Общій видъ Подола.

ней крестомъ. Чрезвычайно любопытно, что этотъ памятникъ былъ дѣйствительно воздвигнутъ «усердіемъ гражданъ», которые, кажется, даже не испросили на это разрѣшенія высшаго начальства. По крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что императоръ Александръ I узналъ объ этомъ памятникѣ черезъ два мѣсяца послѣ его открытія, и явно выразилъ свое неудовольствіе тогдашнему кіевскому губернатору, Фелису, который вскорѣ и былъ замѣщенъ другимъ лицомъ.

Императоръ Николай I-й воздвигъ, близъ того же мѣста, памятникъ, болѣе достойный такого великаго событія, какъ крещеніе Русскаго народа. Въ 1849 г. Крещатицкой (иначе Александровской) горѣ былъ приданъ нынѣшній ея видъ, а въ 1853 г. воздвигнутъ новый памятникъ св. Владиміру. Памятникъ состоитъ изъ призматическаго восьмистороннего пьеде-

стала, въ готическомъ вкусѣ, поставленнаго на ступени, окруженныя столбиками. И пьедесталъ, и столбики, и ступени—все чугунное. На пьедесталѣ утверждена бронзовая статуя, изображающая св. Владиміра, а на восточной сторонѣ пьедестала прикрѣпленъ бронзовый барельефъ, на которомъ представлено въ лицахъ крещеніе Руси. Св. Равноапостольный князь Владиміръ представленъ въ молящемся положеніи; лицо его обращено къ Днѣпру, на берегу котораго совершилось крещеніе Русскаго народа. Въ правой рукѣ онъ держитъ четырехъ-конечный крестъ, вышиною гораздо больше своего роста (высота статуи 2 сажени), а въ лѣвой рукѣ великокняжескую шапку. Статуя, превосходная по отливкѣ, по изяществу и чистотѣ въ отдѣлкѣ деталей, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ барона Клодта.

Каждый, кто послѣ Печерска направится на Крещатикъ, этотъ Невскій проспектъ Кіева,—можетъ подумать, что попалъ въ совершенно новый городъ, даже городъ не русскій, а западно



Урочище Щековицы и кладбище.

европейскій. Великолѣпныя зданія, прекрасныя мостовыя, богатѣйшіе магазины, широкіе тротуары, зеркальныя стекла оконъ, ярко освѣщенныя, толпы гуляющихъ и масса блестящихъ экипажей—все это ясно указываетъ, что у Кіева, кромѣ его давно минувшаго знаменательнаго прошлаго, есть и живое настоящее. Это настоящее полно такою кипучею и разнообразною дѣятельностью, что и въ будущемъ обѣщаетъ широкое и многостороннее развитіе всей той мѣстности, для которой Кіевъ служитъ центромъ, притомъ не только торговымъ и промышленнымъ, но и культурнымъ.

Промышленность въ Кіевѣ довольно разнообразна. Благодатная кіевская почва, на которой такъ превосходно садятся всевозможные плоды, ягоды и овощи, много способствуетъ тому, чтобы садоводство и огородничество занимало значительную часть кіевскаго населенія. Кіевъ изстари славится своими способами заготовленія сухихъ фруктовъ впрокъ, своими вареньями и наливками, и слава эта успѣла распространиться такъ широко, что названіе *кіевскаго* варенья,

кіевской наливки, стало нарицательнымъ именемъ всего хорошаго, что можетъ быть произведено въ этомъ родѣ.

Кромѣ садоводства и огородничества, многіе изъ кіевскихъ гражданъ, живущихъ по окраинамъ города, снимаютъ подгородныя земли подъ пашню, и сами занимаются земледѣліемъ. Значительная часть кіевскихъ мѣщанъ, кромѣ мелкихъ ремеслъ и промысловъ, занимается въ городѣ извозомъ, работами на фабрикахъ, которыхъ въ Кіевѣ довольно много, а въ лѣтніе мѣсяцы работами на пристани, на которой ежегодно грузится болѣе 1.000,000 пудовъ, а разгружается и перегружается болѣе 3.000,000 пудовъ различнаго товара.

Вообще говоря, Кіевъ, благодаря своему положенію при удобномъ водномъ пути, служитъ складочнымъ мѣстомъ и передаточнымъ пунктомъ для различныхъ произведеній окружныхъ губерній.

Вся торговля Кіева, мелкая и крупная, находится въ рукахъ евреевъ, издавна уже захватившихъ въ свои руки всю торговую и промышленную дѣятельность Юго-Запада, и окружившихъ Кіевъ, равно, какъ и всѣ другіе города Кіевской, Черниговской, Волынской и Подольской губерній непроницаемою сѣтью своихъ неустанныхъ агентовъ, скупщиковъ и кулаковъ всякаго рода. Вотъ почему, не только въ магазинахъ кіевскихъ, но даже и на тѣхъ шести базарахъ, которые снабжаютъ городъ живностью и провизіей всякаго рода, рѣшительно нѣтъ подгородныхъ сельчанъ, а все евреи и евреи, несмотря на то, что жизненные продукты привозятся въ Кіевъ изъ окрестностей, а сѣно, овесъ, дрова, зелень, овощи и птицы — привозятся даже изъ Черниговской губерніи, арбузы — изъ Черкасскаго, а лукъ — изъ Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи.



Щековицкая кладбищенская церковь.

Точно также замѣтно преобладаніе еврейскаго элемента на кіевскихъ ярмаркахъ, которыя бываютъ здѣсь пять разъ въ годъ: Крещенская (съ 15-го января по 1-ое февраля), на первой недѣлѣ поста, 9 мая, въ Духовъ день, и съ 15-го іюля по 1-ое іюля. Всѣ эти ярмарки по оборотамъ своимъ ничтожны, и даже наиболѣе важная изъ нихъ, Крещенская, начинаетъ болѣе и болѣе утрачивать свое значеніе, хотя прежде обороты этой ярмарки доходили до 1.000,000 рублей.

Если важно промышленное и торговое значеніе Кіева, то еще важнѣе его значеніе, какъ центра, въ которомъ воспитывается все мѣстное юношество, всѣ молодыя силы нашего юго-западнаго края. Въ Кіевѣ, какъ центрѣ просвѣщенія края, находится учебный округъ, и постоянно живетъ попечитель. Число учебныхъ заведеній довольно значительно, хотя и не вполнѣ удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ. Но за то и университетъ, и гимназіи въ Кіевѣ имѣютъ свою исторію, довольно поучительную и притомъ тѣсно связанную съ политическою исторією нашего Юго-Запада. Польское дворянство, долго преобладавшее здѣсь въ средѣ мѣстнаго населенія и много жертвовавшее на поддержку своихъ старинныхъ коллегій и школъ, не могло смотрѣть равнодушно на то приравненіе, которое вносилъ въ школьное образованіе уставъ гимназій. Стремясь отдѣлиться отъ общаго теченія въ томъ образованіи, которое юношество должно было получать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, дворянство Кіевской губерніи пожертвовало въ 1805 г. особый капиталъ, свыше 450,000 асигнаціями, на содержаніе кіевской гимназіи и нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы курсъ гимназіи былъ значительно расширенъ и пополненъ новыми предметами.

Дѣйствительно, въ 1811 году былъ дарованъ кіевской гимназіи уставъ и штаты съ особыми правами и преимуществами. Самая гимназія открыта въ январѣ 1812 года, и какъ въ уставѣ, такъ и на печати названа «*кіевскою высшею гимназіею*». Эта гимназія состояла изъ одного приготовительнаго класса и четырехъ высшихъ; въ каждомъ классѣ прилежные ученики должны были находиться по одному году. Ученики послѣдняго класса подвергались экзамену и «*достойнѣйшіе*» изъ нихъ получали званіе «дѣйствительнаго студента», которое совершенно сравнено было въ правахъ со званіемъ студента университетскаго. Такое исключительное положеніе кіевской высшей гимназіи могло конечно продолжаться только до тѣхъ поръ, пока въ Кіевѣ не было университета; но съ 1834 года высшая гимназія была преобразована въ губернскую и названа *первой*, такъ какъ значительный приливъ учащихся уже и тогда побудилъ къ учрежденію еще одной, *второй* гимназіи. Первая гимназія помѣщается въ настоящее время (съ 1857 г.) на углу Владимірской улицы и университетскаго бульвара, въ великолѣпномъ камен-



Урочище Кожемяки и Воздвиженская церковь въ Кіевѣ въ тридцатыхъ годахъ.

номъ зданіи, съ четырехъ-этажнымъ главнымъ корпусомъ и трехъ-этажными боковыми. Близъ первой гимназіи помѣщается и вторая, на томъ же университетскомъ бульварѣ. Двѣ остальныя гимназіи явились весьма недавно и были вызваны быстро возрастающими потребностями населенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Кіевскій университетъ получилъ начало въ 1833 г. и былъ основанъ отчасти на капиталы, пожертвованные дворянствомъ Кіевской, Подольской и Волынской губ., отчасти на средства, данныя казною и извѣстнымъ богачемъ Демидовымъ. 15 іюля 1834 года, университетъ былъ торжественно открытъ и, пока строилось зданіе для него, лекціи читались въ отдѣльныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ. Сначала университетъ состоялъ только изъ трехъ факультетовъ: философскаго, математическаго и юридическаго; съ 1841 года введенъ и медицинскій факультетъ, который долженъ былъ замѣнить собою закрытую въ Вильнѣ медико-хирургическую академію. Зданіе университета, заложенное въ 1837 году, окончено было въ 1842 г.; оно весьма обширно и удобно, и хотя не отличается изяществомъ архитектуры, но за то построено чрезвычайно

прочно. Говорятъ, что постройка эта стоила громадныхъ денегъ... Къ сѣверу отъ университета расположено прекрасное зданіе анатомическаго театра, а на юго-западъ отъ университета въ 1845 году воздвигнута обсерваторія, снабженная прекрасными инструментами. Библіотека университета заключаетъ въ себѣ около 80,000 разныхъ сочиненій и обладаетъ множествомъ библіографическихъ драгоцѣнностей и рѣдкостей.

При университетѣ собирается историческое «Общество Нестора-Лѣтописца», которое вызвано было къ жизни въ послѣдніе годы, и «музей древностей» церковныхъ и гражданскихъ, который былъ учрежденъ при университетѣ св. Владиміра еще въ 1837 году, съ цѣлью собиранія въ немъ мѣстныхъ древностей, принадлежащихъ собственно городу Кіеву и его области. Не смотря на то, что въ составъ музея вошли въ разное время многіе весьма замѣчательные предметы какъ церковнаго, такъ и гражданскаго быта, до сихъ поръ еще не существуетъ никакого печатнаго описанія ихъ, и древности, вошедшія въ составъ музея, могутъ быть доступны только тому, кто, посѣтивъ Кіевъ, захочетъ самъ съ ними лично ознакомиться. Между предметами церковнаго быта особеннаго вниманія заслуживаютъ вещи, отры-



Кіевская дума.

тыя изъ земли близъ Михайлова монастыря кіевскимъ мѣщаниномъ Василіемъ Хорщевскимъ (въ 1824 г.) и, по всей вѣроятности, принадлежащія періоду весьма отдаленному, можетъ быть, даже современныя введенію христіанства въ Россіи. Всѣ они и по стилю, и по подписямъ — византійскаго происхожденія. Изъ вещей мірскихъ особенно важны золотая монета Владимірова, серебрянная монета его же и прекрасно сохранившійся экземпляръ «Ярославля сребра», возбудившаго столько споровъ въ ученомъ мірѣ. Кромѣ монетъ, есть древнее оружіе, кольцо, серьги и другія украшенія, запонки, обломки вазъ, бляшки съ финифтью и рѣзными узорами.

Недалеко отъ университета, въ той же части города, между Крещатикомъ и Дворцовою частью, находится институтъ благородныхъ дѣвицъ, выстроенный на мѣстѣ, пожертвованномъ г. Бѣгичевымъ. Институтъ былъ открытъ въ 1838 году, но то великолѣпное и огромное зданіе, въ которомъ онъ нынѣ помѣщается, было окончено постройкою только въ 1843 году. Такъ какъ институтъ былъ назначенъ съ самаго основанія своего къ тому, чтобы служить мѣстомъ воспитанія для благородныхъ дѣвицъ и русскаго, и польскаго происхожденія, то въ зданіи института помѣщаются и православная церковь, и римско-католическій костелъ. Одинъ



Памятникъ графу Бобринскому
Михайловскій монастырь.
Левашевскій спускъ.
Александровскій спускъ.

Памятникъ св. Владиміру (1853).

Видъ на Крещатикъ.
Католическій костелъ
Десятинная церковь.
Крещатицкая площадь.

Памятники и достопримѣчательности г. Кіева.

золотой крестъ осѣняетъ обѣ церкви, устроенныя одна надъ другой: православня вверху, а костелъ внизу, подъ православною церковью.

Кромѣ указанныхъ уже ученыхъ и учебныхъ заведеній, въ Кіевѣ существуетъ еще одно замѣчательное учрежденіе, принадлежащее къ числу древнѣйшихъ центровъ просвѣщенія въ Россіи, и могущее гордиться продолжительною и достославною исторіею своей научной и просвѣтительной дѣятельности. Мы имѣемъ въ виду кіевскую духовную академію. Начало этому духовно-учебному заведенію было положено въ концѣ XVI в., въ знаменательную эпоху, когда необходимость борьбы съ іезуитами и уніею пробудила православныхъ отъ долгаго сна и застоя и вынудила взяться за могущественное оружіе слова. Тогда на всемъ Западѣ и Юго-Западѣ, въ Литвѣ и въ Южной Руси, православные сплотились въ братства и, благодаря этимъ братствамъ, завелись первыя школы и типографіи. Въ періодъ этого сильнаго и вполнѣ народнаго движенія, по благословенію константинопольскаго патріарха Іереміи II, возникло (около 1590 года) и кіевское братство, а затѣмъ—*братческая* школа и коллегія, въ стѣнахъ *братскаго* монастыря. Существованіе школы было самое бѣдственное. Нескончаемая борьба съ іезуитами, послѣдовательныя разоренія и выжиганія до-тла всего, что накоплялось тяжкимъ трудомъ братчиковъ—вотъ въ чемъ состоитъ, собственно, весь первый періодъ существованія кіевской школы. Наконецъ, въ 1622 году лихой гетманъ Конашевичъ Сагайдачный возстановляетъ на свои средства трижды разрушенную школу, а въ 1629 г. послѣ долгихъ трудовъ и усилій, православному братству удается поставить свою школу подъ покровительство короля Сигизмунда III. Счастье какъ будто начинало улыбаться ей, и судьба послала школѣ, въ лицѣ знаменитаго Петра Могилы, высокаго покровителя и щедраго благодѣтеля. Братческая школа и ея устройство становится любимою мечтою Петра Могилы. Этому дѣлу онъ посвящаетъ свою жизнь и завѣщаетъ послѣ смерти все свое, весьма значительное, состояніе. Но послѣ смерти Петра Могилы (1647 г.) опять наступаютъ черные дни. Во время борьбы Хмѣльницкаго за независимость Малороссіи, братческая Могилянская школа опять терпитъ страшное крушеніе. Въ 1651 году поляки овладѣли Кіевомъ и выжгли до-тла и братческій монастырь, и все, что создано было трудами и иждивеніемъ Петра Могилы!...

Только съ 1701 года, послѣ того какъ императоръ Петръ I принялъ школу Петра Могилы подъ свое покровительство, возведя ее до значенія академіи, начался, наконецъ, для нея новый и болѣе спокойный періодъ, въ теченіе котораго, наконецъ, дѣятельность академіи была обезпечена отъ всякихъ внѣшнихъ бѣдствій и треволненій. Съ этого времени, покровительствуемый русскими государями, этотъ разсадникъ науки сталъ, послѣдовательно, любимымъ дѣтищемъ всѣхъ выдающихся дѣятелей изъ числа кіевскихъ митрополитовъ, и мало-по-малу доставилъ Россіи XVIII вѣка массу почтенныхъ и талантливыхъ тружениковъ, которыми въ теченіе долгаго времени замѣщались всѣ каѳедры архіерейскія, всѣ митрополіи русскія.

Переходя отъ учебныхъ заведеній и ученыхъ учрежденій Кіева къ другимъ общественнымъ зданіямъ его, нельзя не остановится на каменномъ зданіи театра и музыкальнаго училища.

Театръ въ Кіевѣ, впервые, явился въ началѣ нынѣшняго вѣка. Нельзя сказать съ полною достовѣрностью, въ какомъ именно году, въ 1803 или 1806 г., построенъ былъ вблизи нынѣшняго Александровскаго спуска первый кіевскій деревянный театръ. Зданіе было тяжелое, некрасивое, хотя и довольно изрядно отдѣланное внутри. Зданіе было построено на счетъ городскихъ суммъ, и театръ поддерживался городомъ съ похвальною энергіею и щедростью. Но въ исторіи кіевскаго театра вполнѣ повторилась судьба многихъ другихъ кіевскихъ учрежденій — отразились тѣ колебанія, которыя такъ пагубно не разъ отзывались на лучшихъ мѣстныхъ начинаніяхъ... Сначала на сценѣ кіевскаго театра играла чуть-ли не труппа актеровъ изъ крѣпостныхъ, потѣшая публику пьесами, заимствованными изъ малороссійскаго репертуара. Позднѣе, во время преобладанія польскаго элемента въ кіевскомъ населеніи, театръ перешелъ въ исключительное

вѣдѣніе польскихъ предпринимателей, и странствующія труппы польскихъ актеровъ выступали на сценѣ кіевскаго театра во время контрактовъ. Затѣмъ, по мѣрѣ возстановленія русскихъ началъ въ управленіи краемъ, преобладаніе на кіевской сценѣ оказалось на сторонѣ русскихъ странствующихъ труппъ, и только съ 1835 года при кіевскомъ театрѣ учреждена постоянная русская труппа. Представленія этой труппы продолжались еще лѣтъ двадцать въ старомъ деревянномъ зданіи, которое разобрано было въ 50-хъ годахъ, когда явился въ Кіевѣ новый, об-



Прежвій видъ крещатицкаго памятника св. Владиміру (на святомъ мѣстѣ).

ширный и прекрасный каменный театръ (1856 г.). На мѣстѣ стараго деревяннаго театра находится въ настоящее время лучшая изъ кіевскихъ гостиницъ, европейская.

Новый каменный театръ воздвигнутъ въ лучшей части города, на Старомъ Кіевѣ, между университетомъ, первою гимназіею и Золотыми воротами. Зданіе выполнено по чертежамъ извѣстнаго академика-архитектора Штрома и стоило городу около 130,000 р. сер.; оно вмѣщаетъ въ себѣ до 1,000 человѣкъ.

Что касается музыкальнаго училища, то оно принадлежитъ къ самымъ молодымъ учреж-

деніямъ кіевскимъ. Существованіемъ своимъ оно обязано настойчивой и неутомимой энергіи о. Кологривова, который исхлопоталъ и разрѣшеніе на устройство училища, и суммы на содержаніе его. Впослѣдствіи училище было принято подъ высокое покровительство Ея Императорскаго Высочества Великой княгини Елены Павловны, которая пожертвовала въ пользу новаго учрежденія 5,000 р. сер. Въ настоящее время училище имѣетъ свой домъ, идетъ хорошо и приноситъ большую пользу.

Переходя отъ Кіева къ его окрестностямъ, приходится сказать, что эти послѣднія не уступаютъ Кіеву ни въ красотѣ, ни въ разнообразіи мѣстностей, такъ какъ весь Кіевскій уѣздъ имѣетъ волнообразную поверхность, пересѣченную камнями и оврагами. Въ числѣ бли-

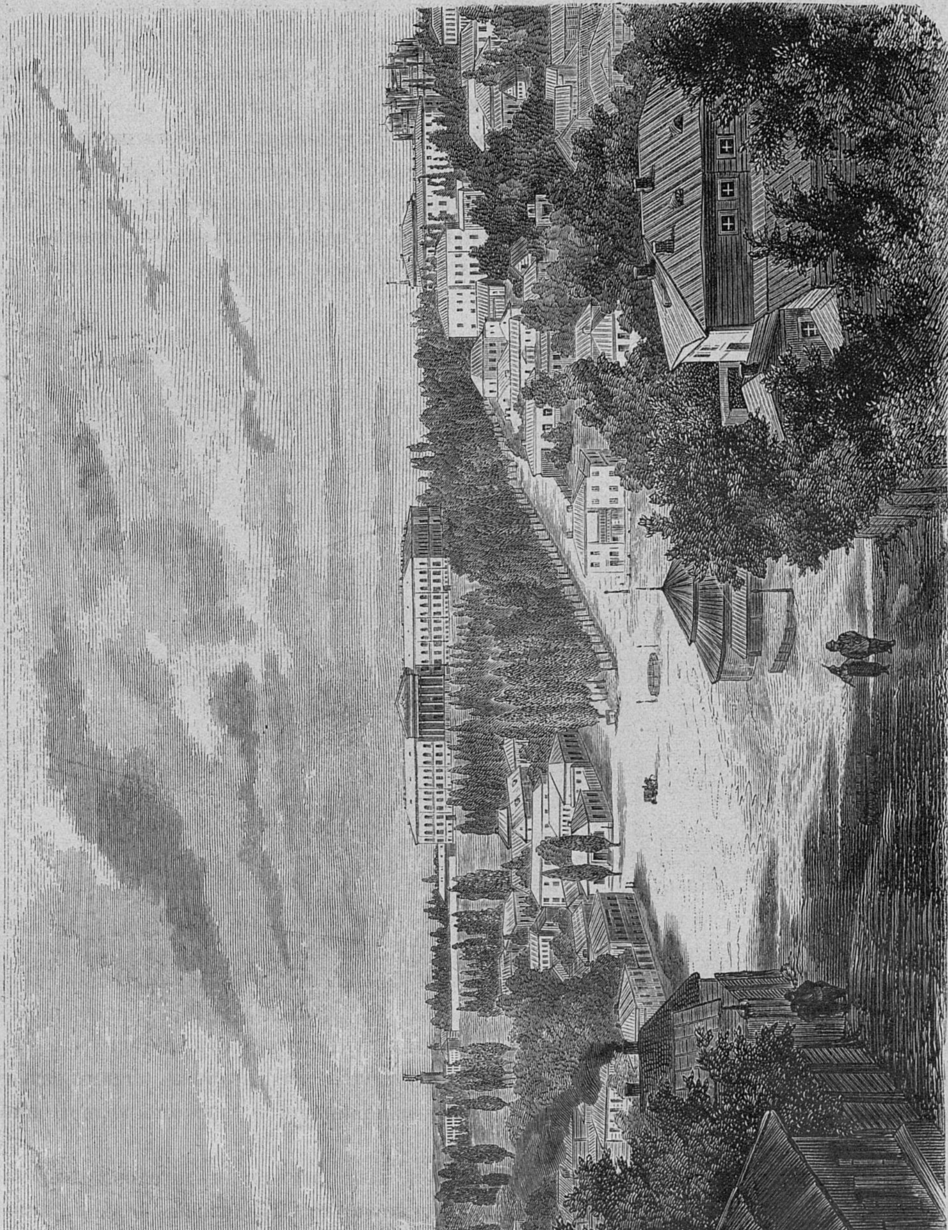


Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

жайшихъ къ Кіеву прелестныхъ уголковъ отмѣтимъ уединенный Выдубицкій монастырь; изъ числа болѣе отдаленныхъ окрестностей заслуживаетъ особеннаго вниманія Межигорье, близъ Вышгорода.

Выдубицкій монастырь лежитъ версты на двѣ ниже Печерска, подъ самымъ Днѣпромъ, среди прелестной долины, между горными возвышенностями, покрытыми лѣсомъ. Лѣтопись отмѣчаетъ постройку Выдубицкаго монастыря въ концѣ XI вѣка, а отдаленное преданіе глубокой до-христіанской старины связываетъ названіе монастыря съ названіемъ урочища, къ которому будто-бы пытался пристать истуканъ Перунъ, свергенный въ Кіевѣ съ холма въ рѣку. Язычники радовались его прибытію къ ихъ берегу и кричали своему поверженному богу: «выдыбай, боже, выдыбай» (т.-е. выходи изъ воды)! Ревностные же христіане оттолкнули истукана отъ берега и въ насмѣшку надъ темными собратіями своими, назвали то мѣсто

«Выдубичами». Въ этихъ то Выдубичахъ и основался въ концѣ XI вѣка маленькій монастырекъ, который впослѣдствіи постепенно возрасталъ, богатѣлъ, терпѣлъ разореніе и невзгоды всякаго рода. Только было онъ успѣлъ нѣсколько оправиться къ половинѣ XVI вѣка, какъ



Зданіе Кіевскаго университета.

наступили тяжкія времена уніи, и Выдубицкій монастырь, наряду съ другими кіевскими монастырями, также принявшій участіе въ движеніи противъ уніи, подвергся отъ уніатовъ страшному погрому.

Въ XVII вѣкѣ, знаменитый Петръ Могила многократно обращался къ милосердію русскихъ царей съ просительными грамотами о помощи, которую необходимо оказать кіевскимъ церквамъ и монастырямъ, и указывалъ на ихъ тяжкое, бѣдственное положеніе. Въ одной изъ такихъ грамотъ говорится между прочимъ о томъ, что въ древней «*церкви Св. Михаила* (въ Выдубицкомъ монастырѣ) *полъ весь и верхъ весь каменный разрушенъ и даже каменной ограды около монастыря не имѣется никакой*. Особенно любопытно упоминаніе это о *верхѣ церковномъ*, т.-е. о сводахъ храма... Эти своды, устоявшіе въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, разрушились черезъ тридцать лѣтъ, послѣ поступленія монастыря во власть уніатовъ.

Въ числѣ благотворителей, помогавшихъ древнему Выдубицкому монастырю подниматься изъ развалинъ и оправляться отъ погромовъ, перенесенныхъ во время уніи, мы находимъ рядомъ съ именами русскихъ царей, имена знаменитыхъ гетмановъ малороссійскихъ — Богдана Хмѣльницкаго, Петра Дорошенка и Ивана Мазепы. На стѣнѣ монастырской трапезы, надъ входными дверями, и теперь еще можно видѣть лѣпной гербъ казацкаго полковника Микла-



Николаевскій цѣпной мостъ въ Кіевѣ.

шевскаго, «извѣстнаго своими храбрыми подвигами и ненавистью къ нему Мазепы». Иждивеніемъ этого Миклашевскаго воздвигнута самая трапеза и обновлены храмы монастырскіе. Въ залѣ настоятельскаго дома хранится и большой старинный портретъ его, вмѣстѣ съ другими старинными портретами настоятелей Выдубицкаго монастыря, на которыхъ видимъ различные атрибуты: оружіе, гербы и средневѣковыя подписи—напоминаніе о мірскомъ величіи иноковъ прежде вступленія ихъ въ обитель.

Ризница монастыря очень не богата древностями. Изъ достопримѣчательностей обители отмѣтимъ только чрезвычайно курьезный по работѣ иконостасъ трапезной церкви, вырѣзанный въ видѣ родословнаго древа, среди вѣтвей котораго изображены ветхозавѣтные праотцы Господа Нашего Іисуса Христа, по *плоти*; всѣ они изображены возлежащими, а посреди нихъ, подъ царскими вратами, Дѣва Марія съ Предвѣчнымъ Младенцемъ.

Въ настоящее время монастырь вполнѣ обезпеченъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и не вынужденъ вести никакой борьбы ни съ кѣмъ за свое существованіе и духовную независимость. Единственнымъ неопаснымъ врагомъ обители остается старый и сердитый Днѣпръ, который

продолжаетъ постоянно подмывать и обрушивать монастырскій берегъ, угрожая древнему храму Св. Михаила и вынуждая отцовъ архимандритовъ къ постоянной борьбѣ со стихіею, къ постояннымъ работамъ надъ укрѣпленіемъ монастырскаго берега.

Одинъ изъ мѣстныхъ кіевскихъ писателей и весьма извѣстныхъ любителей кіевской старины, М. А. Максимовичъ, очень вѣрно передаетъ то впечатлѣніе, которое выноситъ каждый посѣтитель Выдубицкаго монастыря. «Не спускаясь еще въ самый монастырь»—говоритъ М. А. Максимовичъ—«можно поворотить на-право, пройти на возвышеніе, которое поднялось надъ монастыремъ съ полуденной его стороны, и которое, по своей ровной вершинѣ, особенно благопріятно для прогулки. Длинный ровный хребетъ возвышенія, круто спускаясь съ обѣихъ боковъ, оканчивается еще большею крутизною надъ Днѣпромъ. Дерева и кустарники, растушіе на семъ мѣстѣ, заслонили собою Кіевъ и все, что простирается отсюда на сѣверъ. Зато, какой-то особенный просторъ душѣ даетъ это мѣсто, когда, отдыхая на немъ, заглядишься на гряду возвышеній, идущихъ на полдень, по которому течетъ многоразливный Днѣпръ, далеко уносящій за собою ваши мысли. Особенно хорошо здѣсь весною, когда Днѣпровскія волны разольются, какъ синее море, и полуденный вѣтеръ навѣваетъ такую



Церковь Спаса на Берестовѣ.

животворную свѣжесть, что и давно отжившая старина какъ будто молодѣетъ въ нашей памяти...» «Выдубицкимъ монастыремъ»—какъ замѣчаетъ почтенный М. А. Максимовичъ въ концѣ своей статьи—«заканчивается великая панорама, которая образуется длиннымъ рядомъ живописныхъ возвышеній и долинъ, служащихъ подножіемъ первопрестольному городу Россіи».

Очевидно, чувства стараго кіевлянина раздѣлялъ и покойный К. Д. Ушинскій, извѣстный всей Россіи своими педагогическими трудами. Еще при жизни онъ завѣщалъ своей семьѣ, чтобы его похоронили въ Выдубицкомъ монастырѣ. Тамъ и покоится онъ на прекрасномъ кладбищѣ обители, подъ тѣнью высокаго, трепетолистнаго явора. Туда приходятъ поклониться его праху тысячи учениковъ, воспитанныхъ на его *Родномъ Словѣ* и *Дѣтскомъ Мірѣ*.

Подобно Выдубицкому монастырю и Межигорье, одно изъ прелестнѣйшихъ урочищъ близъ Кіева, лежитъ невдалекѣ отъ Днѣпра въ глубокой прибрежной долинѣ, поросшей лѣсомъ. Межигорье расположено въ четырехъ верстахъ отъ Вышгорода и въ 18 верстахъ на сѣверъ отъ Кіева-Подола. Въ этой мѣстности построенъ былъ въ концѣ XIV вѣка монастырь Межигорскій, или какъ его называли, обитель «Межигорскаго Спаса», отъ древней церкви Бѣлаго Спаса, по преданію, будто бы построенной еще Андреемъ Боголюбскимъ. Исторія монастыря, между началомъ XVI вѣка и концомъ XVII, представляетъ живую и яркую стра-

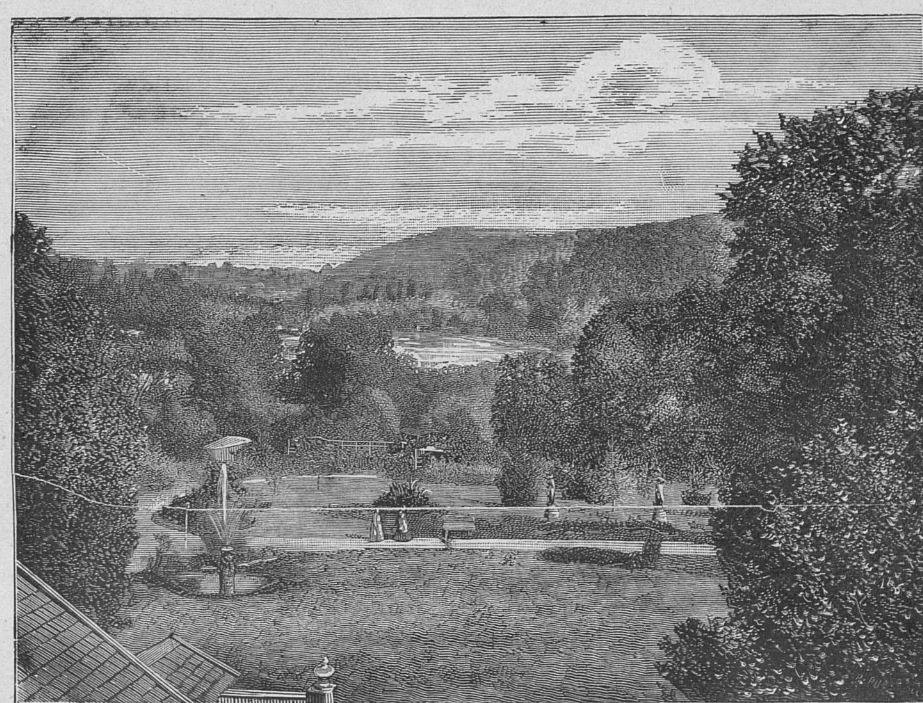
ницу въ исторіи борьбы разнородныхъ и разноплеменныхъ элементовъ, которая такъ страшно кипѣла и пылала въ этотъ періодъ на нашемъ горизонтѣ. Въ началѣ XVI вѣка, мы видимъ монастырь богатымъ, владѣющимъ обширными имѣніями и угодьями, видимъ его подъ защитою королей польскихъ и подъ великимъ покровительствомъ магнатовъ, проживающихъ на Волыни и въ Кіевской области. Затѣмъ начинается борьба православной Малороссіи съ уніею, страшныя казацкія войны розыгрываются во всей степи, выражая негодованіе народа, угнетаемаго въ самыхъ дорогихъ, самыхъ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ. Въ 1592 году, казаки бурнымъ потокомъ ворвались въ Межигорскій монастырь, убили игумена, избили братію, ограбили келіи монастырскія, сорвали и втоптали въ грязь хранившіеся въ монастырской церкви универсалы королей польскихъ и жалованныя грамоты усердныхъ жертвователей... Затѣмъ, послѣ безплодной борьбы со стороны православныхъ, унія торжествуетъ и Межигорская обитель терпитъ въ свою очередь отъ нея крайнее разореніе и поношеніе. Только послѣ того, какъ цари московскіе приняли несчастную Малороссію подъ свою «высокую руку» и весь край сталъ дышать свободнѣе, стала мало-по-малу оправляться и Межигорская обитель. Вновь потекли сюда пожертвованія, вновь стали стекаться иноки и богомольцы и слава монастыря стала быстро возрастать. Когда, напримѣръ, въ 1672 году, запорожцы отправили въ Москву посольство для переговоровъ о принятіи ими подданства Россіи, они одновременно послали своихъ выборныхъ и въ Межигорскій монастырь, предлагая настоятелямъ его считать обитель *войсковою* обителью войска запорожскаго, съ тѣмъ, чтобы монастырь посылалъ постоянно изъ числа своихъ иноковъ священнослужителей въ Сѣчевую церковь, и принялъ въ свое завѣдываніе *войсковой гошпиталь*, для содержанія въ немъ нищихъ, калѣкъ и увѣчныхъ, изъ числа запорожцевъ, на счетъ самой Сѣчи. Въ возмездіе за эти услуги, Сѣчь обязывалась быть постоянно *подпоріею* (приходомъ) Межигорской обители и *ктиторомъ* ея. Соглашеніе состоялось; гошпиталь былъ немедленно устроенъ въ Межигорьи и съ этого времени запорожцы до самаго конца Сѣчи принимали у себя духовенство только изъ Межигорской обители. Между Сѣчею и Межигорьемъ устанавливается мало-по-малу неразрывная связь. «Монастырь Межигорскій»—по очень мѣткому замѣчанію одного бытописателя этой обители—выдвигается въ общественномъ мнѣніи, какъ религіозный центръ всего казачества, какъ предстатель предъ Богомъ за грѣшную душу казацкую, переполненную прегрѣшеніями въ безплодной отвагѣ и широкой волѣ, чуждыхъ остальному населенію. Каждый казакъ считаетъ долгомъ своимъ хоть разъ въ жизни поклониться Спасу-Межигорскому. 1670 — 1700 годы были для Межигорья временемъ наибольшей славы, а вмѣстѣ—и временемъ частыхъ пожертвованій. Акты, которыми поклонними закрѣпляли за нимъ свои приношенія, передаютъ со всею неподдѣльностью это благоговѣніе къ нему казачества. Многіе запорожцы, покидая свою разгульную жизнь, приходили сюда и, послѣ цѣлой эпопеи подвиговъ и приключеній, вступали въ ряды «Христова воинства».

При Петрѣ, во время той опалы, которой справедливо подверглись отъ него запорожцы, связи монастыря съ Сѣчею пошатнулись и не возстановлялись болѣе въ прежнемъ видѣ. Обитель окончательно пришла въ упадокъ около половины XVIII вѣка; въ довершеніе же всего въ 1787 году страшный пожаръ истребилъ ее до тла! Братія разбрелась по другимъ монастырямъ, и обитель не возобновлялась до 1860 года.

На мѣстѣ обители, въ царствованіе императора Павла, явилась казенная фабрика фарфоровыхъ издѣлій, такъ какъ близъ Межигорска была открыта фарфоровая и фаянсовая глина. Фабрика просуществовала почти полъ-вѣка, принесши казнѣ громадные убытки и обогативъ только тѣхъ нѣмцевъ-управляющихъ, которые сумѣли изъ фарфоровой глины создать себѣ превосходно-обезпеченныя мѣста, безконечные доходы... Наконецъ, въ началѣ царствованія въ Бозѣ почившаго императора Александра II, фабрика прекратила свое существованіе и на мѣстѣ ея опять возсталъ изъ развалинъ нѣкогда славный монастырь Межи-

горскій, но уже въ видѣ небольшой, бѣдной обители, ограниченной въ своихъ скудныхъ средствахъ и подчиненной вѣдѣнію настоятелей Кіево-Печерской лавры.

Собственно говоря, только со времени перехода Кіева къ Россіи и начинается исторія города, въ смыслѣ постепеннаго расширенія, украшенія его и улучшенія условій городского быта. Даже и при русскихъ воеводахъ Кіевъ все еще продолжалъ быть городомъ бѣднымъ и грязнымъ. Старый Кіевъ былъ весь обнесенъ высокими земляными валами, а потомъ окопанъ рвомъ и огражденъ деревянною стѣною съ башнями. Но уже со временъ Петра и основанія имъ Кіевской крѣпости, городъ сталъ болѣе возрастать, и затѣмъ въ теченіе восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка, по-очередно видѣлъ въ стѣнахъ своихъ почти всѣхъ русскихъ царей и царицъ, которые, пріѣзжая поклониться Кіевскимъ сватынямъ, въ то же время, при каждомъ пріѣздѣ своемъ, даровали городу новыя права, улучшившія матеріальное положеніе



Вилла Селецкаго близъ Кіева.

гражданъ, и обогащали кіевскія церкви и монастыри своими щедрыми вкладами. Императрица Елизавета Петровна, при посѣщеніи ею Кіева, такъ плѣнилась этимъ городомъ, что приказала выстроить въ немъ дворецъ и около дворца развести садъ (нынѣшній Царскій).

Докторъ медицины, Іоаннъ Лерхе, очевидецъ страшныхъ бѣдствій моровага повѣтрія въ Кіевѣ, въ 1770 году, оставилъ намъ въ дневникѣ весьма любопытное описаніе этого Елизаветинскаго дворца, въ которомъ вѣроятно потомъ, при проѣздѣ, останавливались всѣ особы императорской фамиліи (до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія), при ихъ проѣздѣ черезъ Кіевъ.

«Въ концѣ Печерскаго предмѣстья,—пишетъ г. Лерхе,—находится по причинѣ глубокаго буерака или долины, узкая дорога (Крещатицкая); но ея нельзя миновать, потому что она собою соединяетъ всѣ три города. Коль скоро поднимаешься по ней, то увидишь площадь, съ полверсты величиною, и на ней великій и красивый императорскій дворецъ, на камен-

номъ фундаментѣ, выстроенный по повелѣнію императрицы Елизаветы; позади этого дворца разведенъ прекрасный садъ, въ верхней части коего находятся аллеи; потомъ должно по многимъ ступенямъ спуститься внизъ, до двухъ оранжерей виноградника. Здѣсь великое множество плодовитыхъ деревьевъ. Къ концу сада опять поднимаешься на гору, съ которой видѣнъ весь Подолъ. Садъ этотъ есть почти единственное во всемъ городѣ гулянье для горожанъ».

Въ 1780 году, Кіевъ принималъ другого высокаго гостя, императора австрійскаго Іосифа II, инкогнито путешествовавшаго по Россіи, подъ именемъ графа Фалькенштейна, а потому и не принявшаго никакихъ торжественныхъ встрѣчъ и овацій. Но тѣмъ блистательнѣе были пріемы и встрѣчи, устроенныя кіевлянами наслѣднику престола, великому князю Павлу Петровичу, въ 1781 году, проѣзжавшему вмѣстѣ съ супругою своею за границу, и затѣмъ, въ 1787 году, императрицѣ Екатеринѣ II, во время ея знаменитаго путешествія по Россіи.

Ко времени пріѣзда императрицы, въ городѣ не только были сдѣланы чрезвычайно оригинальныя и затѣйливыя приготовленія, но и со всѣхъ концовъ юго-западнаго края съѣхались всѣ богатѣйшіе польскіе магнаты, желавшіе засвидѣтельствовать государынѣ свои вѣрноподданническія чувства. Каждый изъ нихъ пріѣхалъ въ сопровожденіи огромнѣйшей свиты въ сто и даже въ двѣсти человѣкъ, со своими оркестрами, гайдуками, псарнями и собаками. Блестящая свита, шпалеры войскъ и горожанъ, пушечная пальба и колокольный звонъ, тріумфальныя арки и громкая музыка, яркое и разнообразное освѣщеніе города,—все было, конечно, пущено въ ходъ, чтобы выказать государынѣ радость встрѣчающаго ее кіевскаго населенія. Но и сверхъ этой обыденной обстановки всякихъ торжественныхъ встрѣчъ, происходившихъ когда бы то ни было, въ описываемой нами встрѣчѣ императрицы Екатерины кіевлянами было нѣсколько чрезвычайно оригинальныхъ чертъ, достойныхъ упоминанія. На огромной площади передъ Печерскою крѣпостью, у тріумфальныхъ воротъ, государыню встрѣтилъ губернаторъ, всѣ высшіе чиновники присутственныхъ мѣстъ, дворянство и землевладѣльцы. Здѣсь же находились и женщицы, и дѣвицы мѣщанскаго и купеческаго состоянія. У каждой изъ нихъ было по корзинѣ съ цвѣтами, коими они устилали путь императрицы; а всѣхъ было женщинъ собрано до 300. На куртагѣ, въ пріемныхъ покояхъ императрицы, въ одинъ изъ первыхъ дней ея пребыванія, присутствовали многіе изъ кіевскихъ горожанъ, и въ томъ числѣ три армянина въ платьяхъ ихъ покроя. Балъ открытъ былъ полонезомъ; затѣмъ танцовали менуэты, кадрили и одинъ разъ *казачка*.

Два дня сряду были богатѣйшія празднества у графа Румянцева. Фейерверкъ, сожженный на одномъ изъ нихъ, обошелся въ 10—15,000 рублей. Затѣмъ въ маскарадѣ у графа, къ которому допускались лица не ниже бригадирскаго чина, весь генералитетъ встрѣтилъ государыню на парадномъ крыльцѣ, «въ черныхъ, розовыхъ и орѣховыхъ епанчахъ, безъ масокъ». Сама государыня была въ женскомъ карасирскомъ мундирѣ.

Наконецъ, 11-го апрѣля государыня удостоила своимъ посѣщеніемъ Подолъ, гдѣ въ зданіи магистрата общество купцовъ и мѣщанъ кіевскихъ имѣло счастіе угостить государыню обѣдомъ. Отъ дворца на Подолъ государыню провожала почетная свита изъ выборныхъ молодыхъ мѣщанъ, «особенно на такой случай назначенныхъ въ богатомъ уборѣ и на хорошихъ лошадяхъ, а пѣшіе со всѣми цехами и знаками стояли по обѣ стороны улицы шпалерою». Студенты же Кіево-Братскаго монастыря стояли рядами на улицѣ, около монастырской стѣны, и «со знаками въ рукахъ стоя пѣли, во время проѣзда государыни, концертъ».

Посѣщеніе Екатериною Кіева и ея, почти 3-хъ мѣсячное, пребываніе въ немъ, послужили къ великой пользѣ города. Не говоря уже о тѣхъ милостяхъ и крупныхъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, которыя щедро пролились на кіевлянъ, на церкви и монастыри кіевскіе, самымъ важнымъ послѣдствіемъ пребыванія императрицы въ Кіевѣ было то, что ею былъ здѣсь утвержденъ *первый правильный планъ города*, составленный артиллеріи-генераломъ Миллеромъ и

графомъ Шуваловымъ. Затѣмъ, въ 1797 году образована Кіевская губернія въ ея настоящемъ составѣ и Кіевъ назначенъ губернскимъ городомъ.

Въ 1811 году Кіевъ былъ постигнутъ страшнымъ бѣдствіемъ, которое однакоже имѣло для города благодѣтельнѣйшія послѣдствія. Страшный пожаръ опустошилъ весь городъ и тѣмъ самымъ «способствовалъ много къ украшенію Кіева». Старыя лачуги исчезли и не выстроены вновь; вмѣсто ихъ стали возникать болѣе стройныя зданія и въ болѣе правильномъ порядкѣ.

Особенно же много было сдѣлано для города и его правильнаго устройства императоромъ Николаемъ I, который, съ 1830 года, приказалъ произвести весьма важныя сооруженія въ различныхъ частяхъ города и сталъ способствовать перестройкѣ города по весьма разумному и хорошо обдуманному плану. Перестройка Кіева, проведеніе въ немъ новыхъ улицъ, укрѣпленіе прибрежныхъ холмовъ и береговъ Днѣпра происходили въ теченіе слишкомъ 30-ти лѣтъ и закончились только въ царствованіе императора Александра II, при которомъ Кіевъ, сдѣлавшись главнымъ центромъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, окончательно принялъ свою нынѣшнюю блистательную внѣшность.

Въ заключеніе необходимо добавить нѣсколько словъ о Кіевской губерніи, для которой Кіевъ служитъ административнымъ, промышленнымъ и торговымъ центромъ. Кіевская губернія состоитъ изъ двѣнадцати уѣздовъ, изъ которыхъ ближайшій къ Кіеву—Васильковскій, а отдаленнѣйшій—Черкасскій. Почва во всѣхъ уѣздахъ, особенно въ южныхъ, благодатная на столько, что кортофель на поляхъ родится безъ удобренія. Но хлѣбопашество, въ собственномъ смыслѣ слова, гораздо менѣе обращаетъ на себя вниманіе жителей, нежели разведеніе табака и бѣлой сахарной свекловицы, которые хотя и пересажены сюда изъ болѣе южныхъ мѣстностей, но принялись здѣсь хорошо и произрастаютъ успѣшно. Точно также мало занимаются жители Кіевской губерніи и огородничествомъ, хотя всѣ виды огородныхъ овощей растутъ и вызрѣваютъ здѣсь превосходно: арбузы, дыни, баклажаны, цвѣтная капуста, порей, макъ и т. д. Гораздо болѣе занимаются жители Кіевской губерніи садоводствомъ, которымъ издревле славится Кіевъ и ближайшія, прилегающія къ нему мѣстности. Превосходно родятся здѣсь груши, вишни, черешни и сливы самыхъ разнообразныхъ сортовъ; ягоды кіевскія—малина, смородина, клубника, крыжовникъ и кизиль—славятся своимъ ароматнымъ вкусомъ. Многія фруктовыя деревья и ягодные кустарники растутъ около Кіева въ дикомъ состояніи (груша, вишня, черешня, малина, смородина), и хотя плоды ихъ мелки, но вкусны. Обиліе ягодъ и плодовъ произвело даже цѣлый особый промыселъ—приготовленіе кіевскаго сухого варенья. Кстати замѣтимъ, что этотъ промыселъ ведетъ начало отъ конца прошлаго столѣтія, когда, послѣ посѣщенія Кіева императрицею Екатериною, ея кондитеръ Больи, вынужденный болѣзнью къ продолжительному пребыванію въ Кіевѣ, научилъ кіевскихъ горожанъ по своему особому способу приготовленію сушеныхъ фруктовъ. Любопытно то, что секретъ приготовленія этихъ сухихъ фруктовъ довольно долгое время держался въ немногихъ мѣщанскихъ семьяхъ, передавался отъ отца сыну и отъ матери дочерямъ и послужилъ къ обогощенію многихъ, занимавшихся этою прибыльною торговлею.

Древесная растительность въ Кіевѣ тоже очень разнообразна. Наша сѣверная береза составляетъ здѣсь большую рѣдкость, хотя еще и попадается въ сѣверныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи. Но зато въ изобиліи всюду растетъ грабъ, вязъ, дубъ, липа, кленъ и черноклень, ясень, рябина, черемуха; особенную красоту кіевскому пейзажу придаетъ пиромидальный тополь, которымъ обсаживаютъ аллеи и дороги. Изъ болѣе нѣжныхъ южныхъ древесныхъ породъ здѣсь попадаются, но не въ изобиліи, шелковица, волошскій (грецкій) орѣхъ и бѣлая акація.

Ископаемыя богатства Кіевской губерніи не значительны и состоятъ почти исключительно изъ различныхъ сортовъ глины, краснаго шифера и различныхъ сортовъ цвѣтныхъ песковъ. Мѣстами, особенно въ ключахъ, которыми такъ изобилуетъ кіевская почва, попадаются

признаки присутствіи желѣзной руды, но она добывается до сихъ поръ еще въ весьма незначительномъ количествѣ. Зато кіевская глина славится своимъ превосходнымъ качествомъ и даетъ кирпичъ, совершенно не пропускающій никакой сырости. Есть и горшечная, и фаянсовая глина, и чистая фарфоровая—подъ самымъ Кіевомъ, но до сихъ поръ еще разработкою этихъ богатствъ никто не былъ занятъ серьезно.

Громадное преобладаніе свеклосахарной промышленности надъ всѣми остальными отраслями сельскаго хозяйства, составляющее одну изъ отличительныхъ сторонъ нашего Юго-Запада, привлекаетъ къ дѣятельности наибольшую массу мѣстнаго населенія и выражается крупною цифрою милліоновъ берковцевъ добываемой свекловицы и сотнею заводовъ, вырабатывающихъ и рафинирующихъ сахаръ. Послѣ свеклосахарной промышленности первое мѣсто, по значенію и качеству вырабатываемаго продукта, занимаютъ заводы винокуренные. Гораздо менѣе извѣстно, конечно, что въ Кіевской губерніи пчеловодство и шелководство составляютъ весьма видные предметы сбыта, въ особенности первое. Пчеловодство распространено во всей губерніи повсемѣстно, но особенно въ Липовецкомъ уѣздѣ, гдѣ находятся цѣлыя рощи липы; пасѣки въ 200, 300, 400 и даже 2000 ульевъ не составляютъ особенной рѣдкости. Шелководство сосредоточивается преимущественно въ Кіевскомъ уѣздѣ и развивается весьма туго, хотя введено было въ Кіевѣ еще при Петрѣ Великомъ и потомъ распространялось и поощрялось въ казенныхъ селеніяхъ; но нельзя отрицать, что и этотъ промыселъ, среди благодатной природы Кіевской губерніи, можетъ имѣть хорошую будущность.

П. Н. Полевой.

ОЧЕРКЪ VII.

ЗАДНѢПРОВСКАЯ УКРАИНА.

Остальные народы по правую сторону Днѣпра. — Важнѣйшіе города Подольской, Волынской и Кіевской губерній.

Залился, взлетая къ небу,
Жаворонокъ звонкой:
И кукушка гдѣ-то стала
Куковать сторонкой,
Соловей запѣлъ, защелкалъ...
Мѣсяцъ потухаетъ;
Зорька рдѣетъ за горою,
Пахарь попѣваетъ.
Лѣсъ чернѣетъ за горою,
Гдѣ враги ходили —
Засыпали длиннымъ рядомъ
Надъ Днѣпромъ могилы.

ШЕВЧЕНКО.

Въ составъ той полосы юго-западной Россіи, которую прежде называли «Заднѣпровскою Украиною», входятъ губерніи Кіевская, Волынская и Подольская. Каждая изъ этихъ губерній имѣетъ свои существенныя особенности.

Польскій историкъ Пясецкій разсказываетъ, что когда въ 1621 году, подъ стѣнами Каменецъ-Подольска появилось турецкое войско подъ предводительствомъ султана Османа, султанъ, видя невозможность взять Каменецъ, обратился къ великому визирю съ вопросомъ:

— Кто построилъ эту крѣпость?

— Самъ Богъ создалъ эту твердыню изъ скалъ,—отвѣтилъ визирь.

— Тогда пусть Онъ самъ и возьметъ ее, если Ему это угодно!—сказалъ султанъ и вслѣдъ затѣмъ приказалъ начать отступленіе.

Тѣмъ не менѣе, спустя пятьдесятъ лѣтъ, «твердыня изъ скалъ» очутилась въ рукахъ турокъ.

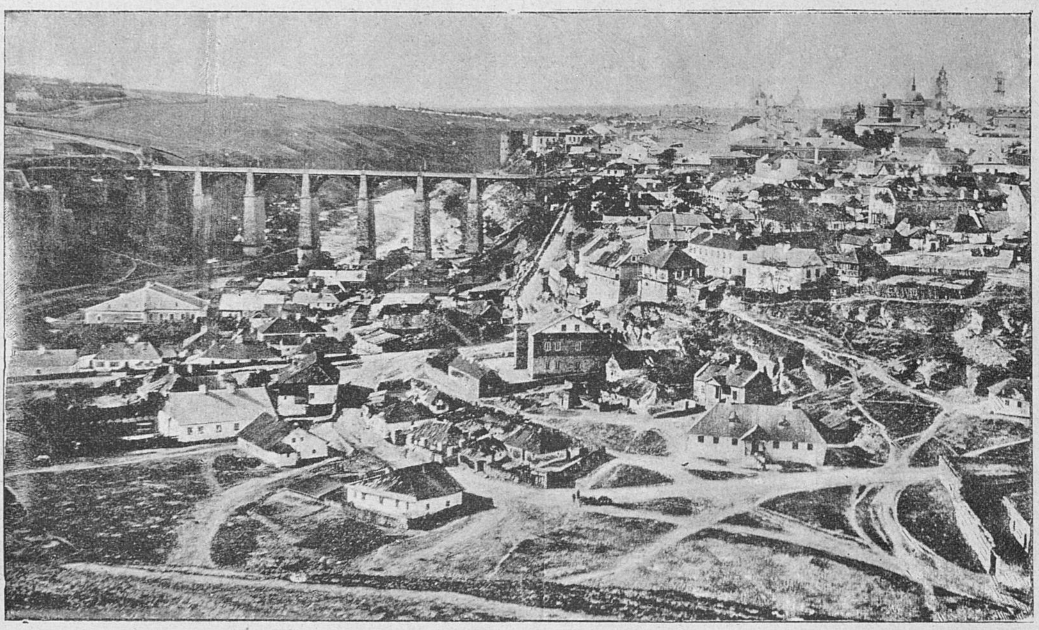
Вообще исторія Каменца очень богата историческими фактами.

Нѣкоторые ученые изыскатели древности полагаютъ, что Каменецъ есть какъ бы продолженіе древняго, основаннаго еще даками, города, называвшагося Клепидава или Петродава. Такое предположеніе можетъ считаться правдоподобнымъ, такъ какъ въ послѣднемъ изъ указанныхъ названій звучитъ греческое слово «πέτρος», означающее камень, а отъ этого то

слова произошло позднѣйшее названіе — Каменецъ, такъ что оба названія, по ихъ сущности, могутъ имѣть одинаковый смыслъ.

Въ XII столѣтіи Каменецъ входилъ въ составъ княжества Галицкаго. Въ 1196 году князь Мстиславъ Мстиславовичъ, сынъ Мстислава Храбраго, взялъ въ плѣнъ множество людей въ окрестностяхъ Каменца, который, спустя 24 года, перешелъ подъ непосредственную власть Даніила Романовича, князя галицкаго. Въ 1199 году половецкій ханъ Котянъ, въ союзѣ съ князьями черниговскимъ, сѣверскимъ и туровскимъ, а также и венгерскимъ королевичемъ Адріаномъ, осаждалъ Каменецъ, но осада эта была неудачна. Въ 1239 году Каменецъ былъ взятъ великимъ княземъ Ярославомъ владимірскимъ и вскорѣ послѣ того испыталъ всѣ ужасы татарскаго нашествія.

Великій князь литовскій Гедиминъ, покоривъ своей власти Каменецъ, предоставилъ своимъ внукамъ, Юрію, Александру, Константину и Ѳедору Коріатовичамъ, въ управленіе этотъ городъ и всю Подольскую землю. Измѣна одного изъ нихъ, Ѳедора, дядѣ своему Ольгерду, по-



Общій видъ Каменецъ-Подольска

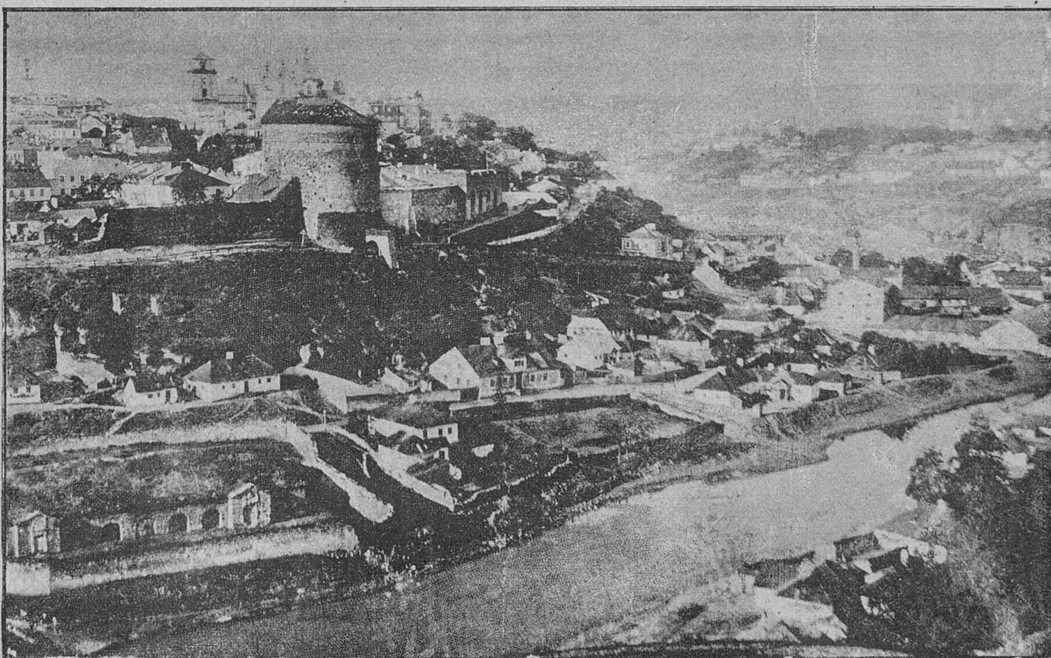
влекла взятіе Каменца литовцами, и Коріатовичи были лишены прежней власти, которая, однако, была въ 1374 году возвращена одному изъ нихъ, Александру, давшему Каменцу разныя привилегіи и освободившему тамошнихъ жителей на двадцать лѣтъ отъ платежа всякихъ налоговъ. Вообще правленіе Коріатовичей было счастливою порою для всей Подоліи, а также и для Каменца, которому они дозволяли судиться своимъ правомъ чрезъ избранныхъ жителями судей—райцевъ. На потребности и обстройку Каменца они назначили опредѣленную часть городскихъ доходовъ и вообще предоставили горожанамъ полное самоуправленіе, требуя только, чтобы войты и мѣщане помогали имъ, Коріатовичамъ, «дѣломъ, словомъ и желаніемъ».

Въ XV столѣтіи онъ находился въ залогѣ у одного знатнаго и богатаго въ ту пору рода Бучацскихъ, и въ 1463 году польскій сеймъ отправилъ на Подоль посольство, которому было поручено выкупить городъ, обвести его каменными стѣнами и вообще укрѣпить его. Такъ какъ въ ту пору въ королевской казнѣ не было достаточно денегъ на всѣ эти расходы, то подольская шляхта обязалась дать отъ себя на выкупъ и укрѣпленіе города по коровѣ съ каж-

даго лана земли и съ каждаго кметя. Такимъ образомъ Каменецъ былъ выкупленъ, и съ тѣхъ поръ короли стали жаловать ему разныя привилегіи.

Вслѣдствіе же своего пограничнаго положенія, Каменецъ безпрестанно подвергался непріятельскимъ нападеніямъ. Въ 1474 году его пытались взять татары, но безуспѣшно. Въ 1478 годут урки осадили его, но подоспѣвшіе поляки освободили осажденный городъ. Въ 1500 году осадилъ его валашскій господарь Богданъ, но былъ разбитъ поляками на голову. Въ 1516 году папа Левъ X удѣлилъ часть милостыни, раздаваемой отъ папскаго престола, на построеніе въ Каменцѣ крѣпостныхъ стѣнъ. Вѣроятно, поэтому и донынѣ на одной изъ башенъ тамошняго крѣпостнаго замка находится изображеніе тіары, съ епископскими шапками, жезлами, крестами, чашами и другими символами римско-католической церкви.

Въ 1528 году къ Каменцу подступили татары, но они потерпѣли отъ поляковъ сильное пораженіе, а послѣ того король Стефанъ Баторій еще болѣе укрѣпилъ городъ, который съ



Общій видъ Каменецъ-Подольска.

этихъ поръ сталъ считаться главною юго-восточною твердыней и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ турокъ и татаръ. Въ продолженіе почти ста лѣтъ никакой непріятель не тревожилъ спокойствія жителей Каменца, но въ XVII столѣтіи городъ этотъ испыталъ немало бѣдствій.

Какъ было сказано уже, въ 1621 году подъ стѣнами Каменца явился султанъ Османъ съ пятидесяти-тысячнымъ войскомъ и многочисленною артиллеріею, которая пускала въ городъ громадныя каменныя ядра. Но такъ какъ турецкія пушки были разставлены въ дальнемъ отъ крѣпости разстояніи, то метаемые изъ нихъ губительные снаряды не причиняли ожидаемаго вреда, не долетая до крѣпости. Приступы же турокъ были постоянно отбиваемы отчаянными вылазками осажденныхъ.

Въ 1633 году турки снова, подъ начальствомъ Аббаса-паши, вторглись въ Подолію и осадили Каменецъ 20-го октября, но гетманъ Конецпольскій разбилъ и прогналъ ихъ.

Въ 1651 году надвинулась на Каменецъ гроза съ другой стороны: его осадили 100,000 казаковъ, подъ предводительствомъ малороссійскаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Защитни-

комъ Каменца явился теперь комендантъ его, Петръ Потоцкій. Казаки, однако, имѣя въ виду повести войну съ поляками въ другомъ мѣстѣ, ушли изъ подъ Каменца, не пытаясь брать его ни осадою, ни приступомъ. Въ слѣдующемъ году, но безъ всякихъ послѣдствій, угрожалъ Каменцу сынъ Богдана, Тимоѳей Хмѣльницкій, но и онъ отступилъ, находя нужнымъ поспѣшить на помощь казакамъ въ другомъ мѣстѣ. По смерти Богдана, часть казаковъ, съ гетманомъ Выговскимъ во главѣ, перешла на сторону Польши, а большая часть—съ другимъ гетманомъ, Дорошенко—поддалась Турціи, вслѣдствіе чего султанъ Махмуъ IV объявилъ войну Польшѣ, и великій визирь Кіуприли осадилъ Каменецъ 18 сентября 1672 года. Собравшіяся въ крѣпости женщины просили коменданта Николая Потоцкаго сдать городъ туркамъ, надѣясь, что они пощадятъ жизнь добровольно покорившихся обывателей, и Потоцкій исполнилъ эту



Крѣпость въ Каменецъ-Подольскѣ.

просьбу. Тогда султанъ торжественно въѣхалъ верхомъ на конѣ въ каменецкій каѳедральный католическій соборъ, подобно тому, какъ въѣхалъ Магометъ II въ храмъ св. Софіи по взятіи Константинополя. Послѣ паденія Каменца этотъ городъ, по Бучацкому договору, съ частію Подоліи перешелъ въ руки турокъ, которые и владѣли имъ до 1699 года, когда онъ снова, по Карловицкому миру, былъ отданъ Польшѣ. Король Станиславъ-Августъ приказалъ въ 1766 году возобновить полуразрушенныя стѣны Каменца и снабдить крѣпость хорошею артиллеріей, но польское правительство, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, не успѣло привести въ исполненіе этого распоряженія, а въ 1793 году Каменецъ перешелъ подъ власть Россіи.

Двадцати-семилѣтнее владычество турокъ въ Каменцѣ оставило не мало слѣдовъ. Турки ограбили всѣ христіанскіе храмы, захвативъ тамъ множество золота, серебра и разныхъ драгоцѣнныхъ камней. Они обратили каѳедральный соборъ Петра и Павла и другія церкви въ

мечети, а иныя въ конюшни; монастыри—въ казармы и склады для оружія и разныхъ запасовъ. Иные храмы были разрушены ими во время бомбардированія и по вступленіи уже турокъ въ городъ. Вообще же изъ 27 зданій, посвященныхъ въ Каменцѣ для богослуженія по христіанскимъ обрядамъ, они оставили только 3, но и съ этихъ храмовъ были сняты кресты и колокола. Шляхта, жившая въ Каменцѣ и въ той части Подоліи, которая перешла подъ власть турокъ, удалилась въ польскія области, и сеймъ назначилъ ей по 20,000 злотыхъ ежегодно. Сдача Каменца туркамъ поразила поляковъ страшнымъ горемъ. Возникли толки объ измѣнѣ Потоцкаго. Онъ былъ преданъ суду, который однако оправдалъ его, въ виду того,



Видъ на Каменецъ-Подольскъ изъ-за моста.

что за плохими укрѣпленіями Каменца, не имѣвшими хорошихъ пушкарей, находилось только 2,000 гарнизона, тогда какъ силы турокъ простирались до 300,000 человѣкъ.

Поляки три раза пытались отнять Каменецъ у турокъ, но всѣ эти попытки остались безполезны. Курфирстъ саксонскій, вступивши на польскій престолъ подъ именемъ Августа II, далъ торжественный обѣтъ, что возвратитъ Каменецъ Рѣчи Посполитой, употребивъ для этого свои саксонскія войска. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1698 года 20,000 саксонцевъ пришли къ Каменцу на помощь литовско-польскому войску. Но прежде, чѣмъ поляки и саксонцы могли что-нибудь сдѣлать, былъ заключенъ въ Карловицѣ миръ съ турками, по которому Каменецъ былъ возвращенъ Польшѣ.

При польскомъ правительствѣ Каменецъ былъ мѣстомъ ссылки преступниковъ въ каторжныя работы. Въ 1798 году въ Каменцѣ учреждена православная епархія, епископъ которой именуется подольскимъ и брацлавскимъ.

Каменецъ лежитъ подъ 48° 41′ с. ш. и 44° 14′ в. д., при р. Смотричѣ, теченіе которой вокругъ города образуетъ полуостровъ. На этомъ полуостровѣ, на высокой, каменной горѣ и расположенъ собственно городъ. Съ правой и лѣвой сторонъ, на сѣверѣ и югѣ, его окружаютъ фольварки, раскинувшіеся на зеленѣющихъ лѣтомъ холмахъ, такъ что видъ города очень живописенъ, хотя мутно-желтый цвѣтъ рѣки Смотрича уменьшаетъ общую красоту ландшафта. На западѣ, противъ города, на возвышенномъ утесѣ находится старинной по-



Народная школа въ Каменецъ-Подольскѣ.

стройки крѣпость, которая соединяется съ городомъ мостомъ, тоже старинной постройки, перекинутымъ черезъ одинъ изъ изгибовъ Смотрича. Такимъ образомъ, Каменецъ состоитъ какъ бы изъ четырехъ особыхъ частей, раздѣляемыхъ между собою рѣчкою и глубокимъ оврагомъ. Части эти суть: Польскій и Русскій фольварки, Бѣлановка и собственно городъ, къ которому примыкаютъ небольшіе выселки или предмѣстья.

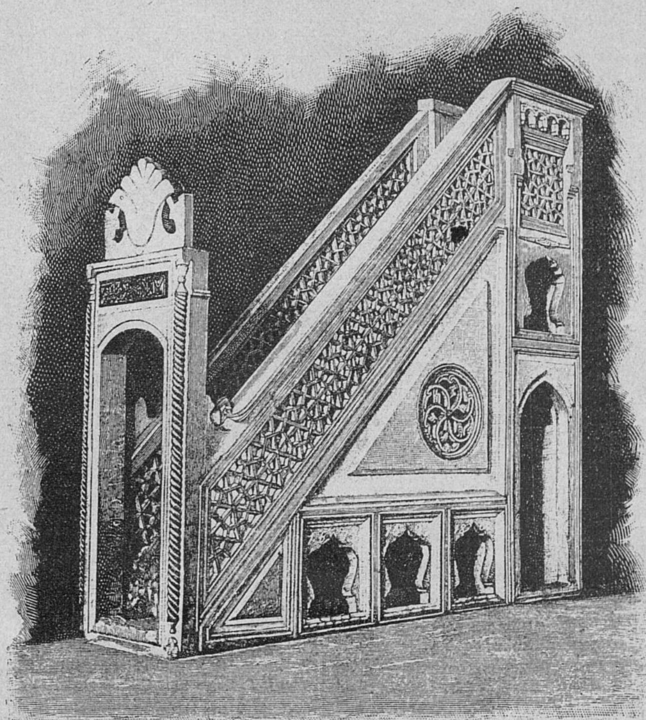
Торговля въ Каменцѣ находится преимущественно въ рукахъ евреевъ, которые, поселившись въ городѣ, оттѣснили армянъ отъ торговыхъ дѣлъ. Близость границъ австрійской и румынской въ значительной степени содѣйствуютъ контрабандному промыслу. Нѣсколько каменецкихъ купцовъ производятъ торговлю зерновымъ хлѣбомъ и лѣсомъ, но эта торговля не

представляетъ ничего замѣчательнаго. Хотя здѣсь и учреждены три ярмарки, но на дѣлѣ онѣ вовсе не существуютъ, а бываютъ только ничтожные базары.

Ремесленная промышленность не представляетъ ничего особеннаго и только въ состояніи, да и то въ весьма скромныхъ размѣрахъ, удовлетворять мѣстныя потребности.

Каменецъ-Подольскъ—губернскій городъ Подольской губерніи, или такъ-называемой «Подоліи». Мы начали съ этого именно города потому, что по его сложнымъ превращеніямъ не трудно судить о бурной судьбѣ Подоліи, этого богатѣйшаго края, который въ старину назывался «*золотою землею*».

Въ былую пору Подолія славилась избыткомъ домашняго скота, дикихъ звѣрей и пернатыхъ. Польскій историкъ Стрыйковскій разсказываетъ, что въ тамошнихъ лѣсахъ водились зубры, олени, дикія козы, дикія лошади и бобры. Нынѣ, однако, стало не то, по мѣрѣ увеличенія населенія: нѣкоторыя породы звѣрей не только сократились по своей численности, но и совершенно перевелись. Даже волки, лисицы и зайцы попадаются теперь гораздо рѣже, нежели въ былое, хотя еще и не столь отдаленное, время.



Турецкій амвонъ въ Каменецъ-Подольскѣ.

Домашнія животныя водились также въ чрезвычайномъ изобиліи и славились своими отличными качествами. Въ лѣтописяхъ сохраняются извѣстія о томъ, что татары угоняли изъ Подоліи громадные табуны и стада. Такъ въ 1575 году они увели отсюда 150,000 лошадей, 500,000 головъ рогатаго скота и 200,000 овецъ. Числа эти выставляетъ, современный этому разгрому, польскій лѣтописецъ Бѣльскій, и хотя ихъ нельзя принять съ несомнѣнною точностію, но все-же можно считать приблизительно вѣрными, судя по показанію двухъ источниковъ, безъ позаимствованія у Бѣльскаго. Особенно славились на Подоліи «волы-круторогии», о которыхъ и теперь сохраняется память въ народныхъ пѣсняхъ. Водилось на Подоліи множество овецъ; ихъ разводятъ и теперь, при чемъ рѣдко не встрѣчается въ большомъ стадѣ нѣсколько превосходныхъ мериносовъ.

Въ многочисленныхъ рѣкахъ Подольской губерніи водятся пеструшка или форель, которую, какъ полагаютъ развели въ этихъ мѣстахъ іезуиты, стерлядь (только въ Днѣстрѣ), щука, карпъ, окунь, линь, карась, сомъ, марена, плотва и т. д. Судя по лѣтописнымъ сдѣдѣніямъ, нѣкоторыя породы рыбъ перевелись здѣсь точно такъ же, какъ и породы нѣкоторыхъ животныхъ.

Изъ пернатыхъ водились здѣсь черные орлы, а теперь остались только сѣрые. Вообще же здѣсь водятся всѣ породы птицъ, свойственныя той полосѣ Европы, въ которой лежитъ Подолія. Изъ домашнихъ птицъ разводятъ, кромѣ куръ, самыхъ разнообразныхъ породъ, преимущественно утокъ и гусей.

Изъ насѣкомыхъ, полезныхъ въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніяхъ, кромѣ пчелъ, водится еще шелковичный червь, преимущественно въ приднѣстровскихъ мѣстностяхъ.

Городская жизнь въ Подоліи возникла съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Одинъ изъ латино-нѣмецкихъ лѣтописцевъ говоритъ: «Unlizi (уличи—древніе обитатели Подоліи сваванскаго племени) populus multus civitates 318», т.-е. «уличи—многочисленный народъ, у нихъ 318 городовъ». Несторъ также упоминаетъ о «градѣхъ» уличей, какъ объ особенности ихъ страны.

Около половины XIII вѣка одинъ Батый разрушилъ на Подоліи до 13 укрѣпленныхъ городовъ. Смутныя преданія гласятъ о существованіи въ этомъ краѣ обширныхъ укрѣпленныхъ городовъ.



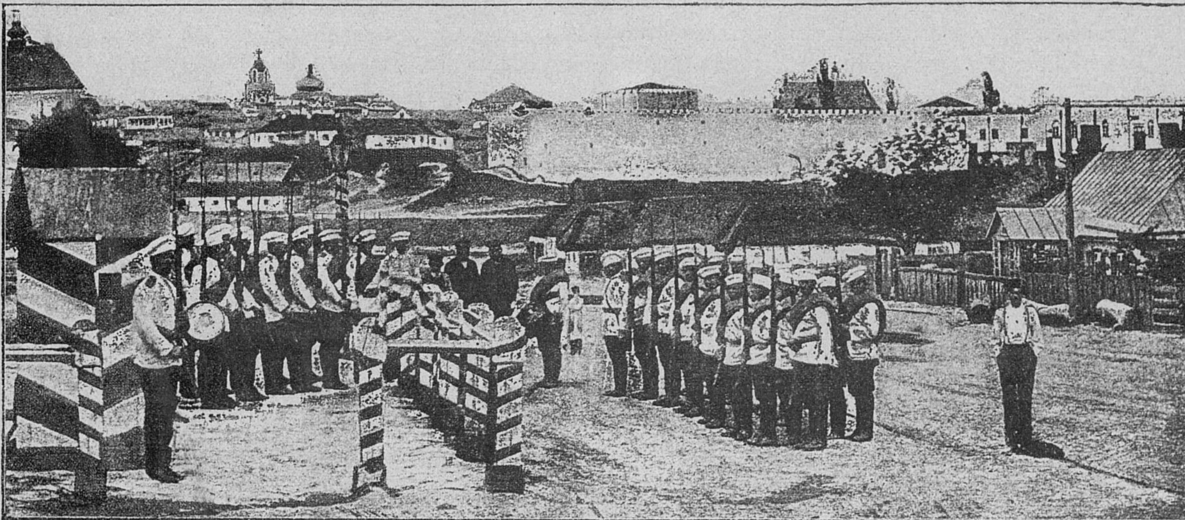
Церковь-замокъ въ селѣ Сутковцахъ, Летичевскаго уѣзда.

Старинные историки Подоліи возводятъ начало ея исторіи ко временамъ, наступившимъ тотчасъ послѣ потопа. Исконными ея жителями признаютъ фракійцевъ, потомковъ Іафета, смѣшавшихся впослѣдствіи съ представителями славянскаго племени. Нынѣшняя Подолія, какъ надобно полагать, была населена лѣтъ за тысячу до Р. Х., о чемъ свидѣтельствуютъ остатки циклопическихъ работъ, т.-е. огромные камни, сложенные въ видѣ стѣны безъ всякаго цемента. По Нестору здѣсь жило славянское племя уличей и тиверцевъ, а въ сосѣдствѣ съ ними бужане и дулебы. Встрѣчаются также извѣстія, хотя и не слишкомъ опредѣленныя, о господствѣ русскихъ князей въ Подоліи еще во времена Олега. Въ XIII вѣкѣ Подолію завоевали татары и долго собирали здѣсь «татарскую дань» черезъ своихъ баскаковъ. Они построили нѣсколько городовъ, удержавшихъ донынѣ татарскія названія.

Города, находящіеся на правомъ берегу Днѣпра, о которыхъ намъ приходится теперь говорить, представляютъ чрезвычайное разнообразіе по происхожденію, времени ихъ основанія, по исторической судьбѣ, а также — по торговой и промышленной дѣятельности, численности населенія и административному значенію.

Въ составъ такъ называвшейся прежде «Заднѣпровской Украины» входятъ теперь, какъ извѣстно, губерніи Кіевская, Волынская и Подольская. Изъ городовъ Кіевской губерніи замѣчательны: Бердичевъ, Васильковъ, Зненигородка, Каневъ, Липовецъ, Радомысль, Сквира, Тараща,

Умань, Черкасы и Чигиринъ; въ Волынской губерніи: Владиміръ волынскій, Дубно, Заславль, Ковель, Кременецъ, Луцкъ, Новгородъ-Волынскъ, Овручъ, Острогъ, Ровно и Староконстантиновъ; въ Подольской губерніи: Балта, Брацлавъ, Винница, Гайсинъ, Летичевъ, Литинъ, Могилевъ



Въ Меджибожѣ.

на Днѣстрѣ, Новая Ушица, Ольгополь, Проскуровъ и Ямполь. Кромѣ того, въ Подольской губерніи находятся заштатные города: Баръ, Вербовецъ, Сальница, Старая Ушица и Хмельникъ.

Кромѣ перечисленныхъ городовъ, есть еще такія поселенія, которыя, не имѣя значенія городовъ въ административнымъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе могутъ быть поставлены не только на ряду съ уѣздными городами, но нѣкоторые изъ нихъ даже и выше—по обширности и численности населенія, по развитію торговой и промышленной дѣятельности, по относительно лучшему ихъ устройству, по зажиточности населенія, наконецъ—по историческому значенію.



Мѣстечко Черный Островъ, Подольской губерніи.

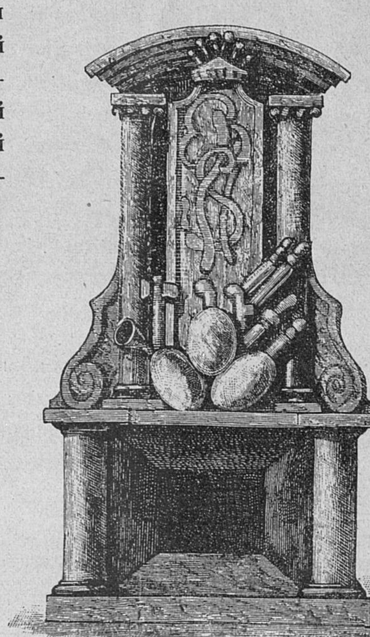
Такія поселенія носятъ обыкновенно въ западномъ краѣ названія «*мѣстечекъ*», и, по порядку внутренняго ихъ управленія и правамъ, предоставленныхъ жителямъ, приближаются къ великорусскимъ «*посадамъ*».

Общій характеръ городовъ, находящихся на правомъ берегу Днѣпра, не отличается отъ городовъ, расположенныхъ по другой сторонѣ этой рѣки. Главное же между ними сходство заключается въ томъ, что въ нихъ численно преобладающею частью населенія въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ являются евреи, тогда какъ, въ противоположность имъ, громадная масса кореннаго христіанскаго населенія живетъ по селамъ и деревнямъ, занимаясь почти исключительно сельскою производительностію.

Направляясь отъ южныхъ границъ Подольской губерніи на сѣверъ къ Волынско-Радомысльскому и Сѣверскому Полѣсьямъ, мы на границѣ этой губерніи съ Херсонскою встрѣчаемъ прежде всего уѣздный городъ Подольской губерніи, Балту. Городъ этотъ лежитъ на рѣкѣ Кодымѣ, составлявшей нѣкогда границу между владѣніями Польши и Турціи, такъ что собственно Балта раздѣлялась на двѣ части—польскую и турецкую. Польская часть города принадлежала извѣстной польской фамиліи князей Любомірскихъ. Въ исторіи нашей Балта имѣетъ особое значеніе, такъ какъ въ 1768 году русскія войска, преслѣдуя польскихъ конфедератовъ, сожгли нѣсколько домовъ въ той турецкой части города, которая находилась на лѣвой сторонѣ рѣки Кодыма и нынѣ принадлежитъ къ Херсонской губерніи, составляя какъ бы предмѣстье Балты. Такой поступокъ русскаго военнаго отряда Порта признала доста-



Домъ (въ мѣстечкѣ Сатановѣ, Проскуровскаго уѣзда), гдѣ останавливался Петръ Великій.



Каминъ въ томъ же домѣ.

точнымъ поводомъ къ разрыву съ Россіею и объявила ей войну, кончившуюся для насъ славнымъ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Въ 1849 году въ Балтѣ былъ заключенъ весьма важный для Россіи договоръ съ Турціей, который предоставилъ императору Николаю Павловичу такое же право на вмѣшательство во внутреннія дѣла придунайскихъ княжествъ, какимъ пользовался султанъ, верховный повелитель этихъ княжествъ.

Балта съ 1785 года считается уѣзднымъ городомъ Подольской губерніи. О времени ея основанія, а равно объ ея исторической судьбѣ, какъ города, прежде незначительнаго, не встрѣчается никакихъ извѣстій. Въ 1861 году жителей въ Балтѣ считалось до 15,143 душъ обоего пола, изъ нихъ было 8000 мужчинъ и 7000 женщинъ. Въ настоящее время, число жителей въ Балтѣ простирается до 20,000 человѣкъ.

Въ настоящее время Балта, благодаря положенію на значительныхъ торговыхъ трактахъ, а также и положенію среди края, который славится плодородіемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, представляетъ довольно замѣтный торговый и промышленный пунктъ на юго-западѣ Россіи. Къ удобству такого положенія присоединяется еще и близость отъ Балты Одессы

и Днѣстра. Главные предметы торговли города составляютъ зерновой хлѣбъ разнаго рода, преимущественно же пшеница и овесъ, сало и кожи, отправляемыя въ Одессу въ большомъ количествѣ, и кромѣ того, рогатый скотъ, строевой лѣсъ и разные фабричные товары.

Въ Балтѣ бываетъ самая извѣстная во всемъ этомъ краѣ ярмарка, подъ названіемъ Троицкой. Привозъ на нее фабричныхъ, мануфактурныхъ, а также сырыхъ и крестьянскихъ товаровъ со всего западнаго и южнаго края достигаетъ обыкновенно весьма значительныхъ размѣровъ. Въ особенности же ярмарка славится производимымъ на ней обширнымъ торгомъ скотомъ и лошадьми.



Образъ Богоматери въ Тынковскомъ костелѣ (Подольск. губ.)

Ремесленное производство Балты на столько развито, что не только удовлетворяетъ мѣстныя потребности, но еще приготовляетъ издѣлія для сбыта въ Балтскомъ, Ананьевскомъ и Ольгопольскомъ уѣздахъ.

Въ городѣ построены заводы салотопенные, сально-свѣчные, восковыхъ свѣчей, пивоваренные, медоваренные, маслобойные, костеобжигательные и кирпичные. Самою обширною отраслью заводского производства въ Балтѣ считаются сальныя свѣчи, которыя сбываются не только въ Одессу, но и за границу.

Плодородіе земель, окружающихъ Балту, а равно—и выгодный сбытъ хлѣба въ Одессу вызываетъ довольно значительную часть городского балтскаго населенія на занятіе хлѣбопашествомъ, какъ на городскихъ земляхъ, такъ и на арендуемыхъ у частныхъ владѣльцевъ. Особый промыселъ тамошнихъ жителей составляетъ разведеніе арбузовъ, урожаи которыхъ достигаютъ такихъ громадныхъ размѣровъ, что въ иное лѣто—годовъ двадцать пять тому назадъ—цѣлый ихъ возъ продавался по 30—75 копѣекъ.

Главное неудобство Балты страшная грязь. Въ иные годы, вслѣдствіе засоренія русла Кодыма, наносомъ, производимымъ впадающимъ въ нее ручьемъ, бываютъ сильныя наводненія, а послѣ того окрестности города, отчасти же и самъ городъ, такъ переполняются грязью, что на нѣкоторое время прекращается доставка въ Балту даже самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія, не говоря уже о томъ, что застоявшіяся въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лужи производятъ лихорадки и другія разнаго рода болѣзни.



Лядавскій монастырь въ скалѣ.

Отъ Балты въ юго-западномъ направленіи лежитъ другой уѣздный городъ Подольской губерніи, Могилевъ на-Днѣстрѣ. Этотъ городъ получилъ названіе отъ фамиліи одного изъ валашскихъ господарей Михаила Могилы, а потому правильнѣе было бы называть его «Моги-

левымъ» или «Могилинымъ». Основанъ Могилевъ брацлавскимъ воеводою Стефаномъ Потоцкимъ, женатымъ на дочери упомянутаго господаря и назвавшимъ городъ, или правильнѣе—одинъ только замокъ, въ честь своего тестя. Такъ какъ замокъ этотъ находился на торговомъ пути изъ Молдавіи въ Украину, притомъ у главной переправы черезъ Днѣстръ, то около него поселилось много торговцевъ изъ молдаванъ, армянъ и грековъ, и потому въ скоромъ времени, послѣ его основанія здѣсь образовалось значительное мѣстечко. Жители его вели большую торговлю съ Молдавіею и Валахіею, при чемъ Могилевъ служилъ мѣстомъ транзита товаровъ, привозимыхъ оттуда и отправляемыхъ въ Бердичевъ. Во время казацкихъ войнъ, казаки старались удержать за собою Могилевъ, но поляки, понимая важность этого пункта въ военномъ отношеніи (черезъ него открывался свободный путь въ Молдавію, Турцію и Буджакскую орду), сочли за лучшее истребить его, почему Могилевъ и былъ ими выжженъ въ 1654 году. Впослѣдствіи Могилевъ, возстановленный изъ развалинъ и пепла, переходилъ то



Могилевъ на Днѣстрѣ.

во власть казаковъ, то поляковъ, то турокъ, при чемъ послѣдніе, послѣ уступки имъ поляками южной части Подоліи, владѣли Могилевомъ съ 1672 по 1699 годъ. Въ 1784 году Могилевъ пострадалъ отъ чумы, а также отъ чрезвычайнаго разлива Днѣстра. Потоцкіе, оставаясь владѣльцами Могилева, укрѣпили его и содержали въ немъ на свой счетъ значительный гарнизонъ, составленный изъ бродягъ, которыхъ въ этой пограничной мѣстности было всегда множество. Въ 1795 году Могилевъ, какъ городъ, входившій въ составъ воеводства Подольскаго, былъ присоединенъ къ Россіи. Въ 1796 году онъ былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Подольской губерніи, по прежнему находясь во владѣніи Потоцкихъ, у которыхъ былъ купленъ казною въ 1806 году за 587,220 рублей.

Могилевъ стоитъ на лѣвомъ берегу Днѣстра, при подножіи высокой холмистой горы. Черезъ городъ протекаетъ горная рѣка Дерла, раздѣляющая его на двѣ неравныя части и образующая глубокій оврагъ. Теперь тамъ свыше 20,000 жителей.

Въ промышленномъ отношеніи Могилевъ и теперь, какъ въ былое время, считается однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Подольской губерніи, чему благопріятствуетъ положеніе его на той части Днѣстра, которая дѣлается удобною для судоходства. Въ городѣ имѣется много капиталовъ, находящихся въ торговыхъ оборотахъ, производимыхъ преимущественно евреями. Торговля Могилева производится главнымъ образомъ съ Одессою, предметами же ея служатъ: хлѣбъ въ зернѣ (преимущественно арнаутка), кукуруза, спиртъ, лѣсъ, какъ дровяной, такъ и строевой, пригоняемый изъ Галиціи, сало и кожи. Торговля мануфактурными товарами также довольно значительна.



Икона Спасителя въ м. Сатановѣ Проскуровскаго уѣзда, изсѣченная турками.

До 400 христіанскихъ семействъ, принадлежащихъ къ городскому населенію, занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и разведеніемъ виноградниковъ. Этому послѣднему занятію весьма много благопріятствуетъ мѣстность, защищенная горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Въ Могилевѣ разводятъ также тутовыя деревья для шелковичныхъ червей, но въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ.

По направленію къ сѣверо-востоку отъ Могилева лежитъ третій уѣздный городъ Подольской губерніи — Брацлавъ или Бреславль, который можетъ считаться однимъ изъ древнихъ городовъ этой губерніи, такъ какъ онъ былъ основанъ князьями Коріатовичами. Брацлавъ лежитъ въ пространной равнинѣ и нѣкогда былъ очень обширенъ, о чемъ донынѣ свидѣтельствуютъ остатки древнихъ, разрушившихся теперь, стѣнъ и слѣды земляныхъ валовъ, ограждавшихъ въ былую пору Брацлавъ. Въ 1439 году князь Острожскій Николай или Ѳіеско, не желая, чтобы городъ этотъ перешелъ въ руки короля польскаго Владислава Ягайлы, сжегъ Брацлавъ и тамошній замокъ. Затѣмъ городъ снова обстроился, но въ 1478 году его разорили татары. Во время владычества Польши надъ Подоліею, Брацлавъ съ 1569 года былъ сдѣланъ главнымъ городомъ воеводства, получившаго свое названіе отъ его имени. Въ первой половинѣ XVII столѣтія Польша принуждена была уступить Брацлавъ казакамъ, но въ 1654 году поляки отняли его у нихъ. Въ 1793 году Брацлавъ былъ присоединенъ къ Россіи, а въ 1795 году сдѣланъ уѣзднымъ городомъ.

Въ Брацлавѣ въ настоящее время около 5525 жителей, по большей части, евреевъ. Онъ принадлежитъ теперь къ самымъ незначительнымъ уѣзднымъ городамъ Подольской губерніи и



Икона Божіей матери въ Барѣ («Барская»).

не имѣетъ рѣшительно никакого ни торговаго, ни промышленнаго значенія, не смотря на то, что лежитъ при судоходной рѣкѣ и въ мѣстности, густо населенной и, сверхъ того, богатой произведеніями хлѣбопашества. Причина этого—близость такихъ торговыхъ мѣстечекъ, какъ Тульчинъ и Немировъ. Въ нѣкоторыхъ польско-латинскихъ актахъ Брацлавъ называется городомъ св. Петра, потому что въ гербѣ его было изображеніе этого апостола.

Почти на одной линіи съ Брацловомъ, по направленію къ востоку, лежитъ уѣздный городъ Гайсинъ на рѣкѣ Собѣ, не представляющій ничего замѣчательнаго. Немного можно сказать и о ближайшемъ къ Гайсину, уѣздномъ городѣ Винницѣ, лежащей къ сѣверо-востоку отъ Гайсина. Городъ этотъ обязанъ существованіемъ Коріатовичамъ, у которыхъ въ 1395 году отнялъ его великій князь литовскій Витольдъ и присоединилъ къ Литвѣ. Въ 1640 году король Владиславъ IV далъ Винницѣ различныя привилегіи, между которыми замѣчательна привилегія объ отмѣнѣ пытокъ, существовавшихъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ 1662 году польскій сеймъ отдалъ Винницу во владѣніе брацлавскому воеводѣ Андрею Потоцкому, съ обязательствомъ, чтобы онъ содержалъ въ городскомъ замкѣ 200 человѣкъ вооруженныхъ пѣхотинцевъ. Въ Винницѣ теперь около 20,000 жителей. Большая часть городскаго населенія состоитъ изъ евреевъ. Винница никогда не имѣла никакого торговаго значенія и славилась только основаннымъ здѣсь въ 1640 году іезуитскимъ училищемъ.



Каѳедральный соборъ въ Житомірѣ.

Къ западу и нѣсколько сѣвернѣе Винницы лежитъ Проскуровъ, бывшій прежде деревнею, которую въ 1550 году король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ хорунжему и старостѣ каменецкому, Мацею Влодкѣ. Впослѣдствіи Проскуровъ (называвшійся собственно Проскуровымъ отъ имени текущей подъ нимъ рѣки Плоской, а потомъ передѣланный поляками въ Проскуровъ) сдѣлался снова королевскимъ имѣніемъ. Во время казацкихъ войнъ, какъ Проскуровъ такъ и его ближайшія окрестности были совершенно опустошены. Въ 1795 году Проскуровъ сталъ уѣзднымъ городомъ Подоль-

ской губерніи. Около города сохранились слѣды древнихъ укрѣпленій. Въ немъ около 12,751 жителей. По скудной и мелочной торговлѣ, по ограниченной промышленности, Проскуровъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ городовъ Подольской губерніи.

Затѣмъ остальные уѣздные города этой губерніи: Летичевъ, Литинъ, Новая Ушица, Ольгополь, Ямполь—не имѣютъ замѣтнаго экономическаго значенія, представляя поселенія, служащія только административными пунктами. Вотъ нѣкоторыя данныя о нихъ.



Сельскій костелъ въ Ушицкомъ уѣздѣ.

О Летичевѣ упоминается уже въ половинѣ XV столѣтія; съ момента возникновенія и до конца XVIII столѣтія Летичевъ подвергался постояннымъ опустошеніямъ то отъ татаръ (1516, 1558 и 1567 года), то отъ казаковъ во время войнъ Хмельницкаго, то отъ гайдамаковъ, которые разграбили его въ послѣдній разъ въ 1777 году. Доставалось ему также и отъ польскихъ магнатовъ, желавшихъ овладѣть городскими землями. Городъ постоянно находился въ

бѣдственномъ положеніи, и въ люстраціи 1665 года о немъ говорится, что «такъ какъ онъ лежитъ на тути, по которому проходитъ всякій непріятель, то ни мѣщанъ въ городѣ, ни крестьянъ въ селеніяхъ удержать нельзя, и нѣтъ даже надежды, чтобы городъ могъ когда-нибудь оправиться послѣ испытанныхъ имъ набѣговъ». Въ летичевскомъ католическомъ соборѣ находится замѣчательная икона Божіей Матери, коронованная въ 1778 году по повелѣнію папы Климента IV вѣнцомъ, присланнымъ имъ изъ Рима.

Литинъ—тоже укрѣпленный нѣкогда городъ—принадлежалъ туркамъ съ 1672 по 1699 годъ. Въ 1795 году онъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Брацлавскаго намѣстничества, а потомъ Подольской губерніи.



Видъ Кременца (уѣздн. гор. Волынск. губ.).

Хотя Ушица и носитъ прибавочное названіе «Новая», тѣмъ не менѣе она весьма давнее поселеніе, о которомъ упоминается еще въ XII вѣкѣ. Въ 1240 году она была разорена татарами. Ямполь, лежащій надъ Днѣстромъ, былъ нѣкогда укрѣпленнымъ городомъ. Въ 1651 году онъ былъ взятъ и раззоренъ казаками.

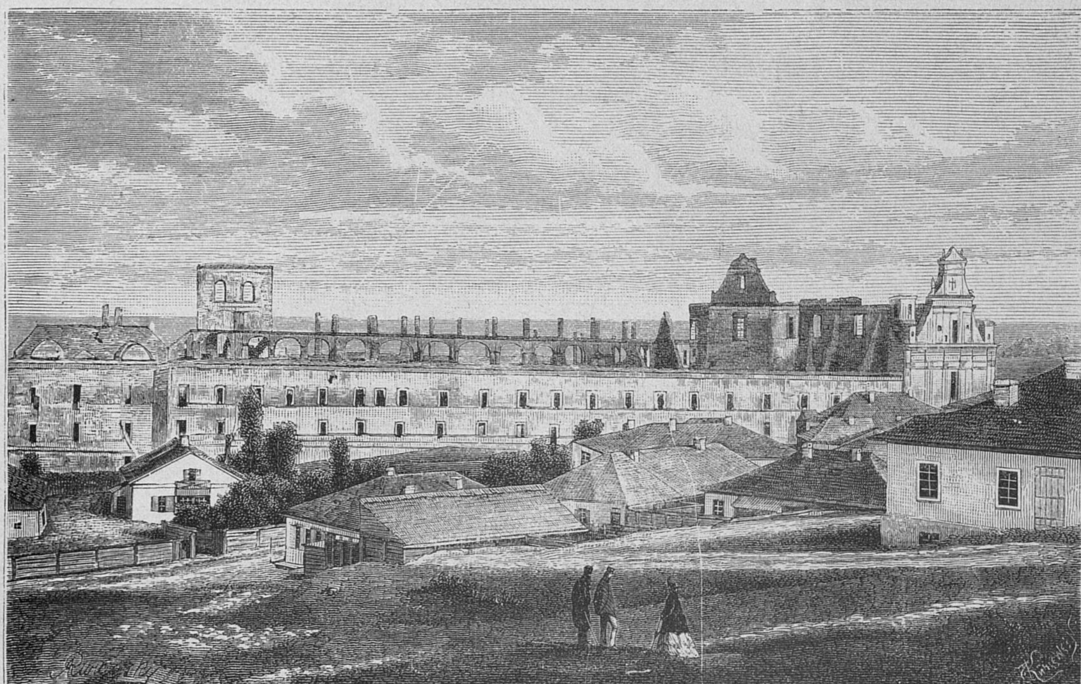
Заштатные города Подольской губерніи—Баръ, Вербовецъ, Сальница, Старая Ушица и Хмѣльникъ. Баръ можно назвать довольно значительнымъ городомъ въ торговомъ отношеніи; особенно же онъ прославился фабрикаціею венгерскихъ винъ.



г. Острогъ (Волынск. Губ.)

Не лишена значенія въ торговомъ отношеніи Старая Ушица, отправляющая въ Одессу по Днѣстру сплавы хлѣба, а въ Варшаву--разводимый въ окрестностяхъ города анисъ. Кромѣ того, она сбываетъ заѣзжимъ промышленникамъ сушеныя сливы для продажи ихъ во внутреннихъ губерніяхъ. Наконецъ, Хмѣльникъ пользуется прекраснымъ климатомъ и плодородіемъ окружающей его мѣстности и играетъ нѣкоторую роль въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ.

Преданіе объ основаніи Житоміра восходитъ къ первымъ временамъ русской исторіи, такъ какъ оно гласитъ, что городъ этотъ былъ основанъ однимъ изъ сподвижниковъ Аскольда и Дира, удалившимся въ эту мѣстность послѣ вѣроломнаго убійства этихъ витязей подъ Кіевомъ. Затѣмъ, историческія свѣдѣнія о Житомірѣ начинаются съ 1240 года, когда упоминается о разрушеніи его Батыемъ. Подобное же бѣдствіе испыталъ Житоміръ и въ 1287 году, когда



Развалины іезуитскаго монастыря въ г. Острогѣ (Волынск. губ.).

онъ снова былъ разрушенъ татарами. Усиленіе великаго княжества Литовскаго имѣло сильное вліяніе на судьбу Житоміра, такъ какъ онъ въ 1320 году перешелъ подъ власть этого княжества. Гединимъ, овладѣвъ Житоміромъ, учредилъ тамъ староство, а въ городскомъ замкѣ поставилъ литовскій гарнизонъ.

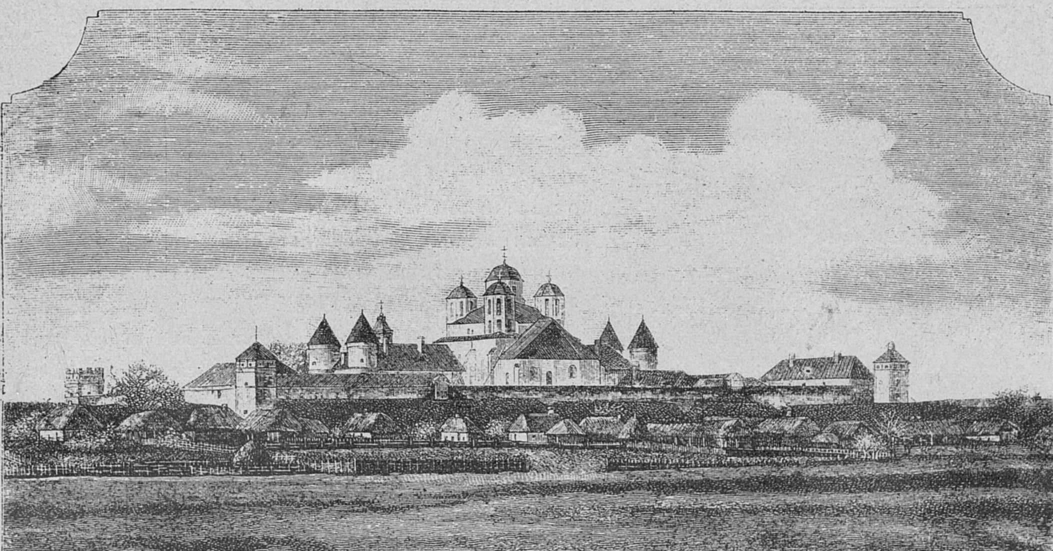
Въ 1395 году великій князь Витовтъ овладѣлъ Житоміромъ, который въ то время принадлежалъ съ 1377 года удѣльному князю кіевскому Владиміру Ольгердовичу, и отдалъ его брату своему Свидригайлѣ. По смерти Свидригайла, Витовтъ снова сталъ владѣть Житоміромъ, поставивъ тамъ своимъ намѣстникомъ князя Януша Ольшанскаго или Гольшанскаго. Въ 1399 году Житоміръ испыталъ третій татарскій разгромъ послѣ того, какъ Эдигей разбилъ Витовта на берегахъ рѣки Ворсклы. Въ первой половинѣ XV вѣка Житоміръ считался однимъ изъ главнѣйшихъ городовъ великаго княжества Литовскаго, и въ 1444 году великій князь литовскій и король польскій Казиміръ Ягеллончикъ далъ ему, какъ одному изъ 15-ти

важнѣйшихъ городовъ, привиллегію на право свободной торговли, предоставивъ ему еще и другія права и преимущества. Въ 1545 году сгорѣлъ городской замокъ, причемъ погибли и



Кирилло-Меѳодіевская церковь Острожскаго братства.

всѣ граматы, пожалованныя Житоміру въ разное время. Назначенные королемъ правители города, старосты, нерѣдко угнетали тамошнихъ жителей всѣми способами; къ числу притѣс-

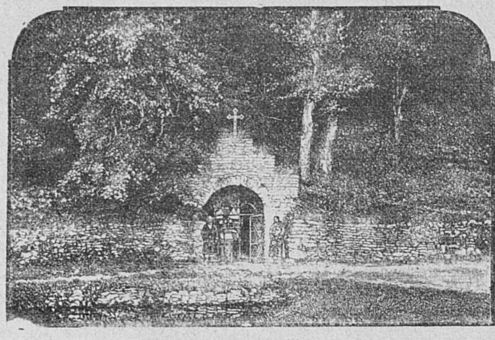


Межиричскій Свято-Троицкій монастырь близъ города Острога.

нителей горожанъ принадлежала и мѣстная шляхта (дворяне). Но короли польскіе, Александръ и Стефанъ Баторій, защищали мѣщанъ отъ обидъ и несправедливостей.

Житоміръ пришелъ, между тѣмъ, въ жалкое положеніе, такъ какъ по описи 1572 года въ немъ было только 142 двора, небольшой замокъ и домъ, въ которомъ жилъ староста.

Въ 1606 году Житоміръ испыталъ третье нападеніе татаръ, которые захватили въ плѣнъ много жителей и взяли съ города окупъ. Несмотря, однако, на такое бѣдствіе, городъ, сравнительно съ прежнимъ, не только не пришелъ въ упадокъ, но, напротивъ, оказался даже въ лучшемъ положеніи. Такъ надобно думать въ виду того, что по описи 1609 года въ немъ было 246 домовъ мѣщанскихъ и 16 шляхетскихъ (дворянскихъ). Въ 1622 году Житоміръ былъ сильно укрѣпленъ, а подъ замкомъ построили королевскій дворецъ. Въ 1648 году Житоміръ извѣдалъ новое бѣдствіе: его опустошилъ Богданъ Хмѣльницкій. Городъ былъ сожженъ и большая часть мѣщанъ была перебита ожесточенными противъ поляковъ казаками.



Гротъ съ часовнею св. Николая въ с. Гульчѣ, Острожск. у.

Въ 1778 году Житоміръ былъ присоединенъ къ Россіи, а въ 1795 году, при учрежденіи Екатериною II Волынскаго намѣстничества, былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ этого намѣстничества, но, за неимѣніемъ въ Новоградъ-Волынскѣ удобныхъ зданій для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, губернское управленіе было оставлено въ Житомірѣ. Въ 1804 году, онъ былъ утвержденъ на степени губернскаго города Волынской губерніи и на этой степени считается донынѣ.

Житоміръ расположенъ на рѣкахъ Каменкѣ и Тетеревѣ подъ 50 и 15° с. ш. и 46 и 20° в. д. Къ нему примыкаетъ нѣсколько владѣльческихъ слободъ и хуторовъ. Населенія въ немъ около 45,000 человѣкъ.



Развалины Крестовоздвиженской церкви въ г. Луцкѣ.
(Съ западной стороны).

Житоміръ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ по торговлѣ предметами сельской промышленности въ юго-западной полосѣ Россіи. Не вступая въ значительные коммерческіе обороты съ отдаленными мѣстностями, Житоміръ, тѣмъ менѣе, служитъ довольно важнымъ центромъ, снабжающимъ окрестныя мѣстности лѣсными и земледѣльческими произведеніями. Кромѣ того, Житоміръ ведетъ торговлю сырыми кожами, а въ самомъ городѣ находятся склады соли и сахара, такъ какъ всѣ главные сахарные заводчики губерній Волынской и Подольской имѣютъ здѣсь свои депо, изъ которыхъ сахаръ поступаетъ въ руки мелкихъ торговцевъ, и они развозятъ его въ другія мѣстности.

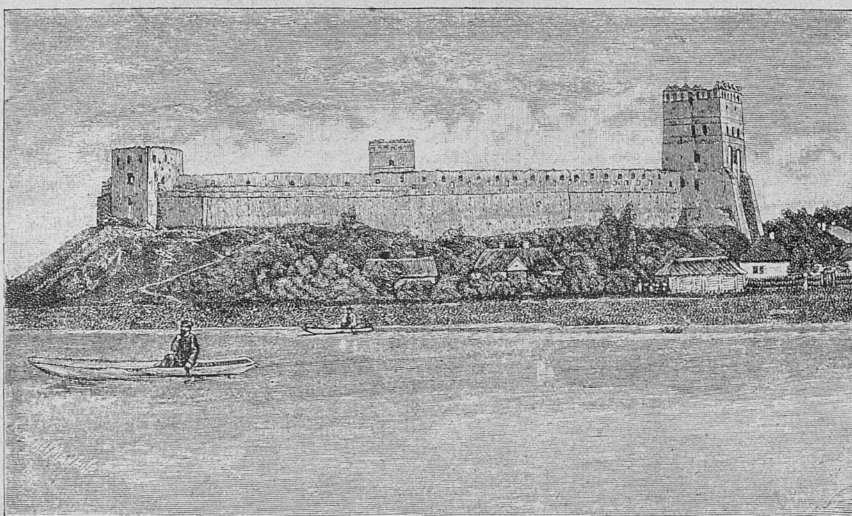
Весьма замѣтную отрасль торговли въ Житомірѣ составляетъ продажа готоваго платья, которое распродается не только въ самомъ городѣ, но и развозится по отдаленнымъ ярмаркамъ. Мѣстное купечество ведетъ значительную торговлю красными, галантерейными и бакалейными товарами. Главными представителями торговой дѣятельности въ Житомірѣ являются евреи, не слишкомъ давніе жители города, такъ какъ поселились они здѣсь только въ XVIII столѣтіи. Нѣкоторые жители города, впрочемъ весьма немногіе, отлучаются для заработковъ въ другія мѣста.



Г. Луцкъ.

Ремесла, за исключеніемъ портняжнаго, не достигли особеннаго развитія и удовлетворяютъ только потребностямъ мѣстнаго населенія. Что касается заводской и промышленной дѣятельности, то тѣ условія, въ которыхъ находится торговля въ Житомірѣ, вызвали устройство паровой мукомольной мельницы съ хлѣбопекарнею, и эта мельница, по приносимой ею городу пользѣ, можетъ считаться первымъ изъ всѣхъ существующихъ тамъ промышленныхъ заведеній. На этой мельницѣ перемалывается ежегодно до 15,000 четвертей хлѣба, и приготовляемая на ней мука, независимо отъ оптовой и мелочной ея продажи на мѣстѣ, отправляется въ Кіевъ, а оттуда идетъ водою въ Могилевъ, Бобруйскъ, Минскъ и другіе города и сухимъ путемъ отправляется въ Овручъ и Мозырь.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, когда спички не были еще извѣстны, для добыванія огня употреблялось огниво, т.-е. кусокъ стали, который при сильномъ ударѣ о кремень, давалъ искру, зажигавшую, такъ называемый, трутъ или шнурокъ. Въ эти-то времена процвѣталъ и пользовался большою извѣстностью маленькій городъ Кременецъ, нынѣ уѣздный городъ Волынской губ. Городъ этотъ находится среди кремнистыхъ скалъ, и большинство жи-

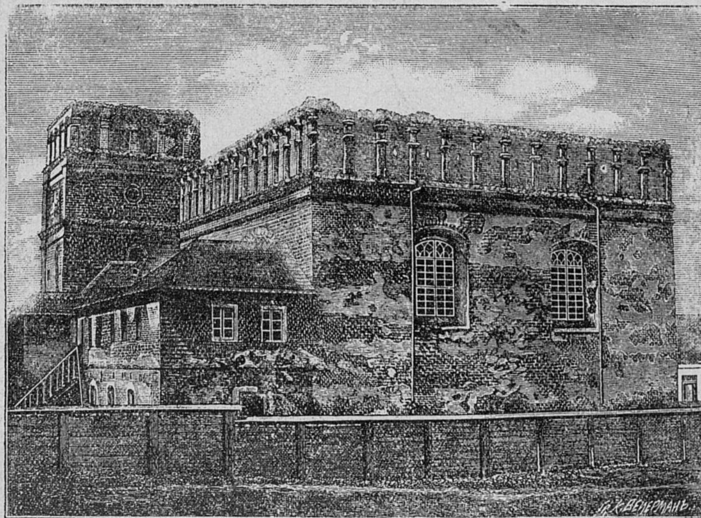


Большой замокъ князя Любарта Гедиминовича въ Луцкѣ.

телей его занималось добываніемъ кремня, который служилъ, впрочемъ, не только замѣною спичекъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ также примѣненіе въ военномъ дѣлѣ, замѣняя пистоны. Со введеніемъ ударныхъ ружей и изобрѣтеніемъ зажигательныхъ спичекъ, обширныя кремнеломни вокругъ Кременца были заброшены, кремневая промышленность, доставлявшая жителямъ города значительные барыши, упала.

Высота кремнистыхъ горъ, среди которыхъ лежитъ Кременецъ, достигаетъ верстахъ въ шести отъ города, при рѣкѣ Иквѣ, до 1328 футъ. Отъ этихъ-то кремнистыхъ горъ и получилъ названіе самъ городъ. Впрочемъ, названіе Кременецъ носила первоначально собственно прилегающая къ городу крѣпость, основаніе которой ошибочно приписываютъ польской королевѣ Бонѣ, въ XVI вѣкѣ. По другимъ, болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, крѣпость Кременецъ была основана въ VIII или IX вѣкѣ дулебами, народомъ, принадлежавшимъ къ славянскому племени, а существованіе ея по лѣтописямъ дѣлается несомнѣннымъ съ 1068 года. Съ исторіей этой крѣпости тѣсно связана исторія города. Въ упомянутомъ выше году она была сдана королю польскому Болеславу храброму. Въ 1226 году подъ Кременцомъ происходила битва между венгерскимъ королевичемъ Андреемъ и княземъ галицкимъ Мстиславомъ Уда-

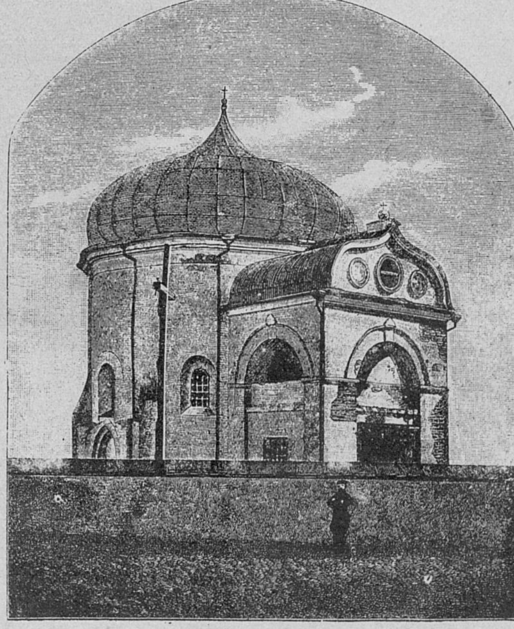
лымъ. Въ 1241 и 1255 годахъ Кременецъ прославился своею неприступностію, такъ что татары, осаждавшіе его въ эти годы, не могли овладѣть имъ. При литовскомъ великомъ князѣ Гедиминѣ, Кременецъ перешелъ во власть Литвы, а въ 1366 году—подъ власть Польши, но, спустя 20 лѣтъ, онъ опять достался Литвѣ. Свидригайло, находившійся нѣкоторое время въ заточеніи въ Кременецкой крѣпости, вступивъ впослѣдстіи на литовскій престолъ, далъ Кременцу разныя права. Впослѣдствіи, жена короля польскаго, Сигизмунда I, основала здѣсь монастырь и госпиталь, а въ 1638 году въ Кременцѣ устроена типографія. Въ 1648 году крѣпостью овладѣли казаки, которымъ сдалъ ее гарнизонъ, составленный изъ русиновъ, и съ этого времени крѣпость потеряла свою стратегическую важность, укрѣпленія ея болѣе не поддерживались, и, наконецъ, она пришла въ совершенный упадокъ. Теперь отъ этой крѣпости уцѣлѣла стѣна до 1 сажени высоты и до 2 аршинъ толщины. При раздѣлѣ Польши въ 1793 году Кременецъ былъ присоединенъ къ Россіи, въ 1795 году сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Брацлавскаго намѣстничества, а въ 1796 году — уѣзднымъ городомъ Волынской губерніи.



Малый замокъ князя Любарта Гедеминовича въ г. Луцкѣ.

Кременецъ, съ населеніемъ свыше 12,000 душъ обоего пола, не отличается особымъ развитіемъ торговли, главнымъ предметомъ которой служитъ зерновой хлѣбъ, отправляемый въ Австрію и въ Одлессу, а равно — и простой табакъ мѣстнаго производства, сбываемый въ царство Польское.

Къ числу важнѣйшихъ городовъ Волынской губерніи принадлежитъ Острогъ. Онъ лежитъ надъ рѣкою Горынемъ, въ которую немного ниже города впадаетъ рѣка Вилія. Острогъ былъ нѣкогда стольнымъ городомъ соименнаго ему княжества. Это первоначально удѣльное княжество образовалось въ 1110 году, и первымъ его владѣтелемъ былъ одинъ изъ потомковъ Рюрика. Князья Острожскіе считались первенствующими магнатами на Волыни и пользовались такимъ почетомъ, что въ торжественныхъ случаяхъ даже польскіе сенаторы не отказывались служить имъ за столомъ. Изъ рода Острожскихъ особенно прославился въ началѣ XVI столѣтія князь Константинъ своими воинскими доблестями.



«Обыденная» церковь св. Василія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

Константинъ Василій Острожскій, сынъ его, зладѣвшій несмѣтнымъ богатствомъ, обстроилъ Острогъ и заселилъ его новыми переселенцами. Онъ завелъ тамъ двѣ школы, для обученія языкамъ греческому и латинскому, желая тѣмъ противодѣйствовать іезуитскимъ училищамъ, которыя онъ считалъ вредными. Онъ, будучи православнымъ, велъ постоянную борьбу съ католичествомъ и построилъ въ Острогѣ нѣсколько церквей, а также учредилъ тамъ госпиталь. Въ его время и до конца XVI вѣка въ Острогѣ существовала типографія, въ которой печатали книги на славянскомъ языкѣ, и между ними была въ 1581 году напечатана извѣстная острожская библія. Православіе не мѣшало, однако, быть ему настоящимъ польскимъ магнатомъ, и онъ, посылая за границу сына своего Януша, завѣщалъ ему не измѣнять тамъ польскимъ обычаямъ, носить за границею польскую одежду и жениться непремѣнно на полькѣ.

Въ настоящее время Острогъ принадлежитъ князьямъ Яблоновскимъ. Городъ находится въ упадкѣ. По поводу этого извѣстный польскій писатель Крашевскій въ своихъ «воспоминаніяхъ о Волыни, Полѣсьи и Литвѣ» писалъ слѣдующее: «Развалины коллегіума, иныхъ строеній и воротъ, замыкавшихъ городъ, придаютъ Острогу такой печальный видъ, такъ явно говорятъ объ его прошлой славѣ и объ его величіи, что, смотря на все это, только и можно жить воспоминаніями».

Далѣе, въ сѣверо-восточномъ направленіи, заслуживаетъ вниманія городъ Волынской губерніи, Ровно. Городъ этотъ принадлежитъ къ числу старинныхъ городовъ Волыни, такъ какъ о немъ упоминалось уже въ 1282 году по случаю побѣды короля польскаго Лешки Чернаго надъ литовцами, бывшими подъ предводительствомъ ихъ князя Витена. Въ городѣ нѣкогда былъ укрѣпленный замокъ, обращенный впослѣдствіи въ королевскій дворецъ. Нѣкогда Ровно былъ довольно значительнымъ пунктомъ, но теперь тамошняя торговля пришла въ упадокъ, и торговое движеніе оживляется только подвозомъ хлѣба и прогономъ скота къ Радзивилову.

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ городовъ Волынской губерніи принадлежитъ городъ Луцкъ. Положимъ, Луцкъ, какъ и сосѣдніе съ нимъ уѣздные города, не имѣетъ уже почти никакого экономическаго значенія и представляетъ лишь уѣздно-административный пунктъ; но его прошлое богато историческими фактами, имѣвшими серьезное значеніе для политической жизни всей Волыни, такъ какъ Луцкъ былъ нѣкогда ея столицею и мѣстнымъ епархіальнымъ центромъ двухъ исповѣданій: восточнаго и западнаго. Луцкъ былъ основанъ около 1000 года великимъ княземъ кіевскимъ, Владиміромъ Святымъ, и остатки его замка показываютъ донынѣ на лежащемъ около города пригоркѣ. Названіе Луцка, какъ полагаютъ, происходитъ отъ имени лучанъ, народа славянскаго племени, нѣкогда обитавшаго въ этой мѣстности. Императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ объ этомъ городѣ, называя его Лутескъ.

Нѣкогда Луцкъ былъ однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ на Волыни. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что во время казацкихъ войнъ въ XVII столѣтіи онъ могъ выставить 4000 вооруженныхъ человѣкъ. Но казаки все-таки овладѣли Луцкомъ, причемъ погибло до 40,000 человѣкъ. Луцкъ былъ разоренъ и послѣ того уже не могъ поправиться. Въ 1752 году сильный пожаръ истребилъ почти весь Луцкъ. Въ 1792 году онъ находился въ такомъ упадкѣ, что въ немъ считалось только 50 христіанскихъ семействъ, а всѣ остальные жители, да и то немногочисленные, были евреи или караимы.

Не извѣстно, когда именно была учреждена въ Луцкѣ епископская каѳедра восточнаго исповѣданія, но, вѣроятно, что она существовала издавна. Изъ представителей ея епископъ Кириллъ Терлецкій замѣчателенъ тѣмъ, что на соборѣ, бывшемъ въ Брестѣ-Литовскомъ, подписалъ актъ римской уніи и ѣздилъ въ Римъ для изъявленія своей подчиненности папѣ. Послѣ этого унія была введена въ Луцкѣ, но по смерти Терлецкаго православные лучане отреклись отъ единенія съ католическою церковью, и только въ 1720 году унія была водворена у нихъ снова епископомъ Іосифомъ Вычеховскимъ, по опредѣленію, состоявшемуся на замойскомъ соборѣ.








Часть горъ у могилы Шевченко (г. Каневъ).
Ворота при кафедральномъ костелѣ въ Каменцѣ.
Зданіе Окружного суда въ Каменецъ-Подольскѣ.

Видъ на Каменецъ-Подольскъ изъ-за моста.
Видъ г. Смѣлы.
Русскія ворота въ Каменцѣ.

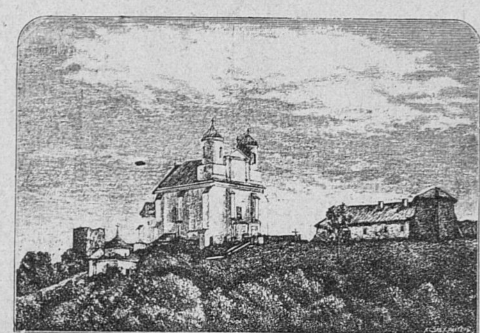
Достопримѣчательности Заднѣпровья.

Луцкіе — сперва православные, а потомъ и уніатскіе — епископы носили титулъ «экзарховъ луцкихъ и острожскихъ».

Не извѣстно также, когда была учреждена католическая епархія въ Луцкѣ. Наиболѣе достовѣрно, что особой епархіи тамъ вовсе не было, но епископская каѳедра была только переведена туда изъ Владиміра Волынскаго въ 1428 году. Діоцезія римско-католическаго луцкаго епископа была очень обширна, такъ какъ въ составъ ея входило пять воеводствъ.

На западъ отъ Луцка находится Владиміръ Волынскій, расположенный на правомъ берегу Луги. По свидѣтельству венгерскихъ лѣтописцевъ, городъ этотъ существовалъ уже въ IX столѣтіи подъ именемъ Ладоміра. Въ лѣтописи Нестора, Владиміръ-Волынскій упоминается въ первый разъ подъ 988 годомъ. Во время княжескихъ междоусобій городъ этотъ переходилъ отъ одного владѣтеля къ другому въ потомствѣ Рюрика и былъ потомъ стольнымъ городомъ Владимірскаго княжества, образовавшагося на Волыни. Торговля этого города не представляетъ особаго развитія; главные ея предметы: лѣсной товаръ, хлѣбъ и вино.

Время основанія города Ковеля неизвѣстно, но, безъ сомнѣнія, онъ весьма древній и замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ, въ 1310 году, родился король польскій Казиміръ Великій. Въ 1327 году Ковельскій замокъ былъ разоренъ меченосцами. Въ 1410 году здѣсь великій князь литовскій и король польскій Владиславъ Ягелло принималъ пословъ, предлагавшихъ ему чешскую корону. Впослѣдствіи Ковель былъ староствомъ, которое король Стефанъ Баторій пожаловалъ извѣстному московскому бѣженцу, князю Андрею Курбскому, почему князь Курбскій и писался княземъ на Ковелѣ или княземъ Ковельскимъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія сеймъ отдалъ староство ковельское въ потомственное владѣніе послѣднему королю польскому Станиславу Понятовскому, который уже отъ себя пожаловалъ его Ваплаву Ржевускому. Въ 1796 году Ковель, отошедшій къ Россіи, былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Волынской губерніи.



Храмы Успенія пресв. Богородицы и св. Василія въ селѣ Зимномъ, Владиміро-Волынскаго уѣзда, и остатки терема, по преданію, принадлежавшаго св. Владиміру.

Перейдемъ теперь къ той полосѣ праваго берега Днѣпра, которая тяготѣла собственно къ Кіеву. Въ Кіевской губерніи находятся слѣдующіе уѣздные города: Бердичевъ, Васильковъ, Звенигородка или Звенигородъ, Каневъ, Липовецъ, Радомысль, Сквира, Умань, или по-польски Гумань, Черкасы и Чигиринъ.

Ближайшимъ къ Кіеву уѣзднымъ городомъ, внизъ по Днѣпру, на его правомъ берегу, является Каневъ, бывшій одно время заштатнымъ городомъ Кіевской губерніи. Каневъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ этой мѣстности, такъ какъ о немъ упоминается въ лѣтописяхъ уже подъ 1150 и 1155 годами. Въ 1156 году здѣсь былъ съѣздъ русскихъ князей съ кіевскимъ великимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ для разрѣшенія вопроса о мирѣ съ половцами, бывшими тогда грозою этого края. Въ 1240 году Каневъ былъ взятъ Батыемъ, который посадилъ здѣсь своего баскака для сбора дани и управленія страною. Въ 1320 году Каневъ былъ покоренъ великимъ княземъ литовскимъ Гедиминомъ. Въ 1504 году король польскій Сигизмундъ I отдалъ его во владѣніе извѣстному предводителю казаковъ Дашковичу. Въ 1557 году литовскій гетманъ, князь Вишневецкій, передавшись царю Ивану IV, занялъ Каневъ и предложилъ его московскому государю; но тотъ, не желая начинать войны, возвратилъ его Польшѣ. Въ 1638 году подъ Каневымъ былъ схваченъ поляками возставшій противъ нихъ казацкій атаманъ Остраница. Въ 1664 году въ Каневѣ былъ осажденъ малороссійскій гетманъ Брюховецкій знаменитымъ польскимъ полководцемъ Чарвецкимъ, но этотъ

послѣдній долженъ былъ отступить отъ Канева. Въ 1668 году Юрій Хмѣльницкій сжегъ и опустошилъ Каневъ. Въ 1710 году жители Канева по указу Петра Великаго были переселены на лѣвый берегъ Днѣпра. Въ 1787 году Каневъ получилъ извѣстность, вслѣдствіе происходившаго въ немъ свиданія императрицы Екатерины II съ королемъ польскимъ Станиславомъ-Августомъ.

Каневъ расположенъ по крутымъ горамъ и между глубокими оврагами, такъ что въѣздъ въ него имѣется только съ одной стороны. Населеніе города простирается до 12,000 жителей. Несмотря на древность, Каневъ не сдѣлался ни торговымъ, ни промышленнымъ городомъ, и въ торговомъ движеніи по Днѣпру принимаетъ самое ничтожное участіе.

Къ югу отъ Канева, на правомъ берегу Днѣпра лежитъ городъ Черкасы. Въ старинныхъ великорусскихъ актахъ и въ обычномъ разговорѣ малороссіянъ называли у насъ «черкасами». Это названіе давало поводъ думать, что первоначальное населеніе, или, по крайней мѣрѣ, главная его примѣсь были давно перебравшіеся съ Кавказа горскіе черкесы. Черкасы — городъ весьма старинный. Онъ былъ нѣкогда гнѣздомъ приднѣпровскаго казачества и защищенъ укрѣпленіями, а во времена польскаго владычества надъ Украиною считался особымъ староствомъ. Черкасы расположены частію на возвышенной плоскости, а частію внизу, при самомъ Днѣпрѣ, по берегу котораго городъ тянется слишкомъ на 5 верстъ, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ въ ширину пространство на $1^1/_2$ версты. Черкасы — одинъ изъ наиболѣе заселенныхъ уѣздныхъ городовъ Кіевской губерніи, такъ какъ въ немъ около 15,000 жителей.

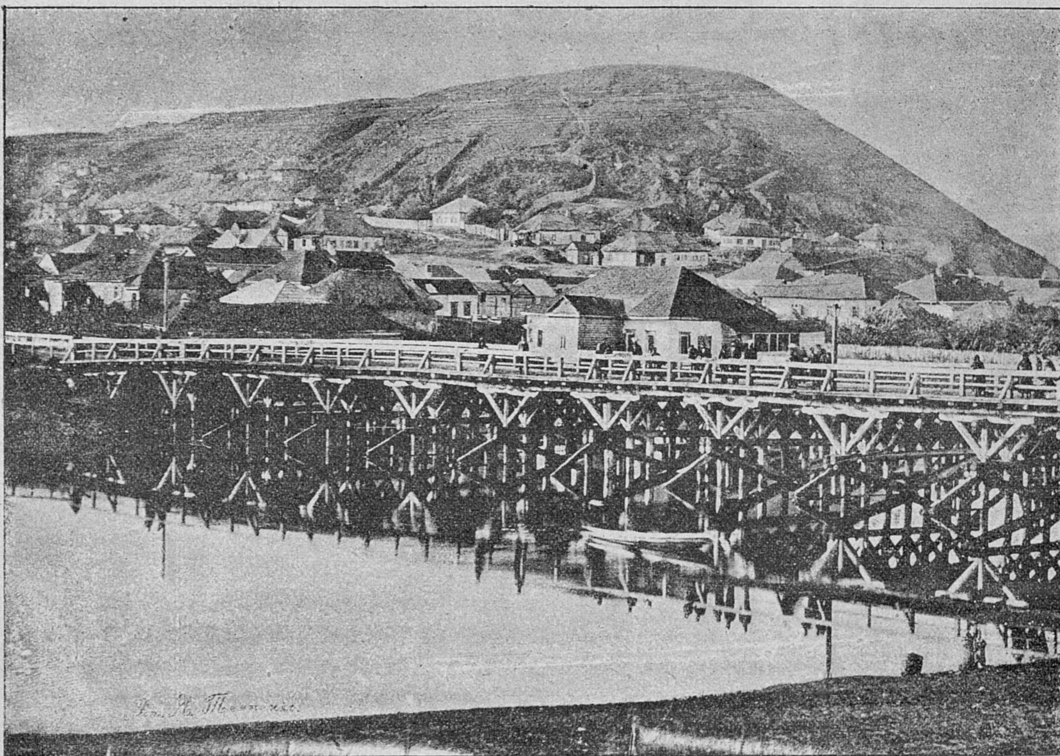


Икона Божіей Матери изъ Успенскаго Мстиславова собора въ г. Владимірѣ-Волынскомъ.

Въ Черкасахъ заслуживаетъ вниманія городская пристань, черезъ которую снабжаются лѣсомъ и желѣзомъ всѣ южные уѣзды Кіевской и Бобринецкій уѣздъ Черниговской губерній. Особенно значительны торговыя сношенія Черкасъ съ Кременчугомъ. Жители города торгуютъ преимущественно строевымъ лѣсомъ, распилка и перевозка котораго занимаетъ большое число рукъ. Торгуютъ они также и солью, пріобрѣтаемою въ Бессарабіи и отправляемою съ Василищенской пристани въ разные города Минской и Могилевской губерній. Ярмарокъ въ Черкасахъ не бываетъ. Тамъ замѣчателенъ сахарно-рафинадный заводъ, сумма ежегоднаго производства котораго достигаетъ милліона рублей. Кромѣ того, тамъ есть кирпичные, медоваренные и лѣсопильные заводы. Изъ Черкасъ сахаръ отправляется въ Кіевъ, Полтаву, Харьковъ и другіе города. Лѣсъ же приготовляется преимущественно для сахарныхъ заводовъ, находящихся какъ въ городѣ, такъ и въ его уѣздѣ. Почти половина христіанскаго населенія города занимается хлѣбопашествомъ и воздѣлываніемъ свекловицы на городскихъ земляхъ.

Послѣ Черкасъ ближайшій къ Днѣпру изъ уѣздныхъ городовъ Кіевской губерніи—Чигиринъ, находящійся въ южной ея части, на границѣ съ Херсонской губерніею. Городъ этотъ расположенъ на рѣкѣ Тясминкѣ, вокругъ горы, возвышающейся на 100 саженъ. Чигиринъ, по своей постройкѣ, представляетъ не болѣе, какъ обширную деревню. Онъ состоитъ изъ маленькихъ хатокъ и лачугъ съ соломенными крышами, соединенныхъ плетенымъ заборомъ. Улицы въ немъ узки и кривы. По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Чигиринѣ оказалось 9,677 душъ

обоего пола. Нѣкогда Чигиринъ былъ укрѣпленною мѣстностію. При немъ Богданъ Хмѣльницкій разбилъ поляковъ. Въ этомъ городѣ онъ и умеръ въ 1657 году. Во время владычества Польши, Чигиринъ, какъ староство, принадлежало знаменитой «польской фамиліи» Конецпольскимъ, а въ 1658 году король пожаловалъ его гетману Выговскому, измѣнившему Москвѣ и перешедшему на сторону Польши. Въ 1659 году русскіе и казаки осадили Чигиринъ и овладѣли имъ только послѣ трехъ-мѣсячной осады. Здѣсь захватили они громадные запасы пороха и значительное количество денегъ. Царь Алексѣй Михайловичъ отдалъ Чигиринъ «на булаву», т. е. на содержаніе по званію, гетману Богдану Хмѣльницкому. Во время нашихъ войнъ съ Турціею въ исходѣ XVII столѣтія Чигиринъ былъ мѣстомъ сбора русскихъ войскъ. При немъ



Мостъ въ Чигиринѣ.

бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій одержалъ въ 1676 году побѣду надъ турками.

Торговля Чигирина весьма незначительна, хотя, повидимому, мѣстныя условія должны были бы благопріятствовать ея развитію. Мѣстные христіане изъ горожанъ занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ, чумачествомъ и добываніемъ жерновыхъ камней изъ чигиринской горы, или торгуютъ солью и вяленою рыбою, а евреи—хлѣбомъ и строевымъ лѣсомъ. Въ Чигиринѣ бываютъ ярмарки, на которыхъ преимущественно скупается скотъ для убоя и хлѣбъ для окрестныхъ винокуренныхъ заводовъ. Ремесленное производство не представляетъ ничего, заслуживающаго вниманія.

Почти на равномъ разстояніи съ Чигириномъ отъ праваго берега Днѣпра, въ сѣверо-западномъ направленіи, находится уѣздный городъ Васильковъ, не имѣющій никакого значенія въ исторіи этого края. Городъ этотъ наполненъ бѣдными еврейскими домишками, расположенными

въ извилистыхъ и узкихъ улицахъ. Торговля его чрезвычайно скудна. Въ былое время жители города занимались собственно продажею съѣстныхъ припасовъ людямъ и доставкою корма лошадямъ и воламъ, при проходѣ черезъ него многочисленныхъ обозовъ, направлявшихся по торговому пути между Кіевомъ, Бердичевомъ и Одессою. Но теперь, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ, и этотъ промыселъ пришелъ въ значительный упадокъ, такъ же, какъ и извозничество, которымъ довольно выгодно промышляли жители Василькова.



Укрѣпленная церковь подъ Чигиринымъ.

Ближайшій къ Василькову уѣздный городъ, лежащій отъ него въ юго-западномъ направленіи,— Сквира былъ часто опустошаемъ во время казацкихъ войнъ. Хотя Сквира и принадлежитъ къ стариннымъ поселеніямъ въ этой мѣстности, но она не имѣла и не имѣетъ никакихъ зачатковъ городской жизни и, несмотря на наименованіе ее городомъ, есть не болѣе какъ село, хотя и съ 10,061 жителей обоего пола. Жители Сквиры изъ христіанъ занимаются почти исключительно сельскими работами; ремесленная же ихъ производительность состоитъ лишь въ приготовленіи простыхъ глиняныхъ горшковъ да смушевыхъ шапокъ.

Такимъ же незначительнымъ, въ экономическомъ отношеніи, представляется и городъ Липовецъ, бывшій нѣкогда укрѣпленнымъ мѣстомъ. Въ немъ насчитывается около 9,000 жителей. Промышленная дѣятельность этого города ограничивается только удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей и производится въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ же ничтожнымъ экономическимъ развитіемъ отличается и уѣздный городъ Звенигородка, бывшій при господствѣ Польши староствомъ, т. е. имѣніемъ, которое корона отдавала кому-либо изъ пановъ въ пожизненное владѣніе. Здѣсь земледѣльческія занятія составляютъ главный промыселъ жителей изъ христіанъ, а евреи занимаются покупкою въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ табуновъ лошадей и пригоняютъ ихъ для продажи на ярмарки. Нѣкоторые изъ христіанъ занимаются извозомъ и чумачествомъ.

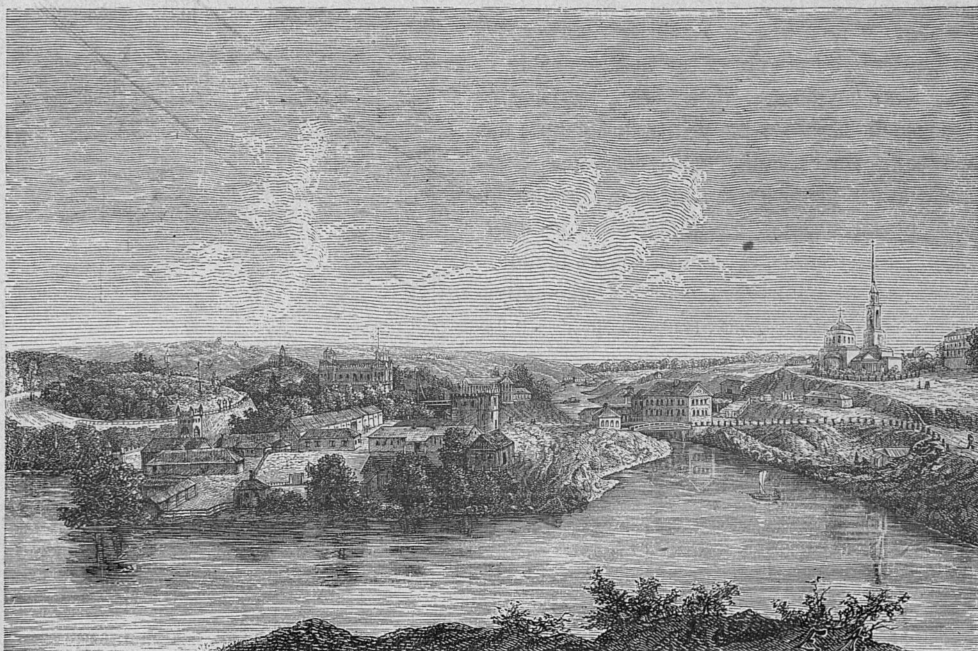


Сахарный заводъ въ Городищѣ, Кіевской губерніи.

Къ числу такихъ городовъ, какъ Звенигородка, принадлежитъ еще и уѣздный городъ Таращa. Въ немъ считается около 12,000 жителей обоего пола, въ числѣ которыхъ значительное большинство составляютъ евреи. На прилегающей къ городу горѣ находится старинный замокъ, обведенный валомъ. Таращa стоитъ на берегахъ несудоходныхъ рѣчекъ Глыбочки и Котлуя, въ сторонѣ отъ торговыхъ путей. Она была сдѣлана уѣзднымъ городомъ, какъ и многіе другіе города Кіевской губерніи, только вслѣдствіе

административныхъ соображеній. Капиталовъ въ ней нѣтъ, и потому Таращa лишена всякаго экономическаго значенія. Жители ея занимаются сельскими промыслами. Изъ производимыхъ въ Таращѣ простыхъ издѣлій замѣчательны чумацкіе возы, колеса и разныя принадлежности для телѣгъ, а также и брички, извѣстныя подъ именемъ таращинскихъ, — что въ великорусскихъ губерніяхъ, передѣлано въ «тарантасъ». Издѣлія эти, сбываемыя не только въ городѣ, но и по ближайшимъ мѣстечкамъ, а также и въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, составляютъ главный промыселъ городскихъ жителей. Ихъ скупаютъ евреи и потомъ продаютъ съ выгодою на разныхъ ярмаркахъ.

Гораздо большее экономическое значеніе, чѣмъ предыдущіе города, имѣетъ уѣздный городъ Умань. Въ ея исторіи извѣстны два страшныя событія. Умань была нѣкогда укрѣпленнымъ городомъ. Въ XVII столѣтіи она съ ея обширнымъ округомъ была пожалована Рѣчью Посполитою знаменитому польскому гетману, Александру Конецпольскому, за его военныя заслуги. Отъ



Мѣстечко Корсунь, Кіевской губерніи.

Конецпольскаго она перешла къ Потоцкимъ. Въ 1665 году подъ Уманью поляки одержали побѣду надъ русскимъ войскомъ и казаками. Въ 1675 году турки, послѣ пятидневной осады, взяли Умань, сдавшуюся имъ на капитуляцію, но они не сдержали условій, значившихся въ этой капитуляціи и, вступивъ въ городъ, перерѣзали всѣхъ тамошнихъ жителей безъ различія пола и возраста. Число погибшихъ при этомъ насчитываютъ до 20,000 человѣкъ. Не менѣе была ужасна и, такъ называемая, «уманьская рѣзня». Въ іюлѣ 1768 года Гонта, предводитель гайдамаковъ, впущенный въ городъ, по договору съ польскимъ военачальникомъ, занимавшимъ Умань, прежде всего вѣроломно перерѣзалъ сдавшійся ему и обезоруженный имъ гарнизонъ, потомъ евреевъ, а наконецъ и поляковъ, укрывшихся въ костелѣ. Гайдамаки безпощадно побили бывшихъ въ костелѣ и взрослыхъ, и дѣтей. Число труповъ доходило до 15,000 и, кромѣ того, обширный прудъ на рыночной площади былъ запруженъ исключительно одними только дѣтьми. Зловоніе, распространившееся отъ гніенія труповъ, заставило гайдамаковъ

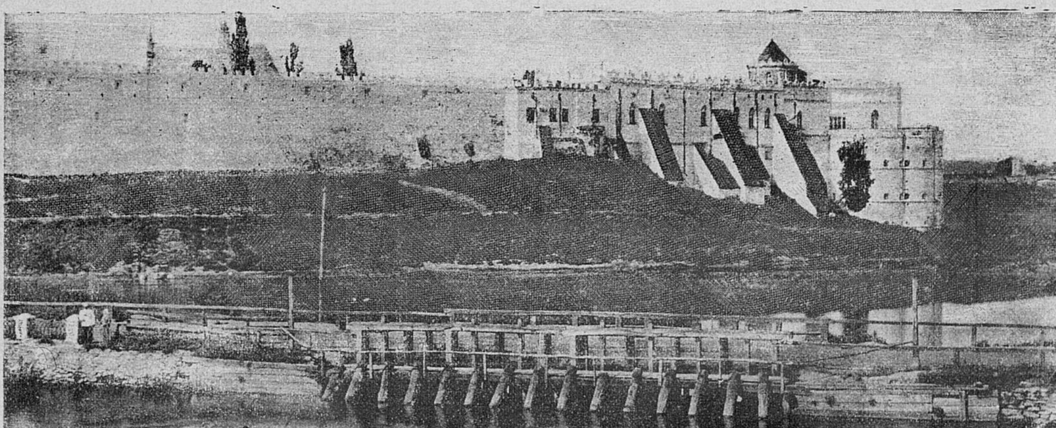
выбраться поскорѣе изъ опустошенной ими Умани. Умань лежитъ въ той мѣстности, гдѣ кончаются прекрасные дубовые лѣса и начинаются степныя украинскія пространства. Въ ней около 17,000 жителей.

Умань въ торговомъ отношеніи находится въ тѣсной и постоянной связи съ Одессою, и торговые ея обороты довольно значительны. Уманскіе купцы отправляютъ въ Одессу большія партіи пшеницы и другихъ продуктовъ, скупаемыхъ ими по окрестнымъ имѣніямъ и базарамъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ купцовъ имѣютъ постоянно значительные склады хлѣба, готоваго къ отправленію въ Одессу по первому оттуда требованію.

Умань славится своимъ садомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Царицынъ садъ». Онъ занимаетъ пространство въ 106 десятинъ и устроенъ превосходно. На него бывшимъ владѣльцемъ города, графомъ Потоцкимъ, были затрачены огромныя суммы.

Изъ числа мѣстностей, не состоящихъ городами, но замѣчательныхъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, необходимо назвать Корсунь, Чарторыжскъ, Черный Островъ, Полонное и Немировъ.

Корсунь, мѣстечко Кіевской губерніи, Каневскаго уѣзда, лежитъ на юго-востокъ отъ Кіева, на рѣкѣ Роси или Руси. Оно было основано королемъ Стефаномъ Баторіемъ около 1581 года.



Замокъ въ Меджибожѣ

Здѣсь уцѣлѣли еще остатки древняго замка. Въ Корсунѣ считается теперь до 600 дворовъ. Корсунь замѣчателенъ тѣмъ, что около него 20-го мая 1648 года гетманъ Богданъ Хмѣльницкій одержалъ блестящую побѣду надъ великимъ коронным гетманомъ Николаемъ Потоцкимъ и надъ напольнымъ гетманомъ Мартиномъ Калиновскимъ. Въ битвѣ подъ Корсунемъ оба эти гетмана были взяты казаками въ плѣнъ. Спасся только одинъ изъ главныхъ польскихъ военачальниковъ князь Корецкій, благодаря поспѣшному отступленію своему къ Кіеву. Польскихъ магнатовъ, попавшихся въ плѣнъ казакамъ, Хмѣльницкій отдалъ, вмѣсто награды, татарскому вождю Тугай-бею, и такой подарокъ былъ весьма значителенъ, такъ какъ Тугай за выкупъ одного только Сенявскаго получилъ изъ Польши 20,000 червонцевъ. Побѣда казаковъ при Корсунѣ имѣла весьма важное значеніе, потому что послѣ нея вся Украина отложилась отъ Польши и перешла на сторону Хмѣльницкаго. Виновникомъ такого страшнаго разгрома польскихъ войскъ молва считала русскаго воеводу Даніила Выговскаго, будто бы подбившаго казаковъ къ новому возстанію, столь бѣдственно окончившемуся для поляковъ. Выговскаго судили въ Корсунѣ, гдѣ онъ, признанный виновнымъ, и былъ растрѣлянъ.

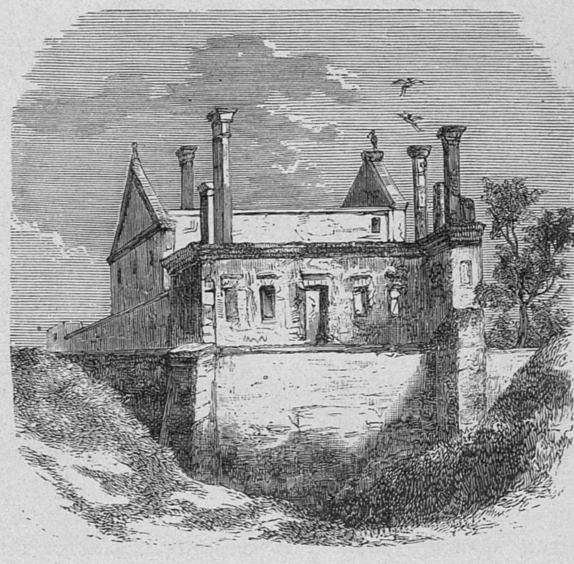
Корсунь составляло староство, принадлежавшее къ королевскимъ помѣстьямъ, а по при-

соединеніи этого мѣстечка къ Россіи, оно было зачислено дворцовымъ имѣніемъ, которое впослѣдствіи императоръ Павелъ пожаловалъ въ потомственное владѣніе князю Петру Васильевичу Лопухину.

Въ Волынской губ., на рѣкѣ Стырѣ, находится небольшое поселеніе Чарторыжскъ. Поселеніе это имѣетъ историческое прошлое. Въ лѣтописи Нестора, подъ годомъ 1100 упоминается, что великій князь Святополкъ отдалъ поселеніе Чарторыжскъ князю Игорю.

Чарторыжскъ былъ нѣкогда укрѣпленнымъ городомъ, съ построеннымъ въ немъ замкомъ. Отъ прежняго замка, выстроеннаго, какъ надо полагать, въ XVII столѣтіи и рисунокъ котораго здѣсь прилагается, остались только голыя стѣны, съ орлами на гербовыхъ щитахъ, высокій валъ и глубокіе рвы. Замокъ, по обычаю того времени, былъ построенъ надъ самой рѣкой Стыремъ на высокой горѣ, которая видна со всѣхъ сторонъ еще издали. Около замка находятся также развалины доминиканскаго монастыря.

Е. П. Карновичъ.



Замокъ въ Чарторыжскѣ.

ОЧЕРКЪ VIII.

ХАРЬКОВЪ И ГОРОДА ЛѢВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ.

Харьковъ. — Его прошлое. — Харьковскій университетъ. — Н. В. Каразинъ и Г. Ѳ. Квитка. — Настоящее Харькова. — Черниговъ и Полтава. — Новгородъ-Сѣверскъ, Нѣжинъ, Кременчугъ и Ромны. — Ахтырка и Славянскъ.

И процвѣтетъ сей край полуденный!

Слова Н. В. КАРАЗИНА,

сказанныя по поводу устройства въ Харьковѣ университета.

Этимъ привольнымъ степямъ предстоитъ великое будущее.

ГАКСТГАУЗЕНЪ.



Мѣстность, занимаемая нынѣшними Харьковскою, Полтавскою и Черниговской губерніями, въ самый древній періодъ исторіи является заселенною славянскими племенами. Только юго-восточный уголъ Харьковской губерніи входилъ въ составъ области, охватывающей весь крайній югъ Россіи и занятой въ первые вѣка русской исторіи сначала хозарами, а потомъ печенѣгами, половцами, торками и берендѣями.

Славяне, населявшіе весь край, между среднимъ теченіемъ Днѣпра и сѣвернымъ Донцомъ, принадлежали къ племени сѣверянъ. Изъ лѣтописныхъ указаній, относящихся ко времени Олега, видно, что сѣверяне уже въ то время жили селами и занимались хлѣбопашествомъ. Эти мирные земледѣльцы много страдали отъ постоянныхъ набѣговъ и нападеній своихъ южныхъ и восточныхъ инородческихъ сосѣдей, большею частью кочевниковъ.

Татарское нашествіе совершенно смыло русское населеніе съ лица описываемаго края. Малочисленные города, изъ которыхъ нѣкоторые сдѣлались уже было цвѣтущими торговыми пунктами, были взяты и разрушены татарами. Населеніе или погибло подъ развалинами селъ и городовъ, или разбѣжалось. Область, прежде богатая народонаселеніемъ, запустѣла; жизнь русская удалилась далѣе на сѣверъ, и лѣтописи наши съ этого времени почти совсѣмъ потеряли изъ виду этотъ край. Повсюду здѣсь бродили татарскія орды, нападая и подвергая окончательному опустошенію немногіе пункты, занятые русскими, каковы Черниговъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскъ. Только постепенно и понемногу русскіе стали проникать въ принадлежавшій имъ искони край и снова заселять его. Собственно въ Харьковской губерніи это стало возможнымъ только съ того времени, когда Москва побѣдила татаръ въ Куликовской битвѣ.

Съ этихъ поръ русскія поселенія начинаютъ подвигаться на югъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяются и владѣнія Москвы.

Московскіе князья, а потомъ цари, въ видахъ заселенія края и обезпеченія московскаго государства отъ набѣговъ татаръ, предоставили полную свободу селиться на Украинѣ всякаго рода выходцамъ, образуя изъ нихъ полки, сотни, разряды ратныхъ людей и обязывая ихъ защищать границу. Такъ образовалось сословіе «однодворцевъ» въ Курской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерніяхъ, и также возникли слободско-украинскіе казачьи полки въ Воронежской, Харьковской и Полтавской губерніяхъ.

Гоненія, которымъ подвергались малоруссы отъ поляковъ въ правобережной Украинѣ и вообще въ областяхъ, находившихся подъ властью Польши, заставили ихъ тяготѣть къ Москвѣ и, между прочимъ, вынудили многихъ переселиться въ мѣстности, фактически или только номинально принадлежавшія московскому государству. Такъ, еще въ 1638 году прибыла въ предѣлы нынѣшней Харьковской губерніи большая партія малоруссовъ подъ предводительствомъ гетмана Яцки Остренина и была поселена въ Чугуевѣ, который представляетъ собою едва ли



Спасо-Преображенскій соборъ и церковь Бориса и Глѣба въ Черниговѣ.

не первый пунктъ, твердо занятый въ этомъ краѣ Москвою. За этими переселенцами послѣдовали новыя партіи; они селились или на старыхъ городищахъ, которыя легче всего было снова превратить въ укрѣпленные пункты, или въ мѣстахъ, наиболѣе скрытыхъ глухихъ и недоступныхъ хищнымъ кочевникамъ. Постоянные набѣги татаръ и принятая на себя переселенцами обязанность защищать границы заставили ихъ установить у себя военную организацію. Такъ образовались казачьи полки: Сумскій, Ахтырскій, Изюмскій, Острогожскій или Рыбинскій и Харьковскій. Казаки, входившіе въ составъ этихъ полковъ, жили разсѣянные во множествѣ отдѣльныхъ поселеній и хуторовъ, и тѣ изъ этихъ поселеній, въ которыхъ находилось полковое управленіе, впослѣдствіи получили характеръ и имя городовъ.

Мѣстность, занятая нынѣшнимъ Харьковомъ, близъ сліянія рѣкъ Харькова и Лопани съ Удами, издревле служила важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Болотистые берега рѣкъ, покрытые частью луговою порослью, кустарниками и деревьями, защищали этотъ пунктъ съ трехъ сторонъ, тогда какъ съ четвертой стороны все это пространство было прикрыто густымъ сплошнымъ лѣсомъ, отъ котораго теперь, конечно, и слѣдовъ не осталось. Уже въ древней Руси здѣсь былъ русскій городъ Донецъ, куда, по словамъ «Слова о полку Игоревѣ», явился

Игорь Святославовичъ, когда освободился отъ плѣна половецкаго. Въ XVI вѣкѣ здѣсь находились городища Донецкое и Хорошее, куда выѣзжали сторожевые стоянцы. Со времени поселенія малоруссовъ (черкасовъ) въ Чугуевѣ, здѣшнія земли были причислены къ этому городу и въ 1643 г. на городищахъ Донецкомъ и Хорошемъ были поселенія чугуевскихъ боярскихъ дѣтей. О времени заселенія самаго Харькова точныхъ свѣдѣній не осталось, но приблизительно начало Харькова, какъ города, относятъ ко времени около 1650 г.

Существуетъ преданіе, что первымъ переселенцемъ, образовавшимъ на мѣстѣ нынѣшняго Харькова хуторъ, былъ казакъ *Харько*, вышедшій изъ Заднѣпровья и выведшій оттуда съ собою цѣлую толпу семействъ, рѣшившихся покинуть навсегда угнетенную родину. На новомъ мѣстѣ поселенія Харьку и его товарищамъ пришлось вести постоянную партизанскую войну, то отражая нападенія татаръ, то въ свою очередь пускаясь въ отважные поиски за ними. Не въ дальнемъ разстояніи отъ его поселенія, на правомъ берегу рѣки Удъ, при впаденіи въ него Харькова, существовало тогда небольшое укрѣпленіе, слѣды котораго не изгладились доселѣ въ имѣніи, принадлежащемъ теперь помѣщику М. М. Щербинину. Узнавъ, что татары разорили всю эту мѣстность и съ награбленною добычею потянулись по направленію Донца, Харько бросился за ними съ своими и сосѣдними поселенцами. Настигнувъ грабителей близъ нынѣшняго Зміева, казаки вступили съ ними въ кровопролитную сѣчу, отбили добычу и освободили плѣнныхъ. Но преслѣдуя разбитыхъ татаръ за Донецъ, они наткнулись на новые отряды кочевниковъ и были разбиты въ свою очередь; при обратной переправѣ черезъ Донецъ многіе изъ казаковъ утонули и въ числѣ ихъ былъ Харько съ двумя сыновьями. Съ гибелью Харько его хуторъ, однако, не погибъ, а все болѣе и болѣе росъ и расширялся. За первыми поселенцами сюда явилось много другихъ выходцевъ изъ Малороссіи и они, мало-по-малу, частью разселились по правому берегу рѣки, или по такъ называемому Подолу, а частью углубились во внутреннее пространство Междурѣчья. Съ одной стороны жилье охватило все полукружіе до нынѣшней церкви св. Троицы; съ другой—одновременно явилось поселеніе на лѣвомъ берегу Лопани. Впослѣдствіи та и другая часть слились и образовали одинъ городъ.



Часовня св. Ильи, принадлежащая Троицкому монастырю подъ Черниговомъ.

Причисленіе Харькова къ разряду полковыхъ городовъ произошло, какъ уже сказано выше, около 1650 г.; по крайней мѣрѣ таковымъ онъ значится уже по записямъ 1653 г. Въ 1656 году послѣдовала царская грамата объ устройствѣ въ Харьковѣ крѣпости для защиты жителей отъ набѣговъ татаръ, которые не только не прекращались, но еще усилились къ этому времени. Тогда же переписаны для службы въ этой крѣпости нѣкоторые изъ чугуевскихъ боярскихъ дѣтей. Крѣпость занимала то мѣсто, гдѣ теперь находятся зданія университета, присутственныя мѣста, соборъ, зданія архіерейскаго монастыря, гостиные ряды и домъ дворянскаго собранія. Въ числѣ зданій, заключавшихся въ тогдашней крѣпости, особеннаго вниманія заслуживаетъ церковь Успенія Божіей Матери, первая церковь г. Харькова, стоявшая на мѣстѣ нынѣшняго каѳедральнаго собора.

Исторія Харькова, за первый вѣкъ его существованія, не обильна событіями и тѣсно свя-

зана съ исторіею всего харьковскаго полка и отчасти съ исторіею настоящей Малороссіи или гетманщины. Сдѣлавшись полковымъ округомъ, Харьковъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи обширное пространство нынѣшнихъ уѣздовъ Харьковскаго, Волчанскаго, Зміевскаго, Валковскаго и Изюмскаго, гдѣ насчитывалось 21 сотенныхъ городковъ. Все это пространство представляло собою сплошной рядъ пограничныхъ военныхъ поселеній и постоянно подвергалось всѣмъ бѣдствіямъ непріятельскихъ нападеній. Съ одной стороны сюда постоянно направлялись набѣги крымцевъ, а съ другой — харьковскій полкъ переживалъ всѣ тѣ тревоги, которыя выпадали на долю Малороссіи. Вмѣстѣ съ татарами дѣйствовали запорожцы и булавинцы. Грабежи и опустошенія продолжались до 1720 г., когда ханъ вошелъ въ соглашеніе съ мѣстными властями и отозвалъ свои орды въ Крымъ.

Съ этого времени, т. е. со времени замиренія края, началось гражданское и экономическое развитіе края. Въ 1726 году здѣсь уже было учреждено высшее учебное заведеніе, игравшее



Никитская улица въ г. Чугуевѣ (Харьк. губ.).

видную роль въ дѣлѣ развитія интеллигентныхъ силъ края. Это такъ называемый харьковскій коллегіумъ. До этого времени въ Харьковѣ была лишь приходская школа при Покровской церкви. Епископъ Тихорскій преобразовалъ эту церковь въ Покровскій училищный монастырь и устроилъ здѣсь для дѣтей духовенства славяно-греко-латинскую школу, которая долго была извѣстна подъ именемъ академіи. На содержаніе какъ монастыря, такъ и школы съ учениками и учителями, епископъ опредѣлилъ купленныя на свой счетъ нѣсколько помѣстьевъ и назначилъ $^1/_{20}$ доходовъ монастырей и $^1/_{30}$ съ приходскихъ церквей епархіи. Кромѣ того, главнокомандующій въ краѣ князь Мих. Мих. Голицынъ уступилъ въ пользу училищнаго монастыря одно изъ своихъ помѣстьевъ, с. Песочки, Валковскаго уѣзда. Устроенная школа была предназначена, главнымъ образомъ, для подготовки священниковъ и, сообразно съ этимъ, былъ установленъ ея курсъ.

Въ славяно-греко-латинскую школу принимались дѣти священниковъ, въ «классы» — дѣти

всѣхъ сословій. Послѣдніе были приходящими учениками и платили за обученіе, тогда какъ воспитанники школы жили въ училищномъ монастырѣ, въ особомъ зданіи (бурсѣ), и были освобождены отъ платы, какъ за обученіе, такъ и за содержаніе. Здѣсь же, въ бурсѣ, жили сироты, обучавшіеся въ «классахъ» и содержавшіеся частію на средства монастыря, частію на пожертвованія. Впослѣдствіи изъ этихъ сиротъ была образована цѣлая рота кадетъ. Такимъ образомъ харьковскій «коллегіумъ» былъ учебнымъ заведеніемъ въ одно и то же время духовнымъ, общеобразовательнымъ и спеціально военнымъ.

«Коллегіумъ» сыгралъ видную роль въ дѣлѣ распространенія цивилизаціи въ слободской Украинѣ. Не говоря уже о томъ, что онъ выпустилъ множество образованныхъ священниковъ, многіе изъ его воспитанниковъ пріобрѣли себѣ извѣстность какъ на государственной службѣ, такъ и на поприщѣ служенія наукѣ и литературѣ. Изъ послѣднихъ достаточно назвать такихъ



Видъ на Харьковъ отъ университета.

лицъ, какъ знаменитый сатирикъ Кантемиръ и переводчикъ безсмертнаго творенія Гомера, Гнѣдичъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ въ Харьковѣ просвѣщенія, росла и развивалась его экономическая жизнь. Вотъ нѣкоторыя цифры о количествѣ харьковскихъ купцовъ и ремесленниковъ, относящіяся къ 1749 году. Купцовъ было 166, ремесленниковъ—566. Въ настоящее время Харьковъ наполненъ фабриками и заводами, тогда какъ сто тридцать лѣтъ тому назадъ вся его промышленная дѣятельность ограничивалась исключительно ремеслами и ни о какихъ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ помину не было.

До 1765 г. Харьковъ былъ полковымъ городомъ, причемъ къ нему по всѣмъ военнымъ и гражданскимъ дѣламъ тянули Ольшана, Мерефа, Золочевъ, Липцы, Валки и Волчанскъ. Въ 1765 г. изъ всѣхъ слободскихъ полковъ была учреждена особая Слободско-Украинская губернія, центромъ которой былъ назначенъ Харьковъ. Губернія эта просуществовала

однако недолго, всего до 1780 г., когда въ Харьковѣ было открыто Харьковское намѣстничество, въ составъ котораго вошли мѣстности нынѣшнихъ Харьковской и Воронежской губерній. Но и намѣстничество просуществовало всего 16 лѣтъ и въ 1796 г. снова была возстановлена Слободско-Украинская губернія. получившая свое настоящее названіе—Харьковской лишь въ 1835 году.

Со времени открытія намѣстничества, Харьковъ сталъ быстро развиваться въ экономическомъ и образовательномъ отношеніи. Школьное дѣло также росло и развивалось въ Харьковѣ. Въ 1789 г. учреждены главное и малое народныя училища, причемъ къ первому были отдѣлены отъ коллегіума «классы». Въ этомъ видѣ училища просуществовали недолго, и въ 1815 г. главное, вмѣстѣ съ «классами», было преобразовано въ губернскую гимназію, а малое — въ уѣздное училище.

Въ 1802 году харьковскіе дворяне были приглашены составить сумму, необходимую для учрежденія въ Харьковѣ университета. Къ пожертвованіямъ на университетъ были приглашены также и остальные харьковскіе граждане—купцы и цеховые. Дворянство пожертвовало 400,000



Харьковскій университетъ.

рублей ассигнаціями, которыя предназначено собрать по раскладкѣ съ имѣній. Купцы пожертвовали $1^1/_4\%$ сборъ съ объявленныхъ капиталовъ, т. е. ровно столько, сколько они вносили государственной подати и, кромѣ того, половину откупной винной суммы. Цеховые отказались отъ пожертвованій, сославшись на свою бѣдность и обремененіе податными тягостями.

Самое открытіе университета произошло лишь въ 1805 г.; до тѣхъ же поръ для него не могли найти подходящаго зданія. Подъ помѣщеніе университета былъ отведенъ такъ называемый бывшій генералъ-губернаторскій домъ, составляющій нынѣ главное зданіе университета. Первымъ попечителемъ университета и учебнаго округа былъ назначенъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, и самый харьковскій учебный округъ опредѣлялся губерніями: Слободско-Украинскою, Орловскою, Воронежскою, Курскою, Черниговскою, Полтавскою, Николаевскою (Херсонскою), Таврическою, Екатеринославскою и землями донскихъ и черноморскихъ казаковъ.

Вслѣдъ за учрежденіемъ мужского высшаго учебнаго заведенія, въ Харьковѣ стала ощущаться потребность въ женскомъ учебномъ заведеніи. Выразителемъ этой потребности явился извѣстный малороссійскій писатель Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко, подавшій мысль

объ учрежденіи въ Харьковѣ института благородныхъ дѣвицъ. Григорій Ѳедоровичъ завѣдывалъ въ это время дѣлами образовавшагося въ началѣ 1812 года въ Харьковѣ «общества благотворенія» и побудилъ «общество» взять на себя иниціативу устройства института. Институтъ былъ открытъ 10 сентября 1812 года, то-есть въ тотъ самый день, когда въ Москву вступалъ Наполеонъ. Квиткѣ было ввѣрено главное управленіе дѣлами института, на который онъ принесъ въ жертву почти все свое достояніе. Вообще, первое время институтъ существовалъ добровольными пожертвованіями. Затѣмъ для сооруженія зданія института былъ произведенъ заемъ въ московской сохранной казнѣ, для погашенія котораго въ 1830 г. былъ учрежденъ особый сборъ съ дворянъ, купцовъ и свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Изъ другихъ учебныхъ заведеній, открытыхъ въ Харьковѣ, слѣдуетъ указать учрежденія *Ланкастерскаго училища* (1837 г.), на которыя тогда была большая мода, и особаго ветеринарнаго училища (1850 г.). Послѣднее было преобразовано изъ состоявшей при медицинскомъ факультетѣ ветеринарной школы. Позднѣе, какъ извѣстно, ветеринарное училище превратилось въ высшее учебное заведеніе—ветеринарный институтъ.

Вообще, надо сказать, что учебное дѣло въ Харьковѣ, никогда не отставало отъ хода того же дѣла въ самыхъ просвѣщенныхъ центрахъ Россіи, столицахъ, всегда удовлетворяло нарождавшейся потребности населенія въ обученіи. Не такъ удачно шло дѣло доставленія харьковцамъ доступнаго чтенія. Вотъ какая печальная участь постигла первую публичную библіотеку, устроенную въ Харьковѣ въ 1831 году. Библіотека должна была находиться въ вѣдѣніи губернатора; первыми попечителями ея были назначены Андр. Ѳед. Квитка, тогда губернскій предводитель дворянства, Кашинцовъ и Знобишинъ. Первымъ библіотекаремъ избранъ Изм. Ив. Срезневскій, впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургскаго университета и академикъ; помощникомъ ему былъ назначенъ г. Королевъ, впослѣдствіи директоръ Петровско-Разумовской академіи. Учрежденіе библіотеки встрѣтило большое сочувствіе среди мѣстнаго общества, и общество отозвалось цѣлымъ рядомъ пожертвованій. Много сдѣлавшій для просвѣщенія Харькова и харьковскаго края, Василій Назаровичъ Каразинъ, о которомъ мы подробно поговоримъ ниже, пожертвовалъ въ библіотеку много картъ, книгъ и рукописей. Денежные взносы поступали десятками, сотнями и тысячами рублей. Въ пожертвованіяхъ принимали участіе какъ дворяне, такъ и купцы. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ библіотеку ожидала блестящая будущность; но въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ иное. Съ самаго же начала распорядители показали полное непониманіе дѣла, которому они взялись служить: такъ, купивши книгъ на 935 руб. 60 к., они для храненія ихъ соорудили шкафы изъ краснаго дерева, стоимостью въ 1,200 руб. Дальнѣйшія причины неуспѣха библіотеки не выяснены. Извѣстно только, что, несмотря на открытіе входа въ библіотеку каждому, исключая лицъ въ «неприличномъ видѣ и одѣяніи», посѣтителей въ библіотекѣ было очень мало, а случались дни, когда драгоцѣнные шкафы не видѣли никого, кромѣ библіотекаря и его помощника. Въ виду этого, въ 1836 году попечительный комитетъ библіотеки рѣшилъ сдать ее въ *справочную городскую контору*. Въ 1841 году контора была закрыта, и для библіотеки, такимъ образомъ, не было помѣщенія. Содержатель конторы обратился въ контору дворянскаго депутатскаго собранія съ просьбою принять отъ него библіотеку, какъ учрежденіе дворянское. Дворяне, однако, принять библіотеку не поже-

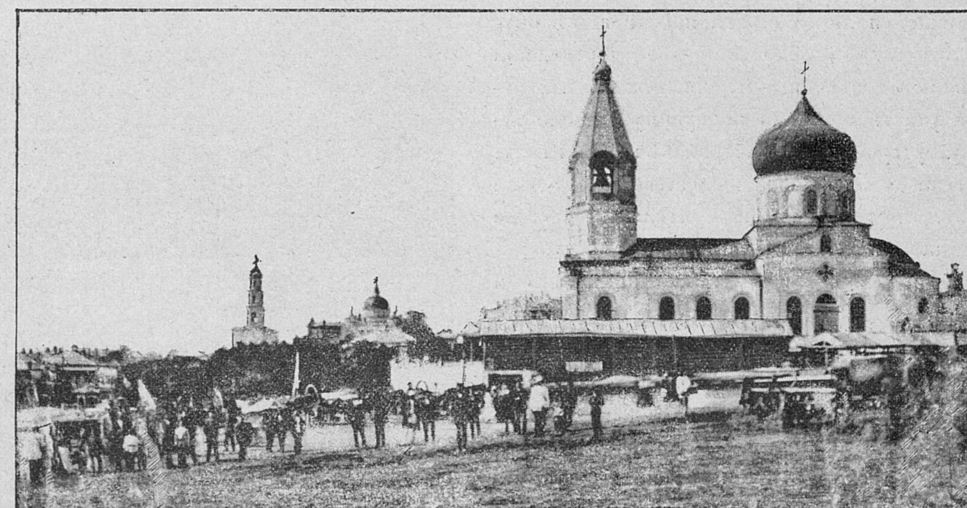


Новое зданіе биржи въ Харьковѣ.

лали. Тогда содержатель конторы, видимо, человѣкъ энергичный, рано утромъ нагрузилъ библіотеку на двѣнадцать возовъ, привезъ ее на дворъ депутатскаго собранія и здѣсь свалилъ. Когда собрались чиновники, они стали въ тупикъ, увидѣвъ на дворѣ горы книгъ, и не знали, что дѣлать. Въ это время собрались тучи и пошелъ дождь. Разсуждать было некогда, и чиновники вмѣстѣ со сторожами бросились таскать охабками книги въ конюшню и здѣсь расположили ихъ около лошадиныхъ стойлъ. Здѣсь библіотека пролежала въ лошадиномъ обществѣ ровно 18 лѣтъ, до 1859 года, когда, благодаря вновь наступившему періоду просвѣщенія, забытая библіотека была перенесена въ помѣщеніе депутатскаго собранія и водворена въ прежнихъ красивыхъ шкафахъ. Но и здѣсь библіотека была предана полному забвенію, такъ что даже о самомъ существованіи ея мало кто зналъ.

Для полной характеристики исторіи просвѣщенія въ Харьковѣ нужно еще остановиться на періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ этомъ городѣ, и на существовавшихъ здѣсь обществахъ ученаго и общественно-благотворительнаго характера.

Первымъ годомъ періодическихъ изданій въ Харьковѣ былъ 1816 годъ. Въ этомъ году здѣсь начали выходить два журнала: «Украинскій Вѣстникъ», издававшійся профессорами Го-

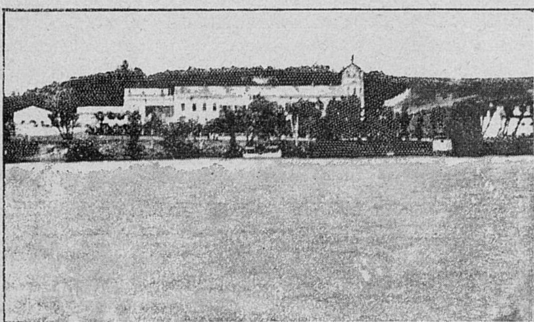


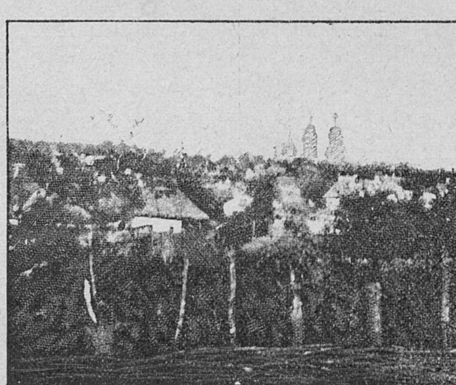
Городъ Купянскъ.

норскимъ и Филомаѳитскимъ, и «Харьковскій Демокритъ», издававшійся Масловичемъ. Затѣмъ съ 1817 года начали выходить «Украинскія Извѣстія» Вербицкаго и «Украинскій Домоводъ», издаваемый профес. Пильгеромъ, существовавшія до 1823 года. Съ 1824 по 1826 годъ издавался Склабовскимъ «Укранскій Журналъ». Около этого же времени Гулакъ-Артемовскій и Склабовскій предполагали издавать «Музу», но изданіе это не состоялось. Всѣ эти изданія имѣли близкое отношеніе къ университету, они издавались профессорами университета и ихъ же произведеніями большею частью наполнялись. Были, впрочемъ, въ Харьковѣ писатели и помимо университета; были даже писательницы. Имена послѣднихъ должны быть занесены въ исторію города Харькова. Это были Глафира Шумлянская, Александра Каменская, Любовь Кричевская, Людмила Коростовцева. Изъ мужчинъ-писателей того времени мы укажемъ только на Гулакъ-Артемовскаго и Квитку-Основьяненко. Въ 1830 году стали издаваться «губернскія вѣдомости», имѣвшія до 1837 года одинъ оффиціальный отдѣлъ и лишь въ этомъ году раздѣлившійся на двѣ части: оффиціальную и неоффиціальную. Съ 1859 года при губернскихъ вѣдомостяхъ стали издаваться особыя «прибавленія», представлявшія самостоятель-

ную газету и выходившія три раза въ недѣлю. Такою періодическою печатью должны были довольствоваться харьковцы вплоть до 70-хъ годовъ, когда въ Харьковѣ стали появляться частныя изданія—«Харьковъ» и др.

Надо вообще замѣтить, что на харьковской общественной жизни вполнѣ отражались тогдашнія «вѣянія». Въ пятнадцатилѣтіе, напримѣръ, съ 1810 по 1825 г. здѣсь образовался цѣлый рядъ ученыхъ и общественно-благотворительныхъ обществъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ духовной жизни Харькова шло и его экономическое преуспѣяніе. Во времена намѣстничества Харьковъ уже начиналъ дѣлаться центромъ южно-русской торговли. Торговые склады Харькова снабжали разными отечественными и иностранными товарами не только харьковское намѣстничество, но и сосѣднія. Въ городѣ, какъ и теперь, было четыре ярмарки, на которыя привозилось много желѣзныхъ товаровъ, рыбы, сала, кожъ, шерсти и разныхъ мануфактурныхъ









Видъ на Сумы изъ-за рѣки Псёла.
Городская площадь.

Видъ на г. Сумы.
Воскресенская улица.

Г. Сумы (уѣздный городъ Харьковской губерніи).

издѣлій. Ярмарки эти играли видную роль въ жизни нашего юга: на нихъ шелъ сбытъ сырыхъ продуктовъ и на нихъ же южно-русскіе хозяева запасались всѣми необходимыми имъ промышленными издѣліями. Съ устройствомъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ сахарныхъ заводовъ, Харьковъ становится рынкомъ для сахара. Но особенно важное значеніе для развитія торговли въ Харьковѣ имѣло улучшеніе овцеводства на югѣ и появленіе здѣсь мериносовъ, что относится къ концу прошлаго и началу настоящаго столѣтія. Съ этихъ поръ Харьковъ сталъ *шерстянымъ* рынкомъ попреимуществу.

Какъ развивалась товговля Харькова можно видѣть изъ того, что въ 30-ые годы на всѣ четыре ярмарки привозилось товаровъ на сумму до 45 — 50 милліоновъ рублей ассигнаціями или на 13—14 милл. рублей серебромъ, въ концѣ 50-хъ годовъ оборотъ харьковскихъ ярмарокъ достигалъ 25—40 милліоновъ рублей серебромъ.

Въ послѣдніе двадцать-пять лѣтъ торговля Харькова еще болѣе усилилась. Развитіе каменноугольной промышленности въ донецкомъ районѣ, соединеніе Харькова желѣзными дорогами со многими торговыми и промышленными центрами и, наконецъ, общее оживленіе дѣлъ не могли не отразиться на харьковской торговлѣ — и въ настоящее время Харьковъ въ торговомъ отношеніи является центромъ для всей юго-восточной и отчасти южной и средней Россіи.

Не такъ преуспѣлъ Харьковъ въ промышленномъ пути. Во времена намѣстничества въ Харьковѣ встрѣчалась только ремесленная промышленность. Здѣсь были *рымари*—кожевники, *кушнеры*—скорняки, *коцарки*—выдѣлывавшіе маленькіе коврики *(коци)*, *свитники*—(своеобразные портные), кузнецы, мѣдники, серебреники, гончары и т. п. Съ теченіемъ времени крупная промышленность Харькова все развивалась, хотя гораздо слабѣе торговли, и въ настоящее



Соборная улица въ Сумахъ.

время Харьковъ, по своей фабрично-заводской дѣятельности, занимаетъ довольно видное мѣсто въ ряду другихъ городовъ.

Съ ростомъ торговли и промышленности, росъ и развивался самый городъ и увеличивалось его населеніе. Изъ небольшого городка, который весь помѣщался въ маленькой крѣпости, Харьковъ разросся въ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Россіи, занявъ десятки крадратныхъ верстъ пространства и достигъ болѣе, чѣмъ 100-тысячнаго населенія.

Въ теченіе всего настоящаго столѣтія Харьковъ является культурнымъ центромъ для лѣвобережной Украины и приазовскаго района. Отсюда по всему краю лился свѣтъ просвѣщенія. Харьковская литература была и есть литература всего края. Люди, разносившіе образованіе по всѣмъ уголкамъ этого края, выходили, главнымъ образомъ, изъ харьковскихъ высшихъ и средне-учебныхъ заведеній. Такимъ культурнымъ вліяніемъ Харьковъ обязанъ преимущественно

своему университету, а потому не лишне будетъ остановиться на исторіи этого учрежденія, игравшаго такую видную роль въ судьбахъ края.

Какъ мы уже говорили выше, дѣло объ устройствѣ университета въ Харьковѣ началось въ 1802 году и кончилось въ 1805 году дѣйствительнымъ открытіемъ университета. Возникновеніе университета въ значительной степени обязано трудамъ и усиліямъ Каразина, хлопотавшаго среди харьковскихъ дворянъ о пожертвованіи на содержаніе университета и затѣмъ въ качествѣ дворянскаго депутата пріискивавшаго помѣщеніе для университета и вообще ведшаго хозяйственную сторону дѣла. Благодаря усиліямъ этого просвѣщеннаго и энергичнаго человѣка оказалось возможнымъ такое быстрое исполненіе Высочайшаго повелѣнія 1802 года объ открытіи университета. Университетъ былъ помѣщенъ въ двухъ домахъ, въ которыхъ до того имѣли квартиры слободско-украинскіе губернаторъ и вице-губернаторъ. Зданія эти тогда были болѣе или менѣе приспособлены къ новому назначенію и затѣмъ къ нимъ въ разное время были сдѣланы многочисленныя пристройки. Зданіе, находящееся противъ главнаго университетскаго корпуса, гдѣ теперь помѣщаются церковь, актовый залъ и библіотека съ ботаническимъ кабинетомъ, окончено въ 1825 году, а нынѣшніе клиническіе институты перестроены изъ дома, который прежде принадлежалъ городу и служилъ для помѣщенія полиціи и думы. Съ тѣхъ поръ никакихъ капитальныхъ построекъ университетъ не дѣлалъ и, несмотря на то, что число студентовъ увеличилось противъ прежняго въ нѣсколько разъ, университетъ по-прежнему продолжаетъ тѣсниться въ своихъ маленькихъ, прогнившихъ и насквозь проплѣснѣвшихъ зданіяхъ. Еще въ первые годы существованія университета предполагалось выстроить для него помѣщеніе въ сѣверномъ предмѣстьи города, по дорогѣ, ведущей въ Сумы, съ какою цѣлью здѣсь и были пріобрѣтены университетомъ земли частію покупкою, а частію получены въ даръ отъ разныхъ владѣльцевъ. Но здѣсь былъ разбитъ только университетскій садъ, а самый университетъ остался на прежнемъ мѣстѣ.

Учебныя пособія университета при открытіи его были крайне незначительны. Въ библіотекѣ находилось всего 3,319 книгъ и лишь нѣсколько географическихъ картъ и глобусовъ. Физическій кабинетъ состоялъ всего изъ 35 приборовъ. Лабораторію составляли 69 снарядовъ. Вспомогательныя заведенія для изученія медицины и кабинеты естественной исторіи, при открытіи университета, вовсе не существовали. Основаніе клиническимъ институтамъ было положено только въ 1814 году, когда были устроены терапевтическая клиника на 6 и хирургическая—на 4 кровати. Родильный институтъ основанъ лишь въ 1829 году. Съ тѣхъ поръ клиники значительно расширены, но увеличеніе ихъ, за неимѣніемъ помѣщенія, не шло параллельно увеличенію числа студентовъ, и въ настоящее время клиники Харьковскаго университета крайне тѣсны, биткомъ набиты больными и, тѣмъ не менѣе, имѣютъ крайне недостаточное для практическихъ занятій студентовъ число кроватей.

Сначала въ Харьковскомъ университетѣ, какъ и во всѣхъ нашихъ университетахъ, студенты раздѣлялись на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Въ число казеннокоштныхъ попали, при основаніи университета, 30 отличнѣйшихъ учениковъ высшихъ классовъ харьковскаго коллегіума и Бѣлгородской семинаріи и сверхъ того трое, принятые по экзамену. Желающихъ поступить въ число своекоштныхъ студентовъ явилось 41 человѣкъ, но изъ нихъ были признаны достаточно подготовленными и приняты лишь 24 человѣка. Всѣ эти студенты были распредѣлены на 4 отдѣленія: нравственно-политическое, физическихъ и математическихъ наукъ, врачебное и словесное. Общее число профессоровъ, ректоровъ и преподавателей равнялось 24, такъ что на каждаго преподавателя приходилось почти только по два слушателя. Вообще число студентовъ Харьковскаго университета увеличивалось медленно и въ 1816 г., т. е. черезъ 11 лѣтъ послѣ открытія университета, всѣхъ студентовъ было 122. Объясняется это обстоятельство недостаткомъ въ краѣ средне-учебныхъ заведеній, которыя могли бы поставлять слушателей для университета. Но съ первой четверти настоящаго столѣтія число студентовъ начало быстро

расти и вплоть до начала 50-хъ годовъ никогда не было менѣе 300, возвышаясь въ иные годы до 500, а съ 50-хъ годовъ перевалило и эту цифру, достигая въ позднѣйшіе годы почти тысячи.

Мало-по-малу составъ профессорской коллегіи, первоначально состоявшій изъ иностранцевъ, началъ пополняться русскими учеными; вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилось и самое отношеніе къ преподаванію науки.

Въ 1850 году университетъ имѣлъ 415 студентовъ, изъ которыхъ 330 было своекоштныхъ, а 85 содержались на счетъ казны и разныхъ вѣдомствъ. Около $^2/_3$ общаго числа студентовъ были потомственные и личные дворяне, и только $^1/_3$ составляли поповичи и дѣти разночинцевъ. Всего больше студентовъ было на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ, затѣмъ слѣдовалъ факультетъ физико-математическій и, наконецъ, историко-филологическій. «Учебное сословіе» университета состояло изъ 52 лицъ; кромѣ того было 25 чиновниковъ по административной части.

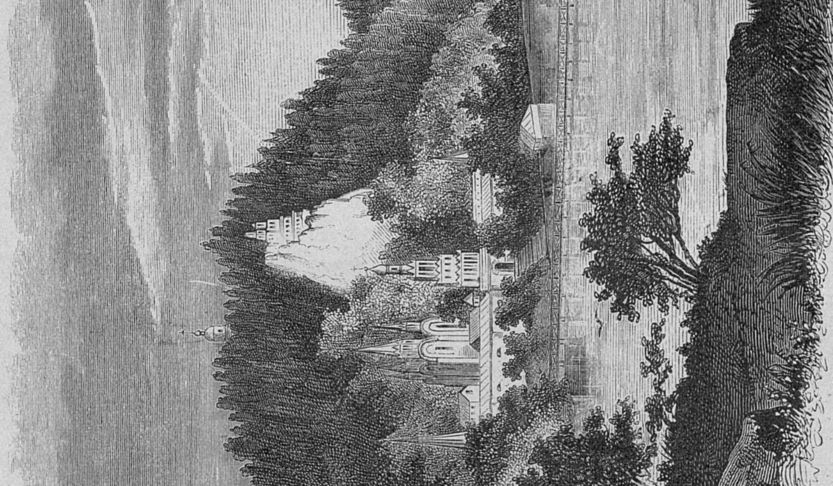
Библіотета университета имѣла 22,866 сочиненій въ 50,301 томѣ; минцъ-кабинетъ состоялъ изъ 21,869 монетъ и медалей; въ минералогическомъ кабинетѣ было 11,427, а въ зоологическомъ—16,996 предметовъ; гербарій имѣлъ 57,720 экземпляровъ растеній, а въ ботаническомъ саду было посажено 17,137 экземпляровъ. Анатомическій кабинетъ имѣлъ болѣе 1,000 препаратовъ и до тысячи инструментовъ. Клиники университета, въ теченіе своего существованія до 1850 года, доставили призрѣніе болѣе, чѣмъ 5,000 больнымъ.

Всего до 1850 года университетъ выпустилъ около 3,000 студентовъ, въ томъ числѣ болѣе 700 врачей и около 550 учителей. Не говоря объ общей пользѣ, принесенной университетомъ всему государству, вліяніе его собственно на югъ было громадно. Онъ прежде всего вліялъ культурнымъ образомъ на малороссійское дворянство, распространяя въ немъ общечеловѣческое образованіе и знанія, облагораживая его и вліяя на него гуманизирующимъ образомъ. Изъ университета выходили люди образованные, которые, отбывъ обязательный срокъ на государственной службѣ, уходили въ деревню и отдавались трудовой деревенской жизни, внося въ свои отношенія къ ближнимъ свѣтъ знанія и гуманность.

Исторія Харькова будетъ не полна, если не остановиться на двухъ харьковцахъ, много содѣйствовавшихъ развитію Харькова вообще и насажденію въ немъ просвѣщенія въ особенности. Мы разумѣемъ В. Н. Каразина и Г. Ѳ. Квитку.

Василій Назаровичъ Каразинъ—человѣкъ, который былъ бы выдающимся не въ свое только время. Эта одна изъ тѣхъ геніальныхъ натуръ, которыя всегда стоятъ впереди своего вѣка, умираютъ непонятыми и оцѣниваются только потомствомъ. Министерство народнаго просвѣщенія и харьковскій университетъ—вотъ живые свидѣтели дѣятельности Каразина, направленной на благо Россіи; въ Харьковѣ же рѣшительно все напоминаетъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Родился В. Н. Каразинъ въ 1773 году, въ с. Кручинѣ, Харьковской губерніи. На 10-мъ году жизни лишился отца. До 17 лѣтъ учился въ пансіонахъ въ Харьковѣ и Кременчугѣ. На 18-мъ году поступилъ на службу въ гвардію. Слушалъ лекціи въ Горномъ корпусѣ. Изучилъ основательно языки латинскій, французскій и нѣмецкій, и съ особенною любовью отдался изученію естественныхъ и политическихъ наукъ. При Павлѣ хотѣлъ оставить Россію и былъ задержанъ на границѣ, но былъ прощенъ за откровенное признаніе, что бѣжалъ отъ строгости правленія. По личной рекомендаціи Павла I, былъ принятъ на службу по государственному казначейству и во время этой службы занимался разборомъ архивовъ—иностранныхъ дѣлъ и разряднаго въ Петербургѣ и въ Москвѣ, для собранія матеріаловъ къ исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Матеріалы эти были переданы Каразинымъ государственному казначейству. При вступленіи на престолъ Александра I, Каразинъ подалъ записку о необходимыхъ въ Россіи преобразованіяхъ. Записка произвела благопріятное впечатлѣніе на императора, Каразинъ былъ приближенъ къ его

особѣ и пользовался чрезвычайнымъ расположеніемъ монарха. Въ это время, по проэктамъ Каразина, учреждено министерство народнаго просвѣщенія, пересмотрѣны уставы всѣхъ университетовъ и академій, основанъ новый университетъ въ Харьковѣ и предположены еще два,



Святогорская пустынь въ Изюмскомъ уѣздѣ.

въ Новгородѣ и въ Казани. Харьковскій университетъ обязанъ всецѣло своимъ существованіемъ Каразину. Благодаря его стараніямъ и убѣжденіямъ, какъ было указано уже, харьковское дворянство пожертвовало громадную сумму, необходимую для открытія университета,

Затѣмъ онъ много хлопоталъ и въ Петербургѣ, и въ Харьковѣ о скорѣйшемъ открытіи университета и, принявши на себя завѣдываніе хозяйственною стороною дѣла, скоро и успѣшно довелъ его до конца. Въ 1804 году, замѣтивъ охлажденіе къ себѣ государя, вызванное придворными интригами, Каразинъ вышелъ въ отставку. Въ это время сербы искали покровительства Россіи; Каразинъ предложилъ имъ свои услуги, но получилъ отказъ. Тогда онъ удалился на свою родину и предался любимымъ своимъ занятіямъ—хозяйству и естественнымъ наукамъ, въ особенности химіи. Въ своемъ имѣніи онъ устроилъ кожевенный и селитрянный заводы на научныхъ основаніяхъ. Харьковъ ему обязанъ, между прочимъ, вызовомъ изъ-за границы типографщиковъ, переплетчиковъ, часовыхъ мастеровъ, столяровъ, рѣзниковъ, слесарей, каретниковъ и кузнецовъ. Въ 1811 году Каразинъ издалъ брошюру: «Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской имперіи общества, подъ названіемъ филотехническаго, въ пользу домоводства сихъ губерній». Подъ вліяніемъ этой брошюры и было

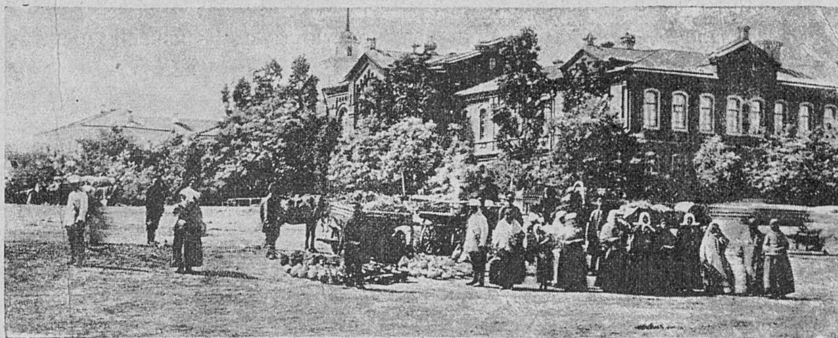


Соборъ въ г. Изюмѣ.

устроено «Филотехническое общество». Правителемъ этого общества былъ избранъ Каразинъ. Имъ однимъ оно держалось и съ выходомъ его—пало. Каразинъ, кромѣ того, принималъ участіе во многихъ другихъ научныхъ обществахъ, какъ харьковскихъ, такъ и петербугскихъ. Затѣмъ онъ хлопоталъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ европейской и азіятской Россіи метеорологическихъ обсерваторій; предлагалъ приспособленіе паровъ къ движенію судовъ на простѣйшихъ началахъ, а также къ отопленію домовъ. Заботился и словомъ и дѣломъ о сбереженіи вѣсовъ, о дешевѣйшемъ храненіи зерноваго хлѣба, о лучшемъ устройствѣ продовольствія армій и флотовъ, о тушеніи пожаровъ примѣсью къ водѣ химическаго состава, не дорого стоющаго, объ очищеніи рѣкъ въ городахъ, объ улучшеніи винодѣлія, объ обращеніи атмосфернаго электричества на службу человѣку и т. д. Онъ подавалъ императорамъ Александру I и Николаю цѣлый рядъ записокъ по разнымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ. Записки эти отличаются прямотою и смѣлостью сужденія.

Особенно замѣчательно отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу. Въ этомъ отно-

шеніи его по справедливости называютъ первымъ южно-русскимъ эмансипаторомъ. Еще въ концѣ XVIII столѣтія (въ 1793 г.), онъ составилъ проэктъ улучшенія положенія крестьянъ. Своимъ крестьянамъ онъ далъ неотъемлемую собственность и обезпечилъ ихъ отъ помѣщичьяго произвола. Онъ много заботился объ ихъ благосостояніи, и послѣдствія этихъ заботъ были блистательны. При оффиціальной ревизіи имѣнія Каразина въ 1819 году, оказалось, что, по десятилѣтней сложности, жатва у крестьянъ Каразина относилась къ жатвѣ у сосѣднихъ ка-



Реальное училище въ Изюмѣ.

зенныхъ крестьянъ, какъ 5 къ 3, на земляхъ, одинаковыхъ по качеству и количеству; рожденій въ имѣніи Каразина было 1 на 14 жителей, тогда какъ въ сосѣднихъ селахъ приходилось 1 рожд. на 21 — 24 жит.; браковъ было у Каразина — 1 на 80 жит., въ сосѣднихъ селахъ—1 на 100; умирало: у Каразина—1 изъ 36—37 жит., въ сосѣднихъ селахъ—1 изъ 22—24, хотя имѣніе Каразина лежало въ очень нездоровой мѣстности, среди болотъ.

Скончался Н. В. Каразинъ въ 1842 году, въ Николаевѣ, возвращаясь изъ Крыма, гдѣ онъ дѣлалъ опыты новаго способа винодѣлія. Таковъ былъ этотъ замѣчательный человѣкъ, до сихъ поръ еще не имѣющій сносной біографіи.



Изюмскій мостъ черезъ Донецъ.

Другой замѣчательный харьковецъ того же времени, Григорій Ѳедоровичъ Квитка, извѣстенъ какъ одинъ изъ лучшихъ малорусскихъ писателей, писавшій подъ псевдонимомъ—Основьяненко. Квитка принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ аристократическихъ родовъ Малороссіи. Старшій братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, былъ до конца жизни виднѣйшимъ харьковскимъ магнатомъ и около 25 лѣтъ къ ряду состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Григорій Ѳедоровичъ родился въ 1778 году въ подгородномъ харьковскомъ селѣ

Основѣ (откуда и псевдонимъ—Основьяненко). Въ дѣтствѣ онъ былъ слабымъ, болѣзненнымъ и даже на время потерялъ зрѣніе отъ золотухи. Впослѣдствіи, послѣ поѣздки съ матерью въ Озерянскій монастырь на богомолье, онъ выздоровѣлъ и сталъ снова видѣть. Это обстоятельство сильно подѣйствовало на Квитку и послужило источникомъ его религіозности и стремленія къ монастырскому уединенію. До двѣнадцати лѣтъ онъ учился у дяди своего, настоятеля Куряжскаго монастыря, и въ это время изъявилъ желаніе поступить въ монашество. Матери, однако, удалось упросить его отложить исполненіе своего намѣренія. До 23 лѣтъ онъ сначала оставался дома, а потомъ числился въ военной и гражданской службѣ. Затѣмъ его стремленіе къ монашеству сдѣлалось неудержимымъ, и онъ поступилъ въ Куряжскій монастырь послушникомъ. Четыре года пребыванія въ монастырѣ, однако, значительно охладили пылъ молодого послушника и онъ, скинувъ подрясникъ, снова возвратился къ свѣтской жизни. Вскорѣ послѣ этого съ нимъ случилось несчастіе: приготовляя фейерверкъ, онъ по неосторожности опалилъ себѣ порохомъ лицо и глаза, причемъ потерялъ лѣвый глазъ. Обстоятельство это, однако, не имѣло особеннаго вліянія на дальнѣйшую судьбу Квитки и онъ, послѣ четырехъ лѣтъ затворничества, спѣшилъ теперь насладиться жизнью: онъ занимался музыкою, устроилъ домашній театръ, принималъ участіе въ разыгрываемыхъ на немъ піесахъ.

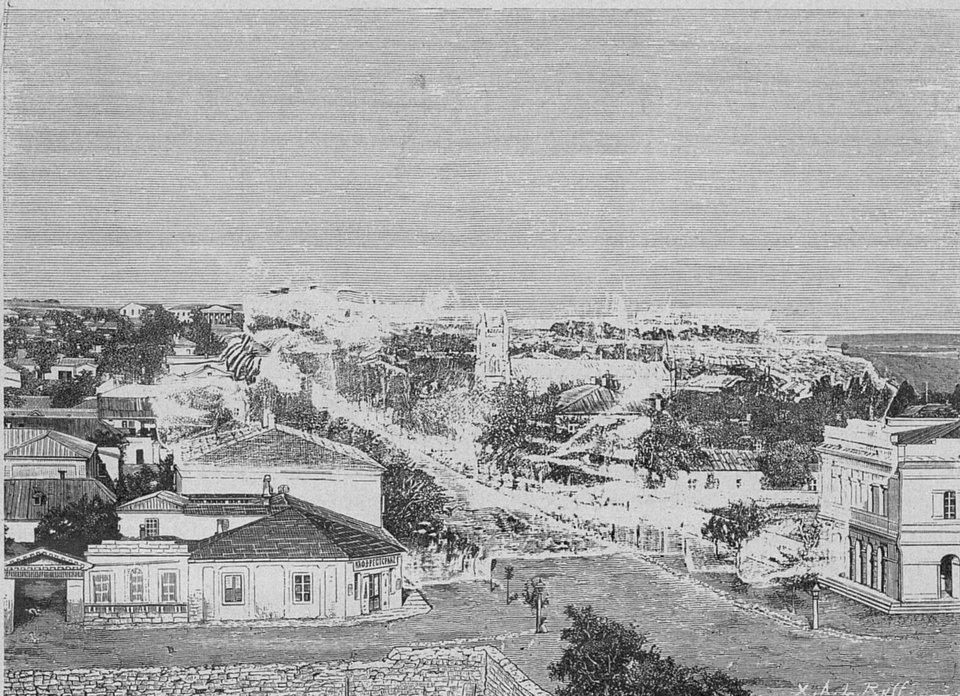
Между тѣмъ въ Харьковѣ, съ открытіемъ университета, началась умственная и общесттенная жизнь. Явились театръ, клубы, литературные вечера, литературныя періодическія изданія. Григорій Ѳедоровичъ былъ увлеченъ этимъ движеніемъ и принялъ въ немъ дѣятельное и видное участіе. Въ 1812 году онъ былъ уже директоромъ городского театра, но вскорѣ бросилъ это званіе, ради другого поприща. Именно, благодаря его стараніямъ, въ Харьковѣ образовалось «Общество Благотворенія», устроившее «институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ». Г. Ѳ. Квитка завѣдывалъ дѣлами «общества» и ему же было ввѣрено главное управленіе дѣлами института. Институтъ былъ любимымъ дѣтищемъ Григорія Ѳедоровича: онъ весь отдался заботамъ о немъ и на него, по словамъ Срезневскаго, «принесъ въ жертву почти все достояніе свое». Благодаря институту онъ сблизился съ другимъ извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ, Гулакъ-Артемовскимъ. Въ институтѣ же Квитка нашелъ себѣ жену. Это была одна изъ пепиньерокъ института, Анна Григорьевна Вульфъ. Какъ Артемовскій, такъ и Анна Григорьевна имѣли громадное вліяніе на направленіе и содержаніе литературной дѣятельности Квитки. Благодаря имъ, его лучшія произведенія носили отпечатокъ сантиментальности и, въ значительной мѣрѣ, благодаря имъ же, Квитка обратился къ изображенію народной жизни. Не меньшее вліяніе оказалъ на Квитку и В. А. Жуковскій, но это вліяніе едвали можно признать благотворнымъ, такъ-какъ, благодаря ему, Квитка обратился къ сатирическому изображенію губернскихъ нравовъ, что было совсѣмъ не свойственно его таланту, и его произведенія этого рода очень слабы и давно забыты.

Съ 1817 по 1829 годъ Григорій Ѳедоровичъ занималъ должность предводителя дворянства Харьковскаго уѣзда и проживалъ въ самомъ Харьковѣ. Около 1831 г. онъ переселился на свой хуторъ Основу, и хотя съ 1832 г. состоялъ совѣстнымъ судьею Харькова, а съ 1840—предсѣдателемъ харьковской палаты уголовнаго суда, но навѣдывался въ Харьковъ только по дѣламъ службы. Эта жизнь въ деревнѣ сильно подѣйствовала на талантъ Квитки и окончательно опредѣлила направленіе его литературной дѣятельности. Сравненіе городской, чиновничьей жизни съ сельскою, патріархальною, было въ пользу послѣдней, и отсюда симпатіи Квитки къ мужику, котораго онъ и изображалъ съ прибавленіемъ идеализаціи, считавшейся тогда необходимою. Умеръ Квитка въ 1843 году.

Литературною извѣстностью Квитка обязанъ исключительно своему таланту. Образованіе, полученное Квиткою въ дѣтствѣ, было крайне недостаточно и онъ могъ пополнить его только отчасти, урывками. Только внутреннимъ своимъ чуствомъ, чутьемъ угадалъ онъ, какія богатыя силы скрываются въ народѣ.

«Взялъ онъ для разсказа,—говоритъ Кулишъ о Квиткѣ,—самую низкую матерію изъ всѣхъ, какія у него были передъ глазами: покинулъ дворянъ, покинулъ суды, институты, монастыри, взялъ неграмотнаго, темнаго, простаго земледѣльца и разсказалъ его же рѣчью, что дѣлается въ его хозяйствѣ, въ сельской околицѣ и въ хатѣ между бабьемъ. И вышелъ у него прекрасный Божій міръ, какъ будто еще прекраснѣе, нежели у насъ передъ глазами». Этими достоинствами Квитка, по свидѣтельству г. Костомарова, имѣлъ громадное вліяніе на всю читающую малорусскую публику; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда читали ему произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. Лучшими произведеніями Квитки считаются: «Солдацькій Патретъ», «Мертвецькій великъ-день», «Конотопьска видьма», «Отъ тобі й скарбъ» и «Маруся».

Этимъ воспоминаніемъ о двухъ замѣчательныхъ харьковцахъ мы закончимъ исторію Харькова и приступимъ къ обозрѣнію его современнаго состоянія.



Г. Славянскъ, Харьковской губерніи.

Въ настоящее время Харьковъ принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ городовъ Россіи. Городъ носитъ попреимуществу торговый характеръ. Улицы заставлены вывѣсками всевозможныхъ магазиновъ и лавокъ, въ которыхъ продается какъ разнообразное сырье, представляющее продукты мѣстной дѣятельности края, начиная съ каменнаго угля и кончая хлѣбнымъ зерномъ, такъ и разнообразнѣйшія мануфактурныя произведенія—издѣлія мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ или привозныя изъ разныхъ мануфактурныхъ центровъ Россіи. Повсюду попадаются склады и «депо» каменнаго угля всевозможныхъ сортовъ, алебастра, шерсти, сельскохозяйственныхъ машинъ и т. д. Улицы кишатъ торговымъ людомъ: тутъ и старозавѣтные Титы Титычи (рѣдкость), и господа комерсанты новѣйшей формаціи (чаще всего), и юркіе сыны Израиля во всевозможныхъ видахъ—отъ цилиндровъ, пенснэ и портфелей до ермолки и пейсовъ включительно. Надъ городомъ стоитъ говоръ, шумъ, гомонъ. Человѣку, побывавшему

въ болѣе важныхъ центрахъ, какъ Одесса или Петербургъ, харьковская суетня и толкотня не покажутся чѣмъ-нибудь поразительными; но на степняковъ, попавшихъ въ Харьковъ изъ уѣздной или хотя бы и губернской глуши, харьковская жизнь производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. И потому не мудрено, что въ представленіяхъ обитателей всего юго-востока Россіи Харьковъ стоитъ рядомъ со столицами.

Торговые обороты Харькова громадны. Находясь на срединѣ между губерніями земледѣльческими и промышленными, онъ сдѣлался естественнымъ пунктомъ взаимнаго обмѣна произведеній тѣхъ и другихъ. Соединеніе Харькова желѣзными путями съ Донскою областью, сѣвернымъ Кавказомъ и центромъ Малороссіи—съ одной стороны, и съ Москвою и вообще промышленнымъ райономъ—съ другой, еще болѣе усилили значеніе Харькова, какъ торгово-обмѣннаго пункта. Непосредственное соединеніе Харькова съ такими важными центрами торговой дѣятельности, какъ Ростовъ-на-Дону и Одесса—съ одной стороны, и съ другой—Москва, а чрезъ нее и Нижній,—придаетъ еще болѣе удобствъ и выгодъ харьковской торговлѣ. Харьковъ попреимуществу рынокъ хлѣба и шерсти. Продукты эти доставляются сюда со всего юга и юго-востока Россіи, вплоть до Кубанской области, Ставропольской губерніи и даже—съ проведеніемъ ростово-владикавказской желѣзной дороги—отдаленной Терской области. Малороссія поставляетъ преимущественно хлѣбъ, Приазовскій край—хлѣбъ и шерсть, а сѣверный Кавказъ—исключительно шерсть, такъ-какъ для послѣдней мѣстности хлѣбнымъ рынкомъ, (а въ значительной мѣрѣ и рынкомъ шерсти) является Ростовъ-на-Дону. Кромѣ-того, соединеніе Харькова желѣзнодорожнымъ путемъ съ Донецкимъ каменноугольнымъ райономъ сдѣлало Харьковъ рынкомъ каменнаго угля, а близость обширныхъ южныхъ и юго-восточныхъ степныхъ пространствъ послужила причиною развитія въ Харьковѣ въ обширныхъ размѣрахъ торговли скотомъ, по преимуществу лошадьми. Наконецъ, Харьковъ является для всего юго-востока Россіи поставщикомъ мануфактурныхъ товаровъ.

Опредѣлить общую сумму торговыхъ оборотовъ Харькова, за отсутствіемъ нужныхъ для того данныхъ, невозможно. Промышленное значеніе Харькова значительно уступаетъ торговому его значенію. Въ этомъ отношеніи Харьковъ, впрочемъ, не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ и вообще наша промышленность мало развита и ея обороты значительно ниже оборотовъ торговли. Во всякомъ случаѣ, Харьковъ занимаетъ довольно видное мѣсто въ ряду нашихъ промышленныхъ пунковъ. Къ сожалѣнію, имѣющіяся въ этомъ отношеніи данныя касаются исключительно крупной промышленности; мелкая промышленность до послѣдняго времени не удостоивалась вниманія нашихъ статистиковъ, и потому мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить размѣры кустарной и ремесленной промышленности Харькова. Вслѣдствіе этого общій оборотъ харьковской промышленности неизвѣстенъ.

Дѣло народнаго просвѣщенія въ Харьковѣ, поставлено очень широко. Кромѣ учебныхъ заведеній, для распространенія просвѣщенія въ Харьковѣ служатъ нѣсколько библіотекъ, нѣсколько книжныхъ магазиновъ и газеты. Но умственная жизнь Харькова не ограничивается предѣлами учебныхъ заведеній и прессы, а выражается также еще въ работахъ цѣлаго ряда ученыхъ обществъ. Въ Харьковѣ, между прочимъ, существуютъ слѣдующія общества: математическое при университетѣ, общество испытателей природы, медицинское общество, общество опытныхъ наукъ при университетѣ, общество сельскаго хозяйства, отдѣленіе техническаго общества и отдѣлъ общества любителей охоты. Изъ ученыхъ учрежденій отмѣтимъ статистическій кабинетъ, статистическое бюро при земской управѣ и харьковскую сельско-хозяйственную ферму. Изъ обществъ благотворительнаго характера упомянемъ о харьковскомъ обществѣ распространенія грамотности, харьковскомъ благотворительномъ обществѣ, обществѣ призрѣнія безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ, призрѣвающемъ болѣе 800 сиротъ, обществѣ исправительныхъ пріютовъ, швейцарскомъ и французскомъ благотворительныхъ обществахъ. Нельзя обойти молчаніемъ также того обстоятельства, что Харьковъ, будучи въ значительной

мѣрѣ центромъ юга и юго-востока Россіи, служитъ мѣстомъ собранія разныхъ съѣздовъ ученыхъ и практическихъ дѣятелей юга. Таковы съѣзды представителей южно-русскихъ земствъ, съѣзды южныхъ углепромышленниковъ и т. п.

Для развлеченія въ Харьковѣ служатъ нѣсколько клубовъ и два театра—драматическій и оперный. Лѣтомъ харьковцы пользуются гуляніями въ университетскомъ саду, на Сабуровой дачѣ, или въ сосновой рощѣ Основахъ. Молодежь забавляется также катаніями по рѣкѣ.

Къ услугамъ больныхъ въ Харьковѣ находится цѣлый рядъ больницъ. Изъ нихъ особенное вниманіе обращаютъ: губернская земская больница на 435 больныхъ, при ней психіатрическое отдѣленіе на 60 больныхъ, а для неизлѣчимыхъ психопатовъ имѣется особое отдѣленіе на 50 кроватей; Александровская городская больница на 118 кроватей съ баракомъ на 42 кровати; дѣтская городская больница на 20 кроватей; дифтеритная больница, тюремная больница, военный госпиталь и другія. Всего больныхъ призрѣвается въ харьковскихъ больницахъ, исключая тюремной и военнаго госпиталя, до 6,000 въ годъ. Аптекъ въ городѣ 9; врачей 123, изъ нихъ 92 служащихъ и 31 вольнопрактикующихъ; ветеринарныхъ врачей 23.

Изъ кредитныхъ учрежденій въ Харьковѣ существуютъ: отдѣленіе Государственнаго Банка, обороты котораго превышаютъ 100 милліоновъ рублей; городской общественный банкъ съ оборотомъ до 90 милліоновъ рублей; Харьковскій торговый банкъ, три общества взаимнаго кредита, акціонерный земельный банкъ, отдѣленіе Волжско-Камскаго коммерческаго банка и агентство Полтавскаго земельнаго банка. Въ городѣ имѣютъ пребываніе: правленія акціонерной К° по торговлѣ шерстью, товарищества Харьковскаго сахарно-рафинаднаго завода и Харьковскаго общества взаимнаго страхованія имущества отъ огня.

Общественное управленіе города Харькова имѣетъ доходовъ до 400,000 рублей. Главные источники доходовъ—городскія недвижимыя имущества и оброчныя статьи, оцѣночный сборъ, сборы съ торговыхъ заведеній и другіе. Главные расходы—обязательные (содержаніе полиціи), содержаніе общественнаго управленія, пожарная часть, устройство мостовыхъ и др. Существеннѣйшими вопросами городскаго благоустройства являются вопросы о конножелѣзныхъ дорогахъ и водопроводѣ. Необыкновенная грязь, покрывающая харьковскія улицы, дѣлаетъ вопросъ о городскихъ сообщеніяхъ особенно жгучимъ. 31-го мая 1882 года городское управленіе заключило контрактъ съ предпринимателями объ устройствѣ желѣзноконной дороги; всего предположено уложить $17^1/_2$ верстъ рельсоваго пути и къ концу 1882 уже устроены линіи отъ вокзала желѣзныхъ дорогъ до биржи и отъ биржи по главной улицѣ Харькова, Московской. Не такъ близокъ къ разрѣшенію вопросъ о водопроводѣ. Жители города ощущаютъ большой недостатокъ въ здоровой и чистой водѣ, такъ-какъ вода изъ рѣчекъ, вслѣдствіе ихъ засоренія разными отбросами, главнымъ образомъ съ шерстяныхъ моекъ, и присуствія большого количества известковыхъ частицъ, негодна къ употребленію. Съ 1840 года былъ поднятъ вопросъ о водопродахъ, но и до сихъ поръ остается вопросомъ, такъ какъ устроенный нынѣ водопроводъ доставляетъ воду тоже плохого качества.

Городъ расположенъ у сліянія двухъ рѣкъ—Харькова и Лопани и дѣлится ими на три части: Городскую, Захарьковскую и Залопанскую. Къ городу прилегаютъ слободы—Гончаровка и Понасовка (Афанасьевка). Особенною живописностью Харьковъ не отличается. Можно только указать на видъ съ университетской горы на Екатеринославскую улицу, лучшую въ Харьковѣ послѣ Московской. Изъ зданій Харькова обращаютъ на себя вниманіе университетъ, соборный храмъ Покрова Пресвятой Богородицы, колокольня при Успенскомъ соборѣ и зданіе биржи. Покровскій соборъ находится въ центрѣ города, внутри бывшей крѣпости, на высокомъ берегу Лопани, освященъ въ 1689 году. Онъ отличается красивой архитектурой и хорошо сохранился. Въ числѣ утвари храма есть нѣсколько замѣчательныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи предметовъ, а въ библіотекѣ старопечатаныя книги. Здѣсь же могила Орлова-Денисова, извѣстнаго донскаго атамана. Каменная колокольня при Успенскомъ

соборѣ заложена въ 1821 году и строилась до 1833 года. Фундаментъ колокольни углубленъ въ землю на 14 саженей; высота ея съ крестомъ—42 сажени. Такое громадное зданіе должно было потребовать огромное количество матеріала, и дѣйствительно, на колокольню одного связнаго желѣза пошло до 4,000 пудовъ, а кирпича употреблено 3.500,000 штукъ. Но такъ-какъ колокольня строилась въ то время, когда все было чрезвычайно дешево, то стоимость постройки составила всего 110,000 рублей. Зданіе биржи представляетъ собою одно изъ красивѣйшихъ зданій Россіи и положительно не имѣетъ ничего подобнаго себѣ на всемъ нашемъ Югѣ.

Мы остановились такъ долго на историко-статистическомъ описаніи Харькова потому, что онъ представляетъ собою наиболѣе важный пунктъ лѣвобережной Украины, являясь для огромнаго района центромъ, какъ въ промышленно-торговомъ, такъ и въ культурномъ отно-



Петровская площадь въ Полтавѣ.

шеніяхъ. Два другіе губернскіе города лѣвобережной Украины, Полтава и Черниговъ, не имѣютъ и доли того значенія, которое принадлежитъ Харькову; поэтому мы ограничимся лишь краткимъ обозрѣніемъ какъ исторіи, такъ и современнаго состоянія этихъ городовъ.

Городъ *Полтава* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ городовъ. Въ лѣтописяхъ имя его встрѣчается уже во второй половинѣ XII вѣка. Тогда онъ, впрочемъ, былъ извѣстенъ подъ именемъ *Лтавы.* Судьба его въ эти древнѣйшія времена мало извѣстна; можно однако предположить, что, на ряду съ другими городами лѣвобережной Украины, этотъ городъ былъ разоренъ въ началѣ XIII вѣка татарами. Далѣе, подъ именемъ *Платавы, Олтавы* и, наконецъ, *Полтавы,* городъ этотъ упоминается въ 1430 году, когда онъ былъ отданъ литовскимъ княземъ Витовтомъ въ вотчину выѣхавшему изъ орды татарскому князьку Лексадѣ, родоначальнику князей Глинскихъ. Въ началѣ XVII вѣка Полтава была заселена выходцами изъ Миргорода и Голтвы. Отсюда раздѣленіе Полтавы на старый городъ, или *городище,* и новый, или

Новооселовку. Городище составляетъ ту часть Полтавы, гдѣ было первоначальное поселеніе, по возвышенности, въ одной верстѣ отъ Ворсклы, гдѣ нынѣ стоитъ соборъ Успенскій, построенный въ 1770 г., и придѣлъ собора—деревянная церковь Спаса-Нерукотвореннаго, построенный въ 1707 г. Впрочемъ, это раздѣленіе города на двѣ части по времени заселенія сохраняется теперь лишь въ памяти немногихъ старожиловъ; масса же населенія совсѣмъ забыла о немъ. Въ 1648 году, т. е. ко времени возстанія казаковъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, Полтава сдѣлалась уже изъ вотчиннаго мѣстечка свободнымъ городомъ и притомъ городомъ *полковымъ*. Полкъ, средоточіемъ котораго служила Полтава и который поэтому назывался Полтавскимъ, занималъ мѣстность нынѣшнихъ уѣздовъ: Полтавскаго, Гадячскаго, Зѣньковскаго и Кобелякскаго. Въ немъ считалось 17 сотенъ и въ томъ числѣ города: Полтава, Гадячъ, Зѣньковъ, Кобеляки и мѣстечки Пашевка и Веприкъ. Въ смутное время, наставшее послѣ Богдана Хмѣльницкаго, полтавцы принимали дѣятельное участіе въ волненіяхъ, раздиравшихъ тогда Малороссію. Въ это время, между прочимъ, Полтава была сожжена въ 1658 году татарами. Тревожная жизнь Полтавы продолжалась до начала XVIII вѣка, когда она видѣла въ послѣдній разъ непріятельскія войска подъ своими стѣнами. Это была осада шведами Полтавы и знаменитая «битва подъ Полтавой». Это время оставило въ Полтавѣ много историческихъ памятниковъ, о которыхъ сказано ниже. Съ этого времени Полтава зажила спокойною, мирною жизнью и мало-по-малу изъ военнаго полковаго города превратилась въ типичный губернскій городъ. Полковымъ городомъ Полтава была до 1764 года, то-есть до уничтоженія гетманства.



Типы крестьянъ Полтавской губерніи.

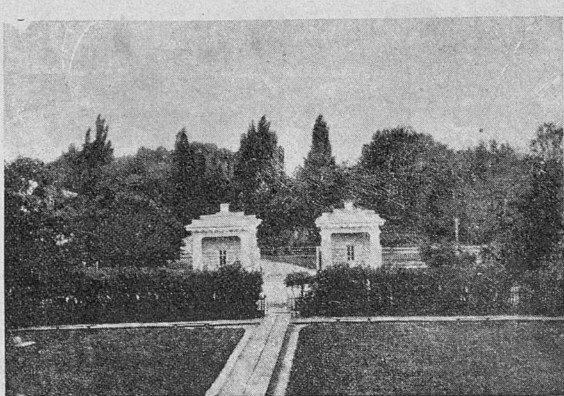
Въ настоящее время Полтава представляетъ одинъ изъ важныхъ пунктовъ внутренней торговли. Особенно большое значеніе имѣютъ бывающія въ Полтавѣ четыре ярмарки. Двѣ изъ нихъ—на всеядной недѣлѣ и Воздвиженская—имѣютъ, главнымъ образомъ, мѣстное значеніе. Но на двѣ изъ нихъ—Никольскую (9-го мая) и Ильинскую (20 іюля)—товары свозятся со всей южной и средней Россіи.

Промышленная дѣятельность Полтавы гораздо ниже торговой. Въ городѣ имѣется всего нѣсколько незначительныхъ заводовъ (сальныхъ свѣчей, восковыхъ, кирпичныхъ, водочныхъ, кожевенныхъ, пивоваренныхъ и т. д.) и фабрикъ (суконныхъ и табачныхъ).

Изъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ отмѣтить институтъ для дѣвицъ, женскую гимназію,

епархіальное женское училище, Петровскій военный кадетскій корпусъ, реальное, духовное, уѣздное и приходское училища. Изъ этого перечня видно, что Полтава, сравнительно со многими губернскими городами, снабжена учебными заведеніями очень богато. Изъ благотворительныхъ учрежденій Полтавы обращаютъ на себя вниманіе—дѣтскій пріютъ и пріютъ для бѣдныхъ.

Полтава раздѣляется на городъ и предмѣстья. Собственно городъ расположенъ на высокомъ берегу р. Ворсклы, возвышающемся надъ рѣкою на 31 сажень. Предмѣстья же лежатъ по низменностямъ, по которымъ протекаютъ небольшіе, пересыхающіе лѣтомъ ручьи, Полтавка и Черная. Городъ расположенъ правильными квадратами и имѣетъ необыкновенно прямыя улицы. Полвѣка тому назадъ, Полтава вся была въ садахъ, но съ увеличеніемъ построекъ и развитіемъ города, особенно со времени перевода въ Полтаву Ильинской ярмарки, сады почти совершенно исчезли. Какъ увеличилась Полтава въ послѣднюю четверть столѣтія, видно изъ того, что въ 1858 году она имѣла лишь 23 тысячи жителей, а теперь въ ней насчитывается болѣе 40,000.



Институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Полтавѣ.

Въ городѣ есть нѣсколько зданій, служащихъ настоящимъ его украшеніемъ. Таковы губернаторскій домъ, дома кадетскаго корпуса, классической гимназіи, института, присутственныхъ мѣстъ, архіерейскій, дворянское собраніе и ярмарочные каменные ряды. Церквей въ Полтавѣ 9 отдѣльныхъ и 9 домовыхъ; подъ самымъ городомъ монастырь. Кромѣ того, въ Полтавѣ находится лютеранская кирка, католическій костелъ и еврейская синагога.

Историческихъ памятниковъ въ Полтавѣ очень много. Всѣ они относятся или къ эпохѣ Богдана Хмѣльницкаго, или ко времени «Полтавской битвы». Мы остановимся только на нѣкоторыхъ.

На небольшой площади, находящейся между Александровской и Дворянской улицами, стоитъ небольшая деревянная церковь Преображенія. Въ этой церкви служилъ благодарственный молебенъ Петръ Великій, одержавъ побѣду надъ шведами. Для сохраненія этой ветхой церкви, лѣтъ сорокъ тому назадъ, надъ нею сооруженъ каменный храмъ, такъ что она помѣщена въ немъ съ крышей.

Неподалеку отъ этой церкви стоялъ домъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій послѣ Полтавской побѣды. На мѣстѣ этого дома была сначала поставлена кирпичная небольшая пирамида, съ надписью: «Здѣсь Петръ I покоился послѣ трудовъ своихъ 27-го іюня 1709 года. Благоговѣй, мѣсто свято есть». Въ 1849 году взамѣнъ этого памятника поставленъ новый, вылитый изъ бронзы по проекту Брюлова. Онъ представляетъ прямоугольную пирамиду на пьедесталѣ изъ гранитныхъ ступеней; сверху пирамиды лежатъ мечъ и щитъ, а на верху щита шлемъ; на лицевой сторонѣ памятника надпись: «Петръ I покоился здѣсь послѣ подвиговъ своихъ 27 іюня 1709 года»; ниже: «воздвигнутъ 27-го іюня 1849 года въ царствованіе Императора Николая I». Подъ надписью гербъ Россійской имперіи, а на базисѣ—отдыхающій левъ.

Въ память побѣды надъ шведами въ Полтавѣ воздвигнутъ еще одинъ памятникъ. Онъ поставленъ въ 1809 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, комендантъ Полтавы Келлинъ встрѣтилъ Петра, совершавшаго торжественный въѣздъ въ Полтаву послѣ побѣды. Памятникъ стоитъ на круглой площади присутственныхъ мѣстъ, на которой потомъ разведенъ скверъ.

Памятникъ обсаженъ пирамидальными тополями. Онъ представляетъ чугунную, на гранитномъ полированномъ пьедесталѣ, колонну, вышиною въ 15 аршинъ, при діаметрѣ въ $2^1/_4$ аршина. Колонна украшена бронзовыми вѣнками, колчанами и пальмовыми листьями. На верху колонны бронзовый орелъ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ клювѣ и перунами въ когтяхъ. Окруженный деревьями, огромный памятникъ представляетъ собою оригинальное зрѣлище.

У берега Ворсклы, при устьѣ рѣчки Полтавки, стоитъ Крестовоздвиженскій монастырь, представляющій собою также историческій памятникъ. Онъ построенъ въ 1650 г. въ память побѣды надъ поляками. Въ 1709 г. монастырь былъ занятъ шведами и вооруженъ пушками: отсюда шведы громили Полтавскую крѣпость. Недалеко отъ монастыря былъ раненъ въ ногу Карлъ XII.

Въ 5 верстахъ отъ Полтавы, на полѣ битвы со шведами, высится могила, называемая народомъ *шведскою*. Въ ней погребены тѣла павшихъ въ Полтавской битвѣ русскихъ. Могила прежде имѣла видъ «кургана» въ $4^1/_2$ сажени вышины; на верху его былъ деревянный крестъ. Теперь



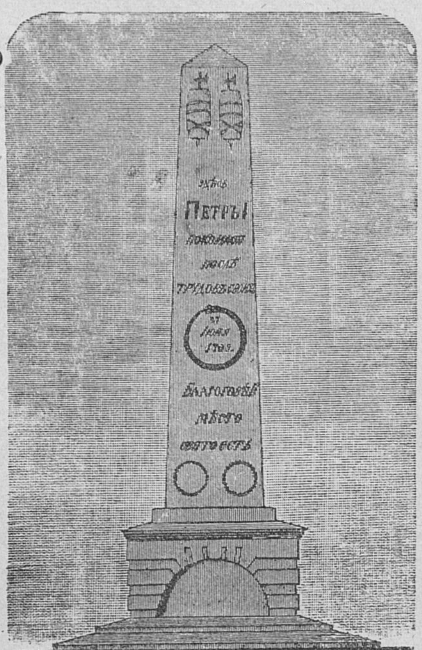
Обновленный видъ памятника Петру Великому въ Полтавѣ.

же здѣсь сооружена церковь и могилѣ приданъ благоустроенный видъ. Сюда ежегодно, 26-го іюня, собирается множество народа на торжественно совершаемую панихиду по убитымъ.

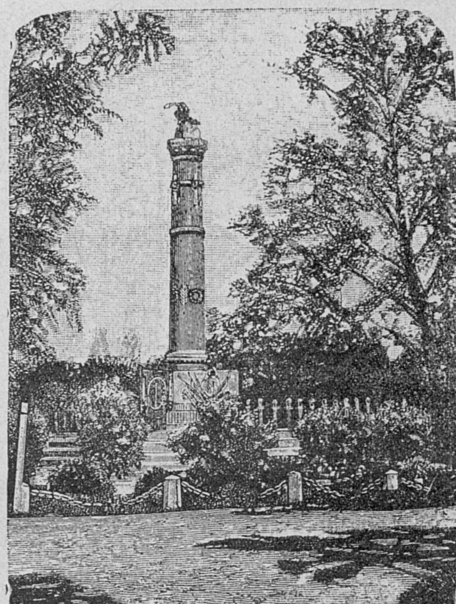
Этимъ и ограничиваются достопримѣчательности Полтавы.

Подобно Полтавѣ, Черниговъ является однимъ изъ древнѣйшихъ славянскихъ городовъ и, какъ кажется, онъ значительно древнѣе Полтавы. По крайней мѣрѣ, первое лѣтописное сказаніе о Черниговѣ относится къ началу X вѣка. Въ 907 году Олегъ, при заключеніи съ греками договора подъ Цареградомъ, потребовалъ, чтобы греки дали уклады на всѣ русскіе города, гдѣ «сѣдяху князья подъ Олегомъ суще»: въ числѣ этихъ городовъ упоминается и Черниговъ. Изъ этого же договора видно, что Черниговъ издавна имѣлъ сношенія съ Цареградомъ и отправлялъ туда своихъ торговцевъ; договоромъ устанавливалась для нихъ льгота безпошлинной торговли. Затѣмъ о судьбѣ Чернигова въ теченіе столѣтія лѣтописи не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній. Только подъ 1024 г. сообщается, что Мстиславъ тмутараканскій, въ борьбѣ съ Ярославомъ I, овладѣлъ Черниговомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всею Сѣверскою землею. По миру,

заключенному между князьями, Черниговъ вмѣстѣ съ лѣвымъ побережьемъ Днѣпра отошелъ къ Мстиславу и сталъ стольнымъ городомъ особаго княжества, заключавшаго въ себѣ нынѣшнія губерніи: Черниговскую, Орловскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и части Московской, Смоленской, Могилевской, Владимірской, Тамбовской, Воронежской и сверхъ того Тмутаракань, лежавшую особою колоніею при Черномъ морѣ. Такое обширное пространство Черниговскаго княжества придавало особенно важное значеніе Чернигову, какъ столицѣ. Поэтому въ теченіе всего удѣльнаго періода русской исторіи черниговскіе князья играли видную роль и имя Чернигова встрѣчается чуть не на каждой страницѣ лѣтописей того времени. Въ это время самый городъ Черниговъ раздѣляется на «градъ окольній» и «градъ внутренній». Окольній городъ былъ обнесенъ высокимъ валомъ, слѣды котораго сохранились доселѣ. Валъ этотъ имѣлъ фигуру четыреугольника, каждая сторона котораго имѣла по 3 версты длины. Въ 1111 году окольный городъ въ первый разъ выгорѣлъ и съ этихъ поръ много страдалъ отъ междо-



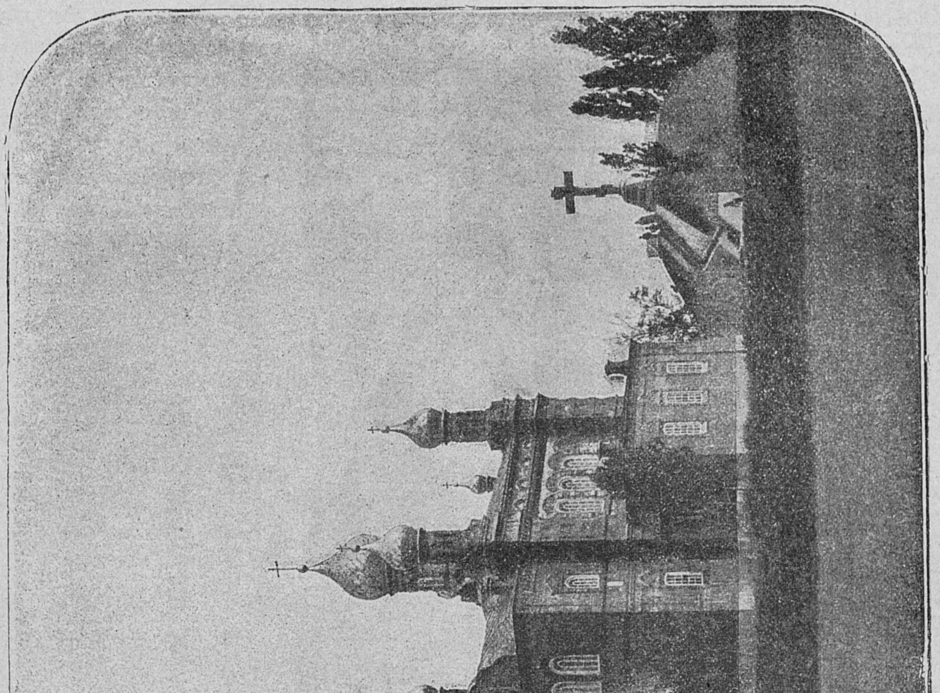
Первый памятникъ на мѣстѣ отдыха Петра Великаго, послѣ Полтавскаго сраженія.



Памятникъ, гдѣ встрѣтили Петра Великаго, при вступленіи его въ Полтаву.

усобныхъ войнъ. До 1239 года въ стѣнахъ города и его окрестностяхъ происходило восемь сраженій. Въ 1239 году подъ Черниговъ подступили татары и осадили его. Несмотря на все мужество, съ какимъ отстаивали черниговцы свой городъ, татары одолѣли, взяли городъ, выжгли его, а людей или избили, или увели въ плѣнъ. Только немногимъ жителямъ Чернигова удалось спастись бѣгствомъ: по уходѣ татаръ они воротились на свои пепелища и снова заселили ихъ. Но съ этихъ поръ значеніе Чернигова пало окончательно: онъ пересталъ быть центромъ особаго княжества и причислился къ Брянскому княжеству. Затѣмъ Черниговъ вмѣстѣ со всѣмъ лѣвымъ побережьемъ Днѣпра перешелъ подъ власть Литвы. Въ это время онъ подвергся опустошенію отъ моровой язвы или «черной смерти». Затѣмъ, послѣ столѣтія болѣе или менѣе спокойнаго существованія, онъ въ 1493 году былъ опустошенъ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Такому же бѣдствію подвергся онъ и въ 1497 году. Сдѣлавшись пограничнымъ городомъ московскаго и польско-литовскаго государства, Черниговъ съ этихъ поръ сталъ

предметомъ постоянной борьбы этихъ государствъ, длившейся почти 185 лѣтъ. Въ 1503 году поляки и литовцы сожгли укрѣпленія черниговскія, а въ 1513 году такая же опасность угрожала ему отъ крымцевъ. Въ виду этого были приняты мѣры къ укрѣпленію Чернигова: онъ былъ обведенъ землянымъ валомъ, на которомъ поставлены деревянныя башни. Съ этихъ поръ



Церковь и памятникъ на «Шведской могилѣ».

до конца XVI вѣка Черниговъ былъ нѣсколько разъ осаждаемъ и разоряемъ поляками. Въ 1604 году, лишь только появился самозванецъ, черниговцы перевязали своихъ воеводъ и отправили ихъ къ Лжедимитрію. Самозванецъ занялъ черниговскую крѣпость своими войсками и самъ церемоніально вступилъ въ городъ. Со смертью Лжедимитрія Черниговъ принялъ сторону

второго самозванца. Но стоя за самозванца, Черниговъ не хотѣлъ признать власти поляковъ. Поэтому въ 1611 году онъ былъ хитростью захваченъ поляками и сожженъ. По Деулинскому договору 1618 года русское правительство формально уступило его Польшѣ. Подъ польскимъ владычествомъ Черниговъ былъ назначенъ главнымъ городомъ воеводства и получилъ право магдебургскаго суда. Затѣмъ ему были даны земли, рыбныя ловли и другія угодья. Укрѣпленія городскія были возобновлены и для защиты ихъ сформирована особая стража, подъ названіемъ «рыцарства казацкой службы», получившая вмѣсто жалованья пахатныя земли, сѣнокосные луга и земли подъ поселеніе. Черниговъ получилъ право высылать депутатовъ на сеймъ и въ коронные трибуналы. Война, поднятая Хмѣльницкимъ противъ поляковъ, сильно разразилась въ черниговскихъ предѣлахъ. Въ 1648 году казаки взяли Черниговъ и вырѣзали жившихъ въ немъ поляковъ и евреевъ. По Зборовскому договору Черниговъ былъ включенъ въ число городовъ, вполнѣ подчиненныхъ гетману и сдѣлался *полковымъ* городомъ. Во время слѣдующаго



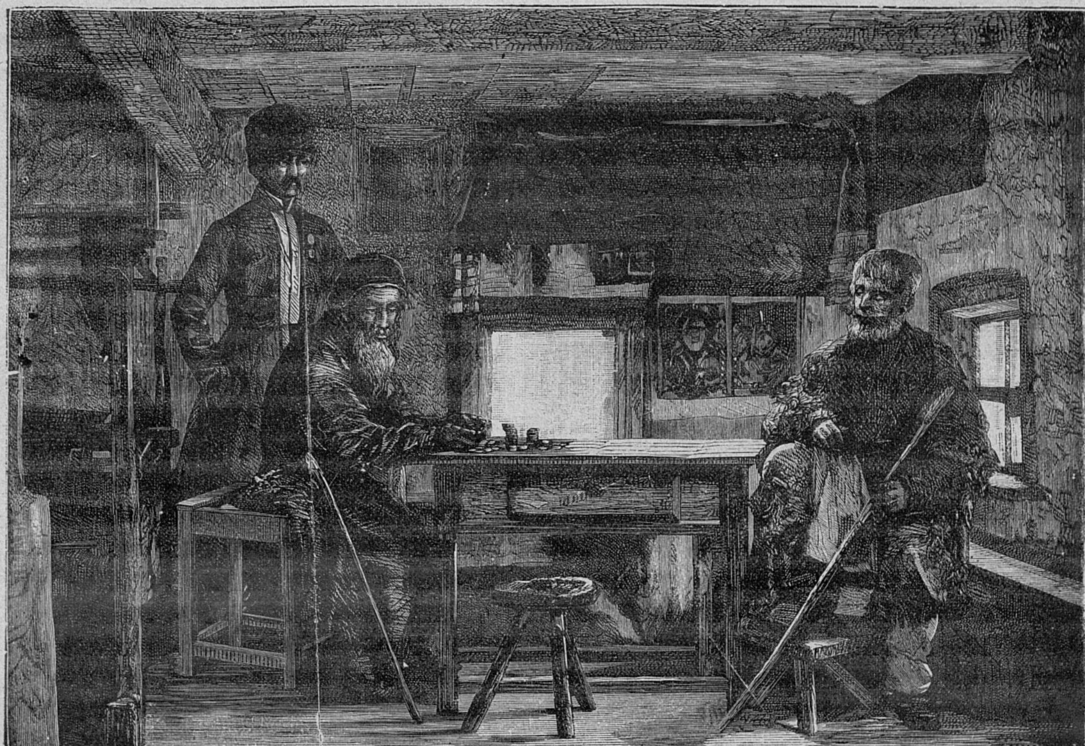
Видъ памятника на «Шведской могилѣ», открытаго 11 сентября 1895 г.

возстанія казаковъ Радзивилъ осадилъ Черниговъ, но, встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны казаковъ, долженъ былъ отступить. Въ 1654 году Черниговъ, вмѣстѣ со всею Малороссіею, былъ присоединенъ къ Россіи и принесъ, въ присутствіи царскихъ бояръ, торжественную присягу на вѣрность. Царь Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ Чернигову право магдебургскаго суда и самоуправленія. По смерти Богдана Хмѣльницкаго, Черниговъ номинально поступилъ подъ власть Польши, но фактически онъ съ этихъ поръ навсегда остался за Россіею. Формально и окончательно Черниговъ утвержденъ за Россіею въ 1686 году при заключеніи въ этомъ году мира съ Польшею. Въ 1711 и 1712 гг. Черниговъ до того пострадалъ отъ моровой язвы, что совершенно опустѣлъ. 1718, 1750 и 1773 годы въ исторіи Чернигова памятны опустошительными пожарами и наводненіемъ р. Стрижня. Въ 1781 г. Черниговъ былъ назначенъ главнымъ городомъ черниговскаго намѣстничества, а въ 1796 г. губернскимъ городомъ Малороссійской губерніи, переименованной въ 1802 г. въ Черниговскую.

Въ настоящее время Черниговъ представляетъ собою небольшой городокъ, уступающій

многимъ уѣзднымъ. Жителей онъ имѣетъ немного болѣе 15,000. Никакой особенной торговой и промышленной дѣятельности въ немъ не замѣтно. Несмотря на то, что рѣка Десна, при которой расположенъ Черниговъ, не представляетъ около него никакихъ затрудненій судоходству, у Чернигова суда рѣдко останавливаются и для ихъ стоянки нѣтъ даже порядочныхъ приспособленій. Желѣзныя дороги совершенно обошли Черниговъ. Въ городѣ бываетъ четыре ярмарки, но обороты ихъ незначительны. Обрабатывающая промышленность города ограничивается лишь водочнымъ дѣломъ, приготовленіемъ сальныхъ свѣчей и т. п. Словомъ, въ настоящее время Черниговъ принадлежитъ къ типу довольно многочисленныхъ на Руси городовъ, которые держатся исключительно благодаря тому обстоятельству, что въ нихъ находятся административныя учрежденія и учебныя заведенія.

Мѣстоположеніе Чернигова довольно живописное. Онъ раскинулся на значительномъ про-



Типы Полтавской губерніи: староста, еврей и солдатъ.

странствѣ по правому возвышенному берегу р. Десны, среди садовъ и рощъ. Десна протекаетъ въ полуверстѣ отъ самаго города; обыкновенно ширина ея не превышаетъ 100 саженей, но во время полноводья она затопляетъ лѣвый берегъ и разливается иногда на 8—10 верстъ въ ширину. Въ этомъ случаѣ городъ кажется стоящимъ на берегу моря. Кромѣ Десны, черезъ Черниговъ протекаетъ р. Стрыжень, раздѣляющая его на двѣ неравныя части. Самый городъ состоитъ изъ пяти частей: собственно города и предмѣстій Ковалевки, Березокъ, Лѣсковицы и Московской слободы. Улицы Чернигова широки и прямы; нѣкоторыя изъ нихъ обсажены тополями, но зато почти всѣ грязны. Городъ вообще застроенъ мало и зданія его довольно скромны. Изъ нихъ выдѣляются только нѣсколько общественныхъ зданій. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ соборы—Успенскій, Борисоглѣбскій и Спасо-Преображенскій. Троицкій соборъ стоитъ

по срединѣ Троицкаго Ильинскаго монастыря; онъ—греко-византійской архитектуры. При монастырѣ есть колокольня въ 82 аршина вышины; она видна болѣе нежели за 20 верстъ отъ города. Въ томъ же монастырѣ находятся пещеры, устроенныя преподобнымъ Антоніемъ. Соборъ Спаса-Преображенія, по преданію, основанъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовало языческое капище. Церковь эта была заложена въ 1024 г. и окончена постройкой въ 1053. Храмъ этотъ, уцѣлѣвшій отъ столь древнихъ временъ, представляетъ собою рѣдкій памятникъ древняго греческаго зодчества. Изъ другихъ историческихъ памятниковъ Чернигова должно отмѣтить слѣды укрѣпленія древняго замка, нынѣ такъ называемый «Константиновскій садъ», нѣсколько кургановъ на Болдинской горѣ, по направленію отъ Ильинскаго монастыря къ Чернигову, и два кургана въ самомъ городѣ, возлѣ Елецкаго монастыря. По преданію, одинъ изъ этихъ кургановъ поставленъ надъ могилою князя Чернаго, а другой — надъ гробомъ его дочери.

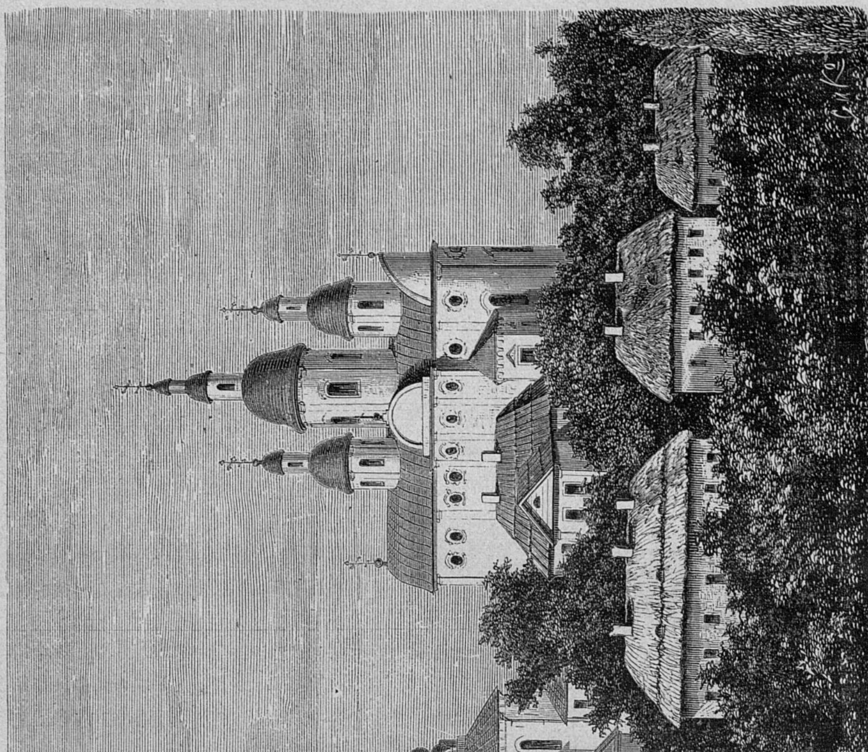
Изъ уѣздныхъ городовъ лѣвобережной Украины заслуживаютъ вниманія частію по-своему историческому прошлому, частію по важному значенію въ современной экономической жизни юга Россіи: *Новгородъ-Сѣверскъ, Нѣжинъ* и *Остеръ* — Черниговской губерніи, *Ромны* и *Кременчугъ*—Полтавской и *Ахтырка*—Харьковской.



Школа въ Хоролѣ, Полтавской губерніи

Новгородъ-Сѣверскъ — городъ по-преимуществу историческій. Современное значеніе его крайне ничтожно, тогда как въ прошломъ онъ игралъ видную роль въ русской исторіи. Время возникновенія его совсѣмъ неизвѣстно; въ лѣтописяхъ онъ упоминается въ первый разъ подъ 1141 годомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ существовалъ задолго до этого времени. Названіе Сѣверскаго онъ получилъ въ отличіе отъ многихъ другихъ Новгородовъ, бывшихъ въ древней Руси: Новгородъ-Сѣверскій значило — расположенный въ землѣ сѣверянъ. Въ XII ст. Новгородъ-Сѣверскій былъ уже стольнымъ городомъ особаго, довольно обширнаго Сѣверскаго княжества, заключавшаго въ себѣ части нынѣшнихъ Черниговской, Курской и Орловской губерній. Въ теченіе всей второй половины XII вѣка Новгородъ-Сѣверскъ служилъ предметомъ безпрерывнаго ряда войнъ между русскими князьями и постоянно переходилъ изъ рукъ въ руки. Самый замѣчательный изъ новгородсѣверскихъ князей былъ Игорь Святославовичъ, герой «Слова о полку Игоревѣ». Съ переходомъ Новгорода-Сѣверскаго къ Москвѣ, онъ былъ обращенъ въ сильную крѣпость, защищавшую государство и отъ татаръ, и отъ литовцевъ. Въ періодъ междуцарствія Новгородъ-Сѣверскъ игралъ видную роль. Сюда прежде всего направился первый самозванецъ, но былъ встрѣченъ чрезвычайно сильнымъ сопротивленіемъ. Надъ крѣпостью тогда командовалъ любимецъ Годунова, Басмановъ. Осада шла полтора мѣсяца, но въ концѣ концовъ самозванецъ долженъ былъ отступить. Затѣмъ самозванецъ еще нѣсколько разъ посылалъ войска къ Новгороду, но они всякій разъ были отбиваемы. Со смертью Годунова, Басмановъ покорился самозванцу и Новгородъ-Сѣверскъ сдался. Когда погибъ Лжедимитрій, Новгородъ-Сѣверскій сталъ на сторону второго самозванца. Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича, Новгородъ присягнулъ новому царю и оставался въ его власти до 1618 г. За все это время городъ не разъ подвергался всякимъ опустошеніямъ и разореніямъ. Въ 1618 году, при заключеніи Деулинскаго перемирія, царь вынужденъ былъ уступить Новгородъ полякамъ. Въ это время городъ получилъ отъ польскаго короля право магдебургскаго суда и разныя другія при-

вилегіи. Въ 1632 году Новгородъ былъ захваченъ московскимъ воеводою Болтинымъ, причемъ были сожжены пригородные посады и перебиты литовскіе жители, но при заключеніи договора въ Вязьмѣ, въ 1634 году, Новгородъ снова отошелъ къ Польшѣ. При возстаніи Бог-

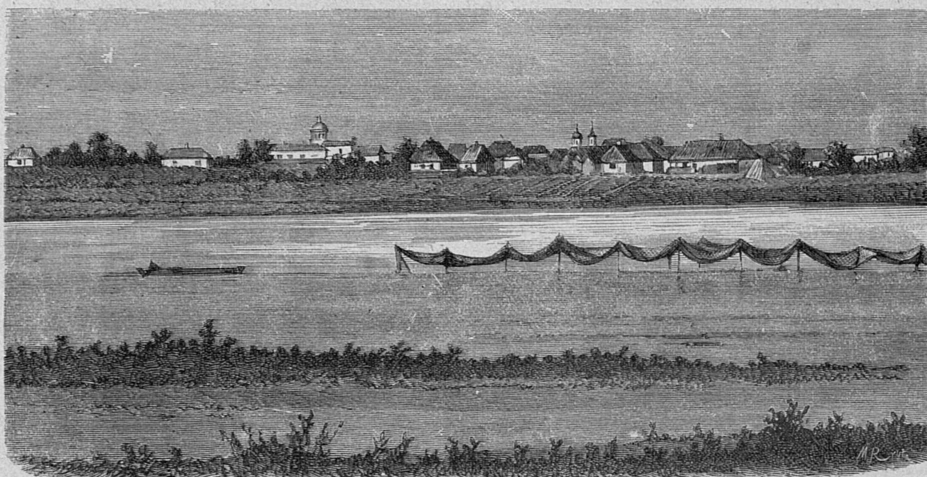


Видъ Золотоношскаго Красногорскаго монастыря, Полтавской губерніи.

дана Хмѣльницкаго жители Новгорода-Сѣверскаго приняли его сторону и вмѣстѣ съ казаками брали новгородсѣверскую крѣпость, въ которой засѣли поляки. Послѣ этого Новгородъ, вмѣстѣ со всею гетманщиною, перешелъ въ подданство царя. Въ смутный періодъ, наступив-

шій въ Малороссіи послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго, Новгородъ-Сѣверскій подвергся неоднократнымъ бѣдствіямъ. При вступленіи шведовъ въ Малороссію, Мазепа надѣялся принять Карла XII въ Новгородѣ и потому хорошо укрѣпилъ его, но городъ не достался шведамъ, такъ какъ сотникъ Журавка и протопопъ Лисовскій успѣли извѣстить Петра I объ измѣнѣ Мазепы и Петръ во-время занялъ городъ своими войсками. Петръ наградилъ Журавку полковничьимъ чиномъ, а протопопа сдѣлалъ новгородскимъ сотникомъ: «и сей съ приписью протопопъ по воскресеньямъ служилъ въ церкви, въ епитрахили, а въ прочіе дни присутствовалъ въ сотенномъ правленіи при саблѣ». Съ этихъ поръ Новгородъ-Сѣверскій вошелъ въ составъ Черниговскаго, а потомъ Стародубскаго полка. Въ 1781 г. онъ былъ назначенъ главнымъ городомъ особаго намѣстничества, а съ 1797 г. обращенъ въ уѣздный.

Таково бурное, полное событіями прошлое Новгорода-Сѣверскаго. Въ настоящее время, это—небольшой, глухой уѣздный городокъ, имѣющій около семи тысячъ жителей и отличающійся отъ другихъ подобныхъ городковъ тѣмъ, что онъ, въ числѣ немногихъ уѣздныхъ городовъ, имѣетъ гимназію. Промышленность и торговля его ничтожны. Онъ имѣетъ лишь нѣсколько небольшихъ кирпичныхъ заводовъ, кожевенный и свѣчной. Жители существуютъ

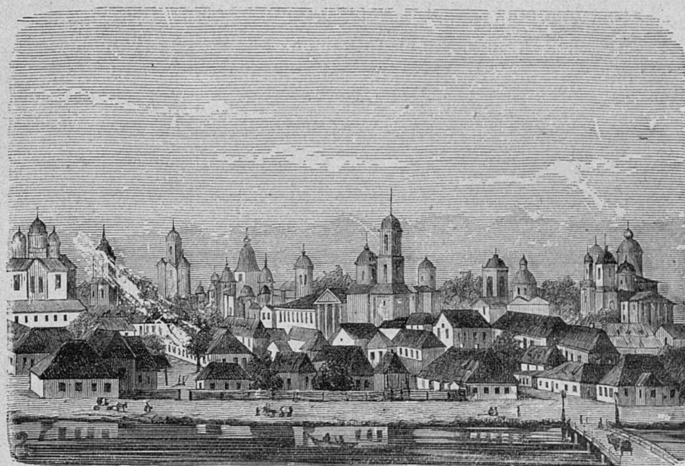


Городъ Остеръ, Черниговской губерніи.

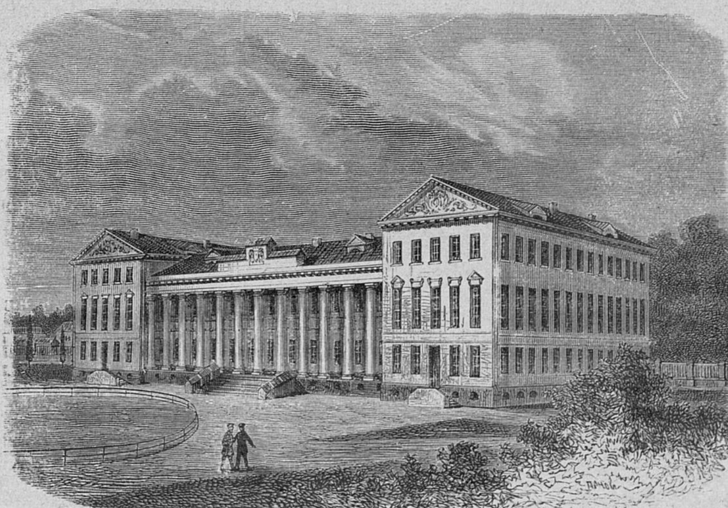
хлѣбопашествомъ и добываніемъ извести и камня на берегу рѣки Десны. Городская пристань на Деснѣ отпускаетъ всего товаровъ на сумму около 50,000 рублей.

Городъ расположенъ на правомъ берегу Десны и раздѣляется ручьемъ на двѣ части: собственно городъ и Заручье. Мѣстоположеніе города очень живописно, особенно, если смотрѣть на него изъ-за Десны, откуда городъ представляется весь въ садахъ и зелени. Изъ историческихъ памятниковъ Новгорода-Сѣверска, обращаютъ на себя вниманіе Успенскій соборъ, начатый постройкою въ царствованіе Алексѣя Михайловича, тріумфальныя ворота, воздвигнутыя въ честь проѣзда черезъ Новгородъ-Сѣверскъ императрицы Екатерины II, и въ особенности Спасо-Преображенскій монастырь. Послѣдній представляетъ собою обширное и великолѣпное зданіе, расположенное въ четверти версты отъ города, на берегу Десны. Монастырь основанъ первыми новгородъ-сѣверскими князьями Владиміромъ и Изяславомъ, владѣвшими Новгородъ-Сѣверскомъ съ 1127 по 1136 годъ. Замѣчательнѣйшія зданія монастыря—каменная соборная церковь Преображенія Господня, построенная въ царствованіе Екатерины II, въ итальянскомъ вкусѣ, по плану архитектора Гваренги, и каменная колокольня—готическое зданіе, имѣющее около 20 саженей высоты.

Другой городъ Черниговской губерніи—«*Нѣжинъ*»—сравнительно новый городъ. Хотя многіе историки и возводятъ начало Нѣжина къ первому періоду русской исторіи, видя его то въ упоминаемомъ лѣтописями урочищѣ Нѣжатиной-Нивѣ, то въ городѣ Нажатинѣ, разоренномъ въ 1135 г. половцами, то, наконецъ, въ городкѣ Унѣжѣ или Уненѣжѣ, но всѣ эти догадки довольно произвольны. Подлинная исторія Нѣжина начинается лишь съ началомъ казачества. Съ этого времени имя Нѣжина начинаетъ часто появляться на страницахъ южно-русскихъ лѣтописей и онъ становится въ ряду главнѣйшихъ городовъ гетманщины. Сначала онъ является сборнымъ пунктомъ цѣлаго округа, а потомъ переименовывается въ полковой городъ. Въ 1625 году польскій король Сигизмундъ III даровалъ Нѣжину права магдебургскаго суда, а слѣдующею граматою утвердилъ за Нѣжиномъ владѣніе землею, количество которой превышаетъ нынѣшнюю нѣжинскую городскую землю едвали не сто разъ. Нѣжинцы, однако, всегда тяготились польскимъ владычествомъ, чему много содѣйствовали поселившіеся въ Нѣжинѣ іезуиты своею пропагандою католичества. Вслѣдъ за первыми побѣдами Богдана Хмѣльницкаго, въ Нѣжинѣ поднялось русское населеніе и началось безпощадное истребленіе пановъ, ксендзовъ и жидовъ. По Зборовскому договору Нѣжинъ сдѣланъ главнымъ мѣстомъ управленія «Нѣжинскаго всего сѣвера» полка. Въ то время Нѣжинъ былъ хорошо укрѣпленный городъ и имѣлъ до 1,200 казаковъ, не считая прочихъ обывателей города. Внутреннее управленіе города находилось въ рукахъ магистрата, состоявшаго изъ членовъ, избираемыхъ жителями города, подъ предсѣдательствомъ войта, назначаемаго королемъ. Магистратъ обладалъ какъ административною, такъ и судебною властью. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ, права и привилегіи Нѣжина были утверждены за нимъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1659 году подъ Нѣжиномъ происходило сраженіе царскихъ войскъ съ Выговскимъ. Въ 1663 г. въ Нѣжинѣ происходилъ общій



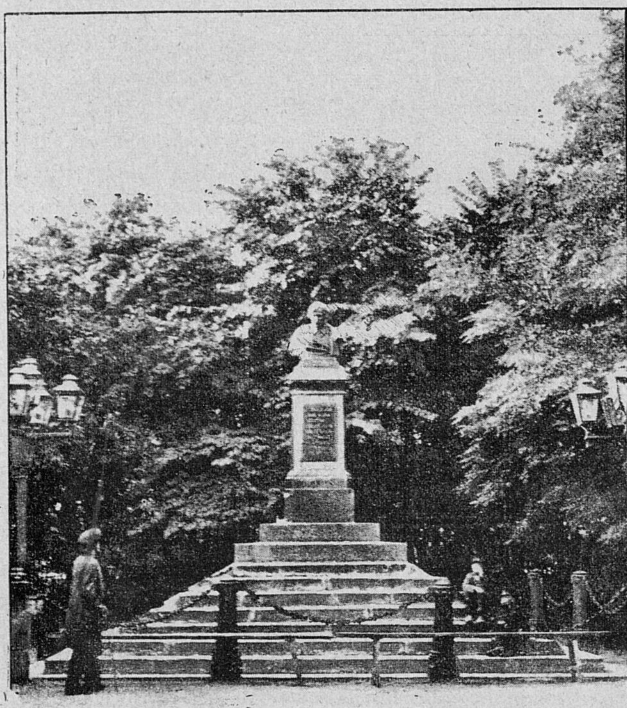
Городъ Нѣжинъ, Черниговской губерніи.



Нѣжинскій лицей.

съѣздъ для выбора гетмана, окончившійся кровавымъ избраніемъ Брюховецкаго. Въ 1668 г. городъ былъ сожженъ русскими войсками въ наказаніе за то, что не хотѣлъ впустить царскаго воеводу. Съ этихъ поръ Нѣжинъ уже не подвергался военнным бѣдствіямъ и скоро оправился. Уже въ началѣ XVIII ст. онъ является цвѣтущимъ городомъ, однимъ изъ лучшихъ городовъ Малороссіи. Онъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ, имѣлъ монастырь, семь приходскихъ церквей и каменные торговые ряды.

Главное значеніе Нѣжина заключалось въ обширной торговлѣ, которую онъ велъ съ Востокомъ съ одной стороны и съ Кіевскою и Московскою Русью съ другой. Торговое значеніе Нѣжина обусловливалось прежде всего его географическимъ положеніемъ. Расположенный на южной окраинѣ Россіи, онъ стоялъ на большой торговой дорогѣ, которая шла изъ южныхъ частей Россіи на сѣверъ, изъ Кіева въ Москву; съ другой стороны, дорога съ Запада, изъ-за границы, на югъ и юго-востокъ Россіи шла также черезъ Нѣжинъ. Отсюда важное торгово-экономическое значеніе Нѣжина въ теченіе XVII, XVIII и даже первой половины настоящаго столѣтія, когда, до проведенія желѣзныхъ дорогъ по югу Россіи, въ Нѣжинъ стекались произведенія значительной части Черниговской губерніи, прилегающихъ частей Полтавской и даже Курской. Но, кромѣ выгоднаго географическаго положенія, развитію и возвышенію Нѣжина, какъ важнаго торговаго центра, много содѣйствовали такъ называемые *нѣжинскіе греки*. Греки издавна селились въ южной Руси, избѣгая угнетенія турокъ. Есть преданіе, что много грековъ поселилось въ Переяславѣ и Батуринѣ, откуда, вслѣдствіе какихъ-то неудовольствій, они должны были удалиться и перебрались въ Нѣжинъ. При Богданѣ Хмѣльницкомъ здѣсь уже было столько грековъ, что они составляли особое общество, которому, въ виду его важности для торгово-экономической жизни края, знаменитый гетманъ предоставилъ двумя универсалами въ 1657 году свободу отъ всѣхъ службъ и тягостей, изъялъ отъ зависимости полковникамъ и городовому магистрату и далъ право разбора собственнымъ судомъ возникавшихъ между ними купеческихъ дѣлъ. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи права и привилегіи нѣжинскихъ грековъ были сохранены и торжественно подтверждены грамотою Петра Великаго отъ 1710 года. Послѣднее обстоятельство привлекло въ Нѣжинъ много новыхъ греческихъ выходцевъ изъ Валахіи, Болгаріи и другихъ частей тогдашней Турціи. Нѣжинъ сталъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ азіатскихъ и европейскихъ товаровъ для всей южной Россіи. Сюда шли изъ Турціи и Архипелага бакалейные товары, табакъ и вино, изъ Астрахани и Крыма—соль и рыба, изъ Сибири—пушной товаръ, изъ Венеціи—бархатъ, изъ Лейпцига, Данцига и Бреславля—сукна и галантерейные товары. Сюда съѣзжались купцы изъ



Памятникъ Гоголю въ Нѣжинскомъ саду.

западной Европы, изъ Греціи, Турціи и Персіи. Городъ богатѣлъ и развивался. Развивалась и внутренняя жизнь нѣжинскаго греческаго общества, при томъ на крайне оригинальныхъ началахъ. Такъ, въ концѣ XVII вѣка здѣсь при церкви Архангела Михаила образовалось братство, получившее характеръ судебной инстанціи для разбора дѣлъ и споровъ въ торговыхъ дѣлахъ между членами братства, а также между ними и ихъ прислугою и рабочими. Введеніе городового положенія при Екатеринѣ II, въ 1785 году, не коснулось самоуправленія нѣжинскаго греческаго общества. Екатерина подтвердила всѣ прежнія грамоты, даровавшія нѣжинскимъ грекамъ права и привилегіи, и только преобразовала судебное братство въ Нѣжинскій Греческій магистратъ, оставивъ въ немъ прежнихъ судей братства. Этотъ магистратъ существовалъ до 1870 г., т.-е. до введенія существующаго нынѣ городового положенія.

Въ концѣ XVIII ст. нѣжинское греческое общество насчитывало до 900 членовъ. Общее число жителей Нѣжина достигало болѣе нежели 11 тысячъ. Здѣсь было два монастыря, болѣе десяти церквей и 1 костелъ. Это было время наивысшей славы Нѣжина и высшаго развитія его торговли. Съ этого времени значеніе его начинаетъ падать. Расширеніе нашихъ южныхъ границъ лишило Нѣжинъ выгоднаго положенія пограничнаго города и создало на югѣ цѣлый рядъ торговыхъ пунктовъ, куда и перешла нѣжинская торговля. Нѣжинскіе комерсанты-греки, продолжая жить въ Нѣжинѣ, перенесли свою торговую дѣятельность въ другія мѣстности Россіи и даже за границу или совсѣмъ выселились изъ Нѣжина. Какъ сильна была эмиграція нѣжинскихъ грековъ, можно видѣть изъ того, что къ 1858 году изъ 1761 души, принадлежавшихъ къ нѣжинскому греческому обществу, въ Нѣжинѣ осталось всего двѣсти душъ. Въ настоящее время нѣжинскіе греки могутъ именоваться греками лишь только «оффиціально»: они забыли греческій языкъ, усвоили себѣ права малороссовъ и, вслѣдствіе кровнаго смѣшенія съ мѣстнымъ населеніемъ, утратили и физическія особенности своего племени.

Въ настоящее время Нѣжинъ представляетъ собою довольно значительный уѣздный городъ, имѣющій около 25,000 жителей, но въ то же время довольно глухой. Извѣстенъ онъ главнымъ образомъ по своему историко-филологическому институту, образовавшемуся изъ лицея князя Безбородка, да по «нѣжинскимъ *корешкамъ*», т.-е. махоркѣ. Осталось только нѣсколько предметовъ, напоминающихъ о прежнемъ величіи Нѣжина. Изъ числа этихъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе: капиталъ въ 152 тысячи, находящійся въ распоряженіи городской думы и образовавшійся изъ пожертвованій нѣжинскихъ грековъ-богачей, старые греческіе дома и нѣсколько древнихъ церквей. Греческіе дома построены необыкновенно прочно, съ толстѣйшими каменными стѣнами и желѣзными рѣшетками; въ стѣнахъ такихъ домовъ повсюду встрѣчаются ниши и потайные ящики, гдѣ очевидно греки хранили свои богатства. Изъ церквей обращаетъ на себя особенное вниманіе Греческая церковь, построенная въ 1725 году и отличающаяся легкою и красивою архитектурою въ византійскомъ стилѣ, съ высокой, оканчивающейся высокимъ шпицемъ, колокольней.

Внѣшній видъ Нѣжина не представляетъ ничего особенно привлекательнаго. Отличительная черта города—грязь. Грязь эта начинаетъ преслѣдовать посѣщающихъ Нѣжинъ съ самаго вокзала желѣзной дороги, отстоящаго отъ города на 4 версты. Въ осеннее время по дорогѣ отъ вокзала къ городу колеса экипажей врѣзываются въ почву выше ступицъ, а ноги лошадей уходятъ въ нее выше колѣнъ. Сообщеніе города съ вокзаломъ тогда дѣлается крайне затруднительнымъ и переѣздъ отъ вокзала въ городъ составляетъ цѣлое событіе. Та же грязь составляетъ отличительную черту улицъ и внутри города. Спасенія отъ этой грязи нѣтъ никакого: только на нѣкоторыхъ главныхъ улицахъ вдоль домовъ и заборовъ лѣпятся коекакіе досчатые тротуары; перейти же улицу значитъ запачкать ноги до колѣнъ. Протекающая черезъ городъ рѣчка Остеръ лѣтомъ покрывается плѣсенью, заростаетъ ряскою и пріобрѣтаетъ грязно-зеленый цвѣтъ. Центръ города составляетъ, такъ-называемая, «Мостовая» улица, она же «Московская». Улица эта нѣкогда имѣла бревенчатую мостовую, но отъ нея теперь

остались лишь жалкіе остатки: многія бревна въ этой архаической мостовой совсѣмъ уничтожились и по ней во время грязи образуются такія рытвины, что всѣ тогда стараются объѣзжать эту мостовую. «Мостовая» улица начинается съ Соборной площади и продолжается Милліонной улицей. На этихъ улицахъ находятся лучшіе дома, лучшіе магазины и т. п.

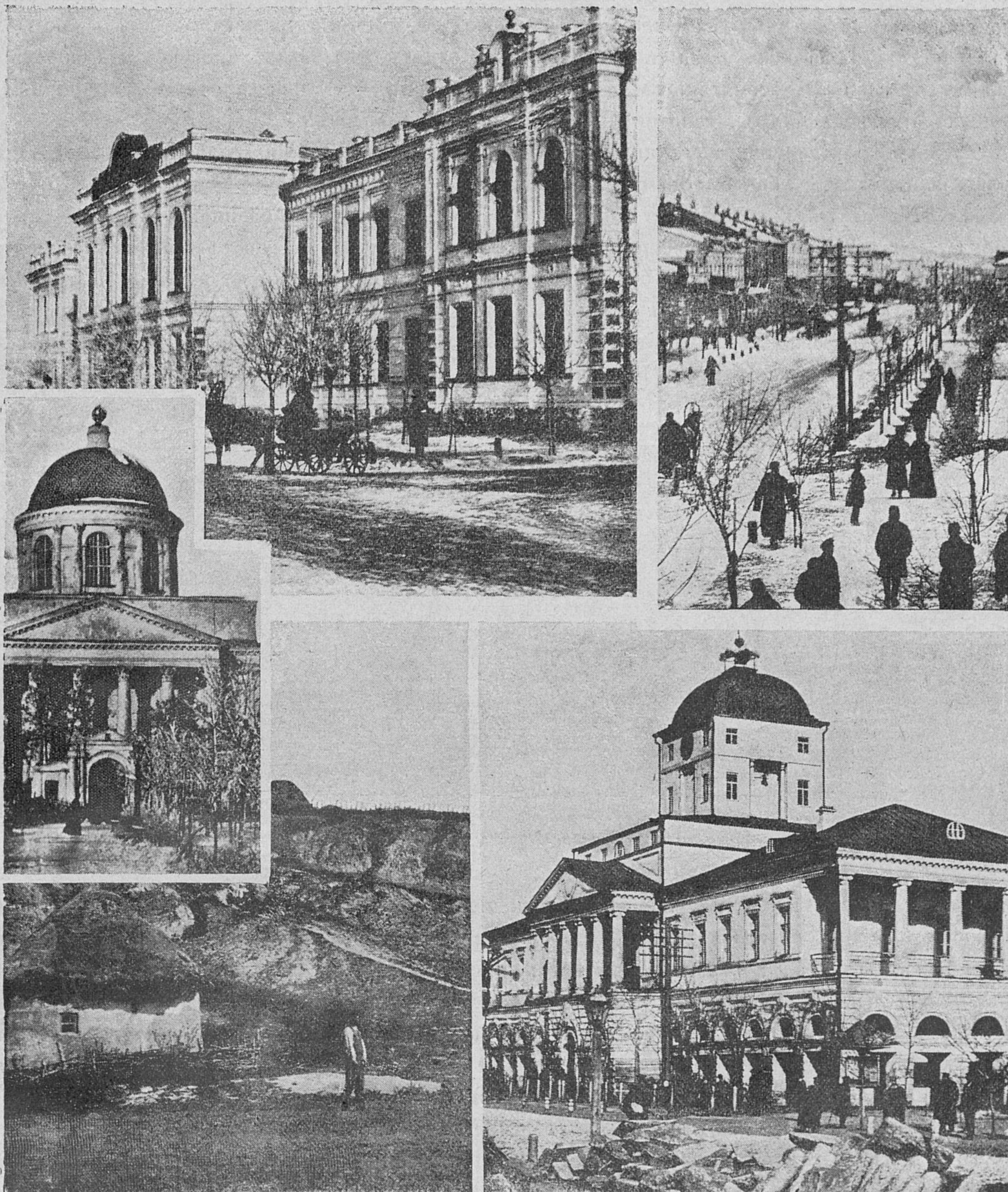
На Соборной площади разбитъ скверъ, пока еще молодой, представляющій въ настоящее время мѣсто гулянія нѣжинской публики. Скверъ этотъ недавно украшенъ бюстомъ безсмертнаго нѣжинца, Н. В. Гоголя.

Главную массу жителей Нѣжина составляютъ малоруссы; остальные, отъ двухъ до трехъ тысячъ, евреи. Пространство Нѣжина и количество его населенія значительно увеличиваются предмѣстьями, имѣющими совершенно сельскій, а не городской характеръ: населеніе ихъ занимается попреимуществу хлѣбопашествомъ, табаководствомъ и огородничествомъ. Собственно городская промышленность въ Нѣжинѣ развита слабо, а въ предмѣстьяхъ ея и совсѣмъ нѣтъ. Изъ кустарныхъ промысловъ можно указать только на производство въ значительныхъ размѣрахъ «скрынь», или деревянныхъ сундуковъ, и деревянной посуды. Но собственно нѣжинскую промышленность, дающую ему своеобразную извѣстность, составляютъ приготовленія разныхъ соленій и табакаводство. Нѣжинскіе соленые огурцы и маринованные сливы, вишни, грибы и тому подобные продукты извѣстны по всему Югу, а также и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Гастрономы убѣждены, что подобныхъ соленій нигдѣ въ Европѣ не могутъ приготовить кромѣ Нѣжина. Въ послѣднее время нѣжинскихъ соленій производилось въ годъ до 42 тысячъ боченковъ. Но еще болѣе дохода приноситъ горожанамъ табаководство. Всего городъ производитъ до 100,000 пудовъ табаку, преимущественно махорки. Торговля Нѣжина незначительна. Нѣжинскій вокзалъ отпускаетъ ежегодно до 200,000 пудовъ табаку, частью городского, а частію привозимаго изъ уѣзда. Въ городѣ ежегодно бываетъ четыре ярмарки, по преимуществу «черныя», т.-е. торгующія чернымъ товаромъ: скотомъ, хлѣбомъ и вообще сырьемъ и продуктами мѣстной кустарной промышленности. Обороты ярмарокъ не превышаютъ десятковъ тысячъ рублей.

Два города Полтавской губерніи, Кременчугъ и Ромны, представляютъ, по своему прошлому и настоящему значенію прямую противоположность описаннымъ городамъ Черниговской губерніи: на сколько славно прошлое Новгорода-Сѣверска и Нѣжина, и ничтожно ихъ настоящее значеніе, на столько маловажно прошлое Кременчуга и Роменъ, и не велико ихъ современное экономическое значеніе. Время основанія Кременчуга не извѣстно; въ исторіи онъ появляется лишь во второй половинѣ XVI ст. Въ 1559 году, въ царствованіе Іоанна Грознаго, воевода Данила Адашевъ посадилъ здѣсь на лодки 8000 человѣкъ и спустилъ къ устью Днѣпра для нападенія на Крымъ. Бопланъ, французъ-инженеръ польской службы, оставившій описаніе Украины, осматривалъ Кременчугъ въ 1655 году и отзывается о немъ, какъ о городѣ хорошемъ для жизни и довольно красивомъ. Въ 1663 году Кременчугъ былъ выжженъ татарами гетмана Брюховецкаго. Въ началѣ XVII ст. Кременчугъ былъ сотеннымъ городомъ Миргородскаго полка, а съ устройствомъ въ здѣшней мѣстности военныхъ поселеній изъ сербовъ, вышедшихъ изъ Венгріи, сталъ ротнымъ городомъ. Въ 1704 году Кременчугъ объявленъ губернскимъ городомъ Новороссійской губерніи. Уѣзднымъ городомъ онъ сталъ съ 1784 года.

Таково немногосложное прошлое Кременчуга, настоящее его совсѣмъ иное. Въ настоящее время Кременчугъ, съ прилегающимъ къ нему посадомъ Крюковымъ, представляетъ собою хорошо обстроенный, богатый торговый городъ, имѣющій до 35,000 жителей. Въ это число входятъ только постоянные жители. Лѣтомъ же, съ открытіемъ навигаціи, число его жителей значительно увеличивается массою наѣзжающихъ отовсюду торговыхъ людей и множествомъ рабочихъ, ищущихъ работы на Кременчугской пристани. Кременчугская пристань одна изъ самыхъ важныхъ пристаней на Днѣпрѣ. Выгодное географическое положеніе города на границѣ четырехъ губерній (Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Кіевской) и

на срединѣ между устьемъ Днѣпра и высшею точкою, съ которой начинается по немъ судоходство, сдѣлало изъ Кременчуга важный торговый пунктъ. Кременчугъ является средоточіемъ сбыта сельскихъ произведеній какъ своей губерніи, такъ и сосѣднихъ. Отсюда отправляется



Реальное училище.
Каѳедральный соборъ.
Хуторъ въ окрестностяхъ Кременчуга.

Екатеринославская улица.
Городская дума.

Городъ Кременчугъ (Полт. губ.) и его виды.

внизъ по Днѣпру хлѣбъ, льняное сѣмя, деревянная посуда, спиртъ и т. п. Въ свою очередь въ Кременчугъ доставляются съ сѣвера по Днѣпру деготь, смола, лѣсъ, известь, а съ юга соль, преимущественно изъ Крыма. Изъ Кременчуга эти товары распространяются по Полтавской

губерніи и прилегающимъ частямъ сосѣднихъ. Съ тѣхъ поръ какъ чрезъ Кременчугъ прошла желѣзная дорога, соединяющая Харьковъ съ Одессою и Николаевымъ, городъ значительно разросся и съ каждымъ годомъ увеличивается. Торговое значеніе его, благодаря удобствамъ воднаго и сухопутнаго сообщеній, поднимается. Обрабатывающая промышленность города тоже развивается; въ немъ возникло много паровыхъ заведеній и число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Здѣсь есть машинный и литейный заводъ, нѣсколько паровыхъ мукомольныхъ мельницъ, нѣсколько лѣсопильныхъ, водочныхъ, кожевенныхъ, пивоваренныхъ, кирпичныхъ, свѣчныхъ, мыловаренныхъ, салотопенныхъ и другихъ заводовъ.

Особенность Кременчуга составляютъ наводненія, производимыя разливомъ Днѣпра и причиняющія громадные убытки. Значительнѣйшія изъ этихъ наводненій были въ 1789, 1820, 1845 и 1877 годахъ. Въ 1845 году Днѣпръ возвысился надъ обыкновеннымъ уровнемъ до 10 аршинъ и разлился по низкому берегу Полтавской губерніи до 10 верстъ. Кромѣ Кременчуга было затоплено 61 село. Убытки были громадные: затоплено и забито пескомъ до 5,000 десятинъ пахатной земли; домовъ въ селеніяхъ было затоплено 10,849, изъ нихъ повреждено 3,970, совсѣмъ снесено 576. Въ Кременчугѣ было затоплено 1,150 домовъ; изъ нихъ повреждено 1,026, снесено 124. Убытки жителей города простирались до 631,190 рублей, да торговцы понесли на 341 т. руб. ущербу. Наводненіе 1877 г. мало чѣмъ уступало описанному наводненію. Днѣпръ поднялся только на семь вершковъ ниже, чѣмъ въ 1845 г. Почти весь городъ былъ затопленъ и сильно пострадалъ; нѣсколько десятковъ домовъ совсѣмъ разрушены, болѣе тысячи повреждены. Убытки были милліонные.



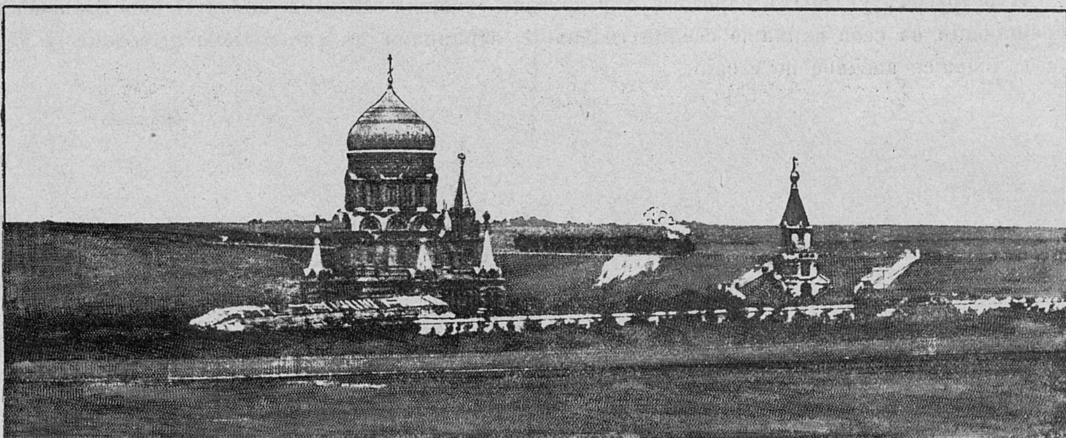
Городъ Кременчугъ, Полтавской губерніи.

Городъ Ромны принадлежитъ къ числу очень древнихъ городовъ. Въ лѣтописяхъ онъ упоминается уже подъ 1095 годомъ, въ духовной Мономаха. Видной роли Ромны никогда не играли и объ нихъ даже не осталось никакихъ извѣстій вплоть до XVII столѣтія, когда они, въ эпоху своевольнаго захвата малорусскихъ земель польскими магнатами, были захвачены въ 1604 году княземъ Корибутъ-Вишневецкимъ. Въ 1632 г. Ромны были заняты русскимъ войскомъ подъ предводительствомъ боярина Шеина. Во время возстанія Хмѣльницкаго, Ромны входили въ составъ миргородскаго полка. Зиму съ 1708 на 1709 г. здѣсь провелъ Карлъ XII и теперь въ Ромнахъ существуетъ Королевская улица, на которой была его квартира. Изъ другихъ историческихъ памятниковъ можно указать только на слѣды земляныхъ насыпей, свидѣтельствующіе о томъ, что Ромны были когда-то укрѣпленнымъ городомъ.

Въ настоящее время Ромны, несмотря не сравнительно незначительное населеніе (немного болѣе 10 тысячъ жителей), похожи скорѣе на губернскій, чѣмъ на уѣздный городъ. Онъ рас-

положенъ на трехъ холмахъ, съ востока и юга обогнутыхъ р. Сулою, а съ сѣвера ея притокомъ Ромномъ. Правильно распланированный городъ имѣетъ широкія улицы, изъ которыхъ многія обсажены старыми липами. Въ городѣ много садовъ, что придаетъ ему довольно живописный видъ. Изъ зданій замѣчательны соборная церковь св. Апостоловъ, воздвигнутая въ 1735 г., и Покровская, построенная въ 1770 году. Изъ учебныхъ заведеній Роменъ слѣдуетъ упомянуть реальное училище.

Значеніе Роменъ опредѣляется обширными торговыми оборотами города. Развитіе роменской торговли началось съ прошлаго столѣтія, когда развилось производство табаку. Въ 1742 г. роменскіе купцы уже хлопотали о дозволеніи перенести роменскія ярмарки на выгонъ съ соборной площади, которая становилась уже слишкомъ тѣсна и не могла вмѣстить всѣхъ пріѣзжающихъ на ярмарку. Дозволеніе это однако дано было лишь въ 1802 г. Главная ярмарка была Ильинская. Въ 1852 она была переведена въ Полтаву, въ видахъ поддержки этого города, въ которомъ тогда было всего около $5^1/_2$ тысячъ жителей. Ильинская ярмарка, дѣйствительно, обогатила Полтаву. Но Ромны отъ этого перевода нисколько не пострадали; второстепенныя роменскія ярмарки разрослись и нынѣ общій оборотъ ихъ доходить до 30 милліо-



Борки. Храмъ, часовня и скитъ (въ память 17-го октября)

новъ рублей. Процвѣтанію роменской торговли много содѣйствовало устройство ландварово-роменской желѣзной дороги, пересѣкающей курско-кіевскую. Въ настоящее время въ Ромны свозятся громадныя партіи табаку изъ уѣздовъ Роменскаго, Прилукскаго, Лохвицкаго и Лубенскаго, а отсюда онъ отправляется въ Ригу, Москву, на Донъ, къ берегамъ Чернаго моря и въ Сибирь.

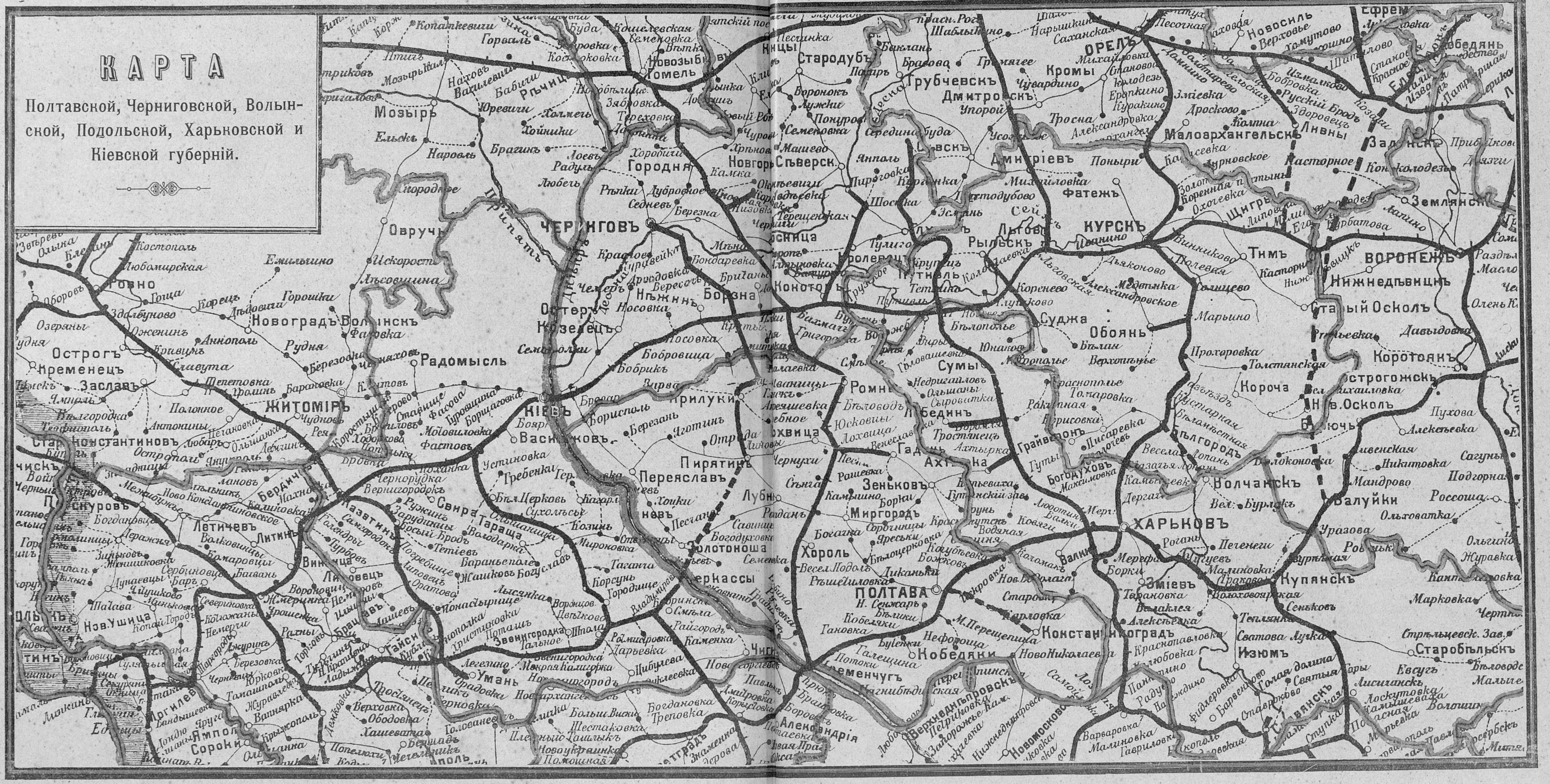
Уѣздный городъ Харьковской губерніи, Ахтырка, имѣетъ больше историческое значеніе, чѣмъ современное. Основанъ онъ въ 1641 году поляками и былъ уступленъ Россіи при размежеваніи границъ въ 1647 году. Подъ владычествомъ Москвы онъ населился черкасами, т.-е. малороссійскими выходцами, и съ 1653 г. сдѣлался главнымъ городомъ ахтырскаго казачьяго полка. Въ періодъ съ 1658 по 1668 г.г., т.-е. во время царившихъ въ Малороссіи смутъ и междоусобій, Ахтырка нѣсколько разъ подвергалась осадѣ и опустошенію, но всегда оставалась вѣрна московскому царю. За это царь далъ Ахтыркѣ и Ахтырскому полку грамату со льготами, которыя около того же времени были пожалованы всѣмъ слободскимъ казачьимъ полкамъ. По отношенію къ Московскому государству Ахтырка и ахтырскій полкъ играли роль передоваго поста, наблюдавшаго за турками, татарами и поляками и принимавшаго на

себя первые удары врага. Такія обязанности лежали на ахтырцахъ въ теченіе всего XVII столѣтія. Во время войнъ Россіи съ Турціей и Крымомъ при Софьѣ, Ахтырка была сборнымъ пунктомъ для войскъ и сами ахтырцы принимали участіе въ походахъ князя Голицына, при чемъ разъ потерпѣли чрезвычайное пораженіе у Перекопа. Во время вторженія шведовъ въ Малороссію, Ахтырка была въ опасности отъ нихъ, но дѣло ограничилось лишь тревогою да разореніемъ шведами окресностей города. Съ этихъ поръ Ахтырка уже не испытывала военныхъ треволненій.

Въ настоящее время Ахтырка имѣетъ около 20 тысячъ жителей. Промышленность ея мало развита. Здѣсь есть только нѣсколько небольшихъ заводовъ—салотопенныхъ, кирпичныхъ, экипажныхъ и т. п. Въ городѣ развито кустарное производство шерстяныхъ матерій, которыя идутъ отсюда по всей Украинѣ и потребляются хохлушками на плахты (юбки). Въ городѣ бываетъ пять ярмарокъ, главными товарами которыхъ являются хлѣбъ и скотъ. Изъ достопримѣчательностей города слѣдуетъ указать Покровскій соборный храмъ, выстроенный въ 1753 г. по плану Растрелли. Въ соборѣ—три картины Мурильо и Ахтырская икона Богоматери, привлекающая въ городъ множество богомольцевъ для поклоненія. Это стеченіе богомольцевъ въ значительной мѣрѣ поддерживаетъ благосостояніе города.

Изъ другихъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи слѣдуетъ упомянуть еще Славянскъ, обращающій на себя вниманіе своими соляными варницами и минеральными водами, и Чугуевъ, бывшее военное поселеніе.

Я. Абрамовъ.



КАРТА

Полтавской, Черниговской, Волынской, Подольской, Харьковской и Кіевской губерній.

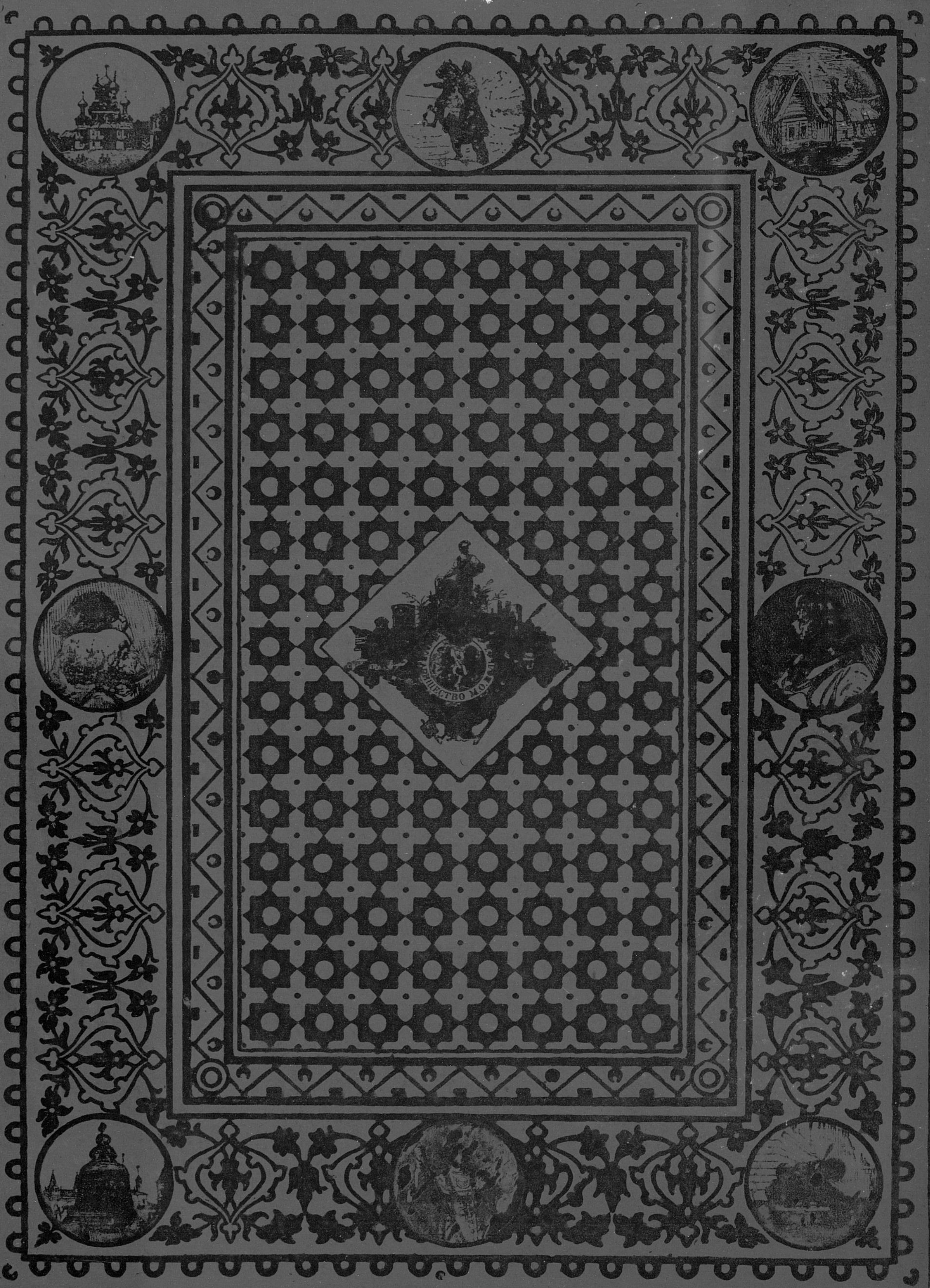
ОГЛАВЛЕНІЕ

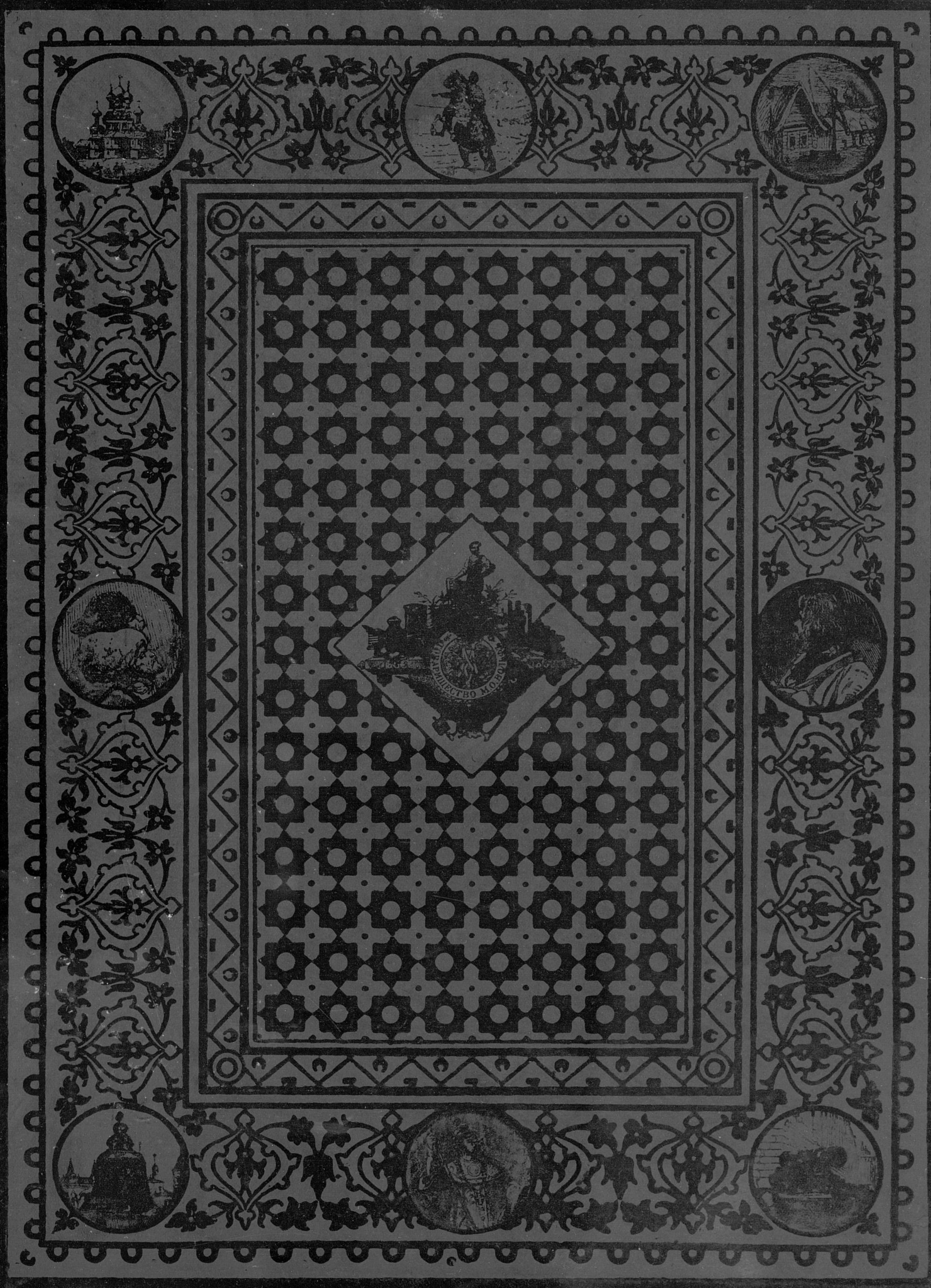
ТОМА V-го.

ЧАСТЬ I.

МАЛОРОССІЯ, ПОДОЛІЯ И ВОЛЫНЬ.







ВАРИЩЕСТВО М.О.ВО

БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «НОВЬ» НА 1897 ГОДЪ

№ 1-6. НОЯБРЬ ПО АПРѢЛЪ

ПАРОВАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.